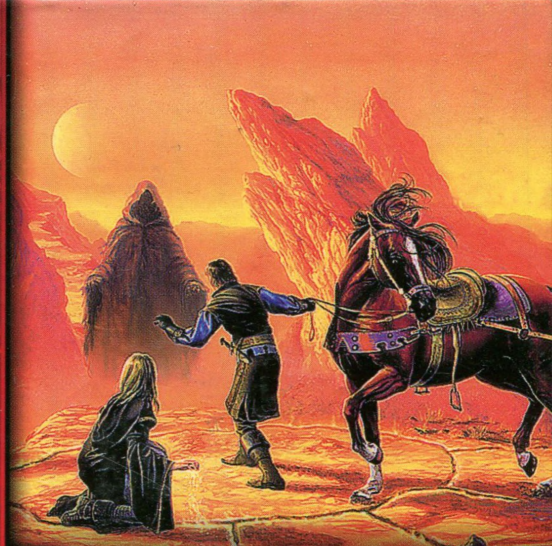

Королева демонов

Королева демонов

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЭВУД ДРЕУК

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

DAVID

DRAKE

Queen of Demons

ДЭВИД ДРЕЙК

Королева демонов

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Д73

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

David Drake
QUEEN OF DEMONS

Перевод с английского А. Суворовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).*

Печатается с разрешения Tom Doherty Associates,
c/o St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 20.05.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 29,4. Тираж 5000 экз. Заказ № 1367.

Дрейк, Д.

В17 Королева демонов : [фантаст. роман] / Дэвид Дрейк; пер. с англ.
А. Суворовой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 557, [3] с. — (Золотая
серия фэнтези).

ISBN 5-17-028926-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9660-1399-3 (ОАО «ЛЮКС»)

Архипелаг Островов.

Здесь некогда правила могущественная королевская династия — но вот уже тысяча лет прошла с тех пор, как последний из великих королей — Карус — был убит магом, нанятым коварным герцогом-узурпатором.

Однако черная магия принесла на Архипелаг БЕДУ.

Перепутаны линии магической Силы, прервана связь времени и пространства... и многие годы идет непрерывная война за титул Повелителя Островов.

И теперь юноша Гаррик ор-Райзе, последний прямой потомок короля Каруса, и его друзья — добродушный богатырь, суровая чародейка, прекрасная дева и циничная старая колдунья — отправляются на далекий остров Орнифал, чтобы сразиться с могущественным демоном, который вселился в тело королевы острова — и теперь пытается изменить судьбу мира, освободив из заточения древнего Зверя...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© David Drake, 1998

© Перевод. А. Суворова, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2005

Королева демонов

*Посвящается Джесси Фейрис — замечательной женщине
и заботливому члену моей большой семьи*

Я благодарю:

*Дэна Брина, любезно предоставившего мне древние
рукописи; Марка Л. ван Нейма и Эллин Вогель (признаюсь,
я замучил до смерти не один компьютер); Сандру Майзель
и Джона Сквайрса, снабдивших меня материалом, без
которого эта книга не сумела бы появиться на свет. И
конечно, мою жену Джо — за постоянную поддержку в
то время, как я раз за разом откладывал работу. Я также
благодарен своему издателю Дейву Хартуэллу, сумевшему
закрывать глаза на многое, что смущало бы любого дру-
гого, — и так до тех пор, пока книга не увидела свет.*

Спасибо вам всем!

Предупреждение автора

Читатели, которые отождествляют Селондра с Хорази, правы; перевод — мой собственный. Мой Альдебранд — не то же самое, что Макробиус, но чуть менее могущественный его аналог. «Сатурналии» Макробиуса доставили мне немало удовольствия — впрочем, заставив мой мозг изрядно поскрипеть. Я изучал историю, но мой темперамент изрядно мешал разбираться в делах древних. Мир художественной литературы для меня куда ближе и понятней, чем пыльные академические издания.

Как и ранее, главная религия Островов основана на древнешумерской.

Слова силы, *voces mysticae*, которыми пользуются волшебники в этой книге, связаны с заклинаниями классического периода. Сам я в них не особо верю, но они были важной составляющей религиозных верований миллионов людей — не менее разумных, чем мы с вами. Что касается лично меня, то я не пользовался никакими заклинаниями, когда писал эту книгу.

Пролог

Валенс III, венценосный монарх Островов, поежился, несмотря на невероятно теплую ночь, когда волшебник Силийон произнес заклинания над поперечной балкой покосившихся от времени ворот. Новая луна появилась два дня назад и теперь казалась бледным серпиком. Так что единственным источником освещения служил небольшой фонарь, чьи лучи пробивались сквозь стенки из тонкой прозрачной слюды.

Жертва, приготовленная на заклание, чуть слышно вздохнула, не пробуждаясь от наркотического дурмана. Шелковый покров надежно скрывал тело девушки, но Альтапер и другие Кровавые Орлы из эскорта должны были знать, что именно король и его волшебник принесли с собой к ним в древние руины.

Кровавые Орлы молчаливы и преданны до самой смерти. Но даже сейчас Валенс видел отвращение в глазах Альтапера. Командир Орлов наблюдал, как король с Силийоном собственноручно несли тело.

Валенс фыркнул от гнева, вспомнив этот косой взгляд. Да кто он такой, Альтапер, чтобы осуждать его, короля? Солдатское дело нехитрое: убивай или умри, но вопросов не задавай. Королю чаще приходится выбирать; и разница при принятии решений между добром и злом порой совершенно неощутима.

Силийон завершил чтение заклинания — длинной цепочки слов из Древнего Свитка. Все тело колдуна покрывали татуировки, в ушах болтались длинные костяные серьги. Он поставил в круг маленький треножник, натя-

нул расшитые серебром перчатки. Потом улыбнулся Валенсу.

Валенс подозревал, что вышитые на перчатках символы не имеют никакого смысла и обладают лишь декоративным значением — несмотря на заверения мага, будто в вышитых значках заключены темные чары.

— Ну, давай же! — прорычал он. Не очень-то королю было по душе, что этот коротышка из Далполо обращается с ним как с равным из-за связавшего их темного дела.

— Как вам будет угодно, сир, — с усмешкой произнес Силийон. Он вынул зеркало, небольшой отполированный скол зеленоватого обсидиана, из своего кожаного мешка, и с осторожностью подвесил его на серебряном крюке, укрепленном на треножнике. Валенс понятия не имел, кому и как удалось проделать отверстие в хрупкой вулканической породе, не разбив ее на мелкие частицы. Это всегда являлось предметом удивления окружающих. Силийон начал нараспев читать заклинания, при каждом слове взмахивая палочкой из черного дерева, привезенной из его родного Далполо:

— *Хайяд пикир тазимир...*

Где-то вдалеке закружился вихрь. Вот он стих, но на его месте тут же начал зарождаться новый.

— *Вакуьем габийех ворзийех,* — произнес маг, и губы его двигались совершенно не по-людски, порождая эти нечеловеческие звуки. Они и предназначались не для людского уха, но для того, чтобы вызвать силы, на которых держится космос. Силы нейтральной природы — не относящиеся ни к божественным, ни к демоническим. Силы, что помогают звездам держаться на небе, а Земле испытывать смену времен года, силы, приводящие все во Вселенной в движение.

Солнце, символ света и жизни, и Малкар, символ тьмы и смерти, контролируют все сущее. Но как может жалкий и ничтожный человек понимать столь высокие материи?

— *Архедама фохензе псеуза ретра...*

Полуразрушенный дворец, где сейчас находились Валенс и маг, принадлежал Тиранам Вэллеса, отцу, сыну и

внуку, носившим одно и то же имя: Элдрадус. При помощи магии все трое правили островом Орнифол в течение семидесяти лет после крушения Старого Королевства, павшей после восстания островной знати. После правления Тиранов Орнифол начал подниматься из разрухи и варварства, и теперь, по крайней мере, герцоги Орнифола носили гордое имя королей Островов.

Первый Элдрадус выстроил свой дворец в нескольких милях от ныне существующего порта Вэллеса. Его последователи вернули столицу и место силы в город, и с тех пор вот уже девять веков старый дворец Тиранов разрушался в запустении. Сквозь каменные стены проросли стволы деревьев, крыши обвалились, когда сгнили поддерживавшие их балки.

Девять веков... А подземный зал в центре дворцового комплекса был еще старше.

— *Трекситфе амразарара эфюискере...* — вещал Силийон. На полированной поверхности двигались тени; но сам треножник почему-то не отражался в зеркале.

Тираны Вэллеса выстроили свой дворец на месте еще более древних построек в центре многовекового леса. Еще до Элдрадусов все деревья там были вырублены, а почва расчищена под посадки. И никто — кроме самого мага — не знал, что там, в глубине, скрываются остатки строений из черного базальта невообразимой древности.

Это помещение могло быть гробницей или хранилищем и даже частью канализационной системы тех, прежних времен. В потолке было отверстие, как будто глаз.

— *Тоумисон кат плаутон!* — закончил чтение Силийон, выкрикнув последние слова что было сил. Сам космос, казалось, сопротивлялся тому, чтобы он мог выговорить заклинание: язык едва поворачивался, горло невыносимо жгло.

Обсидиановое зеркало задрожало от смеха чудовища.

— Приветствую вас, люди, — произнес глубокий раскатистый голос прямо в голове Валенса. — Вы принесли мне еды? — чудовище снова засмеялось. Улыбка Силийона окаменела. Лицо Валенса тоже застыло, словно мас-

ка. Валенс ненавидел себя за то, что сейчас происходило. Но королева не оставляла ему выбора.

Зеленые глубины зеркала ожили и за клубились туманом, но даже теперь Валенс ничего не мог в них разглядеть до тех пор, пока далполанин не подошел к королю с зеркалом, где сверкал волшебный образ. Валенс освещал факелом окружающие стены крепости, сильно пострадавшие от времени.

Факел выпал из рук, но на полпути к полу внезапно исчез, как будто его никогда и не было. Валенс подумал, что их с Силийоном жертва принята, но взглянуть и убедиться в этом наверняка не решился.

— Четверо из тех, кого преследовала королева, ускользнули от нее, — заговорило чудовище без всякого перехода. — Двое людей и двое полулюдей из Хафта. Я могу доставить их сюда.

Валенс опустил на корточки, ибо ноги его предательски задрожали.

— Как их зовут? — спросил он.

— Что мне за дело до людских имен, — проворчало чудовище. У короля словно заложило уши, и жуткий голос звучал прямо в сознании. — На вкус все людишки одинаковы, как их ни величай!

Туман в обсидиановом зеркале рассеялся. Показалась клиновидная голова, напоминающая змеиную. Валенс инстинктивно отшатнулся, прекрасно зная, что это всего лишь отражение в камне. Иногда оно принимало облик змеи, иногда жуткого зверя — собаки или медведя, а может, собакоголовой обезьяны.

Порой же Валенс мог разглядеть лишь бесформенную массу.

Чудовище издало страшный утробный смех; змеиная голова втянулась обратно. Его явно забавлял страх короля.

— Их имена — Гаррик ор-Рейзе и Шарина ос-Рейзе, — сообщило чудовище. — Мужчина — потомок короля Лоркана, завоевавшего трон Малкара, королева полагает, что обладание этим троном принесет ей власть над космосом. Полулюди же — Кэшел ор-Кенсет и Илна ос-Кенсет. Их отец был человеком, а мать — эльфийкой. Я приведу их сюда, и они освободят меня.

— Я распоряжусь, чтобы их арестовали, как только они...— заговорил Валенс. Потом осекся.— Как можно скорее.

Он хотел сказать: «Достигнут границ моих владений». Но о каких владениях Валенса III могла идти сейчас речь?

Ясное дело, не об Островах целиком. Никто не мог считать себя владыкой Островов с тех пор, как тысячелетия назад пало Старое Королевство. Двадцать лет назад, когда Валенс занял трон после смерти дяди, он мог хотя бы считаться правителем Орнифола. Теперь же, когда приспешники королевы используют магию, чтобы уничтожать его подданных, воля Валенса может распространяться и беспрекословно выполняться лишь в границах этих стен. И даже здесь он не может считать себя в безопасности.

Королева не оставила ему выбора. Во имя собственного спасения и в интересах королевства ему приходится становиться союзником чудовища.

— Как тебе будет угодно,— проговорил голос.— У мужчины, кстати, больше прав на трон, чем у тебя. Но все, что ты должен сделать — это накормить меня. Я, пожалуй, продолжу.

В зеркале отразилось лицо мага, скривившееся в гримасу. Может быть, он тоже сожалел о заплаченной за союзничество цене?

Веревка туго стягивала тело жертвы. Двое мужчин проворно опустили девушку, ощущая, как тело легонько покачивается. Жертва сползла на пол.

Мужчины переглянулись. Валенс кивнул и отступил назад. Силийон ослабил веревки и быстро убрал треножник.

Они удалились весьма поспешно; стражники ждали их с лошадьми. Кровавые Орлы замерли в ожидании. Лица их были холодны и невозмутимы, как сталь их доспехов.

— Ваше Величество,— обратился к Валенсу Альтапер, помогая королю сесть на коня.

За их спиной раздался ужасный крик. Никто из мужчин не двинулся с места и не пошевелился. Крик эхом отозвался в ночи. Командир Кровавых Орлов отвернулся и сплунул. Потом снова посмотрел на короля.

И лицо его при этом ничего не выражало.

День 2-й четвертого месяца Цапли

Гаррик ор-Рейзе перегнулся через балконные перила, существующие лишь в его воображении, наблюдая, как в это же самое время его брэнная плоть практикуется в фехтовании в саду. Он не спал, но сознание отделилось от тела. В этом состоянии он встретил дух своего предка, умершего тысячи лет назад, и заговорил с ним.

Гаррик жестом указал туда, где сам же замер со шпагой в руках.

— Это так же утомительно, как поле пахать,— заявил он.

— У тебя сложение воина, парень,— заявил король Карус. Он многообещающе усмехнулся.— Мне, по крайней мере, всегда говорили об этом, и мои злейшие враги никогда не отрицали моего искусства обращаться с мечом. Но для того, чтобы достичь настоящего успеха, ты должен тренироваться до тех пор, пока это не станет для тебя рефлексом.

Он отвернулся, будто бы любуясь облаками в синем небе.

— Конечно, ты всегда можешь просто-напросто позволить мне войти в твое тело, когда это требуется, и особенно не усердствовать,— добавил он.

Алые розы покачивали головками. Когда Гаррик был в таком состоянии, им всегда владело чувство, будто за окном ничего более не существует: поверни он голову достаточно быстро — и увидит всего лишь туман вместо стен здания, на балконе которого сейчас стоял.

Гаррик усмехнулся, глядя на короля, делая вид, будто не заметил насмешливых ноток в голосе человека, жившего не одно тысячелетие назад.

— Мой отец не так меня воспитал, чтобы я пренебрегал своими обязанностями и прятался за чужими спинами. Да и не по душе мне поручать кому-то работу, с которой я в состоянии справиться сам.

Карус рассмеялся.

— Тебе мог достаться худший отец, чем Рейзе,— воскликнул он.— Но лучший — вряд ли...

Он перевел взгляд на фигуру внизу. Тело Гаррика ловко управлялось с мечом. Люди, охранявшие резиденцию мастера Латиаса, богатого купца, давшего приют Гаррику и его друзьям в Эрдине, наблюдали за упражнениями с одобрением и профессиональным интересом.

— Правая нога у тебя — ведущая, — жестом указал Карус на тело своего потомка. — Однажды сообразительный противник заметит, что нога начинает движение мгновением раньше, нежели рука с мечом. А в следующий момент ты обнаружишь острие его меча у своей груди, прежде чем твой собственный придет на выручку.

— Я устал, — произнес Гаррик. — То есть, я хочу сказать, мое тело устало.

Карус улыбнулся, но в его серых глазах блеснула сталь.

— Это ты только думаешь, что устал, парень, — мягко проговорил он. — Когда столкнешься с настоящим противником — вот тогда и поймешь, что за штука — усталость.

— Извини, — пробормотал Гаррик. Но, даже извинившись, он все еще ощущал неловкость. Оправдывается вместо того, чтобы внимательно слушать все, что ему говорят. Он усмехнулся. — Когда жнешь, используешь примерно те же группы мышц, однако пшеница никогда не пытается ответить ударом на удар. Буду тренироваться, пока не достигну совершенства.

Выражение лица короля смягчилось, он снова рассмеялся.

— А как же, конечно, — воскликнул он. — И вся сила, которую ты сейчас вложишь в удары, сослужит тебе неплохую службу в настоящем деле.

Двое на балконе грез были так похожи, что всякий признал бы их родство. Карусу было лет сорок, когда магия поглотила его корабль. Король отличался широкими плечами, длинными руками и ногами, а двигался столь грациозно, что чайки, парящие над волнами, могли ему позавидовать.

Гаррику через месяц должно было стукнуть восемнадцать. Он уже набрал неплохой рост и силу, но по сравнению с могучим королем выглядел долговязым подростком. Оба отличались здоровым загаром и выправкой, на

какую только может рассчитывать человек, ведущий активный образ жизни. Гаррик был босиком, в шерстяной тунике и штанах — костюме крестьянина из Хафта. На Карусе синий бархатный камзол и замшевые бриджи, высокие сапоги из красной кожи.

Голову короля венчал золотой обруч — диадема королей Островов. Она утонула вместе с ним тысячелетия назад.

— Быть королем Островов означает намного больше, чем умение владеть мечом, — заметил Карус.

Водрузив локти на перила балкона, он опустил подбородок на скрещенные пальцы, затем повернулся и посмотрел на Гаррика.

— Одна из причин, почему я потерпел неудачу и позволил королевству погибнуть, состояла в том, что я всегда старался решить проблему в первую очередь при помощи меча. Но меч тебе тоже нужен, когда ты король.

— Но я не король! — в замешательстве ответил Гаррик. — Я просто...

А кем он был на самом деле? Юношей из Хафта, ставшего захоластьем с тех пор, как пало Старое Королевство. Крестьянином, которого отец выучил читать и восхищаться древней поэзией. Отец его, Рейзе, был человеком образованным, прежде служившим при королевском дворе в Вэллесе, а впоследствии — секретарем у графини Хафтской в Каркозе.

Крестьянин, который сумеет встретиться и сразиться с магом, вознамерившимся призвать себе на службу великое зло. Юноша, в чьей голове жил дух его предка, последнего и величайшего короля Островов, какого только знали в мире.

— Да ведь я не король, — неловко пробормотал Гаррик.

— Но будешь им, — заявил Карус, в чьем тоне звучала непоколебимая уверенность, столь же мощная, как и удар его легендарного меча. — И не потому, что в твоих жилах течет моя кровь, позволяющая нам с тобой разговаривать, сынок. Ты станешь королем Островов, потому что тебе по плечу эта работа. Если нет — тогда крах цивилизации, с которым столкнулся в свое время я, покажется детской забавой. И тогда этот мир окажется залитым кровью,

охваченным убийствами и эпидемиями — до тех пор, пока в живых будет оставаться хотя бы один человек.

Карус улыбнулся.

— Но мы ведь не позволим этому случиться. Во имя наших душ не позволим, король Гаррик! Правда же?

Двое товарищей Гаррика теперь присоединились к зрителям в саду. Кэшел ор-Кенсет был примерно такого же роста, что и Гаррик, а сложен подобно кряжистому дубу. Он и сестра его Илна были родом из одной с Гарриком деревни под названием Барка Хамлет, на восточном берегу Хафта. Эти двое да светловолосая сестра Гаррика, Шарина, были его друзьями с незапамятных времен.

Теноктрис, старая женщина, стоявшая сейчас рядом с Кэшелом, составляла с ним разительный контраст. Некая сила, которую она упорно отказывалась называть судьбой, перенесла ее на тысячу лет вперед, в Барка Хамлет. Теноктрис была волшебницей. Правда, весьма невеликих возможностей, как она сама говорила, но она всегда чувствовала, когда действовали другие волшебники, насылавшие злые чары на других людей или на самих себя.

— Точно,— отозвался Гаррик.— Мы не позволим этому случиться.

Ему бы бросить все и вернуться к той жизни, для которой он и был предназначен — он, сын владельца постоянного двора в деревеньке, где ничто не меняется веками, за исключением разве что времен года. Но вернуться невозможно.

Силы, управляющие космосом, достигли нового тысячелетнего пика. В дни короля Каруса мощная магия разрушила королевство, и оно распалось на множество островов, воюющих друг с другом. Цивилизации, впрочем, частично удалось восстать из руин, но если цикл повторится, Барка Хамлет сравняется с землей, точно так же, как и великие города, подобные Каркозе на Хафту, столице Старого Королевства Островов: она была разрушена после смерти Каруса.

— Ступай к своим друзьям,— произнес Карус, сделав ободряющий жест рукой.— Тебе не следует перетруждаться, иначе толк от упражнении заметно снизится. Хотя

ты молод и веришь в такие вещи не больше, чем я, когда был таким же юнцом.

Король, балкон и небо над ним растворились. Сознание Гаррика скользнуло обратно в потное, тяжело дышащее тело на площадке для упражнений. Щит на левой руке показался чудовищно тяжелым, все мускулы на правой стороне тела дрожали от напряженной работы мечом.

Гаррик попятился назад, тяжело дыша. Всякий раз, когда он наносил удар по твердой неподвижной цели, это отзывалось болью и оцепенением в руке. И теперь ладонь горела и болела так, словно по ней проехала повозка. Он вонзил меч в землю рядом с собой.

— Хо! — крикнул юноша, прочищая легкие. Немного повозился, ослабляя ремни, удерживающие щит на плече. На подмогу ему пришли сильные руки Кэшела, подхватившие тяжелый деревянный щит как пушинку.

Капитан гвардейцев сделал шаг вперед. Такие люди, как мастер Латиас, были убежденными миротворцами, не желавшими применять силу против других людей. Но это не мешало им нанимать тех, у кого философия была иной. Стражники, охранявшие резиденцию в Эрдине, выглядели бывалыми вояками, а их главный стоил двух своих подчиненных.

— Вы утверждали, будто не умеете владеть мечом, господин,— обратился он к Гаррику.— Но я ни за что бы такого не подумал после того, как наблюдал вас здесь.

Гаррику пришлось отдышаться, прежде чем он смог заговорить.

— Один из моих предков был величайшим воином,— с легкой полуулыбкой произнес он.— Может быть, его талант отчасти перешел ко мне по наследству.

Он коснулся своей груди. Под туникой у него висела на шелковой ленте коронационная медаль короля Каруса. Отец Гаррика передал ему эту медаль в тот день, когда Теноктрис очутилась в деревушке Барка. С того дня все пошло по-другому.

— Мы с Теноктрис подумывали прогуляться к гавани,— проговорил Кэшел. Голос его звучал медленно, раскатисто и мощно, в нем звенела сила молодости.— Моя

сестра вместе с Шариной и Лиэйн занялись ткачеством. У них есть какая-то особая задумка.

Кэшел и его сестра Илна осиротели в семилетнем возрасте, после чего им пришлось самостоятельно взрослеть и приспосабливаться к жизни. Гаррик и сам обладал недюжинной силой, но он знал: его друг Кэшел сильнее любого человека, когда-либо встреченного им в жизни.

— Я-то уж и не помню, когда меня называли девушкой, а с ткацким станком не имела дела еще дольше,— рассмеялась Теноктрис. Голос ее звучал задорно и весело, отчего она казалась много моложе тех лет, какие на самом деле обременяли ее чело.— Мы думали пригласить тебя прогуляться, но если ты хочешь продолжать упражнения...

— Нет, на сегодня достаточно,— отозвался Гаррик.— Сейчас помоюсь и присоединюсь к вам.

Он усмехнулся.

— Стоит переусердствовать с упражнениями, и твои мышцы потеряют больше, нежели приобретут.

Ни друзья, ни стражники не поняли причину его веселья, но король, затаившийся где-то в глубинах подсознания Гаррика, рассмеялся вместе с подопечным.

Кэшел ор-Кенсет был вполне доволен жизнью сейчас, когда вышагивал вместе с друзьями вдоль набережной в Эрдине. Жизнерадостность была его обычным состоянием. Ему немного было нужно для счастья, и, пожалуй, работа давала ему все, в чем он нуждался, за исключением разве что одной вещи.

И этим единственным, чего не доставало Кэшелу, была сестра Гаррика, Шарина, девушка, в которую он был тайно влюблен, сколько себя помнил. Но теперь и Шарина была с ним.

Кэшел и Гаррик постарались приспособиться к удобному для Теноктрис ритму. Несмотря на свой преклонный возраст и хрупкость, старая леди двигалась куда резвее, чем, к примеру, овцы, которых обычно пас Кэшел.

Юноша привык пасти стада на зеленых равнинах к югу от деревушки Барка с семилетнего возраста. По мере

же взросления ему все чаще доставались поручения, требовавшие силы: копать ямы, валить деревья, перетаскивать тяжести. Народ в округе быстро смекнул, что на Кэшела можно положиться, сколь трудное и кропотливое дело ему ни поручи.

— Это что, святилище Госпожи? — спросил Гаррик. Он кивнул в направлении алтаря в начале причала, протянувшегося вдоль реки Эрд. Показывать пальцем на святыню было бы неприлично, к тому же всегда найдется кто-то, кого оскорбит непочтительное поведение чужаков из Хафта.

Конечно, людям таких габаритов, как Кэшел и Гаррик, не стоило опасаться стычки. Но все же, будучи юношами воспитанными, они не желали никого обижать.

Алтарь украшало изображение женской фигуры с небольшой чашей в руках. Трое моряков зажигали благовония и устанавливали их в чаше. Одета женщина была в просторные шаровары и рубаху без рукавов, оставлявшую груди обнаженными.

— Именно в таком виде Госпоже поклоняются на Шенги, — заметила Теноктрис. Она недобро усмехнулась. — Я должна признать, что в мое время Госпожа носила на Шенги именно такой костюм. Правда, в те дни Эрдин представлял собой всего лишь непроходимое болото, а герцоги Сандраккана — кучку бандитов, чей замок стоял в восточной оконечности острова.

— Но ведь эти моряки — не с Шенги, верно? — усомнился Гаррик. — Я всегда считал, что тамошние люди более низкорослые и темнокожие.

— Моряки принимают духовную помощь из любого доступного источника, — сказала Теноктрис. — Они осмелее, чем большинство людей, и понимают, что их жизнь и благополучие зависят от сил, контролировать которые они не в состоянии.

И добавила, понизив голос, чтобы не услышали посторонние:

— Хотелось бы и мне верить в Великих Богов. А так — я понимаю, что есть вокруг силы, которые, ввиду собственного несовершенства, я разделяю на Добро и Зло. Я уверена, что космос не делает таких различий.

— Космос вряд ли волнует, что люди, служащие Малкару, могут способствовать погружению Островов в пучину морскую,— подтвердил Гаррик, дотронувшись до медальона не шее.— Но нас-то это еще как волнует, и мы не собираемся допустить, чтобы это произошло.

— Я верю в Госпожу и в Пастыря,— беззлобно заметил Кэшел.— Верю, что Дузи наблюдает за пастбищами Барки. Вряд ли овцам достаточно только этого наблюдения, они ведь глупые животные, поэтому я их пасу.

Теноктрис была женщиной доброй, а также умной, ибо получила даже лучшее образование, чем Гаррик. Она могла поверить во что угодно, стоило лишь захотеть. Но правда состояла в том, что Кэшел был и оставался простаком, и никто не верил, что это изменится.

Ох, и здоровяк же он был! Но двигался очень плавно, ибо с детства усвоил: человеку крупных размеров лучше быть осторожным, чтобы не повредить ничего вокруг. Считал он на пальцах, и единственной причиной, по которой он научился писать свое имя, было упорство Гаррика, приложившего к обучению простоватого друга немало усилий.

Многие вообще считали Кэшела туповатым. Может быть, они где-то и были правы. Впрочем, ведь быка тоже считают туповатым — ибо он сильный, медлительный и безропотно тянет свою лямку.

Но те, кто считает быка туповатым, ошибаются.

Они втроем подошли к груде дерева, выгруженной из странного вида двухмачтового грузового корабля. Бревна отличались необычными полосками, опоясывавшими их по всей длине.

— Тигровое дерево из Канбезы,— удивленно протянул Гаррик.— И его привезли сюда, через все Внутреннее море, отделывать дом какого-нибудь купца. Да, здорово Эрдин разросся со времени падения Старого Королевства!

Кэшел критически рассматривал древесину. Неплохая, ничего не скажешь, думалось ему, но лично он предпочел бы дуб — или орешник, как он поступил, изготовив для себя посох еще на Хафте.

Кэшел носил этот посох с собой не просто как оружие. Посох стал для него частичкой Хафта, который он покинул в поисках Островов. Гладкая, ставшая родной древесина орешника помогала ему почувствовать себя дома среди незнакомых строений и в толпе людей. Вот почему он не расставался с посохом.

— А что, на Сандраканне вообще нет лесов? — спросил он. Ему казались странными замечания Гаррика по поводу Старого Королевства. Кэшел понимал Теноктрис, рассуждавшую о своем мире, чья история вершилась тысячелетия назад. Но ведь и Гаррик порой излагал подобные же теории.

— Лесов здесь множество, особенно на севере, — ответил Гаррик. — Но таких экзотических растений, вроде тигрового дерева, не встретишь. Это ведь только напоказ: смотрите, мол, какой богатый человек, может привезти древесину для украшения своего дома издалека!

Кэшел нахмурился. Проходивший мимо купец взглянул на него с опаской. Его телохранитель крепче сжал рукоять меча. Кэшел этого даже не заметил.

— Товары сюда привозят со всего света, — проговорил он, усмехнувшись. — Люди здесь выглядят счастливыми. Мирное место, и все живут как хотят.

Теноктрис кивнула, соглашаясь с ним. Гаррик внимательно прислушивался.

— Но если окажется так, что придется сражаться, если здесь станут гулять демоны и ожившие мертвецы, они запоят по-другому, — заявил Кэшел. — Почему они позволяют этому случиться? Почему допускают такое?

Старая колдунья покачала головой.

— Отчасти потому, что люди таковы, каковы они есть, Кэшел, — проговорила она. — Мы с вами иные. Я никогда не хотела обладать силой и властью, просто желала учиться.

Она широко улыбнулась, сразу сбросив не один десяток лет.

— Я избегала власти, это так, но, похоже, мне все равно не удастся закончить дни в тишине и постижении знаний, ибо сейчас мы стараемся удержать мир от катастрофы.

Она внезапно посерьезнела.

— Но есть и другая сторона: силы, достигшие пика тысячу лет назад, силы, которые разрушили королевство — Старое Королевство. Сторонние силы действуют исподволь, вызывая к жизни дисбаланс эмоций, чудовищный гнев, амбиции и ревность.

Теноктрис бросила взгляд в сторону реки. Кэшел предположил, что она видит вещи, куда более далекие, нежели баржи, ползущие по коричневатым водам Эрда, а также более крупные суда, движущиеся в сторону Внутреннего моря.

— Сейчас волшебники, обладающие хотя бы какой-то силой, ощущают, что эта сила стала в несколько раз больше,— тихо произнесла старая женщина.— Они могут утопить острова, могут взрастить демонов, коим под силу смести с лица земли целые города. И, к сожалению, у этих волшебников нисколько не прибавилось разума.

Она взглянула на Гаррика, потом на Кэшела цепким, орлиным взором.

— Да и прежде-то они тоже не блистали разумом и мало что соображали!

— Но ты-то соображаешь! — откликнулся Гаррик, кладя крупную загорелую руку на плечо волшебницы.— И мы попросту не позволим Малкару выиграть на сей раз. Злу не победить.

Кэшел поскреб за ухом, размышляя. Шарина покинула деревушку Барка, и, похоже, навсегда. Она так и не узнала, какие чувства испытывал к ней Кэшел, ибо тот не решился открыться, просто смелости не хватило.

Поэтому Кэшел тоже покинул дом, не зная точно, куда отправится, лишь бы подальше от мест, вызывавших в нем столь мучительные воспоминания. В конце концов он снова обретет Шарину и спасет ее, когда никто больше не сумеет этого сделать. Никто, кроме Кэшела ор-Кенсета.

— Я думаю, все в конце концов наладится,— произнес Кэшел.— Так всегда бывает, когда не опускаешь рук.

Остальные взглянули на него с изумлением. Кэшел неловко улыбнулся. Гаррик и Теноктрис были людьми

умными и прочли множество книг. Кэшел не прочел ни одной, но он учился у самой жизни. Пускай другие верят во что вздумается, но им не удастся изменить сокровенного знания в сердце простого парня.

Они двинулись дальше, проходя мимо людей, выгружавших специи из серианского корабля. Стройные загорелые матросы извлекали на свет божий сундуки, а местные грузчики укладывали их на тачки, готовясь везти на склад. Управляющий герцогов Сандраккана наблюдал за ними. Владелец судна, знатный серианец в шелковом халате, выглядевший гораздо выше и крупнее своих работников, неподвижно стоял в стороне, а его секретарь бойко считал на бамбуковых счетах.

— Если бы Острова на самом деле сейчас объединились, торговля развивалась бы куда лучше, — заметил Гаррик. — Может быть, это только мечты?

Теперь настал черед Кэшела с любопытством взглянуть на друга. «Вряд ли о таком положено мечтать крестьянину из Хафта», — пришло ему в голову.

— Силы, наступающие на Малкар, разобщены, — добавила Теноктрис. — Злые люди ненавидят друг друга так же сильно, как и тех, кого я обычно называю добрыми. И в этом — серьезное преимущество добра. — Она криво усмехнулась. — Правда, теперь уже сложно сказать, что является истинным злом и истинным добром. Все смешалось.

Они проходили мимо небольшого корабля, уже освобожденного от груза сухофруктов в запечатанных корзинах. Команда использовала мачту и рею в качестве импровизированного подъемника, чтобы укладывать корзины в запряженные мулами повозки.

На носу корабля блеснула медная табличка с изображением чайки и выгравированными буквами. Капитан, рыжебородый мужчина, казался столь же крепким, как и Кэшел, правда, меньше ростом. Он отгонял недовольных членов экипажа от палубы, в то время как ожидавший товара купец стоял у повозки.

Кэшел остановился, как вкопанный. Лицо его зарделось, словно он получил солнечный ожог — чего с ним,

надо сказать, никогда не случалось. Он уставился на корабль.

— Это же «Птица Волн»,— воскликнул Гаррик, подумав, что его друг пытается прочесть название судна.

— Тут что-то такое...— начал Кэшел. Его левая рука медленно обхватила посох.

Гаррик открыл было рот, но тут же снова закрыл его. Теноктрис наклонилась и подняла с земли соломинку: в солому заворачивали корзины с товаром.

— Эй! — сердито крикнул извозчик.— А ну, прочь с дороги, задавлю!

Кэшел встал между Теноктрис и запряженными в повозку волами. Нацелив на извозчика посох, он в упор смотрел на него.

— Эй, валил бы ты, деревня! — снова заорал извозчик, оглядываясь на своих. Поигрывая кнутом, он обошел во круг троицы, не выпуская из рук мешок с зерном.

Теноктрис начала бормотать заклинания, сопровождая каждое словно взмахом соломинки. Наконец она выпустила соломинку та полетела, будто подхваченная порывом ветра, и приземлилась на бочонок на передней повозке.

— Я думаю...— дрожащим голосом заговорила старая леди и едва не упала, не подхвати ее Гаррик: на сотворение заклинания ушло немало сил.— Думаю, нам нужно узнать, что там, в этой бочке.

— Правильно,— поддержал ее Кэшел. Он еще крепче перехватил посох, и они с Гарриком приблизились к купцу.

Шарина остановилась, глядя, как Илна ловко поворачивает уточную нить, пропускает ее сквозь нити основы и разглаживает — быстро-быстро, куда быстрее, чем сама Шарина или Лиэйн за третьим станком.

— Тебе так здорово все удастся,— вздохнула девушка.

Илна сосредоточенно улыбнулась. Пальцы ее так и сновали над тканью с обеих сторон.

— Это же просто,— отозвалась она.— У меня опыта больше, вот и все.

И это тоже было правдой. Любая деревенская девушка на Хафте училась прясть — как, впрочем, и стряпать — но за последние лет восемь Илну ос-Кенсет никто бы не назвал ученицей. Напротив, остальным женщинам Барки было просто не угнаться за ней.

Ткань Илны была плотнее и раз в десять лучше, чем даже у самой опытной деревенской ткачихи, Чантр ос-Чулек. Та тоже восхищалась работой девушки, заглядывая на огонек в таверну Рейзе.

Но дело было не только в опыте, ибо искусству Илны теперь не было равных в деревне, и сейчас оно просто не шло ни в какое сравнение с ее прежними умениями. Похоже, что-то изменилось и в самой Ильне.

Несколько месяцев Илна и Шарина шли каждая своим путем. Шарина лицом к лицу столкнулась со смертью и с демоном. Ильне, похоже, довелось иметь дело с чем-то похуже — об этом говорили ее глаза, в то время как уста хранили молчание.

— Илна,— обратилась к ней Лизйн, девушка, которую Шарина встретила в доме, где остановился Гаррик, в Эрдине, три дня назад.— Мой отец путешествовал по всему миру. Он привез нам с матерью подарки, когда вернулся. Я видела одежду со всех Островов и даже из дальних стран, но никогда не встречала тканей, подобных твоим.

Эта девушка называла себя Лизйн ос-Бенло, но Гаррик как-то шепнул сестре, что Лизйн родилась в знатном доме бос-Бенлиман. Отец ее, маг, скончался, а о причинах его смерти Гаррик предпочел умолчать.

И у Лизйн, и у Илны волосы были черными, но кожа Лизйн отличалась белизной, как и у всей сандракканской знати. Илна же была смугла, как орех. Обе девушки отличались свежестью и красотой, но Лизйн, хорошенькая, как куколка, была такой нежной, а Илна... Никто не назвал бы ее простушкой, и при взгляд на нее первым напрашивающимся словом было «суровая».

— Ну, наверное,— откликнулась Илна.— Пожалуй, это мне в утешение за то, что я не умею читать книжки, как ты и Гаррик, что скажешь?

Лизэйн залилась краской.

— Я научу тебя читать,— заявила Шарина.— Я ведь уже много раз предлагала тебе это. А ты всегда твердишь, что у тебя времени нет.

Она видела, что Гаррику нравится Илна и он на многое готов ради нее. Шарина очень хорошо знала подругу. Она не хотела, чтобы та подвергалась язвительным выпадам Лизэйн. Язычок у нее острый, словно нож, которым Илна пользуется в работе.

Мысли о ноже заставили Шарину вспомнить об оружии на поясе ее верхней одежды, повешенной на крюк. Длинный, почти в локоть, клинок. Это был нож охотников на морского зверя с острова Пьюл во Внешнем море, к северу от главной цепи островов. Человека, которому он раньше принадлежал, звали Ноннус, он приехал сюда и поселился отшельником в лесах вокруг Барка Хамлет еще до рождения Шарины.

Ноннус сажал растения и ухаживал за ними, мог вправить вывихнутую руку или ногу, помочь костям срастись и унять жар у тяжелобольных. Мог излечить от кашля, давая свои целебные микстуры, изготовленные из трав. Больше никаких дел он с общинниками не имел и жил особняком.

— Ой, вряд ли у меня есть талант к чтению,— протянула Илна, но особой печали в ее голосе что-то не чувствовалось. Пальцы продолжали снова в такт произносимым фразам.— Да и к чему оно крестьянке. Правда, и искусное ткачество тоже.

Шарина привстала над станком. Пора было менять узор, но ей хотелось чуть размяться, мышцы затекли. Она воспитывалась как дочь хозяина постоянного двора, и дома ей чаще приходилось бегать, приносить и уносить, чем сидеть на одном месте, когда работают одни пальцы.

Девушки сидели в одном из помещений, входящих во владения мастера Латиаса. Большую комнату перегораживали бумажные, ярко раскрашенные пейзажами ширмы. В этой комнате было вольготнее и просторней, чем в иной крестьянской хижине.

Мастер Латиас дал девушкам пряжу и ткацкие станки. Он предлагал им ткать шелк, но Илна сказала, что шерсть

подойдет лучше. Кэшел оказал когда-то услугу серианскому купцу, и теперь Латиас относился к ним, как к родным.

Шарина с Лизйн согласились ткать вместе с Илной. Шарина не совсем понимала зачем, но Илна так редко о чем-либо просила. А если и просила, то впоследствии отплачивала вдвойне.

— Чтение помогает познакомиться с людьми, которые живут далеко, а то и жили в далеком прошлом,— заявила Лизйн. Она не пыталась затеять спор — просто у нее было собственное мнение на этот счет.— К тому же это то немногое, что выжило после гибели Старого Королевства. Как сказал Селондр: «Нерукотворный памятник себе воздвиг я не из бронзы, но из слов». И он был прав.

— Не так уж много живет сейчас людей, с которыми я не встречалась,— парировала Илна. Она то ли фыркнула, то ли усмехнулась.— И с любым встреченным я могу видиться снова и снова. Вот разве с дядей Катчином...

Тут Илна посерьезнела, хотя и прежде почти не шутила.

— Пожалуй, и в отношении меня можно было бы сказать то же самое. Боюсь, все так и есть.

Шарина дотронулась до рукоятки пьюльского ножа в ножнах. Ничего такого, просто потянулась. Но боль отзывалась в сердце.

Люди на Пьюле как нельзя лучше подходят для серьезной и грубой физической работы. Генералы нанимали их в иррегулярные войска для поддержки кавалерии и тяжелой пехоты.

Ноннус тоже был наемником. И видать, натворил таких дел, что впоследствии был вынужден сбежать в леса, где провел остаток жизни, умоляя Госпожу о прощении.

Ноннус охотнее общался с девочкой Шариной, чем со взрослыми жителями деревни Барка. Он же и покинул остров вместе с ней, когда ей потребовался компаньон, которому бы можно было полностью доверять. И погиб, спасая ее от врагов.

Он сделал это потому, что она была белокурой и прекрасной, а еще — во имя другой белокурой и прекрасной девочки, чье горло со смехом перерезал, когда король сражался за свою корону, ничем не брезгуя на пути к победе.

Шарина все бы отдала, чтобы вернуть Ноннуса, но знала также и другое: в глубине души отшельник всегда молил о смерти — о смерти как искуплении. И теперь ей оставалось уповать на милосердие Господи, как уповал на него сам Ноннус.

— Что ты ткешь сейчас, Шарина? — задала вопрос Лизйн тоненьким фальшивым голоском. Шарина быстро опустила глаза и слегка улыбнулась.

— Воротник с красной каймой, — пальцы все еще лежали на рукоятке ножа. — Пустячок, зато мне по силам. За всю жизнь мне не научиться ткать, как Илна.

Шарина перевела взгляд на подругу.

— Илна, я не знаю, что ты сделала, и знать не хочу. Но ты должна запомнить одно: мне это и не важно, лишь бы ты не казнила себя.

Она сделала паузу, сглотнула и выпалила:

— Ноннус делал куда худшие вещи, чем ты, но для меня в мире не было лучшего человека. Никогда не было!

И Шарина неожиданно даже для себя разрыдалась.

Лизйн была девушкой чувствительной, выросшей в обстановке, где богатство и комфорт позволяли людям быть сентиментальными. Так что неудивительно, что она вскочила и сжала руку Шарины.

Удивительно было другое: строгая, сдержанная Илна тоже схватила подругу за руку — за ту, в которой была стиснута рукоятка ножа.

Купец отвернулся от бочки, лежавшей на повозке, и заметил Гаррика и Кэшела, направлявшихся к нему. Его удивление быстро переросло в тревогу.

— Эй, что вы себе позволяете? — воскликнул он. — Кто вы такие?

Капитан корабля схватил со стойки у основания мачты деревянный молоток. К удивлению Гаррика, шесть матро-

сов продолжали свою работу с невозмутимостью выючных животных. Очевидно, они не станут реагировать на такую мелочь, как двое чужестранцев.

— Мы друзья,— просто ответил Гаррик купцу.— По крайней мере, ваши, господин. Не знаю, понравится ли судовладельцу то, что я хочу вам сказать.

— О чем это вы, а? — прорычал капитан.

Он выскочил на причал.

И это было ошибкой, ибо сразу стало понятно: с этими двумя парнями ему не справиться. Дубовый молоток в его руках вряд ли представлял собой серьезную угрозу. Не то что посох Кэшела.

— Я сын владельца постоянного двора, господин,— продолжал Гаррик.— Гаррик ор-Рейзе с Хафта. Вы как, заплатили за полные бочки?

— Разумеется, я плачу за полные бочки. Что это еще за вопросы?

Он выглядел усталым, но уже совершенно не напуганным; гневные нотки исчезли из его голоса.

Поджидавшие его шесть грузчиков переминались с ноги на ногу с хлыстами в руках, стараясь не участвовать в разговоре.

— Видите, как держится крышка на бочке? — спросил Гаррик.— Она пропускает воду, и вам это известно.

Бочку переставили на дно. Гаррик провел пальцем по мокрой крышке. Моряки безразлично глядели на него, будто ничего и не происходило.

Гаррик принялся, ощущая сильный запах алкоголя, как и ожидал. Он протянул палец купцу, дабы тот удостоверился. Это был королевский сидр — оставшийся с зимы. Когда с него снимался лед, подо льдом оказывался напиток куда крепче обычного яблочного сидра. Такое поило валило с ног, и сам Рейзе, например, редко держал его на своем постоянном дворе.

— Кто-то сделал щель в бочке по всей длине доски,— сообщил Гаррик, рассеянно улыбаясь разъяренному капитану.— Потом мастерски замазал ее воском, но будь я на вашем месте, непременно бы проверил, сколько осталось сидра, прежде чем стал бы платить за груз.

— Да заберет тебя Сестра в геенну огненную, лжец! — взревел капитан. Борода его встопорщилась, — Эти бочки в таком же состоянии, в каком были, когда я грузил их в Вэллесе!

Люди, вместе выполняющие тяжелую работу, должны хорошо понимать друг друга, иначе быть беде. Кэшел и Гаррик провели долгое время, таская тяжести. И понимали друг друга с полуслова.

Кэшел постучал по крышке наконечником посоха. Бочка отозвалась гулкой пустотой.

— Похоже, так и есть! — заметил купец. — Меня зовут Опсос, ребята. Давайте откупорим бочку.

— Клянусь Госпожой! — вмешался капитан. — Если вы хотите открыть бочку, сначала заплатите мне за нее. Вы же специально выльете половину за борт.

Несмотря на горячность, капитан, кажется, понял, чем может обернуться дело. И с ужасными ругательствами набросился на матросов, которых, видимо, и считал виновными. Они как раз опускали свою конструкцию, собираясь спустить новую бочку.

Кэшел, опираясь на посох, ступил на дно повозки. Ось жалобно закричала, принимая вторую бочку.

— Да заберет меня Сестра! — заорал капитан, в порыве отвращения швыряя оземь молоток. Он просто из себя выходил при мысли о том, сколько бочек повредили его работнички за время путешествия.

Кэшел поднял посох над головой, потом с силой опустил его на бочку. Затычка вылетела, но жидкость не выплеснулась, хотя должна была. Значит, бочка-то полупустая!

С помощью извозчика Опсос забрался в повозку. Гаррик продолжал оставаться рядом с Теноктрис, чтобы защитить ее в случае внезапного нападения.

Кэшел окликнул друга и бросил ему посох. Когда руки у него освободились, Кэшел наклонил бочку одной рукой, а другой дотянулся до нижнего донца, поднял ее над головой и вылил остатки жидкости на причал. Никакому силачу было бы не справиться с такой задачей: будь бочка на самом деле полна, в ней поместилось бы около сотни галлонов королевского сидра.

Гаррик отпрыгнул назад.

Теперь на дне бочки оставалось совсем чуть-чуть жидкости. И там, внутри, плавал труп — для сохранности погруженный в сидр.

С первого взгляда стало ясно: это не был труп человека. У него были две руки и две ноги, но кожа оказалась серой и чешуйчатой. Абсолютно безволосая голова тоже была размером с человеческую, но клиновидная по форме и напоминала змеиную.

— Чешуйчатый человек! — сообщила Теноктрис. — Да уж, для всего мира было бы огромным риском, если бы Чешуйчатые люди снова объявились!

— Ну вот, теперь все в порядке, — произнесла Шарина. Она глубоко всхлипнула. Илна кивнула и отошла в сторону. Лизйн протянула подруге платок, который держала наготове.

Шарина не заметила обшитого кружевом кусочка шелка. Она вынула из рукава собственный платок из грубого полотна и вытерла глаза и нос.

Илна изумленно наблюдала, как Лизйн старательно скрывает разочарование. Этой девушке из богатой семьи еще предстояло узнать, что бедные люди редко принимают снисходительную помощь.

— Я, пожалуй, начну стягивать завязки на воротнике, — проговорила Шарина, обращаясь к Илне. — Или мне следует сделать его пошире?

— Делай как хочешь, это же твой узор, — отвечала та, рассматривая работу подруги.

Полоска красной ткани должна украсить тунику, которую жена фермера наденет для церемонии жертвы Десятой Ночи. Перед домашним алтарем с изображением Господи и ее супруга, Пастыря, будет разливаться пиво и раскладываться нехитрая домашняя еда. Для более важных случаев, например на свадьбу или для ежегодной Процессии Десятины, когда в повозках, украшенных огромными изображениями божеств, прибывают жрецы из Каркозы, женщины надевают ленты и костюмы побогаче, купленные у бродячих торговцев.

— Прекрасная работа,— похвалила Илна. Шарина кивнула с благодарностью.

Каждому в селении было известно: Илна никогда не солжет, когда дело касается рукоделия. Разве что промолчит. Но даже в этом случае любой, кто стал бы добиваться ответа, услышал бы только правду, возможно, не самую приятную.

Илна медленно провела пальцами по завязке воротника. Ткань говорила с ней, рассказывала такое, о чем порой и не догадываются ее создатели. У нее всегда был этот дар, и она могла чувствовать и различать язык вещей, неслышимый для прочих.

Она никому не рассказывала о своем таланте, ни брату, Кэшелу, ни Гаррику, которого любила всю свою сознательную жизнь, ни разу не выказав эту свою любовь. Особенно Гаррику. Если люди и думали что-либо об Илне ос-Кенсет, так лишь то, что она отличная ткачиха и пряха и оценивает людей милосердно, но весьма сдержанно.

Изделие Шарины подарило Илне ощущение Барка Хамлет, простых домиков, теплого воздуха; все события там были исполнены особого смысла. И это не удивило Илну, как не удивили скрытая сила и нежность, наполнявшие работу Шарины, ее подруги с детских лет.

Новой показалась лишь глубокая грусть, но Илна видела, как плакала подруга, вспомнив о гибели своего защитника. Чувства Шарины к Кэшелу тоже не были для его сестры новостью. Илна отняла руки от ткани, как будто обжегшись. Правда порой обжигает.

— Ну вот,— произнесла Лизйн, заканчивая свое изделие. Встала, отодвинула табурет, чтобы Илна могла подойти поближе.

После того как Илна покинула селение, ее смелость и решительность привели ее в место, которое она считала Серым Лимбо,— но, как позднее догадалась девушка, оказалось Адом. Илна вернулась назад прислужницей адских сил и теперь знала и умела такое, что обычным людям и не снилось.

И навыки эти у нее остались. Она сумела освободиться от Темной Сущности, владевшей ею, но ничто не могло

освободить Илну от зла, которое она совершила, когда была под властью этой Сущности.

Лизьин стояла как вкопанная, ожидая, пока Илна осмотрит ее работу и произнесет свой приговор. Она встретила взгляд девушки и не отвела своего. Она знала, что Илна не станет щадить ее, но гордость не позволяла сдаваться.

Илна улыбнулась. Она понимала, что такое гордость, не хуже Лизьин.

Она склонилась над работой, не касаясь ее. Вместо того чтобы соткать узкую полоску по всей высоте рамки, как сделала Шарина, Лизьин выткала небольшой, с ладошку, квадрат. Он был украшен затейливыми зигзагообразными узорами красного и желтого цвета. Старательно выполненная, безупречная работа.

Торговцы одеждой, забиравшие изделия Илны на продажу и доставлявшие их богатым людям на всех Островах, были уверены, что она знает толк в модах Эрдина и Вэллеса, но такого она еще не видела. Она посмотрела на Лизьин и спросила:

— Это сандракканский узор? Или ты видела подобный, когда ездила в Вэллис?

— Ни то, ни другое,— отвечала Лизьин.— Такая вещь висела у меня над колыбелью, когда я была маленькой. Ее откуда-то привез мой отец. Я же говорю, он повсюду путешествовал.

Губы Илны раздвинулись в улыбке.

— А сама работа? Тебя учили ткать в школе для девочек?

— Нет,— сухо отозвалась Лизьин.— Конечно, госпожа Гудеа учила нас в академии ткать наряду с другими занятиями, необходимыми молодой леди, но моя мать еще раньше обучила меня ткачеству. Она замечательно ткала, хотя, конечно, до тебя ей было далеко.

Илна фыркнула.

— И тебе тоже, Лизьин. Но ты ткешь лучше, чем кто-либо, кого я знаю. Тебя могла бы ждать отличная карьера.

И, пока девушки гадали над смыслом ее слов, Илна в первый раз коснулась кусочка ткани.

Она позволила сознанию погрузиться глубже в ткань, окунаясь в слои все дальше...

Козы срывали листья с кустов, что росли на скалистых склонах. Вдалеке лежали руины циклопических построек. Илна видела источник, откуда пришел этот узор, будучи не больше, чем козы, в состоянии догадаться, что это за место.

Девушки тихо шептались. Илна продолжала гладить ткань. Она по-прежнему осознавала мир вокруг себя, но в этот момент сама не являлась его частью. Тут у дверей возникло оживление. Это Теноктрис и мужчины вернулись с прогулки, возбужденно переговариваясь.

Душа Лизйн озаряла ткань, словно солнце — морскую гладь. Она была спокойной, умелой и доброй, дух ее никому не сломить. Какой Лизйн бос-Бенлиман казалась, такой она и была на самом деле.

Илна отступила от станка и вздрогнула.

— Мы обнаружили такую тварь в бочке в доках! — с горящими глазами начал рассказ Гаррик. — Ее везли из Вэллеса, но...

Он замер, не сводя глаз с Илны.

— Может, тебе лучше сесть, Илна? — спросила Теноктрис. Кэшел, спокойный и сосредоточенный, уже придвинул поближе стул, усаживая на него сестру.

— Да со мной все в порядке, — отозвалась Илна, правда, позволив Кэшелу усадить себя. Бесполезно сопротивляться, когда брат что-то решает за тебя.

Она улыбнулась Гаррику, потом — Лизйн.

— У меня все хорошо, — повторила она. — Так что же вы нашли в доках?

Но это вряд ли ее интересовало. Наверное, провались все Острова вместе с их обитателями под воду прямо сейчас, Илна бы и бровью не повела.

Гаррик далеко пойдет. У него есть сила, живой ум и — благодаря отцу — образование, какое получил не каждый знатный человек в Вэллесе. Помимо всего прочего, Теноктрис говорила, что Гаррик — не Шарина — является настоящим потомком древних королей Островов.

Ткань не солгала Илне, а Илна не лгала самой себе. Она не могла не понимать, что богатая, образованная Лизйн бос-Бенлиман гораздо более под стать Гаррику.

Более, чем невежественная крестьянка Илна ос-Кенсет.

* * *

Гаррик оглядел товарищей — понимая, что здесь незримо присутствует сейчас еще один человек: король Карус внимательно смотрел на мир из места между реальностью и сном. Карус усмехнулся, как обычно, держа руку на рукояти меча.

— Чешуйчатые люди населяют особый слой космоса, — тихо заговорила Теноктрис. — Он настолько далек от нашего, что между ними и людьми лишь однажды произошел контакт. Да и это скорее миф, чем история.

Она улыбнулась.

— Это и был миф. Я старалась как можно больше узнать об этом, как и обо всех других мифах, например, о Добре и Зле.

— Они демоны? — задал вопрос Кэшел, наклоняясь вперед. — Эти Чешуйчатые — демоны?

Спросил и замер в ожидании ответа, сжав кулаки. Он сражался с демонами голыми руками, утверждала Шарина. Кэшел не рассказывал Гаррику об этом, как и ни о чем другом, что считал хвастовством.

Комната была обставлена в серианском стиле — табуреты на изогнутых ножках чуть выше уровня земли вокруг низенького же стола. Лизэн и Теноктрис сидели на табуретах, а четверка из Барки уселась прямо на пол.

Они привыкли так сидеть. В гостинице Рейзе и на старой мельнице, где выросли Илна и Кэшел, имелись стулья, но во многих крестьянских хижинах были одни лишь каменные скамьи вдоль стен.

— Нет, они не демоны, — отвечала Теноктрис. — Они люди. Ну, почти люди. И сил у них не больше нашего. Но история, миф...

Она вновь улыбнулась самой себе.

— ...миф такой: один из магов во времена Желтого короля вызывал сюда звериное божество Чешуйчатых людей. Он думал, это божество, Чудовище, поможет ему завоевать трон Малкара. Желтый король уничтожил мага и заточил Чудовище в темницу из живого огня.

Лиэйн сжала губы.

— У Эфомана сказано, что Желтый король правил десять тысяч лет,— вмешалась она. Ее голос звучал сухо и твердо, она излагала факты, никак не комментируя абсурдность легенды.— Когда же он умер, воды поднялись и образовали Острова там, где прежде был единый континент.

— Ну, я же говорю, миф,— кивнула Теноктрис.

— Трон Малкара — вовсе не миф,— запротестовал Гаррик. Не был мифом и король Лоркан, основатель королевской династии Хафта, который спрятал трон в таком месте, где его могут найти лишь наследники династии. Маги, впитавшие всю силу Малкара, привлечшие на свою сторону зло, охотились за Гарриком и Шариной именно по этой причине.

— Вот и Чешуйчатый человек — никакой не миф,— заявил Кэшел.— Он небось так и лежит там, где я впечатал его к кирпичам причала. А может, его уже кто-нибудь скинул в реку.

Теноктрис же объяснила, мол, сам по себе Чешуйчатый не так важен, важно то, что он собой символизирует. Какой-нибудь странствующий шарлатан мог бы нажить состояние, демонстрируя это существо. Хотя...

Чешуйчатые слишком похожи на людей, так что Гаррику не хотелось думать о них слишком много. Пожалуй, Кэшел прав, и река Эрд уже несет труп во Внутреннее море.

— Меня же беспокоит только одно: вдруг Чешуйчатые люди снова появились в нашем мире...— начала Теноктрис. Она механически поправила складку на тунике, сознание старой леди блуждало далеко отсюда.— Тогда Чудовище, которому они поклоняются, также может существовать. Если оно вырвется из темницы, то мир ждет беда. Я просто уверена...

Она улыбнулась, смягчая горечь произносимых слов.

— Уверена, что Желтый король не придет сражаться с этим Чудовищем, как в былые времена.

— Но мы же здесь,— возразил Гаррик.— Разве ты не можешь сделать что-нибудь, Теноктрис? А мы можем помочь тебе.

— Не знаю, могу ли я сделать что-нибудь,— проговорила старая волшебница.— Но могу попытаться. И, конечно, от помощи не откажусь.

— Нам нужно ехать в Вэллис? — спросила Лизэйн.— У меня есть деньги, мне их оставил отец.

Гаррик заметил, не без гордости, что Лизэйн считает себя частью их компании. Смелость — качество, нередкое у знати. Но Лизэйн, кажется, понимала: нужно быть готовой не просто к опасностям, но и к лишениям, грязи и неудобствам. И для девушки, выросшей в холе и неге, такая решимость была весьма похвальной.

— Я полагаю, лучше как следует пораскинуть мозгами,— заявила Теноктрис.— Может быть, труп Чешуйчатого человека попал сюда для того, чтобы позвать нас в Вэллис. Вдруг это ловушка, кем-то или чем-то подстроенная?

— Это не особенно меняет дело, не так ли? — спросил Гаррик. Если источник угрозы не в Вэллисе, то, по крайней мере, он уж точно имеет отношение к Вэллису. Следовательно, именно там и нужно начинать поиски.

«А в Вэллисе находится трон Островов, сынок», — прозвучал в глубине сознания Гаррика голос предка.

— Когда я покинула дом, то собиралась попасть в Вэллис,— заговорила Шарина.— Отец всегда учил нас заканчивать начатое, разве не так, Гаррик?

Она улыбнулась брату. И оперлась на плечо Кэшсла. Тот никак не отреагировал на прикосновение, разве что внезапно замер, еще сильнее напоминая скалу.

— Я уже разбогатела благодаря своему ремеслу здесь, в Эрдине,— сообщила Илна, сложив руки на столе перед собой.— Зло — довольно прибыльное дело. Я не видела своего управляющего с тех пор, как перестала разрушать человеческие жизни, но уверена, что накопленного мною хватит нам на всех.

Она посмотрела на Лизэйн, на Гаррика. Голос девушки звучал размеренно, как всегда. Скрытая в нем страсть была понятна лишь немногим, кто хорошо ее знал.

Гаррик потянулся к ней через стол. Илна отдернула руки и покачала головой.

— Как я уже сказала, я помогу вам любым способом. Сама же не хочу покидать Эрдин. Не такая я дура, чтобы не понимать: мне не под силу исправить все совершенное мною зло. Проданные мною вещи вызывали самоубийства и болезни. Но мне нужно попытаться.

Гаррик встал. Разве станешь спорить с Илной, когда она приняла решение? Он не понимал ее. Он знал ее всю свою жизнь, и она все еще была для него загадкой. Ясно одно: Илна ос-Кенсет скорее умрет, нежели отступится от принятого решения.

— Посмотрю, можно ли купить нам пятерым пропуск в Вэллис,— проговорил Гаррик.

— Илна, я хочу, чтобы ты поехала,— сказала Лизйн. Она дотронулась до руки приятельницы. Гаррик тоже хотел бы коснуться руки Илны, если бы она разрешила.

Илна тяжело взглянула на девушку.

— Ладно. Я знаю, что ты хотела бы. Пожалуй, если такие, как я, не будут выступать серым фоном, как могут проявить себя хорошие люди? Но все равно, спасибо. Просто третий — лишний.

Кэшел встал с непринужденной грацией медведя, который точит когти о столетний дуб.

— Я иду с тобой, Гаррик,— заявил он.— Никогда мне не нравилось сидеть в четырех стенах, даже здесь, где мастер Латиас предоставил нам так много места.

Они все встали. Шарина взяла за руку Теноктрис.

— А я закончу свое полотно,— сказала Илна.— То, что начала сегодня. Хочу завершить работу...

Она кивнула в сторону Лизйн.

— ...прежде чем ты уедешь.

3-й день месяца Херона

Даже стоя на якоре крепко привязанной к причалу, «Госпожа Милосердная» легонько покачивалась, когда Гаррик вышел из каюты, куда он заносил багаж женщин. Суровыми, ненастными зимними вечерами во время свирепствования восточных ветров вот так же раска-

чивало гостиницу Рейзе. Вреда это не приносило, но покоя лишало.

«Госпожа» была судном восьмидесяти футов длиной, она могла перевозить около сотни тонн грузов в двух трюмах. На юте у штурвала маялся рулевой. Лизэн и Шарина заняли одну каюту, Теноктрис и багаж размещались в другой. Сам капитан будет спать в третьей.

Гаррик и его друзья были единственными пассажирами. Он-то думал, они с Кэшелом смогут занять третью каюту, но когда Кэшел решил поселиться вместе с экипажем на палубе, Гаррик присоединился к другу. Конечно, каюта была бы удобнее, она напомнила бы ему его уютную мансарду в гостинице, но как можно думать о себе, если у девушек не будет места для ночлега.

— Теноктрис! — позвал он. — Как ты считаешь, могут ли люди поступать глупо, если им кажется, что в противном случае они поступят дурно?

Волшебница провела указательным пальцем по деревянной обшивке палубы. Потом взглянула на Гаррика.

— Ну, в мое время люди носили на публике самую разную одежду, не задумываясь о ее качестве и внешнем виде. Так было в кругу, где вращалась моя семья.

Гаррик засмеялся.

— Весьма распространенное явление, правда? Ну ладно, я надеюсь, мы переждем у маленьких островов, вместо того чтобы плыть в ночи.

Теноктрис снова коснулась бревна.

— Я и не ожидала, что судно окажется таким старым, — протянула она. — Я бы сказала, оно старше, чем я сама, разумеется, если не принимать во внимание лишнюю тысячу лет.

— Тебе кажется, отправляться на ней небезопасно? — удивился Гаррик. Он купил билет на «Госпожу Милосердную» лишь потому, что она отплывала в Вэллис с вечерним приливом. И выглядела довольно крепкой...

— Ох, добрые боги, ничего я не знаю о кораблях, — ответила Теноктрис. — Разве только то, что сказано про них в книгах. Я просто имела в виду... — она обвела рукой вокруг. — Этим балкам более ста лет... Море накладывает

свой отпечаток на вещи, изготовленные руками людей. Я могу себе представить, как это было в гостинице твоего отца, ведь несущие балки здания были сняты с кораблей, потерпевших крушение у ваших берегов.

И тихо-тихо, так, что Гаррик едва сумел разобрать ее слова, Теноктрис добавила:

— Я бы скорее подумала о тех портах, в которых побывал наш корабль за время своей жизни, чем о том, что мы собираемся обнаружить в Вэллесе. И о том, с чем мы можем там столкнуться.

Главная мачта «Госпожи Милосердной» находилась точно в центре судна. Шарина сидела на рее, положив босые ноги на свернутый парус из грубой ткани, окрашенной в терракотовый цвет. Отсюда, с высоты в пятьдесят футов над уровнем палубы, она могла видеть весь город.

Эрдин был выстроен в пойме реки, поэтому здания строились не выше двух этажей, максимум — трехэтажные. Для более крупных потребовались бы внушительные сваи. Здесь не было гавани, поэтому лишь рыбацкие суденышки могли нормально пришвартовываться у берега. А море начиналось прямо за окнами гостиницы. Сейчас, сидя высоко, Шарина могла чувствовать знакомый морской запах, перебивавший речной — терпкий, волнующий.

Шарина покинула Барка, потому что посланники короля Валенса сообщили ей, будто она, Шарина, дочь графини Тера, убитой во время резни в Каркозе семнадцать лет назад. Тера были старинным королевским родом на Хафте, потомками Каруса, последнего короля объединенных Островов. И теперь Шарине предназначено, как сказали посланники Валенса, занять место матери во дворце в Вэллесе.

Девушка понимала, что теперь вряд ли будет чувствовать себя счастливой и спокойной, но... разве можно было вернуть тот день, когда посланники еще не приехали? Кроме того, Теноктрис сказала, что сейчас нарастают силы, готовые вообще разделить Острова и расправиться с ними.

И нельзя сказать, будто те, кто стремился захватить трон Малкара и установить свое господство, относились к злым силам. Добрые тоже не остановились бы ни перед чем. Сейчас, как никогда, все в мире перемешалось.

И Барка не могла устоять против сил, управляющих целым космосом. Шарина знала: для нее лучше будет принять участие в борьбе вместо того, чтобы беспомощно стоять в стороне.

И если день, когда она покинула отчий дом, не принес ей безоблачного счастья... что ж, зато момент триумфа она испытала. А также совершенно неожиданное понимание того, что ее друг Кэшел обладает могучей силой, на которую она всегда может положиться.

Сейчас Кэшел стоял на причале, опираясь на посох, пожевывая травинку, которую сорвал в зарослях вдоль канала. Он казался совершенно безмятежным: ничего не боялся и ни о чем не заботился. Ему доводилось встречаться лицом к лицу с врагами — как из этого мира, так и из потустороннего, и он всегда одерживал верх.

Кэшел прикрыл ладонью глаза от солнца, чтобы можно было посмотреть вверх, на Шарину. И улыбнулся, помахав ей рукой.

Шарина помахала в ответ, ощутив приятное чувство умиротворения и спокойствия. Ей не вернуться к спокойной жизни в Барка Хамлет, но все-таки можно обрести хоть какую-то стабильность в море окружавшего ее хаоса.

Она дотронулась до роговой рукоятки охотничьего ножа. Пьюльский нож и Кэшел — этого, может, и недостаточно, чтобы противостоять грядущей опасности, но пока что этого хватало.

Водная Улица петляла вдоль берегов реки Эрд. Ее широкий тротуар служил как для прохода пешеходов, так и для выгрузки товаров, поступающих в порт. Кэшел наблюдал за оживленным движением вокруг, и это напоминало ему движение облаков в небе, которым он любовался в Барка.

Кэшел и предположить не мог, откуда берется столько товаров и куда они потом деваются. Он прожил семна-

дцать лет в общине деревни. Осенью Овечья Ярмарка собирала скотопромышленников и торговцев шерстью в Барка для купли-продажи. Весной же Процессия Церковной Десятины приводила туда изможденных жрецов из Каркозы, собирающих дань для Великих Божеств, Госпожи и Пастыря. Вот, собственно, и все.

Рот Кэшела растянулся в усмешке. Он весьма немного знал об окружающем мире, где сейчас находился, но даже в родной деревне не отличался любознательностью. Гаррик и Шарина считали и читали, их родители служили во дворцах великих мира сего, а для Кэшела только Илна с ее ткачеством была тем человеком, кто хоть немного его понимал.

Но Кэшел ор-Кенсет, как никто другой, знал, как справиться с самым сложным заданием, порученным ему. Этого было достаточно для Барка Хамлет; он надеялся, будет достаточно и здесь тоже.

Старший помощник возвращался на корабль в сопровождении одного из отсутствовавших прежде матросов и полупьяного второго помощника, который еле плелся. Отлив увлекал за собой судно, натягивая канат. Скоро им отплывать, понял Кэшел.

Он не стал снова смотреть на мачту, просто широко улыбнулся еще раз. Сейчас его задача — безопасность Шарины, и он будет охранять эту девушку, пока жив.

— Илна? — окликнула Лизэйн приятельницу. — Ты по-прежнему не хочешь поехать?

Илна скривилась в раздражении. До чего ж это утомительно — выслушивать дураков, пусть даже их намерения самые благородные! Может, эта богачка привыкла иметь дело с людьми, меняющими свое мнение, как только подует другой ветер? Таких вокруг навалом, Госпожа свидетель.

— У меня есть свое собственное дело, — заявила Илна, стараясь не допустить тоскливых ноток в голосе. — Тебе и... и остальным есть чем заняться. Пока вы не отплыли, я хотела бы...

Чего Илна на самом деле хотела, так это извиниться. Но не могла произнести этого вслух, не потому, что боялась этих слов, но потому, что Лизйн не поняла бы ее. Лизйн вряд ли сумела бы понять, как тяжело может быть другому человеку. Стала бы спорить, а сейчас Илне меньше всего нужны были подобные споры.

Лизйн сверкнула глазами. Когда прибыли пятеро пассажиров и Илна, «Госпожа Милосердная» возвышалась над причалом — теперь же уровень реки опустился, и палуба судна судно находилось вровень с плитами мостовой. Илне вовсе не хотелось видеть, как Гаррик будет с беспокойством оглядывать их — когда же Лизйн поднимется на борт.

— Это не займет много времени, — сухо произнесла Илна. — И вообще не займет времени. Я хочу, чтобы ты надела вот это. Носи или нет, как захочешь, но в любом случае постарайся сохранить при себе.

И протянула Лизйн пояс, который закончила как раз перед тем, как они покинули резиденцию мастера Латиса. Он был из шерсти натуральных цветов — коричневый узор на бежевом фоне изображал мягкие перекааты холмов деревушки Барка. Илна одновременно соткала еще один такой же и разделила их только при снятии со станка.

— О, какой прекрасный! — воскликнула Лизйн. — Я буду... Я так тебе благодарна, Илна. Я...

Она оторвалась от пояса и встретила с Илной глазами.

— Хотелось бы мне, чтобы мы подружились, — произнесла она. — Надеюсь, так оно и будет.

— Ага, надейся, — сморщила нос Илна. — У этого пояса есть застежка, которая может крепиться к тунике. Если ты попадешь в беду и тебе действительно будет туго, оторви его. Просто оторви. Если поступишь так, я буду знать и смогу тебе помочь.

— Я... — опять начала Лизйн. В школе ее обучали искусно скрывать изумление, но сейчас это не помогло. — Что за помощь ты имеешь в виду, Илна?

— Не торопись, успеешь, — проворчала Илна. Она ничего не могла с собой поделать. И хотела бы быть милой,

вежливой, такой же, как эта богачка. Но это было выше ее сил, даже на несколько минут...— Как бы то ни было,— добавила она,— надеюсь, тебе это не понадобится. До свидания, Лизэйн. Желаю тебе всего хорошего.

Илна протянула ей руку. Лизэйн обняла ее. Илна ощутила легкую дрожь, когда Лизэйн разомкнула объятия и прыгнула на палубу «Госпожи Милосердной».

Илна не мучилась утрызениями совести от того, что терпеть не может богатую товарку, не страдала, что отдает Гаррика этой ученой красавице. Но она уже не так ненавидела Лизэйн, как прежде. Поэтому и соткала пояса-близнецы, и дала один из них более удачливой сопернице. Ведь Лизэйн даже не подозревает, что они соперничают друг с другом...

— Прощайте! — крикнула Илна всем вокруг. Она быстро повернулась и пошла прочь, прежде чем кто-либо мог увидеть ее слезы.

9-й день месяца Херона

Белтар ор-Холман был средней руки купцом, когда Илна впервые прибыла в Эрдин. Илна ткала ленты, которые привлекали мужчин к женщинам, носившим их, а Белтар продавал ее работы. Их дело росло с небывалой скоростью, скоро лавку Белтара пришлось расширять, прикупив для того соседний дом, где раньше была кузница. Илна вошла в лавку, смутно улыбаясь. Интересно, ждет ли Белтар ее прихода теперь, когда он торгует лишь обычной одеждой и тканями? Если и не ждет, это все равно, она-то сумеет разнообразить его ассортимент!

Хотя день уже кончался, в лавке находилось несколько женщин-покупательниц, каждую сопровождала служанка с корзиной для покупок. Две женщины болтали, обсуждая рулоны ткани, продавщица показывала третьей рулон се-рианской парчи.

Продавщица как раз подняла глаза, когда в лавку вошла Илна. Это была дерзкого вида особа в парике, украшенном гребнями и заколками из янтаря.

— Мне нужно увидеть Белтара,— сообщила Илна. Она прошла к двери, ведущей в заднюю часть помещения, отгороженную ширмой из деревянных бус.

Торговка окинула взглядом простую одежду Илны и рулон ткани в ее руках.

— Торговцы обычно входят через заднюю дверь,— резко бросила она.— Но, судя по твоему виду, ты напрасно здесь тратишь время. У нас разборчивые покупатели! Илна улыбнулась ей.

— Тогда они должны отличаться от тебя, глупая потаскуха,— спокойно и даже мягко произнесла она.— Ты, наверное, одеваешься в темноте, а то зачем бы тебе понадобились тряпки, выкрашенные и пурпурной краской, и мареной в одном и том же костюме. А кстати, парча, которую ты пытаешься им всучить, подмоченная. Ты загибай, загибай край рулона, а то покупатели увидят.

— Что? — воскликнула одна из служанок. Она схватила ткань за край и развернула ее перед носом у продавщицы.

Та в ужасе отпрянула.

— Мастер Белтар! — завопила она.— Мастер Белтар!

Бусы зашелестели, и Белтар ор-Холман проворно шагнул в помещение. В руке у него было перо, которым он переписывал счета с восковых табличек на бумагу или тонкие дощечки — чтобы дольше сохранялись. Он уставился на Илну, как на привидение.

— Ох, помоги мне Пастырь! Я думал, ты мертва! Когда твой дом оказался разрушен... Я молился, чтобы так оно и было!

Купец заметно располнел с их последней встречи, его светло-рыжие волосы поредели, а лицо стало бледнее.

— Я не виню тебя,— проговорила Илна,— но в моем случае молитвы никогда не помогали. Поговорим в твоём кабинете.

И она увлекла за собой Белтара, пользуясь своим странным влиянием на него. Женщины в лавке замерли, утратив дар речи.

Прямо за занавесом оказалась лестница, ведущая в жилые помещения. В комнате слева стояли табурет и складной стол, к стене крепились свитки, испещренные

значками. Окно было лишь одно, из него падал свет, чтобы Белтар мог рассматривать ткани при натуральном освещении. Проверяемые Белтаром счета освещала лампа, сделанная из рыбьего пузыря.

— В прошлое новолуние я переехала сама и перевезла свои станки в мансарду, — сообщила ему Илна. — Жить в трущобах куда дешевле, а я знаю лучшее применение деньгам, чем содержать дворец.

Белтар тяжело опустился на табурет. Хрустальный графин и стакан стояли на столике по соседству. Он попытался налить вина, но больше расплескал. Тогда торговец жадно схватил графин трясущимися руками и начал пить прямо оттуда.

— Тебе нечего бояться, когда имеешь дело со мной, — снова заговорила Илна, — ты ведь знаешь.

Белтар опустил графин. Вино в графине мелко заплескалось. Но торговцу наконец-то удалось взять себя в руки.

— Твой дом был разрушен, вокруг нашли множество мертвых тел, — тихо произнес он. — Я увидел эту картину и решил, что удача мне улыбнулась впервые со дня нашей встречи. Но твоего тела так и не нашел.

— Я не больше твоего радуюсь тому, что происходит, — ответила Илна. — Но изменить уже ничего нельзя.

Она разложила принесенную ткань на столике.

— Мне по-прежнему нужен помощник, чтобы продавать то, что я соткала, — объяснила она. — Но теперь все пойдет иначе.

— Нет, — быстро ответил Белтар. Он уставился на графин, не поднимая глаз на Илну. — Я не хочу больше работать с тобой. Если снова попытаешься воздействовать на мою волю...

Он воззрился на нее взглядом, полным ужаса и ненависти — словно кролик на удава.

— Я убью себя! Убью! Я не собираюсь больше... продавать такое...

Белтар уронил графин. Вино залило стол и табурет. Он закрыл лицо руками и зарыдал.

От графина откололся кусочек глазури, но сам даже не треснул. «Хорошая работа», — одобрительно подумала Ил-

на. Она мягким движением коснулась руки Белтара — настолько мягким, что те, кто знал ее с детства, сразу бы усомнились: непохоже на нее.

— Бедняга Белтар,— заговорила девушка.— Наконец-то отрастил зубки, правда? Глядишь, в том, что я натворила, есть и доброе зерно, а я и не знала.

Она вышла из комнаты и наполнила графин водой из большого сосуда под лестницей. Сверху на нее уставился маленький мальчик с рыжими волосами, как у Белтара. Но тут его сердито дернули за одежду; женщина зашипела на сына. Пусть продавщица в лавке не узнала Илну, но жена Белтара явно поняла, кто пришел к ним в дом.

Илна подала Белтару воды, потом протянула грубый платок, только и годный, чтоб сопли утирать. Подождала, пока он приведет себя в порядок.

Белтар снова поднял на нее глаза.

— Я лучше умру,— тихо пробормотал он.

Илна кивнула:

— Я не стану заставлять тебя работать со мной. Но хочу напомнить одно: прежде я тоже тебя не заставляла. Ты продавал мои ленты, потому что они помогали тебе разбогатеть. И продолжал продавать, даже зная, что они крадут у людей жизнь. И стал очень богатым, очень.

— Я отдал бы тебе все свои деньги, лишь бы ты оставила меня в покое,— угрюмо промолвил торговец.— Отдам тебе деньги прямо сейчас, только убирайся.

— У нас много работы,— отозвалась Илна.— Конечно, сделанного не воротишь, но деньги, с толком вложенные, сыграют свою роль. А те ткани, которые я сейчас тку...

Она развернула сверток, принесенный с собой, и он мягкой волной свесился со стола на целый ярд. Тонкое шерстяное сукно с узором из мягко закругленных полос коричневого и красноватого оттенка, почти параллельных, но не совсем. Чем-то это напоминало подводные заросли, колышущиеся при приливе.

Белтар выпрямился на табурете. Тревога еще не покинула его, но ненависти и ужаса во взгляде уже не было.

— Вот видишь, этот узор помогает человеку почувствовать себя лучше,— пояснила Илна.— Я полагаю, это

тоже обман, но ведь для их же собственного блага. Если повесить такую ткань в качестве полога над кроватью — будет толк.

Торговец нервно сглотнул.

— Тебе могут помогать и другие.

— Да. Но у них нет твоих грехов за душой. Особенно касательно меня. А у тебя есть.

Белтар кивнул. Он встал с табурета, нахмурился, заметив, что стоит в луже разлитого вина. Изумленно покачал головой.

— Да, ты права,— промолвил он. И снова покачал головой.— Я-то убеждал себя, что ты мертва. Не стоило на это надеяться.

Илна снова положила ткань на стол.

— Пойдем со мной; увидишь, где я живу. Для начала можешь наведываться ко мне через день, а потом, пожалуй, изменим расписание.

Белтар вышел из лавки следом за ней. Илна знала, что торговец согласился не по своей воле, но ведь это для его же блага!

Воды Внутреннего моря сверкали всеми цветами радуги, от зеленого до фиолетового; там, где подводные горы подходили близко к поверхности воды, можно было разглядеть рыб и кораллы красного, желтого и оранжевого оттенков. Гаррик перегнулся через борт, словно вглядываясь в шлюпку, что следовала за судном, привязанная двадцатифутовым фалинем. На самом деле вместе с королем Карусом он наблюдал с воображаемого балкона за приготовлениями к битве.

— Острова слишком велики, чтобы ими можно было управлять без согласия народов, которыми управляешь,— проговорил Карус, критическим взором окидывая войска. Потом усмехнулся и добавил: — Все люди одинаково любят спокойствие; правда, находятся порой и горячие головы...

Королевская армия состояла из легковооруженных копейщиков, неторопливо выстраивавшихся в шеренги по шестнадцать человек. Они высаживались с боевых кораб-

лей, стоявших возле берега за их спинами под прикрытием береговых скал.

— ...но большинство людей желают, чтобы ими правили, сынок, по крайней мере, если ты делаешь это хоть немного усердно,— продолжал король.— Ну, конечно же, они не хотят платить слишком большую дань королю. Им гораздо больше нравится, когда твой батюшка бесплатно потчует их пивом у себя в гостинице, верно?

Король повернулся и в упор посмотрел на Гаррика. В уголках его глаз от смеха собрались морщинки, но сам взгляд был твердым и прямым, как лезвие меча.

— И при этом никто не хочет, чтобы морские пираты нападали на их корабли,— продолжил Карус.— И совсем уж им не по нраву, когда шайки воров насилуют их женщин и грабят дома и лавки.

Внизу, на земле, группа вооруженных всадников из вражеского лагеря бросилась на формирующуюся фалангу, пытаясь разделаться с ней. Их встретили ударами копий, началось побоище.

Всадники рубили сами и уворачивались от ударов. Атака потеряла стремительность. Наконец всадники повернули назад к лагерю, откуда налетели, многие — пешком, ибо потеряли коней.

— Они согласятся, чтобы ими правили,— сказал Карус,— если ты справедлив, во всяком случае, достаточно справедлив и делаешь, на их взгляд, все необходимое. Взять, например, графа Хитто из Блэйза...

Он кивнул, удовлетворенно наблюдая за сценой внизу.

— Там, в Блэйзе, было множество людей, кому не по душе было платить налоги в казну Каркозы, но они считали, что это меньшее зло, чем позволить Хитто раздеть их догола, собрать армию и сделаться королем Островов! Кавалерия, сынок! Он собирался использовать тяжелую кавалерию, чтобы завоевать Острова!

Сто семьдесят три гребца сидели с каждой стороны королевской триремы. На земле они вооружались длинными пиками, трехфутовыми пращами и мешочками со свинцовыми пулями, которые без труда расправятся с любым деревенским лучником.

Фаланга пришла в движение, напоминая морской прибой. Пращники перемешались с копьеносцами.

На заднем фланге в качестве резерва выступали пять сотен вооруженных пеших воинов с мечами. Их шлемы и кирасы блестели на солнце.

Четверо крепких воинов держали на плечах платформу, напоминающую паланкин. Король Карус стоял на ней, обозревая свою армию по мере разворачивания битвы. В руке он держал свой шлем, который использует в качестве гонга, когда голос будет уже не слышен за шумом сражения. Правая рука покоилась на рукояти меча.

— Помни же, сынок,— заговорил он, обращаясь к Гаррику.— Ты можешь любого человека заставить делать то, что захочешь.

Он усмехнулся.

— Я мог, по крайней мере, да и ты достаточно внушительных габаритов для этого. Но когда попытаешься силой переубедить двоих, к одному, возможно, придется повернуться спиной. Если доведется тебе править королевством, сделай так, чтобы все полагали, будто лучшего короля мир не видывал.

Внизу группа вооруженных всадников билась с крестьянами из Блэйза, вооруженными грубыми копьями и стрелами, с которыми они охотились на кроликов. Крестьяне сражались так отчаянно, будто ни мечи, ни пращи не могли причинить им вреда.

Фаланга быстро продвигалась вперед. Первые три шеренги опустили пики, следующие ошметинились сталью.

— Но почему я?! — заспорил Гаррик.— Какое у меня право быть королем? Я ведь только крестьянин из Хафта!

— Это не право, сынок,— объяснил ему Карус.— Это долг, ибо твой предок проиграл сражение тысячу лет назад. Я потерпел неудачу. Не потому, что не пытался, просто не смог. Тебе вершить это, король Гаррик...

Он улыбнулся. Карус на поле битвы спрыгнул с платформы и сам повел войско на врага. Его меч мелькал, словно змеиное жало.

— Потому что, если ты не сможешь, другого шанса не будет. На этот раз — все.

— Эй, далеко ли до суши? — позвал чей-то голос. Слова обрушились на Гаррика, и тут он понял, что стоит, облокотившись на деревянный борт «Госпожи Милосердной».

— До Пандаха осталось всего три мили! — откликнулся кто-то на мачте.

Лизьин сидела в нескольких футах от перил, читая кодекс Од Селондра. Услышав, что Гаррик шевельнулся, она улыбнулась ему.

Уголкем глаза Гаррик отметил странную зеленую вспышку у северного горизонта. И решил, что это последнее эхо его союзника.

Кэшел стоял у перил, положив левую руку на бушприт. Как он успел заметить во время путешествия, маленький парус, свисавший с бушприта, использовался в основном для маневрирования. Он пока не видел Пандаха, но знал, что облака, формирующиеся в чистом небе, говорят о восходящих потоках воздуха над невидимой пока сушей.

— Разве не здорово будет очутиться сегодня на твердой земле вместо того, чтобы ночевать на песчаном холме посреди моря? — произнесла Шарина. — А еще свежая вода!

— Да уж, корабельная-то отдает дегтем, — согласился Кэшел. Вообще-то на корабле ему нравилось. Качка его не беспокоила, как и бескрайнее небо над головой.

Лизьин помахала рукой, заметив взгляд Кэшела в своем направлении. Гаррик не сводил глаз с северного горизонта, сделав ладонь козырьком.

Шарина заметила, что Гаррик пристально вглядывается вдаль. Она наклонилась над бушпритом и встала на фальшборт; перила окружали только носовую часть корабля. Кэшел не мог ничего заметить в этой стороне, ему мешал парус.

— Кэшел, — позвала Шарина. — Иди-ка, взгляни вон туда.

Кэшел перешагнул через брус бушприта вместо того, чтобы проползти вниз. Матрос, бегущий поправить па-

рус, ударился о плечо великана и сердито вскрикнул. Кэшел не обратил на него внимания, оглядывая море зорким взглядом пастуха, привыкшего сразу обнаруживать опасность.

Легкий ветерок заставлял корабль двигаться не быстрее идущего по дороге стада овец. Море спокойно раскинулось вокруг.

Из глубины вынырнула рыба, сверкнувшая на солнце серебром. Такая сцена повторялась за время путешествия.

Вдруг у Кэшела побежали мурашки по шее. Он подхватил посох наперевес, чтобы выстроить барьер перед собой и Шариной. Неподалеку матросы поднимали паруса под одобрительные крики капитана. Они хотели поскорее попасть в порт и не видели поводов для беспокойства.

— Там, в море, что-то есть, — произнесла Шарина нарочито спокойным голосом. — Пожалуй, в миле отсюда. Серое или зеленое, непонятной формы. Но оно точно там, что бы это ни было.

Теноктрис вышла из каюты, где отдыхала. Она взглянула на Кэшела, потом — в сторону порта.

— Может, это кит или... — начала Шарина.

Серая искривленная линза распространилась над морем и небом на сотни футов вокруг. Кэшел видел волны и горизонт через эту линзу, но они были искажены и словно окутаны тенью. Сквозь серое просвечивало бронзовое сияние. А грозный рык словно бы тысяч чудовищных глоток заглушил даже испуганные крики матросов.

И линза накрыла «Госпожу Милосердную», словно цунами.

Шарина обеими руками вцепилась в планшир. Все это напоминало бурю. Она и не подумала спрятаться внутри. От хрупкой каюты толку будет мало, ведь даже стенки корабля не кажутся надежной защитой.

Кэшел стоял, крепко расставив ноги, сжав в руке посох и бешено вращая его посолонь. Искры летели из железного наконечника, сверкая в воздухе, вокруг посоха распространилось голубоватое сияние.

Паруса бессильно повисли.

Корабль завертелся волчком и вошел в линзу. Солнце исчезло.

Кэшел продолжал вращать посох. Лицо его оставалось спокойным, но он больше не выглядел тем юношей, к которому так привыкла Шарина. Теперь он скорее напоминал изображение в святилищах великих храмов, Пастыря, но не в облике кроткого красавца супруга Госпожи, а другую его ипостась — Защитника, грозного и величавого.

Серую мглу прорезала молния, раздался треск, и голубая вспышка накрыла Шарину и Кэшела. Планшир разлетелся на мелкие осколки, бушприт тоже сломался. Ванты охватило алое пламя.

«Госпожа Милосердная» раскололась на части. Палубу выгнуло дугой, одна из частей борта встала вертикально. Крики матросов поглотил жуткий грохот.

Кэшел и Шарина находились словно в коконе застывшего воздуха.

Над ними с треском разорвался главный парус. Шарина увидела, как капитан перелетел через нос судна, и туника его развевалась, словно флаг.

Гаррик схватился за лодку одной рукой, перерубая державший ее канат мечом. Лизэйн наклонилась над ним, привязывая себя и Теноктрис веревкой от главного паруса. Лодка сможет плыть, если удастся скинуть ее на воду. Правда, Теноктрис рискует не продержаться, пока подоспеет помощь со стороны Пандаха.

Что же касается Шарины и Кэшела...

Рев внезапно оборвался. Шарина почувствовала, что плывет: так оно и было. Она не видела ничего, кроме Кэшела и голубого шара, кружившего над ним.

Солнечный свет ослепил ее. Шарина погрузилась в теплую соленую воду Внутреннего моря. Кэшел барахтался за ее спиной. Он все еще держал посох, но выглядел так, словно вот-вот окончательно потеряет силы.

Лицо Кэшела скрылось под водой. Шарина сумела одной рукой поднять ему голову. Рядом всплыла шлюпка, все еще привязанная к кораблю единственным канатом. Шарина подплыла к шлюпке и толкнула ее. Подняла го-

лову, чтобы вдохнуть, и увидела, что со стороны Пандаха приближается галера с гребцами на веслах.

Но от самого судна не осталось и следа. На его месте колыхалось море.

9-й день месяца Херона (позднее)

Над ними бушевал шторм. Гаррик перерезал верхнюю веревку, но шлюпка по-прежнему держалась на месте — видимо, был еще какой-то канат, до которого он не мог добраться.

Ветер налетал с дикой яростью. Он перекинул правую ногу через перила, зная, что корабль скоро расколется пополам. Потом сунул меч в ножны, чтобы обеими руками разобраться со шлюпкой.

Карус, видимо, тоже помогал, пусть и незаметно: меч сам собой легко скользнул в ножны. Гаррику бы нипочем не справиться одной рукой.

Главная мачта с громким треском переломилась пополам. Посыпались обломки древесины. Гаррик прислонился к борту шлюпки. Буря ревела, сотрясая судно, увлекая его в серую мглу. Гаррик едва мог дышать: ветер бил ему в лицо.

Лиэйн обвязала веревку вокруг пояса Гаррика и связала ее с веревкой, державшей их с Теноктрис. Она завязала узлы на концах и затянула их как можно туже. Теноктрис прижалась к девушке и вцепилась в нее со всей силой, на которую способны были хрупкие, старческие руки.

Гаррик выпрямился и напрягся во всю мочь. Глаза едва не вылезли из орбит, жилы на шее вздулись, мышцы рук горели огнем.

Лиэйн и Теноктрис не должны пострадать, они прижались к палубе. Их одежды, более длинные и плотные, чем у мужчин, лучше защитят женщин от порывов ураганного ветра.

Раздался громкий треск. Гаррика швырнуло в море с веслом в руке. Наконец-то веревка поддалась, подумал он с торжеством. «Госпожа Милосердная» прекратила суще-

ствовать. Гаррик из всех сил старался удержаться на воде, моля богов, чтобы ему удалось выдержать вес Лизин и Теноктрис.

Ветер дул чудовищный, но не его ярость, а вздыбленные волны вернее послужили бы Сестре, забирающей души в Мир Подземный... Гаррик обхватил обеими руками огромное корабельное весло, каждый раз замирая, когда их окатывала тяжелая волна.

Он теперь уже не понимал, когда его лицо уходит под воду, а когда — нет. Дышать было попросту невозможно. Легкие горели, от удара о воду половина лица онемела. Непонятно было, как долго еще непослушные пальцы смогут удерживать спасительное весло.

Гаррик перестал двигаться. Наверное, он уже умер, но его это больше не беспокоило. Вокруг разлилось мягкое зеленоватое сияние, а затем все поглотило черное забвение.

Призрачный двойник Гаррика стоял на мраморном балконе. От непогоды рельеф мрамора стал неровным, внутренние же поверхности отличались удивительной гладкостью.

Он смотрел на себя, лежащего бездыханным в грязи. Поодаль валялось весло, которое, очевидно, он не выпустил из рук, даже потеряв сознание. Женщины начали шевелиться.

— Я должен спуститься туда! — решительно сказал Гаррик.

— Еще не сейчас, — осадил его король Карус, пожалуй, несколько более горячо, нежели обычно. — Твоему телу нужно время, чтобы прийти в себя. Ты потрудился за двоих.

Небо стало бледно-зеленым. В сотне ярдов от них показались несколько человек, они приближались. Вооружены были дубинками, топорами и копьями. Попробовал бы кто из таких шнырять вокруг деревушки Барка во время Овечьей Ярмарки — его бы сейчас же выгнали как бродягу и отщепенца.

— Им хватит времени,— сообщил Карус. Он схватился за перила жестом, который Гаррик узнал: обычно король таким образом старался не взяться за рукоятку меча. Карус знал, как лучше всего поступить, но внутри оставался столь же нетерпеливым, как и Гаррик.

— Эй, здесь тело! — закричал один из людей.— Ого, живая! Она живая, пускай Сестра заберет меня, если я вру!

Лиэйн забилась, пытаясь распутать узел веревки, связывавшей ее с Гарриком. Мужчины кинулись к ней, но девушка тут же вынула из-под туники кинжал. Его острие блеснуло на солнце.

— Посмотрите-ка на эту штучку! — воскликнул один из мужчин. Вся банда остановилась.

— А у другого-то — меч! — заорал человек, вооруженный древком от сломанного копья.— Меч — мне! Господом клянусь, я заслужил этот меч! Или Родоард отдаст мне его, или я возьму его сам!

Веревка была из крепкого сизаля и наполовину разбухла от соленой воды. Лиэйн перерезала ее тремя быстрыми движениями. Потом обернулась к бандитам.

— О-е! — протянул копейщик.— Забирай меч, Отелм. А я хочу вот это!

— Может быть, когда Родоард позабавится с ней сам,— хмыкнул другой.— Если его сука-колдунья не решит вначале расправиться с соперницей.

— Там еще старуха,— подсказал человек с топориком, ручка которого была сделана из бараньей кости.— С ней тоже надо разобраться.

— А теперь, сынок, пора,— тихим голосом, в котором звенела сталь, сообщил Гаррику король.

Зеленое небо оказалось не столь ярким, как вначале показалось Гаррику. Теперь он чувствовал, как невыносимо ломит каждую мышцу, каждое сухожилие после того жуткого напряжения, которое он испытал.

Гаррик поднялся тихо, беззвучно. Сверкнул белый огонь, едва не ослепивший его. Он схватил меч, описал им восьмерку и рывкнул:

— Ну, кто из вас желает умереть первым? А может, проткнуть вас всех одним ударом?!

Это было доброе оружие. Он купил его в Эрдине, и сам король Карус одобрил его выбор. Конечно, шесть человек сразу им не пронзишь. Но одного...

— Да заберет меня Сестра! — в ужасе заорал один из разбойников. Вся банда кинулась врассыпную. — Я-то думал, он мертвый!

Гаррик сжал рукоять меча в левой руке и слегка согнул другой лезвие. Он вовсе не был уверен, что у него достанет силы справиться с мечом одной рукой, а так можно было держать его двумя.

Теноктрис зашептала заклинание. Гаррик почувствовал, как предательское дрожание мускулов отпустило. Старуха помогала ему как только могла.

— Вы отведете нас к Родоарду! — сильным, чистым голосом произнесла Лизэйн и убрала кинжал в ножны. — И пойдете впереди нас. Понятно?

Мужчины пересглянулись. Никто из них не хотел принимать решение. Спустя минуту копыеносец повернулся и зашагал в направлении, откуда они пришли, не говоря ни слова. Остальные присоединились к нему.

Гаррик и женщины последовали за ними. Гаррик дважды едва не упал, но Лизэйн поддержала его.

Шарина сидела в качающейся шлюпке, держа на коленях голову Кэшела. К нему вернулся нормальный цвет лица, нездоровый румянец ушел.

Девушка была измучена. Она не только подтащила Кэшела к шлюпке, но и сумела перевалить его тело через борт. А это было ох как нелегко: Кэшел весил немало.

Шарина и понятия не имела, каким образом Кэшел сумел их спасти. Но в одном была уверена: если бы не он, их обоих поглотила бы морская пучина вместе с кораблем.

Галера из Пандаха приближалась. Она принадлежала знатному человеку. С каждой стороны сидело на веслах по пятьдесят человек. Мачта и канат с парусом лежали на

палубе параллельно бортам корабля. Когда понадобится, их установят заново, но сейчас быстрее двигаться на веслах.

На носу облокотился на поручни молодой человек лет двадцати с небольшим. Его попугайское одеяние выдавало в нем знатную особу. Другой же, чуть постарше, слуга либо помощник, склонился над ним, страхуя своего господина, если тот вдруг упадет за борт.

Рядом с молодым аристократом стоял юноша, почти мальчик, в красном бархатном халате, расшитом серебряными астрологическими символами. Шарина ни за что не выбрала бы для путешествия по морю бархат и перья, но знатым людям и магам это зачастую было необходимо.

Огромная обезьяна возилась рядом с людьми, то и дело пытаясь окунуть лапу в волну. Вот она начала говорить с магом, и, к величайшему изумлению Шарины, тот отвечал животному.

— Табань! — закричал офицер в шлеме. Гребцы встали со скамеек, наклонились и начали толкать веслами от себя. Галера остановилась футах в двадцати от шлюпки.

Шарина видела прежде моряков из Сандраккана и Орнифала. Эти гребцы были одеты в такие же набедренные повязки с широкой красной каймой. И по этой одежде можно было догадаться: на судне находится правитель либо его сын.

— Кидай им веревку, Теркис! — скомандовал юноша слуге, который так удивился, словно ему велели лететь.

— Я сделаю это, Ваше Величество, — вмешался маг. Он схватил канат и раскрутил его кольца, кинув прямо в руки Шарине. Она привязала канат к кнехту, позволив магу подтянуть шлюпку ближе.

Кэшел все еще был без сознания.

— Моего друга нужно внести на борт, — предупредила Шарина, когда шлюпка коснулась борта галеры. Ей было неуютно под пристальными взглядами правителя, мага, а также большой бурой обезьяны, висевшей на перилах.

— Капитан Лашин! — окликнул правитель. — Поднимите человека на борт. Мы доставим его во дворец, — он

протянул руку Шарине.— И вас тоже, госпожа. Я — Фолкуин, король Пандаха. Вы так прекрасны, должно быть, в ваших жилах течет благородная кровь.

Без дальнейших указаний гребцы подняли на борт шлюпку. Шарина выбралась на платформу, пока гребцы вытаскивали Кэшела, чей вес оказался внушительным даже для них.

— Я не...— начала Шарина.

— Хорошенькая женщина, как считают люди,— скрипучим голосом произнесла обезьяна.— Этот здоровый — ее супруг?

— Захаг! — одернул его маг. Он был высоким и нескладным, выглядел совсем зеленым юнцом.— Нечего беспокоить леди.

Он прокашлялся и продолжил:

— Я — Халфемос, маг короля Фолкуина. Не могли бы вы рассказать нам, каким образом исчез ваш корабль, госпожа?

— Я и сама не знаю,— отвечала Шарина. Галера снова тронулась в путь.— Просто исчез. Это было похоже на шторм — но все-таки не шторм, очень уж все странно.

Она окинула взглядом возбужденные и обеспокоенные лица чужаков.

— Я — Шарина ос-Рейзе, я просто...

Она не знала, как продолжить. Она ведь не принцесса, но и не обычная дочь владельца гостиницы, так ведь? И вообще — не дочь Рейзе, если эмиссары короля не солгали.

— Я...— повторила она. И затем с чувством облегчения выпалила то, что, в сущности, и было правдой:

— Я очень рада, что вы пришли на помощь мне и моему другу Кэшелу!

Гаррик постепенно приходил в себя. Теперь он и две женщины пробирались сквозь заросли вслед за бандой. Он знал, что спустя день-другой ощутит жуткое напряжение в мышцах как результат борьбы с веслом, но сейчас легкая разминка в виде ходьбы шла на пользу.

Он сунул меч в ножны с легким скрежетом металла о металл. Отелм взглянул на него через плечо. Гаррик негромко проворчал нечто нелицеприятное. Тот отвернулся.

Небо оставалось необычного зеленоватого оттенка. Солнца было не видно за облаками. Растительность достигала шестидесяти футов в высоту, по виду больше напоминая кустарник, чем деревья.

Гаррик кинул взгляд на Теноктрис. Она в ответ тоже изумленно покачала головой. Повинуясь некоему инстинкту, все трое продолжали хранить молчание, пока не разведут, куда их ведут.

Гаррик быстро оглядывался всякий раз, когда слышал подозрительные звуки из чащи. Травы или кустов почти не было. Из животных шныряли одни крысы. И те, наверняка, спаслись с тонущих кораблей, как и люди.

То же самое, наверное, касалось жуков и мух, жужжавших в воздухе. Гаррик слабо улыбнулся. Он был рад, что они с друзьями выжили, но не особенно радовался компании, в которую угодили.

Тропа расширилась. Стоявший на ней наблюдатель выглядел не лучше их спутников. Он бил в барабан, выдолбленный из цельного ствола дерева нескольких футов в диаметре.

Спутники Гаррика вздрогнули при этом звуке. Гаррик распрямил спину.

Множество мужчин — и несколько женщин — вышли из леса и теперь разглядывали чужаков. Большинство были в нарядах из коры и травы, но на нескольких оказалась явно добытая во внешнем мире одежда.

— Почему у него меч? — с вызовом спросил Отелма один из мужчин.

— Потому что я убил бы всякого, кто попытался бы отнять его у меня! — заявил Гаррик. — Может, вы тоже хотите попытаться?

Человек, с которым он разговаривал, напоминал крижистого тролля — с повязкой на глазу и кольцом в ноздре. Он сплюнул, но попятился, когда Гаррик подошел к нему поближе.

Они очутились на широком грязном пляже вокруг лагуны. Гаррик не знал, куда тянется вода. Вдали виднелись тростниковые плоты и фигурки людей на них.

Открытые дворики крошечного размера лежали вдоль линии леса, но крыш над ними, похоже, не было. Ни солнца, ни дождя не было тоже, так что постройки, скорее, служили для защиты от соседей, чем от непогоды.

Лиэйн положила руку на плечо Гаррику и дотянулась до его уха.

— Люди там, на плотях,— вовсе не люди,— шепнула она.— Погляди-ка, у них шерсть на лице!

Судя по множеству жилищ, здесь проживало не менее тысячи человек. И встретить беглецов вышло порядка сотни. И еще не меньшее количество поджидало чуть поодаль, в зарослях колючей растительности, перед большим помещением с висящим на столбе бронзовым гонгом.

— Мы вернулись с неплохой добычей, Родоард! — крикнул Отелм.— Весло из крепкого дуба, да и железа среди обломков немало!

Посреди открытого помещения на троне восседал огромный дегина. Рядом с ним — женщина, изящная, как статуэтка; лет, должно быть, сорока. Она была все еще красива, но глаза смотрели жестко, недобро, и Гаррик весь напрягся.

— Значит, нашим искателям сокровищ должно повезти,— отвечал Родоард.— Подойди-ка поближе, парень.

Гаррик шагнул вперед.

— Держитесь подле меня,— шепнул он друзьям.

На Родоарде было одеяние из многих слоев шелка и бархата. Ткань изрядно пострадала от морской воды и грязи, смешение красок было просто чудовищным. Настоящая одежда в этих местах символизирует процветание, догадался Гаррик.

Как, впрочем, и металл. Родоард был обладателем весьма удобного короткого меча, а рядом с ним на троне находился кинжал с одним заостренным краем. С другой стороны оружия имелся загнутый крюк.

— Фальшивый полунож,— прошептал чуть слышно Гаррик. Неудобное оружие, которым воспользуется в бою только молокосос.

Гаррик остановился футах в десяти от трона.

— Я — Гаррик ор-Рейзе, — громко произнес он. — А это мои друзья: Теноктрис и Лизэйн ос-Бенло. Мы потерпели кораблекрушение.

Женщина встала с трона и подошла к Гаррику. С растущим ужасом он осознал, что ее длинное платье сделано из человеческих пальцев — вернее, из костей, связанных тонкими нитями. При каждом ее движении кости тихо постукивали. Она лениво улыбнулась ему.

— Оставь его в покое, Лунифра, — с ноткой раздражения в голосе произнес Родоард. — Разве что позже. Если будет вести себя хорошо.

Шеренга здоровяков-охранников стояла возле тронов. В руках у них были мечи и копья, на некоторых — доспехи. Но даже вооруженные охранники поглядывали на женщину с тревогой.

Лунифра издала горловой смсшок. Она уперла кулаки в бока и повела бедрами. Выглядело это как непристойность: она словно плюнула в лицо Гаррику. Эта женщина буквально пахла смертью.

— Ты на вид крепкий орешек, Гаррик, — шутливо произнес Родоард, правда, голос его не сулил ничего хорошего. — Мы сумеем найти тебе применение, когда пойдем в поход на Эрзу за всяким добром. А сейчас ты должен сдать свой меч и своих женщин. Я решу, кому достанется награда.

— Я из Хафта, — заявил Гаррик спокойно, не повышая тона. — У нас там нет рабов.

— Забудь про Хафт! — заявил Родоард, склоняясь вперед и стискивая рукоятку кинжала. Ему было около тридцати: почти такой же крупный, как Кэшел, хотя и более жирный; без сомнения, сильный мужчина. — Забудь обо всем, что ты знал прежде, ибо тебе не вернуться назад. Ты теперь в Заливе, а слово короля Родоарда — единственный здесь закон.

— Что касается моего меча, — заговорил Гаррик, — пожалуйста, попробуйте забрать его. Кто будет пробовать, ты, Родоард?

Тот огляделся, словно желая убедиться, что все его телохранители на месте. Гаррик положил правую руку на

рукою меча. В его сознании ожили воспоминания из жизни другого человека, чей меч без устали разил козлоногих тварей с бронзовым оружием. Отлетали конечности, рогатые головы раскалывались надвое, хлестала кровь, слишком красная, чтобы быть человеческой.

Глядя на Гаррика, Родоард вскочил с места, схватил свой кинжал и с удивлением стал рассматривать его, словно видел впервые.

Гаррик чувствовал, что в горле пересохло, руки дрожат.

— Оставьте нас здесь, и мы будем служить вам! — произнесла Лизэйн. — Но будем служить вам как свободные люди с Островов. Вы это понимаете?

Лунифра что-то зашептала. Правой рукой она подхватила палочку с земли и начала сгребать землю, придавая ей форму человеческой фигурки, которая запрыгала, словно медведь на цепи.

Лунифра посмотрела на Гаррика и снова улыбнулась, но на лбу колдуньи от усилий выступил пот.

Теноктрис зашептала:

— *Оребузагра рексистхон хиппочтхон...*

Фигурка развалилась надвое, на четыре части, на восемь — каждый кусочек заплясал отдельно. За минуту крупный ком земли распался на множество крохотных кусочков.

Лунифра в ярости затрясла головой. Она скрестила руки перед собой, дабы предотвратить нападение. Ее волшебная палочка представляла собой кость крупного зверя — медведя или гигантского кота.

— Сядь же, Лунифра, — велел Родоард. Он поднял руку. — Я уже сказал: оставь их в покое!

Король без всякого выражения посмотрел на Гаррика.

— Ну ладно, парень, — заметил он. — Можешь идти. Джосфред, выдай им провизию и укажи место, где спать.

Голос Родоарда звучал безразлично — и, возможно, это было опаснее, чем если бы король разъярился. Была же причина, по которой именно он начал верховодить этой помойкой!

Человечек, настолько низкорослый и худосочный, что Гаррик едва не принял его за ребенка, подошел ближе. Он и другие, немногим выше, стояли поодаль.

— И еще, Джосфред,— добавил король.— Проследи, чтобы Гаррик навестил Эрза. Я хочу, чтобы он понял, какое применение мы найдем его мечу в ближайшее время.

10-й день месяца Херона

Кэшел решил, что проснулся. Он лежит в тесном гамаке. Причудливая решетка покрывает окна комнаты, снаружи решетку увивает лоза, отчего комната залита зеленоватым светом.

Он сел. Над его головой висело огромное опахало из перьев попугая. На самом деле оно не висело: слуга держал его в руках, овеивая спящего.

— Где я? — спросил Кэшел.

В одну из дверей вошла Шарина, улыбаясь, словно ясное солнышко.

— Не напрягайся,— сказала она.— Вот, держись за меня.

— Со мной все в порядке,— заявил Кэшел. Он робко улыбнулся; обычно всегда такое говоришь.— Я хотел сказать, на самом деле все в порядке.

Кэшел подал Шарине руку, стараясь на опираться на девушку, и встал. Вначале голова закружилась, но лишь на мгновение. Он чувствовал себя отдохнувшим. В голове проплыло смутное и неприятное воспоминание.

Он улыбнулся, глядя на руку Шарины в своей руке. Высокая девушка и не такая уж худенькая, но все равно в его лапище ее ручка выглядела игрушечной. Шарине, должно быть, пришла в голову та же мысль, потому что они переглянулись и, не сговариваясь, расхохотались.

На Шарине была кремовая льняная туника с синим геометрическим узором по краям. В Барка Хамлет люди всегда одевались предельно просто, но Кэшел научился разбираться в тканях и узорах благодаря Илне, своей сестре. Пожалуй, и во всем, что касается овец, Илна знала толк, подумал он.

Кэшел оглядел себя. На нем была туника с таким же рисунком, как у Шарины — но похоже, ее наспех сшили

из двух. Он улыбнулся: по-видимому, люди его роста и сложения здесь нечасто встречаются.

Да, кстати, где они?

— Мы в Пандахе? — задал он вопрос.

В комнату вошла обезьяна на четырех лапах. Она выпрямилась и обратилась к Шарине утробным голосом:

— Пойдем. Сейчас твой ход.

— Обезьяна-то разговаривает! — поразился Кэшел.

Животное недовольно заурчало. Оно было ростом со среднего человека, просто на коротких ногах. Мощные грудная клетка и плечи заставляли признать в нем серьезного противника.

— Неужели все люди настолько тупы, чтобы не отличать просто обезьяну от примата? — воскликнула зверюга. — Ты бы сказала, Шарина, Халфемосу, пусть даст ему немного ума. Хотя, пожалуй, легче обучить собаку. Или нет, быка.

Кэшел разразился смехом.

— Ну, не чудеса ли? Точно разговаривает... да еще и думает!

— Идиот! Идиот! Идиот! — заорала обезьяна, то есть примат, подскочив к окну и в ярости выскакивая наружу. Шарина тоже смеялась.

— Это Захаг, — объяснила она. — Король Пандаха Фолкуин любезно приютил нас после...

По лицу ее пробежала едва заметная тень, когда она продолжила:

— После того, как шторм уничтожил наш корабль. Придворный маг, мастер Халфемос, дал Захагу человеческий разум. Мы играем в шахматы.

Захаг снова запрыгнул в окно.

— Пойдем! — приказал он, схватив Шарину за руку. Пальцы у него были ужасно длинные и покрытые рыжеватой шерстью. — Твой ход!

Похоже, гнев его успел остыть. На крепкой оконной раме остались следы клыков.

Искусство мага, вероятно, сумело наградить примата человеческим разумом, но характер-то у него по-прежнему оставался обезьяний! Однажды один торговец шер-

стью из Сандраккана прибыл в Барку с ручной обезьянкой, правда, маленькой, не крупнее кошки. Домашнее животное величиной с Захага, конечно, было неплохой идеей, но вот умное и сильное животное, при этом легко впадающее в ярость — наверное, слегка перебор.

— Минуточку, Захаг,— проговорила Шарина, отнимая руку.— Кэшел, ты готов быть представленным королю Фолкуину? Если нет, можно не спешить.

Слуга — или раб? — наблюдал за ними, продолжая свое дело. Он казался совершенно безликим, словно сам был частью опахала.

— Ну же! — вскричал Захаг. Он сделал вид, будто собирается броситься на Шарину.

Кэшел, как всегда, наготове, спрятал Шарину за спиной. Он стоял лицом к лицу с приматом, и на лице его была написана решимость.

Захаг издал вопль ужаса. Он прыгнул к слуге, отшвырнул беднягу в сторону и налетел на опахало, отчего перья рассыпались, облетая, словно лепестки огромного цветка.

Кэшел попятился, стоя между Шариной и приматом. Сегодня у нее не было с собой ножа, как заметил Кэшел. Видно, хранится где-то во дворце.

Захаг опустился на пол и стал почесываться, всем своим видом изображая безразличие. Он забормotal:

— Ну что ж, ладно, игра может и подождать...

Кэшел прочистил горло.

— Конечно, я буду рад поблагодарить короля,— сообщил он.

Они с Шариной вышли из комнаты; обезьяна плелась на почтительном расстоянии от них.

— Как вы здесь определяете время? — спросила Лизин, пока Джосфред вел их в поселение.

Гаррик полагал, что проспал полных двенадцать часов, ибо мышцы его совершенно расслабились и отдохнули после шторма. Ничто не мешало его сну в плетеной хижине, куда их привел помощник короля.

Джосфред пожал плечами.

— Вы, чужаки, всегда задаете такие вопросы. Время здесь, в Заливе, не значит ничего. Мы не можем вас понять — те из нас, кто родился здесь.

Прежде тропа, по которой они шли, была, видимо, широкой дорогой, но теперь сорная растительность вроде лебеды начала густо покрывать ее. Гаррик не знал, насколько быстро разрастается здесь трава.

— Сюда! — сообщил Джосфред. — Здесь находится сад с урожаем слив Эрзы. Не думаю, что нам стоит приближаться, но, если что, у вас же острый меч, мастер Гаррик!

В голосе их гида прозвучала горечь. Гаррик вовсе не был уверен, чему больше завидует маленький человек: обладанию мечом или девушкой. Непохоже было, что Джосфред вообще считал женщин за людей. Гаррик даже не знал, только его проводнику присуща такая точка зрения, либо же здесь, в Заливе, все так думают.

Правда... Лунифра не является ничьей собственностью, даже Родоарда.

Дюжина гуманоидов, покрытых негустым мехом, срывали темно-синие плоды с раскидистых кустов, растущих ровными рядами. Те, которые Гаррик и его спутники пробовали прежде, были размером с кулак и вряд ли напоминали настоящие сливы, даже цвет их был бледнее.

Эрза перестали работать и поставили на землю корзины, в которые собирали плоды. Они двигались кучками, не сводя глаз с людей. Их мужчины выхватили дубинки и копья с наконечниками из морских раковин.

Самый крупный из них — ростом с Гаррика, но значительно легче него — держал в руке копьё с острейшим наконечником. Он обратился к Гаррику:

— Убирайтесь, люди, — его акцент звучал понятнее, нежели речь Джосфреда.

— Нам лучше уйти, — нервно произнес маленький человек.

— Я хочу поговорить с ними, — сказала Теноктрис. Она вошла на поле, осторожно ступая между кустами.

Гаррик собрался было протестовать, но, поразмыслив, молча двинулся за волшебницей. Лизэйн поймала его за руку.

— Убери меч,— шепнула она.

— Я бы и сам должен был догадаться,— пробормотал Гаррик. Сделай он еще шаг с оружием, были бы неприятности.

Он отстегнул пояс с мечом. Это оказалось непросто. Ножны надежно пристегивались хитроумными крючками. Именно так носил меч король Карус...

— Что ты делаешь? — в голосе Джосфреда прозвучала тревога.

Гаррик не обращал на него внимание. Передал меч в руки Лизйи и присоединился к Теноктрис.

— Здесь наше поле,— заявил вожак Эрз.— Если попытаетесь забрать нашу еду, мы будем драться с вами.

Издавдала черты лица Эрза напоминали кошачьи. Поблизости же — ничего подобного: люди как люди, только покрытые мехом. Мех был темно-коричневым, лица — круглыми. Глаза остро поблескивали из глубоких впадин на черепе.

— Мы — не враги вам,— сказал Гаррик.— И не хотим причинять вам вреда.

— Мы попали сюда случайно,— продолжила Теноктрис.— Наш корабль потерпел крушение в результате нападения неведомой нам силы. Может, ваши предки тоже попали сюда таким образом?

Глаза Эрза находились по бокам головы, как у овец, и смотреть они могли точно так же, как овцы. Уши шевелились в такт речи людей.

— Наши отцы выбрали это место, чтобы убежать от врагов,— наконец изрек вожак.— Мы жили здесь одни очень-очень долго. Когда появились первые люди, мы позволили им остаться. И много поколений жили дружно. Теперь же появились новые люди, с новыми правителями и с оружием.

Он потряс копьём перед носом у Гаррика. На каждой руке у него было по четыре пальца, друг против друга, а также один большой в центре ладони.

— Ступайте прочь или мы убьем вас! — заворчал он.

В группе началось движение. Король Карус присутствовал в сознании Гаррика, анализируя ситуацию. Один

человек легко справится с одним Эрзой. Но противостоять группе Эрза...

— Спасибо, что поговорили с нами,— сказала Теноктрис. Она низко поклонилась.— Мы еще придем и будем говорить с вами снова.

Гаррик тоже поклонился. Осторожно обходя кусты, он следом за волшебницей пошел к выходу.

— Этот Залив, должно быть, создал колдун из числа Эрза,— тихо сообщила ему Теноктрис.— В ученых трудах нет никаких упоминаний об Эрза, даже в самых крупных, например, у Кадилорна и Мансела из Эйра, Узунку Череп тоже ничего про них не пишет. Если, конечно, Узункаи вправду существовала, а не легенда, вроде Желтого короля, которому она служила.

Она улыбнулась Гаррику:

— Обладай я силой, ты бы тоже присоединился к этой славной компании. Но у меня нет такой силы. Но, раз я с тобой, Гаррик, я учусь таким вещам, которых не знала даже Узунку.

Теноктрис рассмеялась чистым, молодым смехом, и день словно засиял новыми красками.

— Пожалуй, правы те люди, которые считают: лучше быть удачливым, чем мудрым.

— Не думаю, что нам выпала большая удача попасть сюда,— возразил Гаррик.— Особенно если учесть, что отсюда еще никто не выбирался.

— Выбраться отсюда возможно,— уверенно заявила женщина.— Не знаю, удастся ли мне с этим справиться, но уж могущественному-то волшебнику это должно быть легко.

Они вернулись. Лизэйн стиснула руку Гаррика и передала ему меч.

Джосфред переступил с ноги на ногу.

— Напрасно вы в это ввязались! — буркнул он.— Они могли бы убить вас, что бы тогда сказал Родоард?

— Вряд ли его беспокоило бы то, что случилось с Гарриком,— проговорила Лизэйн довольно сухо.— Да и что толку говорить о вещах, которые не случились?

Гаррик глянул через плечо. Эрза спокойно продолжали собирать урожай. Эти странные существа определенно

были связаны друг с другом сильнее, чем люди. Очевидно, все Эрза могли ощущать угрожающую кому-нибудь их собратьев опасность, например, исходящую от Родоарда и Лунифры. Но, несмотря на сердитые выпады вожака в адрес Гаррика, Эрза, похоже, довольно благосклонно приняли их с Теноктрис и не таили против них зла.

— Джосфред, ты сказал, что родился в Заливе,— обратилась к нему Теноктрис.— Сколько же прожили здесь твои предки?

Маленький человечек отчаянно замахал руками.

— Я же говорил вам, этот вопрос не имеет никакого смысла! Мы всегда жили здесь!

Он сделал паузу, потом догадался, что может хоть как-то обозначить временные рамки.

— Только мы были рабами Эрза, пока на внешнем побережье не высадились люди, похожие на вас, и у них было оружие. Тогда на том берегу было одно болото.

— Могу предположить, это случилось не тысячелетие назад,— удовлетворенно заявила Теноктрис.— Не до того, как предыдущие силы времени достигли своего пика. Залив — закрытый мир. Я не уверена, является ли он вообще частью космоса. Ведь Эрза существуют только в Заливе.

— Космос — везде, он всегда был и будет,— вмешалась Лизйн.— Разве не так? Разве может быть что-либо, кроме него?

— С нашей, человеческой точки зрения, так оно и есть,— рассудительно произнесла Теноктрис, улыбаясь девушке.

Лизйн запнулась на полуслове и обняла старую леди.

— Простите меня... Я не должна была... Я просто боюсь. Привычный мне мир так быстро меняется...

— Родоард сделал нас сильными,— сообщил Джосфред.— Мы теперь больше не рабы Эрза!

Гаррик и без подсказки короля Каруса понимал, что Родоард — неважный вождь, если позволяет такому врагу, как Эрза, держать себя под контролем. Но даже явная жестокость Родоарда — ничто по сравнению с утонченным садизмом, которого можно ожидать от Лунифры.

— Родоард и еще шестеро прибыли вместе,— продолжал Джосфред с довольным видом, пока они возвращались в поселение.— Они украли оружие. Один из этих людей считал, будто может приказывать Родоарду, но уж Родоард-то ему все объяснил!

Джосфред захихикал булькающим смешком.

— Родоард вспорол ему брюхо на месте. Тот вопил и вопил — пока не подох!

— Может быть, Родоард был телохранителем этого человека во внешнем мире? — спросила Лизйн. Гаррик посмотрел на нее, удивленный как вопросом, так и спокойной реакцией девушки.

Джосфред восхищенно охнул.

— Ты что же, колдунья, вроде Лунифры, женщина? — с благоговейным ужасом спросил он.— Откуда тебе это известно?

— У Родоарда — татуировки воинов Блэйза,— отвечала Лизйн все так же спокойно.— Их часто нанимают охранять купцов. Мой отец часто поступал так.

И ничего не выражающим тоном добавила:

— И я совсем не похожа на Лунифру. Ничуть.

— Лунифра — умелая колдунья,— сказала Теноктрис.— Умелая, но не особенно могущественная, хотя ее здесь и почитают.

Она рассмеялась.

— Правда, более могущественная, чем я.

— Ты что же, хочешь, чтобы Лунифра узнала о тебе? — тихо спросил Гаррик. Теноктрис обычно держала свои магические способности в секрете, поэтому он был немало удивлен, когда женщина в открытую заявила о них.

— Она и так знает,— промолвила Теноктрис.— Я поняла по ее улыбке, когда она смотрела на меня. Она может *видеть*, а не только заставлять вещи повиноваться ее воле. И еще она достаточно умна.

Гаррик прокашлялся. Если он правильно понял, о чем идет речь...

— Теноктрис,— резко бросил он.— Ты хочешь, чтобы Лунифра присоединилась к нам? Стала нашим союзником?

Теноктрис замерла на полпути. Она взяла Гаррика за руку и повернула к себе. Джосфред прошел еще немного, не подозревая, что происходит, но Лиэйн остановилась и озабоченно глянула на товарищей.

— Гаррик, что ты чувствуешь, глядя на Лунифру? — спросила Теноктрис.

— Да меня едва не выворачивает, — был ответ.

— Отлично. Потому что я никогда прежде не встречала такого средоточия безумного зла, как она. Лунифра вовсе не борется за власть и не служит Малкару во имя зла. Она — как молния или цунами. Просто расправляется со всеми, кто встретится ей на пути.

— Но ведь сейчас она помогает Родоарду? — спросила Лиэйн.

— Это он так думает. Когда она добьется своего, то и с ним тоже расправится.

Джосфред повернулся и с тревогой слушал чужаков.

— Лунифра тоже пришла с другого берега, — заявил он. — Не так уж много женщин пришло оттуда. После Родоарда оттуда появилось больше сотни мужчин, а с ними — сталь и твердое дерево, не такое, как растет здесь, в Заливе.

Маленький человечек покосился на меч Гаррика.

— Те, кто не служит Родоарду, должны умереть, — прошептал он. — Каждый должен служить Родоарду, тогда мы освободимся от Эрзы!

— Да, — согласился Гаррик. — Я прекрасно понимаю, о чем ты.

Большинство из попавших в Залив были моряками, людьми, ведшими жизнь, полную опасностей. Местные, те, кто родился тут, по сравнению с ними были как дети: рост пришельцев и оружие из стали давали им преимущество перед аборигенами. И моряки не всегда были дурными людьми, просто для большинства из них Залив стал чем-то вроде рая. Но кое-кто действительно был плохим человеком.

Тех, кто отказался служить убийце Родоарду, постигла немедленная смерть, чтобы мятежные настроения не проникали в ряды поселенцев. Гаррик остался в живых — до

поры до времени,— потому что вел себя аккуратно, но, очевидно, все же мог представлять определенную опасность для вождя.

В памяти Гаррика всплыл образ Каруса, легко, словно танцуя, прорубавшегося сквозь стену неприятелей. Его меч так и мелькал.

Гаррику ор-Рейзе, крестьянину из деревушки Барка, вряд ли удастся справиться в одиночку, но дотронься он до медальона на груди — и вот он уже больше не одинок.

Король Карус усмехнулся, невидимый, но всегда на страже.

— Мы собираемся покончить с Эрза,— заявил Джосфред, возбужденно размахивая руками.— Многие из ваших людей пришли к нам со сталью и твердым деревом. Мы сделаем Эрза рабами, как они раньше держали в рабстве нас. Если нет, то убьем их всех!

«А если тебе это удастся,— думал Гаррик,— тогда Родорд покажет вам всем, что такое настоящее рабство». Хотя, пожалуй, это все же лучше того, что может учинить в Заливе Лунифра.

— У меня есть идея получше,— мягко проронила Тенотрис.— Думаю, мы все можем покинуть это место — оставить его Эрза — и сделать так, чтобы другие люди не попадались более в эту ловушку.

— Уйти отсюда было бы наилучшим выходом,— с жаром поддержала ее Лизйн.— Но, похоже, вряд ли это удастся сделать быстро!

Шарина взяла Кэшела за руку. Вокруг колонн вились пышные лианы, источая густой аромат и привлекая тучи насекомых. Растения казались странными и роскошными по сравнению с тем, что молодые люди видели в деревушке Барка, но радовали глаз и веселили душу.

— Скорее! — торопил их Захаг. Руки его были в два раза длиннее ног. Он скакал вперед, словно гигантская жаба.

— Мы успеем, успеем,— успокаивал Шарину Кэшел, видя, как нетерпение примата передается девушке. Она

хихикнула и слегка замедлила шаг. Как уверенно себя чувствуешь рядом с Кэшелом. Он может быстро двигаться, когда захочет, но всегда — без лишней спешки.

— Вах! — с отвращением прорычал Захаг. Он повис на перекладине, потом быстро вскарабкался на крышу. И пятки примата замелькали в отдалении.

Дворец короля Фолкуина был выстроен в форме подковы, и вход в покои открывался прямо с галереи, крыша которой подпиралась колоннами. Коридоры вели в центральный двор, где проходила вся деловая жизнь дворца. И лишь личные покои короля открывались прямо в этот двор.

— Как здорово, что король помог нам,— произнес Кэшел.— И почему он это сделал, хотел бы я знать.

— Потому что...— начала было Шарина, собираясь с мыслями и воспоминаниями.— Произошедшее с нашим кораблем выглядело отсюда грандиозным спектаклем. Грохот и пламя. Мастер Халфемос говорит, что он увидел в тот момент гигантский диск — словно ночное небо со звездами. Поэтому они так хотели обнаружить выживших, пускай даже я не смогла рассказать им ничего вразумительного.

Дворцовые слуги жили на верхнем этаже. Матери звали игравших во дворе ребятишек. На веревках сушилось белье, в воздухе пахло готовящейся едой. Не так уж и отличалась жизнь людей в Пандахе и на родине Кэшела и Шарины.

Арочный проход ко двору обвивали стебли неизвестных растений. Сам дворец был выстроен из камня, но по дороге сюда Шарина заметила много жилищ из тростника.

— И еще...— продолжала она,— король Фолкуин — настоящий романтик. Халфемос предсказал ему, что он женится на принцессе, которая появится здесь в результате волшебства. Фолкуин считает, что это я.

— Ох,— только и смог произнести Кэшел. Он пожал плечами, отчего его туника едва не разорвалась по швам.— А кто такой этот Халфемос?

— Придворный маг,— ответила Шарина.— Совсем еще мальчик — и очень славный. Я думаю, он бы понравился нашим в Барке. Но он — настоящий маг.

— Так пойдем же познакомимся с ним,— мягко промолвил Кэшел.— И с королем Фолкуином.

Шарина никогда не видела Кэшела в ярости, даже когда он сражался за ее и свою жизни. Так никогда не приходит в неистовство мощный дуб, но если его рубят под корень...

Они ступили во двор. Фолкуин сидел на табурете, ножки которого заканчивались рыбьими хвостами. На нем была льняная туника, на голове — скромное украшение из перьев, напоминавшее Шарине о костюме короля, в котором он спас им жизнь. Рядом с ним находилось несколько придворных — включая Халфемосу, также без официального облачения. Около сотни горожан Пандаха и кучка иностранцев стояли у открытого конца двора — не то собираясь подавать королю петицию, не то просто наблюдая.

Появилось трое наездников на лошадях, их задачей было развлекать своим искусством собравшийся народ. Выучка всадников была выше всех похвал, но Шарине их выступление показалось чересчур выверенным и безжизненным. Ожидая своей очереди, несколько молодых женщин с ксилофонами переговаривались с одним из купцов и его секретарем.

Фолкуин сидел, подперев подбородок рукой. Чуть поодаль горячо спорили несколько почтенных матрон в шляхах; возле каждой стоял один из придворных, дабы предотвратить возможный конфликт.

Загаг промчался мимо шахматного столика, уселся рядом с табуретом короля и начал вылизывать свой мех. Халфемос задумчиво глядел вдаль, но заметно оживился, когда увидел Шарину и Кэшела.

Он подошел обменяться рукопожатием с Кэшелом, они даже с размаху ударили по рукам, словно какие-нибудь торговцы на Овечьей Ярмарке. Рядом с Кэшелом маг напоминал стебель бамбука подле могучего дуба.

— Я не волшебник,— проговорил Кэшел, пожимая плечами.— Я просто... И вообще, я ничего не помню из того, что случилось. Навалилось что-то жутко тяжелое, и я пытался сбросить это.

Кэшел прочистил горло, хотел сплюнуть, но вдруг понял, что находится в королевском дворе. Ничего не выйдет.

Большинство из собравшихся, по-видимому, были увлечены зрелищем и беседами больше, чем ожиданием, когда король примет их прошения. Одна старая леди с кружкой в руке увлеченно повествовала что-то целой группе собравшихся. В другом углу изможденного вида мужчина демонстрировал игру с тремя ореховыми скорлупками и горошиной.

Исключение составляла женщина в длинном белом одеянии и татуировками на обеих щеках. Она стояла особняком и что-то чертила косточкой в пыли под ногами. Глаза ее неотрывно следили за Кэшелом — так змея наблюдает за волком. Увидев же, что Шарина заметила ее, она усмехнулась и принялась рассматривать свое художество.

— Мастер Кэшел, — с жаром обратился к нему Халфемос. — Я сам не слишком сведущ в своем искусстве, но мой друг Церикс понимает все, что касается магии. Могу ли я попросить вас присоединиться к нам в наших покоях нынче вечером. Он нездоров, поэтому ему трудно выходить.

Обезьяна заметила их и приблизилась. Она толкнула табурет Фолкуина, отчего король недовольно взглянул на животное.

— Шарина! — заявил Захаг. — Твой ход! Ну же!

— Ну что ж, я не против встречи с Цериксом, — ответил Кэшел. — Но самое важное для нас сейчас — отыскать наших друзей, которые были вместе с нами на корабле.

Обезьяна нетерпеливо дернула Шарину за руку. Кэшел быстро повернулся, собираясь остановить примата. Тот проворно отскочил назад.

Шарина взглянула на короля. Фолкуин поймал ее взгляд и кивнул. Похоже, он был готов выслушать парочку жалобщиков скорее, нежели затевать весь процесс с самого начала.

— Я закончу игру, — извиняющимся тоном произнесла Шарина, обращаясь к Кэшелу. — Это не займет много времени.

Шарина улыбнулась, подходя к Захагу. Тот вел себя словно невоспитанный ребенок, но объяснять ему это было бесполезно. Некоторые люди — например, Кэшел — полагали, будто Захаг может следить за своим поведением, как это делают взрослые. А Шарина не была в этом уверена. А с другой стороны... Если тот же Кэшел разочек сбросит примата с крыши дворца, как знать — может быть, это и научит того вежливости.

— Это и есть одна из причин, по которой я предлагаю вам встретиться с Цериксом, — заговорил Халфемос. — Его знания и ваша... хм... сила могут в совокупности помочь отыскать ваших друзей.

Шарина устроилась за низеньким столиком. Придворный этикет Пандаха отличался неформальностью, но он запрещал кому-либо сидеть на стуле или в кресле, пока король встречается с подданными. Сидеть на корточках же было совсем нетрудно для девушки из Барка.

Она изучала расположение фигур на доске. Шахматы были забавой знати, но Шарина вместе с родителями, Лорой и Рейзе, нередко играли в нее. Лора считала, что для Шарины нелишним будет обучиться различным премудростям придворного этикета.

Лора и Рейзе служили во дворце, когда ночные разбойники убили графа и графиню Хафтских. Шарина, выросшая стройной, гибкой блондинкой, ничем не напоминала крепких черноволосых уроженцев Хафта, но являлась точной копией представителей орнифолской знати, каким был, к примеру, граф Ниард, правитель Хафта, получивший титул через брак. Его жена, графиня Тера, происходила из древней династии королей Островов. Лора всегда была уверена в том, что сказали Шарине посланцы короля: девочка — дочь Теры, рожденная ту же ночь, что и Гаррик, и воспитанная Лорой и Рейзе вместе с их собственным сыном.

Лора была женщиной резкой, острой на язык. И всю жизнь лелеяла мечту, что возвращенное ею дитя однажды займет трон, а она, Лора, будет сидеть чуть ниже на ступенях. Но когда эмиссары короля Валенса забрали с собой Шарину навстречу ее высокой судьбе, то на Лору

не обратили внимания. Шарина жалела Лору, но не могла отыскать в своем сердце любви к этой женщине, хотя и считала ее своей матерью.

Как бы то ни было, игра в шахматы оказалась весьма полезным занятием.

Шарина сделала ход грифоном. Ее фигуры были вырезаны из темно-красного дерева. А у Захага — из белого.

Пандах был главным островом маленького архипелага в самом сердце Внутреннего моря. Вокруг раскинулось достаточно островков, близ которых корабль мог провести ночь, но по-настоящему обосноваться можно было лишь на немногих, а провизию, хорошую воду и все блага цивилизации, кроме Пандаха, взять на архипелаге было негде.

Будучи вначале лишь крупным портом, Пандах вырос в главный центр торговли товарами со всех островов. Вот и эти шахматы тоже могли быть доставлены откуда угодно, хотя по причудливым и гротескным очертаниям фигур Шарина, пожалуй, узнала в них работу мастеров из Далполо.

Шарина оглядела толпу. Та женщина снова не сводила глаз с Кэшела. Кстати, уроженцы Далполо обычно украшают себя татуировками...

Захаг двинул оставшегося мага, чтобы съесть черепаху Шарины.

— Вот так! — завопил он. — А ты и не заметила!

Шарина и вправду просмотрела ход. Она сыграла с Захагом несколько игр, но судила по прежним играм, что примат не в состоянии нормально размышлять из-за спешки.

Рядом с ней шел суд. Фолкуин присудил козу одной из сторон и деньги за причиненный ущерб — другой. Кэшел и Халфемос продолжали беседовать. Молодой маг показывал Кэшелу свой атам — кинжал из желтоватой слоновой кости с изогнутым лезвием.

Шарина двинула вперед грифона.

— Шах, — произнесла она. — И мат.

— Ах, госпожа Шарина! — обратился к ней Фолкуин. — Представьте меня, пожалуйста, вашему защитнику.

Шарина повернулась, начала вставать. Захаг разразился неимоверной бранью и воплями — хоть уши закладывай. Он обежал вокруг столика и вцепился в руку девушки мощной лапой.

Фолкуин сердито окрикнул его. Стражники, дремавшие у стен, встрепенулись. Некоторые побежали к Шарине, а один даже начал натягивать лук.

Кэшел одним движением оказался рядом. Он схватил Захага за лапы и сильно сжал — так, что тот был вынужден отпустить девушку. Теперь зверюга пыталась укусить Кэшела и вдруг, изловчившись, вцепилась ему в живот когтями.

Обезьяна вопила, потеряв рассудок от ярости. Зрители тоже орали, получилась настоящая какофония. Халфемос, стоя в сторонке, шептал заклинания, не сводя глаз с битвы. Его атам рассекал воздух. Лицо было бледным.

Стражи пробились сквозь толпу с короткими мечами в руках. Шлем вожака украшало белое орлиное перо. Шарина встала у них на пути.

— Не нужно! — кричала она. — Кэшел справится сам!

Она знала, что ее друг сумеет держать Захага, пока тот сам собой не утихомирится. Вмешайся в заварушку нервные стражники — кто знает, к чему это приведет?

— Прочь с дороги! — скомандовал вожак стражников, пытаясь отбросить Шарину. Она сцепилась с ним, удерживая его меч. Шлем с орлиным пером упал на землю. Люди на Пандахе довольно худощавы, и Шарина понимала, что справится со своим противником.

Один из стражей бросил меч и пытался оттащить девушку от своего командира. Остальные замешкались, не зная, что предпринять.

Кэшел поднял Захага над головой. А потом размахнулся и перебросил его через стену. Захаг был куда сильнее, чем любой человек его роста. Он намертво вцепился в запястье Кэшела и не отпускал. Кэшел же только кричал и пытался ударами о стену избавиться от примата.

— *Мейери пурипеганукс!* — вскричал Халфемос во внезапно наступившей тишине. И его священный кинжал замер.

Воздух вокруг Кэшела и Захага засверкал мириадами огней, вспыхнул алым светом. Обезьяна, человек и кусок почвы под ногам Кэшела исчезли из виду.

Шарина и стражники попятились назад. Девушка с ужасом смотрела на мага.

Халмефос с не меньшим ужасом воззрился на пустоту в пространстве.

— Я не делал этого! — закричал он. — Госпожой клянусь, я просто хотел их разнять!

За спиной Халфемоса стояла женщина в татуировках. Ступней босой ноги она стирала на земле следы своего рисунка. И удалилась — быстрее, чем кто-либо сумел остановить ее.

Жилище, которое заняла Илна, было до крайности нелепым. Ее комнаты — одна, где стояли станки, другая жилая — находились на верхнем этаже. Крыша над ними не протекала, и на том спасибо. Зато экономия немалая.

Стены и пол в занимаемой ею комнате сияли чистотой: недаром Илна полтора дня потратила на приведение их в порядок.

Пока уток сновал между нитями основы, Илна размышляла о прошлом. Она ткала тонкую ткань шириной в два элла¹. Ее можно будет повесить в холле поместья, а можно — над окном убогого домишки. Она еще не решила, что это будет — вещь на продажу богатому человеку, знающему цену деньгам, или же подарок для нескольких сотен людей, чье желание безропотно принимать удары судьбы и нищету вызывали у нее отвращение.

Долг есть долг, и не важно, уважаешь ли ты человека, которому должен. Вред, который Илна причинила своими любовными чарами, касался, так или иначе, каждого жителя Эрдина. Теперь единственным вопросом оставалось, кому чем лучше помочь: деньгами или добрыми делами.

Илна не думала о будущем. Тяжелое прошлое и сердечные раны были достаточно мучительными.

¹ Элл — старинная мера длины; английский элл равен 45 дюймам.

Она работала, скорее, руководствуясь инстинктом, в то время как сознание ее снова и снова возвращалось на корабль, уносивший от нее Гаррика.

Илна остановилась, проворно пробегая пальцами по переплетению нитей. Прошрое, настоящее и будущее космоса были единой тканью. С тех пор, как Илна ос-Кенсет вернулась из ада, ни один узелок этой ткани не был скрыт от нее.

Она фыркнула. За эти дни ей удалось убедить себя, будто люди — лучше, чем она привыкла о них думать.

Илна встала из-за станка и надела синий шерстяной плащ. Ткань она сработала сама, на ощупь шерсть напоминала теплое молоко. Она взяла шнур из шелка и повязала вокруг талии: кому-то это могло показаться излишней роскошью, но только не ей.

Окна представляли собой просто проемы в стенах. Илна не закрыла их ставнями, уходя из дома. Да и дверь-то запирала лишь потому, что в противном случае торчащий в дверях ключ с двойной бородкой вызывал бы у окружающих подозрение.

Неизвестный архитектор спланировал это здание как квадрат с отверстием «колодцем» в центре. В каждом углу — по лестнице.

Мальчишка лет десяти-двенадцати возился в коридоре, когда Илна запирала дверь. Лоскут, обернутый вокруг его ободранного локтя, покрылся грязью, на тряпке проступали пятна засохшего гноя.

Илна попыталась не обращать на это внимания, она почти уже скрылась из виду, когда мальчишка за ее спиной пронзительно взвизгнул.

Дети играли на лестнице, с криками перепрыгивая через ступеньки. Окон посреди пролета не было, большинство дверей — заперто. Сама же лестница, сырая и вонючая, больше напоминала вертикальный туннель, освещенный лишь единственной лампой под потолком.

Когда она возвращалась, какая-то парочка занималась любовью почти под ее дверями. Мужчина грязно выругался в адрес Илны, проходившей мимо. Она не заметила грязной брани, как не замечала измазанные дерьмом стены этих трущоб.

Ей не под силу изменить мир, разве что отдельные вещи в нем. Но она старалась.

Она вышла в коридор. Ее дверь была распахнута настежь. Парень с раненым локтем стоял в дверях. У соседей все было закрыто.

Илна медленно вошла. Парень, должно быть, услышал шорох ее босых ног. Он как раз начал оборачиваться, когда шелковый шнурок лег ему на шею.

Илна стянула горло мальчишки, не позволив ему заорать. Длинным концом веревки она связала ему запястья и лодыжки, словно кролику, которого несут на продажу. В глазах парня стоял ужас. Лицо стало наливаясь кровью, но дышать он мог.

Илна прижала к губам палец, чуть ослабляя узел. Потом вошла в комнату.

У одного из здоровенных детей в руках была охапка тканей Илны, он запихивал их в корзину. Второй возился у станка.

— Нет, мы выручим за это еще больше, вот только разберемся...— и вдруг увидел в дверях хозяйку жилища.

— Да заберет Сестра этого бестолкового остолопа! — завопил он. Выхватил из-за пояса дубинку и пошел прямо на девушку.

Илна дернула за шнур на двери, и потайная шелковая сеть, взлетев к потолку, опустилась на воров. Илна отступила назад.

— Пускай Сестра сожрет твое сердце! — орал мужчина, барахтаясь вместе со своей дубиной. Из-за этого сеть стягивалась еще сильнее. Меч здесь тоже не помог бы, разве что очень узкий и изящный клинок.

Так что спустя пару минут оба вора бились, словно мухи в паутине.

Илна осторожно приблизилась и подняла дубину, которую ее владелец попросту уронил. Теперь он бессильно пытался разорвать сеть обеими руками. С таким же успехом можно было попытаться расшатать стены здания.

— Вы явились в мой дом,— начала Илна.— И собирались удрать с моими вещами. Теперь еще и сеть захапали. Я хочу, чтобы вы подползли к окну и выпрыгнули отсюда.

— Ах ты, сука тупая! — взвизгнул один из воров.—
Лучше отпусти нас, не то...

Илна двинула его в лоб его же собственной дубиной. Крепкая древесина издала гулкий звук, стукнувшись о голову владельца. Глаза вора едва не вылезли из орбит, тело обмякло. Илна внимательно взглянула на второго вора:

— Ну вот, теперь тебе придется поднести своего приятеля к окну и выпрыгнуть вместе с ним. Если будешь стараться, может, и не расшибешься. Понятно?

— Да поможет мне Пастырь! — зашептал в ужасе тот.—
Да поможет мне Пастырь!

Он на коленях подполз к окну и даже сумел поднять товарища. И теперь балансировал с ним на узком уступе.

— Наверх и через окно! — услужливо подсказала хозяйка.

Выражение ее лица лучше, чем дубина, подсказало вору, что спорить не стоит. Он спрыгнул с немалой высоты с отчаянным криком. Илна швырнула ему вслед дубинку.

Потом подошла к дверям, поправляя все в комнате, наводя порядок. Опоздай она еще немного, им бы удалось сломать рамку большого станка. Правда, ее можно было бы и починить...

Часть дверей на лестнице открылись. Несколько голов проворно убрались обратно, завидев Илну, но одна неяршливого вида женщина все пыталась распутать узлы на шее паренька.

— Лучше убирайся, не то задушишь его,— проворчала Илна. Лицо мальчишки стало уже багровым.

— Нельзя так поступать с Майдусом! — заявила тетка.— Он мой племянник.

— Ступай обратно в свой мерзкий хлев, не то я тебе не завидую,— с холодной улыбкой предупредила ее Илна.

Женщина отскочила. Она не стала вмешиваться, даже когда Илна ухватила мальчишку в охапку и понесла в свою комнату.

Здесь она развязала узлы — так же быстро, как и затягивала их, потом смотала шнур в клубок — мало ли, когда еще пригодится. Парнишка, Майдус, лежал, всхлипывая, на полу, растирая горло.

В деревянном сундучке Илна хранила еду, чтобы ее не загадили мухи. Она вытащила из сундучка фляжку дешевого вина, которое использовала для приготовления соусов, и нож с костяной рукояткой. И вернулась к пареньку.

Майдус в ужасе заскулил, когда Илна поднесла к его больному локтю кусочек мягкой ткани.

— Будет больно,— предупредила она, снимая почерневшую повязку.— Сиди тихо, не то будет еще хуже.

— Что ты...— начал было парнишка. Илна меж тем сильно сжала пальцами выше и ниже локтя, выдавливая гной.

Майдус только рот раскрыл. Он даже забыл закричать, так сильно удивился. Илна надавила чистым кусочком ткани. Гноя в ране было порядочно, с ноготь большого пальца.

— И это тоже больно,— проговорила Илна, плеснув в рану вина. Майдус задергался и заплакал, вытирая слезы свободной рукой.

Методично работая, Илна забинтовала рану тонкой тканью. Потом перевязала поверх ткани лентой, которую ткала специально для подобных целей. Ей пришлось поискать ее: грабители все в доме перевернули вверх дном.

Илна отступила назад.

— Ну, теперь можешь и встать, Майдус,— произнесла он.— Ступай домой. Вернешься через три дня, и я сниму повязку.

Она улыбнулась, глядя в глаза мальчику.

— Да, пока будет болеть, но зато больше не загноится. В таких случаях жесткое лечение — самое действенное.

Майдус осторожно встал. В коридоре слышались голоса: соседи приглушенно беседовали испуганным шепотом.

— Мы и не знали, что ты волшебница, госпожа,— обратился он к Илне.

— Ты и теперь этого не знаешь,— ответила она.— Но, надеюсь, твои друзья и все их друзья поняли, что с Илной ос-Кенсет шутки плохи!

Она фыркнула.

— И, полагаю, в будущем ты не станешь водиться с теми двумя типами,— добавила она.— Мало того что ворье, так и украсть-то толком не умеют.

Майдус кивнул. Он взглянул в сторону двери.

— Можно я пойду?

— Конечно. Но вот еще что. Кому-то нужно присматривать за моей дверью, когда меня нет. Если увидишь что-нибудь подозрительное, приходи и скажи.

— Да, госпожа! — крикнул парень уже в дверях.

— Много не заплачу! — добавила она.

Потом приподняла дверную панель, решив оставить все как есть, пока не позовет плотника сменить петли.

Пусть не во всем мире, пусть не сразу, но она уже начала кое-что менять.

11-й день месяца Херона

Луна находилась в третьей четверти, когда Кэшел увидел ее, открыв глаза. Но все равно ночи быть еще рано, правда, теперь он уже начинал верить, что провалялся без сознания в течение двенадцати часов.

Он осторожно встал на ноги. Вокруг квакали лягушки. Он усмехнулся. Ага, знакомый звук. Где-то вдалеке слышалось ворчание лягушки-быка: такие водились и в деревушке Барка.

Кэшел посмотрел в ночное небо. Звезды видны не особенно отчетливо. Здесь все еще весна — он понял это по множеству примет: по звукам и по дуновению ветерка.

Если бы у Кэшела был при себе его посох, он бы обязательно погладил деревянную поверхность, просто чтобы ощутить ее. Но посоха не было.

Вдруг среди невысоких деревьев что-то метнулось. Кэшел повернулся на звук.

— Кто бы ты ни был, лучше поздоровайся по-человечески, иначе я решу, что ты хищник, — пророкотал он.

— Я просто проверял, в порядке ли ты, — раздался утробный голос Захага. — Ты пришел в себя, да?

— Выйди, чтобы я мог тебя видеть, — велел Кэшел, тут же успокоившись. Вряд ли есть чему радоваться, когда разговариваешь с обезьяной, но Захага-то уж точно бояться нечего. Знакомая физиономия, пускай даже уродливая.

— Она едва не оторвала мне руки и ноги, когда зашвырнула нас сюда,— пожаловался Захаг, выходя к Кэшелу. Он шел на четвереньках, опасливо поглядывая в сторону деревьев — на случай, если Кэшелу вздумается продолжить драку.

— Тебе нечего бояться,— сообщил Кэшел весьма ядовито.— Ведь и в первый раз не я все это затеял. Но, клянусь Пастырем, примат, только вякни, и я разорву тебя пополам.

— Не надо зубы скалить,— угрюмо произнес Захаг.— Я слишком долго прожил среди людей и забыл, как нужно обращаться с настоящими представителями рода человеческого.

Он почесал спину. Кэшел удивленно заморгал. Примат достал так далеко не потому, что руки были длинными, а благодаря какому-то неожиданному повороту конечности.

— Хотелось бы мне вернуться назад на Сиримат,— продолжила обезьяна.— И до того времени, когда Халфемос научил меня разговаривать.

Кэшел поработал плечами, чтобы размять их. Все его конечности затекли.

— А ты знаешь, где мы? — негромко спросил он.

— О, мы все еще на Пандахе,— сообщил Захаг, присаживаясь у ног товарища.— Линия берега та же самая, лангусты — такие же на вкус. Но теперь город передвинулся на другую сторону залива, и звезды — неправильные.

Он положил неожиданно мягкую лапу на колено Кэшелу. В переводе на человеческий язык это могло означать мольбу. Наверное, по-обезьянью было то же самое.

— Я не хотел, чтобы здешние люди увидели меня, пока ты не очнешься,— заговорил он снова.— Смотри-ка, я ведь принес тебе еды.

Он протянул Кэшелу пригоршню фруктов и показал на лангустов, которых уложил на большом камне и придавил сверху. Кэшел и не обратил бы на них внимания. Лангусты пытались уползти, но тщетно: примат оторвал им ноги.

— Пожалуйста, можно мне присоединиться к твоей компании? — спросил Захаг.

— Уж больно компания невелика,— отвечал Кэшел. Интересно, где теперь искать Шарину. Нужно искать, но как? — Давай присоединяйся. Только веди себя как следует.

Примат издал громкий горловой звук и показал в сторону берега:

— Вон там теперь город.

— Подождем до утра,— заявил Кэшел.— Невежливо беспокоить людей в столь поздний час.

Теперь он вспомнил предыдущие слова Захага.

— Что ты имел в виду, когда говорил, будто она «зашвырнула нас сюда»? Ты знаешь, как это произошло?

— О, так это же Силья,— ответил Захаг.— Она колдунья из Далполо, болталась во дворце дней десять.

Он в сердцах разорвал веревку. Поскольку вокруг их лежало множество, Кэшел пришел к выводу, что провел без сознания немало времени.

— Я понял, что она пристроилась к колдовству Халфемоса,— продолжал его мохнатый спутник.— Он ведь даже не знал, что она колдунья.

— Так почему же ты не сказал ему? — прорычал Кэшел. Голос его был подобен грому. Люди в Барке всегда пугались, если он разговаривал в полную мощь.

— Халфемос сделал меня таким, какой я сейчас. Я бы за это перегрыз ему глотку, если бы смог.

— О! — только и мог вымолвить Кэшел. Он подумал, каково это становиться совсем другим существом. Наверное, это похоже на то, что он чувствовал, когда Шарина покинула селение, унося с собой все невысказанные слова и мечты.— Ну ладно, пусть это останется между вами.

Захаг вдохнул.

— Похоже, Силья вычислила тебя, потому что ты тоже маг,— заявил он.

— Но я не...— пробормотал было Кэшел и осекся. Теперь он уже ни в чем не был уверен. Все стало не просто для бывшего овечьего пастуха из Барки.

— А еще я думаю, что король Фолкуин обвинит во всем Халфемоса, так что Силья одним делом убила двух

зайцев,— примат коротко хихикнул.— Фолкуин в гневе может сокрушить скалы. Ты небось об этом и не знал?

— Фолкуин был не прав, когда велел арестовать Халфемоса,— сердито заявил Церикс. Он сделал паузу, вдохнув еще немного пара из сосуда с расплавленной черной субстанцией, которая разогревалась на огне.— Если мальчик говорит, что не делал этого — так оно и есть. Может быть, существуют более сильные маги, чем Халфемос, но, клянусь Господой, я их не встречал. И Халфемос никогда не станет заниматься черными делами и не сделает ничего, о чем бы потом пожалел. Никогда.

Церикс был мужчиной средних лет; вокруг проплешины у него на голове курчавились черные волосы. Было у него и брюшко, но руки и плечи отличались недюжинной силой, любой фермер из Барка Хамлет позавидовал бы таким плечам.

Церикс уселся в кресло на колесиках. Обе его ноги были отрезаны до середины бедер; вдыхаемое им снадобье могло немного одурманить, но не избавляло от постоянной боли.

— Только я делаю ошибки,— горько объявил он.— Мальчик никогда бы такого не допустил.

Церикс и Халфемос жили при дворе в покоях, где комнаты выходили на три стороны — своего рода дворец в миниатюре. Шарина ожидала, что придворный маг живет в самом дворце, а не рядом с ним, но потом поняла, что Цериксу ужасно стыдно показываться на людях калекой.

Он сам открыл дверь, когда она добралась до места вскоре после полуночи. Слуг при нем не было, хотя вельможа его ранга мог себе это позволить.

— Даже слабый волшебник сейчас может совершить такое, что просто ужас,— сообщила Шарина.— Может быть, Халфемос что-то не так рассчитал?

Церикс пытливо взглянул на нее.

— Ты ведь сама ничего не знаешь о магии, верно?

— Нет, ничего — подтвердила Шарина, спокойно ответив на его взгляд. Она пришла к Цериксу с новостями

и за помощью, как только Фолкуин закончил расправу над магом и бросил его в темницу.— Но у меня есть друзья, сведущие в ней.

— Ты права относительно того, как все изменилось в последнее время,— подтвердил Церикс.— Но плохо слушала то, что я рассказывал о мальчике. У него есть интуиция. Я десять раз учил его заклинанию, но он не использовал его, утверждая, что оно неправильное. «Что же такое известно этому парнишке?» — думал я. И однажды, выпив побольше вина, я ему показал.

Искалеченный волшебник рассмеялся, но смех граничил с безумием. Он снова глубоко вдохнул своего зелья.

От наркотического дурмана в горле у Шарины запершило. Она подошла к баку с водой и налила себе кружку. Бак был из обожженной глины, поэтому вода оставалась прохладной.

— Как вы повстречали Халфемосу? — спросила она.

— Я был Великим Цериксом, чьи ключи открывают все тайны космоса,— ответил маг, поставив на место сосуд.— Я давал представление в Сандраккане. Ты вряд ли слышала о таком месте, просто кучка домов посреди пустого пространства.

«Вот так же Церикс описал бы деревушку Барка»,— подумала Шарина. Но вслух этого не сказала.

— Мальчик подошел ко мне после представления,— продолжал Церик.— Алос ор-Ничей. Алос, ничей сын. Он сказал, что хотел бы поступить ко мне в обучение, чтобы стать магом.— Старый маг фыркнул.— Но у меня уже был мальчик для работы вместе со мной на представлениях — сын моей сестры, совершенно никчемный лоботряс. Второй такой был не нужен. Так я и сказал Алосу.

Церикс подъехал к баку с водой. Шарина хотела было предложить помощь, но осеклась. Калека налил себе воды и выпил.

— Одна из картин, которую я показывал во время выступления, был королевский дворец в Вэллесе,— сообщил Церикс, покачивая головой.— У меня был кусок черепицы, слетевшей с крыши дворца во время бури. Из него я заставил появиться целое здание. Всякий раз, когда я

делал это, у меня было ощущение, словно я пашу мерзлую почву.

Шарина кивнула. В Барка Хамлет народ пахал порой без быков, в одиночку, всякое бывало. Но она живо представила себе картину: жена идет за плугом, а муж впрягся вместо тягловой лошади. А то и ребенок пашет, а овдовевшая мать пытается тащить тяжелый плуг.

— И тогда этот мальчишка ошеломил меня, слово в слово повторив слышанное от меня во время спектакля,— сказал Церикс.— Он сотворил висящий в воздухе дворец, но только в его случае туда входили люди, а он... даже не вспотел. Алос — безотцовщина, двенадцати лет от роду, сам обучившийся чтению, но не читавший, разумеется, Старой Вязи. И он — в сотни раз больше маг, чем я сам. Забавно, правда?

Церикс заплакал. Он вытирал глаза рукой.

— Я хотел возненавидеть его, но не смог,— продолжил он.— Все, чего он желал — учиться у меня мастерству. Я только хотел, чтобы Госпожа дала мне достаточно сил, чтобы слушать его, вместо того чтобы доказывать, какой я великий маг. Я ведь не был им, даже близко не стоял!

Шарина отвернулась. Потом откашлялась и сказала:

— Халфемос думал, что вы можете помочь мне и Кэшелу найти наших друзей, исчезнувших вместе с кораблем, когда мы были на нем. Могли бы вы для начала помочь мне найти Кэшела?

Церикс положил на колени салфетку. Резко высморкался, потом выехал в кресле во двор. Аккуратно выбросил ее в корзину.

— Халфемос знал, что я не могу сам творить заклинания,— усталым голосом произнес он, вернувшись туда, где стояла Шарина, и налил себе еще воды.— Мальчик сказал, что поможет отыскать ваших друзей, когда я продиктую ему заклинание, верно? Он все еще не умеет читать Старый Свиток.

Шарина снова мысленно вернулась к словам юного мага на королевском дворе.

— Похоже, именно это он и имел в виду. Но вы ведь тоже маг, разве не так?

— Уже нет,— бесцветным голосом произнес Церикс. Он снова поставил на огонь сосуд. И подъехал к нему поближе.— Тебе этого не понять. Слова заклинаний сопротивляются тебе. Чем сильнее эффект, тем сильнее сопротивление. Вот почему быть магом не всем по плечу.— Он снял крышку с сосуда и отложил в сторону. Сосуд был из хорошего фарфора, его обвивала змея, кусающая собственный хвост. Церикс перевернул сосуд и выскреб остатки зелья прямо на пол.

— Но вы же волшебник,— упорно твердила Шарина. Она нуждалась в помощи, и наркотическая вялость старика раздражала девушку. Она коснулась рукоятки пьюльского ножа.

Ноннус ничего не знал о магии, кроме того, что лучше бы ее избегать, но как же не хватало сейчас Шарине спокойного присутствия отшельника.

— Я был волшебником,— резко бросил Церикс.

Он потянулся за коробочкой с новой порцией черной смолы, потом поставил ее и встретился взглядом с Шариной.

— Я изучал это искусство,— продолжал он.— Копировал заклинания из работ древних мастеров, магов Старого Королевства и еще более ранних. У меня было все, чтобы стать великим магом — все, кроме силы, чтобы использовать добытые знания. Но я копил эту силу, ибо вокруг меня тоже не дремали.

Он улыбнулся, но холодно.

— Именно так, как сказали твои друзья. Я знал, что у Халфемоса есть сила, которой я лишен, но мне было неизвестно, что у него есть также и здравомыслие, а это дорогого стоит.

Церикс пожал мускулистыми плечами.

— Я обнаружил заклинание, открывающее окно в другой мир. Халфемос отказался произносить его. Это было два года назад, когда мы давали представление в Эрдине и я мечтал стать придворным магом герцога Сандракканского. Когда Халфемос уже ушел с нашими пожитками, я сам произнес это заклинание.

Слезы брызнули из глаз Церикса, но он продолжил дрогнувшим голосом:

— Это было не окно, а дверь. Я начал проваливаться туда. Меня спасла лишь моя собственная слабость. Я не смог закончить заклинание, и дверь закрылась прежде, чем я полностью оказался там.

Церикс взял коробочку со снадобьем. Руки его так тряслись, что он не мог открыть ее.

Шарина помогла ему и осторожно положила кусок смолы в сосуд.

— Мои ноги до сих пор в другом мире,— уже спокойнее произнес Церикс. Он открыл крышку и установил сосуд на жаровню.— Их оторвали демоны. Каждый час, каждую минуту демоны вцепляются мне в ноги. А когда я снова пытаюсь произносить заклинания, слова застревают у меня в глотке.

— Понятно,— проговорила Шарина.— Мне очень жаль.

В деревне были изувеченные люди. Некоторые из них до конца жизни жаловались на боль в ногах и руках, которых больше не было. Хотя никто из них не упоминал при этом о демонах.

Шарина нахмурилась. Она никогда не думала, что демоны способны, например, заставлять страдать старую Джаэль, потерявшую ногу еще в детстве, когда на нее наехала повозка. Она уже хотела было поспорить с Цериксом, но тут волшебник произнес нечто такое, чего девушка никогда прежде не слышала.

Церикс вдохнул дым и опустил сосуд.

— Халфемос перенес меня в Пандах,— сообщил он.— Я объяснил ему, как можно заставить обезьяну говорить, и он привлек внимание короля.

Он пожал плечами.

— Король Фолкуин до нынешнего дня был хорошим хозяином. Мы накопили денег, достаточно для переезда на другой остров. Вам бы тоже хватило.

И волшебник-калека улыбнулся Шарине.

— Вытащи Халфемосу из темницы. Это же простая клетка для пьяных моряков. В Пандахе все предельно просто,— он снова поднял сосуд.— Освободи моего мальчика,— проговорил он.— Тогда мы все вместе сумеем найти твоих друзей.

— Хорошо,— сказала девушка.— Я скоро вернусь, тогда и составим план.

Она вышла во двор, поглаживая рукоять пьюльского ножа. Церикс за ее спиной снова вдохнул успокоительного зелья.

— Я никогда не доверял волшебникам,— заявил король Карус, наблюдая вместе с Гарриком, как Теноктрис произносит заклинание.— Боялся их, пусть даже никогда в жизни не признался бы в этом.

Из гнилой сердцевины дерева в небо поднимался дымок. Теноктрис сотворила круг из слов над небольшим костром.

— Большинство магов и сами не знают, что делают, а теперь у них больше сил, чем они могли бы мечтать,— продолжал Карус.— Они вроде тех слепцов, что разгуливают с топорами вокруг людей.

Теноктрис, Лизйн, а также сам Гаррик сидели на холме недалеко от того места, где накануне встретились с Эрза. Деревья здесь росли куда более высокие, они разветвлялись в разные стороны, образуя сплошную стену растительности.

Карус покачал головой, вспоминая, какие ошибки совершил в свое время, за тысячу лет до рождения Гаррика. При этом золотой обруч, украшавший его густые черные волосы, тоже покачнулся.

— Хотелось бы мне, чтобы сейчас среди нас был волшебник, который мог бы объяснить все эти непонятные вещи. Я дорого поплатился за то, что не верил в магию — я сам и мой флот на море.

Холм был всего на дюжину футов выше основного ландшафта, но это все равно было необычно для Залива. На поле трудились многочисленные Эрза.

— Те маги, которых я сам видел...— начал Гаррик. Его внутреннее «я» улыбнулось при воспоминании о жизни в Барка Хамлет.

Гаррик сел, положив меч на колени, заморгал и глубоко вздохнул.

— Те маги, которых я сам видел,— повторил он,— в большинстве своем больше вредили, чем помогали. Они

лезли в дела, в которых ничего не понимали, а силы для этого у них оказывалось в тысячу раз больше, чем нужно. В твоё время это должно было происходить точно так же, ведь тогда процесс тоже дошел до своего пика.

Дым от огня Теноктрис уходил в небо, и его подхватывал ветерок. Потом он растворялся в зеленоватом небе.

— Теноктрис была в моё время,— произнес Карус, кивая в её сторону.— Я не смог её найти, а ты вот нашел.

— Это она нашла меня,— возразил Гаррик.— Она вынырнула у берегов Барка. А я принес её к нам в гостиницу.

— Ты нашел её, сынок,— повторил король, улыбнувшись.— Нашел её, нашел меня, Госпожой клянусь! Мы не позволим королевству снова пасть!

Карус и балкон замерцали тусклыми огоньками и исчезли в воздухе.

Гаррик заморгал, вновь ощущая тяжесть собственного тела. Он потрогал медальон Каруса, потом медленно встал. Эрза продолжали труды, не сводя, однако, глаз с людей.

Лизйн коснулась руки Гаррика, обрадованная, что он снова стал самим собой. Она уже познакомилась с его союзником, не вторгалась в их беседы и не спрашивала, что происходит.

Гаррик понимал: этой девушке можно рассказать все без утайки, но не был уверен, что сможет правильно объяснить некоторые моменты. Допустим, Карус был вполне реальной персоной, но как это докажешь? Получается, он, Гаррик, беседует с человеком, утонувшим тысячу лет назад?

Теноктрис устало улыбнулась. Гаррик и Лизйн помогли старой леди встать. Она оказалась ужасающе хрупкой, словно птичка.

— Я обнаружила ядро, вокруг которого сформировано это место,— сообщила она им.— Немного страшно было: вдруг маг, сотворивший Залив, уже уничтожил свой источник силы, когда закончил.

Теноктрис продолжала держаться за руки молодых спутников. Ладони её похолодели. Видимо, все силы уходили на борьбу с чужой магией.

— Если бы так оно и было,— продолжала Теноктрис, улыбаясь с тем особенным юмором, который составлял главную черту ее характера,— тогда бы отсюда было не выбраться. Я раньше не упоминала об этом. А теперь я могу заново открыть Залив, прочтя заклинания над этим источником.

— Это в том направлении, куда рассеивается дым? — спросила Лизйн. Она кивнула в ту сторону, не показывая рукой, чтобы не насторожить Эрза. Они и так уже стояли с оружием, присматриваясь к людям.

— Верно. Теперь нужно добиться разрешения Эрза, чтобы начать.

«Пока Родоард не начал резню и не истребил их всех»,— подумал Гаррик. При этой мысли рот его скривился от отвращения.

— Так пойдемте же спросим,— произнес он.— Пока...

— Для меня сейчас самое время,— подтвердила Теноктрис. Она выпрямилась, голос зазвучал отчетливее.— Правда, мне нужно немного передохнуть.

— Хорошо, пойдемте посмотрим, дадут ли нам Эрза такую возможность,— согласился Гаррик.

Ведя спутников к Эрза, она начал насвистывать любовную песенку: «Ее волосы — словно облачко, пока не прольется дождем...»

Овцы любили, когда он наигрывал им эту песенку на дудочке в деревне Барка. Гаррик вспомнил о своем детстве — как же просто все было тогда.

Высокий Эрза, с которым они толковали накануне, вел к ним группу вооруженных мужчин. Гаррик подошел к ним и провел мечом над плечами Теноктрис, показывая, что меч не опасен. Он не хотел оставлять его на холме. Мало ли что...

— Я — Гаррик ор-Рейзе,— сообщил он Эрза.— Не назовете ли свое имя, сударь?

Уши человекообразного существа затрепетали.

— Можешь звать меня Грац,— ответил он. Потом ткнул пальцем в грудь Гаррика.— Зачем ты пришел сюда? Ты должен уйти!

— Мы хотим покинуть Залив,— сказала Теноктрис.— Мы хотим уйти домой. Для этого мне нужно увидеть один предмет, который находится на вашей территории.

Она подняла подбородок, указывая кивком в сторону дыма.

— Думаю, вам самим известно, где это, но мы сможем найти это место. Я не причиню вреда ни этому предмету, ни вам. Мы откроем дверь, через которую я и мои друзья покинут ваш мир.

Эрза пришли в крайнее возбуждение. Двое мужчин Эрза схватились за руки и начали пронзительно переговариваться.

— Назад! — закричал Грац. — Это святотатство! Ступайте прочь!

Гаррик выступил вперед, сцепив руки за спиной.

— Позвольте нам приблизиться к этому предмету, — спокойно произнес он, стараясь не обращать внимание на ледяные иголки страха, подступающие к горлу. — Тогда мы заберем всех людей из Залива. И весь мир снова станет вашим.

Произнеся это, он даже не понял, кому принадлежат эти слова, ему или королю Карусу.

— Точно, — подтвердила Теноктрис, подходя к нему ближе и вставая рядом. — Я запечатаю выход, и никто из другого мира больше не попадет сюда.

Гаррик знал — а пожалуй, и старая леди тоже, — как только из Залива уйдут люди, появятся новые группы грабителей и убийц. Эрза перестали яриться, но напряжение не спадало. Грац внешне оставался совершенно спокойным.

— Вы можете открыть проход для нас? — спросил он. — Можете отправить нас домой?

— Я могу провести вас через ворота, — отвечала Теноктрис. — Но домой вам не попасть никогда. Мне не достичь того места, откуда вы пришли. Думаю, лучше вам оставаться в Заливе, чем попасть в мир, полный людей.

Старой волшебнице никогда не случалось лгать. Гаррику — тоже, правда, он не знал, что такое дипломатичный ответ: обещающий надежду, которой на самом деле нет...

Нет. Всегда лучше говорить правду. Зло далеко не всегда творят лишь злые люди. Даже хорошие, славные люди могут совершать злые поступки, когда решают не-

множко солгать, немножко украсть, немножко навредить... совсем чуть-чуть.

Грац опустил оружие.

— Ладно,— произнес он.— Можете использовать Длань, если обещаете увести всех людей из Залива.

Гаррик вздохнул с облегчением.

— Хорошо. Мы пойдем и объясним ситуацию остальным.

И не нужно было оглядываться на хмурое и озабоченное лицо Лизйн, чтобы понять: договориться с народом Залива будет куда сложнее, чем с Эрза.

12-й день месяца Цапли

Десять осликов, груженных корзинами с гвоздикой и прочими пряностями, встали прямо перед Кэшелом и Захагом. Чуть поодаль остановился еще один караван. Движение здесь было довольно оживленным, хотя солнце стояло еще невысоко над горизонтом. Местные путники с дружелюбным интересом посматривали в сторону Кэшела и Захага.

Кэшел улыбнулся. Их парочка, без сомнения, напоминала бродячих актеров, из тех, что дают представления на городской площади.

— Силач со своей ученой обезьяной,— пробормотал он, обращаясь к спутнику.— Может, сумеем между делом на хлеб себе заработать...

— Ага,— подтвердил примат. И оскалился в усмешке.— Ты можешь поднять над головой осла, а я объясню окружающим, что ты на самом деле двуногий бык, которого я захватил в плен на одном из далеких островов.

Кэшел расхохотался.

— О, прости, моя ученая обезьяна.

Ворота из песчаника достигали двадцати футов в высоту. Кажется, на них были некие надписи и изображения, но столь древние, что практически стерлись. Поверх грязного кирпича стены покрывала штукатурка. Кое-где она уже отвалилась.

Поля гвоздики и других пряностей простирались до самых городских стен. Люди собирали урожай; в воздухе стоял густой, тяжелый аромат.

Картина эта показалась Кэшелу чуждой. Не то чтобы он ощутил себя неуютно, но все же ему хотелось бы...

— Интересно, здесь есть овцы? — спросил он у Захага. — И вообще, были ли овцы на том Пандахе, откуда мы прибыли?

— А на что тебе сдались овцы? — поинтересовался тот. — Знавал я лягушек, у которых в мозгу было побольше извилин, чем у этого тупого мяса.

— Я просто привык к ним, вот и все, — промолвил Кэшел.

Захаг прикусил губу.

— Дай подумать. Да, пожалуй, я не видел ни одной овцы с тех пор, как Халфемос забрал меня из Сандракана, но не могу сказать, что бы я сильно жалел об этом.

Сейчас, ранним утром, все двигались к городу: торговцы везли на рынок садовую продукцию, фермеры отправляли грузы специй в доки, чтобы грузить на корабли. Дабы не создавалось сутолоки, в воротах дежурила стража в килтах и кожаных касках.

Дорога поворачивала к берегу. Кэшел вглядывался в бухту, пока они ждали своей очереди на вход. Посреди бухты находился остров, усеянный камнями. На нем возвышалась башня из розового камня без окон, больше похожая на огромный кусок розового сахара, чем на здание.

— Какая забавная штука, — заметил Кэшел. — Что это такое?

— О чем ты? — откликнулся примат. Он проследил за взглядом Кэшела и пожал плечами. — Ну и откуда же мне знать? В Пандахе нет ничего подобного. Ни башни такой, ни острова. Но вообще-то для острова довольно странное и глупое место. Посмотри, судам приходится огибать его!

Все снова двинулись вперед. Кэшел продолжал смотреть на остров. Наверное, с другой стороны должен быть вход. Но почему нет окон? И откуда выходит дым?

Наверху на башне показалась фигурка девушки с огненно-золотистыми волосами. Она была совсем крошечной — как куколка, и с кукольным же личиком. Шарина стройнее и куда выше, почти с Кэшела ростом...

Последние ослики переступили каменный порог. Кэшел двинулся следом. Он уже видел внутри дома с узкими фасадами, высотой в три-четыре этажа. Стены покрыты пастельного цвета штукатуркой, балкончики деревянные.

Кэшел озадаченно скользил взглядом по домам. Улицы до того узкие, что кажется, будто движешься внутри пещеры. Ему всегда по душе было открытое пространство.

— Вот они! — возбужденно воскликнул один из стражников. Он поднес к губам нечто вроде волынки и три раза прогудел. Горожане начали изумленно оглядываться, а ослики заунывными криками подражали сигналу.

Набежали еще стражники, у некоторых были шлемы и оружие.

Кэшел остановился. Ах, как жаль, что нет с ним посоха! Вот если бы держать его сейчас наперевес — разве эти люди посмели бы сунуться?

Захаг обнажил клыки, зарычал и попытался повернуть назад. Но поздно: их окружили стражники. Теперь единственное, что оставалось Кэшелу — это схватить одного из наиболее щуплых стражей и отбиваться им, словно дубиной...

Офицер, на чьем кожаном шлеме было медное изображение какой-то рыбы, вышел из столовой, держа в руке чашу с вином.

— Господин! — вскричал он при виде Кэшела. Потом заметил у себя в руке чашу и бросил ее на мостовую. — Господин! Наконец-то госпожа Богиня ответила на наши мольбы!

Кэшел глянул через плечо: может, этот чудак обращается еще к кому-нибудь. Стражи перегородили дорогу, и торговцы с осликами оказались отрезанными от группы. Один из стражей перехватил взгляд Кэшела и склонился в глубоком поклоне.

— Да в чем вообще дело? — спросил Кэшел. Захаг притих, он сел на землю и начал искать блох у себя в

шерсти. Кэшел тоскливо подумал, что лучше бы уж на них и впрямь напали. По крайней мере, в битве он знал, как себя вести.

Офицер, плотный низкорослый человечек, отдавал указания подчиненным. Теперь один из них бежал вдоль дороги и кричал, чтобы все расступились. Офицер повернулся, встал на колени и коснулся головой стоп Кэшела.

— Господин,— произнес он,— наш придворный предсказатель Тайята предрекла, что великий маг в сопровождении обезьяны появится и спасет принцессу Арию.

— Но я не...— начал было Кэшел.

— От обезьяны слышу! — заорал Захаг, бросаясь на офицера.

Кэшел ловко удержал приятеля за загривок и отдернул его назад.

— Веди себя как следует! — приказал он.— Нечего меня позорить!

Захаг послушно обмяк. Кэшел отпустил его и заговорил:

— Мне очень жаль, вы видите, какой с него спрос.

— Конечно, вижу,— подтвердил тот. Он поднялся с колен и продолжил: — Сегодня последний день, а завтра появится Илмед, дабы объявить Арию своей невестой. Пожалуйста, пойдёмте с нами во дворец. Времени остается так мало.

— Я...— снова начал Кэшел. Он не понял ни слова из того, что говорил этот человек. Разумеется, не могли они ждать именно его, да и Захага ведь...

Да ладно, потом разберемся. Этот офицер утверждает, что девушка в беде, а времени остается мало.

— Пойдёмте,— решительно бросил он.

Тот повернулся, подавая сигнал подчиненным. Когда стражи впереди и позади двинулись с места, Кэшел подхватил Захага, тому неудобно было передвигаться бегом — и затрусил с ним по узкой улочке. Жители города толпились у домов, глядя на них с надеждой. Одна девушка даже бросила им букет хризантем.

Здания были довольно новыми на вид. Попадались и старые — каменные храмы, один даже круглый и с колон-

нами, довольно высокий. Сам же город, казалось, был выстроен на обломках прежней цивилизации.

Захаг сжал на спине Кэшела, обхватив его спину ногами, мерно покачиваясь.

— Ничего похожего на наш город, — твердил он, впрочем, не тревожно, а с интересом. — Люди как будто такие же на вид, но дома совсем не те.

Кэшел слышал звуки волынок и труб впереди процессии. Улица свернула направо — она была не шире овечьей тропки, — и открылась площадь. По обе стороны стояли дома, соединенные колоннадой. Вдали виднелась еще одна колоннада, ведущая к гавани.

От зданий отделились стражники и придворные в ярких шелках. Они радостно зашумели при виде Кэшела.

Статная женщина вышла из здания по правую руку от площади, прическа ее напоминала причудливо переливающуюся радугу — под цвет одеяния. Ее сопровождали две спутницы, одетые так же красочно, но их платья выглядели не столь дорогими. Чуть позади за ними следовала еще одна дама, в строгой, черной шерстяной накидке.

Офицер, встречавший их у ворот, обратился к женщине с радостным криком:

— Леди Сосия! Ваша дочь в безопасности!

Девушки издали вопль восторга, довольно театральный. Дама с прической — Сосия — обернулась и порывисто обняла свою спутницу в черном.

— Молись! — произнесла та. Кэшел понял, что она старше Сосии лет на десять, и обе они уже немолоды. — Возблагодарим же Богиню за то, что она послала нам добрый знак и защитника!

Они обе упали на колени. Девушки также распростерлись на каменных плитах. Кэшел почувствовал себя весьма неудобно.

— Пойдемте же! — дрожа от нетерпения, бросил офицер. — Пожалуйста, господин! Злодей Илмед может явиться за принцессой в любой момент!

Кэшел спустил на землю примата и строго велел ему:

— Веди себя примерно!

Ему придется отвечать за мохнатого приятеля, раз уж они вместе. Овцы глупы, верно, но за них, по крайней мере, не приходится краснеть...

— Господин, могу я узнать ваше имя? — в волнении обратился к нему офицер. — Тогда я мог бы представить вас Сосии, наследнице и правопреемнице Той, кому Богиня доверила Пандах, когда вернулась на Небеса.

— Оставим формальности, Гасон, — вмешалась Сосия. Женщины уже поднялись с колен, но продолжали кланяться Кэшелу. — Я сейчас просто встревоженная мать, а не правительница.

Она взяла Кэшела за руку и продолжала:

— Не войдете ли во дворец, господин? Там мы дадим вам все, что необходимо.

Они вошли в то самое здание, откуда женщины и появились. Захаг трусил сзади. Кэшел полагал, что разумнее держать мохнатого спутника подле себя: так хотя бы проще присмотреть за ним. Конечно, никакой гарантии, что животное не начнет карабкаться по драпировкам, но все же...

Двойные двери были изготовлены из небольших досок, соединенных вместе — каждая толщиной в руку Кэшела. Наверное, на Пандахе просто не растут толстые деревья, а может, просто мода на мебель такая... Поверх деревянной поверхности шла бронзовая отделка, причем везде повторялся один и тот же узор. Будь здесь Шарина, наверняка смогла бы разгадать, орнамент это или какая-то надпись.

При мысли о Шарине сердце Кэшела забилося сильнее. Он найдет ее, чего бы это ни стоило!

Должно быть, при известии о прибытии долгожданного спасителя все слуги разом покинули дворец, так что во дворце их оставалось всего двое. Остальные дружной толпой вбежали следом за гостями, едва не сшибая мебель.

Главную часть здания занимало одно-единственное помещение, стены и потолок которого покрывал геометрический узор в красно-синих тонах поверх светлого камня. Ни гобеленов, ни других украшений. Пожалуй, Илне пришелся бы по душе этот рисунок на стенах.

Сосия села в резное деревянное кресло с высокой спинкой. Тайята встала у нее за спиной, нашептывая что-то на ухо. Кэшел смущенно уставился на принесенное слугой кресло — почти такое же, как у правительницы, только без позолоты и резьба попроще.

Захага явно не учили политесу. Он разразился оглушительным хохотом, указывая на хрупкое сиденье:

— Вы, люди, видно, совсем сдурели! Или у вас дров на растопку не хватает, решили за мебель взяться? Да мой господин одним махом раздавит эту фитюльку, если сядет на нее!

— Я лучше постою,— смущенно выдавил Кэшел.— Я... э... Послушайте, а чего вы от меня хотите? Если расскажете и если я смогу быть вам полезен, то помогу и пойду искать свою... Своих друзей.

Сосия и Тайята переглянулись.

— Моя дочь Ария родилась восемнадцать лет назад,— сейчас же заговорила Сосия.— В такой же вечер, ровно восемнадцать лет назад. Три дня спустя некий человек по имени Илмед появился в моей спальне. Именно появился, я не шучу и готова поклясться: порога он не переступал!

— Меня в то время не было в Пандахе,— добавила Тайята. Она успокаивающим жестом погладила Сосию по голове.— С бедняжкой Сосией не было никого, сколько-нибудь сведущего в магии, чтобы помочь ей.

Кэшел засопел. Не нравился ему тон Тайяты. А еще — он не решался спросить, кто же отец Арии и где он был в тот час, когда колдуны разгуливали по дворцу.

— Так, значит, вы волшебница? — прямо спросил он Тайяту с каменным выражением лица.

Губы старухи сжались. Она уперла кулаки в бока.

— Нет. Не волшебница. Я изучала искусство магии, но могу лишь предсказывать будущее. Например, ваш визит я предсказала, мастер Кэшел, но сама я не могу помочь правительнице.

Кэшел нахмурился.

— Послушайте, я просто Кэшел. Пастух.

В комнату вошли двое слуг с подносами, полными фруктов и напитков. Захаг в два прыжка настиг их, про-

тянул ручки и начал набивать рот всем подряд с обоих подносов.

Слуги остолбенели.

— А ну брысь отсюда! — закричала одна из служанок и бросилась к обезьяне.

— Все в порядке, Ирвис! — повелительно произнесла Сосия. — Если понадобится твоя помощь, тебя позовут.

Девушка выглядела потрясенной. Она выбежала из комнаты, закрыв лицо руками.

Кэшел резко выпрямился. Ему было не по душе, когда других унижают в его присутствии. С ним-то никто не решается так поступать!

— Илмед заявил: моя дочь должна стать его невестой, — продолжала Сосия. — Мол, она будет его нареченной, а свадьба состоится, когда ей исполнится восемнадцать. Он могущественный волшебник, так что мы должны почитать за честь...

Она холодно улыбнулась, вспомнив об этом.

— Я плохо себя чувствовала после родов, так что настроение у меня было не из лучших. Я велела слугам схватить Илмеда, избить до полусмерти и вышвырнуть вон. А он... исчез. Растворился в воздухе.

Захаг вклинился между Кэшелом и женщинами с бокалом в руках. Белая жидкость в нем напоминала молоко, но была гуще. Наверное, сок какого-то плода, решил Кэшел.

— В ту ночь было полнолуние, — говорила женщина. — Илмед вернулся. Я наблюдала за ним, но не могла двинуться с места. Никто не мог. С ним были еще монстры.

— Чешуйчатые люди, — пояснила Тайята. — Они размером с обычного человека, но...

— Я знаю Чешуйчатых людей, — вмешался Кэшел. — Значит, они и забрали ребенка?

Предсказательница промолчала. На лице ее отразилось удивление и даже уважение.

— Да, — ответила Сосия. — Они забрали Арию. Когда мы все снова смогли двигаться, в центре гавани возник

остров, а на нем — башня. Пламя, окружающее башню, поднимается прямо из воды и сжигает все, к чему прикасается, — дерево, металл, даже камень. И, конечно, плоть. Мы пробовали все за эти годы, но не сумели пробиться через огонь и спасти Арию.

— Девочка росла, и мы порой видели ее наверху, на башне, — добавила Тайята. — Вначале с Чешуйчатыми, потом — одну.

— Сейчас она появляется очень редко, — сказала Сосия. — Я сегодня видела ее, но лишь на минуту. Боюсь, завтра мне уже не увидеть свою дочь.

Ее голос дрогнул, но она не позволила эмоциям взять верх. Илна бы поняла эту женщину...

И Кэшелу стало легче говорить с Сосией.

— Я бы помог вам, если бы сумел. Но, госпожа, я не знаю, как это сделать. Я бы... — Он протянул к ней руки. — Госпожа, если бы нужно было сразиться с демоном, я бы с радостью. Но сражаться с огнем...

— Вы умеете вертеть магический жезл, — вмешалась Тайята, сфокусировавшись на воспоминании. — Я видела это в воде, в своей чаше. И ваш жезл проделал брешь в стене огня. Потом он сомкнулся у вас за спиной, и больше я не видела ничего.

— Жезл? — удивился Кэшел. — Вы имеете в виду посох? Но его со мной нет. Он остался у Шарины.

Он нахмурился. Наверное, посох пропал вместе с кораблем...

Надо же, он больше печется о деревяшке, чем о Шарине и остальных друзьях. Но ведь с ними все должно быть в порядке... С другой стороны, этот посох он вырезал сам, еще мальчишкой. Посох крепкий, как и парень по имени Кэшел ор-Кенсет.

Захаг скривился в усмешке.

— Ты думаешь, на Пандахе не растет настоящих деревьев, чтобы ты мог вырезать новый? Так используй мачту корабля! Как раз тебе по размеру, а?

Женщины переглянулись. Покидавшая комнату девушка вернулась, слезы ее высохли, но глаза подозрительно покраснели.

— О, об этом-то я и не подумал,— обрадовался Кэшел.— Пожалуй, флагшток подойдет. Точно.

Он сцепил пальцы и размял мышцы спины.

— Ну что же, госпожа. Тогда попробую.

Интересно, есть ли в башне этот Илмед или же там одна принцесса? С парнем, который ворует детей, у него будет особый разговор.

Захаг в ужасе попятился, увидев выражение лица Кэшела.

Страж отворил для Шарины дверь, и два пленника заморгали от яркого света закатного солнца. Мутные оконца камеры выходили на восток.

— Вон он, госпожа,— заявил страж.— Другой — старый Демито. Вы уж осторожнее: он вчера перебрал, как бы его не стошнило. Скверное местечко.

Да уж, это правда. Конечно, Шарина и похуже видала. Девушка, выросшая в Барка Хамлет, не привыкла воротить нос при виде грязи.

Тюрьма представляла собой здание, вырубленное прямо в скале. Каменная скамья стояла напротив двери. На полу — железные кандалы, а в стене — наручники.

— В основном мы здесь держим моряков с иностранных судов,— извиняющимся тоном заговорил тюремщик.— Местные расплачиваются за преступление, работая на свою жертву. А за убийство у нас четвертуют. Или если они не могут отплатить.

Узники — пьяница на одном конце скамьи и Халфемос на другом — молча смотрели на вошедших. Их левые руки были прикованы к стене, а лодыжки — к полу. Есть они могли, но двигаться — почти нет.

— Мастер Халфемос, ваш друг Церикс прислал вам свиток гимнов, восхваляющих Госпожу,— ледяным тоном заговорила Шарина.— Полагаю, вы можете почитать их, пока мы со стражником выпьем вина. Он любезно разрешил вам заняться спасением вашей души.

Халфемос буквально онемел. Население Барка Хамлет в основной своей массе было крайне религиозно. Они

оставляли жертвенное пиво и сыр в качестве платы за помощь в делах, а еще не забывали платить дань Великим Богам, когда за ней являлись жрецы из Каркозы.

Но что же касается Церикса, то он-то не верил в Богов! Так что вряд ли он мог настолько рехнуться, чтобы послать ученику свиток с гимнами!

Стражник держался достаточно дружелюбно — ведь Шарина протянула ему мех с вином, — но пристально проследил, чтобы девушка не передала Халфемосу ничего, кроме свитка. Свиток он развернул для порядка, хотя и не читал.

Коротко кивнув тюремщику, Шарина сделала три шага вверх по ступеням. Стражник захлопнул дверь и вставил в задвижку тяжелый штырь.

— Вы уже разлили вино? — спросила девушка.

— Еще нет, госпожа, — ответил он. — Давайте сядем и устроимся поудобнее в моей каморке.

У стража не было ключей от кандалов узников. На всякий случай. Если здесь будут содержаться моряки, их друзья могут отбить заключенных.

Церикс стер текст с внутренней стороны свитка, переписав современными буквами нужные заклинания из Старой Вязи. Старый калека-колдун отлично помнил, что Халфемос так и не выучился читать Старую Вязь.

Почерк у Церикса был отменный — четкий и ясный. Может, раньше он служил переписчиком текстов?

В каморке стража стояли стол, табуретка и небольшая жаровня — подогревать пищу или вино. Кровати не было, слишком мало места. Шарина полагала, что по ночам его сменяет другой страж, но проверять не собиралась.

Страж усадил гостью и открыл мех. Напиток крепкий, с Шенги, мех запечатан сургучом. Шарина всыпала туда зелье Церикса.

— Вначале вы, — сказала она.

Страж сделал долгий глоток, потом опустил мех.

— Эх! — крикнул он, протягивая вино Шарине. — Вот только... кружек-то у меня и нет, госпожа. Может...

Он с сомнением выглянул на улицу. Тюрьма находилась среди складов в гавани, к югу от официальной

части города. Даже в столь поздний час среди складов сновало множество людей с осликами, груженными товаром. Но Шарина не видела ни таверны, ни лавки, пока шла сюда.

— Да ладно, и так хорошо,— остановила она стража и, поднося к губам мех, сделала вид, что пьет.

— Что у вас за забота об этом парне? — спросил ее тюремщик.— Я слышал, он осужден за то, что пытался убить короля с помощью магии!

— Думаю, это просто был несчастный случай,— спокойно отвечала Шарина. Было еще достаточно светло, и Халфемос мог различить буквы на свитке.— Кстати, при этом исчез мой товарищ. Я уверена, с ним все в порядке. Просто зашвырнули куда-то далеко отсюда.

Она подарила стражу фальшивую улыбку, а в это время в голове ее билось: «О Госпожа, Владычица Небесная, пребудь с Кэшелом. О Пастырь, Защитник Всего Живого, защити Кэшела, как он защищал своих овец».

Мех булькнул, словно голодное брюхо — это стражник снова сделал большой глоток. И удовлетворенно рыгнул.

В наступившей тишине Шарина слышала: *«эсмигддон маарчма коре...»*

Стены темницы отличались толщиной, но Халфемос почти кричал, чтобы слова преодолели инерцию космоса.

— У вас такая интересная работа! — деланно бодрым голосом воскликнула Шарина. Она надеялась, что не переусердствовала, очень важно было помочь юному магу довести начатое до конца.— Скажите, у вас здесь часто сидят изменники?

— Изменники? — изумился страж.— А, вы имеете в виду этого, что хотел убить короля. Нет, нечасто — не очень часто. Но опасных типов хватает.

Сквозь кирпичи темницы стало просачиваться розовое свечение. Слышался звон кандалов.

— Вы очень храбрый,— заявила Шарин. Она попыталась пропустить свою очередь.— Я...

Штырь в щеколде зазвенел. Пьяница, сидевший рядом с Халфемосом, в ужасе заорал. Страж вскочил на ноги, вторя узнику. Он схватил оружие.

Задвижка отлетела в сторону и упала на пол. Ее никто не касался, лишь нарастало розовое свечение.

Дверь начала открываться. Стражник поднял дубинку, глядя на дверь, лицо его исказилось от страха. Шарина схватила табуретку за ножку и приготовилась обрушить ее на голову своего собеседника, дабы уберечь Халфемоса.

Из камеры показалась фигура из красного света, очертаниями напоминавшая обезьяну, но размером — скорее быка. Шарина видела также и Халфемоса. Волшебник речитативом произносил слова заклинания, используя вместо палочки свернутый свиток.

Страж заорал от ужаса. Он попытался бежать, но ноги его запутались, и бедняга рухнул наземь, выронив дубинку.

Фигура из света разворачивалась кольцами. Девушка постояла минуту, наблюдая. Потом фигура исчезла.

Халфемос взобрался по ступеням. Пошатываясь, он пытался засунуть свиток за пазуху, но едва не выронил его. Шарина подхватила и свиток, и юношу.

— Быстрее! — скомандовала она, подталкивая измученного мага в направлении доков. Церикс купил пропуск на корабль, отплывавший в Эрдин. Пункт назначения казался им неважным, главное — поскорее отплыть, желательно с вечерним приливом.

Шарина оглянулась. Страж все еще лежал на земле, глядя в небо невидящими глазами.

Туман над лагуной напомнил Гаррику о тех туманах, которые он частенько встречал на склонах холмов в своей деревне. Сквозь дымку пробивались лучи солнца.

Вдоль лагуны на плотках замерли неподвижные фигуры, напоминавшие призраков. Даже зоркому взгляду Гаррика было сложно разглядеть, люди это или Эрза.

— Может, это место — здесь, — тихо произнесла Лизэйн. — От этого зеленого света меня холод пробирает до костей. Когда мы доставим людей в реальный мир, то сами будем...

Гаррик смотрел на нее. Интересно, какое слово она имела в виду: счастливы? Веселы? Спокойны?

Но девушка лишь печально улыбнулась.

— Что ж, будем на это надеяться.

— Залив создавался для Эрза одним из них или им подобных,— вмешалась в разговор Теноктрис. Она посмотрела на убогие хижины здешних людей с тем же безразличием, с каким глядела в сторону леса.— Им здесь, должно быть, лучше, чем людям, но все же вряд ли и для Эрза тут рай. Чем старше я становлюсь — а мне уже больше тысячи лет...

Она запнулась, и Лизин обняла ее.

— Так вот, чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь: не родился еще волшебник, способный достичь хоть чего-то при помощи своей магии. Так и получилось с Эрза, создавшими это место.

— А как же ты? — спросил Гаррик.— Ты же всегда достигаешь, чего хочешь, и жаловаться потом не приходится. По крайней мере, я этого не замечал.

Теноктрис рассмеялась.

— Моя магическая сила не идет ни в какое сравнение с другими волшебниками. Так что я — особый случай.

Они приближались к жилищу Родоарда. Ворота закрыты, но с приближением Гаррика и его спутников вперед выбежал гонец.

Жилища рядом с Родоардовым занимали его приспешники: они прибыли сравнительно недавно, но уже получили все привилегии. Они стояли наготове у ворот с оружием в руках. Встретились взглядом с Гарриком, и лица их словно окаменели.

Детишки, игравшие на улице, бросились домой. Их матери настороженно следили за подходившими путниками.

Когда рука Гаррика легла на рукоять меча, он почувствовал, как оживился внутри его сознания король Карус. Оба они ощутили знакомое напряжение. Отелм, бывший моряк, так желавший заполучить меч Гаррика, поднял дубинку, но отпрянул назад.

Гаррик ударил в гонг рукоятью меча. Бронза загудела глубоким басом, меч вторил звонким дискантом.

— У меня хорошие новости, Родоард! — позвал Гаррик у закрытых ворот. — Мы все можем уйти отсюда!

Он повернулся к остальной общине. Сигнал вызвал всех из убежищ и из ближайшего леса. Рожденные в Заливе не осмеливались прямо смотреть на троих новичков; они лишь робко теснились вокруг.

Гаррик во второй раз ударил в гонг.

— Выходи! — крикнул он.

Одна створка ворот раскрылась. Родоард стоял в проеме, в шлеме, нагрудной пластине. В руках он держал меч и короткое копье.

Лицо его побледнело от ярости.

Гаррик отступил назад. Родоард взмахнул мечом. Тяжелый клинок ударил по державшим гонг цепям и перерубил их. Диск покатился по земле. Полетели брызги грязи.

— Я оставил тебе жизнь, парень, — бесстрастным голосом проговорил он. — Я думал, от тебя будет польза. Может, я ошибался, а?

Над площадкой поднимался цветной дым. Лунифра не появлялась, но Гаррик слышал ее голос, выпевавший странные ритмы. С каждым новым слогом в небо вылетал дым.

— У нас хорошие новости, Ваше Величество, — произнес Гаррик. — Мой друг Теноктрис обнаружила ключ, открывающий двери Залива. Эрза позволят нам воспользоваться им и вернуться в мир реальности. Всем нам!

Гаррик знал: разговаривать с Родоардом так смело — большой риск, но, когда правитель в таком гневе, от него можно ожидать всего. Если бы он лебезил, как остальные, тот запросто мог смять его в лепешку и не стал бы слушать никаких предложений. Прибыв же к нему с мечом наголо, Гаррик заставил Родоарда обращаться с собой как с равным.

— Итак, — произнес Родоард, подходя совсем близко. — Ты якшался с Эрза, верно? И что ты предложил этим тварям, Гаррик ор-Рейзе?

Люди вокруг напирали. Рожденные в заливе готовились в случае опасности улизнуть. Какая-то часть сознания Гаррика помнила, как в подобных ситуациях король

Карус мечом прорубал себе дорогу к выходу. С другой стороны, королю Островов не доводилось при этом охранять старую леди и девушку.

Гаррик откинул голову назад и расхохотался. От подобной толпы ему Теноктрис и Лизйн не спасти. Значит, нечего и пытаться: ну, отрубит он голову Родоарду, а как потом будет биться с его приспешниками? Они же уничтожат Гаррика и его друзей.

Ты сделал все, что мог — вот что скажут о нем потомки.

Гаррик перевернул меч вниз рукоятью и взял его за клинок — так он выглядел менее угрожающе. Его смех удивил Родоарда.

— Все, что я предложил Эрза, так это дать нам убраться отсюда, — крикнул юноша, стараясь, чтобы его было слышно в нарастающем шуме. — А тебе я предложу...

Он обвел глазами собравшихся.

— Всем вам! Всем вам! Если есть шанс снова увидеть солнце, ощутить ветерок, шанс стать свободными! Так, как никому в этом зеленом мире еще не снилось!

Теноктрис преклонила колена и начала чертить на земле указательным пальцем. В другой руке она зажала толстую ветку, чтобы использовать в качестве магического жезла.

Лизйн стояла между Теноктрис и толпой, скрестив руки на груди. Трое из людей Родоарда едва не касались ее, так близко они были.

— Итак, — голос Родоарда казался на удивление высоким и визгливым для такого здоровяка. — Отелм, ты как, спешишь вернуться в Эрдин? А ты, Бассис? Как думаешь, о твоих делишках уже забыли в Вэллесе?

Рыбаки из лагуны тоже собрались на звук гонга, их плоты стояли на болотистом берегу. В сетях билась свежей пойманная рыба с шипами на голове. Рыбаки использовали деревянные гарпуны с костяными наконечниками. Здесь, где не хватало железа и камня, такое оружие было в самый раз.

Теноктрис начала что-то шептать, обходя начерченный ею круг силы, ее волшебная палочка вспыхнула. Для всех остальных, включая Гаррика и Лизйн, не знакомых со

Старой Вязью, эти символы значили не больше, чем ходы дождевого червя в земле.

— Я сделал вас королями над Эрза, поработившими вас! — заявил Родоард. — И вы сумели поставить ногу на грудь этих тварей! Так хотите ли вы...

Внутри поселения закричал ребенок, и крик его, словно ножом, прорезал тишину. Родоард не обернулся, но лицо его исказила гримаса гнева.

— Так хотите... — повторил он.

Ворота за его спиной все еще были открыты. Ребенок лет трех-четырёх выбежал наружу; на шее и на животе у него зияли кровоточащие раны. Он обхватил руками ноги Родоарда и замер на земле — просто истек кровью. Лунифра стояла в дверях, вся перемазанная детской кровью.

Колдунья была обнажена. Держа в руке обсидиановый нож, она улыбалась — зловеще, как боги Подземного мира. По виду замученного ребенка нельзя было судить, какого он пола.

Гаррик ударил Родоарда по ногам. Король попытался выхватить кинжал, но запнулся за труп ребенка и мешком свалился на землю. Он буквально разинул рот от удивления, наблюдая, как взлетает меч Гаррика: так искусный повар готовит бифштексы на королевской кухне.

Ярость, овладевшая Гарриком, направила его клинок так, что он пронзил бедренную кость Родоарда и рассек сухожилия на лодыжках. Уж теперь-то эти двое не будут убивать невинных детей, не станут использовать их для своей черной магии.

Заорал Отелм, зажимая обеими руками рану на боку. Лизйн ткнула окровавленный кинжал в лицо нападавшему на нее громиле, но промахнулась. Тогда клинок Гаррика довершил дело: рассек череп мерзавца и обнажил его мозг.

И вдруг все пространство заполнили извивающиеся твари. Дерево превратилось в змею толщиной в три фута и немыслимой длины. Лунифра истерически хохотала. Хвост деревянной змеи хлестнул рядом с Гарриком. Голова гадины приподнялась с земли; из пасти торчал устрашающего вида язык.

Толпа, люди Родоарда и рожденные в Заливе, в ужасе попятились. Гаррик поднял меч, хотя и знал, что оружие не поможет.

И тут громадные челюсти захватили Лунифру. Колдунья в ужасе завопила.

Теноктрис едва не погибала от напряжения, пытаясь читать заклинания. Гаррик подскочил к ней и сгреб в охапку, словно грудку тряпья, а не дорогого друга. Все, кто мог, спасались бегством. Порождение черной магии ползло следом за ними.

— Вот сюда! — крикнула Лизэйн, указывая в направлении лагуны. Деревянная змея двигалась вперед, свиваясь кольцами.

Гаррик мчался за Лизэйн, высоко держа меч над головой. Он вспомнил, как однажды отец накричал на него, когда увидел, что Гаррик бежит с серпом в руке. Бегать с обнаженным мечом куда опаснее, но времени рассуждать попросту не было.

Змея из ожившей древесины меж тем захватила собственный хвост и стала... пожирать саму себя. Кольца начали неистово вращаться, сокращаясь.

Лизэйн забралась на борт самой большой из рыбацких лодок, подняла шест и попыталась толкать лодку вперед.

Гаррик кинул Теноктрис в лодку, обернулся проверить, не бежит ли кто следом, и убрал меч. Вытер клинок и сунул оружие в ножны.

Гаррик перенес ногу через борт, поскользнулся и толкнул лодку. Она скользнула в лагуну, едва не зачерпывая воду бортами. Лодка явно предназначалась для более худосочных жителей Залива. Лизэйн и Теноктрис вдвоем оказались чересчур тяжелы для хлипкого суденышка.

Гаррик толкал лодку, Лизэйн помогала ему шестом. Юноша шел, пока дно не начало уходить из-под ног.

— Гребите в другую сторону! — сказал он, выплевывая болотистую воду. — Мы должны добраться до Эрза, пока эти люди не опомнились!

Один из приспешников короля сделал было несколько шагов в сторону лагуны и выхватил меч. Но Гаррик продолжал толкать лодку, не обращая внимания на врагов.

Теноктрис заговорила с Лизйн. Гаррик слышал ее голос, но не мог разобрать слов. Хвала Пастырю, волшебница пришла в себя. Гаррик знал, что Теноктрис не под силу было бы создать чудовище, подобное тому, на берегу. Но даже попытки отразить нападение Лунифры заставили старую леди выбиться из сил.

Когда Гаррик поднял голову, он увидел, что Эрза на своих треугольных лодочках отплывают от противоположного берега. В руках у них были явно не удочки.

Да, Эрза, похоже, приняли меры, но что они могли поделать против целого поселения людей, готовящих атаку? Гаррик надеялся, что они могут, по крайней мере, выиграть несколько часов, но...

— Режь проклятых тварей! — вопил изувеченный Родоард, и от боли голос его звучал еще пронзительней. Убийственная мысль начала сверлить мозг Гаррика. «Некогда заниматься пустяками, делай, что требуется — вот ты и сделал это!»

— Порешим их всех! — заливался Родоард. — Вырежем их под корень, нечего пытаться извести нас своим проклятым чародейством!

Гаррик что было силы толкнул лодку. Когда выберется на берег, первым делом очистит и наточит меч.

12-й день месяца Херона

Капитан судна правительницы стоял у руля и глядел на объятый пламенем остров. Он остановил гребцов движением руки, потом поклонился Сосии и произнес:

— Ваше Величество, мы не можем подойти ближе, это слишком опасно. Маг и его спутник должны двигаться дальше сами.

На судне возвышался кремового цвета балдахин с кистями. Сосия нагнулась, чтобы обнять Кэшела.

— Спаси мою дочь, — взмолилась она. — Что бы ни случилось, я не могу позволить Илмеду забрать ее.

И, к немалому смущению здоровяка, она поцеловала его в лоб. Кэшел залился краской.

Ослепительно багряные языки пламени поднимались из воды, словно клинки, но вовсе не такие холодные; даже с такого расстояния Кэшел ощутил, как от жара нагревается кожа.

— Ну, нам пора,— пробурчал он, не глядя в глаза Сосии. Потом повернулся к примату: — Ты готов, Захаг?

Тот уставился на его руку, что-то неслышно бормоча, словно читая стихи. Между ними лежал моток отличной веревки, Кэшел проверил ее на прочность во всю свою силу — и она выдержала!

— Захаг, ну-ка отвечай! Иначе оставлю тебя здесь. Если хочешь оставаться, оставайся!

Примат сердито зачерпнул воду двумя ладонями. Сосия отпрянула назад: вода облила край ее платья. Ее слуга схватился было за палку, но правительница предупредительно подняла ладонь.

— Я останусь с тобой! — изрек Захаг. — Ты глуп, и мы оба, без сомнения, погибнем, но я боюсь быть один.

Кэшел посмотрел налево и поймал тревожный взгляд офицера на судне.

— Оттолкните нас,— велел он, упершись концом своего посоха в борт судна.

Сосия и ее прорицательница сидели бок о бок в центре барки. Отборная команда, дюжина молодых, один к одному, стояли, работая длинными веслами. И теперь двое из них разворачивали судно по направлению к стене огня.

Кэшел поднялся на ноги. Он крепко стоял на ногах, и качка была ему нипочем.

— Пошли, Захаг,— скомандовал он, балансируя при помощи шеста. — Раз взялись за это дело, отступать некуда!

— Уж эти мне люди! — бросила обезьяна. — Тупые, что твои овцы! Разумеется, отступать всегда есть куда!

Захаг попробовал вытянутой ногой воду, потом тяжело плюхнулся за борт. Ручищи у него благодаря своей длине вполне могли сойти за весла.

Корабль скользил по направлению к ожидающему его пламени. Захаг пыхтел, но продолжал тащить его по воде.

В гавани на берегу собралась толпа. Они наблюдали за событием. Заметив движущегося к ним Кэшела, они принялись подбрасывать в воздух соломенные шляпы.

— Похоже, они любят свою принцессу,— произнес в задумчивости Кэшел. Вот жители деревни Барка не выказывали подобного внимания графине Ласкарг из Каркозы, не говоря уж о короле Островов.

— Вах! — рассмеялся примат.— Да они попросту жаждут увидеть, как мы сторим. Скольких уже смельчаков до нас погибло в огне, что там говорила Тайята? Кажется, двадцать три?

— А что, ты рассчитывал на вечную жизнь? — не растерялся Кэшел.

Огонь уже ощущался повсю. Казалось, щетина на щеках Кэшела начала потихоньку съезживаться, глаза жгло. Он начал медленно вращать посох, сработанный для него лучшими резчиками по дереву.

На его изготовление пошла ель, а не орешник или какое-то другое твердое дерево. Некоторые предпочитают кизил, но Кэшел считал, что только ореховый посох позволяет наносить столь точные удары, притом он еще и гладкий — никогда не занозит ладонь. Никому еще не удавалось получить двух ударов от Кэшела ор-Кенсета: одного всегда бывало достаточно.

Он усмехнулся. Вот с огнем-то ему еще не доводилось сражаться. Как знать, а вдруг ель — как раз подходящий для этого материал.

В длину посох (или, скорее, шест) достигал восьми футов, а толщиной был с запястье Кэшела. Он легко вращался. Его смазали воском, но одно искусство резчиков не могло обеспечить такой легкости вращения, какая появилась у прежнего оружия за годы работы.

Но ничего, и новый посох сослужит хорошую службу, решил он. Кэшел никогда не стал бы отказываться от задания из-за того, что оружие недостаточно хорошо.

Языки пламени вырывались прямо в небо. Не было видно ни пара, ни пузырей в воде, но Сосия уверила их: попытки проплыть под водой оказывались столь же губительными, как и пробиться сквозь пламя поверху.

На поверхность вылетела рыба и, перекувырнувшись в воздухе, нырнула снова. Одна ее сторона была серебристой, другая же — темной, обожженной.

— Дюжина придурков, а с ними еще более тупой примат, — заявил Захаг. — Но он-то знает, в чем дело!

Посох вращался. Кэшел больше не ощущал жары. Он сумел поймать ритм, как это бывало в случаях, когда требовалось перетаскивать груз огромной тяжести. Теперь он просто *знал*, что справится.

Быстро, невероятно быстро. Из конца посоха вырывалось синеватое пламя, образовав вначале кольцо, а затем — туннель света, в котором медленно двигался посох.

Ремесленники, изготавливавшие оружие для Кэшела, сделали, как он просил: на концы надели набалдашники из меди. На одном было изображено сражение китов, на другом — парящие в небе орлы. И, надо сказать, в деревушке Барка не сыскать подобных искусников.

Одна рука, теперь другая, запястья перекрещиваются и расходятся, отчего посох буквально летает по кругу. Искрящееся голубое пламя встретилось с горячим алым. Языки огня с ревом вырывались в небо, встречаясь с посланцами Кэшелова посоха.

Огонь жил своей жизнью. Кэшел только успевал вращать посох.

Захаг что-то бормотал в ужасе, иногда упоминая имена Сестры и других Богов человечества. Но чаще просто верещал. Кэшел не обращал внимания на товарища. Искры так и летели по сторонам.

Зря они называли Кэшела магом. Он просто был частью космоса. Для выполнения любого задания требуется здравый ум, а не только сила. Кэшел нашел точку баланса, теперь он знал, куда направить силы.

Вокруг простиралась стена ревушего огня. Корабль пролетел через завесу пламени и оказался прямо у скалы, где размещалась башня-темница. Выбираясь на сушу, Кэшел пошатывался. Захаг потрясал кулаками в знак триумфа и поддерживал юношу, одновременно разматывая канат.

Кэшел поднял посох над головой:

— Мы пробились! Пастырь помог нам! Мы пробились!

Да, Боги помогли им. А еще — невероятная сила, всегда вызывавшая изумление у жителей деревни.

И Кэшел по праву мог гордиться тем, что способен на поступки, которые не под силу большинству людей!

Гаррик поскользнулся и, не удержавшись на ногах, рухнул в грязь прямо перед флотом, приставшим к берегу на дальнем конце лагуны. Он встал на колени, потом вытащил меч. Плоты Эрза причаливали справа и слева от него. Грац ждал на берегу вместе со своим войском. Эрза хранили молчание, но их подвижные уши так и шевелились.

Теноктрис вылезла на берег, не дожидаясь, пока Лизэн подаст ей руку. Она поклонилась Грацу и заговорила:

— Люди решили оставаться в Заливе вместо того, чтобы уйти в мир. Большинство из них родились здесь. И они убьют вас всех, если смогут. Родоард не остановится.

Гаррик понял, что все присутствующие Эрза обратили взоры на него. Для этого им даже головы поворачивать не было необходимости: у гуманоидов оказался более широкий угол зрения.

— Сколько вас здесь? — спросил Гаррик. — Я имею в виду воинов.

Мужчины Эрза выглядели, по крайней мере, столь же крепкими, как люди, рожденные в Заливе. Будь их достаточное количество, можно было бы и потягаться с людьми.

— Двести тридцать два, — спокойно произнес Грац. — И ты сам, если будешь сражаться.

— Да, буду, — отозвался Гаррик. Он ощутил, как умирает надежда. Где-то в глубинах его подсознания король Карус анализировал ситуацию столь же бесстрастно, как пастух пересчитывает стадо после падежа скота в голодный год. — Но и мое участие принесет не много пользы. Их гораздо больше, и они убьют нас всех, вот что.

Гаррик посмотрел на свой меч. Он хотел вытереть лезвие, но вся его одежда была мокрой и грязной. Лизэн

перехватила его взгляд и предложила носовой платок. Тут же подбежали детишки Эрза с целой корзиной кожур от фруктов. Она была сухой и напоминала волокно мочалки.

Грац кивнул — человеческий жест, но ведь он и общался с Гарриком на человеческом языке. Уши его при этом все равно вибрировали, и четверо воинов Эрза припустили к лесу. Курьеры, понял Гаррик. Женщины и дети Эрза собрались неподалеку.

— Если бы вы позволили мне воспользоваться тем, что вы называете Дланью, я открыла бы ворота для вашего народа так же, как и для нас. Я не хотела так поступать, но, похоже, это наша единственная надежда,— продолжала старая леди.

— Да,— откликнулся Грац.— Я и велел своему народу собраться в Изначальном Месте. Наши предки вошли в Залив через этот лес. Пускай наше существование и закончится здесь же.

Он сам и его воины повернулись и начали прокладывать путь вдоль широкой тропы. Местная растительность была сочной и мясистой: под ногами Эрза стебли лопались с громким треском. На стороне, где жили люди, ничего подобного не встречалось.

Гаррик вытер меч и убрал его в ножны. Лизйн подала руку Теноктрис, несмотря на то что старая леди вроде бы обрела прежнюю силу и уверенность. Кто знает, как в дальнейшем может повлиять на тысячелетнюю волшебницу борьба с заклинанием злополучной Лунифры?

Лизйн жестом указала Гаррику: идем вперед. Не было никакого смысла охранять отряд с тыла. Людям не переправиться через лагуну, так что атака, скорее, будет с другой стороны. Гаррик кивнул спутникам и широкими шагами двинулся к воинам.

— Если бы мои предки убили всех тех первых людей, сейчас у нас не было бы этой заботы,— проворчал Грац.

— У нас, в Сандраккане, есть пословица,— отозвалась Лизйн.— Сколько рабов — столько врагов.

Грац внезапно остановился посреди тропы. Его воины едва успели замедлить ход. Он обернулся, держа в руках копье.

Лицо Гаррика приобрело отрешенное выражение. Он приготовился действовать, как только Эрза поднимут оружие.

Мужчины держали только оружие — дубинки и копья, некоторые с наконечниками из металла.

— Здесь так много женщин и детей,— промолвила Лизйн. Она подошла к Гаррику, не заметив, когда воины успели поднять Теноктрис на платформу.— Наверное, тысячи две Эрза, а солдат так мало!

— Верно,— откликнулся Гаррик.— Ладно, надеюсь, мы успеем разобраться, как устроено их общество.

На самом деле его это не особенно интересовало. Соотношение мужчин и женщин здесь было примерно таким же, как в стаде овец, которое он пас. Там все решалось просто — владелец забивал молодых баранов на мясо, но старался сохранить самок ради молока и будущего приплода.

Гаррик полагал, что в обществе Эрза социальные механизмы работали именно так. Значит, рабство людей в плену Эрза вряд ли было чрезмерно тяжким.

Наверное, у него на лице отразилось сомнение. Лизйн дотронулась до его руки.

— Мы сделали свой выбор,— проговорила она.— Не думаю, что Эрза невинные овечки, но все-таки из двух зол они — меньшее.

— Верно,— откликнулся Гаррик, невесело усмехнувшись.— Полагаю, нам стоит поблагодарить Родоарда за такой выбор.

Грац кинул мимолетный взгляд в их сторону, но промолчал.

Они вошли в рощу, где по обе стороны их встретили деревья с длинными шелковистыми листьями. Листья эти поражали странным синеватым оттенком. Стволы выглядели разбухшими от влаги.

Между деревьев петляла довольно широкая тропа, ведущая к круглому холму, поднимающемуся выше человеческого роста. Прямо перед ними открывался вход, достаточный для того, чтобы в него прошел человек комплекции Гаррика. Женщины и дети Эрза вошли внутрь и

расположились вдоль стен, мужчины же остались снаружи.

Воины, несшие Теноктрис, поставили ее на ноги и отошли в сторону, присоединившись к своим товарищам. Грац наклонился и дотронулся до порога ладонями обеих рук.

— Входите, люди,— сказал он и издал свой странный, кудахчущий смешок.— Вы не обязаны выказывать почтение Длани, хотя с вашей стороны ужасающее кощунство даже войти сюда.

Теноктрис быстро вошла внутрь, кивнув Грацу в знак того, что понимает его религиозные чувства. Старая женщина могла видеть и понимать расстановку сил, которую не понимали даже другие волшебники. Но в Великих Богов она не верила, потому что не видела ни одного из них. Гаррик уважал Теноктрис и понимал ее позицию, но сам мог верить в то, чего не видел собственными глазами.

Лизэйн перевела взгляд с Гаррика на Граца.

— Я лучше пойду...

— Правильно,— ответил Гаррик. Он не знал, что именно правильно. Пожалуй, все это лишает священное место Эрза его святости, зато у них есть шанс спастись.— Но мы должны попытаться,— с улыбкой произнес он. Гаррик даже не был уверен, король ли Карус говорил за него, в любом случае его слова истинны.

Грац посмотрел ему в глаза. Гаррику стало интересно, что за мысли скрываются в этой голове.

Невдалеке закричали какие-то люди. Зазвучали звуки металла о дерево.

— Правильно,— снова вырвалось у Гаррика, выхватывающего эрдинский меч.

Меч был из доброй стали. Она сверкала даже при столь слабом освещении.

И он убил человека меньше часа тому назад.

Гаррик вспомнил, как обернулся и увидел: Лизэйн отбивается от одного из приспешников Родоарда. Глаза и рука Гаррика ор-Рейзе — а не другого человека в его обличье и даже не древнего короля-воина — включились в действие, меч описал дугу в воздухе, обрушился на голову мародера и выпустил дух из его тела.

Тогда он ничего толком не заметил. Лишь сейчас юноша понял, что действительно убил человека. Колени его задрожали, он едва не упал.

— Оставайся со своими женщинами,— произнес Грац с непроницаемым выражением на лице.— Если ты будешь нужен, битва сама придет к тебе.

Гаррик облизнул сухие губы. Он стал увереннее благодаря собственной стойкости и помощи короля Каруса, смысл жизни которого составляла война.

— Я не боюсь смерти,— проговорил Гаррик. Вожак Эрза уже поспешил на звук сражения.— Я даже не боюсь убивать. Я боюсь стать убийцей.

«И все равно тебе придется стать им,— прошептал голос внутри его сознания.— Но вряд ли это хуже, чем быть человеком, который не в состоянии выполнить свой долг, в чем бы он ни заключался и чего бы это ему ни стоило».

За рощей раздавались громкие крики, но сама битва, похоже, приостановилась. Авангард людей встретился с воинами Эрза. Людям пришлось отступить, ожидая подмоги.

Большинство женщин Эрза укрылись за листвой, но детишки так и вертелись по сторонам. Один из них подбежал к Гаррику и потрогал застежку на его одежде. Когда мать заметила это, она сердито окрикнула постреленыша.

Голос Теноктрис звучал мерным речитативом: она читала заклинания, слов которых Гаррик не мог разобрать. Он снова взглянул в сторону битвы, потом спрятал меч. Изначальное Место — это храм, так что обнаженный меч здесь явно лишний.

И потом он шагнул через порог.

Святылище, лишенное крыши, имело сорок футов в диаметре — меньше, чем Гаррик рассчитывал увидеть. Стены имели толщину в добрых десять футов, в центре было вырыто углубление, а в нем торчал невысокий глиняный столб, обвязанный прутьями, предохраняющими его от высыхания.

На столбе лежала человеческая рука, сделанная из перламутра либо покрытая им. Она сверкала невыносимо

ярко. Да, похоже, это предмет великой красоты и великой силы — непонятно только, доброй или злой.

— *Архедама фонеченце псеуза...* — затинула Теноктрис. Она чертила буквы Старой Вязи на земле вокруг столба. И после каждого слова делала взмах палочкой, сделанной из ветки. — *Рерта тоумисон кат хьюемигадон!*

Вокруг начерченных букв засиял сверкающий цилиндр, по цвету напоминающий сияющую Длань. Гаррик посмотрел вверх — столб перламутрового сияния уходил в небо.

Лизйн наблюдала за действиями волшебницы, готовая двинуться или заговорить, если ее позовут. Но сейчас она сохраняла молчание. Она ужасно боялась, но усилием воли заставляла себя скрыть страх.

Она встретила глазами с Гарриком и улыбнулась. Юноша кивнул ей, подумав: интересно, как сейчас выглядит он сам? Потом снова покинул святилище. За спиной раздавалось мерное бормотание:

— *Маарчамма забарбтоух...*

Сражение за рощей разгорелось вовсю. Вопли и проклятия со стороны людей, и сердитое кряхтенье Эрза, и лязг оружия слились воедино. Сражение на какой-то момент заглохло и разгорелось с новой силой, сопровождаемое криками и ревом.

Гаррик взялся за рукоять меча.

— Гаррик! — позвала его Лизйн. — Гаррик, пора! Оставь их, пока она может...

— Пойдем! — воскликнул Гаррик. На его голос повернулись головы, но Эрза остались на местах. А может, эти женщины вообще не говорят на человеческом языке?

Гаррик схватил ближайшую из женщин за плечо. Костяк под мехом оказался крепче, нежели он ожидал.

— Пойдем! — повторил и махнул рукой, подзывая остальных. Он потащил свою жертву — или пленницу? — по направлению ко входу.

Лизйн начала взбираться на холм по деревянным ступеням. Гаррик подталкивал к ней женщину Эрза, думая с тоской: если придется вот так же волоочь каждую, то он состарится раньше, чем затащит в святилище последнюю.

Лизйин легко коснулась женщины Эрза. Цилиндр превратился в стену из переливчатого света. Гаррик не видел противоположной стены убежища, но сама Длань сверкала, словно солнце.

— *Задахтумар дидумэ чикозксиз*, — произнесла Теноктрис, и на лицо ее пала глубокая тень. Она продолжала расхаживать по кругу. Старая волшебница будет ходить, пока не упадет, а это рано или поздно случится.

— Проходи же! — восклицала Лизйин, жестом указывая Эрза на колонну холодного сияния. — Скорее!

Эрза шагнула вперед и исчезла за стеной, словно провалилась в никуда.

Гаррик обернулся. Все Эрза, женщины и их дети, ожидали у входа. Он отскочил, ругаясь на самого себя. Мог бы и догадаться: это же как овцы, прошла первая, ринутся и остальные.

Один за другим Эрза исчезали за стеной. Очередь перекрывала вход. Гаррик присмотрелся и остановился. Теноктрис была не одна. Рядом с ней двигалась нагая женщина, чье тело переливалось перламутром, под цвет самого цилиндра. Теноктрис как будто и не догадывалась о присутствии призрака.

Лизйин увидела озадаченное выражение лица Гаррика, последила за его взглядом.

— В чем дело, Гаррик? — удивилась она.

Призрачная дама лениво улыбнулась, вытягивая руку в направлении Гаррика. Тело ее было совершенным и прекрасным. Но глаза... Глаза вели прямо в ад. Он отшатнулся, словно от удара молнии.

— Убейте их всех! — верещал где-то Родоард. — Режьте проклятых тварей!

Гаррик сделал два шага по убежищу, потом наклонился к вершине холма. Вынул меч. Битва сама пришла к нему.

Воинов-Эрза теснили к убежищу. Наметанный глаз Каруса прикинул: Эрза потеряли почти половину своих. Уцелевшие окружили женщин и детей.

Атаки людей были хаотичными, но яростными. Вот один здоровенный детина с дубиной в каждой руке, с

красной татуировкой на одной руке и синей — на другой. Он с ревом обрушивал обе дубины на неприятелей.

Воины-Эрза быстро и бесшумно носились вокруг. Грац ударил копьем великана, который нацелился на женщин и детей.

Гаррик прыгнул вперед, остановив движение мощной руки с дубиной. Этот прием он проделывал множество раз: ударить по руке с оружием, а затем — по телу.

Татуированный заорал от изумления и боли, выронив дубину из разом одеревеневшей руки. Он отступил назад, выпучив глаза. Кровь хлынула из ноздрей, и он рухнул, словно подкосившееся дерево.

Гаррик остался один. Люди на минуту отступили. Женщины-Эрза все вошли в святилище, а воины заняли позицию на вершине холма. Гаррик быстро попятился ко входу.

— Ну же, убейте их всех! — раздался вопль Родоарда. — В атаку!

Несущие сумасшедшего калеку люди бросились на Гаррика. Джосфред бежал впереди справа. Его крысиная физиономия перекосилась от страха и ненависти.

— Гаррик! — в отчаянии крикнула Лизэйн.

Гаррик оглянулся. Воины-Эрза окружили святилище, двигаясь слаженно и молча. Гаррик снова остался в одиночестве.

Трое моряков приближались к нему с копьями. Были у них еще и щиты, не слишком крепкие, но помогающие от легкого оружия Эрза. Остальные тоже карабкались на холм.

Гаррик попятился ко входу, надеясь, что моряки постараются не отставать от него. Их щиты помешают им двигаться быстро в узком проеме, тогда его спутники успеют войти в круг...

— Убейте же их всех! — голосил Родоард.

Грац прыгнул в цилиндр света и исчез, как будто его никогда и не было. Он оказался последним из остававшихся Эрза. Лизэйн и Теноктрис обнялись, помогая друг другу. Губы Теноктрис продолжали шевелиться, но Гаррик не слышал более слов заклинаний.

Длань засияла ослепительным светом. Смотреть на нес было просто невыносимо. Гаррик прыгнул вниз, в яму. Перламутровая женщина стояла рядом с ним. Она погладила его по щеке легким, словно крыло бабочки, касанием.

Гаррик в ужасе отскочил. Призрачная женщина засмеялась — словно рассыпались хрустальные иголки, чистые и холодные.

— Гаррик, чего ты ждешь? — раздался голос Лизэйн.

Гаррик шагнул вперед. Люди уже добрались до вершины холма и теперь собирали остальных.

Перламутровая женщина обхватила Лизэйн за шею обеими руками. Та забилась в ужасе. Она отпустила Теноктрис и попыталась освободиться. Но пальцы встретили лишь пустоту.

Гаррик плашмя ударил призрак по голове рукояткой меча. Фигура рассыпалась, словно дым, потом собралась снова. Она рассмеялась, еще крепче сжав горло Лизэйн. Лицо девушки начало синеть. Теноктрис зашаталась, произнося слова заклинаний; похоже, она и не подозревала о происходящем.

Первые из моряков добрались до входа. Другие скатывались по склону, держа оружие на изготовку.

Гаррик шагнул вперед, подняв меч. Барьер из света заставил его ощутить дрожь по телу. «Кто-то ступил на мою могилу», — подумал он. И опустил меч на линию, соединявшую Длань со стеной света.

Раздался крик. И Гаррика подхватил вихрь, закруживший его и уносящий в огненную темноту.

Последнее, что запомнил Гаррик — глаза Лизэйн и Теноктрис, потом их сменили глаза той женщины.

Шарина все еще держала Халфемоса за руку, но юный маг уже и сам мог идти достаточно уверенно. А вначале он изрядно пошатывался от усталости и напряжения, едва не падая, так что девушке приходилось практически тащить его. Она едва ли могла осознать, что именно совершил маг, но уж точно видела, какую цену ему пришлось заплатить за это.

— Куда мы идем? — прошептал Халфемос, и это были первые произнесенные им слова.

— Корабль отправляется в Эрдин, — Шарина говорила как можно тише, чтобы не привлекать внимания прохожих. — Церикс будет ждать нас на борту.

Заслуга Церикса состояла лишь в том, что он написал заклинания, нужные для взлома замков и цепей. Фантастическое же существо, явившееся на свет в результате этих заклинаний, стало плодом деятельности самого Халфемоса. Шарина догадывалась: юноше не впервой было заниматься подобным делом, но это лишь подтверждало, что юный маг обладает немалыми способностями.

Берговая линия Пандаха кишела судами — точно так же, как это бывало в Эрдине, столице и главном порту одного из наиболее могущественных островов королевства. Серианские корабли с квадратным носом и опущенными парусами теснились борт о борт с катамаранами из Далполо, грузовыми судами из Орнифола и маленькими кораблями, перевозившими вино и цитрусовые, не говоря уже об изделиях из металла — с дюжины различных островов (среди них попадались столь мелкие, что даже не имели собственных названий).

Всего несколько месяцев назад Шарина думала, что никогда не покинет деревушку Барка. А теперь — такое разнообразие и богатство. Любуясь на заморские суда, она на несколько минут забыла о тех темных делах, которые властно вмешались в жизнь ее друзей.

По контрасту с неуклюжими глинобитными строениями большинства городов, причал Пандаха был возведен из камня. На одном из судов чайки нападали на попугая, а с палубы соседнего доносилось нервное кудахтанье куриц в переносной клетке. Двадцативесельная галера стояла у ближайшего пирса. Шарина кое-что понимала в экономике, поэтому весьма удивилась, увидев, что это за судно.

Галеры считались скорее военными кораблями либо предназначались для богатых путешественников, не желавших ждать подходящего ветра неделями. Естественно, стоило такое удовольствие очень и очень недешево. Гру-

зоподъемность галер чрезвычайно мала, а команда, напротив, гораздо больше, чем на обычном судне. На этом же корабле не было заметно ни военного оборудования, ни признаков роскоши.

«Дельфин» из Сандраккана, на который удалось достать пропуск Цериксу, стоял у соседнего пирса. Шарина слышала протяжное пение матросов, натягивавших паруса.

Из-за горы бревен, выгруженных с орнифолского лесовоза, выступил какой-то человек. Солнце падало на его фигуру, поэтому можно было разглядеть лишь крепкий, почти квадратный силуэт. Он преградил дорогу Шарине.

Халфемос следовал за девушкой, поэтому не заметил незнакомца. Шарина проворно выхватила пьюльский нож.

— Ты что, собираешься воспользоваться им против меня, детка? — произнес до боли знакомый голос.

— Ноннус, — прошептала Шарина. Она задрожала. — Ноннус?

— Кто вы? — потребовал ответа Халфемос. Шарина вдруг поняла, насколько он юн. Конечно, юноша умен и способен, он даже постарше нее самой, но в нем еще столько от мальчишки...

Ноннус же — взрослый. Он всегда принимал решения вовремя, но без суеты. Ноннус мастерски владел собой — до того момента, пока не погиб.

— Ноннус, ты же мертвый, — почти умоляюще пробормотала Шарина.

— Шарина? — Халфемос с тревогой переводил взгляд с девушки на незнакомца. — Что это за...

— Меня послали к тебе, ибо я единственный, кому ты можешь доверять, девочка, — произнес Ноннус. — Нужно немедленно отправляться. От этого зависит судьба не одного из миров.

Шарина подошла ближе, дабы удостовериться, что глаза не обманывают ее. Лицо, голос — все подтверждало: перед ней гот самый человек, что погиб в ее комнате в разгар кровавого побоища.

— Кэшел исчез, — пожаловалась она. — Мы собираемся искать его, а потом... и остальных.

Команда «Дельфина» уже заводи́ла снасти, укрепля́я паруса. Капитан отдал команду забирать линии.

— С Кэшелом все будет в порядке,— заверил ее Ноннус.— Твой друг...

Он спокойно взглянул на дрожащего Халфемоса.

— ...он сумеет найти Кэшела и без твоей помощи. А если и не сможет, что ж, все равно это важнее. Здесь мой корабль. Мы отплывем сейчас же.

— Я...— начала Шарина и осеклась.

Ноннус взял ее за локоть. Он кивнул в сторону галеры. Гребцы уже заняли места на скамьях.

— Нам пора в путь.

Шарина повернулась к Халфемосу.

— Мне придется идти,— сказала она.— Когда доберешься до Эрдина, найди там Илну ос-Кенсет. Она сестра Кэшела. Она поможет тебе.

— Но,— начал было Халфемос.

Уже с полпути к галере Ноннуса Шарина бросила через плечо:

— Тебе пока не понять! Просто отправляйся туда!

12-й день месяца Херона (немного позднее)

Кэшел с нетерпением всматривался в фигуру Захага, карабкавшегося на башню с мотком веревки на плече. С расстояния казалось, будто здание выстроено из кирпичей или розового камня, но сейчас, когда он стоял близко, обнаружилось: скорее, из обожженной глины. Примат ловко взбирался вверх, словно по стволу дерева.

— Ну и дурака же мы валяем,— бормотал Захаг.— Да ведь когда мы заберемся внутрь, этот самый Илмед нас просто взорвет...

Конечности примата дрожали от напряжения.

— А может, мы всего-навсего сторим сами...— продолжал рассуждать он. Длинная рука протягивалась и ловко вцеплялась в некий выступ, хотя Кэшелу казалось, что стена абсолютно гладкая.— Огонь-то возвращается!

С этими словами Захаг уцепился за верхнюю площадку башни, подтянулся и исчез из виду. Это мгновенное движение напоминало молниеносный взмах языка лягушки, поймавшей комара.

— Хо! — радостно крикнул Кэшел. Сверху к нему спускалась веревка. Он обвязал ее вокруг посоха, оставив свободный конец для баланса.

— Мы идем! — рявкнул сверху примат и оглушительно заревел. Любой бы решил, что зверь в ярости, но Захаг всего лишь смеялся от удовольствия. — Мне что, придется тащить тебя наверх самому? Или подождем, пока не появится маг?

— Иду, — отозвался Кэшел. Он натянул веревку, закрутив ее вокруг камня. Вначале он попросил было Захага поискать, за что укрепить веревку, но тот был хуже малого дитяти. Еще разозлится и вообще бросит канат.

Слуги из дворца хотели дать Кэшелу перчатки в добавление к веревке. Он так и не понял зачем: подумаешь, невидаль, выдержать собственный вес при подъеме. Да пастуху из Барки и не такое приходилось выносить!

Когда после одного рывка веревка не натянулась, Кэшел поставил ногу на стену как можно выше и повис на веревке всем своим весом. Вербка дернулась, но выдержала. Кэшел вцепился в веревку и, отталкиваясь ногами от стены, начал подъем вдоль башни.

Окружающее пламя представляло собой прозрачную завесу, но странным образом оно поглощало все звуки. Люди на берегу приветственно размахивали руками. Кэшел не привык к такому. Жители его общины избегали глазеть друг на друга, впрочем, в Барка все равно все знали, кто что подделывает. А Эрдин — город большой, там никому нет дела друг до друга, тем паче до беглецов с отдаленного острова Хафт.

Но здесь, на Пандахе, *здесь* на Пандахе, Кэшела считали магом, который собирается спасти принцессу Арию. Интересно, есть ли в городе хоть одна живая душа, не пляшущая сейчас в его сторону. Не особенно приятное чувство.

Когда Кэшелу оставалось футов шесть до вершины башни, Захаг завертел головой:

— Ну вот, наконец и ты! Я думал, ты удрал и бросил меня!

Кэшел не мог сказать с уверенностью, издевается Захаг или и вправду побаивался. Юноша уже привык, что люди вечно жалуются на его медлительность. Ясно, что обезьяна может завести ту же песню.

Кэшел положил руку на верхний ряд кладки, другой перехватив веревку. Подтянулся, зацепился ногой за край и очутился на башне. Вряд ли он выглядел при этом грациозно, но что из этого?

Края камней, из которых была сложена башня, имели странную форму: за них удобно было хвататься, а еще туда наверняка попадала вода во время дождя. Что за идиотская выдумка!

Кэшел поежился, когда вспомнил о злом волшебнике, с которым еще предстоит разбираться.

В центре крыши виднелось большое углубление, вокруг которого сверкали линзы. Захаг привязал веревку где-то там. А по обе стороны от отверстия откидывались створки дверей, почти незаметные на фоне крыши.

— Что там внутри? — поинтересовался Кэшел. Пока непонятно, насколько серьезным оружием может быть еловый шест, но все же лучше, чем ничего.

— Откуда мне знать? — пробурчал Захаг. — Это ведь ты хотел попасть сюда! Мне подобные развлечения не особенно нравятся!

Кэшел подошел к открытой двери и заглянул вниз. Винтовая лестница круто спускалась к изящно отделанной спальне. Лестница казалась настолько филигранной работы, что на нее даже становиться было страшновато: вдруг рассыплется.

Юноша перевел дух и осторожно поставил ногу, держа посох наперевес. Если ступени не выдержат его тяжести, посох поможет сохранить равновесие.

Но лестница оказалась более прочной, чем он думал. Внизу обнаружилась единственная комната, круглая, с кроватью и несколькими сундуками вдоль стен. И не розовая вовсе, а совершенно белая. Розовой она казалась из-за отсветов пламени.

Между двух сундуков было установлено наклонное зеркало: его поверхность поражала гладкостью, явно не полированный металл, как у них в деревне. Если бы не показавшийся чуть поодаль Захаг, Кэшел решил бы, что перед ним какой-то реальный, живой незнакомец: здоровенный детина в тунике из тонкой ткани.

Складной экран у противоположной стены был окаймлен розами и длиннохвостыми птицами, каких Кэшелу не доводилось встречать прежде. Он подошел к экрану; примат наблюдал за ним.

Юноша отодвинул экран в сторону, готовый к любой угрозе. За ним обнаружилось еще нечто вроде зеркала — но в нем как раз отражался окружающий башню ландшафт.

Обезьяна одним скачком преодолела разделявшее их пространство и взгляделась в зеркало.

— Смотри, вон и дворец! — закричала она. — И корабль в гавани, он движется!

— Это что же, магия? — недоверчиво проронил Кэшел, наклоняясь и рассматривая детали изображения. Он видел людей в гавани. Их губы шевелились при разговоре.

— Нет, нет, — быстро отвечал Захаг. — Просто отражение многих зеркал. Главное — в углублении на крыше. Разве ты не видел его?

— Я не понял, зачем оно, — просто отвечал Кэшел. Он подошел к лестнице. В конце концов, они здесь для спасения принцессы Арии, а не для разного рода забав.

Кэшел так и не понял, почему свет может отражаться от твердой крыши, если это не магия. Он уже привык, что люди сердятся на него, когда ему непонятно то или другое. Поэтому предпочитал лишний раз не расспрашивать.

Захаг и вправду имел разочарованный вид, когда пытался объяснить что-либо Кэшелу.

Кэшел спустился по лестнице на следующий этаж. Захаг последовал за ним, сцапав яблоко из хрустального блюда на прикроватном столике. Что-что, а поесть он никогда не прочь!

Новая комната оказалась библиотекой. В стенах выдолблены ячейки для свитков. Складная лесенка позволяла

невысокой девушке подниматься к самому потолку за свитками.

Здесь тоже никого не было видно.

Ни в одном из помещений не оказалось окон. В потолке — яркие панели, сквозь которые виднелись плывущие по небу облака. Видно, они открывались в самое небо: но, странное дело, ведь над головой у них сейчас еще один этаж. Что за ерунда, наверное, снова магия, решил Кэшел.

С каждого из свитков свешивалась табличка с названием. Корешки стоявших вдоль стен томов сверкали золотом надписей.

— Ты умеешь читать, Захаг? — задал вопрос Кэшел.

— Конечно, — отозвался тот. Он бросил огрызок яблока на белый ковер и схватил с полки одну из книг. — Правда, это лишняя трата времени...

Захаг открыл книгу, держа ее перед собой.

— Пасиа ос-Мелте из Эрдина росла сиротой, мать ее умерла в родах, — прочел он. — Несмотря на бедность, Пасиа была девушкой скромной и воспитанной. Ей часто снился сон, предвещавший удачу и счастье.

Захаг швырнул томик через всю комнату.

— И что в этом толку? — закричал он. — Байками сыт не будешь!

— Некоторым книги по душе, — промолвил Кэшел.

Примат поскреб подмышки.

— Я однажды попробовал книгу на вкус, — буркнул он. — Как все равно сухие листья жуешь. Может быть, это получше — вроде бы из кожи животных, пергамент. Но особо рассчитывать не на что.

Он оглядел комнату.

— Что, фруктов здесь больше нет?

— Пожалуй, нет, — согласился Кэшел.

В общине лишь несколько человек умели читать и писать. Пастухам и земледельцам грамота не так уж и нужна. Рейзе ор-Лавер, отец Гаррика, был человеком образованным. Он приучил сына и дочь читать труды поэтов и историков, творивших тысячу лет назад, во времена Старого Королевства.

Много раз Гаррик сидел под тенью священного дуба на южном склоне холма и читал вслух Кэшелу. Это были легенды о битвах, о фантастических приключениях... или же любовные сонеты, посвященные девушкам, чей прах давно истлел в старинных склепах. А может, и не было никогда таких девушек, поэты их просто выдумали, так подозревал Гаррик.

А теперь он, Кэшел, очутился в большом мире. Видел чудеса, да такие, каких не встречалось в тех книжках, что читал ему Гаррик. И в битвах участвовал... Кэшел вдруг обнаружил, что с силой сжимает шест.

Но ведь существует и другой мир — тот, войти в который могут лишь умеющие читать. Гаррик и Шарина познакомили его, Кэшела, с отблеском того мира. Но в глубине души он знал: никогда ему не стать его частью.

Ну что ж, нельзя объять необъятное.

— Ты когда-нибудь пас овец, Захаг? — спросил он у товарища.

— Что? — тот аж подпрыгнул на месте. — Зачем бы я стал это делать?

— Ну, я даже не знаю, — протянул Кэшел.

Заглядевшись на книжку, пастух даже не заметил, что в комнате они не одни. По лестнице поднималась девушка с огненно-золотистыми волосами. Одежда на ней состояла из многочисленных слоев газа, делавших ее похожей на облачко. Каждый слой был прозрачен, но вместе они составляли внушительную массу, абсолютно непроницаемую.

— Кто тут...

Он в удивлении смотрел на нее. Девушка вскрикнула и бросилась назад.

— Помогите! — кричала она. — Спасите меня! Тут чудовища! На помощь!

— Принцесса Ария! — обратился к ней Кэшел. Он неловко приблизился, едва не споткнувшись на узких ступенях винтовой лестницы, явно не предназначенной для человека его габаритов. Однако тому, что нужно двигаться с осторожностью, его не нужно было учить. Кем-кем, а дураком Кэшел не был!

Этажом ниже обнаружилось еще одно помещение, может быть, кухня — со столом и стулом, такими же хрупкими, как и остальная мебель.

Девушка — видимо, все-таки Ария, кто же еще? — должно быть, сидела за столом и кушала, когда до нее донеслись голоса из библиотеки. На столе стояли тарелки с грибами и кресс-салатом, а еще — с крошечными кусочками фрикасе в соусе. «Грудки синичек», — подумал Кэшел, хотя, конечно же, это могли быть любые другие маленькие птички.

Дверь снова отворилась.

— Спасите меня от чудовищ! — снова закричала Ария.

В дверях стоял Чешуйчатый человек — в точности такого Кэшел уже видел тогда, на берегу. Он держал в руках кривую саблю. И в тот же миг бросился на Кэшела, а за ним бежали еще двое Чешуйчатых...

«Это меня она назвала чудовищем! — поразился Кэшел. — А ведь даже в Захаге больше человеческого, нежели в этих тварях!»

Он направил свой шест, словно копье, в грудь неприятелю, отбрасывая его на двоих, следовавших за ним. Сабля выпала у того из рук с громким звоном. По звуку металл напоминал бронзу, но, задев стену, она отбила кусочек от твердого камня.

Один из Чешуйчатых упал замертво, за ним — другой. Третий увернулся, вернее, это была третья: твари носили одни лишь набедренные повязки, поэтому можно было легко различить их пол. Она нанесла сокрушительный удар.

Кэшел взмахнул шестом, стараясь удержать равновесие. Потом быстрым движением отбил саблю, после чего вышиб твари мозги.

Двигался юноша так же легко, повинаясь инстинкту, как и при подъеме тяжестей. Времени на обдумывание своих действий попросту не было, да оно и не требовалось. Кэшел находился сейчас в своей стихии.

Тут из-под трупов вылез уцелевший Чешуйчатый. Кровь и мозги убитых разлетелись по комнате. Столик рассыпался на куски. Принцесса Ария, широко открыв глаза, хватала ртом воздух. Она была в шоке.

— Послушай, мы можем...— начал Кэшел, обращаясь к Чешуйчатому. Тот издал утробный вопль — первый звук, который Кэшел услышал от этих существ. Он бросился на Кэшела.

Юноша проворно взмахнул шестом на уровне ног врага. Чешуйчатый рухнул. Кэшел добил его вертикальным ударом по голове: так он расправлялся с гадюкой на поле.

Новый шест работал превосходно. Не такой тяжелый, как прежний, но для дела годился вполне.

Кэшелу убийство не доставляло никакого удовольствия. Но куда денешься, когда на тебя нападают? Судя по их поведению, Чешуйчатые люди не умнее слепней: лезут и лезут на рожон, сколько их ни отгоняй, правда, будут чуточку побольше слепней...

— Принцесса...— начал Кэшел, чувствуя, как разом пересохло в горле.— Принцесса Ария, ваша мать послала меня за вами...

Ария издала отчаянный вопль и попыталась протиснуться в дверь. Кэшел перехватил ее по дороге. Вокруг начал клубиться туман.

— Захаг! — закричал он. Едва заведев Чешуйчатых, примат тут же удрал. Это и не удивило Кэшела, но сейчас — когда принцесса билась в его руках, пытаясь укусить за запястье — одному было не справиться.

Повернувшись и удерживая девушку, он еще раз терпеливо заговорил с ней:

— Мы спасаем вас, принцесса. Этот маг, который...

Захаг скатился по лестнице с нечленораздельным криком, мало напоминавшим человеческую речь. Он остановился в дверях, указывая наверх одной рукой, а другой прикрывая глаза.

Кэшел отодвинул девушку в сторону. Хочет бежать, что ж, пускай бежит, все лучше, чем увидеть то, от чего Захаг так стремительно бросился вниз по лестнице.

И тут показался человек с длинными белоснежными волосами, в серебряном одеянии. Он не шел, нет — он скользил по лестнице, буквально парил над ступенями.

— Илмед! — восторженно воскликнула Ария.— Ты пришел, чтобы спасти меня!

Черты лица Илмеда напоминали высеченную из мрамора статую самого Пастыря. Он протянул руку в сторону Кэшела, и на пальце ослепительно сверкнул сапфир.

Кэшел крепко ухватился за шест обеими руками. Начал вращать его по часовой стрелке. Интуиция подсказала ему не наносить магу удар.

— *Прокунете нюктодрома биазандра!* — произнес Илмед.

Кэшел стал вращать шест еще быстрее. Из наконецника полетели искры — голубые, как перья зимородка. Они образовали перед ним бледный диск света.

Кэшел удовлетворенно улыбнулся: дело пошло на лад. «Когда рука твоя тверда, когда земля начинает уходить из-под ног, значит, пора начинать...»

— *Калисандра катаникандра!* — не сдавался Илмед. На челюсти заходили желваки от усилий. Из рта вылетали капельки слюны.

«все это лишь вопрос...»

— Лаки! — заорал Илмед. Из сапфира вырвался яркосиний огонь.

«...времени!»

Синий огонь Илмеда с силой ударился о более прозрачное защитное поле Кэшела и откатился назад. Вспыхнули звезды искр.

Кэшел отшатнулся. Руки враз онемели, однако он не выронил шеста.

Илмед вскрикнул и рухнул на пол. Его мантия рассыпалась в клочья, волосы и борода загорелись.

Ария стояла, как громом пораженная, в ужасе глядя на происходящее, прижав кулаки ко рту. Захаг с осторожностью высунулся из-за угла, где сидел, скорчившись. Увидел результат сражения и с громким воплем вскочил на ноги, размахивая ручищами и улыбаясь во весь рот:

— Ура! Победа! Какой триумф!

Раздался оглушительный грохот, и от потолка отломился здоровенный кусок, он упал на пол и рассыпался в пыль.

Илмед дернулся и затих. Из рта мага больше не вылетали языки пламени, сжигавшие бороду и усы. Глаза

его были широко раскрыты. Ария тихонько подвывала, закрыв лицо руками.

Захаг, видимо, догадавшись о чем-то, вскрикнул. Он подпрыгнул, достав рукой дыру в потолке. Под его пальцами твердый материал раскрошился, словно черствый хлеб. Вся башня начала шататься, лишь бронзовая дверь сохраняла устойчивость.

— Идем! — воскликнул Кэшел. Он схватил Арию за руку и потащил за собой. — Сюда, Захаг!

По другую сторону двери открывалась голая равнина. Солнце недавно встало, оно окрашивало горизонт огненными языками, освещая окружающие скалы со скудной растительностью.

— Вах! — заорал примат. — А где же все?

— Ничего не видать, — согласился с ним Кэшел. Воздух оказался холодным, видно, солнце еще не успело прогреть его.

Он глянул через плечо. Дверной проем казался прямоугольником из одного только света, довольно призрачного.

Кэшел отпустил плечо Арии. Надо было поскорее выбираться из разрушающегося здания. Девушка издала сдавленный вопль и метнулась прочь.

— Ууу! — крикнул ей вслед Захаг, пораженный таким поступком.

Кэшел бросился за ней, снова схватил за руку. Действовал он при этом инстинктивно. Ария вырвала руку, пришлось удерживать ее за лодыжку, а его собственные голова и плечи оказались в рамке света.

Он рванулся назад и вытащил девушку.

Кэшел весь дрожал.

— Пастырь, помоги мне, сохрани от напасти. О Господа, накрой меня Своим плащом!

Ария заходилась криком. Глаза ее были открыты, но, похоже, ничего не видела.

— Ну, и что там было? — поинтересовался Захаг. — Есть там еще мертвый маг?

— Нет там ничего, — отозвался Кэшел. — Все пурпурное, все движется. Но на самом деле ничего нет. Даже воздуха нет, чтобы дышать.

Девушка заплакала. Ее платье, пострадавшее после побоища Кэшела с Чешуйчатыми, теперь было покрыто слоем пепла.

Кэшел стоял, в растерянности вертя в руках шест и рассматривая лоскуток от платья принцессы, который оторвался, когда он пытался удержать ее.

Странное это было место, где они очутились, но все-таки выбора не оставалось.

— Нам лучше уйти,— заговорил Кэшел.— Когда солнце засияет в полную силу, идти будет куда труднее.

Он помог девушке подняться на ноги. Он продолжала всхлипывать, но, по крайней мере, не отталкивала его.

И не стала спрашивать Кэшела, куда они идут. Это было к лучшему. Ибо сам Кэшел не имел ни малейшего понятия о цели их путешествия.

Гаррик вышел на свет из сумрака оглушенный и упал на поросший травой холм. Однако сознание он не потерял, как не потерял и свой верный меч.

Теноктрис распростерлась на траве рядом с ним. Тут же, неподалеку, сидела и Лизйн. Она растирала горло одной рукой, но уже улыбалась Гаррику с облегчением.

Гаррик улыбнулся в ответ. Улыбка, наверное, выглядела жалкой.

Они были на лугу. Деревья образовывали небольшие группы вокруг холмов. Пейзаж немного отличался от привычного. Деревья повыше, да и попышнее. В деревушке Барка древесина ценилась едва ли не на вес золота.

Здесь росли дубы и буки. А еще — заросли кизила, весьма густые. По крайней мере, знакомые деревья, не то что на Заливе. Там вся растительность была чужой. Как и Эрза.

Эрза сновали вокруг небольшими группками. Исследуют местность, решил Гаррик. Грац и горстка воинов стояли на краю поляны. Вожак Эрза кивнул Гаррику.

Посреди леса возвышалось строение из мрамора: круглые колонны поддерживали купол. Гаррик мог видеть лишь небольшой его кусочек. Остальное достроило вооб-

ражение: укромная ниша, из которой струился родник, грот с выступающим козырьком крыши.

Гаррик нагнулся и сорвал голубой цветок. В нем уже зрели семена: видно, здесь была ранняя осень. Интересно, почему сам луг не зарос кустарником и деревьями? Овец не видно, ведь обычно они предохраняют лужайки и поля от зарастания кустами. Да, похоже, это место — попросту ненастоящее.

Удостоверившись наконец, что им больше не угрожает опасность, Гаррик убрал меч в ножны и растер онемевшую правую руку.

— Что произошло в Изначальном Месте? — спросила Теноктрис. Она снова пришла в себя и была полна сил. Сидела, скрестив ноги, как привыкла тысячу лет назад. Гаррику же эта поза казалась странной. В его краях люди чаще сидели на корточках.

Лизин вернулась от небольшой речушки у подножия холма, неся воду в чашечке из толстого листа. Даже издалека на шее девушки можно было разглядеть синяки — следы призрачных пальцев. Пальцы были призрачными, а вот синяки — нет.

— Там, рядом с нами, была женщина, — заговорил Гаррик. — Похоже...

Он не знал, как это выразить. Ведь он-то сам не волшебник!

— Похоже, никто больше не мог ее увидеть, — наконец сумел выговорить он. — Она... э... махнула мне рукой. Потом начала душить Лизин. А я подумал, что дотрагиваться до нее нельзя, но вот если разбить Длань...

Лизин поднесла Теноктрис воды хоть немного смочить горло и губы, пересохшие при произнесении заклинаний.

— Я думала, это просто было что-то в воздухе, — удивленно протянула Лизин. — Какой-то яд, от которого я едва не погибла.

Гаррик неуверенно пожал плечами.

— Я и сам не знаю, почему разбил Длань, — произнес он. — Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного... такого рода призраков. И мне пришлось уничтожить саму Длань.

Так решил он сам, не прибегая к помощи короля Каруса. Простой крестьянский паренек не хуже, чем король, понимает: в критической ситуации негоже стоять столбом. Но предпринятое Гарриком действие могло означать...

— Я мог запереть нас всех в ловушке там, в Заливе, верно? — обреченно выдохнул Гаррик. — Или где-то посредине между тем миром и этим, в темноте.

— Гаррик, — мягко вымолвила Лизэйн. Она поднялась и обвила руками его шею. — Эта штука убивала меня. Я бы умерла, если бы ты не разрушил ее.

— Верно, — согласилась Теноктрис. С помощью обоих молодых людей она поднялась на ноги. — Но самое худшее это существо готовило для самого Гаррика.

— Ты знаешь, кто это был? — спросил юноша.

Теноктрис покачала головой.

— Нет, но, пожалуй, знаю, что она такое.

Старая леди криво усмехнулась.

— Это тоже миф, к тому же, если я поверю, что Искусительница была послана соблазнить Пастыря и свратить его с пути истинного, тогда мне ничего не останется, кроме как поверить в самих Великих Богов. Разве не так? Что тогда будет с моей верой в разум, спрашиваю я вас?

Гаррик осмотрел свой меч. Чуть ниже рукоятки на краю клинка была зазубрина. Вернее, меч там словно оплавился при невероятной температуре, не пощадившей сталь. Как будто Гаррик сражался с шаровой молнией, а не пытался поразить тело из перламутра и древние кости.

— Создавшие Залив Эрза были куда сильнее любых волшебников из числа людей, — произнесла Теноктрис, — и при этом отличались куда большей глупостью, чем люди. Всякое я повидала на своем веку, всякое, что касалось человеческой глупости, но... — на лице ее застыло суровое выражение, — ...но использовать в качестве святыни *такое* *исчадие ада*... создать вокруг него святилище — предел безумия!

Гаррик подумал о Родоарде и его приспешниках, о других людях, в особенности о Лунифре.

— Может, я был несправедлив к Родоарду,— мягко проговорил он.— И к Лунифре...

— Вряд ли,— ответила Лизэйн.— Он был чудовищем, а она — еще хуже. Им досталось по заслугам.

Грац двинулся навстречу людям. Он шел нетвердой походкой.

— Теноктрис, ты знаешь, где мы? — задал вопрос Гаррик.

— Да. Это что-то вроде моста, как бы я назвала подобное место. И мы можем вернуться к себе. Я должна изучить все очень тщательно, выяснить, каким должен быть наш следующий шаг.

— А что будет с людьми из Залива? — тихо спросила Лизэйн. Непонятно было, боится она чего-то или просто беспокоится о них.

— Да ничего не будет,— ответила волшебница.— Они сами себе злобные враги.

— Это их выбор,— подтвердил и Гаррик.— Он подумал о Джосфреде, лелеявшем мечту о торжестве над Эрза.— Все его сделали, не только Родоард.

— Верно,— согласилась и Теноктрис.— Когда ты разрушил Длань, ты запечатал выход из Залива навсегда с обеих сторон. Туда больше не будут попадать люди, а те, кто живет там, никогда не покинут его. Даже если среди них народится более сильный маг, чем я.

— Спасибо Госпоже за Ее милосердие,— произнесла Лизэйн.

16-й день месяца Херона

Шарина проснулась в кромешной темноте, подавив крик. Она не помнила, что ей снилось, но нож намертво застыл в ее онемевших пальцах.

Она подождала немного, глубоко и медленно дыша, пока сердце не перестало колотиться, как сумасшедшее, потом выползла из-под тента. Нож из рук все еще не выпускала.

— Госпожа! — окликнул ее один из моряков.

— Все в порядке,— отозвалась девушка, снова рассердившись на Ноннуса: и вечно-то возле нее телохранители, день и ночь, никакого покоя.

Она взглянула на небо. Созвездие Быков стояло над восточным горизонтом, но из всех звезд Пахаря возшла лишь самая яркая, голубая.

После заката они причалили к этому безымянном островку. Суденышко покачивалось на волнах, гребцы воткнули весла одним концом в песок. Почти вся команда сейчас спала под навесом из брезента, для Шарины была приготовлена полотняная палатка.

Охранявший девушку моряк сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Она обернулась к нему:

— Это еще зачем?

— Простите, госпожа,— ответил он. Конечно, это не ответ на ее вопрос, но глупо было надеяться услышать что-либо еще. Она быстро двинулась по берегу в сторону, в которую ушел Ноннус после того, как они вместе перекусили.

Внутреннее море так и кишело островами и островками. На некоторых была пресная вода, правда, таких было немного, но экипажам кораблей хватало места остановиться на ночлег и поспать на твердой земле. Многие острова заросли кустарником и травой вдоль линии прибоя. На их островке растительность вообще отличалась пышностью, даже фрукты встречались — правда, мелкие и горькие.

Шарина заметила красноватую вспышку, лишь когда та исчезла. Она остановилась. Невозможно догадаться, что это означает. Еще когда девушка вылезла из палатки, она заметила странный розовый туман над северной оконечностью острова. Она не успела еще подумать, что бы это могло быть, но инстинкты деревенской жительницы не подвели. Пускай свист моряка заставил вспышку исчезнуть, Шарина догадалась: там происходит нечто, связанное с магией.

Она крепче сжала рукоятку пьюльского ножа, скорее для молитвенной защиты, чем для атаки.

Из темноты перед ней выступила некая фигура.

— Шарина! — произнес голос Ноннуса.— Ты встала слишком рано, девочка.

— И ты тоже,— отвечала она. Под ногами хрустела опавшая листва. На многих островках жили поголовья кабанов: раньше их специально разводили в пищу для возможных путешественников, которые останутся тут на ночлег. Здесь же жили одни крысы.— Мне приснился сон, вот я и встала.

Ноннус кивнул.

— Я проверял погоду,— сообщил он. Его голос и манеры ничем не отличались от манер и голоса того человека, к которому Шарина привыкла, рядом с которым выросла, каждый день молившего Господу о прощении своего прошлого.— Сегодня снова будет ясно. Так что нас ждет хороший день.

— Как и прежде? — спросила Шарина.— Когда половина гребцов будет отдыхать и сушить весла не более часа?

— Да, это лучший способ пройти далекое расстояние как можно скорее,— заметил Ноннус.— Для них это не легко, но они — люди привычные.

— Куда мы направляемся, Ноннус? — спросила Шарина.— Ну пожалуйста, скажи мне!

Они плыли все время к востоку с того момента, как покинули Пандах, но Шарина и представить не могла, куда лежит их путь. Монотонное движение вперед, когда люди непрерывно сменяют друг друга на вахте, ввело бы в замешательство даже опытного моряка, подумалось ей.

— Еще не время, детка,— заявил Ноннус. Небо посветлело, и теперь резкие линии его бородатого лица были различимы гораздо лучше.— Просто верь мне.

Он жестом велел Шарине повернуться.

— Давай же посмотрим, вдруг каша уже на огне.

— Ноннус? — неуверенно произнесла девушка, ибо в голову ей пришла странная мысль.— А ты не хочешь... забрать назад свой нож? Я ведь ношу его только в память о тебе.

— С тех пор, как я вернулся помочь тебе, я не касаюсь металла,— уклончиво ответил он.— Держи его у себя, а мои люди и я сам в любом случае уберегут тебя от опасности.

Но при свете утреннего солнца под туникой у Ноннуса, за поясом из бечевы, можно было различить очертания некоего предмета.

— У тебя там еще один? — спросила она.

— Этот? — Ноннус извлек на свет оружие, бережно держа его между большим и указательным пальцами. Его голос звучал слегка раздраженно. — Да, но только он каменный. Вернее, из окаменевших костей. А теперь пойдем на корабль.

— Конечно, — послушно согласилась Шарина. Телохрани- тель стоял рядом с ней. Она сунула пьюльский нож в ножны, не отпуская, впрочем, рукоятку.

Каменный нож не был оружием: его рукоять и лезвие покрывали резные символы силы, выполненные в манере школы Старого Королевства. Шарине стало нехорошо, так она разозлилась. Неужели это существо, выдающее себя за Ноннуса, думает, что она не узнала кинжал мага?

Он-то явно не желал, чтобы Шарина его увидела, это точно. Она помешала ему творить заклинания, может быть, именно в тот миг, когда он старался «предсказать погоду». Будто бы Ноннус — или любой другой крестьянин из Барка Хамлет — не мог без помощи магии угадать, какой день их ожидает!

Похоже, Шарина сама, добровольно сдалась в руки врага, прикинувшегося человеком, более всего заслуживающим ее доверие. Этот островок слишком мал, не спрячешься, даже если ей удастся сбежать от этих людей.

Но бежать нужно. Ради нее самой. Ради Кэшела, которого ей пришлось бросить, когда лже-Ноннус позвал ее с собой.

А более всего — ради погибшего человека, чью память она предала, доверившись врагу, принявшего его обличье.

Илна оставила дверь открытой на время работы, поэтому слышала, как Майдус сбегает по лестнице вниз. Она протянула последнюю уточную нить, закрыла станок и вышла из-за него, чтобы столкнуться лицом к лицу с парнишкой, ворвавшимся в комнату.

— Госпожа Илна! — закричал он. — Там к вам пришли. Какой-то мужчина, он точно из городской охраны, но не из этого района. Мне кажется, он из службы канцлера!

Илна бросила взгляд на узор, который ткала до этого: узор ничего, вполне невинный. Она нахмурилась. Если канцлер выслал представителя, чтобы приобретать изделия Илны, минуя лавку Белтара, едва ли он выбрал бы кого-либо пугающей наружности...

— Скажи мне, — улыбаясь, спросила она мальчика, — это крепкий, плотный мужчина лет сорока? Солидный такой, а в руке у него выдавшая виды дубинка?

Майдус поскреб в голове:

— Ну да, это он, госпожа. Жуткий тип!

— Да уж, непростой, это точно, — согласилась Илна. — Его зовут Водер ор-Теттиган. Что ж, я была готова увидеться с ним рано или поздно. А теперь, Майдус, беги. Сегодня я справлюсь сама.

Она улыбнулась.

— А что он собирается сделать, госпожа? — не унимался парнишка.

— Ступай же, Майдус, — спокойно сказала Илна. — Я все равно тебе не скажу.

Мальчик покинул комнату, провожаемый бесстрастным взглядом Илны. Она была в гневе, но исказись ее лицо от ярости, все было бы не так страшно, как холодное спокойствие. Это все равно что наблюдать за лицом повара, привычно сворачивающего шею курице.

Водер поднялся по лестнице, как только Майдус исчез за поворотом. Представитель охраны тяжело ступал по шатким половицам. Двери вдоль коридора позакрывались. Открытой оставалась лишь дверь Илны.

Водер вошел и закрыл ее за собой.

— Доброе утро, госпожа, — сказал он, по-хозяйски оглядывая комнату. Пожалуй, он мог бы с первого взгляда подсчитать число нитей в основе. — В последний раз, когда я навещал вас, мне не приходилось подниматься вверх.

Он подарил ей ленивую улыбку. Новых шрамов на его лице не прибавилось, но сейчас Водер и не отличался

такой толщиной, как в тот раз, когда явился к ней, в ее арендованное жилье на Дворцовой площади. Ему пришлось изрядно похудеть, когда Илна заперла его, чтобы не мешал осуществлению ее планов.

— В последний раз, когда мы встречались, мне не нужно было отдавать столько долгов,— произнесла она.

Она подошла к станку и вынесла табурет, на котором сидела во время работы.

— Я не могу предложить вам настоящего кресла, но, пожалуйста, присядьте. Обычно ко мне не ходят гости.

Водер рассмеялся.

— Я, вообще-то, достаточно насиделся на службе, хотя теперь меня отправили на улицу.— Он провел рукой по талии.— И иметь такой живот я тоже не привык. Конечно, я теперь уже не молод, так что надо смириться.

Илна выпрямилась и скрестила руки за спиной.

— Мастер Водер,— начала она,— я подвела вас и хочу извиниться за это. Теперь вам выбирать, в каком виде получить вознаграждение.

Водер покачал головой, все еще улыбаясь.

— Я угрожал вам, а потом повернулся к вам спиной. Слишком долго я просидел на месте, иначе лучше понимал бы, как обращаться с такими людьми.

Он прошел мимо Илны к окну. Двигался он очень мягко, несмотря на башмаки с тяжелыми подошвами, подбитые гвоздями. Если пнуть кого таким ботинком, жертва будет помнить об этом до завтра — или не будет помнить вообще ничего.

— Мы повесили присланный вами занавес на стену, напротив печи,— сообщил Водер, не оборачиваясь.— Вы же знаете, мы много времени проводим на кухне. Имеется в виду, когда я дома. Жена хранит комнату в порядке для гостей, но если я или детишки прокрадемся туда хотя бы на цыпочках — да поможет нам Госпожа!

— Такие занавеси идут нарасхват,— призналась Илна.— В любом случае, Белтар постоянно повышает цены на них.

— Одна из моих дочек тоже скоро нарасхват пойдет,— плавно поворачиваясь, несмотря на габариты, усмехнулся

Водер.— Моя средняя. Настоящая красotka, пускай маленькая. Ни в моем роду, ни в роду моей жены ни разу не было блондинов, но мне ведь лучше не задумываться об этом, верно?

Не только жена и дети Водера пострадали в результате действий Илны, причем многим пришлось куда солонее. Несмотря на это, ей нелегко было сейчас посмотреть в лицо этому мужчине, думая о тех, кому причинила вред, даже не подозревая об их существовании.

Водер улыбнулся. Он был человеком дружелюбным, и улыбка не сходила с его уст, даже когда он доставал из-за пояса тяжелую дубинку.

— У жены есть родня здесь, в Эрдине. У меня тоже,— продолжал он, отвечая на молчаливый вопрос Илны.— Они все уладили, когда меня не было дома.

Он улыбнулся еще шире.

— Жена вечно пилит меня: мол, я лезу на рожон, хотя будь я проклят, если это так и есть! И удивилась же она, когда меня не только отпустили, но еще и повысили!

Теперь он снова смотрел в окно. Потом откашлялся, продолжая.

— Я не пришел бы просто поблагодарить, но раз уж я здесь...

— Вам не за что благодарить меня,— сухо произнесла Илна.— Абсолютно.

— И все равно — спасибо. А пришел я, чтобы сообщить вам: там двое людей спрашивают о вас. Уличные чародеи, вроде того... но похожи на настоящих...

Он повернулся. Теперь улыбка казалась вымученной. Водер не произнес слова «маги», ибо боялся называть вещи своими именами.

Илна нахмурилась:

— Я не знаю ни одного мужчины-мага,— призналась она. Она тоже перестала улыбаться, выражение лица стало непроницаемым.— По крайней мере, никого из ныне здравствующих. Как они выглядят?

Тот пожал плечами.

— Старший, по имени Церикс, безногий. Второй — совсем мальчишка. Он называет себя Халфемос, но звал-

ся просто Алос, когда приезжал сюда в прошлый раз вместе с Цериксом несколько лет назад. Тогда еще у Церикса были ноги. Они покидали Эрдин почти на целый год, сейчас желают увидаться с вами.

Илна пожала плечами.

— Не имею ни малейшего представления, чего от меня хотят,— изрекла она.— Можете проводить их прямо ко мне, если хотите.

— Если думаете, что это может вызвать проблемы, они покинут город прежде, чем потревожат вас. Вам это известно. Последние несколько недель много народу благодарны вам.

— Я не боюсь их, Водер,— отозвалась Илна. Она сухо рассмеялась.— Единственное, чего я боюсь, так это вещей, на которые способна я одна.

Кивнув в сторону своей жилой комнаты, она продолжала:

— Могу ли я предложить вам что-нибудь? У меня есть хлеб, сыр, немного дешевого вина. И, конечно, фляга с водой, которую каждый вечер привозит парнишка на ослике. Это мое главное богатство. Я пока что не в состоянии пить воду из канала...— Лицо ее внезапно посуровело.— Хотя большинство здешних жителей вынуждено это делать.

Водер кивнул.

— Я достаточно выхлебал воды из канала,— подтвердил он.— Я мог бы сказать, что скучаю по солоноватому привкусу, но это было бы неправдой.

Его серые глаза встретились с ее карими.

— Я все еще никак в толк не возьму, как это вы такое творите, госпожа. То есть что вы тогда натворили. Ведь не из-за денег же вы все это...

Илна сморщилась.

— Скажем так, я выставляла себя на посмешище ради мужчины,— сказала она.— История не новая. И вряд ли интересная.

Водер кивнул.

— Что ж, если передумаете насчет Церикса и вообще, дайте мне знать. Можете связаться со мной через главную

службу. Или заходите ко мне домой, если хотите. Теперь у нас целый второй этаж на Камышовой улице. Моя жена будет рада с вами повидаться.

Он посмотрел куда-то на потолок и откашлялся.

— Если говорить о работе, то здесь есть один капитан по имени Бонбо ор-Вексес. Он сказал канцлеру, будто вы являетесь тайным лидером шайки воров, едва не лишивших жизни почтенных граждан, когда их проносили в портшезе. Едва ли канцлер ему поверил, но есть вероятность, что Бонбо не сдастся так легко.

Илна с отвращением мотнула головой.

— Ваш Бонбо имел содержанку, которой платил с доходов от детского публичного дома в соседнем здании. Сейчас это заведение не у дел. Многие люди вынуждены сами заботиться о себе.

— Ваших рук дело? — поинтересовался Водер.

— Надеюсь, что да. Мне бы хотелось так думать, как бы там ни было. Я снабжаю тканями ближайшие жилища. Их обитатели чувствуют себя гораздо лучше и теперь хотят своими собственными усилиями исправлять мир вокруг.

Она выглянула в окно.

— Когда бордель развалился, многие его работницы лишились своего занятия. И это не так уж плохо, вот что я думаю.

Она посмотрела на Водера зорким, соколиным взглядом.

— Если с Бонбо будут проблем, я позабочусь о нем.

— Нет, — резко бросил Водер. — Вам не стоит этим заниматься!

Он с силой стукнул по оконной раме в подтверждение своих слов.

— Послушайте, женщина, если кто-то разорил владельца борделя в Полнолуние, это никого не волнует. Мало ли какая шишка вляпался там, а его друзья больше не помогают ему. Но если вы организуете неприятности капитану стражников, это уже, почитай, мятеж. Герцог может прислать сюда целую армию, если с вами не справится городская стража.

— Ладно, тогда пусть с Бонбо разберется кто-нибудь еще! — легко согласилась Илна. — Не возьметесь ли за это дело?

Гнев Водера исчез, уступив место раскатистому смеху.

— Пожалуй, возьмусь, — согласился он. — Бонбо находится в ведении Главной службы, это уж точно.

Он втащил свою крепкую дубинку из орешника, посмотрел на нее и несколько раз провернул между пальцами.

— Что ж, надеюсь, она не выпадет у меня из рук, — протянул он. — Придется немного обождать, но, надеюсь, не слишком долго, если не удастся научить Бонбо держать язык за зубами.

Илна лаконично кивнула.

— Еще минутку, — и подошла к плетеному сундуку у дверей. Откинула крышку, изучила содержимое и запустила туда обе руки, извлекая увесистый сверток.

— Вот, — сообщила она, подавая рулон Водеру. — Мастер Белтар не явился забрать свою часть дохода. Если вы отдадите это канцлеру, может быть, вам будет легче убедить его, почему с Бонбо было нужно поступить именно так.

Водер принял сверток с видом заговорщика.

— Пожалуй, что так, — согласился он.

Он снова сунул дубинку за пояс.

— Что ж, пора мне отправляться восвояси. Знаете, я буду ждать этого момента, насчет Бонбо, еще как буду.

Открыл дверь и замер на пороге, оглянувшись на Илну.

— Госпожа? А этот человек, о котором вы говорили — он знает, чего лишился?

Илна улыбнулась.

— Он — человек особый. Однажды станет великим. Так что так ему будет лучше.

— Я немного повидал в жизни, — задумчиво изрек Водер. — Никогда не покидал Эрдина. Но уж людей-то я повидал, госпожа, и могу сказать вам одно: вы ошибаетесь. Лучше ему от этого не станет.

Водер покинул комнату Илны, оставив дверь открытой. Шагал он неслышно, зато насвистывал себе под нос песенку об игривой молочнице и ее киске.

* * *

— У этой воды ужасный вкус,— сказала принцесса Ария. Лицо ее скривилось, она чуть не плакала.

— Ну, а чего ты ожидала? — поинтересовался Захаг.— Думаешь, мы вернулись во дворец правительницы? Как бы не так! Знаешь, мне пришлось попотеть, прежде чем я нашел хоть какую-то воду!

— Я знаю, что мы не во дворце,— капризно заявила Ария.— И все из-за тебя! Как ты можешь быть таким жестоким со мной?

И она и вправду начала плакать. Опять. Кэшел не представлял себе, откуда в ней берется столько жидкости, чтобы пополнить слезные резервуары...

— Не приставай к ней, Захаг,— велел он.— Она просто не привыкла к такому.

— А я, думаешь, привык? — возмутился тот.— Хорошо же, тогда сами ищите воду!

И направился к обрыву, где обнаружил источник. Кэшел надеялся, что приятель не уйдет далеко. С другой стороны, он понимал: не стоит обвинять примата: принцесса Ария — та еще штучка.

Если смотреть прямо за горизонт, ландшафт казался изобилующим растительностью. И все потому, что он был совершенно плоским. Листва на невысоких кустах сливалась в сплошной плотный ковер.

И еще трава: сухая, поникшая, но в таких количествах, что Кэшел подозревал: здесь то и дело идут дожди. Он попытался представить себе эту местность после грозы, когда все зазеленеет. Он накидал по охапке сена поверх хвороста для каждого из них троих. И усмехнулся.

— Ну, и что смешного? — накинулась на него Ария. Вот теперь-то она разозлилась по-настоящему. Она решила, будто Кэшел смеется над ней!

— Если бы мне нужны были свежая трава и много воды, мне лучше было бы оставаться дома, в Барка Хамлет,— тихо сообщил он.— Иногда мне кажется, что так и следовало поступить: остаться дома.

Ария взглянула на него так, словно он сошел с ума. По крайней мере плакать перестала. Потом нагнулась прямо к роднику и принялась ловить ртом воду.

— Мы могли бы оставить ее здесь,— проговорил Захаг.— Существуют ведь и другие женщины, и, между прочим, именно от этой толку-то чуть! Небось даже ягоды собирать не умеет!

— Я обещал ее матери, что верну ее домой,— пояснил Кэшел. Он постоянно спорил с приматом на тему: стоит ли помогать людям, если не испытываешь к ним особой любви. Ария была не одного с ними поля ягода — и сразу дала это понять, вот почему Захаг не мог взять в толк, зачем помогать ей.

Росшие в округе кусты насчитывали не меньше десятка разновидностей. Росли они низко, листья имели мелкие и множество колючек. Но, к вящему удивлению странников, на многих росли темные ягоды размером с ноготь на мизинце. Не особенно мясистые, зато внутри были косточки с неожиданно вкусными ядрышками.

Благодаря этим самым ягодам они продержались в течение трех дней, пока шли из пустынной местности. Кто бы мог подумать, что Ариас воими нежными ручками сумеет так ловко срывать ягоды, минуя колючки?

Вначале-то она отказывалась это делать, боясь пораниться. Пришлось Кэшелу и Захагу кормить ее.

Ария оторвалась от родничка и уставилась на Кэшела и примата.

— Ничего ты не обещал ее матери возвращать ее,— упрямо возразил Захаг.— Сказал, что заберешь девчонку от Илмеда. Именно это ты и сделал, не правда ли?

— Если бы вы не лезли не в свое дело,— начала Ария весьма заносчиво, но тут же ее тон изменился на горькое отчаяние,— я уже была бы замужем за самым могущественным магом всех эпох. Илмед сделал бы меня королевой всего мира! А вместо этого...

Она отвернулась, и слезы снова закапали в песок.

— Если вызываешь на бой главного среди приматов,— резко бросил Захаг,— тогда тебе нужно быть сильнее его или быстрее бегать, иначе не сносить тебе головы. Пола-

гаю, Илмед успел кое-чему тебя научить, прежде чем расстался с жизнью.

Кэшел откашлялся.

— Пора двигать,— произнес он. Он предпочитал идти по ночам, но тропа была видна настолько слабо, что впору заблудиться в темноте. Луна и та почти не светила.

Он наклонился и дотронулся до локтя девушки. Ее платье превратилось в груды лохмотьев. Нежные ноги не были приспособлены для пеших прогулок, поэтому Кэшел сплел ей сандалии из тростника.

Ария все еще плакала. Она отдернула руку, чтобы избежать прикосновения Кэшела.

— А что касается Илмеда...— с пробудившимся гневом заговорил Кэшел. «И почему эта девушка даже попытаться не хочет вести себя как человек?» — Он только думал, что обладает силой и властью и способен на все. Ни один человек не может иметь такую силу.

Он снова откашлялся.

— Так что, госпожа, вставайте. Я не оставлю вас здесь, но могу потащить вас волоком, если не пойдете сами!

17-й день месяца Цапли

— Серебро, зарытое в грязь, больше не блестит, мой мудрый друг Кристас,— прочел Гаррик в книге Селондра.— Лишь разумное использование возвращает металлу блеск.

Он сидел, прислонившись спиной к одной из четырех колонн перед небольшим храмом. Внутри храма Теноктрис рассматривала узоры резьбы под самой крышей. Если здесь и была когда-либо статуя для поклонения, она, должно быть, исчезла много веков назад.

Лиэйн устроилась, скрестив ноги, у основания еще одной колонны, лицом к Гаррику. Она слушала чтение с умиротворенной улыбкой.

Гаррик верил Теноктрис: эта земля не является частью мира, из которого образовался Залив, но, похоже, подчиняется тем же правилам. Солнце встает и садится, с гор сбсгают ручьи и дуют ветры. Напряжение, не покидавшее

его все время, пока они гостили под зеленым небом, теперь исчезло. Как приятно провести несколько дней в тишине и покое, в особенности когда есть кто-то, способный разделить твоё наслаждение «Одами» Селондра.

Он радовался, что встретил Лизйн. Большую часть своей жизни Гаррик и мечтать не смел о встрече с женщиной из знати. А теперь — вот, пожалуйста, он читает одной из них старинные оды, а девушка улыбается в ответ.

— Тот, кто сумеет обуздать собственный аппетит,— продолжал юноша,— обретет власть над империей столь же громадной, как если объединить Хафт с Байтом, добавив к ним далекое Далполо.

В глубинах сознания Гаррика шумно расхохотался король Карус. Юноша опустил книгу и усмехнулся.

— Конечно, чего ни скажешь, если ты поэт, и живешь в сельском домике в Орнифолле, и некому попросить тебя командовать одиночной триремой, когда ты уже наделал дел в своей жизни.

— Но, если истории о жизни Селондра верны, сам он вряд ли мог похвастаться способностью обуздывать аппетит,— заметила Лизйн.— У него в каждой комнате поджидали обнаженные женщины на случай, если им вдруг овладеет похоть!

Она захихикала.

— Конечно, никто и не предполагал, что мы будем читать «Жизнь поэтов»,— добавила девушка.— Госпожа Гудеа говаривала: лирические произведения должно ценить лишь за слог, которым они написаны. Попытка истолковывать их как-либо иначе означает вмешательство в частную жизнь поэта.

— Что же плохого, если хочешь побольше узнать о предмете, который интересует? — удивился Гаррик. Он опять усмехнулся: как-то отреагирует на его следующую мысль маститый предок? — Конечно, вовремя остановиться в своем процессе познания всегда сложно. Самый простой выбор можно сделать, когда знаешь еще достаточно немного, чтобы понять, как все запутано.

Лизйн кивнула, но взгляд ее устремился куда-то в сторону. Гаррик проследил за ним и обнаружил, что появил-

ся Грац в сопровождении двух женщин, которых за ним посылала Теноктрис.

Вокруг попадались и другие постройки. Ни одной, сколько-нибудь крупной — этот храм, скорее даже семейная часовня какого-либо богача, был типичным. И все они были в упадке.

Теноктрис распознавала приметы эпохи, а Лизэйн с точностью определяла их.

Теноктрис вышла из здания с довольной улыбкой — как раз навстречу вожаку Эрза. Часовню спроектировали как настоящий полноценный храм, на высоком трехъярусном фундаменте — каждый ярус в рост человека.

Сама часовня казалась игрушечной; с точки зрения Гаррика, архитектурными пропорциями здесь и не пахло.

Гаррик сунул томик Селондра в поясной кошель и тоже встал. Он улыбнулся, подумав о короле Карусе.

Люди поклонились Грацу. Поклоны не являлись частью этикета Эрза, но, судя по тому, как уши их вожака прижались к черепу, были восприняты адекватно.

— Между вашим Изначальным Местом и тем холмом, откуда мы вошли в этот мир, существует тесная связь, — заметила Теноктрис. — Вот этот храм соотнесен с известной частью мира, знакомого мне и моим спутникам. По крайней мере, госпоже Лизэйн он знаком, это точно.

Она кивнула в сторону молодой женщины. Гаррик подал Теноктрис руку и помог ей усесться на землю, сам же опустился рядом.

Двое мужчин, стоящих друг против друга, особенно если они вооружены — с точки зрения языка тела, эта ситуация несет угрозу, а Эрза, как никто, читают язык тела. Гаррик был вовсе не уверен, что сумел бы разобраться в этих тонкостях, не помогай ему Карус.

— Руины дворца Тиранов Вэллеса находятся за городскими стенами Вэллеса, — сообщила Лизэйн вожаку Эрза. — Моя наставница, госпожа Гудеа, водила нас туда посмотреть. Она рассказывала, что изучение истории так же полезно, как и литературные упражнения.

Она усмехнулась.

— Конечно, не так важны, как этикет, но все же важны. Так вот, там был храм, в точности как этот, на развалинах прежнего, весь заросший жимолостью.

Теноктрис дотронулась до колонны из песчаника.

— Похоже, это ключ для выхода в наш мир,— сказала она.

Она жестом указала на Гаррика и Лизйн, не сводя при этом глаз с Граца.

— Существуют и другие ключи, но я не знаю, куда они ведут. Некоторые могут уводить в такие места, в которые никому из нас не хотелось бы попадать.

И с жесткой усмешкой она добавила:

— Разумеется, мы смогли бы выжить и здесь, но вряд ли это хорошая идея. Это место — всего лишь портал, причем открытый портал.

— Вэллис — столица нашего мира,— произнес Гаррик. Его мысли блуждали в голове, возвращаясь к идее о хаотичной политической ситуации в мире — со времен, когда утонул Карус, не было настоящего короля. Пусть это произошло давно — нынешняя ситуация тесно связана с тогдашними событиями.— Я не сказал бы, что вас там ждут с распростертыми объятиями, но не вижу также причин, почему бы не отправиться туда.

«Как будто людям требуются причины для ненависти и убийства!»

— Как бы там ни было,— заключил он,— вряд ли для вас найдется лучшее место. И мы, вдвоем, сделаем все, чтобы помочь вам.

— Я проверю это место,— отозвался Грац.— В вашем мире много таких домов?

— Очень,— подтвердила Лизйн.— Мы живем в зданиях, подобных этому и даже больше.

Лизйн, конечно, тоже многого недоговаривала, все было куда сложнее, чем могло показаться. В языке Эрза отсутствовали слова для описания политики и других искусственных образований. И было непонятно, как обстояла ситуация, когда Эрза пришли в Залив, имелись ли у них подобные понятия или нет.

Грац и Теноктрис вошли в маленький храм.

Женщины-Эрза молча отошли к ближайшей сосне и начали лущить шишки в поисках треугольных орешков.

— Госпожа Гудеа не уставала напоминать нам, что Вэллис был одним из величайших городов эпохи Старого Королевства,— понизив голос, обратилась Лизйн к Гаррику. В храме было недостаточно места, поэтому молодые люди предпочли остаться снаружи.— Она явно хотела, чтобы я почувствовала себя там как дома, ведь я родом с Богом забытого острова Сандраккан.

Она взглянула на Гаррика и добавила с озорной ноткой в голосе:

— И, в отличие от Каркозы на Хафте, Вэллис был отстроен заново после падения Старого Королевства. Все-таки у госпожи Гудеа вряд ли были ученики из столь далекого места, как Хафт.

— Великие люди Орнифола...— заговорил Гаррик. Голос принадлежал ему, а вот воспоминания — нет.— Владельцы земель, богатые купцы... Они не пытались разрушить королевство, как это делали представители знати на других островах. Но они и не помогли королевству воссоединиться.

Лизйн посмотрела на него, лицо ее ничего не выражало. Она не отвернулась, но Гаррик знал: холодное презрение, прозвучавшее в его голосе, удивило ее.

Гаррик ничего не мог с этим поделать. Он пытался сдерживаться, но это приводило лишь к тому, что эмоции начинали захлестывать его и требовать физического выражения, действия.

— Великие мира сего хотели лишь стабильности,— продолжил он.— Они платили любому узурпатору-самозванцу, предпочитая откупиться и не вмешиваться. Лучше остаться в стороне и наблюдать, как Острова погружаются в хаос!

Грац вышел из храма. Уши его так сильно вытянулись вперед, что со спины он казался трехглавым. Теноктрис следовала за ним.

Гаррик поднял руки и сумел рассмеяться. Весь его гнев прошел, но он ощущал странную слабость.

— Я тут рассуждал об истории древности,— пояснил он.— В наши дни это вряд ли может вызывать гнев.

Грац втянул уши, они стали нормального размера.

— Мои люди останутся здесь,— сообщил он.— Прежде мы уже делили мир с людьми. Думаю, лучше не пытаться сделать это снова.

Теноктрис прикусила губу.

— Мастер Грац, я не понимаю вашего решения, мне кажется, вы делаете ошибку.

Она протянула руку в направлении лужайки, простирающейся дальше от храма.

— Место это выглядит чудесным, оно и вправду чудесное, но ведь есть и еще кое-что! Точка, где собираются столь могущественные силы, вряд ли подходит для жизни!

— Тем не менее мы остаемся здесь,— упрямо стоял на своем Грац.— Желаю вам счастья, люди. Но не возвращайтесь.

Вожак Эрза вышел. Его народу вряд ли пришлось бы легко на Орнифоле или еще где-либо в мире людей, это Гаррик хорошо понимал. Но еще он понимал: Теноктрис дала им совет, который разумнее было бы принять. И все же Эрза обладали равными правами с людьми, так что выбор делать им самим.

— Если вы оба желаете, нам стоит отправиться в путь немедленно,— произнесла Теноктрис.— Грац вынес свой урок из того, что случилось в Заливе, но это заставило его принять вот такое печальное решение.

Гаррик и Лиэйн обменялись взглядами.

— Конечно,— согласилась девушка.— Я готова.

— Знаете, ведь простой народ Орнифола хотел, чтобы Острова оставались объединенными,— продолжал Гаррик.— Они хотели спокойно спать в своих кроватях и не брать на ночь копье или меч на случай нападения пиратов. Эти люди постарались бы защитить королевство от распада, если бы их вожди позволили им.

Обе женщины с беспокойством посмотрели на него. Юноша сжал кулаки.

Заметив их взгляд, Гаррик рассмеялся.

— Ну что ж, может быть, на этот раз вожди решат иначе и прислушаются к голосу разума.— Голос его дрожал от сдерживаемого возбуждения.

«Еще как прислушаются, сынок! — эхом отозвался голос в глубинах его подсознания. — Пусть даже придется вбить им это в башку!»

Лже-Ноннус пробрался на корабль, беседуя с рулевыми, не спускавшими глаз с судна. Гребцы отдыхали, попивая воду, которую разносил старший.

Один из мужчин привстал и мочился себе на руку. Он уже объяснял Шарине, что моча помогает от нарывов.

Пожалуй, они в этом соображают. Пусть все они замкнуты и неразговорчивы, но в деле им нет равных.

Остров имел коническую форму, состоял он из черного базальта — в отличие от традиционного песчаника или кораллового песка. Он был куда больше многих островов, которые Шарина замечала на пути через Внутреннее море. Низкое солнце освещало заросли травы, но чаще всего встречался странный кустарник, напоминавший огромную капусту, а также гигантские лобелии, вымахавшие выше человеческого роста.

Лже-Ноннус установил на судне мачту и парус, однако больше надеялся на гребцов. Шарина пыталась себе представить, как будет выглядеть судно со спущенным парусом, когда на нем полно народу.

— Ладно, пора в путь, — заявил лже-Ноннус. — Мне не нравится здешний берег.

Гребцы что-то забормотали, оглядываясь на старшину. Тот набычился, пробурчав:

— Не думаю, что это хорошая идея: плыть на ночь глядя в такой скорлупке!

Фальшивый Ноннус нахмурился: выдержки ему явно не доставало.

— На горизонте хороший песчаный пляж. Доберемся до него засветло, если отплывем сейчас.

Солнце уже полностью село. Западный горизонт был еще бледным, но звезды уже показались в направлении движения судна.

— И никогда даже не пытайтесь оспаривать мои приказы! — подытожил лже-Ноннус голосом Ноннуса на-

стоящего, но, разумеется, тот никогда не говорил таким тоном.

Шарина нырнул за борт и поплыла в направлении базальтового островка. Ничего утешительного; возможно, даже пресной воды здесь нет, но выбирать не приходится.

Туника намокла и тянула ее на дно. Однако начини она раздеваться, Ноннус насторожился бы. В то же время нельзя было тратить ни минуты. Она не думала, что команда станет стрелять ей вдогонку, но, случись что, ее могут оглушить веслом.

Тонкая шерстяная ткань не особенно мешала девушке. Мощным кролем она удалялась от корабля, так что вряд ли моряки сумеют организовать погоню.

Ноннус, настоящий Ноннус, плавал как тюлень, на которых он охотился в дни своей юности севернее от главного архипелага. Тот же, кто сейчас прикрывался личиной отшельника, только выкрикивал приказы, а старшина гребцов сердито огрызался. Оба пытались развернуть судно вдогонку за беглянкой, но не могли договориться.

Не многие матросы умели плавать. Лишь один из гребцов был исключением на этом корабле, и, если он решится пуститься за ней вплавь, тогда...

Шарина помнила, каким образом Ноннус справлялся с гневом. А еще — у нее с собой пьюльский нож.

Девушка повернула голову, чтобы вдохнуть между гребками, и тут ее пальцы коснулись берега. Она выползла на сушу на четвереньках, поднялась на ноги и побежала вверх, огибая гигантские лобелии. Ее загорелое тело и коричневатая намокшая туника вряд ли были видны в темноте, а вот светлые волосы запросто могли привлечь внимание.

Шарина оставалась у подножия холма, обходя его слева. Кустарник, к счастью, был без колючек. Но края базальтовых скал оказались острее обломков песчаника; кроме того, Шарина достаточно долго пробыла в воде, смягчившей кожу на ступнях.

Но она побежала бы и по раскаленным угольям, и по остриям ножей, лишь бы скрыться от монстра, присвоившего лицо ее друга.

Лодка-разведчик темной массой виднелась невдалеке. Фальшивый Ноннус отдавал приказы команде высаживаться и прочесать берег.

Увидев на севере открытую линию воды, Шарина поняла, что остров — всего лишь узкая дугообразная полоска суши, а вовсе не большой полукруг, как она надеялась. Двадцать гребцов могут выстроить плотный кордон и без труда обнаружить ее.

Конечно, для этого их нужно хорошенько организовать, но «Ноннус», похоже, не дурак. И потом, он же маг...

Лодка причалил к острову. Видимо, они держатся параллельно острову. Обшивка судна отличается малой толщиной — ради скорости. Шарин надеялась, что, причалив, они повредят обшивку корпуса, но, с другой стороны, команда достаточно опытная.

— Право руля! — командовал старшина. — Налегай на весла!

Шарина в любой момент ожидала, что ее захватят в плен. И бросят связанную на дно судна до самого конца путешествия.

Единственным шансом на спасение было как-то бежать с островка. Плыть в открытое море — настоящее самоубийство, но вот если удастся отыскать что-то вроде плота...

Матросы с криками выстраивались в линию с другой стороны острова, Шарина начала углубляться в лес по северному берегу. Почти у самой воды густо разросся крестовник, хотя лобелии, кажется, отличались меньшей устойчивостью к соли. Плотные листья хлестали ее по телу. Она прорывалась сквозь заросли, осматривая на ходу землю.

Перед ней выросла чья-то фигура. Первой мыслью было — кусок базальтовой породы, но нет — человек, огромный, с копьём толщиной в руку. Таким в два счета можно укокошить.

Шарина держала наготове пьюльский нож. Взмах — и правая ступня великана оттолкнула ее руку с ножом. Рука онемела, но девушка не выпустила нож.

Она упала прямо на куст крестовника, нога ее неловко подогнулась.

Великан ткнул наконечником копья прямо ей в солнечное сплетение, парализовав ее. Девушка согнулась пополам, задохнувшись.

Она попыталась удержать в руке нож, но противник прясел рядом с ней и выхватил нож из ее пальцев. Одежда на нем была из кожи — наверное, какой-то рептилии, — она издавала резкий запах.

— Откуда ты бежишь с этим пьюльским ножом, молодая госпожа? — как ни в чем не бывало пробасил незнакомец.

Шарина все еще задыхалась.

— От человека, который сожрет тебя на ужин и не подавится! — выпалила она.

Великан расхохотался.

— Тогда это, должно быть, великий человек! — Он вернул ей нож.

— Меня зовут Ханно, — сообщил он. — И вот еще что: мне не кажется, что эти люди на другом берегу — твои друзья. Я прав?

— Я скорее умру, чем позволю им схватить меня, — прошептала Шарин. Она сунула нож в ножны, хотя пришлось сделать это двумя руками. Она вся дрожала от усталости и чувствительного удара в живот.

— Вот что, молодая госпожа, я направляюсь обратно в Байт из Вэллеса, где продавал рога. Если не хочешь оставаться здесь, можешь присоединиться ко мне — но предупреждаю тебя, придется жить в охотничьей хижине. И в Вэллис я не поплыву еще добрых шесть месяцев.

— Пойдем, — Шарина старалась удержаться на ногах. — Один из мужчин — маг...

Ханно подхватил девушку на руки и зашагал по берегу. В небольшой, узкой бухточке обнаружилась двадцатифутовая плоскодонка, чуть поуже, чем лодки в Барка Хамлет, но в остальном ничем от них не отличающаяся. Ханно усадил Шарину на борт, разместил свое длиннущее копьё между весел и повел судно в море, кряхтя и шумно сопя.

Запасов у него было на шесть месяцев. Лодка от носа до кормы была забита ящиками, завернутыми в мешковину и перевязанными веревками из конского волоса. Ша-

рина могла только догадываться, сколько весил весь этот груз — пожалуй, не меньше трех-четырех тонн.

Ханно сделал несколько шагов по воде, затем перебрался через торчащий нос. Они отошли уже достаточно далеко от берега, чтобы он не перевернул при этом лодку. Шарина затаила дыхание. Великан грузно прошествовал вдоль борта и плюхнулся на скамью. Судно постепенно удалялось от берега.

Ханно оказался довольно шустрым человеком — не просто «достаточно быстрым для своей комплекции». Шарина никогда в жизни не встречала таких великанов, как этот охотник. Он был выше Гаррика и почти такой же массивный, как Кэшел.

Он вставил весла в уключины. Шарина быстро помогла укрепить их. Тот одобрително кивнул и начал грести.

— У них корабль, рассчитанный на двадцать гребцов, — приглушенным голосом сообщила Шарина. Она все еще слышала, как окликают друг друга матросы, как лже-Ноннус отдает приказы.

— Пока что — да, — загадочно пробормотал Ханно. Особенного беспокойства в его голосе не слышалось. Он развернул плоскодонку параллельно берегу. Весла мерно двигались по воде с легким всплеском.

Они уже удалились достаточно, и теперь остров представлялся сплошной темной массой. Тут начали появляться огоньки. Это от лже-Ноннуса летели яркие сполохи.

Шарина инстинктивно сжалась. Ханно расхохотался:

— Нам это только на руку! От этих огней немного увидишь, они же слабые. Будь у них побольше мозгов, они бы, наоборот, погасили свет, затихли и постарались прислушиваться к звукам!

И он снова рассмеялся.

— Правда, и это бы им не помогло.

Ханно развернул плоскодонку. Они обогнули островок и теперь плыли вдоль его южной оконечности, на расстоянии весла от берега. Правда, берег был вовсе неразличим, и, если бы не полоска пены, Шарина не сумела бы догадаться о его расположении.

Ханно греб легко, без усилий, управляя судном на ходу. На плоскодонке не было мачт. Так что грести ему, похоже, приходилось весь путь от Байта до Орнифола и обратно... Разве что можно было установить треугольный парус на носу, хотя какой толк, когда ветер почти не дул.

Вдоль гребня холма растянулась цепочка огоньков. Вот они начали слаженно двигаться в направлении восточного берега острова — видно, западный решили оставить на потом.

Команда разожгла на пляже костер, прямо возле корабля. Шарина видела пару человек, сидевших неподалеку.

Ханно засопел и снова развернул суденышко к берегу. Девушка видела корабль лже-Ноннуса, слышала человеческую речь, но слова в основном казались непонятными.

Она погладила все еще саднивший живот, потом дотронулась до рукоятки пьюльского ножа. Зубы Ханно блеснули в усмешке.

Он обернулся лишь на краткий миг, дал задний ход одним веслом, потом двумя и направил лодку к стоящему у берега кораблю. Он вставил весла в уключины и приложил палец к губам. Шарина кивнула.

Галера лже-Ноннуса накренилась набок, одним бортом подпирая берег. Уклон был достаточно велик, и хороший ветер мог запросто перевернуть судно. К счастью для них, сейчас был полный штиль.

На носу корабля висел на канате якорь. Крюк был железный, но ствол и ветви — из кедра, утяжеленного свинцовыми кольцами.

Ханно встал. Лодка покачнулась, но великан здорово умел распределять свой вес. Лодка яростно завертелась, ударяясь носом в борт большего судна. Шарина старалась держаться, ведь, если она дернется, лодка может потерять равновесие. Здоровяк явно знал, что делает.

Один из матросов завопил в ужасе.

— Я возьму копьё! — крикнула Шарина.

Ханно схватил якорь чужого судна и швырнул его через борт. Пусть обшивка судна была сделана из толстых сосновых досок, она разлетелась в щепки.

Ханно кинул Шарине копье. Она поймала его двумя руками, но это оказалось все равно что пытаться удержать ствол дерева. Семифутовое древко из дуба, наконечник — стальной.

Матрос с факелом в руках вбежал на борт корабля. Оружия при нем не было.

— Что вы делаете? — закричал он.

Шарина обеими руками взмахнула копьем.

— Убирайтесь! — сказала она. С членами экипажа ей нечего было делить, они же наемники, они ей не враги. А вот лже-Ноннус...

Ханно снова выхватил якорь из обшивки и метнул его, словно булаву. Полетели щепки. Плоскодонку подбросило на волнах, будто кита, но тяжесть груза помогла не перевернуться.

Откуда-то выскочил один из гребцов, держа в руках небольшой лук со вставленной стрелой.

— Посвети-ка мне! — велел он товарищу.

Великан метнул в него якорь. Громкий всплеск — и человек, и якорь исчезли за бортом.

Ханно взялся за весла, направляясь к тому, что было кормой судна. Шарина замерла в ожидании, прижав к себе копье.

Они постепенно становились на курс, подходя к месту, где гора становилась все ниже. Плоскодонка была настолько тяжелой, что даже мощному Ханно не под силу было придать ей большое ускорение.

Вокруг юрбля собралось несколько человек. Они подняли крик. Шарине показалось, она различает голос лже-Ноннуса. Девушка угрюмо усмехнулась. Если ему удастся починить корабль меньше чем за день — значит, он везучий человек.

— Не сказал бы, что мне нравится путешествовать по ночам, — заявил Ханно, — но, похоже, выбирать не приходится. К счастью, я успел поужинать.

— Спасибо тебе, — поблагодарила его Шарина. Она не была готова объяснить, что произошло — она и сама этого не понимала. Но Ханно, кажется, и не нуждался в объяснениях.

Луна взошла над морем. Шарина скорее почувствовала, чем увидела улыбку на лице великана.

— Все будет хорошо, молодая госпожа. Ты справишься.

— Лес! — заорал Захаг в восторге. С тех пор, как они покинули исчезающую башню, он впервые проявил иные эмоции, кроме постоянного гнева. — Наконец-то лес!

Захаг устремился к сырым, покрытым лишайниками стволам деревьев. Выглядел он просто смехотворно: передние конечности были куда длиннее задних. Но бежал примат быстро и ловко.

— Мы попали домой? — спросила Ария, прижавшись к груди Кэшела. Даже в ее голосе прозвучала надежда. Он нес ее на руках уже с прошлого полудня. Это лучше, чем тащить ее волоком. Бедная девчушка и так старалась.

— Ооо! — Ария увидела, куда они попали. — О, как ты мог принести меня сюда?!

И снова заплакала.

— Ну, все-таки это не пустыня, — растерянно пробормотал Кэшел. Правда, он и сам себя не мог убедить, что это лучше.

— И совсем не то, что эти страшные скалы, где я изранил себе все ноги! — с воодушевлением заявил Захаг. — А еще, смотрите-ка, вон там ящерица! Все лучше, чем ягоды да ягоды!

— Теперь ты можешь идти? — спросил Кэшел, поставив Арию на ноги. — Сейчас должно быть попроще, солнце здесь не так печет.

Да, солнце изрядно мучило их на протяжении всех прошедших дней. Но Кэшел не думал, что сможет долго обходиться без него. Здесь, в лесу, было сумрачно, да и сам лес выглядел неприветливо и мрачно, живо напомнив юноше его дядю Катчина в Барка Хамлет.

Он усмехнулся. По крайней мере, лес уж точно не станет страдать от сумасшедшей гордости, как Катчин. Так что все не так уж плохо.

— Лучше бы я умерла, — прошептала принцесса, ступая по земле следом за Кэшелом.

Деревья оказались не такими уж большими. Для столь скудной почвы, впрочем, вполне достаточной высоты: не меньше десяти сдвоенных шагов от земли до вершины.

Еще Кэшел никак не мог взять в толк, отчего почва стала такой влажной. Прежде были сухие колючие кусты, теперь же появились скользкие стволы деревьев, поросшие мхом. Под ногами даже хлюпало.

Он снял соломенную шляпу-зонт. Она зацепилась за ветку, покрытую лишайником. Сухая солома тут же начала сочиться влагой.

Кэшел ощутил неясную тревогу. Он схватил шляпу и кинул на сухой песок на границе леса. Если ветер вернет шляпу назад в болото — дело плохо.

— Чем ты занимаешься, о боги? — изумилась Ария.

— Ну, вообще-то, эта шляпа пока мне здорово послужила. Не тащить же ее, беднягу, в такое гиблое место.

Он неторопливо пошел по тропе своей мягкой пастушьей походкой. Посох он при этом прижимал к груди для равновесия.

Он чувствовал, что девушка в изумлении не сводит с него глаз. Ну и пусть. Все по справедливости. Кэшел свято верил: как ты с людьми, так и люди с тобой.

— Захаг, ты готов? — окликнул он примата.

— А ты как думаешь? — откликнулся тот. Жужжание невидимых насекомых и кваканье лягушек заглушали его голос.

В пустыне стояла мертвая тишина, разве что по ночам порой раздавался какой-то жуткий рев.

Ветки деревьев имели множество сучьев, листья казались очень странными на вид. И все покрывал густой слой мха. Кэшелу приходилось раздвигать его посохом. И все равно влажные нащепки касались его плеч.

— Мне не нравится это место, — капризно сообщила Ария. По крайней мере, честно. Она явно была напугана.

— Просто держись поближе ко мне, и все будет хорошо, — пообещал ей Кэшел.

И усмехнулся собственным словам.

— Все будет в порядке, принцесса. Видишь, я же в порядке. Я пастух, а значит, могу быть Пастырем.

У них за спиной раздался громкий звук: «Плюх!» Что-то мчалось к ним. Кэшел молниеносно перехватил посох в боевое положение.

Но это был Захаг, он бросился к ногам Кэшела с криком:

— Я ничего не видел! Я ничего не видел!

Ария тоже закричала, обхватив Кэшела сзади и прижимаясь к нему.

В лесу все стихло. Чуть позже опять раздалось кваканье и жужжание. Никто не гнался за обезьяной.

— Думаю, нам надо идти,— заметил Кэшел. Ария уже отпустила его. Захаг оглядывался назад.— Стоит поискать, где остановиться на ночлег, пока еще хоть что-то видно.

Они двинулись в путь. В лесу было темно, как в пещере. Ария шла за ним по пятам, а Захаг неуклюже плелся слева.

Кэшел полагал: лучше не спрашивать примата, что его так напугало. Какое бы обличье ни принял жуткий мох, вряд ли Захагу приятно будет вспоминать об этом.

— Я вижу огоньки,— сообщила Ария.— Вон — там...

— Точно,— подтвердил Кэшел, стараясь говорить мягко.— Гнилушки, у нас дома тоже такое бывало. Лучше воспользоваться этим светом, так нам легче будет найти дорогу.

Так они и шли, пока Кэшел не свалился под тяжестью обоих спутников, налетевших на него. Тропа светилась неясным серым сиянием. Деревья высились, точно великаны. Определить расстояние казалось невозможным. Не светился лишь мох. Ария тихо заплакала. Кэшел не стал ругать ее. По крайней мере, в темноте по звуку плача ее легче найти и не потерять.

Деревья шумели. Кэшелу показалось, что это может быть... нечто над головой. Но, подняв голову, он увидел лишь ветви, столь густые, что небо не просвечивало сквозь них.

Ария заплакала громче.

— Смотрите! — крикнул Захаг.— Вон там, впереди... настоящий свет! Теперь мы в безопасности, мы выйдем

к свету! — Он и сам не знал, можно ли в это верить, но ужасно хотел поверить.

— Что ж, посмотрим, — тихо ответил Кэшел. Может быть, это костер, но в этом лесу ничего нельзя знать наверняка.

Кэшел усмехнулся. Он шел вперед в сопровождении говорящей обезьяны и хнычущей принцессы, но сомневался, настоящий ли впереди огонь. Да его соплеменники в Барке приняли бы его за сумасшедшего.

Он сдержал смех. Не ровен час, Ария и Захаг решат, что он тронулся умом.

Деревья шептались и шуршали над головой. Странное свечение сопровождало их. Да это же просто светящийся болотный газ, ничего страшного!

— Это точно огонь! — сообщила Ария. — Да, я теперь вижу!

И добавила срывающимся голосом:

— Пожалуйста, Мать-Богиня, пусть это будет костер!

Они вышли к поляне. Перед ними высилась башня из крепкого камня, поросшего лишайниками — настоящая, а не та подделка, которую они разрушили.

И здесь был огонь, служивший маяком на вершине башни. При его свете показались фигуры людей, ведущих боевые учения среди башенок.

— Привет тебе, о дом! — негромко произнес Кэшел, стоя за ветвями. Может, нужно было сказать «башня» вместо «дом»? Но он так обрадовался, когда увидел человеческое жилье...

— Убирайтесь, монстры! — взревел чей-то голос. — Убирайтесь, не то мы убьем вас!

Огонь маяка рассыпался сотнями искр, переливавшихся розовым и оранжевым. Пламя было нестерпимо ярким.

Кэшел сделал шаг вперед.

— Мы не монстры! — возразил он. Он прижал к себе посох, чтобы тот не выглядел угрожающим. — Нам нужно место для ночлега, только и всего.

— Ступайте прочь! — повторил невидимый собеседник.

Кэшел услышал на башенке звон металла, слишком знакомый. «Оружие», — догадался он.

Кто-то использовал лебедку, чтобы натянуть огромный лук.

— Эй! — заорал Кэшел. Раздумывать над своими действиями было попросту некогда. — Лучше бросьте эти глупости, не то мы все здесь сровняем с землей. Клянусь Пастырем!

И он с силой ударил посохом о землю. Из конца посоха вырвалось голубоватое пламя.

— Так это человек! — крикнули в башне. — Что здесь может делать человек?

— Разрешите войти мне и моим друзьям, — Кэшел все еще был в шоке после вспышки собственного гнева и вспышки огня, вырвавшегося из посоха. — Нам нужен ночлег!

Маяк вспыхнул в последний раз и погас. При тусклом освещении можно было разглядеть прутья клетки, причем непонятно было, есть ли за ними кто-нибудь.

— Мы спускаем лестницу, — крикнул человек. — Но давайте поживее. Иначе они могут напасть в любой момент.

По стене башни что-то негромко прошуршало. Ага, вот она, веревочная лестница.

— Вперед! — бросил он своим спутникам, надеясь, что они недалеко.

Значит, в этом лесу действительно есть чудовища.

Захаг моментально вцепился в лестницу. Кэшел схватил его за волосатую лапищу и отшвырнул в сторону. Тот обиженно взвизгнул, но кусаться не стал.

— Сумеешь забраться сама, принцесса? — спросил Кэшел. Вместо ответа Ария ловко ухватила за лестницу и начала карабкаться наверх. Она быстро исчезла в неясно различимом проеме.

Кэшел отпустил примата.

— И не пытайся обгонять ее! — напутствовал он.

Ария должна суметь взобраться, ибо в ее многолетнем заточении девушке приходилось преодолевать довольно сомнительные ступеньки винтовой лестницы.

— Это женщина! — раздалось удивленное восклицание. — Неужели и вправду женщина?

Кэшел полез следом за товарищами. Посох он плотно зажал между локтями, медленно и неловко поднимаясь. Будь у них с собой веревка, которую он использовал, когда спасал Арию, не пришлось бы сейчас трястись, словно старый паралитик. Но веревки не было, а уж ронять посох он не собирался ни в коем случае!

— Эге, тут монстр! — заорал человек. И на башне снова вспыхнул огонь.

Захаг уже прошел большую часть пути, значит, все должно быть нормально. Судя по звуку, он соскочил с лестницы на стену. Камни были выщербленные, значит, там есть за что уцепиться, чтобы не упасть.

— Хэй! — заорал Кэшел. Схватив посох, он поспешил наверх. — Прекратите немедленно. Он никакой не монстр, он мой друг!

Кэшел добрался до башенок. Верхняя часть слегка выступала вперед, так что его ноги под конец вообще не доставали до стен. Приятно было коснуться ногой камня, а не хлипкой веревочной лестницы.

— Ну, хватит! — велел он. — Кто у вас старший?

И он снова ударил посохом об пол. Искры не посыпались в таком количестве, но звук раздался настолько громкий, что примерно дюжина человек вздрогнули.

Крепкий усатый мужчина в шлеме с алебардой откашлялся.

— Я капитан Корас, — сообщил он. — Говорите, этот детина — настоящий человек? По-моему, он слишком волосатый.

— Волосатый? — в ярости рявкнул Захаг, появляясь из-за башенки. — Да я выдеру вам все бакенбарды, прежде чем вы схватитесь за свой топорик!

— Захаг, а ну, тихо! — прикрикнул на него Кэшел. Он пояснил собравшимся: — Это не человек, а примат, но он — вовсе не монстр. И он — мой друг.

Забавно было величать Захага другом. Но ведь это правда!

Ария появилась из толпы и прижалась к Кэшелу. Ей явно было неуютно среди собравшихся солдат. Не очень-то удобно будет использовать посох, когда она рядом, ну да ладно.

— Нам нужно поднять лестницу,— пробормотал один из людей.— Они могут напасть в любой момент.

Корас покашлял в кулак.

— Не хочется сомневаться в ваших словах, господин, но это существо, кажется, разговаривает. Я имею в виду, ваш друг.

— Верно,— ответил Кэшел. Света здесь не было, если не считать звезд, так что лица собравшихся были видны очень слабо.— Он может разговаривать, но он — примат. И прежде принадлежал магу.

Один из людей начал втягивать внутрь лестницу. Деревянные дощечки ступеней позвякивали о каменную стену, словно ксилофон. Один из бродячих актеров, мим, гостивший в Барка Хамлет во время Овечьей Ярмарки, играл на ксилофоне. Кэшел удивился, как деревяшки могут звучать столь музыкально.

— Ну, раз вы ручаетесь за него, тогда все в порядке,— успокоился Корас.— Никогда прежде не видывал говорящих обезьян.

— Пойдем, Захаг, нам, похоже, разрешат здесь переночевать,— сказал Кэшел.

— Переночевать? — удивился один из солдат.— Мы здесь спим только днем, чужестранец.

— Они скоро начнут атаку,— подтвердил капитан Корас.— Ваш приход спутал их планы, но все же...

— А вот и они! — крикнул солдат.

Лес огласился жуткими воплями. Один из солдат натягивал арбалет. Другой вставлял стрелу в ручной лук.

Кэшел всмотрелся вдаль. На земле началось какое-то шевеление, но деталей было не разобрать.

Розоватые вспышки плясали по земле, они позволили юноше рассмотреть атакующих. И вряд ли их можно было назвать иначе, чем монстрами.

У некоторых — звериные тела, у других — головы. Все в доспехах и человеческой одежде, вооружены длинными мечами, у некоторых в руках зажаты увесистые булыжники. Они шествовали кто на двух, кто на четырех лапах. Среди всех выделялся человек-сороконожка, у которого еще несколько рук держали по топорiku.

Они тащили складные лестницы.

Свет вспыхнул и погас.

— Ария, спускайся внутрь башни, если сумеешь! — крикнул Кэшел. Он удобнее перехватил посох, поджидая, пока покажутся первые представители визжащей и орущей орды.

На площади, где встречались три дороги, возле дома Илны, стоял неработающий фонтан. Она собиралась сделать так, чтобы фонтан в ближайшее время починили, хотя пока не решила, каким способом заставить городские власти разобраться с этим.

Но даже без фонтана площадь кишела людьми. Рядом находился парк, где сегодня будут давать представление.

Илна находилась среди зрителей. Люди Полумесеца знали госпожу Илну и расступались перед ней. Если кто и не знал, то соседи тактично напоминали, взяв за локоток. Илне такая преувеличенная любезность была вовсе не по нутру, но что она могла поделать? К тому же немного вежливости этому миру никогда не помешает!

Молодой человек в красных шелковых одеждах проворчал себе под нос нечто невразумительное, в руках его был магический кинжал. На конце кинжала рос и распускался сверкающий рубиновым светом цветок — он раскрывался, превращаясь в сферу, настолько огромную, что ее невозможно было охватить обеими руками. В самой его сердцевине показался сияющий город — невысокие домики и залив с кораблями, скользящими по воде. Илна могла разглядеть даже людей, спешащих по делам.

— Ух ты! — восхищенно зашумели зрители.

— Это Пандах! — закричал какой-то мужчина в широких панталонах и ярком кушаке, какие обычно носят сошедшие на берег моряки. — Клянусь носом Госпожи, это Пандах — или я — фермер!

Изображение рассеялось само собой. Юноша сделал шаг назад и вытер пот со лба. Выглядел он чертовски усталым.

Да это и неудивительно. Большинство людей считали, перед ними опытный фокусник. Илна же всегда могла определить работу настоящего мага.

Водер утверждал, что безногого помощника юного волшебника звали Церикс. Он управлял своей тележкой, подкручивая колесо одной рукой. В другой держал деревянную чашу.

— Пока великий мастер Халфемос отдыхает перед очередным действием, настало время для всех хороших людей выразить свою благодарность,— восклицал калека.— Одарите мастера, ибо он одарил вас!

Назвать район Полумесяца бедным — значит сделать его жителям комплимент. Большинство жителей попросту скрывалось от сборщика налогов и арендодателей. Несмотря на это, несколько человек бросили в чашу монеты. Разумеется, медные, а одна монетка оказалась железным фартингом из Шенги. В любом случае, их получилось куда больше, чем мог получить уличный актер.

Да, такое представление стоило куда больших денег. Халфемос и его безногий помощник, чертивший круги силы перед каждым заклинанием, могли с успехом выступать перед самым герцогом, получая плату золотом.

Калека подкатил тележку к Ильне.

— Не хочет ли знатная леди одарить мастера Халфемоса? — спросил он, протягивая ей чашу.

Илна кивнула. Одежда у нее была чистая и добротная, без заплаток, что делало ее поистине знатной дамой по меркам здешних обитателей.

И она кинула в чашу серебряную монету. Несколько человек испустило вздох, услышав характерный звук. Калека схватил серебро и сунул за щеку, взглянув на Илну с изумлением.

— Увидимся после выступления,— сказала Илна.— Кажется, вы искали меня.

Калека покатил тележку обратно к Халфемосу, хотя обошел еще едва ли половину толпы. Волшебники зашептались. Илна сурово улыбнулась. Она не знала, зачем понадобилась юному магу, но, пожалуй, есть смысл узнать об этом поскорее.

Похоже, новости ее поджидают невеселые. Дурные вести быстро бегут.

Калека быстро начертал на кирпичах новые символы. Во время представления маги то и дело сдвигались вправо, чтобы можно было использовать свежие кирпичи. Вряд ли эти символы вообще читаются, но они необходимы для успешного произнесения заклинания.

Халфемос встал и поклонился Илне. Выглядел он усталым, но теперь в его голосе зазвучал странный энтузиазм, когда он забормотал непонятные слова.

Вспышка рубинового света. На минуту Илне показалось, она не видит ничего, кроме тумана. Кроваво-красная светящаяся змея мелькнула в воздухе.

— Нет! — крикнул калека. Он рванулся, пытаясь остановить поток заклинаний, но было поздно.

Изображение исчезло, будто кровь, впитавшаяся в песок.

Пальцы Илны инстинктивно нащупали под туникой шелковое лассо, потом снова вернули его на место.

Толпа разразилась криками и визгом, а потом — когда змея исчезла — приветствиями и аплодисментами, сопровождаемыми топотом множества ног. Люди испугались, но решили, что так и было задумано. И теперь наслаждались эффектом.

Халфемос сел. Его шелковая туника свесилась до земли. Кинжал, изготовленный из рога или зуба животного, лежал перед ним. Он с отсутствующим видом взял его в руку.

Лицо Церикса стало серым. Он замахал руками на зрителей:

— Представление окончено! Мастеру Халфемосу нужен отдых!

Проститутка, снимавшая комнату рядом с Илной, кинула монету в чашу Цериксу. Тот так сверкнул глазами, что она отшатнулась в удивлении.

— Что ты сделал, во имя всех Богов? — накинулся Церикс на мага, и в голосе его звенел неприкрытый страх. Потом он ощутил присутствие Илны.

— Пойдемте к Анно, — предложила девушка. — Это таверна за вашей спиной. Мы можем поговорить у него в задней комнате.

— Король Валенс, должно быть, был в своем дворце, — произнес Халфемос, скорее самому себе, нежели Цериксу или Илне. — Когда мы начинали, я произнес имя герцога Сандраккана, так что мне пришлось поменять имена, назвать другое для окончания.

— Пойдем, — сказала Илна, положив руку на плечо юному магу.

Халфемос пошатывался от усталости, но послушно поднялся на ноги. Илна подняла его кинжал.

Таверна действительно находилась в паре шагов. Четыре оловянные кружки были прикованы к каменному прилавку. Сзади прилавка располагались жилые комнаты, но Анно всегда поставит стол и табуретки для любого, кто согласится заплатить за вино три медяка вместо двух.

Жена Анно — а может, сестра, Илна никогда не могла этого понять — открыла деревянную дверцу за прилавком и пустила их внутрь. Должно быть, услышала, что они идут.

Мужчина с массивными золотыми кольцами на больших пальцах схватил Халфемоса за рукав.

— Послушайте, молодой господин! Вам будет весьма полезно познакомиться с таким знатоком здешних дел, как я. Тогда богатство вам обеспечено!

Илна холодно взглянула в его сторону.

— А ну, убирайся, Мангрд, — велела она. — И смотри, чтобы я больше не слышала о твоих проделках, нечего угрожать девушкам ножом. Узнаю еще что-нибудь в этом роде — и мой ножичек приласкает то место, которое у тебя работает больше, чем твоя луженая глотка. Понял меня?

— Я... э... — начал тот. Он твердо решил ответить что-нибудь, но слова разом выветрились из головы.

Илна нахмурилась, и проходимец убрался восвояси. Но куда больше ее беспокоил последний вызванный Халфемосом образ. Конечно, угроза кастрировать дурака Мангрда — это так, для остротки.

Халфемос сел, все еще находясь в прострации. Когда Церикс подъехал поближе в своей тележке, его подбородок как раз оказался на уровне стола. Значит, можно начинать разговор.

— Вина для двоих,— распорядилась Илна. Она достала из кошелька пару монет. Бронзове, покрытые серебром, отлитые в Каркозе сто лет назад. Здесь каждая из них равнялась трем медным.

— Вы можете не платить за ваше вино, госпожа,— возразил трактирщик.

Илна улыбнулась.

— Ничего, заплачу. И лучше мне остаться вообще без денег, чем хлебнуть твоего пойла.

— Вы же Илна ос-Кенсет, верно? — волнуясь, начал Халфемос. Он забрал у нее магический кинжал. Краски медленно возвращались к нему. Он жадно выпил вина, когда принесли кружки.

И вкус вина его, похоже, не шокировал. Пусть сейчас юноша носил шелковые одежды — к разбавленным водой помоям ему было не привыкать.

— Верно,— согласилась Илна.— Зачем вы ищете меня?

Церикс нахмурился, подбирая слова. Халфемос просто кивнул на кружку.

— Госпожа Шарина, то есть Шарина ос...

— Я знаю ее,— быстро ответила Илна.

— Шарина попросила нас разыскать вас,— продолжал Халфемос.— Я по ошибке заставил вашего брата исчезнуть. Она подумала, что вы можете...

— Ты не виноват в этом! — сердито воскликнул калекка.— Я не устаю повторять тебе: ты не виноват. Посмотри, что вышло сегодня!

— Я произнес заклинание, и ваш брат Кэшел исчез,— признался Халфемос, и голос его звучал так, словно он ненавидел себя — Шарина частенько и сама так говорила.— С вашей помощью, как думает Церикс, мы могли бы отыскать его снова. И он совершенно точно находится в надежном месте.

Здесьние таверны никогда не украшали ни цветами, ни какими-нибудь картинками — не считали нужным. Но жена Анно поставила им на столик пучок ржанных колосков, которые сама нарвала в поле.

Вот сейчас Илна и начала нервно обрывать их, не осознавая, что делает.

— Вместе с моим братом должны были быть еще трое человек,— произнесла она.— Гаррик ор-Рейзе, Теноктрис, пожилая дама, и... девушка моего возраста. Довольно привлекательная девушка.

— Корабль, на котором плыли Кэшел и госпожа Шарина, проглотил монстр,— сообщил Церикс.— И все, кто был с ними, наверное, погибли.

Илна посмотрела на свой пояс — двойник того, который вручила Лизйн. Он оставался неизменным.

— Я сомневаюсь в этом,— проговорила она.— Но не это должно нас сейчас волновать. Чего вы хотите от меня?

Она перевела взгляд на творение рук своих. Колоски оказались растрепаны. Она, сама того не понимая, сплела из них какой-то узор. А руки-то, руки... все исколоты и испачканы.

— Будь у вас какой-либо предмет, принадлежащий вашему брату...— начал Халфемос.

— Подождите! — прервал их калека. Он с изумлением посмотрел на Илну и на сплетенный ею узор.— Почему вы связали слово «Вэллис» таким образом?

— Я вообще ничего не вывязывала,— с трудом контролируя гнев, откликнулась Илна.— Я не умею писать. И читать тоже, если это вас интересует.

— Но это, без сомнения, слово «Вэллис», госпожа,— сказал Церикс. Он положил узор на ладонь и показал его девушке.— И написали Старой Вязью.

Халфемос усмехнулся.

— Я-то читать умею,— изрек он.— Вот только Старую Вязь не разбираю.

— Я ничего не понимаю,— заявила Илна.— Ничего.

— Может, вы сами волшебница, госпожа,— предположил Халфемос.

— Вряд ли.

— Тем не менее,— продолжил Церикс,— похоже, нам стоит отправиться в Вэллис. Лучше бы надпись была подлиннее, чтобы мы могли понять, какова должна быть цель наших поисков. Но, может, разберемся на месте?

Халфемос трижды кивнул, словно пытаясь пробить головой невидимую стену. Он взглянул на Илну.

— Пойдете с нами, госпожа Илна? — спросил он.

Улыбка у него была очень приятной. Выглядела так естественно.

— Да, пожалуй, мне лучше пойти, — сказала Илна. — Я должна кое-что уладить на время моего отсутствия, так что мне понадобится несколько дней.

Церикс откашлялся.

— Если дело в финансах, то у нас с парнем кое-что накоплено.

— Я могу позаботиться о билетах, — возразила Илна. — Вообще-то, мы ищем моего брата...

Она холодно кивнула им на прощание и покинула таверну. Большую часть своей жизни она заботилась о Кэшеле, поэтому мысль о нем всегда хранилась в глубинах ее подсознания.

И это даже к лучшему, ибо в противном случае Илне ни за что было бы не выдержать мыслей о Гаррике в брухе морского чудовища.

17-й день месяца Цапли (позднее)

— *Арсенонеофрис миарсау*, — произнесла Теноктрис уверенным голосом. На это раз она вписала слова силы в равносторонний треугольник на полу храма.

— *Арсенонеофрис миарсау*, — повторила Лизйн. Они с Гарриком оба знали Старую Вязь, но слова заклинания значили для них не больше, чем хлопанье крыльев зяблика, пролетающего над лугом низко-низко и задевающего крылом одуванчики.

— *Арсенонеофрис миарсау*, — подхватил и Гаррик. Ему казалось, что он пытается разговаривать, набив рот речной галькой. Слова вроде бы несложные, но приспособить их для своих целей оказалось удивительно сложно.

Этот портал казался совершенно иным, чем тот, через который они попали сюда из Залива. Теноктрис объяснила: она откроет его только для себя, поэтому ее спутникам

придется самим прочесть все заклинания, повторяя их за ней. Когда они будут проходить, старая леди постарается удерживать проход открытым.

«О Пастырь, протяни мне Свой посох во спасение,— молил Гаррик, ожидая следующей магической фразы.— О Госпожа, направь стопы мои...»

— *Баричаа кмехи*,— продолжала Теноктрис. Она старательно выговаривала каждый звук, а Гаррик вычерчивал их на полу железным ножом.

— *Баричаа кмехи*,— вторила ей Лизйн.

— *Баричаа кмехи*,— подхватывал Гаррик. Галька стала размером с кулак и обожгла горло.

Начерченный на полу храма треугольник разгорелся ярким пламенем, все вокруг него словно потускнело.

— *Абриаот аларфото сет!*— воскликнула Теноктрис. Гаррик увидел, что она поднимается. И... исчезает, растворяется, словно соль в воде.

— *Абриаот аларфото сет!*— голос Лизйн слегка дрожал. И тьма поглотила ее точно так же, как секунду назад — Теноктрис.

Гаррик остался в одиночестве. И чей-то голос — он даже узнал чей, смеялся над ним.

— *Абриаот аларфото сет*,— произнес он. Потом встал, вытянулся, словно стараясь пробить головой невидимую стену. И только когда ноги его коснулись твердой земли, он понял: все получилось.

Тропа, на которой они стояли, светилась, словно покрытая серебром. Теноктрис стояла на коленях; Лизйн помогала ей подняться. Впереди тропа словно бы исчезала, но она вернется, как только Теноктрис продолжит заклинания.

Через открытую местность дул ветер, хотя Гаррик не мог ощущать его порывов, от которых шевелились кусты. Они трое будут оставаться отрезанными от внешнего мира до тех пор, пока Теноктрис продолжает говорить.

Лизйн попыталась подтолкнуть старую леди вперед. Гаррик отступил назад и поднял волшебницу на руки. Она, казалось, весила не больше новорожденного ягненка.

Гаррик начал идти. Он шел походкой человека, которому неведомо предстоящее расстояние, но он все равно продолжит путь во что бы то ни стало.

— *Лао ел нефто*,— шептала Теноктрис, уткнувшись ему в грудь.

Тропа оказалась скользкой и усеянной камнями. Даже овцы поранили бы здесь копытца. Человек же мигом сбил бы себе ноги, даже крестьянин с заглубевшими ступнями, надевающий башмаки лишь после первых морозов.

Гаррик снова слышал смех. Холодный, словно ветер, беснующийся над равниной. Он оглянулся через плечо. Лизйн следовала за ним, шевеля губами. Она выдавила из себя улыбку. Может, она молится?

Рядом с тропой шла нагая женщина с перламутровым телом.

Призрак послал Гаррику воздушный поцелуй и потянулся к горлу Лизйн. И вновь зазвучал отвратительный смех. Он, словно нож, вонзался в сердце Гаррика.

«Дух, что сторожит дома, помоги мне и здесь, в этом месте. Ибо нужда моя велика».

Губы Теноктрис продолжали шевелиться, но до Гаррика не долетало больше ни слова. Глаза старухи были закрыты. Она считала себя слабой. Может, и так, может, она не слишком могущественный маг, только Гаррику никогда не доводилось встречать женщину с такой силой воли.

Он продолжал путь. Дьявольский смех преследовал его, но страшная незнакомка не решалась ступить на тропу.

Лизйн, видимо, и не замечала, кто идет рядом с ними. А может, замечала, да только разве подаст она вид, что боится? Рядом с такими отважными женщинами мужчине и вообще негоже поддаваться страху!

— Еще немножко, паренек,— звучал голос в голове у Гаррика.— Держись, ты уже и так хорошо держишься. Никогда не позволяй им столкнуть себя с пути. И никогда, слышишь, никогда не убегай, если не знаешь, что за следующим поворотом. Можешь быть уверен, как только побежишь, придется жестоко расплачиваться за это.

Гаррик не видел больше колючих кустов. Они все еще были здесь, и он знал: жуткий призрак в обличье прекрасной женщины преследует их. Она рассмеялась — словно рассыпала горстку льдинок.

Ну и пусть. Какая разница? Гаррик осторожно ступал по тропе, ощущая, как сердце старой леди бьется в унисон с его собственным.

Гаррик не помнил, как сумел сделать последний шаг. Его пальцы коснулись скорее камня, чем скользкой, отливающей серебром поверхности, и он растянулся там. Лизэйн рухнула сверху, и они втроем лежали, тяжело дыша.

Земля была усеяна горами листьев и сосновых иголок: ветер постарался. Они снова очутились в храме, маленькой часовне, подобной той, где Теноктрис начертила заклинания в треугольнике.

Ухнула сова, серебристая луна показалась из-за туч.

Видимо, немало времени прошло *где-то* с того момента, когда Залив проглотил их троицу. И теперь они вернулись, вернулись в мир, где появились на свет.

«И Дузи утверждает, что больше я этот мир не покину!»

Пока Ханно готовился втащить плоскодонку дальше на песчаный пляж, Шарина вытащила моток веревки и пошла вперед. На краю обрыва росла сосна, отмечая линию прибоя. Для того чтобы удержаться, ей явно нужно было пустить корни в твердую почву.

— Не могла бы ты отойти с дороги, молодая госпожа? — спросил Ханно, схватившись руками за нос лодки. — Я справлюсь и без твоей помощи.

Шарина проглотила оскорбление. Работая в отцовской гостинице, она привыкла к тому, что мужчины частенько считали, мол, раз она хороша собой, значит, с мозгами у нее туго. Так полагали почти все купцы и гуртовщики, приезжавшие на ежегодную ярмарку. Кстати, и в деревушке Барка многие мужчины реагировали не лучшим образом.

Шарина присела на корточки и обвязала веревку вокруг ствола сосны. Ханно натужно пыхтел: даже для такого

здоровяка, как он, втаскивать лодку на берег было тяжело. Шарина проверила скольжение веревки, а потом завязала еще один узел.

Она усмехнулась. Даже с Илной мужчины поначалу обращались подобным образом. Правда, никто еще не дерзнул повторить ошибку.

Ханно шумно выдохнул. Шарина дернула веревку, отчего первый узел оказался ближе к сосне, потом завязала еще раз. И теперь потирала руки, стремясь избавиться от соли, которой пропиталась веревка.

Ханно усмехнулся. В руке его было длинное копье.

— Мне следует пересмотреть свое отношение к тебе, может быть, извиниться? — спросил он.

— О, это вряд ли, — с ехидцей бросила Шарина. — Ты абсолютно прав, строя из себя дурака, как это делают большинство мужчин.

Великан кивнул и взглянул через плечо на море. Остров, на котором остался лже-Ноннус, лежал к западу, за горизонтом. Не проверив узел на веревке, Ханно вернулся к плоскодонке.

— Наверное, не откажешься от хорошего ужина, молодая госпожа? — спросил он. — У меня есть угли в горшке из сушеной тыквы, так что вода закипит очень быстро.

— Да нет, я вполне обойдусь сушеной рыбой, которую ты дал мне по пути. — Она нсохотно убрала руку с рукоятки ножа. — Сейчас единственное, что мне нужно, — это сон.

— Можешь выбрать себе одно из покрывал. Или оба, если угодно. В это время года погода стоит настолько мягкая, что со мной ничего не случится, если я буду спать просто так.

Он воткнул копье рукоятью в землю. Более всего теперь оно напоминало дерево.

— Ночью тебе не о чем будет волноваться, молодая госпожа, — пробасил он.

— Да я вроде бы и не собиралась. — Шарина посмотрела прямо в глаза Ханно. Она почувствовала себя абсолютно спокойной.

Девушка и вправду очень устала — и физически, и морально. Но мысли так и роились в голове, так что вряд ли сразу уснешь. Кроме того, мешки из толстой кожи, покрытой с одной стороны жесткой щетиной, ужасно воняли. А обижать великана отказом не хотелось.

— Ханно! — позвала она. — Чем ты занимаешься? Я хотела спросить, как ты живешь?

— Я охочусь ради шкур в Байте и продаю их в Вэллесе, молодая госпожа. Потом покупаю оружие. Травоядные люди там делают пластины из рога, опрессованные в кожи. Они полируют их до блеска. А потом еще украшают мозаикой.

Ханно сначала поджал ноги, потом вытянул их. На нем были круглая шляпа, камзол, подпоясанный широким ремнем, с которого свисали инструменты — включая пару ножей, — гетры и мягкая обувь — все из кожи.

— Я и не знала, что Байт обитасм, — проговорила Шарина, тоже присаживаясь. — Я имею в виду, реальными людьми. Насчет Волосатого Народа я наслышана.

Сказать по правде, она вообще слабо представляла себе нынешний мир, если не считать замечательных источников из классики Старого Королевства, изучаемых вместе с отцом. Она прочла «Космогеографию» Катрадинуса. Но Катрадинус умер за сто лет до того, как пришел конец Старому Королевству, а король Карус нашел погребель в пучине морской.

— Мы зовем их Мартышками, — подал голос Ханно. — Это и не люди, хотя настоящими обезьянами я бы не назвал их тоже.

Он помолчал, глядя в сторону моря.

— В Вэллесе есть специальный рынок, где торгуют клыками Мартышек. Сам я предпочитаю не причинять им зла, тогда и они обходят стороной мою хижину. Хотя, как я уже сказал...

Ханно вновь обернулся к ней:

— ...они вовсе не люди.

Шарина расстегнула пояс и положила перед собой пьюльский нож. Временами она снимала его с себя. Слишком тяжелое оружие, чтобы постоянно таскать его на себе.

— Мой друг Ноннус говорил мне: самое трудное — решить за себя, и не решать за других.— Девушка улыбнулась спутнику.— Я рада, что ты не убиваешь других людей ради клыков, пусть даже это всего лишь Мартышки.

Ханно растянулся на спине.

— Мы, байтские охотники, частенько думаем, что мы и сами такие же, как эти Мартышки. Я сам прибыл с Орнифола. Отец мой был каменщиком. У него было тринадцать детей. Мне совсем не улыбалось торчать всю жизнь в деревне. Я пустился на поиски других мест, а потом, лет двадцать назад, осел в Байте. И неплохо выделяю кожи, как видишь.

Шарина лежала на одеяле. Она уже начинала понемногу привыкать к смраду, а может, просто усталость взяла свое.

— Лучше постарайся поспать, молодая госпожа,— произнес Ханно.— Встаем на рассвете.

Может, он и еще что-нибудь говорил, только Шарина ничего не слышала. Она провалилась в сон.

Солдат, натягивавший лук, так далеко высунулся наружу из башни, что Кэшелу пришлось ухватить его за одежду и удерживать от падения. Интересно, почему стрела с граненым наконечником не свалилась, когда лучник целился практически отвесно?

— Убивайте их! — орал трехголовый монстр. Тело его больше всего напоминало пузырь, стоявший на единственной волосатой ноге.

Лучник отпустил тетиву. Стрела, дзинькнув, полетела вперед. Эхо пошло звучать под каменными сводами.

Стрела попала прямо в шею одной из голов монстра.

— Убееее...— начал он снова, но захлебнулся собственной кровью.

Остальные чудовища кишели под стенами башни. Еще одна розоватая вспышка, и Кэшел заметил, как осветились ближайшие кусты и лес вдалеке.

Стукнула лестница. Деревянные стойки, но ступени обиты железом.

Кэшел с силой оттолкнул ее, и лестница вместе с карабкавшимися по ней монстрами пошатнулась. Он мог бы и вовсе уронить ее, но не хватало длины рук. Возясь с лестницей, он ударился головой о кирпич. Удалось. Лестница полетела вниз. В голове зазвенело. По обе стороны от него яростно сражались лучники.

Кэшел ударил по верхушке другой лестницы железным наконечником своего посоха. По ней карабкалось чудовище о четырех руках и с головой змеи. Жало уже почти касалось лица Кэшела. Юноша не двигался с места, хотя монстр рубанул его по руке. Лестница пошатнулась, твари полетели вниз.

Странные вспышки продолжали освещать башню. Кэшелу казалось, он видит разрубленную до кости собственную руку. Он дотронулся до головы, оказалось: на ней кровь. «Истекаю тут кровью, как недорезанная свинья...»

Сталь, камень и дерево сталкивались и ударялись друг о друга. Среди атакующих Кэшел разглядел жуткую тварь со щупальцами осьминога, при этом у нее был торс женщины с четырьмя грудями. В каждой руке по топору, а когти — что у дикой кошки!

От башенки отвалился кусок кладки. Захаг схватил его, подлетел к бойнице и швырнул камень вниз, причем Кэшелу пришлось схватить мохнатого товарища на лету, дабы удержать его. Было уже непонятно, кому принадлежат хриплые выкрики: защитникам башни либо монстрам во дворе. Многие звучали почти по-человечески...

Безголовое нечто с руками как паучьи лапы стало перелезать через башенки. Арбалетчик выстрелил по собачьему туловищу. Чудище осторожно ощупало дыру в груди. Кэшел с размаху нанес монстру удар наконечником посоха. Тот отлетел к стене. Дальний лес озарили новые розоватые сполохи.

Внизу пропела тетива лука. Солдат подле Кэшела выругался и отступил назад. Из его запястья торчала стрела. Потом выдернул ее. Наконечник был сделан из собачьего зуба, он гулко стукнулся, упав на пол.

Лес почти затих, если не считать отдельных криков и воплей. Деревья стояли сплошной темной массой, изред-

ка по ним пробегали цветные вспышки. Восточный горизонт казался освещенным более ярко. Странно, кажется, до рассвета еще далеко. Но так ли это?

— Хорошо поработали, парни! — воскликнул капитан Корас. Голос его звучал устало. Люди со звоном прятали оружие в ножны.

Кэшел услышал всхлипывание принцессы. Он присел рядом с ней, утешая:

— Все порядке, принцесса. Мы спасены.

Хотелось бы ему, чтобы это было так. В любом случае Ария нужны сейчас именно такие слова.

Захаг тоже скорчился возле Кэшела.

— Мы им показали! Теперь будут знать, как лезть на нашу территорию, так, старший?

Кэшел заморгал от неприятного запаха. Должно быть, мохнатый приятель метал в нападавших свое дерьмо вместо снарядов. Ну ладно, стоит ли бранить его за это?

Ария приоткрыла глаза в некотором сомнении. Увидев, что никто не лезет через башенку с ножом в руках, она посмотрела на Кэшела.

— О! Тебя ранили! Ты весь в крови!

— Что? — поразился Кэшел. Он вспомнил кирпич, с которым «поцеловался». Кровь все еще сочится. До чего же мерзко расшибать лоб, хорошо еще, что эти раны быстро заживают.

— Разрешите мне перевязать вас, молодой человек, — обратился к нему капитан Корас. Он принес деревянную плоску с водой. В другой руке у него была мякоть большого гриба, которую высушили и теперь использовали в качестве губки. — Может, ваша дама вначале обмоет вам рану?

— О, госпожа Богиня! — Ария в отвращении отвернулась.

Корас смущенно откашлялся. Он начал смывать кровь с головы Кэшела. От воды рана слегка пощипывала, словно в нее добавили уксуса.

— Если бы ты умер, — заговорила Ария, не глядя на Кэшела, — что бы я тогда делала? О, госпожа Богиня, как ты мог быть таким жестоким?

— Что вы здесь делаете, господин? — обратился Кэшел к капитану Корасу. — Я имею в виду, в этой башне?

— Гриет, у тебя была упаковка шипов, верно? — вместо ответа тот окликнул одного из людей. — Принеси их сюда нашему раненому товарищу.

И снова заговорил с Кэшелом, значительно мягче:

— Мы здесь сражаемся с монстрами, о добрый господин. Мне казалось, это очевидно.

Небо и вправду начало светлеть. Розовый свет зари отражался на шлемах воинов — тех, что носили шлемы.

— Но почему вы здесь с ними сражаетесь? — потребовала ответа Ария. Казалось, она только сейчас начала осознавать, где находится.

— Ну как же с ними не сражаться? — отвечал Корас. Он как будто озадачился вопросом.

Он соединил края раны и крепко сжал их вместе, а солдат с необычно круглыми глазами начал продевать шипы сквозь них. Вначале Кэшел ощущал горячий укол, потом рана постепенно охлаждалась. Кэшел никогда прежде не встречался с подобным способом зашивать рану, но, кажется, получалось недурно.

Рассвет меж тем разгорался. Листья на деревьях снова начали распускаться, а ночью они были спрятаны... Неужели прошло несколько часов? Да может ли такое быть?

— Ох, — воскликнула Ария. Кэшел повернулся, проследив за ее взглядом. Она уставилась на крепкого субъекта с копьем, в нагрудной пластине из железных обручей.

У него была наружность кота, и бакенбарды лишь дополняли ее.

Перехватив взгляд принцессы, он попятился. У солдата с волосатыми руками, стрелявшего из арбалета, ноги тоже оказались волосатыми. Оканчивались же они козлиными копытами, а два отверстия на шлеме выпускали на свободу симпатичные рожки.

— Дулль, опусти лестницу и займись завтраком, — распорядился капитан Корас. — Мег, ступай и ты тоже.

Он отступил в сторону, закрывая собой кошачьеголового субъекта. Тон его голоса казался фальшивым, несмотря на сердечность.

— Мы едим шельфовые грибы, которые растут здесь же, в лесу, добрый господин. Очень вкусные. Пусть служба наша нелегка, но питаемся мы не хуже королей.

Кошачьеголовый и козлоногий спустились по веревочной лестнице. Остальные защитники махали им руками, пока те не скрылись в лесу. Теперь, присмотревшись получше, Кэшел заметил: с остальными тоже не все просто. Даже у капитана тыльные стороны ладоней покрывала чешуя, а на горле виднелись жабры.

— Я все еще под впечатлением от вашей потрясающей храбрости, молодой человек,— заявил Корас.— Вы с вашими спутниками присоединитесь к нам? Таким храбрым воякам должно быть почетно участвовать в столь благородном деле: защищать твердыню против монстров и самой ночи!

Ария, как зачарованная, уставилась на капитана. Буквально как кролик на удава.

Кэшел прочистил горло. Ему не хотелось смущать Кораса, и все-таки...

— Эээ... господин,— начал юноша, поднимаясь на ноги.— Благодарю вас за ваше предложение, только нам лучше отправиться восвояси, пока день на дворе. Я ведь... э... обещал доставить принцессу к матери.

Шипы удерживали кожу на черепе, хотя и давили немного. Боли в ране не чувствовалось, но в голове изрядно гудело.

— Я не обещал ничего подобного,— воскликнул Захаг.— Но я тоже хочу уйти.

— Что ж,— заговорил капитан.— Я понимаю ваше беспокойство, когда нужно исполнить долг. Мы вас проводим. И вы увидите, как добрые пожелания защитников человечества помогут вам.

Веревку прикрепили к двум толстым железным болтам на внутренней стороне стены. Кэшел подвинул Арию к себе. Она двигалась быстрее, чем когда-либо прежде. Захаг уже забрался на башенки, не обращая внимание на лестницу.

— Для меня было настоящей честью встретиться с вами,— сообщил Кэшел.— Надеюсь, ваше сражение будет выиграно.

Только бы солдаты не заметили, что он наблюдает за ними: как бы они не обрезали веревку, пока на лестнице Ария. Не то чтобы она была так уж дорога ему, и все же...

Появился один из солдат с охапкой грибов странного шафранового оттенка. Пахли они свежим хлебом. В животе у Кэшела заурчало в предвкушении трапезы.

— Перекусите на дорожку, добрый господин,— предложил Корас. Пальцы у солдата отличались длиной и волосатостью. Честно говоря, они не отличались от лап Захага.

— Спасибо,— поблагодарил Кэшел. И положил кучку грибов себе за пазуху. После чего поклонился.

Его товарищи уже благополучно достигли земли.

— Да хранит вас Пастырь,— произнес он. И быстро спустился. Помахав приютившим их людям, Кэшел и остальные двинулись в прежнем направлении — к востоку. Ария тянула его за руку: быстрее.

— Когда Силья вынудила нас покинуть двор короля Фолкуина...— заговорил Захаг. Голос его звучал как-то странно, но Кэшел не мог понять, в чем дело.— Тогда была ночь, и место оказалось... как будто нигде. Помнишь?

— Помню, как я проснулся там.

— Я был ужасно рад, что ты проснулся, старший,— продолжал Захаг.— Пожалуй, эти чудаки в башне тоже однажды проснулись в каком-то непонятном месте. Это довольно погано.

Кэшел прочистил горло, но сказать было нечего. И они продолжали путь.

Вместе.

19-й день месяца Цапли

Гаррик присел на каменный выступ, который раньше был частью колоннады часовни. Колонны упали, увлекая за собой купол. Гаррик тяжело дышал, мышцы ног мелко тряслись.

С тех пор как они очутились в этом странном месте, он не мог отдохнуть по-настоящему.

Из храма вышла Лизэйн и приблизилась к нему. Она тоже слегка дрожала, но все ж выглядела куда лучше, чем Гаррик.

Нервы юноши были просто на пределе. Всякий раз, глядя в сторону, он как будто замечал женскую фигуру, улыбавшуюся адской улыбкой.

— Теноктрис в порядке, — сообщила Лизэйн. — Хочет что-то проверить.

Гаррик быстро взглянул на нее. Лизэйн кивнула.

— Да, это заклинание. Я не хотела его слушать.

Она присела подле Гаррика. Он подвинулся.

— Гаррик? — произнесла девушка. — Что-то ведь произошло, когда мы шли сюда? Там был кто-то?

— Она не смогла до нас добраться, потому что мы не сходили с тропы, — пояснил он, не глядя в глаза Лизэйн. Ответ получился уклончивый, он и сам не был уверен, что говорит правду.

— И потому, что Теноктрис не прекращала заклинаний, — добавила Лизэйн, бросая взгляд на луну, переливавшуюся перламутром, как и тело нагой женщины, чей отвратительно холодный смех еще звучал в ушах Гаррика.

— Вот эти колонны, должно быть, упали недавно, — перевел разговор на другое юноша, показывая на колонны. — Вокруг них растет жимолость, но проростки сосен еле видны.

Лизэйн недовольно нахмурилась. Она потянулась за его рукой и сжала ее.

— Наверное, это случилось из-за землетрясения два года назад, — предположила она. — Я тогда училась в Академии госпожи Гудеа. Вэллис особенно не пострадал, но древнему дворцу крепко досталось.

— Два года назад? — Теноктрис стояла в дверях.

Молодые люди подпрыгнули от неожиданности. Гаррик отдернул руку от Лизэйн.

— Я бы предположила, что срок несколько больший, — меж тем рассуждала Теноктрис. — Но сила, вероятно, долгое время дремала, прежде чем произвести необходимый эффект в физическом мире.

— Эффект? — удивился Гаррик.

Теноктрис улыбнулась. Вид у нее был истерзанный, но она крепко держалась на ногах. В руке у старой леди был срезанный для нее Гарриком ивовый прут.

Теноктрис позволила Лизэйн взять себя за руку, держась при этом крайне независимо. Она уселась на упавшую колонну.

— Что-то идет сюда, — промолвила она. — Я имею в виду именно это место, а не весь наш мир. Но не знаю, что это такое.

Гаррик и Лизэйн оба уставились на волшебницу. Гаррик вытянул руки. Теноктрис весила совсем немного, но ему пришлось так долго нести ее по серебристой тропе...

— Это та самая штука, которая доставила нас сюда? — спросила Теноктрис.

Гаррик выпрямился.

— Нас никто сюда не доставлял!

И сам удивился своей горячности. Кашляя, он продолжал:

— Я имею в виду, наше попадание сюда было делом случая. Мы ведь собирались в Вэллис, верно? Но случайно и в Заливе, и в другом месте оказались подобные часовни.

Теноктрис туманно улыбнулась.

— Как тебе известно, я не верю в Великих Богов, — начала она.

— А я верю, — с горячностью возразила Лизэйн. — Теноктрис, вряд ли все дело в одной удаче.

Теноктрис пожала плечами.

— В судьбу я тоже не верю. Но если допустить, что все эти события управляются врагом, королевой или еще кем-то, кто хочет справиться с нами через Малкар — лучший совет, который я могу дать нам всем, это сдаться. Та сила, что смогла перенести нас через все эти тоннели в нужное место, вряд ли может быть побеждена, и не нам, людям, замахиваться на нее.

Гаррик улыбнулся. Женщины скользнули по нему ничего не выражающим взглядом.

А Гаррик продолжал улыбаться, и теперь его лицо сияло так же, как это было на Овечьей Ярмарке, когда он

победил в честном бою одного из телохранителей купца. Молодчик досаждал Шарине, пришлось его отвадить.

— Что ж, тогда все просто,— заявил юноша.— Я хочу сказать, мы ведь не собираемся выйти из игры, верно?

— Нет,— прошептала Лизйн.

Теноктрис вдруг заулыбалась сама.

— Значит, мы можем быть уверены, что Великие Боги на нашей стороне,— пояснил Гаррик.— Или судьба, или...

Гаррик развел руками.

— ...некий друг, какой-то *игрок*, достаточно умный, который мог все это затеять. Мы собираемся продолжать, так что можем верить, что в конце концов выиграем.

Он всегда отличался патриархальной религиозностью. Атеизм и вольнодумство оставались уделом богатых городов, а в деревнях суровые зимы и штормы могли означать голодную смерть для многих.

Но истинная вера была далека от бытовых суеверий. Госпожа и Пастырь были слишком хороши для местечка под названием Барка.

Что же касается Дузи, Гаррику нравилось думать о нем, когда он пас своих овец, нравилось пребывать под защитой славного Бога. Может, и вправду существовал такой Дузи, которому было приятно подношение гирлянд и кругов сыра, оставляемых пастухами на камне с его изображением. Это ведь недорого, по карману даже бедному пастуху — круг сыра и гирлянда из цветов.

Гаррик не изменил своим верованиям, а сейчас еще острее ощутил ту же потребность в защите и покровительстве высших сил. Если приходится иметь дело с вещами, слишком сложными для контроля, всегда лучше, когда есть некто, на кого можно переложить хоть часть тягот.

— Я б пожертвовал здоровенный кусок сыра,— произнес он, позволяя улыбке раздвинуть потрескавшиеся губы.— Даже целый круг сыра не пожалел бы. Просто не знаю, где его оставить.

Лизйн уставилась на него в ужасе: вероятно, решила, что ее товарищ попросту спятил. Теноктрис тоже заулы-

балась, а в глубинах сознания Гаррика высокий загорелый воин — король Карус — рассмеялся от удовольствия.

— Тебе понадобится еще сколько-то времени пробыть здесь в поисках, Теноктрис? — нервно спросила Лизйн. Она решила, что смеются над ней. Гаррик снова сжал ее руку.

— Теперь я поискала бы здесь кровать для ночлега, — откликнулась старая волшебница. — Кое-что мне удалось здесь узнать, но больше пока ничего не нужно.

Она скупно улыбнулась. Веселая она женщина, почти всегда выглядит счастливой и вполне довольной собой. И это несмотря на все беды, обрушившиеся на ее голову.

Она приподнялась.

— Похоже, все получилось. Как и прежде. Правда, я никогда не отличалась склонностью к приключениям, даже будучи в вашем возрасте.

Гаррик нахмурился.

— Мы, кажется, примерно в миле от самого Вэллиса? — спросил он Лизйн.

Та кивнула, сразу уловив его мысль.

— По меньшей мере. И еще полмили до гавани, где находится больше всего постоянных дворов. Я схожу за коляской, а ты присмотри за Теноктрис.

Она дотронулась до талии, услышав успокаивающий звон металла. Лизйн носила остатки отцовского богатства в звонкой золотой монете в кошельке под туникой. Здесь было более чем достаточно сандракканских «всадников», чтобы купить корабль, не говоря уж о найме коляски или паланкина с четырьмя носильщиками.

— Я пойду, — предложил Гаррик. — Тебе лучше побыть здесь. Даже если Вэллис — настоящий рай в сравнении с Эрдином или Каркозой, все равно здесь не место для одинокой девушки с целой кучей денег.

У Гаррика в кошельке были лишь серебро и бронза, но от них в данном случае куда больше толку. Если не считать его отца Рейзе да дядьки Катчина-Мельника, никто в их деревне в глаза не видел такой кучи денег, какая сейчас была у юноши. Да и Рейзе не видел столько с того дня, когда он покинул Каркозу с женой и двумя новорожденными младенцами после погрома.

Лизэйн сдержанно улыбнулась дежурной улыбкой.

— Нет, Вэллис вовсе не рай. Особенно северная часть города, куда мы направляемся. Я забыла, что в прошлом со мной всегда ходили слуги моего отца или госпожи Гудеа.

Она кивнула в сторону часовни.

— Путь здесь непростой, все заросло кустарником и лианами. Госпожа Гудеа всегда посылала вперед слуг расчистить дорогу.

— Я сумею отыскать путь, Лизэйн,— мягко произнес Гаррик.— Даже в темноте.

Эта девчонка, видимо, держит его за горожанина-белоручку, способного заблудиться в трех соснах.

Хотя, пожалуй, беспокоило его не то, что сказала Лизэйн. Тут было нечто непонятное...

— О, прости...— начала девушка.

Гаррик порывисто прижал ее к себе.

— Это ты меня прости. Я боялся прослыть дураком. И тогда мы можем все потерять.

Лизэйн поцеловала его в щеку.

— Мы ничего не потеряем. Госпожа и Пастырь на нашей стороне, ты же помнишь?

— Верно,— согласился Гаррик, поворачиваясь, чтобы идти, и едва не врезаясь на ходу в толстый ствол бука.

Он счастливо рассмеялся и начал насвистывать «Веселого пахаря». Он много раз играл эту мелодию на свадьбах и праздниках урожая. И плясал под нее, высоко подпрыгивая и кружась, в то время как Лупа ос-Кведдин отбивала ритм деревянными ложками на ведрах. Интересно, учила ли госпожа Гудеа своих подопечных отплясывать джигу?

Старая дорога оказалась ближе, чем Гаррик ожидал. По правде говоря, он просто шел и не задумывался, что делает. Даже плотно растущие повсюду лианы, мешающие идти, не могли лишить его доброго расположения духа.

Корни переплелись под ногами, образуя замысловатый узор. Гаррик пытался идти по ним, потом решил обходить хитросплетения стороной. Старая дорога помогала дер-

жать нужное направление, но по лесной почве идти было легче.

Он услышал собачий лай: похоже, гончие рвутся с поводка. В этих местах должна быть удачная охота. Правда, то, что понимал под охотой Гаррик — с луком и стрелами, на белок — сильно отличалось от королевских выездов в воспоминании Каруса.

Этот проблеск сознания величественного предка заставил Гаррика подумать: стоит ли старый дворец до сих пор на королевской земле. Это могло бы объяснить, почему его заново не отстроили. Владения, находящиеся так близко от Вэллеса, ценятся не за руины и пыль.

Он продолжал беспечно насвистывать. Подумал: а неплохо будет при случае вырезать себе пару дудочек. Близ Орнифола должны быть тростник и воск.

Залаяла собака, лай звучал визгливо, возбужденно. Гаррик оглянулся. Гончая приближалась.

Еще три собаки заливались лаем, также двигаясь в сторону юноши.

— Эй! — крикнул Гаррик, поднимая посох. — Убирайтесь-ка отсюда!

Он не испугался, просто был удивлен и немного зол. Псы, даже крупные, все вместе, пожалуй, не уступят по весу здоровяку вроде Гаррика. В Эрдине диких сторожевых псов в шипастых ошейниках приковывали цепями к дверями богатых домов или пускали разгуливать на длинном поводке, чтобы никто не позарился на женщин или добро. Но эти псы все-таки были просто охотничьими собаками...

Гаррик прислонился спиной к дереву. Если несколько собак собьются в стаю, никогда не знаешь, чего от них ожидать. В этом они подобные людям.

Этим псам лучше вернуться к своим енотам, оленям или на кого там охотятся жители Орнифола. Иначе Гаррику придется пару раз ткнуть им в нос острием меча.

Охотник в плотно облегающем фигуру камзоле и бриджах вышел из леса. В одной руке он держал оправленный в серебро рог, в другой — копье. Собаки снова залились оглушительным лаем, приводя Гаррика в бешенство.

— Это ваши? — раздраженно спросил он. — Лучше убедите их от меня!

Не отвечая, охотник протрубил в рог дважды. Рог был явно не коровий, к каким Гаррик привык, а, скорее, на поминал бараний или козлийный.

— Я же сказал: уберите собак! Так-то вы встречаете гостей у себя на Орнифоле! Пускай Сестра заберет вас к себе за это!

Тень Каруса разразилась проклятиями, едва не вырвавшимися на поверхность. Он всегда так поступал, когда юноша испытывал сильную злость. Охотник отпрянул, но копые наставил на грудь Гаррику.

Ох, лучше бы он не делал этого! Гаррик явственно представил, как его меч покидает ножны и пронзает грудь самозванца. Пара взмахов — и собаки отлетают в стороны, лай их захлебывается кровью. Взмах назад — и та же участь постигает третьего пса.

В темноте показался человек дворянского сословия. С ним — еще шестеро, в шлемах и кольчужных рубахах. Солдаты, не охотники. У троих — копыя наперевес, остальные достают мечи.

«Меч всегда удобней стрел в такой лесистой местности», — довольно хладнокровно отметил король Карус в глубине сознания Гаррика.

— Следите за ним, лорд Ройяс! — крикнул охотник. — У него меч!

— Отзовите собак! — велел дворянин. — Думаете, за их лаем можно хоть что-нибудь услышать?

Гаррик внезапно осознал, что его одежда, хоть и хорошо сшитая, превратилась в нечто неприглядное. Последний раз они стирали свои вещи еще в Заливе, но туника насквозь пропотела и покрылась неотстирываемыми пятнами.

Охотник опустил рог и копые. Он ухватил двух гончих за ошейники. Третья последовала за хозяином и собратьями, все еще дрожа от возбуждения.

— Благодарю вас, господин, — облегченно вздохнул Гаррик. Он позвенел монетами в кошельке, висевшем на поясе. — Меня зовут Гаррик ор-Рейзе, я из Хафта. Боюсь, выгляжу я весьма потрепанным, но я не бродяга.

Как приятно расслабиться. Пронзительный лай до сих пор эхом звенит в ушах.

— Признаться, я решил, что вы он самый и есть, — мягко произнес вельможа. — Я — Ройяс бор-Боллиман, мастер королевской охоты.

Солдаты не спеша приближались. Они могли легко отобрать у Гаррика оружие.

Двое спрятали мечи в ножны. По крайней мере, им ничего не стоило обезвредить юношу в случае попытки нападения.

— Давайте заберем это, господин, — предложил один из солдат, присев на корточки у меча Гаррика и начиная отстегивать ремень. Трое взяли юношу за руки, и их мечи находились в опасной близости от его лица.

— Что все это значит?! — взревел Гаррик. Он не испугался, наоборот, наблюдал за происходящим с каким-то холодным любопытством. Год или даже несколько месяцев назад он был бы шокирован и напуган. Теперь он стал совершенно другим человеком.

Пути назад не было.

— Королю Валенсу сообщили, что скоро сюда придет некий претендент на трон, объявивший себя наследником древней династии, — объяснил Ройяс. Ему было под тридцать, и двигался он с грацией человека, много времени проводящего на свежем воздухе. — Мастеру охоты сподручнее прочих выследить его. Эти люди — члены моего собственного двора, не королевские воины.

Ройяс указал на державших Гаррика солдат. Один из них уже отстегнул ремень на Гаррике. Остальные завели юноше руки за спину — резко, но без лишнего насилия. Он не сопротивлялся. Еще один солдат связал руки шнуром. Кажется, шелковым.

— Ни на какой трон я не претендую, — проворчал Гаррик. Он сжал запястья, в то время как ему связывали руки. Но те, видно, знали этот трюк: его ударили по локтям рукояткой меча. Мышцы юноши пронзила резкая боль, и узел стянули уже по-настоящему.

Откуда мог Валенс узнать о прибытии Гаррика? И каковы теперь его намерения?

— Мастер Силийон, королевский маг, так не считает,— спокойно произнес Ройяс.— Довольно неприятная работенка, скажу я вам. Но ведь насчет вашего прибытия он как в воду глядел, а?

Солдаты привязали концы узла, стянувшего руки Гари-ка, к своим поясам, чтобы пленник не убежал.

— Мы посадим вас в крытую повозку и прочедем округу в поисках ваших друзей,— произнес Ройяс. Он улыбнулся.— Мой владыка-король повелел, чтобы вас тихо лишили жизни. Словно вы никогда и не жили на свете.

Шарина присела на корточки возле трех гигантских папоротников. Рододендроны, растущие рядом, поблескивали глянцевыми зелеными листьями.

— Подожди минутку,— попросила она Ханно.

Она не то чтобы сбилась с дыхания, просто ноги ее отвыкли от долгих прогулок после вынужденного бездействия на корабле и в лодке Ханно. Местность здесь была даже не холмистой, а, скорее, гористой. Безвестные путники, прошедшие этой дорогой прежде, сделали что-то вроде поручней по обе стороны от тропы. И это облегчало подъем. И все-таки Шарина недоумевала: как охотник ухитрился затащить наверх тонны снаряжения?

— Уже недалеко, молодая госпожа,— откликнулся Ханно.— Реки текут на север и восток, но мы с моим партнером Ансулем решили, что лучше подняться немного и сберечь пару дней пути до Вэллеса. Другие считают иначе, но на их лодках обычно есть паруса.

Над ними пролетела бабочка с крыльями размером с ладонь Шарины, направляясь к цветам на ветвях. Одна из таких бабочек приземлилась на плечо Шарины, и вес у нее оказался немалый, а цепкие лапки удивительно крепко прихватили кожу.

— Ищет соль,— бесстрастно прокомментировал Ханно. Он нес с собой только оружие — гигантское копье и ножи, пристегнутые к поясу.— Если бы я нашел способ добираться до Вэллеса на крыльях, я стал бы богатым человеком.

Насекомое на плече Шарины сидело слишком близко, чтобы можно было сфокусировать на нем взгляд. Крылышки у него были в черно-белую полоску с красными пятнышками.

По сравнению с другими бабочками в низине эта выглядела весьма скромно. Шарине всегда было не по себе при мысли, что таких красавиц могут ловить и убивать ради украшения причесок придворных дам.

Бабочка коснулась шеи девушки. Та охнула. Махнула рукой, и на пальцах остались следы красочной пылицы.

— Ну вот,— усмехнулась Шарина.— Хороша же я — рассуждаю о том, что кто-то причиняет вред бабочкам, а сама...

Ханно улыбнулся, если можно было эту гримасу назвать улыбкой.

— Не забивай себе голову,— бросил он.— Бабочки-то уж точно ни о ком не заботятся. Некоторые люди считают, что сидеть и красоваться — уже достаточно, но я не из их числа.

Он поднялся на ноги.

— Идем дальше?

Шарина тоже встала.

— Мы с Ансулем завтра натянем кабель и приведем в движение ворот, чтобы поднять запас в хижину,— сообщил охотник.— Сейчас уже поздновато, только без толку провозимся. Подумаешь, посидим еще денек на мясе без лепешек, беда какая!

Он подвел Шарину к дереву панданус. Воздушные корни отходили от каждого из чешуйчатых стволов. Здесь земля существенно понижалась, значит, во время грозы ее может заливать.

— А что с лодкой? — задала вопрос Шарина. Они оставили плоскодонку привязанной за нос и корму в бухточке в тени пальм. Берег там вообще отсутствовал, одни скалы. Начнись шторм — и суденышко разобьет в щепки.

— Спрячем ее прямо на пальме, и пусть лежит до следующего раза, когда она нам понадобится,— сообщил охотник.— Сзади горы, они прикрывают бухту от сильных ветров. Поэтому и деревья там такие большие.

Шарина услышала жужжание и обернулась. На лиане надувался чудовищный гриб величиной с человеческую голову.

— Что это... — пробормотала она.

Гриб источал жуткое зловоние, с него поднялась туча мух.

Ханно расхохотался.

— Никогда не сталкивалась с грибом-вонючкой, молодая госпожа? Но вот что я скажу тебе по секрету: когда я заготавливаю шкуры, в хижине порой воняет не хуже!

Они пересекли небольшой склон и двигались теперь вдоль устья речушки, протекающей в базальтовых берегах. Папоротники, гигантские филодендроны, заросли кучерявого мха покрывали их сплошной шапкой.

Шарина почуяла аромат дыма и чихнула.

— Кажется, мы пришли...

Запах разлагающейся плоти заставил ее зажать нос и рот. «Ханно предупреждал меня, но я не думала, что будет так ужасно...»

Жители дереvушки Барка не отличались привередливостью, но мясо всегда считалось ценным продуктом. Поэтому от туш свиней или овец оставалось очень мало испортившегося мяса, которое, впрочем, тут же закапывали в землю вместе с гнилыми овощами для получения удобрения.

Охотник куда-то исчез.

— Ханно? — позвала Шарина. Она прошла еще пару шагов вверх по течению, держа пальцы на рукоятке пьюльского ножа. По коже пробежали мурашки.

Она слышала жужжание мух.

Перед девушкой открылась поляна, заросшая бамбуком и глициниями. Сзади, у скалы, притулилась хижина, и ручеек плескался прямо возле ее фундамента. Балки все еще тлели, хотя большая часть строения уже успела выгореть.

Мухи поднимались огромной тучей. На земле лежало три тела, от четвертого же осталось немного.

Шарина выхватила нож и прислонилась спиной к дереву, раскрыв рот от ужаса.

Ханно вынырнул из-за листвы с другой стороны ручья. Выражение лица его не изменилось, вот только суровая печать коснулась его.

— Они были здесь и ушли,— тихо промолвил он.— Не так давно, чтоб я не смог схватить их.

— Кто, Ханно? — спросила девушка. Голос ее звучал странно, словно чужой. Но пьюльский нож не дрожал в руке.

— Мартышки,— бросил охотник. Он перевернул одно из тел копьём, чтобы Шарина могла рассмотреть.

Тело скорее напоминало человеческое, но его покрывал густой слой рыжеватой шерсти. Развитая грудная клетка, длинные мускулистые руки напоминают кошачьи лапы. Зато кривые ноги уродливы, а череп — куполообразный, с мощными надбровьями.

Рот существа ввалился в уродливой предсмертной гримасе. Из рта торчали желтоватые клыки.

— Волосатые люди,— проговорила Шарина.— Коренные жители Байта, если верить «Космогеографии» Катрадинуса.

Ханно снова перевернул труп. От удара о землю из располосанного живота вывалились кишки.

— Мартышки,— повторил он и подошел к расчлененному трупу. Поднял голову молодого мужчины со шрамом на правой щеке. Волосы его были ярко-желтого цвета, вот только в том месте, где проходил еще один шрам, они оказались белыми и заметно поредевшими.

— Убогий у тебя вид, Ансуль,— пробормотал Ханно.— Думаю, тебе будет лучше отправиться в Вэллис. Прогулка по морю подбодрит тебя.

Шарина присела на корточки, опираясь спиной о дерево. Ханно положил голову партнера обратно на землю.

— Надо залезть вон на то обезьянье дерево-загадку,— кивнул он на гигантскую араукарию, росшую возле ручья за хижинкой.— Хоть они и смахивают на обезьян, но по деревьям лазать не умеют. Посидишь там, пока я не вернусь.

Он исчез в лесу, кинув ей уже из-за зеленоватого покрова растительности:

— А то возьми лодку, если сумеешь с ней справиться, молодая госпожа. Я постараюсь обернуться побыстрее.

И все звуки затихли, остались лишь плеск воды в ручье да потрескивание догорающей хижины.

Шарина осмотрелась. Она не боялась. Разумеется, нельзя не верить Ханно относительно существующей опасности, но страх, как это ни удивительно, покинул ее.

Так что сейчас девушка ощущала лишь досаду от внезапного исчезновения охотника. Но он не мог ждать. Кроме того, его поведение можно расценивать как явный комплимент ей, Шарине. Он знал, что она справится сама.

И она тоже это знала.

Радужная кора ближайшего эвкалипта привлекла ее внимание. Она подошла и потрогала дерево рукой, а потом ковырнула ножом.

Выступил сок. Шарина повернула нож и ковырнула еще раз. Отлетела довольно крупная щепка. Дома в ее обязанности входило добывать щепки для растопки. И ей хорошо это удавалось. С четвертого удара она разрубила ствол, хотя ветви эвкалипта сплелись с другими и живица не потекла. Шарина потянула ветки на себя и прислушалась.

Дерево за ее спиной разразилось криками:

— Дура ты! Дура ты! Дура ты!

Девушка обернулась. Потом поняла: кричит птица или ящерица. Она усмехнулась. Кто бы это ни был, он прав.

Она обрубила ветви над разветвлением и перерубила ствол. Из более толстой части вырубил колоду и выдолбила углубление.

Она стала копать на противоположной стороне ручья. Почва была желтой, глинистой, копать такую сложно, даже когда земля влажная. Когда же высохнет — вообще превратится в камень.

Семейство Шарины владело настоящей лопатой с обитыми железом краями, в то время как остальное население деревни копало землю подобными палками. Сук внизу помогал упираться ногой.

Она не пыталась выкопать настоящую могилу — всего лишь яму для останков тела Ансуля. Его убили всего-то

пару дней назад, но в душном климате плоть уже начала разлагаться. Шарина без отвращения собрала останки, потом вытерла руки листьями бамбука, прежде чем снова взяться за лопату.

Кости Ансуля, похоже, грызли и глодали, высасывая мозг. Но на лице Шарины не дрогнул ни один мускул, когда она копала новую яму, на сей раз — между корнями громадного дерева.

Хорошо, что есть чем заняться. Работа всегда занимает мысли и чувства, при этом забываешь о страхе и одиночестве.

Волосатые люди были сражены оружием с широким лезвием, и удары оказались весьма сильными. Одного практически выпотрошили, другому снесли голову, а мертвую женщину разрубили вдоль от горла до живота. Выжившие — а сколько их могло быть в шайке? — бросили трупы и скрылись. Лишь то, что тела не были съедены, указывало на родство остальных с погибшими.

Шарина побросала Волосатых в яму. Она также не отличалась глубиной, ее едва хватало, чтобы сложить тела и, закрыв листьями, забросать слоем земли.

Теперь она ничего не должна Волосатым, но, если останется здесь, нужно придумать, как справиться с вонью.

Покончив с похоронами, Шарина принесла крупные камни и устроила нечто вроде пирамиды в изголовье могилы Ансуля. Кто знает, что за хищники обитают в здешних лесах, но такие мощные камни должны помешать даже диким кабанам.

Правда, насчет Волосатых она таких мер предпринимать не стала. Пока она здесь, никто не будет их выкапывать, а дальше — не ее забота.

Шарина облокотилась на лопату, тяжело дыша. Плечи болели, ладони оказались стертыми до крови, нога ужасно гудела: видимо, она слишком сильно налегала на лопату...

«А вот Ноннус каждый год копал свой огород такой же точно палкой-копалкой».

Эта мысль мелькнула в голове у Шарины. Он присела на корточки и внезапно разрыдалась. Спустила несколько

минут — а может быть, и часов, как знать! — она начала горячо молиться Госпоже, и в этот момент пришло спокойное, уверенное ощущение присутствия Ноннуса рядом с ней.

Шарина подняла глаза. Лес оглашало множество звуков, но единственным движением была мелькнувшая солнечная вспышка.

Она не одинока. Ее друг Ноннус погиб, но не покинул ее. И лучше помнить об этом здесь, в далеком лесном убежище.

Шарина встала. Она снова улыбалась. Пока они шли сюда, ей на глаза попадались сочные фрукты, росшие на деревьях. Птички с ярким оперением лакомились мякотью плодов, а значит, для человека они безвредны. Если вкус не придется ей по душе — что ж, не впервой ложиться спать голодной.

Когда они с Ханно добрались до хижины, солнце стояло в зените. Теперь оно уже клонится к закату. Но у нее есть еще время соорудить себе простенький шалаш из листьев и коры — на случай дождя.

А еще девушка вырезала на куске коры лик Госпожи и поставила его в изголовье могилы Ансуля.

Она насвистывала негромкую мелодию — колыбельную, которую ее отец привез из Орнифола, чтобы петь своим детям. Слова казались ерундовыми, но они успокаивали душу.

Нужно еще создать хитроумную сеть из нитей и камушков, чтобы быть готовой: вдруг кто-нибудь нападет в темноте. Сердцевина эвкалипта вполне сойдет для этого.

Но Шарина несколько не терзалась страхом: ведь Ноннус с ней и, если что, не даст ее в обиду.

А он всегда начеку.

Илна ожидала, что у них возникнут трудности с поиском корабля, плывущего прямо из Эрдина в Вэллис, ведь между герцогом Сандракканским и королем Валенсом не прекращалась холодная война. Но оказалось, это несложно:

ее и Майдуса немедленно отправили к «Полярной Звезде», отплывающей завтра днем.

Ведавший отгрузкой человек не стал ничего предлагать ни ей, ни мальчику, когда заглянул в глаза Илне. Она знала: спасти брата — ее долг, но все равно раздражалась из-за необходимости бросать все. При свете заходящего солнца она, должно быть, выглядела куда более суровой и нелюдимою.

Девушка усмехнулась. А может, наоборот, такой, как нужно?

Она сморщила нос. Эрдин — речной порт. В Барке люди тоже спокойно бросали в воду отходы, но тамошние нечистоты все же не шли ни в какое сравнение со здешними.

— Никогда я не привыкну к этому запаху, — заявила она. — Но, если не придется возвращаться, значит, и привыкать ни к чему.

— Не говорите так, госпожа, — с несчастным видом пробормотал Майдус. — Вы должны вернуться!

Будь у нее такое желание, Илна могла бы вы ткать узор, повествующий о ее будущем и жизнях ее товарищей. Она улыбнулась, но очень уж невесело. Ладно уж, все и так отвратительно, так зачем же еще узнавать об этом заранее!

Илна взглянула на мальчика.

— Ты остаешься с капитаном Водером! — сказала она. — Это еще лучше, чем со мной. Просто не забывай выполнять то, что он велит. Ничего страшного в нем нет.

Майдус сморщился.

— Вы думаете, что вы не страшная, госпожа Илна? Да любого в Кресченге спросите, всяк скажет, кто страшнее — Водер или вы!

— Значит, они ничего не соображают, — мягко проговорила Илна. — Хотя, если бы люди вели себя поспокойнее, нам с Водером жилось бы куда лучше.

Интересно, так ли это. Сейчас этого уже не выяснишь.

Илна договорилась о пропуске на корабль для троих за двенадцать серебряных «герцогов», совсем новеньких, так что профиль герцога Сандраккана отчетливо проступал на них. Капитан «Полярной Звезды» вначале запросил

было по золотому «наезднику» — или двадцать пять «герцогов» — с каждого из пассажиров.

Илна скривилась. Она запросто могла бы заплатить столько же, и в десять раз больше, если бы понадобилось. Это не проблема. На какое-то мгновение гнев против жадюги-капитана, решившего, что может одурачить ее, захлестнул девушку. Она даже потянулась за веревкой — проучить шельмеца.

Но остановила себя. Довела переговоры до конца, и вот уже Илна и капитан ударили по рукам.

Если она не будет сдерживать свой гнев, такие вспышки приведут ее прямиком в ад.

— Если бы я знал, что замышляют эти волшебники, я бы... — начал Майдус.

— Они сообщили мне, что мой брат в беде, — резко перебила его Илна. — Разве ты утаил бы от меня такую весть, Майдус?

Парень хотел было ответить «Еще как!» — но опомнился и вяло пробормотал:

— Нет, госпожа.

Халфемос и Церикс были достаточно умны, чтобы догадаться: в Кресчене есть люди, которым очень невыгодно отпускать Илну ос-Кенсет. Так что Халфемос подбирался к ней при помощи постепенных шагов и новых заклинаний.

— Мне бы тоже хотелось уехать, — сказал Майдус.

— И путаться у меня под ногами? — бросила Илна. — Нет уж, благодарю покорно.

Это было неправдой, но как иначе отводишь мальчишку, на все готового в отчаянии. Майдус уже зарекомендовал себя весьма неглупым и решительным малым.

Правда звучала примерно так: я не хочу брать тебя с собой, потому что некие могущественные силы, проглотившие Кэшела, слишком опасны, чтобы впутывать в это еще и тебя. Впрочем, если бы Илна сказала так, мальчик сумел бы просочиться на корабль вместе с ней — пусть даже привязался бы к мачте «Полярной Звезды».

С заходом солнца порт в Эрдине не прекратил свою работу, но в основном сейчас шла подготовка товаров к

утренней погрузке. Фонари светили довольно тускло, случайная искра могла привести к пожару, поэтому вся деятельность совершалась медленно и с большой осторожностью.

Небо было еще довольно светлым. То, что не успели отвезти на хранение, оставляли на месте, закрыв сетками, чтобы помешать воровству. Повсюду стояли стражи с фонариками.

Илна хихикнула.

— Госпожа? — неуверенно произнес Майдус.

— Ленъ предотвращает больше преступлений, чем работа ума, — сообщила она.

Парнишка озадаченно взглянул на нее.

Они находились возле скромных размеров корабля, практически такого же, на каком отплыли друзья Илны. На закругленном носу красовалась оловянная табличка с изображением чайки, парящей над волной.

Большинство судов охранялось людьми с дубинками. А это стояло без охраны. Не то страж уснул, не то судно было в таком состоянии, что капитан решил не тратить на охрану.

— Я вернусь как можно скорее, Майдус, — проговорила Илна, и голос ее звучал непривычно мягко. — Мой первейший долг — в отношении брата. Хотя...

Она натянула капюшон плаща и проверила карманы, где лежал пояс. Несмотря на скудность освещения, она поняла: узор не изменился.

Илна рассмеялась, но грустно.

— Мой главный долг, — поправила она себя, — относится к Лизэйн ос-Бенлиман. Я плохо с ней обращалась без видимой причины. Но Лизэйн, похоже, и сама может о себе позаботиться.

— Госпожа Илна, а если я пообещаю, что... — начал мальчик.

Четыре фигуры отделились от темноты возле корабля. Они не были людьми, несмотря на одежду моряков. У них были змеиные морды и чешуйчатое тело. Пусть Илна не видела трупа, обнаруженного братом, она догадалась, что перед ней — Чешуйчатые люди.

Петля мелькнула в руках Илны, прежде чем она даже успела осознать грозящую ей опасность. Один из Чешуйчатых тащил дубину, утыканную гвоздями. Все они опасны, а у одного еще и кривая сабля за поясом.

Майдус за ее спиной гневно завопил, потом послышался звук удара — и тишина. Илна резко обернулась, не выпуская лассо. Сзади обнаружилось еще двое Чешуйчатых. Непонятно, где они прятались. Мальчик лежал лицом вниз, истекая кровью, а Чешуйчатый поднимал палицу для нового удара.

Шелковое лассо обвилось вокруг шеи чудовища, ударившего мальчика. Илна толкнула второго Чешуйчатого к первому, при этом отскочив в сторону. Удар дубинкой пришелся тому по голове, и оба рухнули наземь.

Илна схватила Майдуса за одежду. Ее собственный плащ распахнулся, и это заставило ее задержаться. Петля и нож выпали из рук, когда чешуйчатые лапы сомкнулись у нее на запястьях.

Твари не издавали ни звука. Схвативший ее промолчал, даже когда она вонзила клинок прямо ему в руку.

Ей вцепились в волосы. Она резво обернулась и укусила сухую, словно змеиную кожу, плоть.

Девушка не ощутила удара дубинкой, просто услышала звук. Внезапно все вокруг побелело. Она перестала видеть, словно долго смотрела на солнце в жаркий летний день.

Илна не звала на помощь. Никто и не побежит помогать перепуганной женщине в доках, разве что сам захочет поучаствовать в насилии. Будь она проклята, если станет тратить на крики драгоценное дыхание!

Чьи-то руки подняли ее. Она подумала, что запястья и лодыжки уже связаны, но не была в этом уверена. Звучали голоса, но они не принадлежали людям.

И вот ее снова уложили на деревянный помост, пахнущий сырой древесиной. Глаза все еще слепил невыносимый свет.

Через палубу тянулись швартовы. Дерево поскрипывало в такт качке корабля.

На реке Эрд не существует защитного ограждения — оно и не нужно. Никто не может в ночи подойти к при-

стани и заставить жителей города врасплох. Он просто сядет на мель. Но Чешуйчатые люди без лишних разговоров побывали здесь и увезли с собой добычу — Илну.

20-й день месяца Цапли

Гаррику не стали надевать повязку на глаза, но фонари над аркой ворот горели тусклым оранжевым светом. Возможно, их просто притушили.

Карета объехала поместье сзади и остановилась. Двое стражников, выступавших в качестве форейторов, открыли карету. Перед глазами юноши мелькнула бледным пятном рука вельможи.

— Быстрее, — велел он Гаррику. — И не шуметь.

Руки юноши были все еще связаны, но он, даже не прибегая к интуиции короля Каруса, понял: Ройяс не собирается убивать его. Во всяком случае, не сейчас. Он сошел вниз и проследовал за стражами в дом.

Слуга распахнул двери и спрятался за их створкой. Гаррик успел заметить большое каменное здание.

Коридор не освещался, лишь в конце его виднелся луч света, падавший из-за полуоткрытой двери. Пол поскрипывал под ногами, как это бывало в гостинице его отца. Стены, кажется, украшали панели и фрески, впрочем, возможно, в полутьме так выглядели потеки воды. Помещение, в котором они оказались, видимо, служило зимней столовой. Окна были завешены портьерами из тяжелого бархата, не пропускавшего ни лучика света. Лишь толстая восковая свеча в подсвечнике была укреплена в стене.

Стол с двенадцатью стульями — из темной древесины, незнакомой Гаррику. Правда, он мог догадаться, чего стоило отполировать мебель до такого блеска! Внутри их ожидал человек в одеянии из лилового шелка — скромного на вид, но, скорее всего, стоившего баснословных денег.

Он стоял, скрестив руки на объемистом животе, и более всего напоминал мажордома.

Стражники ввели Гаррика внутрь, потом повернулись к господину. Гаррик наблюдал за ними, обернувшись.

— Развяжите его,— велел Ройяс. В голосе его звучало раздражение, словно это они были виноваты в том, что пленник связан. Один из стражи потянул за узел. Веревки немедленно упали.

— Мауруннус,— обратился вельможа к слуге,— скоро придут другие джентльмены. Приведешь их сюда.

Гаррик растирал запястья. Веревка была мягкой и не натерла кожу, но пальцы онемели, и теперь кровь возвращалась в них. Стража с холодным любопытством рассматривала его, готовая, впрочем, в любую минуту обезвредить пленника, если господину будет угрожать опасность с его стороны.

— Лорд Валдрон прибыл минуту назад, господин,— объявил мажордом. Он кивнул на другую дверь покоев.— Я попросил его подождать в кладовой, ибо не был уверен, что вы захотите, чтобы он дожидался в главном зале. Могу я...

— Пусть Сестра заберет этого человека! — прорычал Ройяс, и это было первой настоящей эмоцией, которую он проявил.— Он что, волшебник? Курьер, должно быть, встретился с ним по пути сюда.

Мауруннус ждал с выражением вежливого интереса на лице, руки его оставались сложенными. Он молчал.

Ройяс раздраженно замотал головой.

— Подожди немного, а потом выпроводи его,— велел он.— Я хочу потолковать с гостем один на один.

Слуга поклонился и вышел, делая такие маленькие шажки, как будто скользил по полу.

— Оставьте нас,— обратился Ройяс к стражникам, что привели Гаррика в покои. О напряжении свидетельствовало лишь легкое подергивание уголков рта.

— И закройте двери, вы, идиоты! — рявкнул он им вслед. Один из стражников прикрыл за собой дверь, но не закрыл ее как следует.

— Ну, мастер Гаррик,— на лице Ройяса обозначилась улыбка, не имевшая ничего общего с настоящей.— Вы небось удивлены, зачем это я доставил вас сюда?

— Полагаю, собираетесь использовать меня в качестве пешки в вашем противостоянии королю Валенсу.

И дерзко улыбнулся в лицо озадаченному вельможе.

Гаррик и прежде встречал людей, подобных Ройясу, в общине и среди торговцев и их телохранителей на Овечьей Ярмарке. Они держались нагло и уверенно, наседая на любого, пока кто-нибудь не давал им хорошего тумака. Гаррик рано начал понимать, что лучше себя чувствуешь после драки, чем когда сдашься.

Что было справедливо для деревушки Барка, то подходило и для здешней обстановки. Ройяс мог легко расправиться с Гарриком, но в этом случае Гаррику пришлось бы похоронить на территории древнего дворца. Гаррику ничего не оставалось, кроме как раболепствовать. А терять было что — включая самоуважение.

— Я не предатель! — резко бросил Ройяс. Он считал, что имеет дело с невежественным крестьянином, и представить себе не мог, что пастух окажется таким искушенным и сообразительным. Но ведь нет большой разницы — пасти овец или управлять людьми.

Медальон короля Каруса приятно согревал грудь Гаррика. Кэшел тоже догадался бы, что происходит — в точности как сейчас Гаррик. Но Гаррику помогал весь опыт короля Каруса, потому юноша прекрасно понимал, как можно поставить на место высокомерного вельможу.

Он приподнял одну бровь, словно изумляясь при виде неразумного малыша, не желающего признавать очевидное.

— Послушай, сынок... — начал было Ройяс.

— Если собираетесь еще раз назвать меня сынком, советую вам вернуть ваших лакеев, — голос Гаррика звучал так, что пламя свечи задрожало. Затем он продолжил, уже тише: — Если не собираетесь, тогда можете обращаться со мной как с наследником трона и опираться на меня в своих планах. В этом случае мы легче найдем общий язык.

Он и сам понятия не имел, что из произнесенного принадлежало Гаррику ор-Рейзе, а что — королю Карусу, который так и залился довольным смехом. Пусть стражи

унесли меч Гаррика, но сейчас он стоял, уперев кулаки в бока, выставив локти и усмехаясь в лицо потрясенному вельможе.

Ройяс отличался крепким телосложением, но был все же меньше Гаррика, да и возраст давал себя знать. Лицо его исказилось от гнева, но тут до него дошло, что крестьянин-то сказал, пожалуй, больше, чем прозвучало в его словах.

Он осторожно заговорил:

— Мы оба немного устали, мастер Гаррик. Мои подданные и я сам преданы королю Валенсу. Совершенно очевидно, что Валенс неспособен ответить на угрозу со стороны королевы, так что приходится нам самим позаботиться о спасении королевства. И самого Валенса, между прочим.

— Продолжайте,— вступил в разговор Гаррик. Видимо, Ройяс станет рассказывать ему о соглашении заговорщиков и попросит держать язык за зубами. Но ведь, если Мауруннус перевернул песочные часы, значит, времени у них в обрез.

Ройяс состроил разочарованную гримасу. Он был сбит с толку и выглядел не намного счастливее молодого барашка, которого опрокинул его же товарищ.

Гаррик улыбнулся. Разумеется, большинство таких барашков будет зарезано в течение первых лет жизни. Но об этом знают только пастухи.

Ройяс наверняка решил, что Гаррик смеется над ним, но проглотил гнев.

— Королева высылает своих подчиненных, чтобы занять важные позиции в городе. Городские ворота, таможню в порту. Службу канцлера, наконец. Всегда найдутся желающие работать на монстра, лишь бы платили.

Гаррик прокашлялся. Карус отреагировал на последнее утверждение столь яростно, что юноше пришлось перевести дух.

— Но она ведь не может купить поддержку всех без исключения,— быстро возразил он. В сознании всплыла мысль, вряд ли его собственная.— Или заставить свободных людей поддерживать себя.

— Никто ее и не поддерживает! — заявил Ройяс.— Она же демон, если говорить по правде, волшебница и даже более того! Толпа забросала камнями ее подданных, но от этого только хуже. Началась резня без всякой причины, грабят и убивают всех, кто выглядит хоть сколько-нибудь зажиточным.

Кто-то тихонько поскребся в дверь. Гаррик поднял руку и заговорил:

— А как насчет моих друзей? Их нужно немедленно доставить ко мне.

Ройяс нахмурился.

— Я даже не знаю, нашли ли их. Мы беспокоились прежде всего о вас.

— Когда найдете моих друзей Лиэйн и Теноктрис, с ними следует обращаться как со знатными дамами, ибо они суть таковы. Вы джентльмен, лорд Ройяс, поэтому я уверен: вы не станете использовать их для оказания давления на меня, дабы заставить участвовать в ваших планах. Но, поскольку некоторые из ваших заговорщиков могут оказаться неблагородными, пожалуйста, доведите до их сведения, что, случись подобное, в гневе я смертельно опасен. И вряд ли даже дюжина стражей сумеют удержать меня от расправы.

Ройяс неловко усмехнулся.

— У меня не в обычае брать в заложники крестьян, молодой человек,— промолвил он.— Может, на Хафте другие обычаи...

Гаррик громко рассмеялся, почувствовав облегчение. Он даже не думал, что напряжение было столь сильным.

— Да нет, лорд Ройяс,— проговорил он.— Все верно. Крестьяне на Хафте точно так же способны переоценивать себя, как и знатные люди на Орнифоле.

Он кивнул в сторону двери.

— Пускай войдут. Раз вы противостоите королеве, значит, должны быть способны договориться и между собой.

Ройяс встал за спинкой стула у стола и махнул рукой Гаррику, чтобы тот тоже поднялся.

— Войдите! — скомандовал он.

Мауруннус распахнул дверь, сам же остался снаружи, пропуская вперед четверых. Последний из вошедших закрыл за собой дверь и пошарил в поисках задвижки. Но не обнаружил таковую.

— Я не запираюсь во время обеда, Соурус,— едко изрек Ройяс.— Если желаете, можем перенести встречу в старую тюрьму для рабов в подвале.

— Нет нужды произносить имена! — воскликнул Соурус. Он оказался на удивление молодым человеком с тонкими чертами лица. В отличие от остальных, Соурус не снял капюшона с головы, когда дверь закрылась.

— В именах всегда есть нужда,— возразил Гаррик.— Меня, например, зовут Гаррик ор-Рейзе из Хафта, и я прямой наследник Каруса, последнего настоящего короля Островов.

Слова не были его собственными, хотя и слетели с его губ. Это Карус говорил его устами, но и сам Гаррик смело подписался бы под этими словами.

— Вот вы и сказали это,— произнес первый из вошедших. У него были грубое, словно вытесанное из дерева, лицо и мощные ручищи бывалого воин. На вид ему было лет шестьдесят, и хотя выглядел он и старше остальных пятерых, но был в замечательно хорошей форме.

— Так говорил и колдун Силийон, Валдрон,— прошипел Ройяс.— Я не больше твоего доверяю дикарям из Далполо, но, раз он оказался прав насчет появления мастера Гаррика, я думаю, он знает и о происхождении этого молодого человека.

Похоже, эти двое недолюбливали друг друга. Возможно, их вражда на руку Гарику, возможно, нет. Пухлый человек в зеленом выдвинул стул и уселся.

— Если будем ссориться между собой, королеве не составит труда перевешать всех нас, верно?

Он говорил, задыхаясь. Гарику он показался напуганным.

Ройяс скупно улыбнулся и кивнул в сторону сидящего:

— Лорд Тадай бор-Титайн и...— он указал на последнего, изможденного вида субъекта, напоминающего

тяжелобольного: — ...лорд Питре бор-Пиамонас. С Валдроном и Соурусом вы уже знакомы, мастер Гаррик.

— Всех нас повесят,— забормотал Соурус.— Кто знает, что эта демоница еще придумает? А вдруг ее дьявольское пламя вспыхнет прямо здесь и сейчас?

— А вдруг солнце погаснет прямо сейчас? — Валдрон не пытался скрыть своего отвращения. Он покачал головой.— Мы с твоим отцом не всегда ладили, Соурус, но, по крайней мере, я знал, что имею дело с женщиной!

Тадай сдавленно хихикнул.

— А я что говорил? Все мы сгорим в пламени Ее Величества, как жалкие мошки!

— Я как раз объяснял нашему другу из Хафта, что опасность исходит не просто от наемников королевы,— Ройяс решительно перевел разговор на другую тему.— Когда она желает заменить нынешних чиновников своими ставленниками, она просто насылает на них фантазм.

— Они не могут причинить настоящего вреда,— вмешался Валдрон.— Согласен, они жуткие твари, но разве могут они справиться с настоящим храбрецом?

— Пожалуй, королю Валенсу стоит нанимать только храбрых людей с отвагой, как у бор-Валлимана, для сбора портовых пошлин,— проговорил Соурус, повернувшись к стене. Рука Валдрона рванулась было к мечу, но остановилась. Движение было настолько незаметным, что Гаррик пропустил бы его, кабы не зоркий глаз предка.

— Что вы имеете в виду под фантазмом? — спросил Гаррик. Если королю Валенсу нужна его жизнь — а в словах Ройяса сомневаться не приходилось,— значит, эти люди, как никто другой, могут помочь ему и его друзьям спастись, хотя бы в течение нескольких часов.— Это призрак?

Тадай кинул на него взгляд, впервые с интересом.

— Демоны, я бы скорее сказал, но только в реальном обличье. Как заметил Валдрон, от них никакого вреда, кроме уродства. То же самое можно сказать о моей жене... Правда, в отличие от моей Тринки, маленькие приятели королевы не приносят приданого в десять тысяч акров.

— Люди, которым довелось столкнуться с ними, утверждают, будто фантазмы напоминают им кое-что,— прогово-

рил Ройяс.— Никто не сообщает, что именно, просто отказываются обсуждать. Мне более симпатичны люди, не сопротивляющиеся наемникам королевы, как это делает Валдрон.

— А еще есть огненные духи,— пробормотал Питре. Он вытащил круглую головоломку-безделушку из своего кошелька и повертел ее между пальцами.— Они безвредны!

— Ба! — воскликнул Валдрон.— Ну, и сколько раз в году их можно видеть? Раза четыре? Или пять?

— Одного раза достаточно, так ведь? — вмешался Тадай, отрывая взгляд от изумительно отполированных ногтей.— По крайней мере, для жертв. Мне понятно, отчего жертв так немного. Ведь мы пятеро скрываем свою оппозицию по отношению к королеве.

Гаррик взглянул на Ройяса. Тот кивнул:

— Они — или оно — обычно появляются не больше пяти штук зараз возле тех, кто открыто противостоит королеве. Впервые это случилось с главарем шайки по имени Эренго, собравшим мятежников для нападения на поместье королевы. Я бы сказал, он рассчитывал поживиться тамошним добром, захватить королевский скот.

Питре захихикал:

— Лучше бы он нанялся к королеве в работники. Его ужасно интересовало, откуда у нее столько слуг.

— Эренго не делал тайны из своих планов, хотя собирался держаться подальше от места событий.— угрюмо изрек Ройяс.— Вдруг из воздуха появилась двуногая огненная ящерица. Телохранители Эренго атаковали ее, но безуспешно...

— Ничего не помогло,— иронически процедил Тадай.— Наверное, зрелище было ярким.

Валдрон кинул на сидящего убийственный взгляд и сжал меч. Тадай сложил руки на коленях и закусил губу.

Гаррик полагал, что раздражение Валдрона будет зреть еще долго, прежде чем он перейдет к открытым действиям и всерьез оскорбит товарища по заговору. Глупо рисковать и лезть на рожон, но ведь и само их предприятие — сплошной риск.

— Огненный дух обхватил лапами шею Эренго,— продолжил Ройяс.— И от того в минуту не осталось ничего, кроме серого пепла. Потом дух и сам исчез.

— Подобная вещь случилась бы и с самим королем Валенсом, если бы он возглавлял мятежников,— добавил Питре, сгорбившись и держа в руке головуломку. Пальцы бойко бегали, переставляя элементы с места на место.— Все ненавидят королеву, даже та падаль, что работает на нее.

— Но Силийон мог бы защитить короля Валенса! — возразил Соурус, запальчиво и совсем по-детски.— Ведь если бы он не был защищен, королева давно бы расправилась с ним, разве не так?

Теноктрис могла бы ответить на этот вопрос, Гаррик не мог. Знал он лишь одно: есть сражения, которых следует избегать сколько возможно, даже если тебе кажется, что ты можешь их выиграть. Наверное, именно поэтому королева и не нападала на Валенса в открытую.

— Мы с моими коллегами преданы королю Валенсу,— с легкой иронией в голосе произнес Ройяс.— И нам приходится подыскивать альтернативные пути сохранения королевства...

У Гаррика промелькнула мысль. «Их частью королевства»,— вот что он подумал. И криво усмехнулся.

— ...и, когда Валенс велел мне избавиться от возможного узурпатора власти, которого я встречу близ дворца Тиранов, нам открылся очевидный путь.

— Так ты утверждаешь, будто являешься наследником графини Теры, сынок? — спросил Тадай. Он держался с Гарриком не более надменно, чем со своими соратниками из дворянства, но ведь Гаррик и не относился к его соратникам-дворянам.

Он оперся рукой о стол и наклонился ближе к Тадаю.

— Я — свободный гражданин Хафта, толстопузый,— мягким голосом произнес он.— И мой род восходит к Карусу — хотя, попытайся ты добыть доказательства этого, тебе не вернуться оттуда живым.

В воспоминании Гаррика возник черный трон, стоящий на черной равнине и уходящий в черное же небо:

трон Малкара, источник всего зла и всех сил Вселенной. Лоркан, первый король Островов, спрятал этот трон так, что обнаружить его могут лишь его потомки... вот и Гаррик нашел его, и это было настолько черным кошмаром, что он мог запросто уничтожить его душу.

Тадай смолчал. Он вытащил носовой платок черно-зеленого шелка из рукава и вытер пот со лба. Волосы у него были настолько светлые, что при более ярком освещении он показался бы лысым.

Питре развернул головоломку.

— Откуда он явился? — спросил он Ройяса. — Пусть защитит меня Госпожа! Это совсем не тот простофиля из хлева, о котором ты толковал!

— Он — тот самый человек, за которым Валенс поручил мне следить! — ответил Ройяс. — Имя, возраст — все совпадает. Мы ведь никогда не сомневались, что Силийон — могущественный маг, верно? Он был прав!

— Я думаю... — начал Тадай. Он аккуратно сложил платок и снова убрал его в рукав. — Я думаю, Валенс был прав, когда боялся, что этот юноша может претендовать на его трон, — продолжил толстяк. Тон его по-прежнему был вкрадчивым, однако насмешка исчезла. — А еще думаю, мы тоже были правы, джентльмены...

Он оглядел напряженные лица собравшихся.

— ...когда поверили, что он в силах поднять население против королевы, в то время как Валенс на это не способен!

Ноги Гаррика задрожали, но это потому, что Карусу потребовалось пинком выдвинуть стул и сесть. Пора прорвать это напряжение.

— Обращайтесь ко мне как к крестьянину из Хафта, который ничего не знает о королеве и о том, почему король Валенс на ней женился, — спокойно изрек Гаррик. Он жестом указал на стулья и сам позабавился тому, как все получилось, но они повиновались, даже Ройяс, бывший здесь хозяином. — Но я начну с заявления, что не претендую на трон, пока его занимает Валенс.

Юноша усмехнулся:

— Я ведь тоже преданный гражданин, пусть даже Валенс и считает иначе.

Язык и произношение Гаррика отличались такой же безупречностью, как и у любого человека с Островов. Рейзе поработал над этим, да так, как не сумел бы ни один школьный учитель. Но при этом в его голосе звучала напевность, коей не обнаруживали ни гнусавые уроженцы Орнифола, ни грассирующие жители Сандраккана. Разумеется, то была печать Хафта, как и в те дни, когда жив был король Карус.

— Принцесса Азалэс была дочерью короля Сиримата,— проговорил Питре. Гаррик ожидал, что Ройяс или Тадай подхватят историю.— Валенс же только что победил герцога Сандракканского в борьбе за трон.

— За титул,— будто выплюнул Валдрон.— Если бы этот трон был реальным...

Питре опустил глаза, рассматривая головоломку. Ку-сочки светлого дерева безнадежно затерялись среди черных и белых.

Валдрон скорчил гримасу.

— Ну же, продолжай,— велел он Питре. А Гаррику пояснил: — Питре был там.

— Мы с Валенсом были одно время лучшими друзьями,— тихо говорил Питре, обращаясь к каменным плиткам на полу.— Ему было нужно жениться, потому что требовалось укрепить свое влияние, а брак с представительницей одного из великих домов Орнифола...

— Сделавший остальных дворян его злейшими врагами...— вмешался Тадай. Гаррику уже было ясно, что произошло, да и Карус помогал разобраться.

— Вот Валенс и принял предложение короля Сиримата выйти сражаться за власть на многие века и тысячелетия,— продолжал Питре.— Азалэс принесла ему крупнейшее приданое, да и сама была потрясающе красива.

Улыбка тронула бледные губы Питре.

— Но не в ее красоте было дело и не в том, что Валенсу она казалась намного красивее, чем любому из гостей на свадьбе.

— Она была колдуньей,— заявил Валдрон.— И при помощи колдовства заставила Валенса жениться на себе.

Питре пожал плечами.

— Пожалуй,— проговорил он.— Но не только колдовство виной дурным решениям. В тот момент многие из нас решили, что это неплохой выход из ситуации, когда орнифолская знать сражается друг с другом.

— Моя племянница...— начал Валдрон. Он замолчал, встретившись глазами с жесткой улыбкой Ройяса. Соурус нерно хихикнул. Валдрон с силой грохнул кулаком по столу, отчего пламя свечи так и заплесало.

Гаррик кивнул, показывая, что понимает.

— Перво-наперво нам предстоит ликвидировать ставленников королевы из правительства Вэллеса,— он улыбнулся и продолжил: — Не знаю, как можно это сделать, не повторяя участи Эренго, но сейчас я просто слишком устал.

Он постучал по столу.

— Один из моих друзей знает, что делать,— продолжал он.— Вернее, они обе, я не сомневаюсь в этом.

Лиэйн жила в Вэллесе, но город был для нее чужим. Ее опыт может помочь заметить некоторые вещи, которым заговорщики, как местные жители, могут и не придавать значения.

— У нас есть план,— заговорил Ройяс.

Гаррик встал, ощущая головокружение. Ему срочно нужно было поесть и лечь в кровать.

— Не сейчас,— заявил он.— Мне нужно заняться всем этим на свежую голову и иметь при себе моих друзей, чтобы получать от них советы. Может статься так, что ваши планы в мое отсутствие должны будут подвергнуться серьезному пересмотру. Следует принять решение, пока я с вами.

«И когда вам стало понятно, что я не собираюсь сгореть заживо среди огненных духов»,— мысленно добавил он.

«Короли смертны, как и прочие люди,— прошептал голос в глубинах подсознания.— И порой король умирает, чтобы его народ жил».

Гаррик улыбнулся, хотя наблюдавшие за ним вельможи не поняли, в чем дело. «Я все равно не соглашусь»,— строптиво подумал юноша.

Заговорщики переглянулись. Ройяс кивнул и произнес:

— Все верно. Я велю Мауруннусу отвести вас в мои личные покои наверху. И ваших товарищей, если они обнаружатся.

Питре наклонился и поднял кусок головоломки, потом положил ее на стол.

— Дай нам знать, когда выступать,— обратился он к Ройясу.

— Вместе с настоящим вождем, вместо Валенса,— резко бросил Валдрон,— королевство Островов может быть совсем другим. Мы можем вернуться в Золотой Век, как это было в древности.

Он зашагал к двери, первым покидая помещение. Гаррик заметил, что Валдрон упомянул слово «вождь» вместо «король».

Сквозь нахлынувшую усталость, волнами затопившую мозг, далекий голос прошептал:

— Золотой Век, о котором все они грезят, здорово смахивает на мое время, и придется изрядно потрудиться, дабы уберечь его от столь бесславного конца, что постиг мое время. Но мы постараемся.

Илна решила, что потеряла сознание. Она очнулась; вся кожа горела, словно ее обложили горящими угольями. Девушка не сразу сообразила, что жужжание в голове — это пульсация ее собственной крови, а не пение Чешуйчатых людей. Правда, их пение тоже раздавалось, больше напоминая кваканье жаб в брачный сезон.

К Ильне вернулось зрение, хотя голова кружилась и гудела, а перед глазами мелькали круги. От боли накатывала тошнота. Ее вырвало, и горло нещадно саднило.

Шесть Чешуйчатых людей сидели на корточках на палубе, образуя круг. В середине круга посреди подноса с песком стоял небольшой сосуд. Видимо, простейшая жаровня, использование которой было безопасным на корабле.

Судно слегка раскачивалось на медленном потоке. Рея была поднята, парус повис на ней. Илна не видела план-

шира, но крики сов в ночи давали понять, что они еще плывут по реке.

Чешуйчатый в повязке на голове из красно-зеленого шелка высыпал щепотку порошка из алебастрового сосуда прямо в огонь. Повалил пурпурный дым. Чудовище добавило еще порошка под пение своих приятелей. Теперь дым отливал оранжевым, хотя порошок был из того же сосуда.

Чешуйчатые запели громче. Они поднялись на ноги, взяли за руки и начали нелепый танец вокруг жаровни.

Языки пламени стали собираться вместе, образуя многоголовую гидру. Она вращалась по часовой стрелке, против движения танцующих.

Колонна огня зашевелилась, стала терять очертания. Судно задрожало. Илна подумала, что они встали, но по звездам в ночном небе догадалась: нет, они продолжают плыть. По телу побежали мурашки, еще сильнее, нежели при пробуждении от забытья.

Корабль окутал дым. Илна вдыхала сухой, немного душный, но отнюдь не отвратительный запах.

Чешуйчатые продолжали кружиться в тумане, поднимая и опуская руки под мерный ритм напева. В небе сверкали яркие звезды.

Корабль качнуло. От этого движения на Илну накатила новая волна тошноты. Она решила, что сейчас они опрокинутся. Попыталась сесть, но лодыжки и запястья были связаны за спиной. Ей удалось развернуться лицом к иллюминатору, но ничего не было видно.

Через все небо прошла полоса деформации. Что-то холодное, как лезвие ножа, коснулось сознания Илны, а потом исчезло, прежде чем из уст ее вылетел пронзительный крик.

Туман рассеялся. Судно снова вздрогнуло. Небо теперь имело странный вид: Илне не удалось найти ни одного привычного созвездия.

Что-то бормоча друг другу, Чешуйчатые разворачивали парус. Они работали слаженно — настоящие моряки, даже одежда выдает бывалых морских волков.

Илна не ощущала вообще никакого ветра. Странно, но еще одна пара Чешуйчатых разворачивала маленький треугольный парус на фок-мачте. Для чего?

Море слабо светилось бледными оттенками зеленого и желтого.

И вокруг его окружали острые шпили скал. Некоторые возвышались на сотни футов, другие — куда меньше, напоминающие клыки каких-то невиданных чудищ. Самые высокие имели полого срезанные вершины и напоминали металлические гвозди, какими пользовались в деревушке Барка.

Корабль шел подозрительно тихо и гладко. Вокруг водореза собиралась пена, образуя небольшие водовороты.

Чешуйчатый человек на веслах снова запел. Его голос звучал таким же жабым кваканьем. Человеческому горлу ни за что не издать подобные звуки.

Корабль плыл вперед, унося Илну сквозь сумрак. Она была связана слишком сильно, чтобы суметь добраться до веревок, но путем попеременного напряжения и расслабления мышц сумела ослабить узлы.

Все на свете имеет свой узор. И Илна нашла тот узор, который освободит ее. То, что произойдет далее, будет зависеть от обстоятельств, но образ в ее сознании запечатлел шесть медленно стягивавшихся узелков.

21-й день месяца Цапли

Дорога была вымощена бревнами, но многие из них успели прогнить, так что ноги Кэшела то и дело проваливались в щели. Все равно что идти по глубокому снегу. Жесткая кора, словно снежный наст, цеплялась за ноги, мешая идти. Голени уже начали кровоточить.

— О госпожа Богиня, благодарю Тебя! — кричала Ария, радостно воздевая к небу руки. — О, прости меня, глупую, что так долго не понимала Твоих планов!

Принцесса и Захаг были легче, поэтому проходили свободно, но вес Кэшела мешал ему изрядно. Кэшел велел спутникам идти вперед, как только началась эта дорога,

проложенная через трясину. Ария отставала. Кэшел уже решил подтолкнуть ее, как только снова остановится. А уж какое место попадет ему под руку — не важно!

Эти вопли радости казались ужасно неуместными, как и воздетые к небу руки. Кэшел не выдержал и спросил:

— Что ты поняла, госпожа? А главное, пошевеливайся.

Ария обернулась и порывисто обняла Кэшела за шею.

— Я поняла, что ты проверяешь меня, дурачок! Как Терпеливую Музиру!

— Вроде бы солнце припекает не так уж сильно, так что напечь ей голову не могло, — проворчал себе под нос Захаг. — Видно, ее укусило какое-то насекомое, вот она и бредит.

Примат начал искать яйцо в гнезде на ветке растущего вдоль дороги дерева. А может, он искал личинки жуков, подумалось Кэшелу, ведь его мохнатый друг весьма неразборчив в пище.

Он осторожно отцепил от себя руки принцессы. Может, примат и прав насчет нее, но следов укусов на нежной коже не видеть.

— Лучше пойдем дальше, — как можно спокойнее произнес он.

— Конечно, мастер Кэшел, — проговорила Ария. Она попыталась присесть в реверансе. Ее правая нога при этом попала на бревно, которое уже прогнулось под весом Кэшела. Она застряла между разломившейся древесиной и погрузилась в болотную воду, кишашую пиявками и прочей живностью.

Выражение лица Арии медленно менялось от потрясенного и испуганного до разъяренного — а потом на нем заиграла ослепительная улыбка. Кэшел был просто поражен. Он поднял девушку и вытащил ее из ямы. Она почесала ногу и обтерла облепившую ее жижу.

— Конечно, госпожа Богиня, — сказала Ария, обращаясь к голубому небу. — Я понимаю, испытание продолжается.

Она дотронулась до щеки Кэшела — он на мгновение перепугался, что сейчас получит от нее поцелуй — и, танцуя, побежала по дороге. Кэшел покачал головой и тоже двинулся следом.

В стоячей воде что-то шевельнулось. Кэшел обернулся на звук. В обычном болоте с таким звуком выходят пузыри болотного газа. Здесь же его взору предстало чудовище с человеческими руками, тело которого представляло собой огромное яйцо с нарисованными на нем чертами лица.

Существо оскалило треугольные клыки, ухмыляясь, словно человек после сытной трапезы.

Кэшел вздохнул. Никто не запрещает существовать уродам, особенно в этих краях. Если существо выползет на дорогу, Кэшел заодно и узнает, лопнет ли его «скорлупа», как яйцо. Но никто не стал нападать.

Захаг спрыгнул с дерева и побрел в сторону Кэшела. Примат был их фуражиром, снабжая пищей, где только мог ее найти. Глаз у него был куда острее, чем у Кэшела, а плоский нос отлично чувял грибы и фрукты.

То, что Захаг считал «отменно» вкусным, часто вовсе не прельщало Кэшела, а уж Арию и подавно — к примеру, лакомиться личинками принцесса отчего-то упорно отказывалась.

— Видел, какие жуки здесь летают? — спросил Кэшела лохматый приятель, наблюдая за эскадрилей жужжащих над водой созданий.

— Видел, — Кэшелу не хотелось говорить об этом. Потому что никакие это были не жуки, пусть даже с крылышками и лапками как у жуков. На спинах у них сидели жуткого вида человечки размером с ноготь.

— Ох, и быстрые же они! — восхитился Захаг. — Но по мне, так уж чересчур быстрые! — и он облизнулся.

Кэшел скорчил гримасу. Далеко вперед уходила бревенчатая дорога. Интересно, хоть кто-нибудь здесь чинит эти бревна? Ведь кто-то же их здесь проложил!

— А кто эта Терпеливая Музира, которую ты подвергаешь испытанию? — поинтересовался Захаг. Он ловко отпрыгнул от бревна, на которое опустилась могучая нога Кэшела.

— Никогда о ней не слышал, — произнес Кэшел. Гаррик, пожалуй, может знать. Или Шарина. Они ведь столько читали.

Ария обернулась и продолжала идти — но уже назад. Вряд ли можно назвать это хорошей идеей, когда вокруг бревна, но Кэшел не собирался тратить время на объяснения. Хочет перекувырнуться — пожалуйста.

— Терпеливая Музира была лучшей из всех когда-либо живших женщин,— объяснила Ария. Лицо ее так и сияло.— Она была столь совершенна, что величайший король всех земель решил жениться на ней. Но вначале он похитил ее и обращался с ней как с рабыней. Заставил спать на земле и давал ей только...

Ария споткнулась и начала падать. Кэшел протянул девушке посох, чтобы она могла схватиться за него, но она и не подумала это сделать. Вместо этого с глухим ударом приземлилась на спину. И жалобно вскрикнула.

Кэшел рванулся и поставил беднягу на ноги. Теперь платье у нее было еще грязнее, чем прежде.

— Боже, ну разве я не растяпа? — вопрошала она. И захихикала. Звучало все это фальшиво и напыщенно, совсем как истории дядюшки Катчина о его званых обедах у графа Ласкарга.

Захаг уставился на принцессу, потом перевел взгляд на Кэшела. Тот пожал плечами.

— Как бы то ни было, этот король велел Музире надраить все полы во дворце и кормил ее только лишь чечевицей с червями.

— О, чечевица с червями! — оживился Захаг.— Мясо прямо с гарниром.

— И лишь спустя целых семь лет,— продолжала Ария, не обращая внимания на комментарии примата,— король вызывал Музире и перед всем народом велел ей поцеловать свои ноги, а потом публично высек ее кнутом. Потом он объявил ей, что все эти испытания проводились для того, чтобы выяснить, достойна ли она быть его невестой. Она прошла испытание, и он немедленно женился на ней и сделал ее королевой!

— Отвратительно! — заявил Кэшел.

В деревушке Барка тоже были плохие мужья — пожалуй, они встречались чаще, чем хорошие, если послушать

Илну,— но описанный Арией пример просто невозможно себе представить.

Ария снова прибавил шагу.

— И знаете, что я думаю, мастер Кэшел,— обратилась она к юноше.— Вы ведь сами не король, верно? Вы просто его преданный слуга!

Кэшел прочистил горло.

— Я пастух,— ответил он.— И не знаюсь с королями, принцесса. Но как раз твоя мать — королева, или почти королева, в этом я уверен.

— Понятно,— изрекла девушка.— Не можете сказать. Хорошо, я тоже никому не буду говорить о своей догадке, пока время не придет.

— Она чокнулась, а? — пробормотал Захаг.

Но это даже к лучшему. Безумие Арии оказалось куда легче выносить, чем ее нормальное состояние.

Далеко впереди над вершинами высоких гор блеснуло солнце. Прошлой ночью Кэшелу показалось, что он видел в том направлении голубоватое сияние. Но было непонятно, насколько это далеко. В любом случае они должны добраться, рано или поздно.

И он побрел дальше, проваливаясь и хлюпая на каждом шагу.

Рано или поздно. Это лучше, чем никогда.

Шарина точила пьюльский нож, а какая-то птичка знай себе заливалась в роще. Неутомимая певунья выводила свои рулады без усталости и никогда не повторялась.

Шарина использовала для заточки кусок крепкого базальта. Сделает несколько размашистых движений, остановится, протрет лезвие куском мха. Странно, но ей казалось, что она слышит вовсе не птичье пение.

Хафт был тихой гаванью, а Барка изолирована даже от небольших волнений и тревог, посещавших Каркозу. Жизнь в деревне не менялась столетиями. Люди рождались и умирали, а все оставалось по-старому.

А теперь Шарина вышла в большой мир, где все происходило иначе. И теперь о прошлом приходится забыть.

А иначе можно и погибнуть — либо погибнут те, кого она любит и кто зависит от нее.

Она попалась на удочку самозванца, прикинувшегося Ноннусом и говорившего голосом Ноннуса. Оставила по-иски Кэшела и отправилась следом за обманщиком.

Слезы наполнили глаза. «О, Госпожа, как же я одинока! Как я одинока!»

Вроде бы ничего не изменилось, но девушка вдруг поняла: за ней кто-то наблюдает. Вряд ли от этого могла быть польза, но, по крайней мере, это отвлекло ее от бесполезных стенаний по прошлому.

Шарина встала, снова вытерла лезвие ножа и прошла мимо вырезанного ею надгробия с изображением Госпожи.

Тропу, ведущую к гнезду на дереве, устроенному Ханно, было не так-то легко отыскать, но охотник надломил несколько стеблей рододендронов. Оставшиеся кусты образовали своего рода туннель из темных ветвей с душистыми цветами. Они сплетались довольно плотно, но человеку все же было под силу пробраться внутрь.

Шарина нырнула в заросли. Она проползла через проход, потом нагнулась в поисках уголка, который устроила накануне перед сном. Те, кто следит за ней, будут вынуждены протискиваться в укрытие по одному, и первый же встретится с ее ножом...

Кто-то шел сзади.

Шарина резко обернулась. Она-то считала, сквозь эти кусты мало кто сможет пройти, но оказалось...

— Доброго утречка, молодая госпожа, — пробурчал Ханно. Он лежал животом на земле. — Я-то думал, что удивлю тебя, ведь ты не слушала, как я велел тебе забраться на дерево. Видно, я уже так привык к Мартышкам, что забыл, как поступают нормальные люди.

Шарине было невдомек, как такой великан сумел протиснуться сквозь узкий лаз, но огромное копье ему пришлось оставить снаружи. Правда, в руке у него был острый мясницкий нож.

— Я не знала, что это ты, — дрожащим голосом сообщила Шарина. — Я рада, что ты вернулся, Ханно.

Она попятилась к выходу на поляну. Охотник присоединился к ней. Листья даже не шуршали у него под ногами.

Ханно окинул взором могилы и надгробья и мрачно улыбнулся. Выглядел он точно так же, как и два дня назад, когда исчез, но теперь с ним было множество оружия из стали, помимо его собственного: узкое копье и двуручный топор — штука смертельно опасная. Его можно было еще и метать.

— Ансулю теперь не понадобится его оружие, — заявил Ханно со своим обычным жутковатым юмором, — но Мартышкам его тоже негоже оставлять.

Он швырнул наземь мешок из грубой ткани. Когда он уходил, мешка при нем не было.

— А вот это явно больше не понадобится самим Мартышкам.

Шарина прикусила губу. Она догадывалась, что найдет в мешке, но все равно присела на корточки и открыла его. Кусок бугристой кожи, скорее всего, принадлежавшей какой-то рептилии. Он был свернут и скручен по углам, связанный сухожилиями.

Сухожилия явно человеческие.

— Я вижу, ты выкопала котелок из хижины, — между делом заметил Ханно. — Это хорошо, хотя, пожалуй, лучше будет для стерильности прокипятить это в маленьком котелке, который все еще в лодке.

Шарина отыскала пятигаллоновый бронзовый котел, немного сплюснутый, но оставшийся целым, когда обрушилась крыша хижины.

Она постучала изнутри деревянным молотком, чтобы выпрямить вмятины, наполнила котел водой и поставила на огонь.

Потом открыла мешок. В нем лежало тридцать пар клыков. Их корни были все еще в крови и останках плоти. Шарину тут же вырвало, и не от запаха, а от вида, хотя запах шел отвратительный.

— Они топали отсюда прямым путем, — сообщил охотник. — Никогда прежде не видел, чтобы Мартышки так вели себя. Они должны были разбежаться во все стороны.

Шарина вскочила.

— Они не Мартышки! — звонко крикнула она. — Это люди. Человеческие существа!

Ханно пожал плечами.

— Все верно, молодая госпожа, — пробурчал он. — Люди. Вот только они подожгли мой дом и убили моего напарника.

— Среди них были и дети! — кричала Шарина.

— И они тоже не материнским молоком питались, между прочим! — Ханно показал на клыки. — Младенцы были у матерей на руках, но у них я клыков не выдирал. Из них не вырастут Мартышки, которые станут наслаждаться вкусом человеческого мяса!

Шарина глубоко вздохнула и отвернулась. Она и сама не знала, кто из них прав. У нее своя правда, но она ведь не живет в джунглях.

А если бы тело было ее, а не Ансуля... Что бы тогда сделал Ханно с шайкой, убившей и съевшей ее?

Она отстегнула пояс с ножом и положила на землю. Подошла к надгробью с глазами, полными слез, присела на корточки.

— Госпожа, наставь меня на Путь Истинный. Прости меня за дурные поступки по отношению к другим и прости других за дурные поступки ради меня.

— Обычно я никогда не охочусь за клыками, — объяснял Ханно, и в голосе его звучало замешательство. — В Вэллесе на них хороший спрос, их продают серианам, а те используют клыки в медицине. Но я этим не занимаюсь. Только ради Ансуля. Я понял, что должен как-то отомстить за него. Может, повесить их возле его могилы?

— Нет, — отозвалась Шарина. Она встала и повернулась лицом к охотнику-великану. Слезы у нее высохли, и она вытерла лицо тыльной стороной ладони. — А может, повесить — тебе самому решать, как почтить память друга. Но тогда убери отсюда изображение Госпожи. Это не лучшее соседство для подобных вещей.

Ханно нахмурился, скорее, размышляя, нежели проявляя недовольство. Он присел возле надгробья и провел рукой по резной поверхности. Шарина покрыла древесину

соком ореховых ядрышек, а потом вырезала своим ножом образ Госпожи.

— Недурная работа, молодая госпожа,— пробормотал Ханно.

— Спасибо,— выдавила Шарина. Деревянное надгробье вряд ли проживет долго в здешнем климате, но все равно выглядит совсем неплохо.

Ханно встал, пожал плечами.

— Думаю, мы оставим все как есть,— проговорил он. Потом забрал кожаный сверток с зубами, отнес их к яме, где были захоронены Волосатые люди, и высыпал клыки туда.

— Спасибо, Ханно,— поблагодарила его Шарина. Она помолчала, потом подошла к охотнику и порывисто обняла его. Они молча постояли, отвернувшись друг от друга, потом Шарина произнесла: — Мне жаль того, что случилось с твоим другом.

— Я всегда считал Ансуля недостаточно осторожным,— сказал Ханно.— Он откашлялся.— Я выяснил, что его убил один из ящеров-охотников, а не Мартышки. Он охотился на них со своей игрушкой...

С этими словами он воткнул в землю свое копьё и достал из могилы копьё Ансуля. Только для человека комплекции Ханно семифутовое копьё могло считаться игрушечным. Еще бы, ведь его собственное весило едва ли не вдвое больше...

— И вот что я скажу тебе, молодая госпожа, некоторые из этих здоровенных ящеров — настоящие убийцы.

Ханно переводил взгляд с копьё на Шарину.

— Возьмешь себе оружие Ансуля, молодая госпожа? Вряд ли стоит укладывать его с ним в могилу.

— Копьё слишком велико для меня,— откликнулась девушка. Хотя, с другой стороны, ясно, что здесь, на Байте, без оружия не обойтись.— Что касается топора, думаю, мне достаточно будет ножа. Это нож моего друга.

Охотник согласно кивнул. Он взял топорик Ансуля и отсек изрядный кусок от копьё.

— Так лучше? Или надо еще подправить, чтобы руке было удобнее?

— Так очень хорошо,— проговорила Шарина. Ловкость Ханно просто изумляла — куда больше, чем его сила.

— Пожалуй, топор оставлю себе,— рассудительно заметил он, сунув оружие за пояс.— Я ведь, как и ты, молодая госпожа, скорее воспользуюсь ножом для ближнего боя, но, думаю, Ансулю было бы приятно узнать, что его оружие в целости и сохранности. Он всегда просил меня беречь его.

— Я принесла из лодки зерна,— неловко произнесла Шарина.— Хочешь, я испеку лепешки в золе? Или сварю кашу?

Она прекрасно понимала: не такой Ханно человек, чтобы относиться к смерти друга так бесстрастно, как он пытался это показать, но ничего не поделаешь. Лучше всего забыть о случившемся и позволить гневу Ханно улечься.

— Лепешки — это дело. Посмотрим, может, мне удастся найти нам немного мяса. Потом разберемся, что делать дальше.

Он присел на корточки и начал шлифовать обрубок копья на шлифовочном камне Шарины. Работал с отсутствующим видом; видно было, что ум его блуждает где-то далеко.

— Я не знаю, что происходит, с тех пор как отправился в Вэллис,— заговорил Ханно.— Ансуль, видимо, был не настолько осторожен, как я, но он продержался здесь пять лет. Никогда бы не подумал, что Мартышки доберутся до него.

Он подергал себя за клочковатую бородку.

— Они подкрались в ночи и залегли вокруг поляны, поджидая, пока он не выйдет из хижины поутру.

Ханно посмотрел в сторону могилы и покачал головой.

— Он был шустрым малышом, готов поручиться.

— А они редко нападают на охотников? — поинтересовалась Шарина. Тот факт, что клыки Волосатых людей являлись предметом торговли, указывал, скорее, на их положение жертвы, отнюдь не врага.

Ханно пожал плечми.

— Случается, нападают,— проговорил он.— Ясно, что чувствуешь себя не лучшим образом, если за твоими клыками идет охота. В любом случае, даже если они решились бы атаковать Ансуля, им следовало хорошенько подумать. Но они решились.

Он встал и бросил Шарине копье.

— Управишься тут, пока я поищу ящерицу нам на обед?

— Управляюсь,— пообещала она.

Ханно кивнул.

— Так я и думал,— сказал он.— Надо будет потолковать с другими людьми, что охотятся в этом конце острова, узнать их мнение. Заночую здесь, а потом, может быть, несколько дней потрачу на визиты.

Он усмехнулся:

— Если только будет кого навещать.

Шарина тоже усмехнулась в ответ, несмотря на ком в желудке.

— А я на всякий случай вырежу несколько надгробий — вдруг пригодятся.

— Ты уверена, что готова к этому, Теноктрис? — спросила Лизэйн, появляясь с серебряным блюдом в саду на крыше. Ройяс не запрещал старой волшебнице писать символы по краям блюда — символы, которые она использовала в своих заклинаниях.

Гаррик установил маленький расписной столик между карликовым фиговым деревом и вазой с нарциссами. Юноша поежился. Дворец Ройяса был на пол-этажа выше всех остальных зданий в округе, но слуги затянули окна полотняными занавесями, которые не спасали от прохладного весеннего ветерка.

Гаррик прекрасно понимал: не весенняя свежесть — причина его озноба, и солнце вряд ли сумеет согреть его.

— Думаю, я достаточно набралась сил, чтобы провести простую церемонию гадания,— ответила Теноктрис, сидящая за столиком на резной скамеечке. Она взглянула

на спутника с легкой улыбкой.— И еще я уверена: времени остается совсем немного.

Лизэйн сглотнула. Она поставила блюдо в центр столика. Почти в центр: ведь она не воспитывалась в семье владельца гостиницы и не обучалась искусству сервировки стола!

Гаррик усмехнулся, и его дурное настроение рассеялось без следа. Он сидел напротив Теноктрис, оставив пространство для Лизэйн между собой и старой леди.

Блюдо было отполировано до блеска. Гаррик увидел в нем отражение Теноктрис. За ее спиной начинался сад, по стене которого вился плющ, свисающий в сторону дворца.

Теноктрис дотронулась до прохладной металлической поверхности.

— Серебро защитит нас, и королева не рискнет появиться,— промолвила она,— если только ее магия не намного сильнее моей.

Она посмотрела на компаньонов, и ее улыбка исчезла за выражением тихой сосредоточенности.

— Мне не понадобится ваша помощь в чтении заклинаний, но я не могу быть уверена, что запомню все картины, явленные зеркалом. Вот в этом вы можете мне помочь.

— Отлично,— мягко откликнулся Гаррик.— Ты выполняешь всю тяжелую работу, а мы просто сидим и наблюдаем.

Теноктрис старалась оттянуть ответственный момент, хотя Гаррик не думал, что старая леди боится. Теноктрис не раз говорила, что собственная жизнь мало значит для нее, и юноша не сомневался в правдивости этих слов. Просто волшебница была еще слишком слаба после их путешествия по сверкающей дороге. Всегда легче встать лицом к лицу с опасностью, чем снова и снова возвращаться к практически невыполнимому заданию.

Теноктрис усмехнулась.

— *Сасскиб*,— начала она произносить нараспев, поворачивая блюдо указательным пальцем. Гладкое блюдо легко двигалось по гладкому же дереву.— *Каббиб сади кнебир*.

Гаррику стало страшно. С тех пор, как он услышал первое заклинание в Изначальном Месте Эрза, он не понаслышке познакомился с теми ужасами, которые подкарауливают людей в щелях между мирами. Где-то, он и сам не знал где, его поджидает женщина с телом из перламутра. Теноктрис — опытная волшебница, она никогда не сделает шага в темноту, если не будет верить в положительный результат. Но даже в этом случае заклинание может открыть доступ тем силам, чья Длань сотворила Залив.

Лиэйн боялась того же. Она сидела, сжав кулаки. Когда Гаррик коснулся ее руки, она с жаром схватила его кисть. Пальцы молодых людей сплелись.

— *Савадри марирай аноквоп*, — продолжала Теноктрис. Подняв руку над блюдом, она отчетливо произносила слова заклинания: — *Анес пасепс кибойбей*.

Ройяс дал Гаррику все, что тот попросил, включая посуду, на которой можно было нацарапать необходимые символы, как на магическом зеркале. Ни он сам, ни другие заговорщики не пожелали присутствовать на сеансе. Только Мауруннус и еще двое слуг знали о появлении в доме Гаррика и его спутников.

Но знала стража. И охотник. И кто-нибудь из них может проронить неосторожное слово. Если Силийон сумел предсказать появление троицы среди руин дворца, значит, сумеет и вычислить их местонахождение. На это его искусства хватит.

— *Банвар!* — воскликнула Теноктрис. Блюдо завертелось быстрее. Слишком быстро, чтобы можно было прочесть слова. — *Накьяр накьяр ях!*

Серебряные блики почти слились в сплошное сияние. Сквозь него Гаррик уже видел королеву, блиставшую холодной красотой, стоящую в одеянии из радужного шелка перед пластиной из полированного турмалина. Слова заклинаний были написаны на мозаичных плитах пола вокруг столика.

Теноктрис продолжала читать заклинания. Внимание Гаррика было намертво приковано к образу королевы, так горностаи вцепляются зубами в крысу.

Королева тоже читала заклинания. Слова не долетали до Гаррика, но он странным образом ощущал ритм. Именно ритм и заставлял его не отводить взгляд...

Королева подняла посох из сверкающего хрусталя. При этом от ее тела отделился призрачный образ. У него были черты демона, серо-дымчатое тело, глаза горели адским желтым огнем.

Королева продолжала читать заклинания. За пределами круга высился массивный стол. На нем Гаррик увидел нечто, напоминавшее шахматную доску, но изображение не было четким. Еще один фантазм отделился от тела женщины и прошел сквозь стену.

Третий фантазм отделился от тела королевы и пробился сквозь серебряную стенку. Королева стояла, величественная и холодная, но плоть ее стала расплываться, терять очертание, будто сама сущность ее покинула границы тела. Голос Теноктрис перешел в неясное бормотание.

— Там, в зеркале,— прошептала Лизйн. Она еле заставляла себя не вскочить и не убежать.— Посмотрите в каменное зеркало.

Гаррик с усилием поднялся. Он двигался неловко, ибо не мог оторвать взгляда от вертящегося блюда. Встав за спиной Теноктрис, заглянул в зеркало, в которое смотрела сама королева.

Теноктрис тяжело вздохнула. Она потеряла глаза, вид у нее был измученный. Блюдо на большой скорости слетело со стола и зазвенело по крыше. Как только смолкли слова заклинаний старой волшебницы, исчезли и мелькавшие в нем образы.

Теноктрис подалась вперед, не то уснула, не то лишилась чувств. Гаррик схватил ее за плечи, не давая удариться лицом о поверхность стола.

— Ты видел? — с ужасом спросила Лизйн. Гаррик тоже пошатывался. Сейчас главное — не уронить Теноктрис.— Видел что-нибудь в камне?

— Королевы я не видел,— также шепотом проговорил юноша.— Видел только демона. И он смотрел на меня.

* * *

Майдус не плакал с той ночи, как очередной дружок матери избил его до бесчувствия и мальчик уполз от дверей дома, чтобы никогда туда не вернуться. А теперь он плакал, сидя на полу комнаты, где остановились Церикс и Халфемос.

— Брось мою последнюю пилюлю в вино и дай ему, Халфемос,— распорядился Церикс, накладывая швы на голову паренька. От дубины осталась рана шириной чуть ли не в ладонь. Кровь струилась ручьем, пока оба мага не остановили ее, иначе мальчик мог попросту погибнуть.

— Он не от боли плачет,— сухо бросил Халфемос.— Наверное, это я должен был отправиться в доки вместо Илны!

— Дай ему пилюлю! — повторил Церикс.— Она помогает не только от физической боли, сынок.

Стягивая края раны большим и указательным пальцами левой руки, правой он направлял иглу. Нить была взята из мантии Халфемоса. Шелк был красным, поэтому проступающая кровь не была на нем столь заметна.

— Тебе не выпало случая самому убедиться в этом,— продолжал Церикс.— Хвала Богам, что не выпало.

— Вы, маги, великие мастера,— проговорил Майдус. Он ни разу не дернулся от уколов иглы, только слезы бежали по щекам.— Я ненавижу вас за то, что вы отправили туда госпожу Илну, но теперь только вы можете помочь. Пожалуйста, верните ее обратно. Она — лучшее, что когда-либо было здесь, в Кресчене. И лучшее, что когда-либо было в мире!

Церикс фыркнул. Халфемос предупреждающе глянул в его сторону, но Майдус, казалось, не замечал ничего, кроме своей тайны.

— А что касается идеи, будто нужно было отправить тебя вместо Илны...— говорил Церикс, в то время как пальцы его совершали привычную работу,— даже если бы она не вложила в эту затею собственные деньги, все

равно приняла бы тебя за сумасшедшего, предложи ты ей свою кандидатуру. Вряд ли ты справился бы с заданием лучше нее самой. Что же до безопасности — я просто уверен: ей сейчас угрожает куда меньшая опасность, чем тем, кто захватил ее в плен.

Церикс закончил шить и вытащил нитку из иголки.

— Ну вот, готово. Можешь выпить немного, прежде чем я закреплю узел.

Майдус взял бокал, куда Халфемос налил вино с пилюлей Церикса. И проглотил его содержимое в три глотка. Тяжело дыша, он переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Но сможет ли Илна вернуться? Вы сумеете вернуть ее?

Руки калеки дрожали, чего не было, пока он зашивал рану. Парнишка появился у них, как только пришел в сознание. Он сбивчиво поведал о том, как госпожу Илну захватили чешуйчатые монстры. Церикс помог ему справиться с физическим ранением, но, что касалось всего остального — а ведь именно поэтому Майдус к ним и прибежал, — здесь волшебник бессильно опускал руки.

— У нас есть ее плащ, — оживился Халфемос. — Можно использовать заклинание поиска местонахождения, тебе так не кажется?

Он взял одеяние, которое принес Майдус. Кровь, засохшая на ткани, теперь осыпалась, словно порошок: шерсть была чрезвычайно плотной и жесткой.

Церикс посмотрел в опустевший ящичек, где хранил свои пилюли.

— Такие заклинания могли бы помочь, если бы Илна находилась недалеко. Используя твою немалую магическую силу, мы могли бы попытаться найти ее где угодно на Островах. Но вот добраться до нее самим — тут дело посложнее. У нас нет денег даже на то, чтобы заплатить за комнату.

Или за его снадобье. Он бы спокойно спал под открытым небом, будь у него хоть полдюжины пилюль, успокаивающих боль в терзаемых демонами ногах.

— Но мы ведь достаточно зарабатывали прежде! — возразил Халфемос. — Мне не хотелось бы тратить время, но разве мы не сможем набрать достаточно денег на дорогу? Мы ведь в долгу перед ней и ее братом!

Церикс не знал, должен ли он кому-либо. И сомневался, что Илну похитили из-за них с Халфемосом. И еще сомневался, что именно Халфемос виноват в исчезновении Кэшела.

Но знал он также, что давно бы умер, если бы юноша, ничем ему, Цериксу, не обязанный, не заботился бы о нем, пострадавшем из-за собственного высокомерия и тупости.

— Конечно, мы можем заработать деньги, — заговорил он. — Достаточно, чтобы попасть в любое место на Островах. Разумеется. Но если Илну похитили именно те создания, о которых я думаю, она больше не находится в одном с нами мире...

И рот его невольно сложился в горькую усмешку.

— Но ты можешь туда попасть, это точно, — продолжал он. — А вот я — вряд ли. И уж точно не в моих силах вернуть ее оттуда.

Халфемос ошарашенно взглянул на учителя.

— Но... Мы должны вернуть ее!

Майдус свернулся клубочком на полу, он заснул, и во сне происходило его излечение от потрясения и душевной травмы. Сон помогал этому не меньше, чем наркотическое снадобье. Теперь его нужно доставить к капитану, который станет присматривать за ним, как этого хотела Илна.

Единственной пилюли достаточно для парня, никогда прежде не принимавшего подобных средств. Может, лучше было дать половину или еще меньше... Тогда бы ему, Цериксу, осталось...

Он язвительно рассмеялся.

— Да, пожалуй, должны. Но я не уверен...

Голос его оборвался, ибо он что-то заметил, когда свет упал на плащ Илны, который держал в руках Халфемос.

— Стой! — закричал Церикс. — Не двигайся.

Халфемос опустил руки с плащом. Он сделал это бессознательно.

— Не двигай плащ! — снова воскликнул Церикс. Он повернул кресло в другую сторону и склонил голову, чтобы лучше разглядеть происходящее.

Халфемос застыл, как статуя. Он привык к четким командам, произнося заклинания, хотя и не понимал их значения. И теперь спокойно ждал, пока старший друг и учитель объяснит, в чем дело.

Тот снова откинулся на спинку кресла.

— Положи плащ на стол,— уже мягче произнес он.— Не сворачивай, просто положи. Хотя, я думаю, разницы тут никакой. Госпожа Илна вряд ли сотворила бы вещь, недостаточно прочную.

— Плащ? — удивился Халфемос, раскладывая одежду на столе.

— Ткань растянулась, когда Чешуйчатый тащил ее,— пояснил Церикс.— А может, это она сама, не знаю.

Интересно, каково это: обладать подобной силой. Даже не представить. Самому Цериксу сейчас было бы довольно силы, которая помогла бы ему достать пилюли и справиться с болью. И хорошо бы — навсегда...

— Церикс? — неуверенно произнес Халфемос.

Калека улыбнулся.

— Здесь, на ткани, символы. Это Старая Вязь. Я смогу прочесть их при хорошем освещении. Надеюсь, это как раз то заклинание, что сможет привести нас к Илне.

Лицо молодого мага озарила радость.

— Госпожа благословляет нас! — Он упал на колени.— О Церикс, я знал, что способ есть! Иначе и быть не могло!

— Не знаю, как начет Богов,— заявил Церикс.— И совсем не уверен, что они стали бы поддерживать Илну. Скорее уж, ветра и приливы, чем те сущности, которым ты поклоняешься.

Халфемос склонился над тканью. Он пытался определить угол, при котором сумеет разглядеть написанное. Понятно, что ему не прочесть эти слова. Учителя он не слушал, но это ничего. Церикс скорее уж обращался к самому себе.

Обладать такой силой...

— Я проанализирую эти символы,— устало промолвил Церикс.— Это займет не один день, так что завтра придется вернуться на улицу и зарабатывать на жизнь.

Халфемос кивнул, не оборачиваясь.

— На этот раз никаких видений, связанных с королем Валенсом,— сказал он.

— Точно,— согласился Церикс. Но теперь он знал, что видел в круте красного света. Заклинания, приведшие их с Халфемосом к Илне, могут привести их также и к Чудовищу, причем во плоти.

Илна ос-Кенсет может выстоять и выжить при этой встрече. Обычные же люди — вряд ли.

Такая сила...

22-й день месяца Цапли

Шарина проснулась. Дождь прекратился. Она подумала, что сейчас, наверное, скорее закат, чем рассвет, но небо над чащей было темным, поэтому ничего нельзя сказать определенно.

Ханно выскользнул с другой стороны убежища, выстроенного Шариной и вмещавшего их двоих. Охотник двигался бесшумно, лишь копые тихонько постукивало о землю.

Шарина присоединилась к нему, ощущая, как скользят ноги по влажной почве. Лягушка на широком листе, затянувшая было брачную песнь, запела громче. Но крик ее предназначался не сородичам.

Демон, сотворенный из сероватого света, скользнул на поляну. Он двигался, не касаясь корней могучих исполинов-деревьев. Желтые миндалевидные глаза, слегка раскосые, казались единственной реальной чертой на лице демона. Они были живыми.

Фантазм замер. Ни Ханно, ни Шарина не двигались. Шарина оставила свое копые в шалаше, ибо не привыкла брать его с собой. Она осторожно извлекла из мешочка пьюльский нож и стала ждать.

Тварь испускала достаточно сильное свечение, чтобы ее можно было разглядеть, но сквозь прозрачное продол-

говатое тело просвечивали корни деревьев. Дюжина Волосатых людей, все мужчины, появились на краю поляны. Они держали в руках камни и дубинки.

Фантазм протянул руку в сторону, указывая Волосатым людям направление движения. Они двинулись к Ханно и Шарине.

— Обернись и посмотри мне за спину! — велел охотник.

Он позволил вожакам Волосатых достичь ручья, а потом бросился на них. Вместо того чтобы нанести удар, он описал копьём широкую дугу, словно косой. Отскочил назад, оставив несколько трупов. Трое Волосатых оказались мертвы, всего один — тяжело ранен, но и он уже захлебывался кровью.

Визжа от страха, выжившие бросились врассыпную. Некоторые в панике упали на четвереньки. Острое копьё Ханно разрубило одного из нападавших пополам. В воздухе запахло кровью и фекалиями.

Ханно тяжело дышал. Шарина — тоже. Никто не проронил ни слова.

Фантазм закачался и поплыл. Если бы туман мог проявлять эмоции, то это была бы ярость. Он снова сделал повелительный жест, призывая Волосатых наступать.

Ханно взревел. Он одним махом перескочил через ручей и взмахнул тяжеленным копьём, на сей раз целясь в призрак. Оружие прошло сквозь туман и врезалось в ближайшее дерево.

Ствол содрогнулся. Ханно захрипел: слишком тяжелый удар, даже для такого исполина, как он. К нему тут же кинулись двое Волосатых людей.

Шарина бросилась вперед, поднимая нож, готовая ударить. Ханно поймал летящую к нему дубинку. Внезапно его правая нога мелькнула в воздухе, и нападавший упал с проломленной грудью. Охотник ухватился за дубину, потянул за нее, другой рукой нанося сокрушительный удар ее владельцу по ребрам. Швырнул Волосатого о дерево и отскочил.

Жертва Ханно упала у древесного ствола с переломанными костями. Огромное копьё охотника все еще торчало в стволе. Придется попотеть, извлекая его оттуда.

Оставшиеся Волосатые люди, рыча, сгрудились вокруг, но фантазм больше не заставлял их идти вперед. Шарина воспользовалась передышкой и принесла свое копье.

— Вот,— она протянула его Ханно.

— Держи при себе,— прохрипел тот. Он выхватил из-за пояса топорик Ансуля.

Фантазм побледнел и начал исчезать, оставались только его желтые глаза. Волосатые люди пищали от страха. Один из них упал лицом вниз и прикрыл голову руками.

На том месте, где только что был призрак, в небо вырвались языки огня, пламя было грязно-алого цвета, как бывает, когда горит деготь. И спустя мгновение огонь принял форму человека.

Огненный дух качнулся вперед, двигаясь неуверенно, словно пьяный. Он протянул руки, с которых стекали сверкающие капли огня.

— Да заберет тебя Сестра! — выругался Ханно. Он бросился на чудовище, нанося молниеносный удар. Сталь мелькнула в воздухе там, где шея монстра соединялась с плечами.

Лезвие топора взорвалось белыми искрами. Ханно рухнул назад. Волосы на голове и борода встали дыбом. Половина топора взорвалась пламенем и теперь горела.

Чудовище двинулось вперед. Мокрая почва шипела под его ногами.

Ханно лежал у ног Шарины. Его глаза и рот были открыты, конечности непроизвольно подергивались. Огненный дух прыгнул через ручей.

Шарина бросила нож и копье. Схватила котелок с водой. Пришлось держать его двумя руками: три галлона воды и бронзовый сосуд — не такая уж легкая ноша.

Огненный дух потянулся к горлу Ханно. Шарина швырнула котел прямо в грудь чудищу. Раздался рев, как будто вода превратилась в кипящее масло. Во все стороны полетели языки пламени.

Волосатые люди в слепом ужасе удирали со всех ног, не разбирая дороги, только кусты трескали. Огонь распро-

странился на множество мест, добираясь до вершин деревьев. Влажная листва лишь ненадолго спасала от возгорания.

Огненный же дух исчез. На мгновение Шарине показалось, что она видит миндалевидные глаза призрака, следящие за ней сквозь туман, но потом растворились и они.

Она не помнила, когда ее отбросило назад, но, очнувшись, поняла, что сидит на земле в нескольких шагах от упавшего котла. Пьюлский нож лежал рядом с ней. Девушка схватила его и поползла к Ханно.

Охотник уже довольно резво шевелил руками, но еще не мог перевернуться на живот. Борода его обгорела, и Шарина обмазала ее глиной, чтобы зажила кожа.

Ханно вздохнул и как будто расслабился. Перевернулся без усилий, приподнялся на руках и сказал:

— Ты убила его, девчушка?

— Оно ушло,— ответила Шарина.— И я не знаю, вернется ли оно обратно.

О происшедшем напоминали осколки стекла. Интересно, сможет ли она когда-нибудь полностью собрать их воедино?

Только вряд ли ей этого захочется.

Ободок котла был двойной толщины. Сейчас на земле лежали только он да ручка, искореженные огнем. Остальная бронза растеклась зеленоватой жидкостью.

Ханно хихикнул.

— Ничего, молодая госпожа, ты справишься.— Он встал с осторожностью, но, похоже, у него ничего не болело. Вытянув правую руку, ту, в которой был топор, он показал ее девушке.— Гляди-ка.

И она увидела жуткую рану, кроваво-красный ожог. И это несмотря на то, что Ханно от чудовища отделяло два фута прочной древесины!

Охотник усмехнулся:

— Ничего, грести не помешает. Молодая госпожа, похоже, нам надо будет отправляться в Вэллис через пару дней, когда я смогу спуститься к лодке по скалам. Как тебе эта мысль?

— Нормально,— ответила Шарин.

Она вытерла грязь с лезвия ножа.

— Нормально,— повторила она.— Буду рада.

Гаррик и его спутники сидели вместе с пятью заговорщиками за полукруглым столом в обеденном зале Гильдии Стеклодувов. Помещение сняли для встречи на вымышленное имя. Все они надели театральные маски из папье-маше и плащи из коричневого бархата, скрывавшие не только лица, но и пол. В нижнюю часть каждой маски был вставлен раструб, изменявший голос до неузнаваемости.

Молодой человек с каштановыми волосами и длинными усами, облаченный в шелк и бархат, стоял перед ними. Ему было лет двадцать с небольшим, его костюм, и без того щегольской, украшали всякие бронзовые безделушки. Звали его Готелм ор-Калисинд, и был он одним из шестидесяти слуг в имении королевы, а теперь проигрался в пух и прах, и его очень недвусмысленно торопили с отдачей долгов.

— Сначала деньги! — потребовал он.— Без денег я вам не расскажу ничего!

— Он уже сломался,— сообщил наблюдавший за процессом король Карус, стоявший на воображаемом балкончике вместе с духовным телом Гаррика.— Ищет возможности заговорить.

— Почему? — поинтересовался Гаррик. Ему требовалось как следует понять поведение и слова предателя, поэтому Гаррик пригласил своего могущественного союзника.

Фигура справа за столом — Тадай, отличавшийся от худощавого Валдрона пышными формами даже под плащом,— сунула руку во второй рукав. К ногам Готелма полетел кошелек. Золото звякнуло о каменный пол.

— Он зол на королеву — или на ее слугу, вот что я думаю,— объяснил Карус.— Зол за то, что его не вытащили из переделки, поручившись за него. Поэтому он и готов выдать информацию, понимаешь?

Карус улыбался. Как будто ситуация и вправду казалась ему забавной.

Готелм наклонился и поднял кошель, потом уронил его, затем вцепился в него обеими руками. Он попытался открыть, но пальцы слишком дрожали.

— Отлично! — воскликнул он. — Что же вы хотите от меня узнать?

Гаррик улыбнулся Карусу. И вправду забавно. Грубоватое деревенское житье вряд ли могло научить Гаррика ценить юмор, которым наслаждался его предок. Во времена сражений лишь мрачные шутки имели хождение, но над ними тоже можно здорово посмеяться.

— Опишите тропу, ведущую к воротам, через которую вы вошли, — произнесла фигура, сидящая ближе к центру. Трубка неузнаваемо изменила голос Теноктрис, но, странное дело, отчего-то Гаррик сразу узнал ее.

— Она состоит из голых булыжников, футах в десяти от стен, — охотно сообщил Готелм. Руки его продолжали тербить кошель, нащупывая одну монету за другой. — Когда ступите на нее, она станет в десять раз шире, а дальше — сад. Растения, если можно их так назвать, только у них зубы на листьях и лица на стволах.

— Одинаково ли это выглядит снаружи и изнутри самого сада? — спросил Ройяс. Он держал руки в рукавах.

— Да, да, — с раздражением отвечал Готелм. — Изнутри тоже видно, когда кто-нибудь в саду. И еще видны шагающие камни. Ступаете на них — и все в порядке. Но если вы не собираетесь входить, камни вынесут вас на середину и — пшик! Исчезают. Я сам такое видел.

Соурус кивнул. В маске жест получился значительным.

— А как вы ориентируетесь в лабиринте? — спросила Теноктрис.

— В лабиринте? Это же просто тропа, — удивился Готелм.

— Ну, на тропе вы говорите какое-то слово или делаете жест?

— Я же говорю вам, нужно просто пройти через ворота, — сварливо бросил Готелм. — И ничего не нужно. А ворота откроются сами.

— Он явно с похмелья, — проговорил Гаррик. — Хотя, я уверен, он всегда ворчит.

— Он точно пьян или с похмелья,— согласился и Карус.— Проблема в том, что, если заставляешь людей служить себе за страх, не жди, чтобы они служили еще и за совесть. Никому из таких слуг верить, конечно, нельзя.

И король поиграл рукояткой своего меча. Он не взялся за рукоять, просто коснулся ее.

Теноктрис взглянула направо, потом налево.

— Все, что мне было нужно, я услышала.

— Что? — поразился Валдрон.— И платили сотню корон за *это*?

— Слушайте, мне пора в имение! — бросил Готелм. Он обеими руками прижимал к себе кошель.— И я уже все вам рассказал.

— От него будет больше пользы, если отпустить его,— проговорила Теноктрис.— Пусть даже мы и заключили с ним договор.

— А я говорю, за сотню корон информации маловато,— заявил Валдрон, вскакивая с места и роняя табурет, на котором сидел.

Не деньги его волновали, тем более что Тадай выложил собственные — к тому же все пятеро были достаточно богаты, особенно по мерке деревни Барка. Именно презрение к предателю и гнев заставили Валдрона схватиться за спрятанный в складках плаща меч.

На какую-то долю секунды Гаррик видел происходящее двумя парами глаз — своими глазами в прорези маски, а также глазами духовного двойника. Потом Карус рассеялся, вернувшись в тело. Гаррик встал из-за стола, дрожа от сдерживаемых чувств.

— Наше слово — вещь серьезная, им не стоит бросаться! — воскликнул юноша.— Если солжем ему, грош цена нашим обещаниям!

— Сынок...— начал Валдрон, распахивая плащ и обнажая оружие.

— Довольно! — закричал Ройяс.— Она утверждает, что у нас есть все необходимое. Тогда какой смысл оставаться здесь?

— Мастер Готелм нам полезен,— повторила Теноктрис на удивление резким тоном. Хотя все мужчины уже вскочили на ноги, она все еще сидела, вытянув пальцы.— Но здесь он ничем не может нам помочь.

— Ба! — воскликнул Валдрон. Он отбросил табурет в сторону и зашагал в другую комнату.

— Ступайте,— сказал Ройяс,— указывая предателю наверх, куда вела лестница на улицу.— Мы свяжемся с вами, если вы нам еще понадобится.

Готелм выбежал из комнаты.

— Он никогда к нам не вернется, если только мы его на аркане не затащим,— тоном отчаяния протянул Питре.— Что заставило Валдрона думать, будто он выполнит договор?

Теноктрис положила плащ на стол.

— Ему больше нечего нам сказать,— сообщила она.— И некому выдавать нас. Понаблюдать бы за ним, когда он вернется в имение королевы.

Она кивнула на дверь.

— Времени это много не займет. Гаррик, Лиэйн?

Лиэйн уже была в своей обычной одежде. Гаррик все еще боролся с завязками на спине, но тоже двинулся к выходу.

— Нет, вот сюда,— велела им Теноктрис, обходя стол и двигаясь к двери наверх. Они выбрали этот дом из-за его близости к имению королевы.

— Вас же увидят! — не выдержал Питре. Заговорщики прошли сюда через помещения Гильдии, каждый — через отдельный вход.

— Это не важно,— откликнулась Теноктрис.— Я должна понаблюдать за происходящим, и я предпочитаю делать это напрямую, а не при помощи своего ремесла!

Гаррик швырнул свой плащ наземь, следуя за женщинами.

Он с облегчением вышел на солнце. Ройяс приказал слугам Гильдии завесить окна тяжелыми порттьерами, ибо знал: Готелм с такой же легкостью может выдать королеве секреты заговорщиков, с какой только что сообщил секреты своей госпожи.

Дом Стеклодувов был расположен в весьма респектабельном районе. Мраморная резьба и виньетки из песчаника украшали стены. Это придавало ему торжественный вид.

Многие здания по соседству были построены еще во времена Старого Королевства. Воспоминания короля Каруса то и дело мелькали в сознании.

Улицы Вэллеса были вымощены булыжниками, они отличались прямизной, хотя в центре города сильно сужались. Дома по другой стороне дороги принадлежали богатым купцам и гильдиям, но проходы между ними были не более двух шагов. Парадные двери в основном устраивались на втором этаже, к ним вели каменные лестницы.

— Лизэйн? — позвал Гаррик. — Каким образом королева решила жить в таком районе? Ведь королевский дворец — за северной стеной города.

Лизэйн взглянула на него, озадаченная, не понимая, откуда ему это может быть известно.

— Дворец все еще там, но королева выстроила отдельную резиденцию еще с тех пор, как я училась в Академии госпожи Гудеа пять лет назад.

— Здесь было открытое место? — спросил Гаррик. Каркоза, древняя столица Островов, представляла собой руины, где нынешнее население растаскивало обломки прежней роскоши Старого Королевства как материал для новых построек. Вэллис же как будто не особенно пострадал за последнее тысячелетие. Трудно было представить место, более подходящее для строительства имени королевы.

— Здесь был пожар, — пояснила Лизэйн. — Он охватил лишь постройки, которые выбрали агенты королевы, а владельцы отказывались продать их. Конечно, пошли слухи, потому что загорелось все в одночасье, и люди не успели спастись. Это произошло до того, как объявился первый из огненных духов.

Она посмотрела на Гаррика ничего не выражающим взглядом.

— Все наследники погибших охотно пошли на сделку. Более чем охотно.

Теноктрис прибавила шаг. Готелм медленно брел впереди, но все равно уже покинул пределы здания.

Прямо на них мчалась карета, запряженная шестеркой лошадей, перегородившая всю улицу. Готелм исчез за углом, прежде чем Гаррик и остальные спрятались за лестницу.

Карета промчалась мимо, при этом колеса высекали искры из булыжников мостовой. Окошки были слишком плотно занавешены, чтобы можно было разглядеть пассажиров.

— В городе, коим правят надлежащим образом, после заката солнца нельзя разъезжать экипажам, — сухо заметила Лизйн.

— Мы знаем, куда идет Готелм, — сказал Гаррик, — но все рано должны спешить, если хотим понаблюдать за его действиями.

Говоря о городе, управляемом «надлежащим образом», Лизйн, конечно же, имела в виду Эрдин, где родилась и который по праву соперничал с Вэллисом за звание величайшего города на Островах. Лизйн получала здесь образование, а местные девушки обращались с ней как с варваркой из Сандраккана, несмотря на ее богатство, культуру и знатное происхождение. Все это, конечно, не добавляло уважения Вэллису в глазах гордой уроженки Эрдина.

Гаррик не собирался спорить со своей спутницей. Помимо всего прочего, Каркоза на Хафте (пусть и утратившая свое значение) была столицей настоящего, не разделенного на куски королевства Островов. На сегодняшний день ничто не может сравниться с ней.

Теноктрис улыбнулась, словно прочитав мысли Гаррика. Он вернул ей улыбку.

Когда они достигли перекрестка, где под неправильным углом встречались три улицы, а четвертая присоединялась немного поодаль, Гаррик был удивлен, снова заметив впереди Готелма. Предатель немного замешкался, прежде чем ступить на территорию вокруг имения.

Само же имение еще больше поражало воображение.

Здание из базальта было выстроено в форме пятиугольника. Улица, куда завернул Готелм, шла прямо к

воротам с арками по обе стороны друг от друга, а дальше вход вел на первый этаж. Этажей было всего два, но каменные перила по периметру крыши были очень высокими.

На втором этаже было освещено с десятков окон. За ними виднелись языки пламени. У Гаррика даже голова закружилась, когда он посмотрел туда, словно заглянул в бездну, ведущую в Нижний мир. Он понял, почему замешкался Готелм и почему проход через перекресток отвлек его внимание.

Готелм закрыл лицо руками. Он не смел зажмуриться, но ему явно хотелось этого. Он качнулся вперед.

— Выглядит так, будто он собирается прыгнуть с обрыва, — прошептала Лизэйн.

— Это было бы для него самой легкой смертью, но нас бы не спасло, — отозвалась Теноктрис.

— Почему ты... — начал было Гаррик. И тут, как только Готелм оказался внутри, десятифутовая дорожка изменилась, резко и неуволимо, превратившись в длинный коридор со стоящими по обеим сторонам статуями и темнеющими деревьями. Гаррик замолчал.

Пусть их предупредили, чего ожидать, все равно — действительность поразила их ничуть не меньше. Имение выглядело так же, как и прежде, только теперь стало огромным, потому что увеличилась авансцена. Ко входу вела череда пятиугольных камней. Готелм следовал по ним, аккуратно ступая.

— Я думала, он побежит, — сказала Лизэйн. Она нервно обхватила себя руками, Гаррик же обнаружил, что держится за меч.

— Он боится сбиться с пути, — подсказала Теноктрис. — Но это ему не поможет. Если королева не позаботилась придумать пароль, чтобы не допустить внутрь врагов, так это потому, что лабиринт может читать в сердцах людей.

Вдоль дорожки стояли тисовые деревья и базальтовые кадки с цветами. Из базальта были и статуи на невысоких постаментах. Резьба на них почти стерлась.

Тропа казалась прямой, но угол наблюдения за идущим человеком постоянно менялся. Как будто Готелм и

впрямь шел по лабиринту — именно это слово упомянула Теноктрис.

Готелм иногда оборачивался, но явно не видел Гаррика и его спутников. Каждый шаг приближал его к дворцу.

— Значит, пожертвуем им? — спросила Лизйн. Она не сводила глаз с Готелма.

— Я хочу посмотреть, как работает защита, — проговорила Теноктрис. — Мне тоже немного неловко наблюдать, что происходит, но все люди смертны.

Она скупно улыбнулась.

— У меня сейчас дела поважнее, чем спасать Готелма от последствий его же собственной нечестности.

— Умирали и лучшие люди, — задумчиво произнесла Лизйн. Гаррик согласился с ней, но резкость тона девушки удивил его. Он не понял, что она говорит о своем отце, погубленном им же самым вызванным демоном.

Все действия имеют последствия. Готелм тоже должен заплатить за свои проступки.

И тут тропа исчезла, словно камни растаяли под лучами солнца. Готелм замер на месте. Его правая нога осталась вытянутой. Он потянул ее назад и обхватил руками тело, медленно поворачивая голову. Он явно не понимал, что происходит.

На Готелме были башмаки из красного сафьяна, но носки башмаков были уже не видны.

— Его ноги проваливаются в землю, — прошептала Лизйн.

— Над ним собирается плющ, — добавил Теноктрис. — Само по себе это безопасно. Большинство эффектов безвредны, но мне хотелось бы знать, к чему подготовиться.

Готелм вскрикнул и побежал. Голос его звучал приглушенно, словно он находился за несколько миль от них. Вопли и проклятья предателя оглашали окрестности. Одна из ив протянула к нему чуткие ветви, хотя ветра никакого не было.

— Почему бы ему не вернуться? — удивился Гаррик.

Ему было неприятно наблюдать эту игру в кошки-мышки. Он понимал: иногда без убийства не обойтись, но куда более справедливым казался мгновенный хруст

собачьих челюстей, чем подобная травля. Он произвольно сжал клинок меча, отчего сила короля Каруса стала ближе.

Теноктрис пожала плечами.

— Он не может нас видеть. И дворец — тоже. Если побежит назад, его немедленно вернут на место...

Статуя с телом человека и ногами, напоминающими змеиные хвосты, сделала шаг с постамента. И заскользила в направлении Готелма. Тот завизжал, словно ребенок, встретивший призрак.

— Это тоже не причинит вреда,— заметила Теноктрис.— Да, если уснешь возле него, он тебя раздавит, но вообще-то он движется слишком медленно.

— Отступники! — раздался чей-то голос позади.

Гаррик оглянулся. Женщина с корзиной, полной свежеспеченного хлеба, остановилась на перекрестке. Это она кричала.

— Мы должны знать,— проговорил Гаррик, едва шевеля губами.

На камне проступали черты демона. Из открытой пасти вырывался поток, струившийся по всей площадке. Готелм бросился к горбатуому мостику, хотя поток был совсем маленький: ничего не стоило его перепрыгнуть.

Когда предатель был посреди мостика, каменное тело выгнулось и сбросило его в воду. Его тут же потащило на глубину.

Готелм отчаянно барахтался, оглашая окрестности громким воем. Казалось, будто кролик попал в пасть к удаву. Вода, словно живая, свивалась кольцами, затягивая Готелма в водоворот, засасывая его.

Челюсти горгульи захлопнулись. Вопль прекратился. Было слышно только, как хрустнули кости.

Гаррик нервно сглотнул. Пожалуй, так лучше.

Каменное лицо повернулось к ним. Челюсти снова открылись, чудовище отпрыгнуло. И тут и горгулья, и весь ландшафт исчезли из виду. Гаррик и его друзья снова смотрели на дворец с горящими в окнах огнями, к которому вела вымощенная булыжниками дорожка, совсем узенькая — любой взрослый человек сумеет перепрыгнуть ее за один раз.

— Теперь мы узнали все, что хотели,— промолвила Теноктрис совсем тихо.— И единственное, что меня радует — то, что мы были далеко от происходящих событий.

Илна ос-Кенсет ощущала боль, голод и злость. Возвращаясь мысленно к разным событиям своей жизни, она не могла припомнить, когда еще так злилась. Правда, боль и голод нередко бывали ее спутниками.

Она засмеялась злым, лающим смехом. Матрос, возившийся с парусом, взглянул в ее сторону. Девушке очень хотелось пнуть его в лодыжку, но вместо этого кивнула, довольно вежливо, как кивнула бы соседу в деревушке Барка.

Матрос сделал еще один виток веревки вокруг кнехта и двинулся вперед. Лица Чешуйчатых людей больше всего напоминали жабы морды. По ним невозможно было догадаться, о чем они думают.

Несмотря на усталость, Илна могла сесть, но предпочитала этого не делать: пусть ее тюремщики не догадываются, что она разобралась с узлами. Лежать казалось невыносимым, все тело ныло.

Солнце двигалось по небу очень медленно — медленнее, чем Илна привыкла. В тени паруса было вообще прохладно, когда же лучи падали на нее, они не давали много тепла и были красноватого оттенка.

Тюремщики дважды поили ее водой, выжимая ее в рот пленнице из куска ткани. Сесть ей при этом не разрешали.

Вода отличалась мерзким вкусом. Ткань оказалась обрывком штанов человека, не так давно убитого упавшей мачтой. Ткань рассказала Илне всю историю. Но вода сохраняла ей жизнь, так что все остальное — не важно.

Выжить необходимо. Хотя бы для того, чтобы свести счеты.

Что-то двинулось в небе над головой, накрывая корабль тенью. Илна подняла глаза. Прямо посреди туч висело существо с розовым телом, во много раз превос-

ходящим размеры корабля. Прозрачные крылья мерно колыхались, напоминая гигантские плавники. Не было видно ни глаз, ни ушей, только некие наросты и углубления посреди розовой массы.

Матросы возбужденно засопели. Один из них открыл сундук, встроенный в переднюю часть палубы, и раздал всем оружие. Матрос взял арбалет и растянул его, используя ноги для упора.

Илна не считала арбалет серьезным оружием. Пожалуй, обыкновенный лук, из какого стрелял Гаррик, мог бы послужить более эффективно благодаря быстрой полета стрелы.

Но только умелый лучник мог добиться успеха с таким луком. Из арбалета же сделает выстрел любой неумеха.

Илна скривилась. Люди всегда умеют пустить пыль в глаза, даже если и пускать-то нечего.

Создание не замечало корабль. Оно вплыло в облако и вынырнуло с другой стороны. От его длинных плавников во все стороны полетели вихри. Остальная часть облака просто оказалась проглоченной монстром.

Чешуйчатые понемногу успокаивались. Арбалетчик положил свое оружие обратно в сундук. Остальные пока оставили при себе кортики, висевшие у них на поясах.

• Откуда-то снизу до Илны донесся мерный звук, напоминавший голос, но нельзя было с уверенностью признать в нем именно человеческий голос.

Сам по себе он мало беспокоил Илну. Если у нее здесь есть собрат по несчастью, значит, он и сам несвободен, и вряд ли стоит рассчитывать на его помощь.

Она продолжала распутывать узлы. Матрос изредка поглядывала в ее сторону, но он был занят своими делами.

Илне было нелегко, но, кажется, ей удавалось. Остался всего один узел.

24-й день месяца Цапли

Кэшел понятия не имел, что его разбудило. Ночь была теплой и тихой, только мохнатый приятель похрапывал

поблизости, чмокая губами и время от времени всхрапывая. Ария все еще жаловалась на шум, но, разумеется, тоже быстро засыпала.

Для Кэшела этот звук казался родным, почти домашним. Дантль — понятное дело, Дантль Долговязый, а не Косоглазый Дантль, живущий на другом конце деревни — держал свинью, которая точно так же похрюкивала.

Кэшел поднялся. Двигался он тихо, но все же был весьма удивлен, что Захаг так и не проснулся. Кэшел сто раз замечал, как примат вскакивал, бросаясь на ползущего скорпиона.

В последний раз он поймал насекомое и жадно съел его, поглядывая на своего спутника. Кэшел даже раздавить его босой ногой не решился, не говоря уж о том, чтобы съесть.

Они уже вышли за пределы болота. Вокруг стало гораздо суше, хотя все же не похоже на пустыню, где они очутились, вызволяя Арию из тюрьмы. Кэшел не решился бы пасти тут овец, но вот коз, пожалуй, можно. Он рассматривал огромные валуны по обе стороны от тропы, гадая: видели они когда-либо здесь людей.

Хотя, вероятно, «люди» — не совсем подходящее слово.

Мимо пробежала лиса, но почему-то с громким шумом. Кэшел зажал в руках посох, вспоминая ощущение в ладонях. Он все еще скучал по своему ореховому посоху, оставшемуся во дворце Фолкуина, но и этот сослужил ему добрую службу.

Он не любил коз. Они умны, это верно, но ум никогда не стоял на первом месте в списке добродетелей, почитаемых Кэшелом. Козы капризные, вредные, так и норовят выкинуть какой-нибудь фортель из чистого упрямства. Овца всегда пройдет через калитку, чтобы добраться до зеленого куста. Козы же будут лезть сквозь изгородь, обглодают всю зелень до корней, даже если вокруг полно нормального корма.

Вся эта история со спасением Арии живо напомнила Кэшелу те времена, когда он был вынужден пасти коз.

Древесные угли мигом вспыхнули, потом снова начали тлеть. Пламя еще раз взвилось, но теперь оно казалось

бледно-голубым, как осеннее небо. И все это — совершенно беззвучно.

— Захаг,— позвал Кэшел. Казалось бы, он произнес это совсем тихо, но надеялся, что чутко спавшая принцесса проснется от звука его зычного голоса.— Принцесса...

Но ни тот, ни другая не пошевелились. Лишь огонь плясал в ночи.

Кэшел услышал тихий звук шагов по влажной земле. Он выглянул в темноту, но ничего не заметил. Поднял посох и крикнул:

— Кто здесь?

Три женщины, не настоящие великанши, но все-таки одного роста с Кэшелом, появились у костра, держась за руки. Босоногие, словно крестьянки, однако же на их головах возвышались тиары, а платья их были из шелка изумительно тонкой выделки.

— Мы ждем тебя, Кэшел,— проговорила та, что в середине. Волосы ее, должно быть, имели пепельно-белый оттенок, ибо сейчас, при свете костра, отливали синевой.— Пойдем, потанцуешь с нами.

Женщина с левой стороны была белокожей и черноволосой.

— Для танца нам не хватает четвертого человека, Кэшел,— ее голос звучал звонкой флейтой.

Они были прекрасны. И двигались столь же грациозно, как Шарина. Кэшел посмотрел на них и обнаружил, что не может вспомнить лица Шарины.

— Где вы живете? — спросил он. Он вытянул ногу и толкнул Захага ногой под ребро. Все равно что пинать камень. Бок примата оказался застывшим и холодным.

— Мы нездешние, Кэшел,— проговорила третья женщина. Она поманила его свободной рукой. Юноша почувствовал, как его захлестывает неведомый поток.— Мы пришли к тебе в гости.

— Потанцуй с нами,— хором пропели незнакомки. И медленно закружились, выступая горделиво и торжественно, словно бойцовые петухи перед битвой.

— Нет,— отрезал Кэшел. Он пытался сказать что-то еще. Но губы отказывались повиноваться.

Женщины снова взялись за руки, потом разделились. Каждая сделала несколько пируэтов, при этом всякий раз они кружились посолонь. Каждая во время поворотов тянула руки к Кэшелу: Потанцуй с нами...»

Кэшел крепко держал посох перед собой. Танец подходил к кульминационному моменту. Непрерывно кружась, женщины как будто остановились перед его мысленным взором. И жестами указывали на него.

«Иди к нам, Кэшел! Для танца нужны четверо! Иди к нам...»

Кэшел усилием воли заставил себя отвернуться. Ария скорчилась на земле, забывшись странным сном, из которого не вернуться. Принцесса не вызывала у него симпатий, но ведь это он, Кэшел ор-Кенсет, привел ее сюда...

Шарина оставалась лишь смутным воспоминанием. Остальные друзья казались не более, чем пустым звуком, их имена значили теперь не больше имен героев эпоса в прочитанных ему Гарриком книгах.

Но долг оставался долгом.

— Я не могу,— прошептал Кэшел.— Я нужен здесь.

Танец ускорился. Фигур теперь было не различить, лишь мелькания огней.

Свет залил все вокруг, погружая Кэшела в странный сон без начала и конца...

— Мы сделали все, как вы просили,— заявил Ройяс.— Более сотни наших агентов появились в городе, разнося слухи. На следующий день к этому часу не останется ни единой души в Вэллесе, кто не будет знать, что король Карус пришел, чтобы вернуть долг королеве.

Он цинично рассмеялся.

— В это они тоже поверят, вся эта толпа. А нам это только на руку.

На барже, причаливавшей поблизости, прозвонил колокол. Они плыли по реке Белтис, по которой в Вэллис доставлялись различные грузы. Ройяс не понимал, почему Гаррик настаивал на встрече именно здесь, а не в его имении или хотя бы в карете. Телохранители вельможи

держались шагах в двадцати и явно страдали в этой ситуации.

Справа от Гаррика набережная огибала сзади храм в честь Госпожи Изобильной. Белтис разливался ранней весной; огромные каменные блоки от времени покрылись плесенью. Этот храм и остальные общественные здания по другую сторону от храма выходили на Торговую площадь — она была центром Вэллеса, когда он был еще деревней.

— Кое-кто из них поверит сразу,— сказал Гаррик.— Другие присоединятся, когда увидят меня. И, наконец...

Он посмотрел на собеседника, стараясь привлечь его внимание.

— ...каждый в Орнифоле и вообще на всех островах поверит в это и присоединится к нам. Я не верю в Золотой Век, Ройяс. Но я свято верю в правительство, которое старается быть справедливым для всех, а также в короля для всех Островов.

Ройяс был умен и деятелен. Без него заговорщики не сумели бы собраться и создать организацию, пусть даже остальные и не признавали за ним лидерства. Вот он на минуту замешкался, но потом двинулся дальше.

Они шли в темноте, лишь луна светила в небе.

— Ваша речь звучит не так, как должна звучать у простого крестьянина из Хафта,— заметил Ройяс. Его глаза не отрывались от дороги впереди, капюшон скрывал лицо.— Может, мне следовало расправиться с вами там, в лесу, как я и пообещал Валенсу?

Гаррик усмехнулся. Смеялись губы Гаррика, но принадлежал смех королю Карусу. Меч, мгновенно рассекающий до кости, плащ, обернутый вокруг левой руки, вместо щита. Враги подбираются слишком близко, чтобы понять, в чем дело. И вот они уже вскрикивают в изумлении, зажимая рукой смертельную рану, так и не успев нанести ответный удар...

Над рекой скользили летучие мыши, ловящие насекомых на лету. Но вот раздался шум более мощных крыльев. «Сова»,— мгновенно распознал Гаррик.

— Нет, вы не должны были отдавать этот приказ, Ройяс,— сказал Гаррик.

Тот беззвучно рассмеялся, поняв смысл ответа юноши. Отдай Ройяс приказ уничтожить юношу, победителем мог выйти вовсе не он...

Наверху, в храме, слышались голоса. Раздался звук разбивающейся чашки или бутылки. Голоса принадлежали явно нетрезвым людям.

Общественные здания в городе зачастую являлись приютом для бродяг. По ночам эти люди сидели на ступенях храмов, ели и пили и громко обсуждали свои дела.

Отличались ли они чем-либо от людей, подобных Ройясу или Гаррику, который собирается стать королем Островов?

Гаррик рассмеялся. Может быть, его мечты тусклы и убоги по сравнению с мечтами этих бродяг?

— Чего вы хотите? — спросил его Ройяс. — Чего хотите вы сами? Клянусь, есть в вас нечто зловещее, как в самой королеве!

— Но я вовсе не являюсь порождением зла, — возразил Гаррик.

Он надеялся, что это правда. Иначе разве Теноктрис и Лизйн могли бы дружить с ним?

— Лорд Ройяс, — вкрадчиво продолжил он, — я намерен стать королем Островов. Всех Островов. Чтобы служить всем живущим на них людям.

Гаррик знал: наступил момент, которого он ждал. Он завел Ройяса в такое место, где тот ощущал себя неуверенным, одиноким.

— И я собираюсь это сделать не потому, что имею могущественного предка-правителя — хотя он и был таковым, как вам верно сообщил Силийон. Я собираюсь сделать это, потому что, если не сделаю, весь мир снова опустится на дно морское.

Они продолжали свой путь. Остановись они, телохранители тут же приблизятся, всем своим видом символизируя молчаливый вопрос.

— Зачем вы делитесь со мной всем этим? — спросил Ройяс. Его голос звучал неуверенно, даже испуганно. Гаррик казался вельможе опасным, непонятным, в нем был неведомый и ошеломляющий риск.

— Потому что хочу, чтобы вы мне поверили,— ответил Гаррик.— Нужно, чтобы кто-нибудь восстановил веру в королевстве Островов. Старое королевство пало, ибо люди утратили веру после исчезновения Каруса. Если люди вновь сумеют поверить в вещи более важные, чем толщина их кошельков или количество войска, которое снарядят в случае опасности, тогда и только тогда мы вновь обретем мир и единство.

— Валдрон никогда не станет служить вам,— проговорил Ройяс. Именно таким его и представлял себе король Карус: сообразительным, решительным и смелым — но не спешащим хвататься за меч.— Моя семья на протяжении двадцати поколений занималась торговлей. Валдрон и остальные северные землевладельцы совсем другие — их честь значит для них куда больше, нежели все остальное. Они никогда не склонят головы перед хафтским пастухом.

Этим утверждением Ройяс косвенно дал понять, что он и другие дворяне, пожалуй, и склонят свои головы. Гаррик слегка улыбнулся.

— А перед короной Островов склонят свои головы? — поинтересовался он.— Ведь Валенс они признали, верно?

— О да,— согласился старший собеседник.— Валенс — один из них, не нужно забывать, что его владения на севере и западе — больше, чем некоторые из островов. И они сражались за него за Каменной Стеной, ибо, что бы ни думали о нем как о человеке, Валенс все же не пират из Сандраккана.

— Я хочу, чтобы Острова объединились на мирной основе,— проговорил Гаррик. Он улыбнулся.— Настолько мирной, насколько это угодно людям. Как я уже сказал, о Золотом Веке нечего даже и думать. С королевой и с той сущностью, которой служит Валенс — насколько вам известно...

— Ничего я не знаю! — взвился Ройяс.— Мне неизвестно даже, чем они с Силийоном занимаются.

— Насколько вам известно,— продолжал Гаррик.— Ибо, несмотря на все ваши попытки уклониться от этого знания, выходит-то плоховато. И главное, в чем мы нуж-

даемся,— это, ни больше ни меньше, объединение Островов. Нельзя ожидать, что каждый бросится помогать, особенно поначалу. Но те люди, которые не станут помогать объединению либо, что еще хуже, воспрепятствуют общему делу из собственной гордыни, представляют еще большую проблему, Ройяс.

Впереди показались огни корабля, доставлявшего грузы в пригороды на другой стороне реки. Мост и дорога пересекали Белтис к югу отсюда — там, где болотца разделяли канал на три потока, но даже в такое раннее время движение на реке было довольно оживленным.

— Я не солдат,— сообщил Ройяс.

«Хотя здорово разбираешься в военном деле, раз у тебя такие натасканные телохранители»,— подумал Гаррик. Вслух же сказал:

— Солдаты у нас будут. Потребуются как раз люди, умеющие быть организаторами, знающие толк в снабжении и денежных делах, способные принимать твердые решения достаточно быстро, когда времени не хватает для того, чтобы помочь королю Островов.

Ройяс рассмеялся, не скрывая изумления.

— Так вы просите меня стать вашим канцлером, король Гаррик? А как же насчет Папнотиса бор-Падримана, нынешнего хранителя печати? Даже не принимая во внимание тот факт, что его семья способна поднять на битву тысячу вооруженных людей, он еще и хорош в работе. Если иметь в виду то, с чем ему приходится работать...

Ройяс и Гаррик были одеты в ничем не примечательные туники с капюшонами. У Гаррика на поясе висели необычные длинные ножны, Ройяс же носил стандартный придворный меч. Зато Гаррика можно было принять за солдата, отправившегося в отпуск.

Они уже подошли достаточно близко к кораблю, чтобы разглядеть лица полудюжины людей, ожидающих следующего судна. В это время суток большинство судов прибывали в город — фермерские семьи присылали свои товары для горожан.

Гаррик продолжал неторопливо шагать. Он хорошо рассчитал время.

— Папнотис — главный администратор в Орнифоле,— произнес он.— Орнифолу в будущем тоже понадобится администратор.

Он и не знал имени канцлера до настоящего момента, просто не было случая узнать. Да и времени тоже не было. Карус с молчаливой настойчивостью торопил его. Реши Гаррик заняться изучением всей истории перед тем, как начать действовать, цивилизация, скорее всего, погибла бы.

Ройяс тихо рассмеялся:

— Думаю, нынче вечером мы зашли уже достаточно далеко. Кроме того...

Он сделал широкий жест, повернувшись на каблуках. Телохранители замерли, разделившись на тройки и ожидая дальнейших распоряжений хозяина.

— Кроме того, мы все рискуем, ибо огненные духи могут расправиться с вами хоть завтра, верно ведь? Если вас не задевают мои слова, могу сказать, что в наши планы до сей поры не входила забота о безопасности человека, который поднимет нас на борьбу против королевы.

— Если полагаете, что нынче вечером ваши приоритеты изменились, тогда я особенно рад состоявшейся дискуссии,— сухо промолвил Гаррик.— Теноктрис говорит, духи не могут сформироваться слишком быстро, а кроме того, их можно погасить, если иметь под рукой достаточно воды. А еще от них можно убежать — если не предаваться панике.

— Мой личный опыт свидетельствует о том, что магам не всегда можно доверять.

— Но этой волшебнице я доверяю. И доверяю ей всю свою жизнь.

Ройяс кивнул как ни в чем не бывало — словно они обсуждали меню завтрашнего обеда.

— Что же касается защиты поместья королевы, Теноктрис утверждает: главное — не сбиться с пути. А все эти эффекты не столь уж серьезны.

— Получается, ваша Теноктрис равна королеве, так ведь? Гаррик криво усмехнулся:

— Теноктрис утверждает, что нет никого, кто был бы равен королеве. По крайней мере, среди людей. Она даже не уверена, человек ли сама королева.

Ройяс воззрился на него.

— Вы это серьезно? Может, просто решили очернить врага?

— Теноктрис не стала бы этим заниматься,— заявил Гаррик.— Она считает, что... личность, объявившая себя принцессой Азалэс, на самом деле — нелюдь, демон в человеческом обличье.

Он пожал плечами.

— Теноктрис хочет понять врага настолько, чтобы можно было встретиться с ним. Я же собираюсь поднять народ Островов, чтобы выкинуть королеву из поместья и из Вэллиса, равно как и из нашего мира.

Гаррик усмехнулся.

— А еще — я бы хотел остаться в живых. Но только при условии, что цивилизация сохранится.

Некоторое время мужчины шли молча. На ступенях храма люди завели песню о сборе винограда. На Хафте частенько пели подобные песни после стрижки овец.

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы уступили мне парочку ваших людей до завтра,— снова завел разговор Гаррик.— Если только они согласятся. Думаю, вам самим лучше пока покинуть город.

— Я и сам намеревался это сделать,— поддержал его Ройяс.— Вряд ли всем пятерым из нас имеет смысл оставаться под носом у слуг королевы и подвергаться опасности, но...

Гаррик взглянул на него.

— Но... что?

— Но я полагаю, обязанности канцлера предусматривают некоторый риск. Если вы проиграете, мы нигде больше не будем в безопасности, пока вообще существуют Острова. Я прожил все последние два года в страхе, что же королева сделает со мной, если разоблачит. И также — что сделает со мной сущность, которой служит Валенс. Мои люди и я присоединимся к вам завтра, король Гаррик.

Гаррик дотронулся до медальона на шее. Слова «король Гаррик» эхом звучали у него в ушах. Они смешивались с залиvistым смехом Каруса.

«Не в последний раз, король Гаррик! Посмотрим, что будет дальше, вместе посмотрим!»

Ханно остановился среди пальм, растущих у подножия горы, опираясь на рукоятку копья. Он выглядел сейчас настолько похожим на Кэшела, оглядывающего стада на лужайке в Барка Хамлет, что у Шарины от тоски заныло под ложечкой.

Она скучала по Кэшелу и еще — по дому. По чувству дома.

— Ну и ну, вот так зрелище,— с легким удивлением произнес Ханно. Он почесал шею.

Шарина подошла к великану и взглянула в ту же сторону, что и он. И не сразу поняла, о чем он говорил.

Кораблекрушение. Шторма порой выкидывали обломки на берег у Барка Хамлет: деревянные части, мачты, остатки груза.

Однажды на рассвете Рейзе нашел на берегу тело. Они похоронили его на общем кладбище. Каждый год во время праздника Солнцестояния они поднимали стаканы с пивом и за безвестного моряка. Подобным же образом сельчане поминали не вернувшихся с моря рыбаков.

— Эти маленькие голодранцы. Если бы я не знал, как обстоит дело, я решил бы, что у них даже есть мозги. Но Мартышек с мозгами просто не бывает!

— Ох,— поморщилась Шарина, ощущая, как сжался желудок. Она смотрела на корабль, словно потерпевший крушение. Волосатые люди выволокли его на берег и методично разбили на куски. В качестве орудий они использовали глыбы камня. Ханно дотронулся до одного из камней острием копья. Шарина давно поняла: для охотника копье — то же, что для мышей — усики: с их помощью он познает мир.

— У этих маленьких голодранцев силенок хватает, когда им это надо,— удивленно протянул он.— Они неплохо здесь потрудились, правда же?

Шарина присела, чтобы лучше рассмотреть разбитую скамью. Плоскодонка была построена из дуба. Как верно

подметил охотник, расправиться со столь крепким сооружением можно было только с помощью недюжинной силы.

— Фантазм, руководивший ими, явно придавал им сил,— заметила она. Эти мелкие детали отвлекали от главного, о чем думать просто не хотелось.

— Что ж, я понял, для тебя, молодая госпожа, есть два выхода,— повернулся к ней Ханно. Он был спокоен — до бесстрастности.— Первое: мы строим плот, и ты плывешь в Орнифол прямо по течению. Сейчас...

Он поднял руку величиной с медвежью лапищу, не желая слушать ее протестов. На руке алела жуткая рана, которую Шарина заботливо смазала пахнувшей дегтем мазью.

— Я знаю, это не слишком хорошо звучит, но должно сработать, если только шторм не помешает. Мы можем запасти для тебя достаточно еды, а еще можно ловить рыбу.

Он пожал плечами.

— Я не уверен, что штормов не будет, но за время моего пребывания здесь, на Байте, весной серьезный шторм был восемнадцать лет назад.

Охотник улыбнулся. Уцелевшие зубы отличались желтоватым оттенком и были на вид крепкими, словно у мула.

— Конечно, на пути могут попасться Мартышки, так что решать тебе.

— Что ты собираешься делать? — спросила Шарина. Ханно предложил лишь один вариант, но явно должен быть еще один.

— Ну, я понял одно: Мартышки должны быть кровно заинтересованы в том, чтобы задержать меня здесь, иначе они не стали бы разносить в щепки мою лодку. Должна быть веская причина для этого. Кроме того, Лысый Унарк занимает территорию в паре дней пути к северу отсюда. Лодка Унарка из кипариса, и он держит ее спрятанной у русла ручья.

Ханно потрогал обломок планшира наконечником копья, потом подбросил в воздух и поймал. Движения его были скупыми, расчетливыми и очень точными.

— Я всегда считал Унарка ослом, не доверяющим никому на свете,— проговорил он.— Но сейчас это может пригодиться, верно?

Он снова усмехнулся.

— Я не стал бы возражать, если бы Унарк позволил мне попросить разрешения воспользоваться этой лодкой.

Шарина не боялась моря. Скорее уж джунгли, с их непонятными звуками и запахами, нагоняли на нее тревогу, а к морю она привыкла.

Будь здесь Ноннус, он бы занялся поиском ответа на эту загадку: что же происходит на Байте? Похоже, Ханно увлечен тем же самым.

А если Шарина уплывет прочь, это будет означать...

«Трусость»,— немедленно всплыл ответ, пусть не совсем точный, но другого пока не нашлось.

— Я пойду с тобой,— заявила Шарина,— если ты возьмешь меня с собой.

Ханно усмехнулся:

— Сам я двигался бы гораздо быстрее, это правда. Но, если бы ты не расправилась с этой огненной штучкой, я бы вообще никогда больше не смог двигаться. Так что теперь я без тебя никуда!

— Рада, что ты так считаешь,— откликнулась Шарина. Она почувствовала себя лучше, когда решение было принято.

И еще одно она знала точно: до тех пор, пока она жива, в ней живет и частица души Ноннуса.

Илна дремала. Иногда широко распахивала глаза и тогда видела яркую луну. Изрытый кратерами лик выглядел так же, как и привычный лунный диск над Барка Хамлет, но только в три раза больше и багровый, как раскаленные уголья.

Судно лавировало между скал. Островки лежали в поле зрения чуть дальше полета стрелы, при дневном свете они казались куда отдаленнее. Странно еще и то, каким образом на столь твердом камне могли вырасти грибы, да еще в таком количестве!

Чешуйчатые люди были жуткими голосами. Они снова вооружились. Корабль шел вперед, парус надувался невидимым и даже неосязаемым ветром. Все смотрели в небо, забывая о курсе корабля.

Вдруг что-то пролетело в вышине.

Арбалетчик повернулся, описав полукруг, пытаясь прицелиться. Остальные замахали кортиками и копьями, подняв дикие вопли.

Летящее существо показалось Илне похожим на человека. Только с крыльями летучей мыши.

Парус основательно закрывал вид с палубы. Матрос в полосатой повязке на голове полез на мачту. Он остановился на полпути, очевидно, соображая, как лучше поступить, и глядя через плечо.

Летун спикировал вниз и коснулся перил вдоль борта. Пальцами, снабженными устрашающими когтями, он вцепился в человека на мачте. Тот хрипло закричал и отмахнулся кортиком. Летун увернулся и бросился вниз. Мембраны, соединявшие крылья, были столь тонкими, что сквозь них просвечивала луна.

Арбалетчик выпустил стрелу. Тетива звонко пропела. Чешуйчатые заорали от восторга, обнимаясь и топая ногами от избытка чувств.

Моряк на мачте прыгнул вниз. Он держался за правое плечо. На спине у него красовались три черные борозды. Он звал товарищей.

Двое положили оружие и осмотрели его, что-то бормоча и пощелкивая языком. Раны оказались глубокими. Моряк отнял руку, и кровь хлынула на палубу. Если не остановить ее, он умрет от кровопотери еще до рассвета.

Чешуйчатый издал крик, напоминавший мычание раненого быка. Он указал кортиком вверх. Прямо над ними возвышался скалистый остров, с которого в небо взмывали точно такие же крылатые люди.

И было их великое множество. Илне сразу же на ум пришли майские жуки, с жужжанием летающие под луной.

Моряк на веслах окликнул товарищей. Один из них наклонился к Илне с поднятым кортиком. И рывком стянул на ней веревки еще сильнее.

В первый момент Илна решила, что ее сейчас освободят. Двое начали отвязывать холстину, закрывавшую решетку, что вела в трюм. Они подняли решетку и потащили Илну к выходу, словно куль с мукой.

Она скупно улыбнулась. Что ж, теперь ее будущее еще более неопределенно.

Летун погружался в воду, ухитряясь дышать, словно морская птица. Крылья позволяли ему удерживаться и не тонуть вовсе.

Рот его был открыт. Лицо — совершенно человеческое, красивое, с высокими скулами, но зубы острые и неестественно длинные. При свете луны они казались красными.

И тут летун укусил тащившего Илну Чешуйчатого человека. Тот завизжал, выпуская из рук жертву: на месте уха зияла кровавая рана.

Летун вновь погрузился в воду, а матрос бросился на него с копьем. Пронзил его грудь, худую и жилистую, словно у белки-летяги, но покрытую тонкой тканью, напоминающей пергамент.

Раненый держался за голову рукой, не расставаясь с кортиком. Двое схватили Илну за шею и лодыжки и швырнули в проем.

Она сильно ударилась. Вначале все, что почувствовала девушка, была сильная боль, потом она разглядела силуэт человека, пытавшегося пробиться к ней. Чешуйчатый пнул его в лицо. Тот упал назад, и решетка закрылась прямо над ними.

Сквозь вентиляционные отверстия Илна видела отблеск красной луны. И прямо на нее летело множество крылатых нелюдей.

«Ну прямо как майские жуки...»

Илна интенсивно распутывала оставшиеся веревки. Человек рядом с ней извивался всем телом, стоя на коленях. Руки его были связаны за спиной, и ему было не во что упереться, чтобы выпрямиться.

— Пускай Сестра заберет меня! — воскликнул он. — Это же девушка!

— Женщина, — отозвалась Илна. — И, будь я на вашем месте, кем бы вы ни были, я бы поостереглась повторять имена, которые вы постоянно произносите. Возможно, вам придется в скором времени лично повторить их Самой Сестре.

Ей удалось высвободиться, и сейчас же вся сдержанность исчезла, а Илна мгновенно впала в ярость.

— Ну что ж, по крайней мере, лучше вы, чем ничего,— промолвил человек.— Может, вам удастся перегрызть зубами мои веревки. Будь у меня руки свободными, клянусь, я бы нашел способ разобраться с этой нечистью.

Говоря так, он неуклюже развернулся. Трюм был частично завален, как показалось Илне, мешками с гравием. Правда, при тусклом лунном свете непросто было различить детали.

— Повернитесь, и я развяжу вас после того, как освобожусь сама,— проговорила девушка. И спросила: — Кто вы?

Илне пришлось изогнуться, чтобы удобнее было добираться до собственного запястья. Чешуйчатый стянул ее конечности по отдельности, а потом — еще и вместе. Узлы были мощными, сразу видно — связывал не новичок, но бывалый моряк. Прежде ей не приходилось иметь дело с подобными, а уж Илна-то знала толк в узлах.

— Я — капитан этого судна, вот кто я такой,— сообщил ей мужчина.— Козро ор-Лэйлин из Вэллеса на Орнифоле. Мне принадлежит восьмая часть корабля — в качестве платы за провоз. Или принадлежала...

И он с отвращением сплюнул.

— Эти мерзавцы наверху — моя команда, по крайней мере, были ею до того, как ими завладела эта лихоманка...

Решетка заскрипела под тяжестью приземлившегося на нее крылатого человека. Большие пальцы на ногах, снабженные острыми когтями, вцепились в решетку. Было ясно, что на палубе идет настоящая битва.

Козро вскрикнул от удивления и откинулся назад.

— Да заберет меня Сестра в преисподнюю! Что там у них творится?

Илна высвободила левое запястье. Это было нелегко, но все же удалось: ее связали достаточно мягкой и эластичной веревкой, за что девушке следовало поблагодарить своих тюремщиков. Будь веревка покрепче, вряд ли она сумела бы освободиться от узлов так скоро.

Она уселась прямо.

— Ваш корабль атакуют летучие мыши в человеческом обличье,— поведала она.— Мы находимся сейчас не в том мире, где родились, и я понятия не имею, где именно.

Она холодно усмехнулась, продолжая проворно работать пальцами над узлами, стягивавшими лодыжки.

— Так что, возможно, ваше предположение, что мы уже в преисподней, недалеко от истины. Ничто не убеждает меня в обратном.

Летун взмыл вверх, а потом рухнул на решетку. В спине его торчали копьё и кортик.

Существо вцепилось зубами в решетку, в агонии терзая ее зубами. Потом дернулось в конвульсии и упало за борт, исчезнув из виду. Одна нога еще некоторое время болталась над волнами в такт качке судна.

— Да сохранит Госпожа своего верного раба Козро,— прошептал капитан с истовостью глубоко верующего человека.— А еще пусть сохранит Она «Птицу Волн», а также заставит госпожу Арону передать мне права на восьмую часть этого судна, как было обговорено — вот проклятая скупердяйка!

Илна распутала и лодыжки. Подвигала в воздухе ногами, обеспечивая к ним приток свежей крови.

— «Птица Волн»? — поразилась Илна.— Значит, вы с корабля, на котором тело Чешуйчатого человека привезли в Эрдин? Должно быть, ваши матросы пили вино из бочки с трупом!

— Я ничего не сумел с этим поделать,— проговорил Козро, вынужденный оправдываться.— Не я кинул труп в бочку, я даже не знал, что там уже нет половины сидра.

— Развернитесь и как можно сильнее выверните руки,— велела ему Илна. Веревки могут стать в ее руках надежным оружием, когда она свяжет их особым узлом.

На палубе снова просвистела стрела арбалета, и сейчас же раздался душераздирающий вопль. Непонятно было, кто пострадал: Чешуйчатые или крылатые — но подобного крика Илна еще не слышала в своей жизни.

— Да заберет меня Сестра, такое иногда случается,— проговорил Козро. При воспоминании о случившемся он

глухо зарычал.— Я ведь говорил госпоже Ароне: перевозить королевский сидр — беды не оберешься, но разве стала бы она слушать? Куда деваться матросам? Такой соблазн: разве они святые?

— Тише,— прошипела Илна.— Я не воспользовалась бы вашей помощью, даже если бы от этого был толк.

— Мы уже плыли обратно в Вэллис с грузом масляных орешков,— продолжал Козро.— И тогда я заметил, с командой что-то неладное творится. Ну, в первый день, когда мы покидаем порт, оно всегда так, это я понимаю. Но они, наоборот, притихли. Даже разговаривать перестали друг с другом, а когда отвечали мне, я не мог разобрать слов.

Наверху, похоже, затихли. Стала раздаваться невнятная речь матросов. Один из них завывал от боли и отчаяния.

— Каждую ночь, когда мы вставали на якорь, они вместе сходили на берег,— продолжал Козро.— Иногда островок был очень маленький, и я мог видеть, чем они там занимаются. Так вот, все они вставали на колени лицом к Вэллису. Я думал, может, они молятся, но не был уверен. Скорее прислушиваются. Каждую ночь.

— Ну вот,— Илна свернула веревки в аккуратный узел и спрятала в рукав туники.— Давайте сюда ноги, я развяжу их.

Козро даже захлопал в ладоши от удовольствия. Не обращая внимания на Илну, он попытался развязать ноги сам.

— Если хотите, я развяжу вас за пару минут,— звенящим голосом произнесла девушка.— Если нет — можете развлекаться сами, сколько захотите, но предупреждаю — зря потеряете время. Корабль уже пойдет ко дну, а вы будете возиться с веревками.

Козро дернул головой.

— Что вы сказали?

— Будь вы в состоянии развязать эти узлы, давно были бы свободны,— отрезала Илна.— Но дело ваше.

Она вытянула веревку из рукава. Нож у нее отобрали, но плести она все равно сможет.

— Ну хорошо, давайте,— мрачно пробормотал он. Неловко повернулся, чтобы Илна могла добраться до ног.

Девушка занялась работой. Ей даже света особенно не требовалось, она действовала на ошупь.

— Они справлялись с работой,— говорил меж тем Козро.— Правда, приказов они не слушались, но знали, что делать, ведь они моряки бывалые. Так что справлялись сами. Кожа у них постепенно грубела, а ее цвет... ну... О, Сестрой клянусь, они стали синеть! Лучше бы мне такого не видеть! Я боялся, что со мной тоже такое произойдет, вот что!

Один из Чешуйчатых в страхе заверещал. Свистнула тетива арбалета. Корабль тряхнуло.

— Держитесь,— проговорила Илна, изгибаясь, чтобы рассмотреть происходящее.

Корабль аж завертелся на месте под тяжелыми ударами. Десятки и десятки летунов приземлялись на палубе. Моряки вопили от ужаса.

— Через три дня пути от Вэллеса они выстроились на носу для молитвы, как это было накануне,— рассказывал капитан.— Я ничего не сказал. Мы вообще больше не общались. А потом они повернулись и схватили меня.

Наверху раздался леденящий душу вопль. Один из моряков шлепнулся на решетку трюма у них над головой. Потекла кровь, запах был просто невыносимый.

— С этим я не мог справиться,— продолжал Козро. Ему приходилось буквально кричать, чтобы заглушить вопли наверху.— Я думал, они просто убьют меня. Они спорили, там явно велась борьба. Наконец меня связали и выкинули из трюма множество масляных орешков, чтобы я мог здесь разместиться.

Дверь рубки хлопнула. Летуны отпрянули от тела матроса, стало кое-что видно. От трупа остались лишь полуобглоданные кости.

— Вот теперь вы свободны,— сообщила Илна.

— Да спасет меня Госпожа,— пробормотал Козро.— О Госпожа, спаси меня и сохрани!

Илна смотала еще одну веревку и привязала ее к первой. Она слышала, как зубы вгрызаются в решетку. Вдруг сумеют перегрызть ее окончательно?

— Здесь, в трюме, есть бочонок с водой,— сказал Козро. Пот стекал у него со лба. Он боялся поднять глаза

и посмотреть наверх.— Я придвинул ее к решетке, и, скажу вам, вот это была работенка!

Летун сбросил с решетки остатки трупа и прижался к ней лицом.

С растущей яростью он начал вгрызаться в древесину, жутко завывая.

— Я не понимаю, что происходит! — воскликнул Козро.— Просто не понимаю!

С палубы донеслись звуки хриплого пения. Сквозь решетку начал просачиваться едкий дым. Значит, Чешуйчатые вновь принялись за свои ритуалы.

Илна сжалась. Ее пальцы ловко работали над третьим мотком веревки, привязывая его к предыдущим. Не лучшее оружие для такого тесного помещения, но службу свою сослужит.

А большего и не требовалось.

Кэшел сел, мощно потянулся и улыбнулся, глядя на спутников.

— Ух ты! Так отлично я давно уже себя не ощущал. Видно, мне просто необходимо было хорошенько выспаться.

Ария и Захаг уставились на него так, как будто...

Как будто он был призраком.

Кэшел встал, вытирая жирную грязь с посоха.

— Послушайте, ну заспался немного,— оправдываясь, начал он.— В конце концов, с кем не бывает. Обычно я встаю первым.

Он бросил взгляд в сторону горизонта. Солнце все еще стояло низко.

— Да еще и половина утра не прошла...

Но солнце стояло над западным горизонтом. Он проспал целый день!

— Ох,— только и вымолвил Кэшел. Он сменил позу, стараясь размять затекшие мышцы.— Ну, я даже не знаю, как это могло случиться.

— С тобой все в порядке? — спросила Ария. Она продолжала стоять на коленях возле того места, где он лежал и где остался отпечаток его тела.— Ты уверен в этом?

В руках у принцессы была мокрая тряпка — очередной обрывок пришедшего в полную негодность платья. Она напоминала одуванчик, прибитый штормом.

— Да все отлично,— отозвался Кэшел. Он потрогал лоб: влажный. Ария, кажется, брызгала на него водой, стараясь привести в чувство. Видать, испугалась, как бы он... не отправился к праотцам.

— Мы решили, ты уже умер,— подтвердил его мысль и Захаг.— Сердце билось совсем редко, а сам ты никак не мог проснуться.

Кэшел провел рукой по одной щеке, потом — по другой. Его изрядно отхлестали по лицу, потом укололи чем-то острым. Ничего странного. Точно так же поступил бы он сам с Арией, останься та без сознания. К тому же им и вдвоем не унести бы его, слишком тяжел.

Юноша широко улыбнулся, представив себе, как принцесса взваливает его на хрупкие плечи и карабкается с ношей в гору.

— Ну, а теперь-то я точно в полном порядке,— сообщил он.

И внезапно посерьезнел. В памяти всплыл образ трех танцующих у костра женщин. Вот уж они-то без труда и в одиночку утащили бы его куда угодно!

— Вон там, недалеко, есть вода,— Захаг встал на четвереньки и медленно прошелся по кругу.— Вряд ли мы сильно спешим, так что еще денек...

— У здешней воды отвратительный вкус! — заявила Ария.— Ой, я была уверена: произошло непоправимое... Думала, ты...

Она не сумела произнести это вслух.

— Ага, мы оба так думали,— добавил Захаг.— Мертвый, словно каменный. Сердце вот-вот остановится, и все...

Примат пожал плечами.

— Я не знал, что делать дальше.

— Захаг! — окликнул его Кэшел.— Когда ты проснулся, видел ли следы вокруг костра?

Он указал на тропинку, где, как ему помнилось, танцевали женщины. Или это был сон?

— Где-то вон там...

— А? Какие следы? Ничего я не видел, только ты раскинулся на спине, а не на боку, как всегда. И тебя было не добудиться.

Кэшел прошел мимо кустов в направлении, откуда появились танцовщицы. Под ногами похрустывал валежник. Кусты показались ему незнакомыми, но выглядели нормально, не более подозрительными, чем в Барка Хамлет.

— Куда ты идешь? — пронзительно вскрикнула Ария. — Кэшел!

И бросилась за ним. Сухие колючки впились в остатки платья, минута — и она едва не осталась голой.

— Я недалеко, — остановил ее Кэшел. — Просто хочу кое-что выяснить.

Место оказалось даже ближе, чем он ожидал — круг, выложенный из камней, почти рядом с тропинкой. Вокруг виднелись странные сооружения, поддерживавшие нечто, напоминавшее обвалившийся купол...

— Что ты там делаешь, Кэшел? — воскликнула Ария практически у него за спиной. Впервые у нее обнаружился столь явный интерес к кому-либо, кроме самой себя.

Первое, что приходило на ум: она боится, как бы он ее не оставил. Но он и не собирается. Просто странно. Ему никогда не доводилось столько спать.

— Да просто смотрю, — ответил Кэшел. — Думал, найду кое-что...

— О, да это священный круг, — удивилась девушка. Кэшел в изумлении посмотрел на нее.

— Она имеет в виду храм! — проворчал Захаг. И пробормотал, как будто про себя: — Волос долог, ум короткий!

— Но это же не статуи! — возразила Ария. — Это кариатиды, они держат купол вместо колонн.

Крыша обвалилась, но останки стен еще сохранялись. Кэшел подошел поближе. Две кариатиды лежали навзничь. Мрамор потрескался, местами откололся, и все равно они ужасно напоминали настоящих женщин в развевающихся платьях.

Еще одна лежала ничком. Лицо ее сохранилось лучше двух других. Кэшел сразу узнал светловолосую танцовщицу из своего сна накануне.

Юноша вернул фигуру на место и выпрямился. Темнело. Он обернулся — за спиной мигнула голубоватая вспышка.

— Кэшел,— позвала его принцесса.— Что мы будем сейчас делать?

— Я знаю, сейчас поздно,— откликнулся он.— Но все равно лучше пройти сейчас хоть немного. Я... вроде бы что-то видел...

— Здесь нас ничто не держит,— заявил Захаг, неожиданно легко соглашаясь с ним. Он вскарабкался на камень и двинулся к тропе. Кэшел и Ария следовали за ним. Кэшел еще раз оглянулся.

Постаменты четыре, а фигуры-то — только три! И внезапно ему стало интересно: а что же случилось с четвертой?

25-й день месяца Цапли

Мауруннус привел с собой двух пажей, которые несли шлем и кирасу, на конюшню к Ройясу, где Гаррик и его новые товарищи уже готовились к нападению на королеву.

— Мы принесли доспехи мастеру Гаррику, господин,— сказал Ройясу мажордом.

Гаррик посмотрел на слабо поблескивающее в лучах рассвета обмундирование. Пластины серебряные, с изображенными на них мифологическими сценами обнаружения Вэллеса: Пастырь ведет Вэла и остальных спасшихся после того, как затонул Ксадако, в устье реки Белтис, а божество реки кланяется вновь прибывшим. На шлеме — битвы между Вэлом и гигантами, населявшими Орнифол. На груди — Госпожа машет рукой, благословляя побоище: богомерзкое зрелище, что и говорить.

Кроме того, в эти отверстия запросто пройдет наконецник копья.

— Какая красота! — восхитилась Лиэйн, вглядываясь в картины. Она сидела за столом и проверяла всех подходящих бойцов. Двое слуг замерли у сундука, но девушка, опережая их, сама платила звонкую монету.

— Не стану я этого надевать! — буркнул Гаррик.

— Размер мы подбирали на глаз,— увсерил его Ройяс.— Но, кажется, должно подойти.

Дворянин выглядел взволнованным, но без излишней нервозности, какая, без сомнения, обуяла бы любого другого человека, чье жилище стало бы центром подготовки восстания. Если их попытка будет обречена на провал, лучшее, на что ему можно рассчитывать, это положение беглеца и личности вне закона. А если принять во внимание истории, передаваемые о королеве, становилось понятным: смерть — это, возможно, самое легкое наказание для ее врагов.

— Послушайте,— взмолился Гаррик,— если я должен носить доспехи, подышите мне соответствующие размеру и подходящие для битвы.

Ройяс был слегка раздражен.

— Речь идет не о битве. Мы ведь обсуждали это вчера вечером: наше дело — собрать войско, вы поведете их, значит, должны быть видны издалека.

— А, понял,— ответил Гаррик, а вместе с ним и король Карус, признавший мудрость чужой мысли, хотя и разочарованный.

И он отстегнул широкий пояс, на котором крепился меч. Кираса оказалась подходящей по размеру как в плечах, так и в бедрах. Пояс можно надеть и поверх доспехов, длины хватит. Облачившись в доспехи, Гаррик ощутил себя первоклассным воином.

Страж забрал у Гаррика меч, чтобы пажы помогли ему одеться. Те попытались пристегнуть крючки, но юноша запротестовал:

— Я сам, откуда вам знать, как мне нравится носить доспехи.

Лизин слегка улыбнулась ему. Ройяс нахмурился.

— Конечно. Мы и не догадывались, что ты умеешь носить доспехи.

На губах Гаррика заиграла легкая усмешка. Он возился с кожаными ремешками. С тех пор, как у него появился медальон короля Каруса, нет ему покоя. И в любом действии он всегда ощущал за плечом присутствие старого друга.

С другой стороны, если растешь и взрослеешь в деревенской общине, о какой частной жизни можно гово-

рять? Так что Гаррик не жаловался. Зато у него теперь есть целый мир — мир знаний и новых возможностей.

Его пальцы замерли. Лицо, должно быть, тоже изменилось, так как Ройяс тревожно заметил:

— У вас какая-то проблема?

Гаррик связал ремешки двойным узлом.

— Нет, я просто обдумывал сразу много вещей, о которых лучше бы и не знать ничего. И я бы о них не узнал, не покинь Барка Хамлет.

— Тем не менее, не вступи ты в игру, вскорости и сама Барка Хамлет исчезла бы с лица земли. Если что — я и сам подтолкну тебя на решительные действия.

Смех Гаррика сливался с раскатами хохота Каруса.

— Ну ладно, что бы ни случилось, больше это не играет роли. К сожалению, в будущем еще достаточно поводов для беспокойства.

Рояйс о чем-то негромко переговаривался с усатым конюхом, после чего тот поклонился и тихо удалился в конюшню.

Гаррик забрал у пажа шлем, но пока не надевал его. В шлеме попросту неудобно. Карус частенько шел на битву с одной лишь короной на голове, а шлем оставлял в палатке.

— Знаешь, сынок, я рисковал, хотя и не должен был, — пробормотал голос в глубинах его подсознания.

— Иногда бывает нужно рискнуть, — вполголоса откликнулся Гаррик, оглядываясь в поисках компании, которую он поведет на битву. Они решили, что юноша обращается к ним. Хотя, с другой стороны, так оно и было. — Лизэйн, как обстоят дела?

— Мы получили по одному докладу от всех районов, кроме четырнадцатого и шестнадцатого. Слухи расходятся повсюду. Люди вышли на улицы и уже напали на нескольких слуг королев.

Районы номер четырнадцать, пятнадцать и шестнадцать располагались на другом берегу Белтиса, отрезанные от основной части города. Но присутствие королев там оставалось довольно сильным.

Усатый конюх вышел из конюшни, ведя под уздцы коня редкой светло-серой масти, которую с тем же успе-

хом можно было бы назвать белой. Парадное седло: лука седла и подхвостник украшены серебром.

Гаррик открыл было рот, но тут же снова закрыл его и рассмеялся. Ему не требовалось повторять дважды.

— Ройяс, это что, мой конь?

— Да, э... — замялся тот. — Вы прежде ездили верхом?

— Я поеду на нем, вот только лучше будет, если вы снимете с него всю эту ерунду. Мне будет удобнее без седла.

— Но это же...

— Это должно предотвратить мое падение с лошади. Мало ли, начнется паника, и лошадь испугается.

— Да, пожалуй, лошадь может оказаться менее стойкой, чем вы, мастер Гаррик, — согласился Ройяс.

Он кратко кивнул конюху. Тот крикнул в сторону конюшни, снимая с лошади парадное седло. Появился мальчишка с легким седлом в руках.

— Иногда лошади чувствуют момент лучше, чем люди, лорд Ройяс, — заметил Гаррик.

Сейчас во дворе собралось не менее полусотни человек: стражники, слуги, носильщики кресла Теноктрис — занятия волшебством слишком тяжело давались старой леди, чтобы оставить ее наедине с необходимостью спасаться бегством по булыжной мостовой. И еще здесь были сами заговорщики. Гаррик нахмурился, завидев дубины в руках слуг, в том числе и мажордома Мауруннуса.

— Они что, будут защищать дом в наше отсутствие? — спросил он у Ройяса и кивнул в сторону слуг.

Тот фыркнул.

— Дом может загореться. Мне бы, признаться, этого не хотелось. Любой из жителей Вэллиса, кто хоть что-нибудь мне должен, позаботится нынче утром, чтобы этого не случилось.

Гаррик хлопнул вельможу по плечу. Ройяс тоже надел кирасу из темного железа с кожаными вставками. Шляпа из коричневого плюша была сверху покрыта металлом. Отличная экипировка для городского сражения. Защита надежная, а из толпы не выделяет.

Выделяться из толпы — задача Гаррика.

— Это битва не из числа «битв за короля», — шептал ему Карус. Гаррик явственно видел предка, стоявшего на балкончике и оглядывавшего двор. — Она, скорее, означает получить шанс жить в мире и умереть в своем собственном доме. И это касается не только людей, чье имя предваряет частица «бор-» или «бос-».

Служанки тоже высыпали из дома. Кое-кто вооружился кухонным ножом, а у других в руках зажаты булыжники. Гаррик усмехнулся, взглянув на Теноктрис и Лизйн. Младшая спрятала в рукаве книгу со счетами. В руках у нее было серебряное ведерко. Девушка кивнула Гаррику.

Лошадь для Гаррика оседлали заново.

Ключ к победе или поражению лежал в сердцах жителей Вэллеса. Лизйн явственно ощущала, что все ждут настоящего утра. С самого рассвета они были уже на ногах.

Гаррик принял поводья у пажа, поставил ногу в стремя и единым махом взлетел в седло.

— Отлично! — его голос зазвенел на весь двор. — Давайте же покажем людям с таможни, что в Вэллесе не осталось места для прислужников королевы!

Пара стражников распахнула тяжелые створки ворот. Гаррик выехал в долину. Получилось не особенно вдохновляюще, зато практично.

— Валенс и Острова! — крикнул юноша, выезжая на один из самых широких бульваров Вэллеса, известный под именем улицы Гармонии, переходящей в бульвар Монумента в полумиле к западу от поместья королевы.

Гаррик выхватил меч. Несмотря на размеры, мерин отличался флегматичным нравом — не то что кони, к которым Гаррик привык в отцовских конюшнях. Он повиновался малейшему движению поводьев, копыта мерно постукивали по булыжникам.

Гаррик единственный ехал на лошади. Лизйн и Теноктрис это могло повредить, поэтому решили не рисковать.

— Валенс и Острова! — кричал Гаррик. Он махнул мечом в сторону фешенебельных домов через улицу. Владельцы и слуги прилипли к окнам.

— Король Карус и свобода! — не отставал один из заговорщиков.

— Король Карус и свобода! — подхватили остальные. Лизйн и Ройяс шагали рядом с лошадей. Их голоса также были отчетливо слышны.

Гаррик ехал шагом. Люди выходили из домов. Шлем мешал обзору, но Гаррику не хотелось поворачивать голову и смотреть через плечо: это могло дезориентировать людей.

— Они идут! — сообщила Лизйн. — Они присоединятся к нам, Гаррик!

— Карус и свобода! — крикнул Гаррик. Шум заставил коня вздронуть. Он дернул головой и остановился. Гаррик натянул поводья.

Его захлестнули эмоции. Он хотел только одного: вонзить каблуки в ребра коня и помчаться, словно ветер. Но нельзя: они должны двигаться медленно, не обгоняя горожан.

— Они идут! — повторила Лизйн.

Улица Гармонии поворачивала налево к перекрестку и немного сужалась. Трех- и четырехэтажные особняки сменялись резиденциями соседей Ройяса.

— Король Карус! — кричали на улице.

Другие не отставали:

— Смерть королеве! Сжечь ее заживо!

Усиленно распускаемые слухи и плата со стороны организаторов заговора сделали свое дело. Но больше всего помогла общая ненависть к королеве Азалэс.

Взвод городской стражи в ярко начищенных бронзовых шлемах и латных воротниках маршировал по улице в сторону треугольной площади. Старший стражник был вооружен широким мечом с клинком, украшенным гравировкой. Он выкрикнул приказ. Четверо из его людей разбежались по сторонам, готовые встретиться с напирающей толпой.

— Долой королеву! — закричал глашатай. Гаррик описал мечом полукруг, указывая в направлении Дома Таможни.

— Долой прислужников королевы! — крикнул Гаррик и поскакал прямо на стражников. Они не пытались остановить его.

— Долой королеву! — нашелся командир отряда, присоединяясь к толпе.

Дом таможни был монументальным сооружением на главной дороге с севера на юг, ведущей к эспланаде вокруг гавани: квадратное здание из красного песчаника с двадцатифутовой аркой с каждой стороны. В основном инспекторы работали снаружи, но бумажная работа и погрузка велись внутри здания. Стены были украшены колоннами из цветного мрамора, а на крыше возвышалась литая бронзовая статуя со скипетром в одной руке и чашей риса в другой — она символизировала Вэллис.

Таможенники носили льняные накидки поверх мундиров. Вместо красно-черного, королевского цвета, накидки эти были оранжевыми, словно земля, охваченная пожаром.

Чудовищно толстый человек наверху отдал приказ, увидев приближение Гаррика во главе толпы. На улицу вышло десять чиновников с мечами в руках. Сообразив, какова численность противника, они мигом скрылись внутри. На площади показалась еще одна толпа.

И тут воздух заволокло серым туманом, в котором сверкали желтые глаза. Мерин под Гарриком испуганно заржал. Гаррик перекинул ногу через седло и спрыгнул, больно ударившись о булыжную мостовую. Ройяс поддержал его.

Фантазм летел вперед. У него было лицо демона, он тянул увенчанные когтями лапы к глазам Гаррика.

Гаррик уже видел фантазмов в магическом зеркале Теноктрис. Но этот направлялся прямо к нему. И Гаррик пошел навстречу чудовищу, не опуская меча.

— Это только наваждение! — воскликнул он. Голос звучал испуганно, и все же он шел...

Чудовище разинуло пасть. Молчание делало его еще ужасней. Краем глаза Гаррик увидел, как толпа застыла перед наступлением еще одного такого же.

Но, несмотря на это, Гаррик заставлял себя идти вперед. И он ударил левой рукой.

Кожу обожгло. На мгновение он замер на голой равнине. Вокруг были тела друзей и родных. Их мертвые глаза посылали ему проклятия.

— Наваждение! — закричал Гаррик. Он, шатаясь, шел вперед. Теперь он снова видел реальный мир. Фантазм исчез. Гаррик бросился по мостовой. А за ним неслись

тысячи людей. Чиновники королевы побросали оружие, некоторые молили о милосердии.

Люди Ройяса повергли пару слуг королевы ударами мечей. Полетели камни.

Горожане, некоторые в дорогой одежде, забили упавших дубинками и ногами.

— Мы не должны их убивать! — закричал Гаррик, но никто его не слушал. От вида погрома ему стало не по себе. Но ничего не поделаешь: придется накормить жадное чудовище — толпу.

Он бросился к воротам.

— Идем к жилищу королевы! — вскричал он. Лучше переключить внимание толпы на другое. Король Карус рекомендовал эту тактику.

Гаррик уже задыхался. Пот стекал по лицу и скапливался под доспехами. Ему тяжело давался каждый шаг. Интересно, куда делась лошадь. Подумал — и сам рассмеялся: бедра с непривычки болели.

Где-то наверху раздался крик, потом глухой шлепок. Он обернулся. Люди вокруг задрали головы, потрясая кулаками и изрыгая проклятия. В окнах показались люди в доспехах — и даже несколько женщин. Они насмеялись над толпой.

Толпа разбежалась, и Гаррик увидел, что произошло. Люди вскарабкались на ворота и сбросили оттуда шефа королевской таможни. Тот, словно куль с мукой, рухнул вниз, на камни, которые сейчас же окрасились алым.

Лиэйн во все глаза смотрела на кучу тряпья, недавно бывшую человеком. На лице ее не отражалось никаких эмоций.

— К жилищу королевы! — крикнула она. Ройяс и остальные присоединились к ней.

Гаррик и товарищи больше не возглавляли процессию. Горожане вырвались вперед, а дальше к ним присоединялись остальные.

Огромная толпа ворвалась в шикарную резиденцию с вырезанными на фасаде львами. Гаррик посмотрел, что происходит. Из окна третьего этажа вылетела кровать и разлетелась на мелкие осколки.

Похоже, дом принадлежал одному из чиновников королевы. Но его уже коснулись грабежи и убийства, и их не остановить. Нужно было поскорее покончить с королевой, другого выхода не оставалось.

— В военное время случаются вещи и похуже, сынок,— произнес голос короля, и в нем не слышалось радости.

По обе стороны дороги выстроились статуи деятелей прежних лет, древние, позеленевшие от времени.

Гаррик вспомнил некоторые сцены, которые сам не мог наблюдать: Поле Выборов в центре Каркозы. С того дня, когда Комус установил монархию над олигархами древнего Хафта, на площади появилось множество статуй.

Поместье королевы виднелось впереди. Его уже окружали толпы, все вокруг горело, но за черным дымом и языками пламени здание стояло невредимым.

Гаррик оглянулся. Теноктрис выглядела совершенно собранной, восседая в паланкине. Ее несли четверо носильщиков, стараясь не раскачивать.

Гаррик и Лизйн подобрались к толпе, осаждавшей поместье. По команде Ройяса стражи с копьями наперевес бросились к Гаррику, расчищая дорогу.

— Пропустить короля Каруса! — заорал глашатай. Ох, и мощный звук он исторгал. Стражи остановились прямо по периметру поместья. Их командир, крепкий боевой ветеран по имени Энгер со свинцового цвета бородкой и такими же глазами, кивнул Гаррику и Лизйну: вперед. Теноктрис сошла на землю, чтобы присоединиться к ним. Ройяс же оставался рядом со стражами.

Площадка была покрыта сухой желтоватой травой, вишневые деревья цвели, но лепестки на цветах поражали зловещим черным цветом.

Теноктрис уселась на подушку, заботливо подставленную носильщиками.

В тридцати футах справа от них мускулистый юноша с бритым черепом уже сделал шаг по волшебным камням. Он размахивал посохом и кричал:

— За мной! Есть среди вас мужчины?

Еще несколько человек, тоже бритые наголо, последовали за ним. После минутной паузы за ними устремилось множество других мужчин и женщин с криками:

— Смерть королеве!

Теноктрис вынула из рукава бронзовое стило и начала острым концом чертить знаки Старой Вязи на принесенном с собой деревянном круге. Остро заточенная бронза легко оставляла следы на поверхности мягкой древесины. Другой конец стила был предназначен для стирания написанного при работе с восковой дощечкой: он имел форму рыбьего хвоста.

Старая леди, казалось, и думать забыла о бегущих к дворцу людях. Остальные, замерев на месте, с ужасом глядели, ожидая, что будет дальше.

Бритоголовые входили в уличную банду. Весьма вероятно, в прошлом им доводилось носить цвета королевы, но потом они вышли из повиновения — и это спасло им жизнь. Вряд ли хоть кто-нибудь из носивших оранжевое в этот день сумел бы избежать смерти.

Нападавшие уже сбились с пути. Их пьяная бравада и боевой задор исчезли, уступив место неуверенности и страху. Они остановились. Голоса звучали пронзительней, как будто издалека. Друзей своих они уже не слышали.

— А мы не можем?.. — начала было Лизйн. Но тут же оборвала себя. Нет, беспокоить Теноктрис нельзя.

Вряд ли удастся спасти людей, которых ведет в битву алкоголь. Единственной надеждой пройти через перекресток остается быстрый эффект, чтобы королева не успела пустить в ход свою огромную силу, направив ее против них троих. Ведь только он сам, Лизйн и Теноктрис представляли собой серьезную опасность для королевы.

Все попавшие в сад сбились в кучу. Одна из статуй, наполовину мужская, наполовину женская, шагнула с постамента. Лицо ее было совершенным, но холодным, безжизненным. Она неторопливо прошла мимо собравшихся размеренным шагом.

Один из мужчин рухнул на землю возле статуи и забился, словно бы в припадке. Он закрывал голову руками. Остальные попробовали убежать от андрогина.

— *Каиас*,— начала читать Теноктрис.— *Сасери тайам*. Посох смельчака, бежавшего впереди группы, врезался в лоб андрогина с глухим треском.

От плотной древесины отлетели щепки. Нападавший выкрикивал проклятия, не выпуская оружия из рук.

Статуя двинулась дальше. Легкая улыбка на ее челе не изменилась.

— *Дайя квайяпта алиста*...— читала Теноктрис. В середине ее круга появилась светящаяся спираль, словно дымок пошел.

Группа смельчаков пыталась убежать от преследования, но вдруг они закричали в один голос: земля стала проседать у них под ногами.

Несчастные жертвы вопили, пытались выбраться на края ямы, но все напрасно: они увязали все глубже, словно мухи в патоке.

Вожаку группы удалось спастись, он оперся на посох и выскочил на твердую поверхность.

Земля над упавшими сомкнулась. И не осталось даже следов человеческого существования.

Смельчак с посохом остался на ногах. Он разразился смехом и снова пошел на андрогина, замахиваясь на него.

Статуя поймала его за запястья и крепко держала. Он пытался бороться, но разве победишь камень? Потом андрогин скрутил его, и хребет человека затрещал, ноги обвисли, и сам он теперь напоминал мешок. Сквозь кожу и тунику торчали сломанные ребра. А потом его туловище и вовсе развалилось на две половины.

Улыбающийся андрогин вернулся на постамент.

— *Хоран*,— говорила Теноктрис.— *Элаот!*

Сияние стало голубым. Оно начало двигаться, охватывая жилище королевы по периметру.

Теноктрис установила доску на камни перед собой. Она стала подниматься, и Гаррик с Лизьин подали ей руки. Тугие кольца света продолжали медленно обегать дворец.

— Теперь все зависит от нас,— тихо сказала Теноктрис. Она скупой улыбнулась друзьям.

Упавших на землю людей покрывали осыпавшиеся с деревьев черные лепестки. И ни звука не было слышно.

— Это точно,— согласился Гаррик. Он выхватил меч и двинулся в направлении бегущих огоньков.

— Прежде всего, мне нужна еще пилюля,— сказал Церикс. Они прижались к стене, возле которой были брошены их пожитки, чтобы оставить больше места на полу для круга силы. Бывший волшебник схватился за колеса, подкатывая кресло.

Воздух в маленькой комнатке был серым от дыма сгоревшего наркотического снадобья, которое вдыхал калека, произнося слова, начертанные на добела отмытом полу. Когда оба мага начали приготовления, ящичек, где Церикс держал пилюли, был полон. Сейчас осталось всего шесть пилюль. Тяжесть заклинаний сломила волю старого волшебника.

Рукам Церикса приходилось работать, помогая калеке передвигаться, потому они были сильнее и натренированной, чем у многих крепких молодых людей. Сейчас он с детской яростью отбросил руку Халфемоса и двинул кресло вперед.

— Церикс? — неуверенно произнес юноша.

Калека замер. Он закрыл глаза, по щеке ползла предательская слеза.

— Если бы ты знал, что это такое! Я просто ощущаю, как проклятые демоны гложут мои ноги. Каждый день, каждую минуту. Если бы ты знал!

— Церикс,— мягко начал Халфемос.— Мы в долгу перед Илной и ее братом. И должны это сделать.

Церикс тяжело вздохнул.

— Говори уж,— велел он. Потом вздрогнул и вытер лицо рукавом. И с вымученной улыбкой посмотрел на ученика.

— Что ж, полагаю, ты прав. Хорошо бы, кто помог бы мне держаться на плаву. Ну, давай покончим с этим.

Халфемос и Церикс ударили по рукам. И заняли свои места возле круга силы. Халфемос присел на корточки. Свисавшая с потолка лампа освещала пергамент в руках Церикса.

— Сможешь прочесть? — спросил он. И постучал по листу соломинкой, которую использовал в качестве указки.

— Да,— отвечал Халфемос. Он протер атам, которым пользовался для личных заклинаний. Во время публичных выступлений он обычно использовал клык нарвала.— Ты хорошо учил меня, Церикс. Я не подведу тебя.

Калека засопел.

— В тебс-то я не сомневаюсь,— проговорил он. Потом дотронулся соломинкой до первого из символов, написанного современным шрифтом.

Юный маг постучал по начертанному на полу соответствующему слову.

— *Фазусойел, Эйстохама, нучазэй...*— его сильный голос эхом отдавался под сводами.

Слова на полу писали сажей, разведенной оливковым маслом. Всякий раз, когда атам касался пола, символы поворачивались, и перед Халфемосом возникало очередное слово. Церикс помогал ему, отыскивая слова на пергаменте.

— *Апафес эйнат адонес...*— произносил юноша. Его тело клонилось книзу, будто на плечи ему взвалили тяжелую ношу, но голос звучал все так же звонко.— *Дечочита йатеноуйон.*

То, что было крутом на полу, вдруг превратилось в отверстие с белыми краями, которые вращались в безумном вихре. В этом водовороте лишь слова Старой Вязи оставались неизменными, написанными черным по белому. Халфемос старался не пропустить ни одного.

— *Чрара! Черубин! Заабанен!*

Комната исчезла. Жаркий неистовый ветер налетел из ниоткуда, отверстие в полу превратилось в коридор.

Туннель между мирами искрился и пульсировал.

— *Намадон!* — закричал Халфемос что было сил.

Ветер превратился в ураган. Он выхватил пергамент из руки Церикса и изорвал на куски, которые исчезли в недрах туннеля.

А потом этот ураган бросил вслед за пергаментом и волшебников. Халфемос же продолжал читать заклинания.

Кэшел вглядывался в возникшую перед ними каменную глыбу, насколько ему позволял гусклый свет звезд.

Она не казалась слишком уж большой. Просто очень крутой.

— Захаг, ты поднимешься навверх, а я передам тебе Арию,— велел он.

Над его ухом раздалось хихиканье. Этот кто-то оказался рядом с Кэшелом и его спутниками и шел бок о бок с ними на протяжении всего пути.

— Ну, я даже не знаю,— протянул примат, хотя голос звучал покорно. Он присел у ног Кэшела.— Смогу ли я идти впереди.

— Лезь давай! — рассердился Кэшел.— Или убирайся, Захаг. Да простит меня Пастырь, что я отказываюсь дальше помогать тебе!

Как ни странно, хихиканье тут же прекратилось.

— Да, господин,— послушно протянул примат.

Он полез на скалу совершенно легко и непринужденно. Конечности так и мелькали. Ловко цпляясь не только руками, но и ногами, Захаг сейчас больше всего напоминал гигантского паука.

— Давай сюда женщину! — крикнул он и протянул руки.

— Я докажу, что достойна тебя, Кэшел,— тоненьким, испуганным голосом пропищала принцесса.

Вместо того чтобы поднимать ее обеими руками, Кэшел оперся одной о скалу и велел:

— Прыгай на мое запястье, Ария. А потом хватай Захага за руку, идет?

— Как скажешь, Кэшел,— в отчаянии выдавила Ария, совершенно пав духом. Она ступила на его запястье и протянула руки как можно выше, пока примат не схватил их. Глаза ей пришлось закрыть.

Кэшел не винил девушку за испуг. Он высвободил обе руки и посадил ее повыше. Она, казалось, ничего не весила.

Яркие зяблики частенько садились молодому пастуху на плечо, когда он поворачивал быков на пастбище. Вот и принцесса казалась немногим тяжелее.

— Я вижу свет! — закричала Ария.— Прямо перед нами. Он идет из пещеры, но вход заслоняет большой камень!

Луна выглянула из-за туч, среди которых пряталась большую часть ночи. На Кэшела луна никогда не влияла. Вот животные точно становились более сильными и мощными во время полнолуния.

Склон весь состоял из высоких камней и ущелий, но всюду Кэшел мог пройти.

Среди сосен внизу показались фигуры каких-то существ, кстати, двуногих. Кэшел не мог точно сказать, сколько их там.

Пожалуй, несколько десятков, но каждый куда выше самого Кэшела. Как и у Захага, их руки оказались длиннее ног, черепа же — вытянутыми и совершенно голыми, как яйцо.

— Хотите до нас добраться? — крикнул Кэшел. Прижимаясь спиной к скале, он схватил посох и нацелился. — Так идите сюда и попробуйте нас схватить!

Одна из фигур задвигалась при лунном свете, пройдя несколько шагов вниз, и издала кудахчущий смешок. Остальные остались на месте.

— Кэшел! — позвала принцесса. — Пожалуйста, поднимайся! Прошу тебя!

Боже, да она не на шутку напугана, раз позвала его таким умоляющим тоном!

Кэшел повернулся. Он упер посох в скалу, чтобы не скользнул, поставил на него ногу и подтянулся.

Захаг, держась одной рукой за выступ скалы, протянул другую Кэшелу и поддержал его за локоть. Пальцы железные, будто тиски. Кэшел взобрался на вершину и забрал посох.

Луна спряталась за тучи. Смех стал громче, но вдруг это — лишь плод воображения Кэшела?

— Скорее! — произнес Захаг и потянул Кэшела за руку. — Может, ты и сумеешь свернуть шею вожаку, вполне вероятно, но что нам делать с остальными?

Кэшел высвободил руку.

— Все верно. Нужно быть готовыми ко всему.

Он заметил, что примат впервые произнес «мы», имея в виду также и принцессу. Это отрадно.

Голубоватый свет, который Кэшел заметил прошлой ночью, исходил с этого, последнего склона, шагах в со-

рока от них. Сияние было настолько сильным, что, казалось, сам воздух вибрировал. Источник его скрывался в пещере за перевалом. Кэшел слышал слабое жужжание, словно там пряталась стая комаров. По коже у него побежали мурашки.

Он кинул взгляд через плечо. Яйцеголовых гигантов не увидел, но догадался, что они следуют по пятам. Интересно, что это за жуткий смех, издаваемый одним из них?

Захаг и Ария карабкались вперед. Кэшел прибавил шаг, старясь удерживать равновесие. Изрезанный ландшафт давал твердую почву под ногами.

Его спутники добрались до входа в пещеру. Ария плакала от страха. Она оперлась о булыжник у входа, пытаясь отодвинуть его.

— Я могу быть полезной! — повторяла она. — О, Мать-Богиня, я могу быть полезной!

Кэшел не смеялся. Он не мог даже вспомнить столь же нелепой ситуации: принцесса пытается сдвинуть камень, который, скорее всего, не по плечу и самому Кэшелу.

Но она старалась. Кэшел не знал, сумеет ли когда-либо испытывать к принцессе симпатию, но не уважать ее было невозможно.

— Захаг, поглядывай за обстановкой, — скомандовал он, трогая стык двух камней у входа в пещеру. — Дай мне знать, если нужно будет...

Он не смог закончить фразу. Ария еще сильнее встревожится. Дело в том, что дюжина великанов уже приближались и обступали пещеру.

Интересно, как они называются. Надо будет спросить у Теноктрис, когда увидит ее снова. Когда увидит...

Ему удалось справиться с камнем. Вот он нашел щель и вставил туда наконечник посоха. Еловый посох, конечно, не так крепок, как ореховый, но все же что-то должно получиться.

Кэшел установил посох перед пещерой. Вытянул руки, чтобы обхватить его с обеих сторон. Вряд ли удастся поднять такую тяжесть, используя этот рычаг, но вдруг удастся?

Кэшел начал тянуть. Вначале ничего не получалось. Он отклонился назад. От напряжения зазвенело в ушах.

— Я достойна! — взвизгнула Ария. — Я достойна короля!

Она, наверное, тоже нажимала на посох. Кэшел не мог этого видеть, глаза заволокло кровавой пеленой.

Валун не шелохнулся. И не мог бы шелохнуться.

— Дузи, спаси нас! — закричал Кэшел. И голос его утонул в громком треске: голубое пламя вырвалось наружу.

Используя копье для равновесия, Шарина смогла пройти по упавшему дереву и добраться до поджидавшего ее Ханно. Ветка под слоем мокрого и склизкого мха едва выдержала ее вес. Здоровяку же Ханно, казалось, все нипочем.

Дно оврага уходило на сорок футов вглубь. Шарине вовсе не улыбалось поскользнуться... Ханно успел вовремя подхватить ее там, где дерево кончалось.

— Унарк ставит там, внизу, капканы, — проговорил Ханно, спрыгивая на твердую землю. Он указал на дно оврага. — Носороги легко проходят этой тропой, но при этом часто попадают в ловушки, откуда их сможет забрать только седовласый старец. Правда, Унарк не может похвастаться изобилием волос, так что сесть там почти нечему, — добавил он со смехом. — Да и вряд ли он сильно постарел со времени нашей последней встречи.

Шарина осторожно ступила на землю, спрыгивать не стала, ибо боялась, как бы ветка не переломилась. Это Ханно может себе позволить прыгать, ибо он великолепно владеет крадущейся походкой, равномерно распределяющей вес тела.

Жук с блестящей, словно бриллиантовой спинкой пролетел между ней и Ханно. Его крылышки трепетали, тело же было размером с кулак взрослого мужчины.

Почва под ногами пульсировала, но Шарина сумела отыскать твердую тропу. Вокруг в изобилии росли гигантские папоротники и могучие араукарии с коническими стволами и горизонтальными ветвями, перегибавшимися на конце.

— А что, животные, на которых ты охотишься, опасны? — спросила Шарина, скорее, из вежливости, чем ожи-

дая ответа. Так всегда бывало в гостинице у ее отца. Если сумеешь расположить к себе постояльца, он охотнее заплатит по счету и возражать не станет. Но подобострастный тон тоже не годится.

Но некоторый интерес все же присутствовал. Волосатые люди опасны, но девушка была уверена — не только они представляют угрозу.

— Нет, не опасны, если только не вздумаешь становиться на пути у бегущего носорога,— заметил Ханно. Он нес с собой «легкую поклажу», как он выразился накануне: мешок весом фунтов в пятьдесят, в основном там были зерно и сухофрукты.— Мозгов у них не больше, чем у курицы, но весят они не меньше тонны. Короче, это все равно что встать под падающим деревом. Будь внимательна — и все обойдется.

— А как же хищники? — задала вопрос Шарина. Они двигались параллельно ручью с довольно вялым течением — вода была почти стоячей и размывала берега, образуя залежи сырой глины.

— Есть здесь ящеры, они передвигаются на двух ногах,— проговорил Ханно.— Каждый весит по полтонны, а в пасти — видимо-невидимо острых зубов, но они бегут всегда вперед. Нужно просто выставить копые вбок, и пусть себе он бежит дальше. Впрочем, они встречаются нечасто.

— Буду иметь в виду,— девушка усмехнулась, представив себя, поджидающей в засаде монстра с полным ртом острых зубов. Ну да ведь после ухода из Барка Хамлет она и не то еще совершала!

— Здесь мы перейдем через лагуну,— объяснил Ханно.— Здесь брод. А потом...

Некое пресмыкающееся — детеныш крокодила, решила Шарина — сигануло из зарослей папоротника в воду при их приближении. Оно поплыло, поднимая волны мощным хвостом и раскидывая в стороны когтистые лапы.

— Как бы то ни было, логово Унарка вон там, наверху,— продолжал Ханно.— Оно в дупле дерева, там ты и спрячешься, пока я сам поищу лодку.

— Хорошо. Если ты...

Раздался рев. Малютка-крокодилчик исчез в водовороте. Некое чудовище с плоской головой и глазами на самой макушке повернулось и исчезло в мутной воде. Оно было просто гигантским. Кожа отсвечивала бурым, словно кожура гнилого банана.

Шарина разом остановилась.

— Что это было?

— О, они совершенно не опасны. Мы их не интересуем. Слишком велики. Это саламандры. Живут на дне пруда. И выбраться оттуда не могут. Они плохо двигаются.

Он указал копьем в сторону брода.

— Вон туда нам нужно идти.

Шарина старалась держаться к нему поближе. Наконец-то саламандра расправилась с добычей.

— Удастся ли мне добраться до Сиримата, когда доставлю тебя в Вэллис,— промолвил Ханно. Он шагнул на другую сторону лагуны. Тропы не было видно, но он знал, куда движется.— Если Мартышки ведут себя подобным...

Он пожал плечами и описал копьем полукруг, раздвигая для Шарины спутанные древесные корни.

— Не могу же я каждую ночь сражаться с Мартышками. Тогда придется поискать другое место для охот.

Шарина заморгала, потом хихикнула. Все, что волнует сейчас Ханно — где охотиться, а вовсе не то, выживет ли он. Чудеса, да и только.

— Я ничего не знаю о Сиримате,— заговорила она. Неделью назад ей и про Байт было ничего не известно.— Ригал — это такой поэт — утверждал, будто деревья там могут разговаривать, а люди не поклоняются Госпоже, но это ведь писалось две тысячи лет назад.

По обе стороны от тропы ее обступили острые древесные корни, напоминающие зубы хищников. Она осторожно огибала их. Интересно, как это охотник ухитряется так легко проскальзывать мимо?

— На Сиримате деревья, в сердцевине которых — драгоценности,— сообщил ей Ханно.— Так я слышал. Что ж, посмотрим, что будет в Вэллисе. Чему я смогу там научиться. Всегда есть кто-то, кто может быть тебе полезен, надо только не зевать и впитывать знания.

Они уже поднялись по склону. Почва стала ярко-красного цвета. Высоко в ветвях поблескивали прекрасные цветы, мелькало пестрое птичье оперение.

Ханно остановился и шагнул в сторону, чтобы Шарина могла к нему присоединиться. Он посмотрел в сторону поляны.

— Вон там и есть хижина Унарка,— сообщил он.— Готов поклясться, там мы его и обнаружим.

Дорогу перегородили упавшие стволы деревьев. Одно из них было баобабом огромной толщины.

Охотник взглянул на Шарину с хитрой усмешкой.

— Если бы он был под этими бревнами, мы бы по запаху догадались, там ли он. Запах мертвечины долго держится в этих краях.

— О,— только и могла выдавить Шарина.

Внизу рос невысокий кустарник, почва была, скорее, каменистой. Травы же практически не росло. Шарине показалось, будто она находится в огромной комнате.

— Здесь так мирно,— произнесла девушка.

Ханно кивнул.

— Унарк тоже так считает. Что же до меня, я люблю слушать шум воды, когда сплю.

Он усмехнулся.

— Полагаю, Унарку сейчас любое место покажется мирным.

Ханно поднял глаза. Небо было не очень хорошо видно за густой листвой.

— Убежище Унарка вон на том баобабе,— сказал он, указывая на дерево.— В стволе есть трещина, в которую ты свободно пройдешь, а внутри трещины — дупло. Я оставляю тебя там, а с тобой — и груз.

— А ты не пойдешь со мной? — удивилась Шарина, стараясь, чтобы ее вопрос не прозвучал слишком назойливо.

Охотник скинул мешок со спины и, держа его за лямки, зашагал через поляну.

— Пойду поищу лодку Унарка,— ответил он.— Дорогу я знаю, пробуду там до утра.

Он подошел к баобабу и шагнул в сторону. Шарина увидела огромное дупло.

— Ну как ты, справишься? — спросил охотник.

— Да, конечно, — поспешно отвечала девушка.

25-й день месяца Цапли (позже)

— Гаррик? — позвал Ройяс, и в голосе его звучало явное беспокойство.

Гаррик глянул через плечо. Толпа уже, казалось, отступила на добрых полмили, хотя Гаррик знал: сделай он пару шагов — и очутится в саду. Воздух был тихим, теплым, пахло перезрелыми фруктами.

— Я пошлю с вами людей, — крикнул вельможа, делая усилие, чтобы быть услышанным. — Могу сам повести их, если хотите!

Теноктрис покачала головой.

— Я не смогу защитить их всех, — предостерегла она. — Сил моих хватит едва лишь на нас троих. И я бы очень хотела надеяться...

И они втроем усмехнулись, переглянувшись. Они понимали, что имеет в виду Теноктрис, а Лизэйн закончила мысль:

— ...надеяться, что троих будет не слишком много. В любом случае, мы друзья и можем поддержать друг друга.

— Буду помнить об этом, когда каменный тигр захочет проглотить меня, — пошутил Гаррик. Он сложил левую ладонь в виде чашечки, правую же положил на рукоять меча, словно принося присягу. — Ждите нас, как договорились. Никто не сможет войти, пока мы не сделаем путь безопасным!

Они пошли вперед, плечом к плечу. Их вел за собой голубой огонек. Этот огонек ловко и осторожно пролетал между чашечками хищных цветов в форме драконьих голов. Из пастей вслед огню вылетало зеленое пламя.

— Нам сюда? — спрашивал Гаррик. Он почувствовал, как задвигался шлем на голове, ибо он сильно нахмурился. Он бы обходил растения подальше, будь его воля.

— Да, — сухо отвечала Теноктрис. — Уверена, Илне удалось бы легче разобраться с этими мороками, чем мне, с

моей магией, но, полагаю, мои способности просто ограничены.

Гаррик шагал вперед, с трудом подавляя в себе желание рубануть по зеленым хищным язычкам, жадно тянувшимся за ними. Его воспитывали не причинять зла тем, кто не причиняет зла ему самому. Сохранять жизнь. Так стоит ли своему страху — и перед кем, перед растениями? — позволять совершать необдуманные поступки. Нельзя этого допустить.

Дворец королевы уже не был виден. Он обернулся посмотреть на зрителей, наблюдавших, как он знал, за сценой, но они тоже скрылись из виду. Кусты тянули к ним искривленные ветви. Странно, вроде бы вначале их не было видно.

— Теперь повернем налево, — убежденно произнесла Теноктрис. Гаррик заметил в ее правой руке стило.

— Извини, я больше не стану отвлекаться, — отозвался Гаррик.

Огонек обогнул клумбу с роскошными пурпурными нарциссами, росшими вокруг небольшой магнолии и камня. Дерево цвело, и аромат кружил голову, напомнив Гаррику о танцовщицах, чьи нагие тела украшали бронзовые ожерелья, а больше — ничего.

Он послушно последовал за старой волшебницей, убегая от преследовавшего тяжелого аромата. Растения под ногами вдруг начали превращаться в причудливых животных, наподобие жаб, на четырех ногах. Они таращили глаза на непрошенных гостей.

У Лиэйн с собой было ведро с водой. Ее взгляд заметался, но лицо по-прежнему хранило аристократическое спокойствие.

— Притворяться, что не боишься — отличный способ продержаться, сынок, — заметил в сознании Гаррика король Карус. Его образ и здесь не покидал юношу. — Но если она и вправду такая храбрая, значит, даст фору любому мужчине.

Гаррик улыбнулся. Да уж, в чем-чем, а в храбрости Лиэйн не откажешь. А если и будет бояться — это ее не остановит. Впрочем, как и его.

Ведущий их свет просочился между головами трехглавого великана. Статуя зашевелилась на постаменте, издавая угрожающие звуки.

— Погодите-ка,— велела Теноктрис. Она присела и выдернула стебель папоротника, хищно вылезший между двух камней в форме черепа.

Глаза великана — по одному на каждой из голов — усталились на людей. Он начал спускаться, поднимая обоюдоострый меч в одной руке и топор — в другой.

— *Теста*,— сказала Теноктрис.— *Эйбрадибас*.

Она стукнула по стеблю своим бронзовым стилем. Стебель переломился.

Ноги монстра с грохотом подломились. Статуя рухнула на землю, разлетевшись на множество осколков, которые тут же обратились в пыль.

Старая леди стерла с бронзового орудия сок папоротника, на лице ее играла торжествующая улыбка. Лиэйн помогла ей подняться на ноги.

— Совсем простой эффект,— заметила Теноктрис.— У королевы все так действует. Но удивительно, сколь сильна ее магия, способная удерживать все это воедино!

Под ногами Гаррика хрустели обломки рассыпавшейся статуи. Одна из голов осталась целой. Он видел глаз, следивший за ним, рот скривился в жуткой гримасе.

Огонек повернул направо от довольно ровной, выложенной камешками тропы и теперь следовал вдоль извилистой, заваленной осколками. На сей раз Гаррик ничему не удивился, только желудок болезненно сжался. Он хорошо помнил, что произошло с Готелмом...

Гаррик перешел через ручей. Вода просочилась через башмаки, в них сейчас же захлюпало — но ужасов, которых он ожидал, не последовало.

Огонек обогнул пару вишневых деревьев, каждое — не более двадцати футов высотой. Их цветы были багряными, как кровь.

Ветви тянулись к людям, впрочем, бессильно. Гаррик прямо-таки кожей ощущал их сухую, бескровную ненависть.

— Ах,— прошептала Лиэйн.

Гаррик следил за огоньком. Он поднял глаза туда, куда указывала Лизэйн. На холме перед ними замаячил дворец королевы. За окнами зловеще алело пламя.

— Вот мы и пришли,— проговорил юноша. Он с трудом удержался, чтобы не броситься вперед. Король Карус в глубине его сознания опасался различных ловушек: спрятанных в траве острых кольев, стальных капканов и силков, какие обычно ставят при приближении неприятеля.

Но королева мыслила иначе, чем военные генералы. Ее ловушки были не материальной природы. А проводник наверняка им поможет...

И тут огонек погас. Исчез, сгорел бесследно. Теноктрис прошептала что-то, наверное, заклинание.

— Дверь открывается,— произнесла Лизэйн. В ее голосе звучало тщательно сдерживаемое напряжение.

Высокие дверные створки со скрипом отворились: стальные петли жалобно завизжали, словно души грешников в аду. Гаррик ожидал увидеть вспышку того самого пламени, что плескалось за окнами, но дверной проем встретил их лишь темнотой.

— Мы пробились сквозь мороки королевы, вот она и прислала настоящего хранителя ворот,— объяснила Теноктрис. Она уселась на бледную траву.— Это уже не морок.

— Не думаю,— тихо проговорил Гаррик. Он теперь выступал в двух ипостасях — крестьянин и древний король. Теперь в минуту кризиса король Карус не замечал Гаррика в его теле, напротив, его рефлексy и познания добавлялись к Гарриковым. И это было куда мощнее, чем до того.

Гаррик снял алый бархатный плащ и обмотал вокруг запястья. Одежда дает мало защиты, но иногда и ее достаточно, дабы спастись от гибели.

Губы Теноктрис непрерывно шевелились. Лизэйн стояла рядом с ней, держа в одной руке ведро с водой, в другой — кинжал.

Стражу ворот королевы пришлось согнуться при выходе наружу. Сложением он походил на человека, но рост его был исполинский, а с огромного лица смотрел один-единственный глаз.

Циклоп был облачен в доспехи и поножи из черного металла, украшенные награвированными картинками: демоны истязают человечков. Щит на его левой руке венчала голова дракона со сверкающими глазами. Шлем с гребнем делал рост чудовища почти тридцатифутовым.

Гаррик истерически захихикал. Он и прежде видел циклопов: одного из них создал для своей защиты маг в Дремлющем мире.

Тот маг умер, королева тоже должна умереть.

Циклоп подошел к нему поближе, перешагивая через ручей. Ноги его были много толще человеческих, они, скорее, напоминали колонны, отчего тело его казалось пирамидальным, расширяясь в плечах и грудной клетке. На плече он держал металлическое копье, готовясь метнуть его и пришпилить жертву к земле. На поясе висели ножны — наверное, в человеческий рост.

— Хафт и Острова! — закричал Гаррик, бросаясь бежать.

Этот древний клич вызвал у великана приступ гомерического хохота, едва не оглушившего юношу.

— Хафт и Острова!

Гаррик снова развернул плащ, чтобы удобнее было его использовать. Вряд ли существует оружие, могущее противостоять копью циклопа, но мозг подобной твари, скорее всего, не превышает по размеру грецкий орех. Это ведь животное, а не воин.

Гаррик перебросил плащ в левую сторону. Тело же быстро сдвинулось вправо. Железное копье, сверкнув, словно молния, пригвоздило бархат к земле. Гаррик же, рубя направо и налево, проскочил между массивных ног великана.

Он одним ударом задел кость на ноге циклопа, другим перерубил его сухожилие. Гигантская нога судорожно дернулась, и Гаррик получил пинок под ребра. Он пролетел футов двадцать вперед, потерял шлем, половина заклепок на кирасе разлетелась.

Такая мощная туша не должна была действовать так проворно...

Гаррик вскочил на ноги. Клинок был испачкан кровью, и кровь же текла по ноге чудовища. Меч повредил арте-

рию, но ахиллесово сухожилие не пострадало, как ни надеялся на это Гаррик.

Со временем он истечет кровью, но разве у них есть время на ожидание?

Циклоп меж тем тупо втоптывал плащ в землю с остервенением иной матери, затаптывающей гадюку, которая угрожала ее малышу. Гаррик дважды глубоко вздохнул, радуясь, что кираса расстегнулась, и сожалея, что нельзя ее вообще сбросить. Он шагнул к чудовищу. Тот развернулся лицом к юноше.

Гаррик подождал. Циклоп подобрался и прыгнул на него. Юноша просто отошел в сторону и рубанул врага по руке, отсекая палец латной рукавицы и с ним указательный палец монстра. Металл рукавицы более мягкий, поэтому твердая сталь клинка без труда справилась с ним.

Циклоп дико захохотал, отчего у Гаррика разом скрутило живот. Тварь надвигалась на него, выставив щит и высоко подняв меч.

Гаррик быстро отступал. Но враг двигался быстрее, ибо шаги его были просто огромными.

— Гаррик! — крикнула Лизйн. — Твой меч!

Гаррик отпрыгнул назад и зацепил для упора меч за край своего шлема, а потом всем телом вонзил оружие в ногу циклопа.

Тварь отпрянула, словно ужаленная. Но меч остался в ране. Гаррик рванулся вперед, добавляя нажим, так что клинок буквально изогнулся, утопая в лодыжке циклопа.

Великан взревел. Он швырнул наземь щит, накрыв им Гаррика, который не успел увернуться. Гаррик рывком выдернул меч, очищая его от кусков плоти и хрящей, как, бывало, на кухне в гостинице своего отца.

Теперь он находился между ног чудовища. Оно подняло правую ногу, пытаясь придавить его к земле. Гаррик снова нанес удар в левую ногу, отскакивая назад.

Нога циклопа тяжело опустилась вниз. Меч Гаррика отлетел в сторону. Циклоп прошел мимо, передвигаясь с усилием. Гаррик тяжело дышал, легкие его горели после удара. Меча в руках больше не было, он рванул застёжки кирасы, стремясь скинуть ее.

Правая сторона груди онемела после удара.

Гаррик попятился. Он не мог повернуться и бежать, потому не видел действий циклопа. Но даже если бы видел, юноша сомневался, сумеет ли вовремя увернуться от гигантского копья.

Он пытался взобраться на холмик. Добежит до дворца, а там циклоп прихлопнет его как комара о каменную стену.

Гаррик пытался сосредоточиться, чтобы определить реакцию чудовища, поэтому не видел, чем занята Лизйн. А она ухватила за торчавший из раны на ноге циклопа меч. Потом, держа оружие обеими руками, она потянула что было сил. Лезвие прорезало мышцы, словно нож повара — кочан капусты.

Чудовище взревело, повернулось, взмахнуло копьем. Лизйн проворно отскочила, не отпуская, однако, меча. Кровь хлестала из раны водопадом.

— Эй ты! — Гаррик пробежал под самым носом у циклопа, размахивая руками, чтобы отвлечь от девушки. Вряд ли тот мог его услышать, ибо все заглушал его собственный вой. Юноша помахал перед ним красным плащом. — Смотри сюда!

Циклоп рванулся вперед. Его левая нога подвернулась, так как сухожилия надорвались и не могли выдержать веса тела. Падая, он едва не сшиб Лизйн. Гаррик с облегчением перевел дух, наблюдая, как девушка что есть сил улепегивает прочь. Меч она держала в руках. И тут она довольно ловко пригвоздила мечом руку чудовища между сочленений латной рукавицы, вогнав его через тело циклопа достаточно глубоко в землю.

Теперь уже циклоп орал и ревел, словно гром в небе. Кровь била фонтаном, заливая землю вокруг. Теноктрис читала заклинания.

Лизйн вскарабкалась на холм, удерживая меч в двух руках. Бледное лицо девушки было забрызгано кровью.

Гаррик повернулся. Двери дворца стояли открытыми. Ослепительно голубой огонь сверкал между листьями деревьев, а вокруг бушевало оранжевое пламя.

— Ворота! — еле выдавила Лизйн, передавая Гаррику меч. — Теноктрис говорит, нужно пронести железо в ворота!

Гаррик шагнул сквозь завесу пламени. Базальтовый порог раскалился, ступать было горячо даже в башмаках на толстой подошве. Меч он держал так, словно целил его в глаз неведомому противнику.

По коже побежали мурашки, больше он ничего не почувствовал. Место, где горел огонь, оказалось широким светлым холлом, пустым, если не считать доспехов, рассчитанных явно не на людей.

Гаррик кинул взгляд на циклопа. От него остался один скелет, лежащий в огромной луже светящейся жидкости, а толпа горожан Вэллеса уже с радостными криками требовала крови королевы.

Гаррик хотел убедиться, что Теноктрис в безопасности, но вначале нужно было отдышаться. Перед глазами все мелькало.

Какой-то человек схватил юношу за руку и с энтузиазмом похлопал по плечу.

— Король Карус! Да здравствует Карус!

Женщина, годившаяся Гаррику в матери, обняла его и поцеловала в губы. Одежды ее были из дорогого шелка, а духи пахли гелиотропом.

— Пожалуйста! — взмолился юноша. Толпа начала просачиваться во дворец, окружая его. Он пытался улизнуть. Лизэйн притиснули к нему.

Двое телохранителей Ройяса с трудом прокладывали путь сквозь толпу. Сам вельможа вместе с Теноктрис присоединились к ним под защитой еще четверых. Вооруженные стражи отгоняли людей от Гаррика и Лизэйна.

— Остальные члены нашей группы будут с нами в скором времени, — сказал Ройяс. Он криво усмехнулся. — Подойдут ко дворцу, как я и велел им. Им это не очень понравилось, но выбирать ведь не приходится.

Во дворце раздались крики. Гаррик быстро охватил взглядом внутренние покои. Дворец был выстроен галереей вокруг двора. Королю Карусу такой стиль показался знакомым, но ни в наши дни, ни во времена Старого Королевства его не применяли.

Лизэйн держала Теноктрис за руки и что-то ей говорила, приблизив лицо к лицу старой женщины. Теноктрис

выглядела усталой, но тепло улыбнулась, встретившись взглядами с Гарриком.

Ройяс это подметил. Лицо его напряглось, и он продолжил:

— Я должен был первым поздравить вас, мастер Гаррик. Никто из тех, кто наблюдал за вашей битвой — а это ни много ни мало почти все население Вэллеса, — не сомневался, что к нам вернулся герой прежних времен.

— Герои прежних времен потерпели поражение, — возразил Гаррик, еле шевеля губами. — Нам с вами должно повезти больше. И повезет.

Из окна дворца потянуло дымом. Настоящим дымом: горели древесина и ткань, очевидно, какой-то идиот поджег мебель.

— Вы можете это остановить? — спросил Гаррик у Ройяса. — У вас хватит для этого людей?

— Можем попытаться.

— А где же королева? — удивилась Лизэйн. — Она что...

Со стороны дворца послышались вопли ужаса, потом к ним присоединились остальные тысячи граждан города, и только тогда до сознания Гаррика дошло: что-то не так.

Солнце потемнело. Он поднял голову и посмотрел вверх.

Существо, взлетевшее с крыши дворца, раскинуло прозрачные крылья, по размеру походившие, скорее, на две тучи. Тело — жалкое, небольшое по сравнению с крыльями — напомнило Гаррику о пауках, висевших в тенетах в углу комнаты в гостинице.

На спине создания восседала женщина совершенной и холодной красоты. Она без всякого выражения смотрела на Гаррика с высоты не менее пятидесяти шагов.

— Будь со мной лук... — прошептал юноша.

Все люди вокруг дворца пали на колени. Один из стражей Ройяса затянул гимн во славу Госпожи.

— Одной стрелой тут не обойдешься, — возразила Теноктрис. — Но сейчас, когда мы выкурили ее из логова, у нас есть время найти верное решение.

Крылатая тварь постепенно поднималась над морем. Крылья трепетали, как у осы, не как у птицы. И долго еще ее было видно в воздухе, летящей на юго-восток.

* * *

Шарина ощутила присутствие чужаков, прежде чем услышала их голоса. Она замерла, слыша лишь стук собственного сердца в ушах.

Внутри гигантского дерева слышимость была поразительной.

— Она здесь,— раздался шепот. Это был голос лже-Ноннуса.

В дупле почти не было света, открывалась она вверх где-то высоко, но Шарина сумела оглядеться.

Укрытие было двадцати футов в диаметре, мебель отсутствовала, если не считать скамьи для сна из ноздреватой древесины. Странно, но безопасного костровища для приготовления еды не обнаружилось.

Но тут до нее дошло: это не дом, а лишь временное прибежище. Охотник не стал бы рисковать, разжигая здесь огонь.

К тому же выход слишком узок: случись пожар, можно и не выйти. Желудок у Шарины болезненно сжался при этой мысли. Она тут же вспомнила тяжелые пожары в Барка Хамлет в прошлые зимы.

— Шарина? — раздался голос лже-Ноннуса.

Потом громче:

— Я пришел спасти тебя, дитя. Можешь выйти.

— Она не выйдет,— пробормотал его спутник. Шарина подумала, что узнает его: это был один из людей с корабля.— Даже если она и там.

Девушка оказалась в западне. Существует лишь один выход из дупла баобаба, но здесь ее поджидают преследователи. Дыра наверху слишком мала, чтобы можно было протиснуться сквозь нее.

— Выходи же, дитя,— вкрадчиво произнес лже-Ноннус, отчего Шарина похолодела.— Дикарь, что похитил тебя, не вернется до завтрашнего вечера, если вообще вернется.

Шарина стиснула рукоять пьюльского ножа.

— О Госпожа, окутай меня своим плащом,— прошептала она.

Странно, призывает Госпожу Милосердную, а сама сжимает оружие. Ладно, помолится она потом, а сейчас... Шарина выхватила нож.

— Да не выйдет она! — снова пробубнил голос. — Лучше нам войти туда и захватить ее.

— Я бы сказал, Краттус, что лучше тебе помолчать и послушаться меня, — зловещим голосом парировал лже-Ноннус.

Затем его голос стал добродушным.

— Там, внутри, довольно темно, и вряд ли ты сумеешь держать факел и обороняться: у девчонки неплохой нож, во всяком случае был, когда я в последний раз видел ее.

— В таком случае что же ты предлагаешь? — спросил теперь уже третий мужчина. Голос его звучал устало и раздраженно. Шарине было любопытно, сколько же человек в этой банде.

— Остановимся здесь на ночлег, подождем рассвета, — отвечал Ноннус. — А с рассветом я сумею, с помощью своего магического искусства, сделать так, что в дыре станет светлей. И тогда нам будет легко пробраться внутрь, не пострадав при этом.

— Да уж, не пострадать при этом, особенно тому, кто полезет самым первым, — проворчал третий собеседник.

— Точно, Осан, — прошипел лже-Ноннус, в который уже раз искажая личность человека, которым прикидывался. — И тебе лучше постараться, не то не видать тебе золота королевы, как своих ушей. Или, может, станешь объяснять ей, что испугался ее гнева меньше, чем тупой крестьянки?

— Свое задание я выполняю, — ответил Осан. — Я ведь всегда все выполняю, верно?

— Встанем здесь лагерем, — резко бросил лже-Ноннус. — Краттус, пусть у входа постоянно дежурят двое. Утром позаботимся, чтобы это дурацкое происшествие благополучно завершилось, и рванем с этого злополучного острова.

Краттус махнул рукой в сторону второго выхода из дупла.

— Неплохо было бы заблокировать этот выход, воткнуть две дубинки крест-накрест. Даже если у девчонки достанет силы выломать их, треск привлечет наше внимание.

— Ага, отличная идея,— согласился лже-Ноннус. До Шарины донеслось эхо срубаемых веток. Чуть погода раздалась шум падающего дерева и пыхтение работника.

— Пускай маленько посидит в клетке! — услышала девушка еще один голос, не звучавший прежде.

— А как насчет того парня, с которым она пришла? — спросил третий собеседник.

— Я уже говорил, побудем здесь, пока он не вернется. Я же маг, или ты забыл?

— Такое вряд ли забудешь,— пробормотал Осан. Шарине показалось, он отвернулся от собеседников, поэтому его голос звучал в направлении убежища, и она слышала больше, чем его собеседники.— Никогда больше не стану служить этим чертовым магам!

— Осан, вы с Деналтом будете нести вахту до восхода луны,— скомандовал Краттус.— Потом заступим мы с Байеном.

— Послушай, а если я вообще не увижу восхода луны, что тогда? — огрызнулся Осан.— Здесь же темно, как в поросычье заднице!

— Тогда будешь сторожить до рассвета! — отрезал начальник.— Остальные смогут поспать, сколько захотят.

Они устроились на ночлег, и вскоре разговоры стихли. Настоящие мастера своего дела, организовали все, как надо, а ведь для них эти джунгли такие же чужие, как для Шарины. Лже-Ноннуса было не слышать, может, ушел куда-нибудь.

Шарина оказалась в безвыходном положении. Дерево жалобно поскрипывало на ветру, в лесу раздавались шорохи. Девушка в темноте мерила шагами укрытие, потом прилегла в нише.

Вначале она думала: вдруг Ханно вернется ночью. Потом оставила эту идею. Раз уж лже-Ноннусу удалось запереть ее в этой ловушке, выследив в джунглях, у него хватит ума и магических способностей, чтобы напасть на след охотника.

Девушка ощущала себя измученной как физически, так и эмоционально. Ее истощили как последние события, так и вообще все, что произошло за последнюю неделю. Наступит утро — что ждет ее тогда? Есть две возможности — сдаться самой или быть захваченной.

Госпожа отвернулась от нее.

Шарина задремала. Лезвие пьюлского ножа холодило щеку. Во сне девушка видела, как посреди леса открывается загадочная дверь, что ведет в чашу.

А там... небольшая хижина на берегу ручья с крутыми берегами. Работавший в саду человек отряхнул землю с лопаты и приблизился к девушке.

— Ноннус? — удивилась она.

— То, что осталось от меня, ведь я умер, — сообщил он. — Садись же, дитя. Это все, что я могу тебе предложить. И свою компанию.

Шарина присела на корточки, как она обычно это делала, находясь дома у отшельника. Ноннус уселся рядом.

— Я постоянно наблюдаю за тобой, дитя, — поведал ей Ноннус. — Надеюсь, ты чувствуешь это, хотя и не видишь меня.

На площадке перед ними из цветной гальки было выложено изображение Госпожи. Там, в Барка Хамлет, Ноннус вырезал фигуру Госпожи из огромного ствола дерева. Туника на нем сейчас была прежняя, из темной козьей шерсти, но пьюлского ножа, который отшельник снимал лишь на время молитвы, нигде не было видно.

Шарина посмотрела на нож в своих руках, потом встретилась глазами с отшельником. Он улыбнулся.

— Здесь он мне не нужен. К тому же я передал его в хорошие руки!

Шарина сунула нож обратно в ножны.

— Там, снаружи, человек, который... — она нервно сглотнула. — ...пытается выдать себя за тебя, он маг.

Ноннус кивнул.

— Его имя — Нимет ор-Конья. И, знаешь, дитя, пожалуй, впервые в жизни я благодарен магии. Если бы не его работа, мы вряд ли смогли бы увидеться. И если бы не

действия его владычицы. Они сделали барьер тоньше, сами о том не догадываясь.

Он мрачно усмехнулся.

— Не одни волшебники совершают ошибки. Полагаю, сейчас мне гораздо в большей степени есть о чем сожалеть, чем во времена юности.

Шарина наклонилась и взяла отшельника за сильную, мозолистую руку. Слезы покатались у нее из глаз.

— Ноннус, можно мне остаться здесь, с тобой? Пожалуйста!

Он нежно прижал ее к себе, как мать прижимает к себе плачущего младенца.

— Это место — не для тебя, Шарина, — мягко проговорил он. — Придет время — и я молю Госпожу, чтобы это случилось нескоро, — и ты обретешь иной дом.

— Ноннус, что же мне делать? — плакала девушка. Она что было сил стиснула его руки, понимая, что он чувствует боль не сильнее, чем, к примеру, ствол орешника. — Я буду биться с ними, но вряд ли смогу...

— Убить шестерых солдат и самого Нимета? — подсказал Ноннус. Он высвободил одну руку и приобнял Шарину. — Пожалуй, это тебе не под силу. Наверное, потому-то ты и здесь.

Шарина промокнула мокрые глаза рукавом туники. Потом встретила с другом глазами и улыбнулась. Стараясь не показывать своего облегчения, спросила:

— Так ты вернешься, Ноннус? Поможешь мне?

— У меня нет больше тела, дитя, — терпеливо объяснил тот. — А у тебя есть. Если позволишь мне воспользоваться твоим телом, я сумею помочь тебе справиться с ними.

И он одарил ее улыбкой, столь же суровой, как скалы, что окаймляют Пьюлское море.

— Сейчас я могу не столь многое, как в молодые годы, но кое-что мне еще под силу.

Они стояли, все еще держась за руки и тихонько смеясь от счастья нежданной встречи.

— Я знала, что ты pomoжешь мне, Ноннус, — промолвила Шарина. Она больше не чувствовала себя одинокой.

Отшельник внезапно посерьезнел и отпустил ее руки.

— Тебе будет нелегко это сделать, дитя. Это насилие над твоей личностью, выдержишь ли ты подобное? Лучше будет, если ты отправишься с Ниметом к его хозяйке.

— Ноннус, мне нужна твоя помощь. Делай то, что тебе позволяет твой разум. И я тоже постараюсь не отстать. Да поможет нам Госпожа.

Ноннус улыбнулся. На сей раз — легко и нежно.

— На протяжении последних восемнадцати лет моей жизни, Шарина, единственное, о чем я молил, если не считать милости Госпожи — это возможность быть тебе полезным. Думаю, Госпожа подарила мне и то, и другое.

Он дотронулся до щеки девушки:

— Спи, дитя, посмотрим, что произойдет на рассвете.

Чешуйчатые люди, распевавшие гимны, довели звук до мощного крещендо. Илна ощущала дрожь не только корабля, но, видимо, и окружающего мира. Козро крикнул, и летун, лежавший на решетке почти рядом с лицом девушки, сердито глянул через плечо.

«Птица Волн» вынырнула из освещенного места и прицалила к берегу. Сквозь решетку просвечивало солнце.

Крылатые твари скрючились, почернели, словно листва, сжигаемая по весне. Плоть их начала распадаться. Скелеты плавились, превращаясь в тягучую однородную массу.

Илна нажала рукой и плечом на решетку, пытаясь отодвинуть ее в сторону. Козро ударом вышиб ее, но без помощи девушки решетка снова опустилась бы им на головы: за дни, что он провел связанным, капитан слегка утратил свою силу.

Илна вылезла из трюма с веревочной петлей в руках. Жаровня все еще чадила, испуская разноцветный дым. Чешуйчатые разожгли костер и оставили его на палубе. Летуны усеяли всю палубу, снова напомнив Илне майских жуков. Труп одного из матросов валялся неподалеку, обглоданный практически до костей. Череп странный, слишком широкий: он сильнее отличался от человеческого, чем отличаются от нормальных людей Чешуйчатые, будучи во плоти.

Дверь в рубку открылась. Козро освободил кортик, который кто-то пригвоздил к мачте.

Небо выглядело бледно-голубым. Солнце стояло над западным горизонтом, освещая корабль и море вокруг.

Парус бессильно повис, магический ветер более не надувал его. Справа по борту, примерно в полумиле отсюда, виднелся небольшой островок. Над ним кружили стаи чаек.

Чешуйчатые, очевидно, крепко держали дверь, пока летуны не вышибли ее. Изуродованные трупы буквально вплавились в древесину.

Козро схватил жаровню. Илна приготовилась набросить петлю на шею матросу, пока капитан расправляется со следующим.

Первые двое Чешуйчатых вышли из рубки с кортиками в руках. У обоих текла кровь, но они явно сохранили силы для сражения. За ними появился третий, с копьем. Последний, весь перебинтованный, пытался натянуть тетиву арбалета.

— Когда эти сволочи были людьми, никто из них не умел плавать! — закричал Козро. — Будем надеяться, что и не научились за это время. Шлюпка еще на носу. На ней я доплыву до острова!

Четверо Чешуйчатых расположились у рубки. Они ждали, пока арбалетчик выстрелит, надеясь либо покончить с пленниками, либо запугать их.

— Я и сама не умею плавать! — пожаловалась Илна. Они вдвоем бежали что есть мочи на нос судна. Пусть неприятель получил ранения, но и они просидели взаперти и связанными, что не добавило им сил.

— Тем хуже для тебя! — отрезал Козро. Он повернулся и вывалил содержимое жаровни прямо на парус. Промоленная ткань немедленно занялась.

Козро прыгнул за борт. Чешуйчатые в страхе завопили. Илна оказалась между матросами и ревущим огнем. Мачта тоже загорелась.

Матрос с копьем выступил вперед. Илна вскинула руку — и лассо с мягким шуршанием порхнуло по воздуху и затянулось на шее у неприятеля. Девушка действовала, скорее, инстинктивно. Единственный выбор, предостав-

ленный ей подлецом Козро, был таков: сгореть заживо — либо же утонуть. Выбирать она пока была не готова.

Илна ногой выбила копьё из рук Чешуйчатого, распростертого на палубе рядом с ней. Другой уже бежал на нее с кортиком. Илна хлестнула его по глазам свободным концом веревки. Он отпрыгнул назад, вопя от жуткой боли.

За бортом корабля показался диск, светившийся голубым холодным сиянием. Илна взглянула на него через плечо. Она снова пнула лежавшего. Вокруг диска двигались какие-то фигуры.

Не мешкая долее ни секунды, Илна ступила на перила и шагнула в сторону диска. Пусть это грозит смертью, но оставаться на судне еще опаснее.

Жаль, что пришлось оставить лассо на палубе. Но это было самое меньшее, о чем стоило жалеть.

В ярко-голубом сиянии ночи Кэшел отчетливо видел свои кости, просвечивающие через кожу. Он сосредоточился на камне, сейчас это — самое важное.

Захаг и принцесса кричали, но их голоса казались такими далекими и приглушенными, а в ушах Кэшела отдавался собственный натужный рев. Во что бы то ни стало нужно поднять камень над головой. Но как это сделать?

Он осторожно развернулся всем телом. От такой тяжести, если сделать неправильное движение, запросто можно сорвать спину и колени. Так что правильно распределить равновесие — самое важное сейчас.

Развернувшись достаточно, чтобы камень не свалился на него и его товарищей, он с усилием раскрутил его. Камень сдвинулся с места, а Кэшел зашатался и едва не упал вперед.

Ноги почти не держали его, так что ему пришлось помогать себе, опираясь рукой о землю, причем локоть не выдерживал нагрузки. Ария вцепилась ему в руку, но он не мог понять, то ли она помогает ему, то ли просто потеряла самообладание от страха.

Гора под ним закачалась, словно началось землетрясение. Синее пламя раскололо скалистый склон повсюду,

где мог видеть Кэшел. В этом мерцающем синем свете был отчетливо виден силуэт гигантской твари, по форме тела напоминавшей ящерицу — только огромных размеров, не ниже дубов, что росли возле его деревни.

Тварь развернулась с несбылой для таких размеров грацией, причем каждое движение сопровождалось вспышками молнии. Хвост она использовала для сохранения равновесия, чтобы гигантская голова не перевешивала. От ее рева сотрясались небеса. Вот она схватила зубами одного из троллей, преследовавших Кэшела с его спутниками.

— Твоих рук дело, старший? — поинтересовался Захаг.— Ты его вызвал?

— Да нет же...— пожал плечами тот.— Я даже не знаю, как...

— Пожалуйста! — вмешалась в разговор Ария.— Пожалуйста, пойдемте же!

Страшилище шагнуло из рощи. Хвост его сверкал огнями. Оно протянуло когтистую лапу. Схватило еще одного тролля, выбросило его дубинку, а самого целиком отравило в рот.

— Мой посох,— пробормотал Кэшел, пытаюсь подняться. Уж не сон ли это, подумалось ему.

Каменно-светящаяся тварь преследовала убегающих троллей, хватая одного за другим, как змея, охотящаяся за мышами. Похожие на зубы пластины на спине колыхались из стороны в сторону.

— Посох у меня! — закричала Ария.— Пожалуйста, пойдемте!

Кэшел обнаружил, что может передвигаться. Он встал на четвереньки и пополз вверх ко входу в пещеру. От топота шагов чудовища сотрясались горы.

Тролли в ужасе разбегались по сторонам, пытались скрыться от преследовавшего их монстра. Их голоса казались комариным писком по сравнению с грохочущим ревом охотника.

Кэшел и товарищи, похоже, его не интересовали. И это было для них настоящим спасением.

Кэшелу даже смешно стало при мысли, что он собрался использовать еловый посох против машины длиной не в

одну сотню футов. От смеха он почувствовал себя бодрее. Снова попытавшись подняться, он обнаружил, что ему это удалось. Захаг бросился вперед, но у входа в пещеру замер.

— О, благодарю тебя, Мать-Богиня! — пробормотала принцесса, подбегая к Кэшелу.

Тот направился в пещеру. Его товарищи не отставали. Ему казалось сейчас, что не мышцы, а кожа наполнилась силой и несет его вперед.

Впереди, в ярко-синем свете, показались знакомые фигуры. Вот король Фолкуин сидит в окружении придворных на суде, слушает петицию.

Кэшел двинулся к ним, но в пещере внезапно произошло разделение пространства. Справа обнаружилась Илна, стоящая на палубе какого-то корабля. Она сражалась с тварями, выглядевшими в точности как та, скелет которой они обнаружили в порту.

— Илна! — крикнул он, не слыша собственного голоса. — Илна, я иду!

Но Илна отвернулась от него. Она бросилась к двум мужчинам, смутно различимым в воздухе позади нее: калеке, узнать которого Кэшелу не удалось, и юноше, придворному магу Фолкуина...

Илна исчезла. Корабль же разлетелся вспышкой лазурных искр.

Стены пещеры отворились. Кэшел и его перепуганные компаньоны оказались прямо на берегу сверкающего моря, усеянного телами и обломками древесины.

26-й день месяца Цапли

— Позвольте мне сказать прямо сейчас: я не намерен причинять вреда королю Валенсу! — воскликнул Питре. — Если вы собираетесь говорить об этом, я просто покину территорию.

Гаррик сидел во главе обеденного стола, который они перенесли из помещения для слуг в просторный круглый зал, бывший прежде личной гардеробной королевы. Он бросил на Питре ничего не выражающий взгляд: что

может быть на уме у субъекта, коему на ум приходят столь странные вещи!

— В мои дни было больше трусов, нежели смелых людей, сынок,— прозвучал в его сознании голос предка.— И вряд ли положение изменится в последующие несколько тысячелетий.

— Нам нет нужды обижать Валенса, если он выслушает нас,— лаконично проронил Валдрон. Заговорщики не нуждались более в маскировке, все делалось открыто.— Если же нет... Я даже не стал бы требовать немедленного его смещения, хотя мы всегда можем назначить регента. Родовая линия Валенса по-прежнему пользуется уважением среди простонародья, и я не вижу причины навлекать на себя беду и злить их, пока мы сами не упрочим нашу реальную власть.

Прежде чем Гаррик и его товарищи достигли святилища королевы, толпа швырнула наземь турмалиновое зеркало, разбив его на кусочки. Теноктрис одобрительно кивнула, увидев это, и объявила, что избавиться от зеркала было ее первойшей потребностью.

Огромный зал находился под куполом в центре одного из пяти крыльев дворца. На стенах из гранита — никаких гобеленов, в самом зале — никакой мебели, если не считать гигантского зеркала и пустого круглого стола, довольно высокого. Королеве не требовались ни кресла, ни шкафы, ни даже кровать.

В Вэллесе недавно минула полночь. Морской бриз гонял по небу тучи, лишь несколькими звездам удалось пробиться сквозь них. Впрочем, в комнате без окон всегда царила кромешная тьма, даже когда солнце снаружи стояло в зените.

Гаррик припомнил: сцена, увиденная им в магическом зеркале Теноктрис, была подсвечена мягким сиянием. Слуги заговорщиков внесли фонари, но от их дыма намного светлее не становилось.

— Назначение регента может создать ошибочное впечатление, будто один из нас хочет главенствовать над остальными,— проговорил лорд Тадай, изящным жестом вытягивая перед собой руки, словно собираясь сделать маникюр.— Думаю, нам стоит провозгласить себя Сове-

том представителей дворянства, тем самым положив конец всем этим нелепым дискуссиям.

Валдрон покраснел. Кроме помощников и советников, каждый из заговорщиков привел с собой личных телохранителей. Сам Валдрон был единственным военным из пятерых, но все телохранители выглядели весьма крепкими и компетентными ребятами. Кто бы рискнул развязывать потасовку, рискуя быть убитым силами своих же собственных недавних союзников?

Гаррик туманно улыбнулся. Он вытащил свой меч и швырнул его на точильный камень перед собой на столе.

— Что, нельзя обойтись без подобного шума? — громко задал вопрос Соурус. Он нервно потирал руки, словно умываясь.

— Видимо, нельзя, Соурус, — проговорил Ройяс. Он впервые подал голос с момента занятия дворца. — Пока я стоял в толпе, а остальные и вовсе попрятались по домам, мастер Гаррик в одиночку поборол великана, чей скелет ты имел удовольствие лицезреть, когда входил во дворец. И сейчас его меч готов для следующего момента, когда в нем возникнет необходимость.

По правде говоря, клинок был в лучшем состоянии, чем сам Гаррик — или Карус внутри его тела — мог предполагать после такой-то чудовищной рубки. Кости циклопа не смогли нанести серьезного урона кромке меча. Но самое знаменательное — клинок быстро распрямился после того удара по лодыжке колосса.

Все устремили глаза на Гаррика. Он улыбнулся, поточил меч о камень и снова убрал его со стола изящным движением.

Несколько зарубок на нем все же оставалось, и сейчас Гаррик привел его в норму.

— У меня для этого есть слуги, — проворчал Валдрон, обращаясь, скорее, к Ройясу, нежели к Гаррику. Гаррик для него все еще был непонятным субъектом, он не принимал его в расчет; Ройяс же был его давним соперником, наиболее серьезным среди прочих.

— Присутствие нашего молодого союзника открывает перед нами интересные возможности, — проговорил Та-

дай, наконец-то включая и Гаррика в беседу.— Король Гаррик, реальный потомок Каруса и Старого Королевства, вероятно, будет лучше смотреться на троне, чем Валенс. И под контролем Совета представителей дворянства...— Тадай ехидно улыбнулся: — Разумеется, под нашим контролем все будет прекрасно.

— Валенс — безумец,— пробурчал Соурус.— Настоящий псих!

Гаррика удивил его горестный тон. Он не понимал, что молодой человек ни на что не способен, кроме как бояться за собственную персону — а ведь именно это, если задуматься хорошенько, и привело Соуруса к заговорщикам. Гаррик еще раз убедился, что ему никогда полностью не понять людей, с которыми его свела судьба — даже Лизйн и Теноктрис.

Гаррик вытер клинок мягкой шерстяной тряпочкой и повесил через плечо.

Он усмехнулся. Лизйн и Теноктрис, ну и, разумеется, король Карус втроем стоят сотни подобных помощников и советчиков.

— Нет, нет,— вмешался Питре. Он комкал в руке шелковый носовой платок — в качестве замены деревянной головоломки, которая была у него на совещании в доме Ройяса.— Валенс останется королем, но от его отвратительного колдуна Силийона нужно избавиться самым решительным образом. Королева сгинула, а если и Силийона не будет, все пойдет хорошо.

— Я бы сказал...— начал Валдрон.

Гаррик встал. Он со звоном вставил меч в ножны. Все в комнате вновь воззрились на него. Хотя Гаррик убрал оружие, а не обнажил его, действие выглядело достаточно агрессивным.

— Мы не избавились от королевы, джентльмены,— промолвил юноша. Слова он произносил свои собственные, но король Карус в его сознании задавал тон, отчего его голос звучал уверенно.— Мы выиграли время, выкурив ее из Вэллеса, но первое, в чем нуждается восстановленное королевство Островов, это достойно встретить нападение королевы и разделаться с ней.

Тадай поднял одну бровь — полунасмешка, но и еще кое-что другое. Питре изумленно воззрился на Гаррика. Соурус смотрел на свои руки, а Ройяс загадочно улыбался, сидя в спокойной позе, положив ногу на ногу.

— Ну, разумеется,— Валдрон махнул рукой.— Я при му на себя командование королевской армией. Позже решим, каким титулом...

— Джентльмены,— снова заговорил Гаррик. Он не повышал голоса, хотя уже успел заметить хищный блеск глаз Тадая, который поглядывал то на него, то на Валдрона.

— Решим, будет ли это главнокомандующий или регент,— подытожил Валдрон. Его главный помощник, чьи волосы, борода, а также глаза были одинакового стального цвета, не отрываясь, разглядывал Гаррика.

— Джентльмены! — зычным голосом обратился ко всем Гаррик: подобным голосом он обычно скликал овец, собирая их на склонах гор.

Валдрон сжал рукоятку своего меча. Его главный телохранитель жестом указал на меч, предостерегая против его использования. Остальные дворяне, включая Ройяса, оставались на местах.

— Джентльмены! — еще раз начал Гаррик повышенным, но не угрожающим тоном.— Нельзя доверять кому-либо, кто собирается тем или иным способом подобраться к верховной власти. Но мне вы можете доверять.

Он хищно, по-волчьи улыбнулся.

— По крайней мере, я не собираюсь запускать руку ни в чей карман.

— Но это же абсурд! — возмутился Валдрон, но по тону было ясно: он понимает, о чем речь. Он сердитым жестом отослал начальника стражи прочь от себя, хотя меча больше не касался.

— Мне так не кажется,— вмешался Тадай.— Хотя...

— А что насчет Валенса? — спросил Питре. Он встретился взглядом с Гарриком, и тот задумался, каков умысел спрашивающего.

— Он не злодей,— ответил Гаррик. Теноктрис не имела права голоса на этом собрании, но они втроем с ней и с Лизэйн проработали эту тему накануне.— Нет необхо-

димости смещать его, если удастся избавиться от его мага, который, вот уж действительно, человек зла, по крайней мере, охотно творящий зло.

Он замешкался на минуту, обводя глазами собравшихся за столом. Этот жест был продиктован Карусом, дабы повысить его авторитет.

— Валенсу некуда деваться,— подытожил Гаррик.— Он может признать меня своим наследником, тем самым объединив древний королевский род Каруса с нынешней династией Орнифола.

— Хо! — захлопал в ладоши Тадай, словно заядлый болельщик петушиных боев, наблюдающий за победой своего любимца.

Питре в очередной раз извлек свой носовой платок.

— Да,— проговорил он, кивая с внезапно возникшим энтузиазмом.— Верно, Валенс — человек хороший. Вреда не причинит, это точно.

Валдрон оживился, но говорить ничего не стал. Просто сжимал и разжимал правый кулак.

— Мне кажется, таким простым решением все наши проблемы решатся,— вступил в беседу Ройяс.— Слава мастера Гаррика уже распространилась по всему городу. Человек победил великана. И большинство людей видят в нем возрожденного короля Каруса и продолжателя древней династии.

— Все верно! — откликнулся Соурус с неожиданным восторгом.— Сделаем из него национального героя, а сами станем управлять королевством, как нужно!

Тут уж все, включая Валдрона, уставились на Соуруса в изумлении. Лизйн издала шипящий звук, словно рассерженная кошка. Гаррик же просто расхохотался. Ну, разве можно сердиться на дурачка, который отваживается говорить гадости в лицо человеку, держащему острый меч под рукой?!

— Лорд Соурус,— заговорил Гаррик, обводя глазами всех присутствующих.— И все вы, джентльмены. Надеюсь, мы друзья. Вы хорошо знаете Орнифол, лучше моего. Ваши патриотизм, отвага, благосостояние являются настоящим кладом, позволяя правителю обрести в вашем лице неоценимых помощников.

На лице Тадая застыло вопрошающее выражение вместо обычного злорадства. Питре тоже замер, выжидая, Соурус же съежился от страха. Его телохранители приблизились к столу, обступая его.

— Но вы также должны понять, — с королевским достоинством продолжил Гаррик, — пусть я и прислушивался к вашим советам, как это делали многие поколения гораздо более мудрых правителей и королей, подчиняться вашим приказам я не намерен. А вы моим — будете.

При этих словах Валдрон вскочил с места, словно натянутая пружина, которую внезапно выпустили из рук.

— В этой комнате собрались представители старейших династий Орнифола! — воскликнул он, указывая при этих словах на Соуруса. — К сожалению, некоторые из них выжили из ума, но даже несчастный Соурус не настолько глуп, чтобы подчиняться приказам пастуха из Хафта!

Гаррик обошел вокруг стола и приблизился к Валдрону. Питре, сидевший между ними двумя, тоже вскочил на ноги и попятился прочь. Его телохранители окружили его со всех сторон.

— Валдрон бор-Варриман, я вижу для вас три возможности, — заговорил Гаррик. — Можете признать во мне вашего вождя по рождению, ибо я прямой наследник короля Каруса.

— Это вы так говорите! — огрызнулся Валдрон.

— Второе, — продолжал Гаррик звенящим от напряжения голосом. — Можете раздать свои земли тем, кто на них проживает, ибо, если отказываетесь признать мой титул, вы лишаетесь своего.

— Как же, стану я кланяться каждому проходимцу, который будет величать себя королем!

— А третий выбор таков, лорд Валдрон... — подытожил Гаррик, дрожа всем телом, ибо в нем проснулся кипящий от ярости король Карус. — Если считаете меня лжецом из Хафта, а не королем Островов, попробуйте доказать, что я лгу. Устроим дуэль перед дворцом при свете факелов и до самого рассвета. И тогда никто из наблюдателей не будет более сомневаться в правдивости моих слов!

— Начнем немедленно,— раздраженно отозвался Валдрон. Он схватился за меч и наполовину вынул его из ножен, но тут начальник его стражи выступил вперед и взял его за локти.

— А ну, отпусти меня, кретин! — зашипел Валдрон.— Думаешь, я какого-то пастуха испугаюсь?!

— Господин, посмотрите, как он движется! — закричал охранник.— Если он пастух, тогда я — могильщик. И мне придется поработать могильщиком, если позволю вам участвовать в этой безумной аванюре. Госпожой клянусь!

Валдрон попытался прогнать слугу. Но тот был слишком высоким и крепким, поэтому попросту оттеснил Валдрона к стене. Остальные люди с эмблемой дома Варримана — кошачьей головой — на одежде встали между Валдроном и Гарриком, хотя сами не желали рукоприкладствовать в отношении своего господина.

На какую-то долю секунды единственным звуком, если не считать тяжелого дыхания собравшихся, был топот башмаков по полу. Валдрон позволил убрать свой меч в ножны и опустил руки. Стражник тоже перестал держать его.

— Лорд Валдрон,— снова начал Гаррик.— Вы нужны мне, и я готов относиться к вам со всем уважением и почтением, но я — ваш король.

Валдрон продолжал тяжело дышать, лицо его посерело. Он был старше Гаррика более чем в три раза. Он знал — как знал и король Карус,— что отвага и воинский талант больше значат в битве, чем юность и сила. Но в то же время Валдрон был достаточно опытен, чтобы верно оценить возможности Гаррика. Шансов у него не больше, чем у свиньи, которую мясник держит за пяточок, занеся над ней нож.

Гаррик наклонился и поднял упавший стул Валдрона.

— Прошу вас, лорд Валдрон.

С этими словами он вернулся на свое место во главе стола. Лиэйн легонько кивнула ему в знак одобрения. Валдрон тоже сел.

— Нам нужно обсудить ситуацию с Валенсом как можно скорее,— заметил Ройяс, продолжая прерванную дискуссию.— Питре, ты как раз тот человек, который может все организовать, верно?

— Интересно, каково это — жить при настоящем короле? — истерически захихикал Тадай.

Пеплообразная почва смягчила падение Илны, но от нее поднялась такая пыль, что девушка едва не задохнулась. Она карабкалась вверх — или плыла. Дышать по-прежнему было трудно.

Она была на голой равнине, простирающейся до горизонта во всех направлениях. Солнце светило нещадно, но небо отчего-то было черным, а атмосфера — столь разреженной, что видны были звезды. И выглядели они незнакомыми.

Халфемос, кашляя и дрожа, тащил тележку с Цериксом со стороны другого кратера, неподалеку. Илна шагнула навстречу им, чувствуя, как ноги погружаются в липкую грязь. Все это — результат разреженной атмосферы.

— Где мы, Халфемос? — спросила девушка. Ее голос звучал немного пискляво. Она робко улыбнулась. — Я не жалуюсь. Мы не попали на Солнце, и это здорово. По крайней мере, лучше того места, где я была только что.

— Я и сам не знаю, — признался юный маг. Выглядел он измученным. Для спасения Илны ему пришлось попотеть. — Церикс, может, ты в курсе?

Илна помогла провезти тележку через огромную яму. Колеса оказались слишком узкими для этой пыли, они тонули, и тележка буксовала на месте. Проложить бы мостки, но деревьев что-то не видать.

Церикс выплюнул сгусток слизи вместе с пылью, которую проглотил: пыль поднялась от колес тележки. При таком освещении лицо калеки выглядело еще ужаснее, но вряд ли существовал свет, при котором оно не было таковым.

— Мальчик не переносил нас сюда, — произнес Церикс. Он затряс головой, словно бы от гнева. — Мы открыли проход для тебя при помощи круга силы, но, прежде чем мы добрались до тебя, ты сама вошла в круг. И перенесла нас сюда.

— Я видела вас в воздухе, — сказала Илна. В голосе старого мага слышался вызов, но девушка была достаточ-

но умна, чтобы не откликаться на чей-то вызов без необходимости.— Я отправилась к вам, потому что у меня было два пути: сгореть либо утонуть.

— Она вошла в круг после того, как мы сформировали его? — удивленно протянул Халфемос.— А разве такое возможно?

Он вытер лицо рукавом халата. Одежда потемнела от грязи, ведь юноша приземлился на живот, когда их зашвырнуло в это место. Он более всего напоминал актера, играющего роль приспешника Сестры.

— Ни мне, ни даже тебе такое не по силам, сынок,— промолвил Церикс.— А вот ей удалось.

Он посмотрел на Илну.

— Кто вы такая, госпожа? Только не говорите мне, будто вы простая пряжа из глухой деревушки. Мы должны знать все, если хотим выбраться отсюда!

Илна наморщила нос. Дышать разреженным воздухом — все равно что через набитую пером подушку. Даже ее натренированным легким было тяжело. От этого она раздражалась сильнее обычного, а значит, и ее товарищи по несчастью тоже раздражены.

Она никогда не обладала достаточным талантом извиняться за свое дурное поведение — или извинять других людей.

— Если вы полагаете, что я стала бы опускаться до лжи, тогда у вас не только ноги отсутствуют, но и кое-что другое. Если не вы спасали меня с корабля, как я думала, значит, никто из нас ничего не должен друг другу. Поищу себе более подходящую компанию.

Илна повернулась, чтобы уйти. Любое направление казалось равно подходящим — и равно никуда не годным. Местность пустынная. Пейзаж выглядел сносным разве что для такой личности, как Илна ос-Кенсет.

Где-то в отдалении виднелось нечто непонятное. При странном освещении невозможно было разобрать, что это могло быть такое, но ей показалось: кости некоего огромного существа.

— Госпожа, прошу вас! — взмолился Халфемос.— Церикс не хотел обвинить вас ни в чем. Мы пытались

добраться до вас. Если вместо этого мы очутились здесь — значит, это моя ошибка. Как в случае с исчезновением вашего брата.

Илна глянула через плечо. Она позволила гневу овладеть ею. Это хуже всего, что бы там ни думал старый Церикс.

— Госпожа,— обратился к ней калека.— Я напуган. Не знаю, где мы, но вряд ли здесь можно выжить. Умоляю вас: мне кажется, у вас должны были быть силы доставить нас сюда, вот только не понимаю как. Я наговорил лишнего, потому что я осел.

Он дотронулся до обрубков ног.

— И это — лишнее тому доказательство.

— Ну, ладно,— сказала Илна.— Я и сама вела себя глупо. И не раз. Поэтому следовало бы мне проявлять больше милосердия к людям.

Вначале она ни о чем таком не думала, но Церикс извинился перед ней, тем самым вынудив ее поступить аналогичным образом.

Она состроила гримасу:

— Мне ничего не известно о том, как мы попали сюда и как выбраться отсюда. Если ни у кого нет идеи лучше, думаю, стоит пойти вон в том направлении...— и подбородком указала на север.— Потому что солнце в этом случае остается у нас за спиной. У меня уже вся кожа в ожогах. Странно, здесь совсем нет света, но солнце так и жжется.

— Да, наверное, можно,— с сомнением протянул Халфемос.

— Если она говорит идти на север, пойдем на север,— решительно заявил Церикс. Там были видны какие-то холмы, но, скорее всего, это мираж.

Он нахмурился.

— Я не могу идти сам, могу лишь поворачивать колеса, но они только застревают в этой пыли.

— Не говори ерунды,— возмутилась Илна.— Халфемос, мы можем использовать твой шарф, подкладывая его под колеса. Он длинный и сделан из шелка, как мне кажется.

Юноша развернул шарф, Илна же продолжала увещевать калеку:

— Что же до моего происхождения — мой отец допился до смерти после того, как доставил нас с братом в детском возрасте домой, в Барка Хамлет. Матери я никогда не видела. Но требую уважения к достойной женщине, которая выполнила свой долг. Вот и все, что могу сообщить о своей персоне. Понятно вам?

Церикс оглушительно расхохотался. Халфемос перестал привязывать конец шарфа к колесам коляски.

— Ничего не понял из вашего рассказа о себе, госпожа, — начал он. — Но что касается моего уважения — здесь вы можете не сомневаться.

Илна коротко кивнула. А Халфемосу ответила так:

— Чем скорее двинемся, тем больше шансов найти воду, пока не начался день. Хотя шансов немного.

Юноша с надеждой улыбнулся и наклонился, завершая работу. Илна поймала конец шарфа и пропустила его между колес. Теперь коляска уже не проваливалась так глубоко.

Работа по-прежнему предстояла нелегкая. Но пока она с ней справлялась. Значит, все будет хорошо.

Илна улыбнулась при мысли о благополучном возвращении домой. Вначале все мысли ее самой и ее соратников были связаны лишь с поисками воды в этом конкретном месте.

Они шли вперед. Илна не знала, как долго. Солнце здесь двигалось по небу куда медленнее, чем в их мире. Иногда они отдыхали, но обстановка мало располагала к отдыху.

— Мы находимся на дне Наружного моря, — заявил Церикс. — Похоже на путь с Ледяных вершин до южных земель, где у людей лица на животе.

Илна рискнула поглядеть через плечо. Рискнула, ибо была настолько усталой, что могла в любой момент потерять равновесие и упасть. А подниматься здесь тяжелее, чем в горах.

Церикс потихоньку зеленел, сидя в своей коляске. Руками он делал загребаящие движения, словно плыл, а глаза безжизненно смотрели в темное небо, на звезды.

Илна снова устремила взгляд вперед. Наркотическая ломка — не самое худшее сейчас состояние. Конечно, это слабость, и лекарство похитило его волю, подчинив ее себе.

Илна не отличалась особенной силой, но и слабостью тоже не страдала. Она терпеливо шла вперед, таща коляску.

Ветра не было. Воздух разрежен настолько, что любое усилие рождало слабость. Илна дышала только носом, ибо каждый вдох напоминал о раскаленном железе.

— Что это? — спросил Халфемос хриплым, каркающим голосом. Он кивнул в сторону какой-то кучи предметов в нескольких шагах от них.

Металлический остов, напоминающий деревянные каркасы кораблей, торчал из земли. По нему можно было судить о прежнем размере судна.

— Нам это вряд ли поможет, — проговорила Илна. Голос ее звучал еще хуже, чем у парня. Видно, смерть уже недалеко.

— Мы плывем по воздуху, — сообщил Церикс довольно жизнерадостным голосом. — Видишь, как мы танцуем в облаках, Халфемос? Никогда прежде я не ощущал такой свободы!

Юноша кивнул. Он смотрел в землю перед собой.

Илна продолжала идти, больше ничего оставалось. Ее легкие горели, плечи бессильно обвисли, а от жуткой головной боли в глазах стояли круги.

Идти вперед не было никакого смысла, но и оставаться — тоже. И она шла.

— О, смотрите, мы уже у фонтанов! — воскликнул Церикс. — Видели когда-нибудь такую красоту и звездочки на воде? Мы попали в рай, Халфемос. Госпожа взяла нашу плоть и спасла нас!

Илна подумала, не связать ли калеку его же собственной туникой? Но остались ли у нее силы, чтобы разорвать тунику, оторвав от нее полоску? Связанный, Церикс будет меньше раздражать ее, чем даже если бы завязать ему рот.

— Такое изыщество! — соловьем разливался он. — Все в золоте и так красиво!

Халфемос начал раскачиваться из стороны в сторону. Илне было тяжело тащить коляску одной.

— Проснись же! — велела она.

И сама не поняла, кто произнес эти слова. Губы высохли и запеклись.

Впереди открылась круглая дверь, вокруг которой сверкали краски зимнего рассвета. Туда-сюда сновали люди. Они были золотыми, прекрасными, светились собственным светом.

Халфемос запнулся и упал, как будто у него остановилось сердце. Он не мог встать. Илна еще пару шагов сделала одна, не замечая этого. Но, когда коляска зацепилась за ногу юноши, она остановилась и встала на колени, пытаясь поднять голову Халфемоса. Пыль начала засасывать его, словно вода в океане. Наконец она смогла очистить его рот и нос от пыли и вытащить юношу за волосы.

Золотой человек из мира галлюцинаций бережно поднял юношу. Другие помогли подняться Ильне. Она ощутила себя легкой, словно пух одуванчика.

— Расслабься, просто позволь нам нести тебя,— пропел в ушах мелодичный голос. Илна двинулась через долину к двери, окруженной светом. Своих спутников она не видела. Видимо, она уже умерла.

Губка, пропитанная сладким вином, коснулась ее губ. Там, где были трещинки, начало пощипывать от алкоголя.

Боль оказалась вполне реальной. Глаза снова обрели фокус. Мужская фигура, высокая и стройная, пронесла ее в дверь, ему помогала женщина с телом статуи. Похожие люди несли ее спутников.

Впереди же открылась картина, переполненная ослепительно ярким светом, пышной растительностью и архитектурой редкостного изящества. В ручьях и фонтанах сверкала вода. Свет наполнил само существование Илны. Она слышала поющие голоса, словно птицы щебетали вокруг.

Ее сознание затопило золотое сияние, и оно исчезло в тепле и неге.

Волшебник Нимет, называвший себя Ноннусом-Отшельником, когда носил свою нынешнюю личину, начертил круг силы на крыше хижины Унарка. И атамом, сделанным из кости, начал постукивать по кругу, бормоча:

— *Барбилиойс эйлипсата атариат...*

Шестеро солдат Нимета поджидали у входа в полость внутри гигантского баобаба. Осан делал вид, что изучает собственный вещмешок, якобы не догадываясь, что в двух шагах от него творится магия. Остальные выглядели спокойными, за исключением их командира, Краттуса. У девчонки пьюльский нож, она активна и опасна.

— *Пелчафиаон бабатиеаот ио,* — продолжал повторять Нимет. Солнце уже встало несколько минут тому назад, просто еще не успело пробиться сквозь стену растительности. Над магическим кругом силы темнело небо, слегка освещенное первыми солнечными лучами. На небе виднелись облака, вокруг сновали мрачные летучие мыши.

Солдаты держали в левой руке небольшие щиты. На них были простые бронзовые шлемы и колеты из плотного льна, пропитавшиеся их собственным потом. Деналт и Бис держали копья наготове: им первым предстояло ворваться в убежище. Осан и Сено тоже обнажили мечи: они войдут следом.

— *Мармараиот иеаот,* — продолжал маг. По мере произнесения этих слов иллюзия солнечного неба поднималась на высоту человеческого роста. Она двигалась ко входу в дупло баобаба.

Краттус и Байен были ветеранами битв. Они могли бы пригвоздить девушку к стене, если бы захотели, но Нимету она была нужна живой. Правда, ему самому остаться живым было еще важнее, в чем Краттус его поддерживал.

— *Ачраммачамарей!* — перешел маг на крик. Он зашатался. Яркая иллюзия окрасила ствол дерева и вошла внутрь.

— Настало время отрабатывать свой хлеб, — произнес Краттус, кивая Деналту. Вожак проник в дупло.

— А ты считаешь, раньше мы этого не делали? — удивился Бис, состроив недовольную гримасу.

Каждый из солдат стал по очереди проскальзывать в дупло. Им пришлось делать это довольно долго, выдерживая паузу после каждого, дабы не наткнуться друг на друга.

Солнечное небо висело в центре пещеры, испуская мягкое свечение. Фигура, покрытая голубым плащом, ле-

жала у дальнего конца пещеры. Рядом с ней к стене было прислонено внушительных размеров копьё.

— Она что, мертва? — удивился Деналт. Он сделал осторожный шагок.

— Глядите... — заорал Бис.

Ноннус согнулся в три погибели и прошмыгнул в убежище позади них. И вот уже в дверях застрял Осан, из горла которого торчал пьюльский нож. Еще один удар, — и нож вонзился в живот Биса, у нижнего края колета. Следующий же удар перерезал сухожилия и артерии под коленями у Деналта — а он не успел даже сообразить, кто его противник.

Осан завертелся на месте, истекая кровью, словно петух с отрубленной головой, и наступил на внутренности Биса, вывалившиеся из его живота. Они вдвоем рухнули прямо на вопящего от боли Деналта.

— Что такое? — закричал Сено, пытаясь разглядеть, почему Осан скакнул вперед. Ноннус молниеносно пробрался мимо него и тенью проскользнул вперед.

— Назад! — закричал Краттус. Он не мог понять смысла раздававшихся в пещере криков, но уже сумел почуять запах свежей крови.

Байен отступил в сторону, пропуская Сено через узкий проход. Он открыл было рот, чтобы сказать что-то Краттусу. Ноннус выхватил копьё Байена, оттолкнув солдата в сторону. Байен выронил копьё, но не успел удержать равновесие, когда острейший пьюльский нож вонзился ему в спину. Из рта у него хлынула кровь.

Краттус рванулся к Ноннусу. И тут же выругался и отскочил назад. Молниеносный выпад ножа распорол ему левое бедро до кости. Мышцы повисли лоскутьями, обнажив бедренную артерию. Кровь не просто лилась, а падала сгустками. Краттус упал на спину. Он был хорошим человеком и кинул свое копьё в Ноннуса, хотя и понимая, сколь ничтожны его шансы.

Ноннус просто отбил копьё рукояткой ножа. Он попытался из милосердия прикончить Краттуса, но старый ветеран не дал ему сделать этого, он еще раз попытался достать Ноннуса копьём, зажимая рукой кровоточащую рану.

Это не помогло ему, но Ноннус уважал его за попытку.

Нимет помчался прочь, когда увидел кровавого демона, выскочившего из пещеры. Ноннус наклонился, вытер нож о тунику лежавшего Байена и погнался за магом. Ориентироваться в джунглях оказалось не так-то просто, но, если соблюдать определенные законы, это начинает получаться.

Он обнаружил Нимета в пятидесяти шагах от баобаба. Маг прятался в зарослях бамбука. Ноннус ухмыльнулся. Сейчас ему не то что стволы бамбука — стена из гранита не послужила бы преградой!

Нимет просочился между плотно растущих стволов, пытаясь создать стену между собой и преследующим его врагом. Он увидел Ноннуса, поджидавшего его за деревом с широкими листьями, напоминавшими слоновьи уши.

Нимет завизжал и попытался выхватить меч, но запутался в зарослях бамбука. Листья, хоть и узкие, но с острыми краями, оставляли глубокие порезы на коже.

— Узнаешь меня, Нимет? — спросил Ноннус. Левой рукой он схватил мага за шею и рывком выдернул из зарослей. Они стояли теперь нос к носу. Нимет пытался ослабить железную хватку врага, но безуспешно.

Их лица были похожи, как две капли воды, но у жертвы кровь струилась ручьями, заливая одежду. Свободной рукой он схватился за нож, но ничего не мог с ним поделать. Он хотел заговорить, но изо рта пошли кровавые пузыри.

— Сталь не обманешь! — объявил Ноннус. Он швырнул мага лицом на траву и, прежде чем тот сумел подняться, наступил ему на спину.

— Да я... — прохрипел Нимет.

Ноннус взял его за волосы и резко дернул. Раздался оглушительный треск: шея сломалась.

Отшельник отступил назад, тяжело дыша. Он завершил свою задачу.

Он задрал голову, глядя в бескрайнее синее небо. Улыбнулся. И тут внезапно, словно во время тропического заката, произошла смена декораций. На месте мужчины лет сорока с небольшим оказалась гибкая юная девушка.

Ее руки и одежда были алыми от обильно покрывавшей их крови. Крови ее врагов.

Кэшел не мог дышать. По лицу его ползали пауки. Он протянул руку, пытаясь отбросить их.

Он лежал вниз лицом в соленой воде и медленно погружался глубже. Ария кричала что-то у него над ухом, пытаясь развернуть его голову к поверхности. Но у него вовсе не было сил, он даже не помнил, как очутился в воде.

— Захаг! Помоги же мне! — надрывалась принцесса. Она тянула Кэшела за ворот туники.

Кэшел пытался дышать, вдохнул воду и в бессильной злости замахал руками. На сей раз ему удалось поднять голову. И увидел лодку неподалеку от себя. В ней сидел человек...

Человеком этим был Козро, хозяин корабля, привезшего труп Чешуйчатого в Эрдин. Что же он здесь делает?

Козро сидел на носу лодки и неуклюже греб обеими руками. Он просто-напросто не замечал Кэшела и девушку. Она же визжала так, что ее могли бы, наверно, услышать даже в Пандахе.

Захаг проворно перелез через борт лодки. Козро перестал грести и поднял ржавый кортик. Обезьяна перепрыгнула на корму, ловко уклонившись от удара. Она громко вопила.

Кэшел поплыл к лодке, энергично работая руками. От усталости он даже не чувствовал воду, в которой двигалось его тело, просто слышал плеск волн.

Козро увидел плывущего Кэшела. Он выпрямился на носу лодки и закричал:

— Кто ты такой?

Кэшел ухватился за борт. Он не был уверен, что сумеет перекинуть тело через борт. Ему и подплыть-то удалось лишь потому, что он беспокоился за Захага.

— Опусти кинжал! — потребовал он.

Ария тоже приняла участие в конфликте.

— Захаг! — кричала она что было мочи. — Помоги Кэшелу забраться в лодку!

Она прыгнула в воду и поплыла навстречу лодке. Одежда надулась пузырем и поддерживала ее на плаву.

— Откуда мне знать, люди вы или нет?! — отвечал Козро. Он опустил кортик, но пока что не убирал его. — Я думал, вас здесь много, очень много...

Захаг схватил Кэшела за руку и потащил его в лодку. Он пытался удерживать суденышко в равновесии, но оно все равно опасно накренилось. Козро закричал от страха и шагнул на другой борт, чтобы не дать лодке опрокинуться. Кэшел собрал все силы и, сделав рывок, втащил тело через борт.

Несколько секунд все молчали. Ария тоже забралась в лодку: ей помог Захаг.

— Кто вы такие? — задал вопрос Козро. Он положил кортик и больше к нему не притрагивался.

Кэшел тяжело дышал. Ему хотелось сесть на скамью вместо того, чтобы лежать на дне лодки, но сил на это уже не осталось.

Он поднял голову и посмотрел на Козро. Пытаясь контролировать свой гнев, он заговорил:

— Вы плыли на остров. Так и плывите туда. А мы с друзьями не будем спускать с вас глаз.

Козро кивнул, нервно сглотнул и снова начал работать в воде руками. Он верно рассудил, что, если Кэшел действительно рассердится, ему несдобровать.

Кэшел придерживался того же мнения.

27-й день месяца Цапли

Гаррик уложил голову на руки, чувствуя, как сильно он устал. Он больше привык к крестьянскому труду, когда трудишься от зари до зари, собирая урожай, потому что завтра может пойти дождь, и тогда зерно погибнет.

Но там все было просто и понятно. Сейчас же он чувствовал, что устал больше не физически, а умственно. Все последние десять часов он провел в кресле, решая важные вопросы.

Гаррик слабо улыбнулся. Ну, положим, отдохнуть ему тоже удалось. Он поспал на сундуке в нише — там прежде у королевы была секретная резиденция. Лизэйн предположила, что для Гаррика будет политически более верным устроить штаб-квартиру здесь, в бывшем королевском дворце, а не в имении Ройяса.

— Следующий проситель — Нимир бор-Нуммерман, землевладелец с полуострова Рутан, что расположен к западу отсюда, — сообщила Лизэйн. В руке она держала восковую табличку с записями. — Он сказал мне, что хочет всего лишь подтвердить свою преданность в обмен на право владеть этим районом. Но Тадай утверждает, будто Нимир борется за наследство с двумя своими единокровными братьями.

— Мы вполне можем поддержать его в этой борьбе, — пробормотал Гаррик. — Его братья получили право наследования от королевы. Может быть, сама Госпожа направляет мои стопы в нужную сторону!

Гаррик давно уже не обращался так часто мыслями к Великим Богам — с тех пор, как маленьким мальчуганом наблюдал за благодарственной процессией жрецов.

Жрецы из Каркозы привозили на тележках громадные статуи Госпожи и Пастыря и провозили их вокруг деревни, собирая дань с общинников. Когда Гаррик вырос, он понял: статуи представляют собой всего лишь раскрашенное дерево, но в те времена их разноцветные шелковые одеяния и грозный вид делали их настоящими божествами в глазах мальчишки.

Теперь же он вспомнил о Богах, потому как нуждался в вере в нечто великое — нечто, что сумеет объяснить ему те явления, которых он сам не понимал.

— Мне впустить его? — спросила Лизэйн. Ройяс да и прочие заговорщики готовы были предоставить Гаррику опытного секретаря, знающего все тонкости орнифолской политики. Но Лизэйн по-прежнему оставалась лучшей. Гаррик всегда мог доверять ей, был уверен в ее преданности, не важно даже, о чем шла речь.

Гаррик почесал в затылке.

— Лизэйн, я не думаю, что мне удастся поговорить с кем-либо еще.

Он глотнул воды с лимонным соком из кувшина, украшенного сценой сражения героев с крылатыми демонами. Кувшин был сандракканской работы — красные фигуры по черному фону. В Орнифоле изготавливали керамику с росписью черным по бежевому.

Он поднял взгляд и улыбнулся девушке. Все необходимое для работы она купила днем ранее.

— Судовладелец, которого ты нашла для доставки письма, еще не прибыл? — спросил он.

— Его зовут Ансульф, — отвечала Лизйн, вставая. — Не думаю, что он мог прибыть, но на всякий случай посмотрю в комнате ожидания. Передать остальным, что ты больше никого сегодня не примешь?

— Да, пожалуйста, — отозвался Гаррик. Конечно, завтра просители вернутся снова: здесь собираются сотни людей, которым что-нибудь да нужно от Гаррика ор-Рейзе. — Я еще не закончил письмо. Я...

— Я оставлю тебя одного, — сообщила Лизйн, отзываясь на его невысказанную просьбу. Ему нужно было побыть наедине с собой — и с Карусом. — Когда придет Ансульф, я постучу в дверь. Договорились?

Гаррик кивнул. Принц Гаррик, вот кто он такой. При мысли об этом желудок скрутило в тугой узел. О Госпожа, пожалуйста, направь мои стопы...

Он подошел к окну. На улице давно уже стемнело. Остальные заговорщики были заняты правительственными делами — Ройяс, Тадай и Валдрон, по крайней мере. Питре договаривался с королем о встрече. А Соурус устраивал собрание гильдий торговцев города. Его семья контролировала торговлю одеждой во всем Орнифоле. Ройяс утверждал: каким бы ни был сам Соурус, его работники — чистое золото.

Но люди желали иметь дело с тем, кто за все это отвечает. Гаррик застонал. Нелегкое бремя он на себя взвалил!

Он облокотился на подоконник и нахмурился, погружившись в думы. Потом позволил всем мыслям уйти и пригласил своего могущественного союзника и предка.

Перед ними лежала заполненная народом площадь, окруженная величественными зданиями. Гаррик решил,

что узнал храм, стоявший перед ним, хотя в нынешнее время от шести колонн осталось лишь три.

— Это храм Пастыря — Хранителя королевства? — спросил он.

Карус кивнул.

— Это церемония моего усыновления, — пояснил он. — Король Карлиан усыновил меня и сделал своим преемником. Я был всего лишь троюродным племянником. У него были более близкие родственники, но он и его советники решили, что моя рука будет достаточно сильной, дабы удержать королевство в кулаке в столь трудные времена, когда грядет опасность.

Из алтаря, устроенного на низкой платформе на ступенях храма, поднимался дым. Жрецы и придворные в золоченых одеждах и разноцветных мантиях в соответствии с рангом выстроились по обе стороны от него. Карлиан и подросток Карус преклонили колена перед алтарем, облаченные, согласно древней традиции, в одеяния из белой шерсти.

— Как тебе нравится быть королем, сынок? — с ухмылкой спросил Карус.

— Я это просто ненавижу, — признался Гаррик. — Люди, с которыми я имею дело, настолько несчастны, что им приходится идти ко мне со своими просьбами, потому как они не могут обратиться к Валенсу.

Он невесело рассмеялся и добавил:

— А может, они не могли до него добраться. Ройяс утверждает, что король полгода не показывался на публике, он лишь посылал кого-либо с заданием, если нуждался в помощи. Таким же образом он передал Ройясу приказ разделаться со мной.

Карус кивнул. Улыбка исчезла с его лица.

— Говоришь, тебе это не по нутру, сынок. Я тоже это ненавидел, все эти дела по управлению государством, и старался отлынивать от них сколько мог. И лучший способ не заниматься ими — воевать. Разве не для этого меня сделали королем — разве не ради могучего кулака?

Карлиан был человеком хрупкого телосложения лет семидесяти, хотя Гаррику было известно из «Истории»

Адилера, что королю было не более пятидести, просто здоровьем он не отличался. Сейчас Карлиан снял со среднего пальца левой руки массивное золотое кольцо и надел его на палец коленопреклоненного юноши! Каруса.

— Но ведь тебя короновали, чтобы ты держал королевство в кулаке, разве не так? — спросил Гаррик, встревоженный злостью, прозвучавшей в голосе короля, который чаще смеялся. — Ты и должен был это делать.

— Да, должен был. Но должен был делать не только это. А я не делал. Если ты умеешь только держать топор в руках — иди в лесорубы!

Он покачал головой. Злость покинула его.

— Я сказал лордам Орнифола, что камня на камне не оставляю от их острова, если они не прекратят привлекать к торговле моих врагов. О чем я думал тогда? Разве не мог предусмотреть, чем это обернется для меня?

— Они перестали платить налоги в казну Каркозы? — спросил Гаррик. — Думали, что ты уже заготовил веревку, чтобы их повесить?

— И еще они удвоили субсидии, которые тайно выплачивали герцогам Кордина и Блейза. Посчитали, что, начини они бунт, я не решусь поднять флот и повести его через Внутреннее море к Вэллису.

-- А ты решился, — произнес Гаррик. На внутреннем экране Карлиан поднял Каруса с колен. Они стояли, подняв руки. Низшие жрецы поднимались по ступеням и с осторожностью несли в руках огромную гирлянду с позолоченными рогами. — Ты пересек море и сокрушил герцога Йоля.

— Не один я ошибался в расчетах, — проговорил Карус, снова мрачняя. — Я думал, что сумею сокрушить Йоля внезапной атакой, повешу дюжину дворян Вэллиса по пути назад, а потом одним махом разделаюсь с Блейзом и Кордином. Это могло сработать. Двигаясь быстрее прочих, можно расправляться с военными кампаниями так же быстро, как с дуэлями, сынок.

— Но у герцога Йоля был придворный маг, — промолвил Гаррик. Он подумал о Твари-в-Капюшоне, творившей черные дела в те дни, когда мир вокруг него рушился. — А может, произошло что-то наподобие.

— Как бы то ни было, они обязались платить мне и моему флоту,— пояснил Карус.— И все королевство, и любая община, численностью свыше трех лачуг, за каждого пахотного быка. Не будь это в Йоле, было бы в любом другом месте, а где не послушались бы моего указа, пришлось бы соглашаться с моим мечом.

Жрец принес молот с шипами и ударил по лбу приготовленного в жертву быка. Животное дернулось в смертельной агонии и рухнуло на платформу. Младший жрец принес позолоченный нож и распорол быку горло, собирая кровь в жертвенный сосуд.

Кровавые жертвоприношения исчезли, когда исчезло Старое Королевство. Гаррик был только рад этому. Сосуды с кровью вряд ли могли пригодиться Госпоже, и кровавая резня не имела ничего общего с мирным Пастырем.

— Я заполучил себе врагов среди орнифолского дворянства,— тихо проговорил Карус.— Они оказались одураченными. Правда, меньшими дураками, нежели я сам, когда считал, что мой меч может решить все проблемы. Ты лучше с этим справишься, сынок. Тебе всегда это удавалось лучше.

Сцена перед ними растворялась. Издалека слышался резкий звук: Лизэйн стучала в дверь бронзовым стилем.

— Мастер Ансульф прибыл!

— Но в том, что касается проблем, решаемых с помощью меча,— продолжал Карус, вновь улыбнувшись,— они встретятся с моим мощным кулаком. Клянусь Госпожей и Пастырем, непременно встретятся!

Гаррик остался в одиночестве в зале с высоким потолком, что находился во дворце королевы. Под ладонями ощущался холодный гладкий алебастр — холодный, как образ самой королевы, какой она предстала перед ним два дня назад в Вэллесе. Ночной ветерок дул сквозь открытое окно. На улицах счастливые горожане распевали о солнце и свободе.

— Приведи его сюда, Лизэйн, пожалуйста,— попросил Гаррик, отворачиваясь от окна. Он все еще не закончил письмо.

Он сел за стол и улыбнулся в знак приветствия, встретившись глазами с Лизэйн и с вошедшим в комнату человеком. Ансульф оказался светловолосым бледным мужчиной, одетым в двойную тунику орнифолского стиля и с орнифолским же узором, но сам он был родом из Кордина либо, вероятнее всего, с Тизумара.

— Мастер Ансульф, — обратился к нему Гаррик, — простите, что задерживаю вас. Подождите меня еще пару минут, прошу вас.

Ансульф провел большую часть жизни на службе у серианских купцов. Сериане, отличавшиеся по культуре и религии от остальных жителей островов, вечно были притчею во языцех. Их промышленность, ремесла, деловая жизнь сделали сериан изгоями, которых ненавидели остальные.

В соответствии со своей религией, они никому не причиняли насилия и использовали пигмеев-людоедов, живущих в горах на их острове, чтобы охранять свои корабли и жилища. В большинстве случаев они нанимали людей, подобных Ансулфу, чтобы те представляли их интересы в бизнесе — в тех областях, где коренных сериан легко могли убить или ограбить. Семья Лизэйн пользовалась услугами банкиров-сериан, благодаря чему ей и удалось найти посланца для Гаррика.

Гаррик писал быстрым аккуратным почерком, которому его научил отец:

Если у тебя все в порядке, это хорошо, а я тоже в порядке.

Здесь, в этом месте, у меня есть друзья, а есть также люди, которые называют себя моими друзьями. Если будет на то соизволение Богов, завтра я стану принцем и буду действовать на правах официального властителя Островов. Я рассчитываю на помощь людей, которые обещали обучить меня управлять королевством, также у меня есть необходимый штат прислуги и дворец, но нет никого, кому бы я мог доверить подобное поручение.

Мне нужна твоя помощь. Тот, кто передаст это письмо, снабдит тебя необходимыми средствами и фи-

нансами для путешествия. Вряд ли мне удалось бы преувеличить опасности, которые могут подстерегать тебя, но больше мне обратиться не к кому. Надеюсь, что ты прибудешь сразу же.

Гаррик ор-Рейзе.

Писано в Вэллесе на Орнифоле,
в королевском дворце.

Гаррик сложил письмо крестообразно. Написал адрес и запечатал письмо восковой печатью. Подождал немного, потом снова вскрыл письмо и вычеркнул слова «ор-Рейзе». Потом приписал сверху над подписью: «твой любящий сын» — и лишь потом снова запечатал и отдал Ансульффу.

Корабельщик взял документ с профессиональной предупредительностью и сложил в специальный мешок, стянутый железной проволокой.

— Я обсудил с купцами, знающими этот район, где можно бросить якорь, Ваше Высочество,— проговорил он.

— Близ Барка Хамлет? — удивился Гаррик. — Но там негде бросать якорь. Разве что рыбацкой лодке...

Ансульфф пожал плечами.

— Думаю, мы что-нибудь придумаем,— сообщил он. — Пристанем к восточному берегу и сбережем, по крайней мере, неделю, чтобы не огибать земли, начиная от Каркозы. Все в руках Госпожи, но...

Он улыбнулся, излучая спокойное чувство собственного достоинства, какое Гаррику часто приходилось встречать на лицах людей, отличающихся высоким профессионализмом в своем деле.

— ...Вас рекомендовали мне высокие персоны. Могу сказать также, что они убедили меня: вы заслуживаете доверия.

Гаррик рассмеялся. Он встал и пожал Ансульффу руку.

— Да пребудет над вами водительство Пастыря,— произнес он. — И еще — когда прибудете в Барка Хамлет, не пожертвуете ли от моего имени немного сыра Дузи? Мой отец покажет вам холм, где стоит статуя.

Корабельщик усмехнулся.

— Никогда не был настолько гордым чтобы не попросить Богов о помощи. Надеюсь, и на сей раз вреда от этого не будет.

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Лизйн прислонилась к дверному косяку и проговорила:

— Мы получили сообщения от всех, кроме Валдрона. В основном реорганизация бюрократического аппарата проходит лучше, нежели ожидалось. Соурус организовал на завтра встречу с Папнотисом во дворце короля. Если все пойдет хорошо, ты вскоре и сам станешь королем.

Гаррик кивнул с отсутствующим видом. Он чувствовал тошноту при упоминании о каких-либо завтрашних делах и планах.

— Не знаю, что может означать молчание Валдрона,— продолжала Лизйн, наблюдая за Гарриком.

Он пожал плечами.

— То, что Валдрон упрям, как стадо баранов,— предположил он.— А это мы и так знаем. Будь здесь серьезная проблема с переводом войска под наши знамена, Ройяс уже сообщил бы мне об этом. У него есть свои люди в стане Валдрона. В этом я уверен.

— Тогда...— начала Лизйн.

— Интересно, прибудет ли он? — задумался Гаррик. Он не заметил, что Лизйн начала говорить.— Ведь я не настоящий его сын...

— Человек, который вырастил тебя,— тихо промолвила Лизйн.— Разве он откажется от своего долга? И разве ты не сын Рейзе? Почему ты сказал это?

Гаррик нахмурился, чувствуя неловкость. Он был уверен, что уже рассказывал Лизйн об этом...

— Я сын графини Теры,— осторожно начал он.— Рейзе был ее секретарем. Он выдал меня за своего сына, чтобы спасти и вывезти из Каркозы во время резни, когда граф и графиня были убиты.

Лизйн кивнула. Гаррика поразило, насколько сложна судьба у самой Лизйн, воспитанной в дворянской семье, в то время как сам он пас овец в окрестностях Барка Хамлет.

— Мне известно, что графиня Тера была твоей матерью,— проговорила девушка.— Но кто в таком случае был твоим отцом, Гаррик?

Она шагнула ближе, обняла его и быстро отступила назад.

— В любом случае Рейзе прибудет так быстро, как только сумеет. А сейчас...

Дверь отворилась, быстро и без предупреждения. Гаррик молниеносно выхватил меч, прежде чем Ройяс успел застыть на пороге. Валдрон, ступивший через порог следом за Ройясом, воззрился на спутника с нескрываемым изумлением.

— Простите,— Гаррик вернул меч в ножны.

Ройяс был в придворных одеждах из бежевого шелка с широкой красной полосой по правой поле.

— Лорд Валдрон прибыл с новостями,— сообщил он, кивая на сопровождавшего его вельможу.

— Командующие четырех регулярных армий — но не Кровавые Орлы — согласились присоединиться к нам,— сказал Валдрон. Лицо его сморщилось от отвращения.— Эти же трусы решили дожидаться капитуляции Валенса. Я жду первых поступлений дани от банкиров Тадая.

Гаррик понимающе кивнул. Действующая армия Орнифола — назовем ее «королевской армией» — получала от Валенса слишком мало всего, что необходимо армии: мало денег, мало руководства, мало привилегий. Четыре формирования, базировавшиеся близ Вэллиса, насчитывали всего пятнадцать сотен солдат — малую толику необходимого количества.

Но и они играли важную роль, ибо, не перейди они на сторону заговорщиков, Валдрону пришлось бы дожидаться подкрепления от землевладельцев севера, чтобы суметь справиться с Валенсом.

Гаррик не ожидал новых сражений. Кроме того, он не беспокоился по поводу возможных битв, но поверил Теноктрис, когда та сказала, что времени останется совсем мало.

— Телега с сундуками денег уже показалась на дороге,— горестно изрек Валдрон.— А потом появился гонец из Военно-морского Арсенала, сообщивший, что флот на

Эшколе только что провозгласил адмирала Ниткера королем Островов: он вскоре прибудет сюда, чтобы захватить власть. Войска направились в Арсенал. «Дождаться развития событий» — так сообщил мне этот безмозглый кретин Пиор, командующий полком Харкена.

— На базе флота в Эшколе десять тысяч человек, — нахмурился Гаррик.

— Восемь, — поправила его Лизэйн, заглянув в один из блокнотов. — И оснащены они неплохо, в отличие от остальной армии.

— Когда придут союзники с севера, мы разделимся с ними одним махом, — нетерпеливо перебил ее Валдрон. — Дворяне придут с настоящими солдатами, а не с крестьянами, которым всучили мечи.

Гаррик знал, памятуя соображения Каруса, что Валдрон скор на поступки, могущие привести к катастрофе. Вслух же он произнес:

— Что ж, в основных чертах это не сыграет для нас никакой роли. Мы будем...

За спинами двух вельмож толпились их телохранители, а также просители, которые так и не ушли домой, несмотря на попытки Лизэйн отослать их.

— Что? — спросил Валдрон, скорее, разгневанно, нежели удивленно. — Ниткер — не такой идиот, как большинство военных моряков, к тому же весьма амбициозен.

— В общих чертах, я имел в виду, — перебил его Гаррик. В нынешних условиях было не до этикета. Валдрон есть Валдрон, всживость лучше отложить до лучших времен. — Главная наша забота — чтобы войска в Вэллесе не стали поддерживать Валенса в борьбе против нас. Кого еще они станут поддерживать, сейчас не важно. Завтра мы придем к соглашению с королем, как и планировалось, а там уж разберемся и с Ниткером...

Он усмехнулся: это был смех его могущественного родича, не его собственный.

— Разделимся с ним одной левой, вот что я хотел сказать. Что я собираюсь...

Гаррик снова хищно усмехнулся, отчего брови Ройяса поползли вверх, а гнев Валдрона заметно остыл. Они оба

решили, что Гаррик от переутомления слегка тронулся рассудком.

— ...сделать, так это поспать, мне это просто необходимо для завтрашней встречи с Валенсом. Надеюсь, вы меня простите, но на нынешний момент мне больше нечего вам предложить.

И он поклонился. Лиэйн шагнула между Гарриком и дворянами. Они кивнули на прощание и закрыли за собой дверь.

Шарина подождала, пока не удостоверилась, что один из подошедших — Ханно. Она высунулась из убежища, которое отыскала для себя — дупла в стволе араукарии.

— Все в порядке, — сообщила девушка. — Никаких врагов больше нет.

Ханно показался из-за ствола дерева.

— Унарк, вот та девушка, о которой я тебе рассказывал. Думаю, я не солгал, когда говорил, что она — не робкого десятка. А это — Унарк, он выглядит не настолько мертвым, как я думал.

Подошедший вместе с Ханно оказался низеньким и крепко сбитым. Он был совершенно лыс. Борода же и усы отличались такой густотой и пышностью, что казалось, будто его голова перевернута наоборот.

Унарк держал в руке нож невероятной величины с изогнутым лезвием. Его правая рука была на кожаной перевязи.

— Он поднял свою лодку наверх, когда Мартышки, что подожгли его хижину, поймали его вместе с ней, — объяснил Ханно. Он указал на рану товарища. — А когда все было позади, лодка оказалась дальше, чем мог справиться однорукий человек.

— Рад познакомиться с тобой, молодая госпожа, — проговорил Унарк. Пожалуй, более явной лжи Шарина не слыхивала в своей жизни. Лысый охотник глубоко вогнал свое орудие в землю и теперь смотрел на него, не отрываясь. — Думаю, мне стоит посмотреть...

И едва ли не прыжками кинулся к баобабу. Присутствие женщины явно смущало его.

Ханно дотронулся до тела лежащего солдата наконецником копья. Кожа на трупе была синюшно-бледной, кровь запеклась на бедре.

— Вижу, тебе было чем заняться, пока меня тут не было,— проронил охотник. И затем добавил извиняющимся тоном: — Знай я, что с тобой может приключиться беда, я не оставил бы тебя.

— Клянусь священным посохом Пастыря! — вскричал Унарк из пещеры внутри баобаба.— Да тут еще четверо!

— Одной мне бы не справиться ни за что,— пояснила Шарина.— Мой друг Ноннус помог мне.

Она ужасно устала, и говорить о побоище не хотелось. Она сунула пьюльский нож в ножны и стояла молча, думая о том, что лучше было ей похоронить тела. Правда, следы случившегося все равно не спрячешь.

Унарк вышел из укрытия на дереве, открыв рот и собираясь что-то крикнуть, но увидел, что двое остальных молчат, и тоже не стал говорить.

— Ты имеешь в виду, он научил тебя пользоваться ножом подобным образом? — произнес Ханно.

Какое-то существо на вершине дерева завело нескончаемую песню: «хууп, хууп».

Ханно глянул наверх, в глазах его появился жесткий блеск, но он не двинулся с места, а потом опустил копье. Скупое улыбнулся Шарине. Он тоже чувствовал себя уютно.

— Нет,— пробормотала Шарина. Она выстирала тунуку в ручье. Холодная вода смыла большую часть крови, но кое-что все равно осталось, и опытный взгляд охотника заметил это.— Он вернулся и... сделал то, что сделал. Сам. Но теперь он снова ушел.

Ханно кивнул, как будто понимая ее. Унарк молча подошел к ним.

— Ноннус,— повторил в задумчивости Ханно.— Он был твоим другом, ты говорила тогда, за ужином, верно?

— Прости, я не должна была говорить об этом,— сказала Шарина.— Я была расстроена и считала тебя врагом.

Здоровяк-охотник улыбнулся при этих словах. Он поднял руку солдата, чтобы увидеть, не выронил ли тот свой меч. Нет, мертвая рука крепко сжала рукоять.

— О, а я и не знал, что ты ошибалась,— усмехнулся он.

— Как бы там ни было, молодая госпожа, твой Ноннус — славный человек,— заметил Ханно.— Я горжусь тем, что знаком с его подругой.

Он жестом указал вдаль.

— А теперь мы с Унарком осмотрим этот остров, узнаем, что происходит. Хочешь пойти с нами?

— А тебе не кажется, что с ней мы будем двигаться медленнее? — спросил Унарк.— Прости, что заставляю тебя сомневаться, Ханно.

— Пожалуй, стоит выяснить, что там такое,— откликнулась Шарина.— А заодно и прекратить это.

Когда они пристали к берегу, Кэшел был настолько рад ощущать под ногами твердую землю, а над головой — обычное небо, что ему было все равно, где они. Его даже не интересовало, не вернулись ли они в край, где правил король Фолкуин.

Море здесь перекачивало волны точно так же, как и у берегов Хафта. Карта созвездий была такой же, как и всегда, правда, они стояли несколько выше в небе, а у южного горизонта были звезды, которых даже Козро ни разу не видел, хотя уж он-то посетил множество земель — и даже заплывал далеко на юг, у Шенги, когда был моложе. Все, что он знал — то, что они находятся очень далеко, но не то, что они в другом мире.

Но по коже Кэшела все еще бегали мурашки при мысли о том, с чем ему довелось столкнуться... с магией. Нужно все как следует обдумать.

— Ух ты! — заорал в восторге Захаг, осматривавший берег.— Посмотрите-ка на эти яйца!

Кэшел оторвался от своего занятия. Пока что они не обнаружили на этом острове ничего более опасного, чем дикие кабаны. Но ведь у них почти не было времени как

следует осмотреться. Конечно, не стоило беспокоиться насчет безопасности Захага и Козро — правда, у того временно отобрали кортик, который Кэшел использовал для работы по дереву, — но за Арией нужно было приглядывать.

— Хочешь прогуляться, принцесса? — спросил Кэшел.

Ария сидела в тенечке, обхватив руками колени и глядя на песок перед собой. Она подняла взгляд, в котором не было ни капли энтузиазма. От соленой воды ее волосы слиплись, глаза налились кровью. На руках и ногах виднелись потертости и даже ранки.

— Какая разница? — устало спросила она. Но, однако же, поднялась.

— Давай ты понесешь кортик, — предложил Кэшел, передавая ей оружие. — А я возьму посох, идет?

Кэшел собирался вырезать весло из ствола пальмы. У него это получилось даже лучше, чем он ожидал. Он еще не решил, будет ли строить лодку большего размера либо же они покинут остров на этой, когда будут готовы весла и мачта.

— Если бы я не пошла, ты бы потащил меня, правда? — задала ему вопрос девушка. Казалось, в нынешней обстановке она совсем упала духом, утратила веру в то, что удостоилась такой же чести, как и Терпеливая Музира. За то время, что они провели вместе, она изменилась и больше уже не была той наивной дурочкой, которую они спасли из башни мага. Она многое могла, пусть и считала несправедливым сложившееся положение вещей.

Они прошли вдоль песчаного пляжа в направлении, откуда доносился голос Захага. Где-то на острове должен быть источник пресной воды, потому что растительность отличалась пышностью, а одной соленой воды для этого недостаточно. Подобные островки Кэшел встречал во Внутреннем море. Пока что путники утоляли жажду при помощи фруктов, но не помешал бы некоторый запас пресной воды, когда они станут покидать остров.

Кэшел не был уверен, что они смогут погрузить в лодку достаточно воды и пищи на четверых, но сомневался также в том, что смог бы построить добротный, большой корабль. А строить в любом случае ему пришлось бы

самому: от Арии никакого толку, Захаг не способен концентрировать внимание ни на чем более двух минут, а Козро... что касается Козро, то он обнаружил на острове крупные плоды с твердой косточкой. Если взять мякоть и оставить побродить на солнышке на пару часов... понятно, что с этого момента бывшего капитана ничего более не интересовало.

— Я все думал, придете вы или нет! — возбужденно и сердито пробурчал Захаг, когда появились Кэшел и Ария.

Примат стоял над огромным клубком водорослей у линии прибоя. Он рылся в водорослях, приговаривая:

— Если считаете, что я сам могу сделать всю работу — вы сильно ошибаетесь.

— Вовсе мы так не считаем, — сухо парировал Кэшел.

Он уже привык к выходкам Захага. И примат, и девушка делали все, на что были способны, и незачем было ожидать от них большего. В основном толку от них мало, но все равно лучше с ними, чем с Козро.

— Ты нашел яйца, говоришь?

Вместо ответа Захаг поднял обеими руками кремового цвета яйцо размером с арбуз.

— Что за птица отложила его, случаем, не знаешь?

Козро появился из-за деревьев со стороны внутренней части острова.

— Знаю! — сообщил он. — Но это не птица, это черепаха. Слишком большая птица, чтобы летать, ха-ха-ха!

Капитан пил свою бурду из скорлупы кокосового ореха. Целый ряд подобных сосудов уже томился на солнце неподалеку от лодки. Заготовка скорлупы кокосов и наполнение ее мякотью фруктов — вот и вся работа, которую выполнял Козро.

Захаг уложил яйцо в кучу растительности, где нашел его. Это действительно мало напоминало птичье гнездо.

— Скорлупа твердая! — сообщил он. — У черепах она кожистая. К тому же черепаха должна быть просто очень большая!

Козро фыркнул:

— В море можно обнаружить куда более крупные вещи, чем эта. Ты вряд ли видел птицу больше альбатроса,

хотя тело у них мелкое, не крупнее куриного. Черепашьи яйца чрезвычайно вкусны, вот что я тебе скажу.

Он допил порцию, рыгнул и пошел прочь, не замечая спутников. Наверное, собрался взять новую порцию и заготовить еще одну.

Кэшел попробовал это пойло. Он знал, что мало всего испытал в жизни, так как провел ее в одном-единственном местечке, вот и решил расширить кругозор.

Пиво, которым торговал на своем постоялом дворе Рейзе, было темным и горьким. Его варил в лесу Герман-дер: Рейзе не закупал сандракканское пиво. Именно к этому вкусу привык Кэшел. Вино было редкостью и роскошью в Барка Хамлет. Правда, сидр со специями весьма хорош зимними вечерами.

Да уж, ничего хорошего в пойле Козро не оказалось: нечего было и пробовать — гнилые фрукты, и все тут. Пришлось запивать его соленой водой, чтобы избавиться от мерзкого маслянистого вкуса.

— Много их там? — поинтересовалась Ария, подходя ближе к Захагу, роющемуся в массе гниющих водорослей. — И мы сможем их есть?

Принцесса порой вела себя капризно с Кэшелом и Захагом, зато уж присутствия капитана и вовсе не замечала. Тот не появился помогать в сборе яиц, но когда будут делить добычу, Козро будет тут как тут, ожидая своей доли.

— Их по четыре в кладке, — сообщил Захаг. — Я нашел три кладки.

Он спрыгнул с холмика, держа в руке яйцо.

— Что же касается еды, я не вижу причины, почему бы...

— Не разбей его! — прикрикнул Кэшел. Но было поздно. Захаг выронил яйцо, но оно лишь треснуло. Пройдя сюда, тут же приготовился слопать свою порцию.

— Что случилось? — невинным тоном спросил он, запуская пальцы под скорлупу и извлекая содержимое. — Я ничего не выронил на песок. К тому же здесь еще полно.

— Уф, — Арию передернуло от отвращения, когда при-мат начал слизывать содержимое яйца с волосатой конечно-сти языком, напоминающим одеяло. Принцесса отвернулась.

— Просто я хотел сохранить скорлупу,— объяснил Кэшел.— Чтобы набрать воды, когда поплывем отсюда.

— Да скорлупы еще навалом,— ответил Захаг с беспечным видом. Он забрался на холм, облизывая пальцы.

— Нет, пусть пока побудут в гнезде,— распорядился Кэшел, уже обдумывая план отплытия. Может быть, лучше построить плот для провизии. И больше не нужно ломать голову, как быть с водой.

Кэшел не понимал обезьяну. Умея читать и разговаривая не хуже Гаррика, Захаг никогда не думал о завтрашнем дне.

— Я проголодалась,— заметила Ария, поглядывая в сторону яиц.— Но есть вот так...

Кэшел держал яйцо в ладонях. Он мог нести его в одной руке, но боялся разбить.

— Положу его в огонь, в тлеющие угли,— пообещал он Арии. У них не было никакой посуды для варки.— А если найдем подходящий камень, можем зажарить яичницу.

Они отправились к костру и перевернутой лодке. Кэшел слышал, как ругается Козро, занятый поиском новых фруктов для своего зелья.

Снарядить в дорогу троих всегда легче, чем четверых, но Кэшел знал, что никогда не решится на такое. А жаль.

Илна тонула. Она вытянула руку, пытаясь достичь поверхности, неуклюже высовывая голову из воды. Отплевываясь, всплыла и тут обнаружила себя совершенно голый. Она огляделась вокруг.

Несколько стройных людей с идеальными фигурами отступили назад с серьезными лицами, когда от Илны во все стороны полетели брызги. Это была не вода, а что-то более плотное. Вязкое, словно оливковое масло. И утонуть в нем было невозможно, ибо оно держало тело на плаву.

— Где я? Что со мной? — спросила Илна.

Бородатый мужчина с чашей в руках открыл было рот, чтобы ответить. Но Илна не дала ему заговорить:

— А где моя одежда? Мне нужна моя одежда!

Она едва ли понимала, что остальные люди вокруг нее тоже были обнаженными.

— Мы принесем тебе ее, когда она высохнет. Ее постирали,— отвечал бородатый.— Можешь, конечно, надеть новую, если хочешь. Мы не видим в этом никакой необходимости.

— Это ведь Сад, госпожа,— проговорила девушка примерно возраста Илны.— Я Кори. А это Вим...

Бородатый кивнул.

— А я — Брам,— произнес юноша, выглядевший как брат-близнец Кори.— Э... Мы называем друг друга Народом Красоты, но это звучит несколько хвастливо, как мне кажется. Ты не обязана звать нас так.

— Разве что своих друзей,— добавила Кори с широкой улыбкой. Она подошла и обняла Илну. И выглядела она столь прекрасной, что Илна предположила: ее кожа будет на ощупь восковой. Но нет, самая обычная теплая кожа.

Еще одна стройная женщина подошла к ним, держа в руках тунику Илны. Она двигалась быстрым шагом. За ней шагали, перебирая длинными, стройными ногами, красавцы-олени.

«Сад» — вполне подходящее название для такого места, так показалось Илне. Вокруг росли фруктовые деревья, по отдельности и группами. Козы и олени паслись вокруг.

Воды тоже было в изобилии. Возле большого водоема неподалеку бил сказочный розовый фонтан. Птички чудесных расцветок купались в его водах. Но потом они ныряли в пруд и выуживали оттуда лягушек и рыбок. Не такое уж мирное место — этот Сад.

Но все равно выглядел он чрезвычайно мирным. Жираф — животное, которое Илна узнала по мотивам вышивок из Кордина, но никогда прежде не видела в реальной жизни,— подошел к пруду и опустил на колени, чтобы напиться. Пара винторогих антилоп отодвинулась в сторонку, но тоже продолжала пить.

Илна посмотрела наверх. На западе небо багровело, восточный же горизонт усеивали звезды.

— Где мы? — снова спросила она. Женщина, подошедшая с ее туникой, отдала ее Илне. Та взяла одежду, но

отчего-то постеснялась одеваться в присутствии незнакомцев, столпившихся вокруг, точно любопытные цыплята.— Я думала, меня забрали под землю.

— Все верно,— ответил Вим.— Над нами — свод пещеры. Его покрывает прозрачный камень, освещаемый в соответствии со временем суток.

Он налил в сосуд какой-то жидкости и предложил Ильне:

— Это вино. У тебя в горле пересохло.

— Вот почему мы уложили тебя в ванну, когда принесли сюда,— проговорил Брам.— Твоя бедная кожа страшно пересохла, ибо ты слишком долго находилась под палящим солнцем.

Илна состроила гримасу. Она быстро нырнула в тунуку. Теперь ей было легче думать. В этом месте что-то не так. Оно не враждебно, не опасно. Но неправильно — а что, непонятно. Оно не является частью того мира, из которого она появилась, где разгуливают волшебники.

Голова ее появилась из ворота тунуки. Ткань отстиралась превосходно — лучше, чем сама Илна могла бы постирать. Туника стала чище, чем шерсть, из которой ее выткали.

— Где мои друзья? — спросила девушка.— Где Халфемос и Церикс?

Брам подал ей руку.

— Пойдем к ним,— промолвил он, после чего Илна в сопровождении трех представителей Народа Красоты — женщина, принесяшая одежду, удалилась — направились к другому водоему, примерно в четверти мили от этого места.

Группа молодых мужчин и женщин верхом на неких животных без седла проехали мимо. Ни одно из животных не напоминало лошадь. Олень с разветвленными рогами, росшими почему-то из носа, грифон, частично смахивающий на собаку, но с тонкими птичьими ножками — и другие странные звери. Огромный козел сам по себе не был необычен, но то, что его вела за ленточку смеющаяся девчушка, ужасно забавляло.

Следующий водоем был образован двумя потоками из розовых фонтанов. Илна следила взглядом за потоками.

Она угрюмо улыбнулась. Это место вряд ли можно назвать «миром». И вообще, непонятно, что это такое.

На краю пруда росли лианы с толстыми стеблями, увешанные плодами, напоминающими стручки гороха. Несколько представителей Народа Красоты нагишом стояли возле лиан. Среди них находился один мужчина в красном шелковом одеянии.

— Халфемос! — позвала Илна громче, нежели собиралась. Ее страх остаться одной среди этих людей улетучился.

Юноша повернулся с очаровательной улыбкой.

— Илна! Иди сюда и посмотри, что они делают с Цериксом!

Илна прибавила шаг. Ее спутники сделали то же самое. Да, это не то же самое, что шагать по песку возле Барка Хамлет с длинноногой Шариной. Эти люди действительно Народ Красоты — грации, доброты и прочих прекрасных качеств.

Халфемос жестом указал на пруд. Народ Красоты раступился, чтобы дать Илне возможность получше рассмотреть все. Небо потемнело, но в воде все было хорошо видно.

Илна наклонилась пониже. В воде плавал человек с закрытыми глазами. В первый момент она не узнала его, но потом рассмотрела лицо Церикса.

Но у Церикса не было ног. А у человека в воде они были: безволосые, такого же цвета, как сама вода, но — были!

Не говоря ни слова, Илна уставилась на Халфемоса.

— Разве не замечательно? — вскричал Халфемос. Люди вокруг смотрели на них со снисходительными улыбками. — Они вернули ему ноги! Он снова сможет быть нормальным человеком!

Илна кивнула — из вежливости. Она пыталась собраться с мыслями, найти разгадку: ее не было.

В пруду потрясающей красоты белокурая русалка играла с созданием, напоминавшим полурыбу-полунасекомое с фасеточными глазами.

— Да, — подтвердила Илна. — Наши хозяева чрезвычайно умелы. Они так отстирали мою одежду, как я сама никогда бы не смогла.

Любой, кто не знал Илну, не понял бы, какая ирония звучит в ее словах.

Она жестом поманила Халфемоса. Интересно, спят ли когда-нибудь здешние люди? Стоявшие вокруг немедленно отвернулись от них, дав возможность пообщаться, и начали переговариваться спокойными, приглушенными голосами — очень культурно. Юноша-маг приблизился к ней. Выглядел он слегка озадаченным.

— Я обошел вокруг скорее, чем ты, госпожа, — извиняющимся тоном сообщил Халфемос. — Тебе пришлось туго, ведь я крупнее и сильнее...

Илна махнула рукой: мол, неинтересно слушать. В глубине пруда плясали искорки. Человеческие фигуры — правда, небольшие — катались на рыбах. Они сверкали всевозможными пастельными оттенками.

— Мне не кажется, что этот сад реален, — произнесла Илна. — И здешний народ — тоже.

— Но... — начал Халфемос. Он почесал ладонь и подал девушке руку. — Потрогай меня. Я реален — и ты тоже.

Илна стиснула руку юноши, потом выпустила ее.

— Мы-то — да. Но все, что вокруг нас...

Над их головами какая-то крылатая рыба взлетела ввышину. Ее наездник разразился хохотом.

— Халфемос, я думаю, все это — галлюцинация, и принадлежит она твоему другу. Его бред настолько силен, что он создал этот райский уголок для нас троих. Это может быть единственной разгадкой всей головоломки.

— Но... — снова начал Халфемос. Они приближались к одному из потоков, образующих пруд. Шли очень медленно. — И что же нам теперь делать, госпожа?

Илна пожала плечами.

— Мы собирались искать моего брата, — проговорила она. — Не могу сказать тебе, что делать, но лично я намерена продолжать поиски, пока жива. А здесь Кэшела не найдешь.

— Это уж точно, — согласился Халфемос. Ящерица о трех головах нырнула в пруд из потока, мелодично напевая и помахивая хвостом в такт песне.

Халфемос решительно распрямил плечи. Он повернулся, призывая Илну следовать за ним.

— Ты утверждаешь, что единственным объяснением происходящему может служить лишь галлюцинация Церикса. Есть ли другие версии?

— Одна есть,— ответила Илна. Она скупно улыбнулась.— Вот такая: мы мертвы. И мои мозги высохли на дне древнего моря, а это место — последнее, что я ощущала при жизни.

Черно-белые ласточки прочертили линию по небу. Они оживленно щебетали. Халфемос не сводил с них взгляда.

— Понимаю,— наконец выдавил он. Клапан в воде открылся, и Церикс, с видом весьма оживленным, выплыл наружу.

28-й день месяца Цапли

Знамена двух герольдов, скачущих во главе процессии, были украшены изображением черного орла Орнифола, но на синем фоне — вместо красного, как это было при нынешней королевской династии. Солдаты, вставшие под знамена пятерых заговорщиков, были одеты в камзолы с тем же самым изображением.

— Король Карус! — разразилась приветственными криками толпа при виде Гаррика.— Многая лета королю Карусу!

Гаррик повернулся к Лиэйн, которую несли в паланкине, и заметил:

— Нам придется использовать Золотое Кольцо Старого Королевства. Оно символизировало и корону — королевский знак,— и все кольцо Островов, не только этот остров.

Лиэйн посмотрела на него.

— Правда? — удивилась она.— Я и не знала. Откуда тебе это известно?

Гаррик кашлянул:

— Вроде бы из книги Альдебранда «Обед».

И действительно, у Альдебранда в его обширном собрании сочинений где-то встречалась информация о Старом Королевстве — она преподносилась в виде беседы четверых дворян — участников застолья. Ввиду того, что Аль-

дебранду посчастливилось добраться до старинной библиотеки в Висте на Кордине, которая вскоре после этого сгорела, он сумел раскопать немало уникальных сведений. К несчастью, Альдебранд был лишь глупым и ничтожным копировщиком, так что его информацию можно с одинаковым успехом считать как достоверной, так и не очень.

По правде говоря, Гаррик узнал о Золотом Кольце, когда наблюдал за жрецами Госпожи, посвящавшими Каруса в духовные аспекты управления королевством десятилетием прежде его вступления в царствование. Интересно, а Валенса кто-нибудь обучал подобным вещам? Если быть королем над Островами означает лишь обладать определенными привилегиями в политике и в управлении разными народами и племенами... Кто мог бы ожидать лучшего исхода дел на сегодняшний день?

— Кому же знать, как не тебе? — прошелестел голос в его сознании.

Толпа радостно вопила всю дорогу от королевского дворца до центра города. Многие вливались в сопровождающую процессию.

Один из герольдов подъехал к воротам резиденции короля и постучал концом флагштока в дубовые двери.

— Откройте принцу Гаррику! — воззвал он звенящим голосом.

Все сооружение находилось в северной оконечности Вэллеса, возвели его пять веков тому назад. Вокруг него выросли городские районы, но от них дворец отделяли несколько акров садов и разных строений.

Ройяс приказал внести паланкин по правую руку от Гаррика. Сидевшая в нем позади Лиэйн Теноктрис перехватила взгляд Гаррика, но сама продолжила читать заклинания. На коленях у нее лежала доска, исписанная символами, заключенными в треугольник. Цепочка копьеносцев по другую сторону должна была оттеснять наиболее рьяных зрителей.

Гаррик взглянул вниз на своего канцлера, откинувшегося на подушки паланкина.

— Мне бы хотелось, чтобы здесь был Питре, — проговорил он. — Он все-таки ближе всех к Валенсу.

В обычных условиях ворота королевской резиденции должен отворять взвод Кровавых Орлов. Сегодня и всю прошлую неделю резиденция охранялась как крепость.

— Это ни к чему,— отозвался Ройяс.— Лучше, когда его нет. Вспомни, как он валялся и визжал перед толпой.

Ройяс не мог ехать на лошади, ибо мантия у него была слишком длинной. Так что выбор был между паланкином и поездкой на лошади в дамском седле. Приезжать же во дворец в карете было нарушением закона и традиции.

Гаррик посмотрел на Лизйн, обменявшись с нею улыбками. Ему хотелось пожать ей руку, но он решил не делать этого. Начнут еще болтать лишнее.

Правая створка ворот открылась. Стоявший за ней человек что-то негромко сказал герольду. Тот ответил.

Гаррик не знал, с какой целью Теноктрис читает заклинания. Она чаще использовала лебединое перо вместо бронзового стила, чтобы начертать символы, которые потом произносила. Теноктрис не по плечу было многое из того, что делали другие волшебники. Но у нее был свой, особый дар.

Герольд повернулся и поехал назад, к Гаррику и Теноктрис.

— Ваше Высочество,— обратился он.— Они говорят, вы можете войти, но только вы один.

— Я поговорю с ними,— лаконично бросил Гаррик. Он спешил и пешком направился к воротам.

Ройяс начал был протестовать, потом приказал своим носильщикам опустить на землю паланкин, чтобы присоединиться к Гаррику. Краем глаза Гаррик видел, что носилки Лизйн тоже опустили. Теноктрис продолжала концентрироваться на словах заклинания.

Из официальных лиц присутствовали лишь они четверо. Валдрон устраивал встречу первых формирований войск, прибывших с севера острова, а Тадай объявил, что не желает встречаться с Валенсом в подобных обстоятельствах. Отказ Тадая послужил уважительной причиной для Соуруса и Питре также не явиться на встречу.

Ройяс знал советников короля, поэтому он мог сориентировать Гаррика по поводу ведения переговоров. В ос-

новном же успех предприятия зависел лишь от самого Гаррика.

Он усмехнулся. Всегда приятно знать, кого можно обвинить в случае неудачи.

Взгляд одного из людей в шлеме сосредоточился на другой стороне толстой панели. Гаррик был одет в красные бриджи, сапоги и короткую синюю тунику, подвязанную поясом с висевшим на нем мечом. Этот наряд более подходил Карусу, чем Гаррику, но он выглядел достаточно мирным.

— Я — мастер Гаррик из Хафта, — заявил Гаррик, пытаясь как можно более дипломатично адресоваться к людям короля. — Я и мои помощники назначили здесь встречу с королем и его канцлером.

— Канцлер Папнотис вернулся в свои владения, — ответил страж. — Вы можете войти, но только вы один.

— Я войду вместе с лордом Ройясом, которого вы знаете, — сказал Гаррик. Его голос звучал напряженно, словно струна. — И еще со мной две женщины. Я войду сейчас, как было договорено, я держу свое слово и уверяю вас, что с клятвопреступниками у меня разговор короткий!

Угрозы мало действовали на людей из отряда Кровавых Орлов, оставшихся верными Валенсу во время всего промежуточного периода. Но назвать их клятвопреступниками было неслыханным делом.

Гаррик не видел, чем занят Ройяс.

— Откройте! — закричал Гаррик. Толпа взревела бессловесным возмущением.

Гаррик повернулся и поднял руки, прося тишины. Тенотрис, произносящая заклинания, стояла в стороне.

Лишь те, кто был впереди толпы, могли видеть Гаррика. Они все равно продолжали кричать. И это было здорово. Все это должно было убедить стражей: за Гарриком — сила.

Гаррик еще раз подошел к глазку и закричал, чтобы его услышали:

— Ваша обязанность — охранять короля Валенса от нападения. Но вам не справиться с этим, ибо вас слишком мало. Впустить меня и моих помощников поговорить с Его Величеством — вот единственный способ спасти его.

Страж повернулся поговорить с кем-то еще, кто находился рядом. На соседней дверной панели открылась створка, сквозь которую мог пройти лишь один человек. Гаррику не хотелось, чтобы ворота распахивались, ибо в этом случае туда хлынет настоящий поток народа.

Гаррик ступил внутрь, нагнувшись, чтобы не задеть металлический навес. Он был готов удерживать створки в случае, если стражи решат захлопнуть их перед Теноктрис, Лиэйн и Ройясом, идущими следом.

— Пропустите их! — приказал он офицеру.

Офицер оглядел Гаррика.

— Я — Альтапер бор-Атилан, — сказал он. Рукоятка из слоновой кости украшала грозное боевое оружие. — Я — легат Кровавых Орлов!

Он кивнул Ройясу, входя последним следом за Теноктрис, потом с отвращением глянул на Гаррика.

— Мои люди и я остались здесь в одиночестве. Остальные сбежали следом за Папнотисом. Маг Силийон то приходит, то уходит, так что в действительности лучше считать, что он тоже смылся.

Отряд из сорока Кровавых Орлов находился у ворот. Всего их было три сотни, но для охраны дворца по всему периметру хватало сорока. Гаррик видел, как они выстроились через одинаковые интервалы. Они были в легких доспехах, более функциональных, нежели тяжелое обмундирование.

— Я не собираюсь причинять вреда нашему королю, лорд Альтапер, — сообщил Гаррик, выговаривая слова, принадлежащие ему лишь наполовину. — Что же до вас и ваших людей — ни одно королевство не знает столь уважаемых и почетных граждан, как вы.

Он усмехнулся по-волчьи, и легат Кровавых Орлов пристально взгляделся в его лицо.

— Мне не кажется, что вы боитесь. Кровавые Орлы держали оборону за Каменной Стеной.

Указательный палец Альтапера пробежал по шраму, перерезавшему его щеку до самой шеи.

— Это было давным-давно, — отозвался он. — С тех пор много воды утекло.

Затем он резко бросил:

— Давайте скорее. Я отведу вас к Его Величеству.

— Могу ли я...— Гаррик положил руку на рукоять меча. Ройяс в придворных одеждах был без меча. В присутствии короля кому-либо, кроме его телохранителей, запрещалось носить оружие. Это каралось смертью.

Альтапер взглянул на Гаррика.

— Я предпочитаю считать вас человеком чести, мастер Гаррик. Если вы таковым не окажетесь, вам вряд ли понадобится ваше оружие.

Гаррик взглянул через плечо.

— Ты в порядке, Теноктрис?

Он не знал, насколько тяжелым было последнее из заклинаний и как оно отразилось на старой леди.

— Спасибо, все в порядке,— улыбнулась она. Голос ее звучал уверенно. Лизэйн взяла ее за руку.

Альтапер повел Гаррика и остальных троих по дорожке мимо каменных строений, насчитывавших не одно столетие. Остальные стражи собрались у главных ворот. Строения увивали виноградные лозы, но грозди еще не созрели.

Лизэйн задержалась на минуту. Гаррик обернулся. Девушка споткнулась о маленький окаменевший аммонит. Сколько же веков он насчитывает — размером с кулак, с дюжиной щупалец...

Потом он увидел, как Теноктрис тоже опасливо обходит это существо.

Альтапер повернул к одноэтажному бунгало с причудливой крышей и стенами, расписанными синими узорами в серианском стиле. Оно выглядело сравнительно новым рядом с большинством других строений. Двое Кровавых Орлов стояли у парадной двери. Еще несколько — у задней, на углу.

— Есть перемены, Мелюс? — спросил Альтапер.

— Ничего нового, господин,— отвечал один из стражников, обменявшись быстрыми взглядами с товарищем.— Э... А как ситуация у ворот?

— Под контролем,— отвечал Альтапер. Он угрюмо усмехнулся Гаррику.— На данный момент.

Стражники отошли в сторону, так что Альтапер смог открыть двери, выкрашенные тигровыми полосами.

— Ваше Величество! — позвал он. — Я привел к вам горожан.

— Что? — раздался из глубины надтреснутый голос. — О чем ты говоришь? И где Папнотис?

Альтапер жестом велел Гаррику и его спутникам войти. Потом закрыл за ними дверь. Лицо его было поистине бесстрастным.

Валенс III, король Островов, был моложе отца Гаррика. Но выглядел древним старцем: худой, с серым лицом, одежда залита вином.

— Кто ты такой? — потребовал он ответа. Глаза его скользнули по лицу Ройяса, в них мелькнуло узнавание. Потом он перевел взгляд на меч Гаррика.

— Кто послал тебя?

Он оглядел Ройяса и задал ему тот же вопрос.

— Нас послал народ Островов, Ваше Величество, — отвечал Гаррик. — Мы здесь, чтобы спасти королевство. Ради вас и остальных граждан.

Валенс отвернулся с надтреснутым смешком. Огромный зал был весь уставлен столами, диванами, в стене были видны сквозь приоткрытую дверь кровать и занавешенный проход, который, вероятно, вел на территорию слуг и в кухню, если только кухня не была отдельным зданием.

Король, похоже, спал здесь на одном из диванов. Вокруг стояли нетронутые вазы с фруктами, но пустые фляги из-под вина валялись повсюду.

Король открыл низенький шкафчик у одной из стен и заглянул внутрь.

— О, да поможет мне Госпожа, — простонал он. Потом выпрямился и крикнул куда-то в глубь помещения: — Принесите мне вина! Как вы могли оставить меня без вина?

Теноктрис подошла к королю и коснулась его лба прутиком, который был у нее с собой.

— Сядьте рядом со мной, Ваше Величество, — произнесла она. — Вам будет легче.

Валенс позволил Теноктрис подвести себя к дивану, покрытому кожей антилопы, а потом заплакал. Теноктрис

отняла палочку от его лба и прошептала какие-то слова. Над головой короля образовалось розовое сияние.

— Я скоро умру,— пожаловался Валенс.— Три дня назад нужно было кормить Чудовище, но все слуги разбежались, потому что началась резня. Королева придет за мной, а может, Чудовище явится. Неважно кто из них. Все равно я умру!

— Мы изгнали королеву из Орнифола,— сообщил ему Гаррик.— Расскажите нам о Чудовище!

— У него вся сила, так утверждал Силийон,— глаза короля были открыты, но говорил он словно сомнамбула.— Заверял, мол, что это уберезет меня от королевы, а больше ничто не поможет. Но если оно столь могущественно, почему я должен был кормить его? Почему бы ему самому не находить себе девушек? Тут что-то не так!

Гаррик увидел, каким серьезным и сосредоточенным стало лицо Лизйн. Он надеялся, что на его лице ничего нельзя прочитать, ибо охватившее его отвращение могло здорово помешать в решении вопросов.

— Где он находится? — спросил он.— Где человек, которого вы зовете Чудовищем?

— Человек? — Валенс поежился, а потом издал новый взрыв сумасшедшего хохота.— Это не человек. И я не знаю, где оно находится, но мы говорим с ним в руинах Дворца Тиранов. Там ничего не видно, но Силийон всегда показывает мне Чудовище в своем зеркале. А еще мы доставляем ему девушек.

Валенс попытался подняться на ноги. Теноктрис легонько коснулась его, снова сажая на диван.

— О, да поможет мне всемилостивейшая Госпожа,— сказал он.— Дайте мне вина. Пожалуйста.

— Теноктрис, нам нужно еще что-нибудь узнать о Чудовище? — спросил Гаррик.

Старая волшебница продолжала шептать заклинания. Она отрицательно покачала головой.

— Ваше Величество,— заговорил Гаррик.— Ради вашей же собственной пользы и во имя королевства, вы должны выйти вместе с нами из ворот и объявить горо-

жанам, что я — ваш сын и наследник. И тогда мы уберем вас от королевы и остальных врагов. Даже от Чудовища!

— Меня уже ничто не спасет! — закричал Валенс. — Вы что, глупец? Как вы не понимаете: Чудовище обладает огромной силой, ему подчиняется все! Оно могло бы спасти меня, но я знаю: оно не станет делать этого. Но если я накормлю его, может быть, оно оставит меня на потом. Понимаете? Съест меня потом!

— Пойдемте, Ваше Величество, — проговорил Ройяс, подавая ему руку. — Принц Гаррик спасет вас. Вы объявите его своим сыном и наследником, а мы позаботимся обо всем остальном.

— Что? — вскричал король, ибо его прежний надменный тон вернулся к нему. — Да кто он такой? И почему у него меч! Я король Островов!

— Это и в самом деле так, Ваше Величество, — согласился Гаррик, взяв Валенса за другую руку. Мягко потянув, они вдвоем поставили короля на ноги, словно младенца, который учится ходить. — Мой меч защитит вас от всех врагов. Скажите вашим людям повиноваться мне в этом дворце, а мы завершим все остальное.

— Вокруг повстанцы, мятежники, — пожаловался Валенс. — Они убьют меня! Они знают, что я не сумел защитить их от королевы!

Лизьин осторожно открыла дверь. Теноктрис последовала за тремя мужчинами, все еще тихонько повторяя заклинания, но уже не дотрагиваясь до лба короля. Сияние исчезло, зато щеки Валенса заметно порозовели.

— Мы расправились с королевой от вашего имени, Ваше Величество, — произнес Гаррик. — Мы поможем вам оставаться в безопасности!

Он обнаружил, что не может испытывать ненависть к этому трусливому человеку. Мужчин воспитывают быть всегда готовыми ответить на вызов, а такие обломки мужчины, как Валенс, уже ни на что не способны.

Альтапер вел их за собой. По его сигналу четверо стражей присоединились к ним, обшаривая глазами окрестности.

— Преданность нельзя ни купить, ни даже заработать, сынок,— проговорил знакомый голос в сознании Гаррика.— Она дается даром. И не важно, что Валенс не заслуживает преданности. Об этом судить лишь Богам!

Они достигли ворот и большого отряда Кровавых Орлов. Толпа неясно гудела и шумела за стеной, подобно раскатам грома.

— Выпустите меня из ворот,— обратился Гаррик к Альтаперу.— Я велю им стоять тихо. А потом широко распахните обе створки и выведите Его Величество, он сделает заявление.

— Выполняйте,— велел Альтапер солдатам на воротах. Гаррик заметил, что легат не взглянул на короля, ища подтверждения.

Гаррик вышел на улицу. Шум нарастал. Гаррик шагнул к носилкам, на которых несли Теноктрис.

— Поднимите меня, пусть все меня видят! — велел он солдатам.

И он вознесся над толпой, высоко подняв руки. Толпа взревела, потом отхлынула. Он никогда не видел столько людей в одном месте, если не считать воспоминаний короля Каруса.

— Граждане Островов! — прокричал Гаррик. Некоторые услышали его и зашикали на галдящих соседей. Но все же самым главным было то, что все его видели.— Ваш король хочет сделать объявление!

Главные ворота открылись. Гаррик жестом велел поднести еще одни носилки поближе к тем, на которых он стоял.

Кровавые Орлы образовали строй, мимо которого и шел сейчас Валенс с золотым обручем в руках, тем, что подал ему Ройяс. Они не были уверены в том, что стоит использовать корону нынешней династии. Теноктрис сопровождала короля, опираясь на руку Лизйн. Она все еще пела заклинания, помогая Валенсу удержаться на ногах и не упасть.

Альтапер помог Валенсу забраться на носилки, поддерживая его за ногу.

— Граждане Островов! — снова закричал Гаррик.— Его Величество король Валенс III усыновил меня. Он провозгласил меня регентом королевства Островов!

Валенс качался, словно птичка на жердочке. Он весь трясся и непременно упал бы, если бы легат не держал его. Лизьин подхватила короля с другой стороны, но он все равно мог в любой момент рухнуть на колени.

Гаррик поднял обруч и надел на свою собственную голову. Он примерял его прежде, когда Ройяс приносил обруч ему во дворец, дабы удостовериться, что он подойдет, иначе это вызвало бы насмешки. Древний символ власти оказался всего лишь полоской металла, довольно тяжелой, хотя и тонкой, и в нем он почувствовал себя неудобно.

Золотой свет ослепил Гаррика. Перед глазами пронеслись вспышки воспоминаний прошлого. В это момент все правители Старого Королевства были с ним.

Потом видение исчезло. Толпа восторженно кричала. Сквозь радостный шум Гаррик уловил голос Теноктрис.

Он обернулся. Лизьин тоже обернулась. Ни один из них не понимал слов Теноктрис, но краем глаза он уловил какое-то движение.

Скрюченный человек в мантии, расшитой символами Старой Вязи, пробирался по тропе от бунгало, в котором скрывался Валенс. В мочках ушей висели украшения из кости. Он увидел коронацию Гаррика и Валенса, стоящего рядом с ним.

— Остановите этого человека! — закричал Гаррик, указывая на колдуна. — Остановите Силийона!

Но колдун, путаясь в тяжелых одеяниях, уже исчез в ближайшем подлеске, прежде чем Кровавые Орлы сумели схватить его.

Халфемос был облачен в золотое одеяние. На Цериксе вовсе не было никакой одежды. Старый маг был в таком восторге от собственного, заново восстановленного тела, что не желал прикрывать его. Волосы у него на ногах оказались неожиданно светлыми, по контрасту с темными на всех остальных частях тела, мышцы же были развиты идеальным образом. Когда Церикс смотрел на собственные пальцы ног, он едва не лишился рассудка от радости.

На Илне была туника, сотканная ею в Эрдине, украшенная поясом, парным тому, который она вручила Лизэйн. Наблюдая за радостью двоих своих спутников, ликующих среди Народа Красоты — и Халфемос не в меньшей степени, нежели Церикс, — девушка чувствовала себя оскорбленной, но решила не вмешиваться. А еще в глубине души ей казалось, что она валяет дурака, думая подобным образом.

Ладно, будь что будет. Илна ос-Кенсет не станет вмешиваться.

Илна проглотила кусочек клубники, который откусила от ягоды размером с собственную голову, сочный и неописуемо вкусный. Она посмотрела на двоих магов и троих представителей Народа Красоты, приветствовавших ее после пробуждения здесь, в этом краю, и сказала:

— Я собираюсь вернуться в мир, откуда меня похитили Чешуйчатые люди. Если был путь, ведущий в Сад, значит, должен быть и путь отсюда. И я отыщу его.

— Но, госпожа, — озадаченно проронил Вим, — почему ты хочешь покинуть нас? Разве есть что-нибудь, в чем ты нуждаешься, чего мы не можем тебе предложить?

Халфемос выглядел расстроенным, он отвернулся, прежде чем Илна встретила с ним глазами. Церикс сердито сверкнул глазами в ее сторону: он понимал, куда клонит девушка, и это было ему весьма не по душе.

Илна наморщила нос. Церикс понимал ее правоту не хуже, чем она сама, но по личным причинам предпочитал закрывать на это глаза.

— Мой брат попал в беду, — объяснила она Виму. И, встретившись глазами с Халфемосом, продолжила: — Или кто-то помог ему попасть в беду. Я хочу попытаться спасти его, поэтому мне необходимо вернуться в свой собственный мир.

— Мальчик не может отвечать за случившееся с твоим братом, — вмешался Церикс.

— Не важно. Можете ли вы помочь мне, мастер Вим, или мне придется искать путь самой?

— Мы покажем тебе тропу, — сказал Брам. — Но, госпожа, нигде в мире нет места, столь светлого и радостного, как Сад.

Илна едва не рассмеялась от двусмысленности прозвучавшего.

— Я уверена: ты прав, но не знаю, смогу ли вынести столько радости.

Она встала. Гигантскую клубнику она так и не сумела осилить, еще немного осталось. Может, вон тот единорог доест ягоду?

— Так ты отведешь меня? — обратилась Илна к Брамму. Резкость голоса и манер были здесь явно неуместны. Этот мир поражал гармонией и совершенством, абсолютно даровыми удовольствиями — оттого-то он и казался Илне нереальным, иллюзорным.

Никогда Илна ос-Кенсет не сможет поверить, что существует на свете место, где все настолько прекрасно.

— Я отведу ее, Брам,— сообщила Кори встревоженному юноше.

— Мы пойдем все вместе,— решил бородач Вим, поднимаясь и потягиваясь с кошачьей ленивой грацией. Народ Красоты полулежал на траве, которая на ощупь была мягче шерсти, что ткала Илна.— Дорога будет недолгой, госпожа Илна.

— Жестоко напоминать остальным, насколько отличается прочий мир от нашего,— заметил Брам. Он перевел взгляд на горизонт, потом снова взглянул на Илну.— Я от всего сердца хочу, чтобы ты переменила решение.

Он взял девушку за руку. Ростом он был не ниже Гаррика, но много стройней, а еще в нем чувствовалась сила — как и во всех представителях его народа. Черты лица молодого человека были столь совершенными, что напоминали изображения Пастыря, и жрецы могли привозить его на благодарственные церемонии по осени — вместо статуй.

Илна быстро отступила назад.

— Что ж, прощайте и удачи вам,— обратилась она к Халфемосу и Цериксу.

Халфемос встал.

— Я иду с тобой,— заявил он, глядя при этом в землю.

— Да заберет тебя Сестра, парень! — воскликнул Церикс, также вскакивая на ноги.— Ты не должен отвечать за это. Ты же не причинял зла ее брату!

— Пожалуйста, не нужно,— взмолилась Кори.— Мы все здесь друзья, и ваша беда...

Халфемос жестом прервал ее. Он встретился глазами со своим учителем и не отвел взгляда.

— Церикс, я произнес то самое заклинание, которое унесло прочь из мира Захага и ее брата. Они исчезли. Вряд ли это было простым совпадением.

— Но...— начал Церикс. Слезы блеснули у него в глазах и покатались по щеке.

— И даже если я не считал бы себя в ответе за случившееся, я все равно пошел бы с ней. Ведь она бы в любом случае помогла нам, хотя вряд ли мы ей симпатичны.

Он взглянул на Илну с кривой усмешкой.

Церикс покачал головой: его снедали печаль и разочарование.

— Разумеется, мы оба пойдем.

Он смотрел на Вима. Люди Красоты попятились от чужаков, как если бы встретились с агрессивными животными.

— Ты сказал, что поведешь нас,— прорычал Церикс.— Так пойдем же.

Илна оглядела спутников, внезапно ощутив отвращение к самой себе. Она втянула Церикса и Халфемоса в авантюру, и теперь если они откажутся, то станут выглядеть дураками. Ведь они — люди чести.

— В утешение могу сказать, что оба вы мне нравитесь больше, чем я сама себе. Хотя вряд ли это поможет.

— Разумеется, мы не можем повлиять на твой выбор,— поежившись, сказал Вим.— Но на дорогу мы вас выведем.

Он подал руку Брамму и Кори. И, не оглядываясь на чужаков, все трое направились к ближайшему холму. Его идеально круглая форма выглядела столь же искусственной, как и мост, возведенный через ближайший ручей.

Деревья здесь, хоть и не отличались очень большой высотой, все же имели довольно толстые стволы. И это было также удивительно.

— Здесь нет птиц на деревьях,— промолвил Халфемос.— И вообще нигде не видно.

— Это место выглядит более естественным, чем все остальные места, что я здесь видела,— ответила Илна.

Кори глянула на нее через плечо. Но ничего не сказала.

— А ты что думаешь, Церикс? — не отставала девушка.

— Я вообще не думаю,— отозвался маг. Они уже почти достигли дороги. Деревья напоминали дубы. Желуди украшали ветви некоторых из них.— Если бы я думал, я бы не стал поступать подобным образом.

Троица тех, что называли себя Народом Красоты, остановилась возле одного из дубов, они зашептались. Младшая пара отошла в сторону. Вим повернулся к Ильне:

— Оставшуюся часть пути поведу вас я. Опасности никакой нет, но все это будет весьма неприятно, и для вас тоже.

Илна кратко кивнула и пошла вперед. Вим проследил за ней взглядом, но девушка не обернулась.

Вертикальные трещины высотой в человеческий рост прорезали ствол дерева. Внутри был виден лишь темный туман.

— Там, внутри, что-то есть! — возбужденно воскликнул Халфемос. Илна оглянулась. Молодой маг вцепился в руку Церикса, показывая ему странные картины, которые возникали из тумана. Вим серьезно кивнул и пошел дальше.

Илна тоже видела картину в дупле дерева. Но это мало привлекало ее: нечеловеческие вещи, как и все остальное здесь.

Некоторые картины в дуплах деревьев выглядели зловещими. Илна ничего не могла поделать с собственным восприятием, но понимала, почему их хозяева боятся входить туда.

— Далско еще? — спросила она.

— Нет, недалеко,— ответил тот.— А вы уверены?

— Да,— ответила девушка. Правда, тон ее прозвучал несколько мягче, чем когда она впервые обратилась к Народу Красоты, требуя отвести ее к выходу из Сада.

Илна улыбнулась, но холодно. Конечно, в мире существуют места, где происходящие здесь сцены не менее реальны, чем грязь на улицах Барка Хамлет. Пожалуй, здешние жители правы.

Но это ничего не меняет. Место Илны не здесь, а ей нужно исполнить свой долг.

— Вот сюда,— проговорил Вим, жестом указывая на дупло падуба, не очень отличающегося от тех, что росли на западной окраине Барка Хамлет — в одно из таких деревьев угодила молния, когда Илна была еще ребенком.— Если не возражаете, я оставлю вас здесь,— произнес бородатый мужчина.— Хотя, разумеется, мне больше хотелось бы взять вас с собой.

Илна коротко кивнула. Тропа, открывавшаяся в дупле дерева, напоминала дорогу в незнакомом городе. Того и гляди, покажутся дикие животные и всякие чудеса.

— Спасибо вам за ваше гостеприимство, а особенно за то, что вы сделали для моего друга Церикса,— проговорил Халфемос.

Вим развернулся и поспешил прочь, шаги его были намного шире обычных: он словно хотел поскорее покинуть это малоприятное место. Волшебники проводили его взглядом, потом повернулись к Ильне.

— Вы не обязаны идти,— сказала им она.— Не думаю, что обязаны.

Не говоря ни слова, Халфемос обошел ее и скрылся в тумане.

— Да заберет Сестра...— в гневном изумлении проронил Церикс.

Илна тоже ступила в глубь дерева. Она ничего не почувствовала, кроме прохладного востерка, гулявшего между деревянными строениями вдали. Илна пожилаась.

Улица была грязной, вокруг клубилась пыль.

На полпути между двумя домами стояла какая-то женщина, держа в руках корзину. При виде Илны и Халфемоса она в ужасе остолбенела.

— Не бойтесь! — обратилась к ней Илна. Она посмотрела на женщину, собрав всю свою волю. И заметила, что на Халфемосе — его собственная мантия, а не наряд, подаренный ему Людьюми Красоты.

— Что это за город, госпожа? — спросил Халфемос учтивым голосом.— И позвольте мне помочь вам с поклажей.

— Как же, это Диверс, что на Третьей Аtare,— объявила женщина. Она, хоть и не сразу, но позволила юноше взять у нее корзину и понести в сторону открытой двери. Халфемос выглядел абсолютно нормальным, таким же, как всегда.

Улица оказалась пустой, лишь на перекрестке маячила инвалидная коляска.

— Откуда сами будете? — поинтересовалась женщина. — Только что вас не было, и вот — на тебе!

И тут из ниоткуда возник Церикс. Он шлепнулся на землю, схватился за обрубки ног и заплакал.

При виде его женщина с Атары тоже залилась слезами.

Кэшел устоял на дереве с прямым стволом, размышляя, сгодится ли оно для строительства. Захаг расселся рядом, разгрызая семена, которые извлекал из фруктов, обнаруженных им неподалеку. Мякоть оказалась безвкусной, зато семечки — просто объедение, особенно если у тебя крепкие зубы примата.

Возле дерева росли кактусы с мягкими колючками. Их причудливые цветы уже бессильно поникли, увяли после нескольких дней цветения, когда их аромат проникал в убежище, где спали путники — рядом с лодкой.

Кэшел оглядел лагерь. Козро лежал в тенечке на матрасе, в то время как Ария пыталась сплести для себя шляпу из травы. У нее ничегошеньки не выходило, но она не бросала своего занятия.

Принцесса даже попросила Кэшела нынешним утром показать ей, как строгают деревяшку, хотя, разумеется, очень быстро стерла свои нежные руки о грубые весла, которые обрабатывала.

Одно было несомненным: принцесса Ария весьма изменилась с того момента, как Кэшел впервые повстречал ее.

Кэшел пробирался вперед к следующему дереву, напоминавшему эвкалипт. Ствол его разветвлялся на высоте около четырех футов. Присев на корточки, Кэшел с размаху нанес удар кортиком по стволу. Использовать кортик

вместо топора было не слишком хорошей идеей, но ничего другого не оставалось.

Захаг прыгнул на дерево, напоминающее фиговое.

— Что не так с первым деревом? — спросил примат. Слова его прозвучали неразборчиво из-за того, что он жевал семечки.

— На нем рос кактус, — отвечал Кэшел, чувствуя некоторое смущение. — Там их...

Он замолчал. Цифры всегда представляли для него сложность.

— Ну так вот, — продолжил он, — там столько бутонов, больше, чем овец в отаре, которую я пас. И сегодня ночью они должны зацвести.

Он вытер лезвие кортика ладонью, очистив от сока, разъедавшего металл. Это оружие было существенно хуже меча, но, за неимением лучшего, сойдет и оно.

Захаг повернулся взглянуть на кактус, сморщив физиономию в недоумении.

— Ну и что с того?

— Ну, мне просто понравился аромат, — смущенно пробормотал Кэшел. — Цветы при лунном свете такие красивые.

Ему не хотелось рассказывать примату, почему он любит цветы. Просто любит, и все тут. Большинство жителей Барка Хамлет были бы крайне удивлены, услышав об этом.

Он размахнулся и нанес еще один удар кортиком. Ария вскрикнула.

Кэшел вонзил кортик в землю и побежал к другому концу пляжа. Он не думал о кортике как об оружии: для этой цели больше подойдет посох.

Он не знал, что увидит, когда добежит до Арии: может быть, морских волков или огромных плотоядных ящеров, что выпрыгивают из воды, а может, одного из местных жителей, хотя до сего дня они не встречали ни одного из них. А вдруг да и одного из демонов, которого Илмед или другой какой волшебник послал за ними.

И вот что увидел Кэшел: Арию, держащую весло наперевес, как дубину, и Козро, ничком валяющегося на

берегу. Интересно, что произошло между двумя его компаньонами?

Вернее сказать, компаньон был только один. Козро был никаким не компаньоном, а настоящей головной болью, проблемой, которую нужно было решать.

— Козро! — крикнул он. — Только попробуй еще раз тронуть ее, немедленно отправись на корм рыбам!

Козро повернулся взглянуть на Кэшела. Их разделяло сейчас не больше двухсот шагов, но дело в том, что между ними — глубокая вода. Он умел плавать, но за то время, что он добирается, всякое может произойти с Арией. Здравомысляв все, Кэшел решил: быстрее будет обежать остров с другой стороны. И пустился бежать.

Козро покачал головой. На левом виске у него проступила кровь. Если он и слышал Кэшела, то не прореагировал на угрозу. Он снова начал наступать на Арию, широко раскинув руки.

Кэшел не втащил лодку на берег после того, как они с принцессой примеряли к ней весла, которые выстуригивали. И теперь Ария не стала ожидать помощи от Кэшела, а вскочила в лодку и поплыла прочь.

Кэшел сразу понял, что она поступила верно. Козро не мог двигаться быстро, но был гораздо сильнее девушки. Если бы она побежала в глубь острова, то в два счета запуталась бы в густой растительности.

Козро сердито взревел и полез в воду, пытаясь догнать лодку. Ария сжалась на носу, гребя в сторону моря, используя весло в качестве шеста, отталкиваясь от берега. Козро умел плавать, с третьего гребка он едва не дотянулся до борта.

Ария снова стукнула его по голове веслом. Кэшел, используя на бегу посох в качестве балансира, издал победный вопль.

Если бы принцесса сумела как следует распорядиться веслом, с Козро было бы покончено раз и навсегда. Но ее удар не причинил капитану серьезного вреда, хотя и убедил, что лезть в лодчонку в нынешних условиях лучше не стоит. Он опять показался из воды.

— Я уже иду, принцесса! — закричал Кэшел, набрав в грудь побольше воздуха. Он мчался по песку. Хорошо бы, Козро не вздумал сражаться с ним. Иначе у Кэшела возникнет серьезная моральная проблема: что делать с человеком, оставлять которому жизнь может быть слишком опасно.

Кэшел не знал, каковы намерения Козро. Ему показалось, что тот собирается найти подходящий шест и разделаться с принцессой. Ария, вероятно, подумала то же самое: она вставила весла в уключины и погребла в открытое море. Это было плохо: ее может вынести за пределы бухты, и тогда вряд ли у девушки найдутся силы развернуть лодку обратно.

Козро продолжал бежать по пляжу. Интересно, подумал Кэшел, не расплавились ли у бывшего капитана мозги под воздействием перебродившего гнилья?

Кэшел тоже бежал, хотя и не так быстро, как хотелось бы. Ария настроилась на определенный ритм и гребла в соответствии с ним. Он попытался представить ее дочерью рыбака из Барка Хамлет — но безуспешно. Все равно что представлять солнце встающим на западе.

Захаг с энтузиазмом завершал, наблюдая за событиями с высокого фигового дерева. Кэшел знал, что обезьяна — плохой бегун, как, впрочем, и пловец, и не сумеет достичь Козро прежде него самого, но его раздражало, что Захаг даже попытки такой не делает. Правда, тот, наверняка, возразил бы, что защита самки — дело вожака стада, но никак не рядового его члена.

Козро снова подбежал к воде. Несомненно, отсюда ему будет легче достать принцессу...

Лодка причалила. От неожиданности Ария метнулась на нос, потеряла равновесие, ее ноги мелькнули в воздухе. Козро закричал в восторге. Вода достигала ему лишь до щиколоток.

Кэшел остановился. Ему мало чем поможет, если он станет пробираться по песку. Но делать что-то нужно. Ария выбралась из лодки и ступила на сушу. Козро, хоть и будучи изрядно пьян, знал, что делает: девушка не могла бы самостоятельно вывести лодку мимо опасной отмели.

Теперь Ария помчалась в сторону Кэшела, который старался пробиться к ней навстречу. Козро же не отставал.

Кэшел был уже близко, но тут ноги его увязли, и он упал. Лучше бы ему было оставаться на месте. Снова ошибка, и не в первый раз...

Захаг пронзительно заверещал, глядя на безуспешные попытки молодого здоровяка подняться на ноги. Он повис на обеих руках, нащупывая ногами крепкие ветви, и не спуская глаз с моря.

— Помоги Арии! — заорал Кэшел. Если бы Захаг сумел встать между Козро и девушкой, то сумел бы задерживать пьяницу-капитана.

Если бы! Захаг не был человеком и не мог рассуждать, подобно Кэшелу. Он продолжал верещать, указывая в сторону моря.

Принцесса была в пятидесяти футах от берега. Козро — в двадцати футах от нее. Она оглянулась и замерла на месте. Козро закричал:

— Теперь я покажу тебе, маленькая стерва!

Кэшел подумал, что Ария запаникует, когда увидит, как близко ее преследователь.

Он был настолько поглощен картиной, что не заметил нескольких огромных голов, вооруженных клыками, появившихся из воды. А капитан их как раз заметил. Он бросился к лодке, прежде чем монстры успели схватить его.

Они сразу скользнули в воду, но Кэшел увидел их и понял, что это птицы — вернее, их дальние предки были птицами. Перья на груди и животе кремового цвета, на спине же — серо-белые. У них были лишь зачатки крыльев, торчащие вверх.

Длина тела от головы до хвоста составляла футов двадцать, а оранжевый зубастый клюв — не менее ярда!

Козро в ужасе заголосил, закрывая лицо руками. Птицы налетели неожиданно. Они схватили Козро под руки и под колени и резко дернули, разрывая тело пополам. Кровь хлынула в воду. Дикий крик быстро заглох.

Кэшел продолжал бежать по берегу. Он понял, почему Ария замерла на месте. Птицы увидели Козро, который двигался!

Умница девчонка, быстро соображает. Кэшела никто не обучал подобным вещам, но он и сам знал, насколько важно быстро ориентироваться, когда попадаешь в непредвиденную ситуацию.

Кэшел в два прыжка добрался до фигового дерева: когда принцесса сможет сделать шаг, она будет здесь. Захаг скатился на землю и замер, словно покрытый шерстью камень. Выпучив глаза, он смотрел на происходящее в бухте. Кэшел также замер, тяжело дыша и слегка наклонившись, чтобы отдышаться.

Птицы уже покончили с Козро. Они поднялись и, бок о бок, с шипением боролись за добычу. У них оказались оранжевые ноги, покрытые чешуей. Чем-то они напоминали гусей из Барка Хамлет.

Тут одна из птиц перекинула другую через плечо мастерским броском, которому любой борец позавидует, не говоря уж о Кэшеле. Она схватила ногу Козро. Вокруг плавали останки искромсанной плоти.

Внезапно обе птицы, видимо, решив, что позабавили зрителей, нырнули и поплыли на другой конец острова, где было их гнездо. Они высоко держали головы на длинной шее, оглядываясь вокруг.

Ария осторожно поползла к суше. За ее спиной плавали одни щепки, оставшиеся от лодки, залитые кровью неудачливого капитана.

Кэшел приблизился к тому месту, куда двигалась принцесса. Захаг от страха издал какой-то мяукающий звук.

Птицы вылезли на берег неподалеку от гнезда. Они издавали резкие, пронзительные крики — ужасно громкие. И крики их были исполнены гнева и ярости. Они сунули головы в кучу гниющих водорослей — видимо, в поисках яиц. Разорвавшие Козро на кусочки хищники оказались... нежными и любящими родителями.

Ария выбралась наконец на берег. Рот ее был разинут, глаза широко распахнуты от ужаса. Однако соображала она по-прежнему хорошо.

Кэшел ощутил даже некоторую нежность к девушке, не говоря уж об уважении.

Он протянул принцессе руку.

Раздался новый крик птицы. Ария взвизгнула от страха. Оба чудовища нырнули и поплыли. Кэшел повернул к себе принцессу.

— Оставайся на месте, не вздумай следовать за мной! — велел он. — Ты тоже, Захаг!

Он начал быстро вращать посох. На конце его появился сияющий золотой круг.

Будь здесь только одна птица, а также если бы Захаг с Арией точно оставались у него за спиной, Кэшел бы считал, у него есть шанс. Но он видел, на что способны эти хищники! Зубы как у морских волков, а размер туловища такой, что они скалу проломают!

Весила каждая птичка с хорошего быка. А их еще двое... Но все равно — Кэшел должен постараться и защитить — не только себя, но и тех, кто рядом. Эти птицы без труда расправятся с Арией и приматом, а потом еще и подерутся, кому забрать останки Кэшела!

На конце посоха вспыхнуло ровное синее пламя. Кэшел ощутил, как исчезает мир вокруг. Он слышал, как Ария говорит что-то, но не мог разобрать, что именно.

Две птицы уже подплыли к берегу и теперь вылезали из воды. Они разевали клювы, показывая длинные языки, но Кэшел не слышал их шипения и криков. Его посох уже превратился в диск раскаленного огня, ревущий, неистовствующий, заполнивший собой весь мир. Он видел неясные очертания вокруг, гигантские птицы превратились в две бесплотные тени.

Диск преобразился в открытую дверь. В яму. Кэшел упал внутрь, принцесса и примат последовали за ним.

Кэшел лежал в пыли дворца короля Фолкуина на Пандахе.

— Стража! Стража! — вопил кто-то. Кэшел ничего не видел, зрение его затуманилось.

Захаг что-то бормотал. Ария зывала к госпоже Богине, а король Фолкуин кричал что-то своим стражам. Женщина с далполианскими татуировками наклонилась и смотрела в лицо Кэшелу. Он узнал ее среди толпы просителей в то утро, когда он и Захаг покинули этот мир и отправились в первое из мест их нелегкого путешествия. Сей-

час на далполианке была шелковая мантия, расшитая серебряными астрологическими символами.

Женщина выпрямилась.

— Встаньте! — приказала она. — Мне нужен один из вас!

И Кэшела накрыло волной черной, невыносимой усталости.

Кто-то в лесной чаще выводил бесконечное «ка-ка-ка», в то время как Шарина и Унарк проходили мимо. Она не стала поднимать голову, потому что знала: не на все стоит смотреть, кроме того, слишком мало осталось сил.

Шарина следовала за раненым охотником уже... она и сама не знала, сколько времени. Вряд ли они прошли так уж много миль, но все равно — непосильный труд.

Унарк двигался как привидение. И лишь по чистой случайности он догадывался оглянуться назад: там ли его спутница. Поэтому для Шарины было вопросом чести всегда оказываться непосредственно за спиной охотника.

Она не видела Ханно с того самого утра, когда они втроем отправились в путь. Унарк вел девушку, в то время как Ханно невидимой тенью следовал за ними, проверяя, все ли благополучно. Ноннус поступил бы точно так же.

Шарина улыбнулась. Без сомнения, он так и поступал.

Унарк притаился в зарослях растений, напоминавших слоновьи уши, и предостерегающе поднял нож. На изогнутом острие зловеще играли отблики.

Ничего. Она не ощущала ни малейшего признака опасности. Благодаря Ноннусу девушка была уверена, что может доверять собственным инстинктам — да к тому же и все ее прежние навыки оставались при ней.

Шарина посмотрела на Унарка, потом прокралась к нему, дождавшись его одобрительного кивка. Охотник ножом указал на заросли мангровых корней, нависших над течением реки. Чаще всего они повисали параллельно воде, но сейчас Шарина едва сумела разглядеть их.

Потрясающе уродливое животное мелькнуло среди мангровых зарослей. Размером оно было с быка, но с более

длинным, широким и приземистым телом. По обе стороны головы торчали ветвистые рога, другие же вырастали прямо из плеч. Животное выискивало себе пищу среди зарослей, шумно пережевывая мощными челюстями.

— Вот где мы берем рога,— прошептал Унарк. Как только лысый охотник понял, что побоище в дупле баобаба было делом рук Шарины, он относился к ней с должным уважением, а не с той неловкостью, доходящей до идиотизма, с какой привык обращаться с женщинами.— Если хочешь знать, такого роскошного экземпляра я не встречал уже семь лет.

Зверь исчез среди листвы на другой стороне зарослей. Это поразило Шарину: каким образом столь неуклюжее создание могло так быстро передвигаться среди спутанных веток и листьев.

— Эти рога такие...— прошептала она.

«Уродливые, прямо как палки»,— хотелось ей закончить фразу.

— Тусклые,— сказала девушка вместо этого.

Унарк кивнул.

— Как черепаший панцирь,— согласился он.— А если взять их и отполировать хорошенько, увидишь разницу — заблестят, как миленькие. Мы этого не делаем, не дай Бог повредим, да и вообще, в дороге они и так портятся. Но этот экземпляр — из лучших, можешь мне поверить.

Шарина огляделась вокруг, держась за рукоятку пьюльского ножа. Ханно вдруг возник меж двух кустов, не потревожив ни цветочка.

— Хорошо, что ты привел ее сюда, Унарк,— промолвил он.— Если бы я увидел кого-то из Мартышек, ты бы уже отправился к ним на обед.

— Забери тебя Сестра, Ханно! — в сердцах выругался лысый охотник.— Я так и знал, что это ты!

Шарина выпустила нож из рук. Она и не знала, верить ли утверждению Унарка. В любом случае девушка обрадовалась новой встрече со старым знакомым.

— Здесь, до самой реки, нет ни одного из Мартышек,— продолжал Ханно, оставив свои шутки.— Я так

понимаю, мы можем добраться до вершины засветло. Забери меня Сестра, если все без исключения Мартышки, живущие на острове, не прошли этой дорогой в прошлом месяце! И ни один след не ведет обратно.

Унарк покачал лысой головой.

— Значит, что-то должно было произойти, или же...— его рука с ножом прочертила по воздуху,— ...дело серьезнее, чем я думал. Давайте посмотрим, что случилось.

— До вершины чего? — поинтересовалась Шарина. Эти двое настолько привыкли понимать друг друга с полуслова, что не объясняли ей вещей, которые, определенно, могли быть полезными и даже необходимыми.

Ханно кивнул, показывая, что понял вопрос и одобряет его.

— Вся северная оконечность острова занята вулканами,— произнес охотник.— То же самое касается и бухты, куда направились Мартышки, вот только стена на севере размыта морем. Мы подберемся со стороны моря, и они нас не заметят.

Унарк серьезно кивнул.

— Лава поднялась наверх и образовала трубу, по которой сбегала вниз. Снаружи она застыла на скале, а внутри — стекала, пока не нагрела реку, а вода утекла прочь. Я видел, как это происходило — не здесь, здешние вулканы старые, а с другой стороны острова — в первое мое лето на Байте.

Его рассказ поразил Шарину — она и не ожидала столь глубоких наблюдений и выводов от незатейливых охотников. Они собственными глазами видели вещи, о коих ученые древности и представления не имели. Да, в какой-то степени они люди природы, дикие и свободные, но обладают достаточно острым умом.

— Мы войдем в реку, под водой проберемся к этой трубе, а затем просто взберемся на нее. Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы немного промокнем,— предложил Ханно.

Он усмехнулся собственной шутке. Еще бы, вода в реке вряд ли промочит Шарину сильнее, чем ежедневный дождь.

Шарина обернулась назад.

— Кажется, поток здорово грязный, но мокрее я уже точно не стану. Мой друг Кэшел с удовольствием переплыл бы его.

Упоминание о Кэшеле заставило ее вздрогнуть. Это она виновата: позволила козням колдуна увести ее от поисков друга. И бесславный конец, постигший коварного Нимета, не улучшил ситуации, не исправил ее ошибки.

— Давай-ка держись за мое копьё, пока я буду искать вход в трубу,— проговорил Ханно.— Тут темно, как у свиньи в...— он осекся.— Ну, в общем, вряд ли ты увидишь что-нибудь под водой. Может, лучше тебе держаться за мой ремень. А Унарк пойдет следом за нами.

Второй охотник кивнул в знак согласия.

— Но ты ведь тоже ничего не увидишь, будучи внутри, пока не доберешься до места, где есть отверстия наружу. А до этого времени сможешь заблудиться.

Интересно, что за твари могут поджидать их в вулканической трубке, думала Шарина. Она скупно улыбнулась. Вряд ли более опасные, чем Ханно с его грозным копьём.

— Я готова,— сказала она. И обхватила ремень Ханно из кожи ящера.

Они ступили в реку. Неожиданно сильное течение заставило Шарину плотнее вцепиться в Ханно, пока она не сумела удержать равновесие. Охотник же будто ничего и не замечал.

Они прошли в воде ярдов двадцать. Вода поднялась Шарине по грудь, потом — по шею. Но она не боялась войти глубже. Они пробирались между мангровых зарослей. Будь Шарина одна, она бы повисла на корнях и продвигалась бы, перебирая руками, как делала это раньше.

Впереди показались пальмы, чьи стволы срослись по три и четыре из общего центра, а между ними торчали острые черные камни, покрытые папоротниками и травой. Стало понятно, что растут они на склоне горы.

— Вон туда нам и нужно, молодая госпожа,— сообщил Ханно. Он вошел в глубокий поток, а потом нырнул. Шарина последовала за ним, пытаясь удержаться и не скользить по глинистому дну.

Вода просачивалась сквозь ее плотно сжатые губы. Она закрыла глаза, вцепилась в ремень охотника, другую же руку держала на рукояти пьюлского ножа. Она не была уверена, но ей показалось, что Ханно сменил направление. Течение стало медленнее. Дно теперь было каменистым, и ноги не скользили по нему.

Шарина снова вынырнула на поверхность.

— О Госпожа, благодарю Тебя! Будь благословенна! — воскликнула она.

Девушка отпустила ремень Ханно и поднялась по тропинке. Они проходили под гулкими сводами, и любой звук, даже дыхание Шарины и ее спутников, отзывался громким эхом.

Свод вулканической трубки был слишком высоким, чтобы Шарина могла достать его, пол же оказался достаточно широким, и все трое могли идти по нему бок о бок. Порой Шарине казалось, что она ощущает тепло тел охотников рядом с ней, а иногда попросту знала, что мужчины рядом.

Девушка улыбнулась. Ноннус понял бы ее. Она ощущала сейчас здесь, в реальной темноте, то же самое, что и во тьме душевного смятения — там, в дупле баобаба, когда ждала встречи со смертью.

Путь наверх казался столь же крутым, как и на пастбищах возле их деревни. Спутники Шарины не общались друг с другом, но она наблюдала, как изо рта у них вырывается пар, а каждый шорох грохотом отдавался в ушах.

И не важно, что они ничего не видели. Наверх — вот единственное направление, куда можно было двигаться. То и дело встречались полуразрушенные деревья, сгоревшие и превратившиеся в каменный уголь. Шарине удавалось не налетать на них — она и сама не знала как.

Ханно лег, чтобы выглянуть через отверстие над головой. Унарк присел на корточки и уставился в другую дыру.

— Как я и надеялся, хвала Госпоже! — воскликнул он. — Ханно, что там наделали эти чертовы Мартышки?

— Я не знаю, на что это похоже, — пробормотал другой охотник. Не говоря больше ни слова, он встал на колени и начал озиаться по сторонам, приглашая Шарину к оконцу.

Девушка перевернула свой пояс, чтобы нож не поцарапался о поверхность лавы. Она посмотрела вниз на залив примерно в пяти сотнях футах отсюда. Весь берег был завален упавшими деревьями. Неисчислимое множество Волосатых людей карабкались по обломкам, ими руководили фантазмы, вроде того, который велел им напасть на нее и Ханно.

Она даже и предположить не могла, сколько там собралось дикарей. Их суета напоминала ей муравьев, которые устраивали великое переселение всякий раз в месяц Цапли.

— Здесь что, прошла буря? — спросила она, поднимая глаза на Ханно. — И все эти деревья смыло в воду?

— Не похоже на то, госпожа, — отвечал Унарк. — Их спилили, все до единого. Ты же видишь, корней нет. Да и не было никакой бури.

Ханно кивнул:

— Это все сделали Мартышки. Они...

— Мартышки не могли такого сделать! — возразил Унарк. — У них нет мозгов!

— У них было достаточно мозгов, чтобы разломать обе наши лодки! — воскликнул Ханно. — Не все так просто, Унарк. Эти чертовы привидения управляют ими.

— Тут внизу тысячи Волосатых людей, — проговорила Шарина. — Десятки тысяч.

Она снова посмотрела вниз. Куча древесных стволов скользила к устью залива. Их, похоже, связали вместе.

— Они небось очистили оба берега Восточной реки, чтобы разжиться всей этой древесиной, — сказал Унарк. — Я видел, как они плыли также и по Западной...

Шарина не заметила никаких срубленных деревьев. Вокруг плотов сновали Волосатые.

— Они построили плоты, — сообщила девушка, снова присаживаясь на корточки. — Тянут их в море на веревках. А возле устья еще больше Волосатых тянут другие концы веревок. Похоже, сейчас в море еще больше плотов.

Ханно вскочил так резко, что Шарина едва не упала:

— Все верно, молодая госпожа, да гореть мне в дьявольском огне! Именно этим они и занимаются.

Брови Унарка поползли вверх.

— И что, они поведут их сами?

— Ханно, ты говорил, что течение движется на запад до самого Орнифола, верно? Так, может, они...

— Да, может быть, и так,— Ханно поднялся на ноги.— Провалиться мне на этом месте, если не так!

— Тут их чертова прорва,— согласился его лысый собрат. Он встал на колени, осмотрев внимательно свой нож.

Ханно кивнул. Оба охотника собрались продолжать подъем на холм. Шарина, охваченная любопытством, прибавила шагу и очутилась между ними.

Дышать стало легче. В туннель теперь поступал воздух снаружи. Лишь когда они поднялись выше, Шарина поняла, что раньше ей фактически нечем было дышать.

Вначале Шарина подумала, что услышанный ею звук был многократно усиленным и отраженным трубой дуновением ветерка. Так порой, бывало, Гаррик наигрывал на свирели, связанной из нескольких трубочек.

Девушка забралась повыше. Она начала узнавать неразборчивую речь. Сверху падал свет. Ханно держал копье наперевес. Его правая рука выступала в качестве балансира, а левой он прикрывал голову от возможного удара или столкновения.

Шарина увидела, как наверху над их головами открылся проем. Лава застыла вокруг него. Стены наверху трубы были толще, чем внизу. Они расходились друг от друга на расстояние футов в двадцать. Шарина вытащила пьюльский нож. Не оглядываясь, Ханно жестом велел им с Унарком подождать.

Здоровяк-охотник прокрался в устье туннеля. Его движения казались плавными, как у змеи, ползущей по стволу дерева. Он осматривался вокруг, потом продвинулся дальше к вершине. Сделал знак остальным приблизиться. Воздух так и гудел от тысяч и тысяч голосов, но разобрав слова было невозможно.

Шарина вышла из убежища, образованного лавой, низко склонившись, но не пытаясь ползти, поскольку в этом случае она могла сильно поцарапаться. Они уже забрались на вершину, но часть конуса все еще закрывала вид на залив.

Шарина полагала, что увидит застывшие пузыри лавы на скале. Но вместо этого обнаружила на склонах густую траву. Видимо, извержение произошло достаточно давно.

— О... — прошептала девушка. Она сжала нож: это ее чуть-чуть успокаивало.

Площадка размером в пятьдесят футов образовалась в центре бассейна, в то время как окружающая земля опустилась. Кто-то вырезал на холме изображение Волосатого человека с мячом в правой руке.

— Шесть месяцев назад ничего этого не было, — прошептал Унарк. — Ханно, чем заняты эти Мартышки?

Шарина нервно сглотнула. Глаза и рот идола были глубоко прорезаны. Клубы цветного дыма выходили из прорезей.

Звук пения донесся со стороны идола. Слова все еще оставались непонятными для Шарины, но она уже могла угадать магические ритмы.

— Там, внизу, не Мартышки, — произнес Ханно. — Если не считать тех, кто сидит внутри статуи, все остальные ушли в гавань.

— Это облако, — прошептала Шарина. — Оно похоже очертаниями на демона.

Дым, который выходил из статуи, принял образ странной фигуры, и Шарина наконец узнала его: тело как у трупа, который она видела прежде, конечности — словно провода, связанные узлом, длинный череп и мощная челюсть. Фантазмы, командовавшие Волосатыми людьми, были все одной природы.

— Не вижу никакого смысла в... — проговорил Унарк.

Призрачный демон задвигался. «Он плывет по ветру», — догадалась Шарина. Но дело в том, что ветра никакого не было!

Дым уставился на них желтыми глазами.

— Бежим! — закричал Ханно. Он схватил Шарину в охапку и поволок ее к устью трубы.

Шарина бежала в темноте со всех ног. Случившееся настолько захватило ее, что она не чувствовала ног под собой. Она двигалась инстинктивно, словно рыба в воде.

Девушка спрятала нож в мешок. Клинок будет бесполезным пред лицом данной опасности, а Ноннус и так с ней.

Она достигла светлого участка, начинавшегося между корней деревьев. Двое охотников бежали рядом, но девушка сейчас опережала их и двигалась более ловко.

Шарина не думала, что станет делать, когда достигнет реки. Пожалуй, ее состояние можно было назвать религиозным экстазом. Она была всем, и все было ею!

Лава начала отсвечивать красными огнями, словно нагрелась на солнце. Шарина слышала, как Ханно с Унарком удивленно окликают ее. Они тоже видели свет.

Шарина прибавила шаг. Впереди нее светящаяся стена начала двигаться внутрь. Огромная рука с когтями, состоящая из дыма, но выглядевшая более реально, чем скала, начала приближаться.

Ханно снова закричал. Шарине, вероятно, лучше было остановиться, но дух нес ее вперед, взяв под контроль тело.

Она попыталась выхватить пьюльский нож, когда демоническая рука сделала рывок, захватила Шарину и потащила ее в темноту, туда, откуда явилась.

2-й день месяца Куропатки

— Эх, скоро здесь будет бронтотерий барона! — воскликнул Асцелей, одновременно ставя в известность о предстоящем событии Илну и Церикса и давая волю гневу. — Вы могли бы купить любой дом на этой улице за цену этого животного, к тому же минуя налоги!

Церикс развернулся, чтобы лучше увидеть огромное животное, которое медленно пересекало улицу. Дом Асцеля стоял на Параде, самой широкой улице Диверса, но даже Парад съеживался, чтобы обогнуть дворец барона Робиларда.

Асцелей, наниматель и хозяин Илны в течение последних четырех дней, был одним из наиболее уважаемых людей в Диверсе. Он добавил резные перила к открытому балкону, окружающему дом, выстроенный более ста лет

назад. Эти перила сделали балкон не только красивее, но и безопаснее для людей, которые желали полюбоваться видами. Правда, Цериксу в его тележке было видно не многое...

— Хочешь, я подниму тебя? — спросила Илна. Она не спускала глаз с процессии, так что калека мог сделать вид, что не расслышал ее, если бы это предложение задело его гордость.

Бронтотерий походил на лошадь больше, чем на любое другое животное, но весил несколько тонн, а голова его напоминала гигантское седло. Широкий раздвоенный рог торчал из носа, словно рукоятка сабли, а лоб был изогнутым, переходящим в толстую шею. Несмотря на гигантский размер, череп казался слишком маленьким, а мозг явно мизерным для такого животного.

— Нет, мне и так видно, — пробормотал Церикс, подтягиваясь на руках. Ему пришлось как следует напрячься, чтобы удержать свой вес, но он предпочитал потерпеть, а не обращаться к кому-либо за помощью.

Илна криво усмехнулась. Она не привыкла общаться с калекми и не могла понять, почему он нуждается в наркотиках, но, по крайней мере, мысленно аплодировала волшебнику за желание справляться самому.

Толпа приветствовала криками появление бронтотерия, хотя энтузиазма было все же не так много, как этого можно было бы ожидать. Появился отряд кавалерии в сверкающих доспехах — всего двадцать человек, но Третья Атара ведь была маленьким островом. Им даже приходилось ввозить зерно и лошадей, чтобы выжить. Потом появился оркестр с рожками, цимбалами и даже медным гонгом, который несли в рамке между двух человек, а били в него еще двое с каждой стороны. Следом выступали две сотни моряков, печатая шаг.

Их появление удивило Илну, но Асцелей пояснил: моряки — с боевых галер барона. Они шагали мерно и четко — сразу видна военная выправка.

А теперь вот показался и бронтотерий — зрелище удивительное, даже если бы его не сопровождали никакие процессии. Единственными людьми на улице, которые,

казалось, искренне радуются зрелищу, были, однако, бедняки, а с них никаких налогов не удержишь. Асцелею, к примеру, приходилось несладко под бременем поборов в пользу шоу, устраиваемых Робилардом.

— Он утверждает, будто ведет свой род от Старшего Роми! — с возмущением воскликнул Асцелей. — Это он-то! Да его дед был телохранителем моего, когда тот торговал с Сандракканом. Если Робилард — настоящий дворянин, тогда я — сама Госпожа! К тому же всякому известно, что Роми принял celibat!

Церикс склонил голову и посмотрел на Илну.

— Роми был магом, правившим Третьей Атарой после того, как утонул король Карус, — пояснил он. — В течение сотни лет своей жизни Роми способствовал сохранению мира на Третьей Атаре, в то время как остальные острова враждовали и раскалывались на части.

— Вам известно о Старшем Роми, мастер Церикс? — спросил Асцелей, и впервые в его голосе прозвучало почти-тельное уважение к калеке. Он позволил Цериксу наблюдать за представлением со своего второго этажа, из спальных покоев — только лишь потому, что Илна настояла на этом, а Асцелей боялся потерять ее расположение.

Торговец был желчным малым, хотя и серьезным и скрупулезно честным. Илна нанялась на работу в его доме спустя несколько минут после того, как она и двое магов прибыли в Диверс четыре дня назад. Торговец страдал от колик в желудке. Илна излечила его несколькими прикосновениями, сделав то, на что не были способны лекари в течение десятилетий.

— Я бывал на Третьей Атаре в прошлые годы, — проговорил Церикс. — Но с Роми я знаком со времен обучения. Он был величайшим из магов всех времен.

Бронтотерий степенно вышагивал к центру дороги, и от мощных ударов его копыт галька стиралась в пыль. По обе стороны от животного шли двое людсей, державших его за разукрашенные поводья, прицепленные к ошейнику. Но было совершенно ясно, что толку от них немного. Вот всадники, ехавшие с копьями, нацеленными в ребра бронтотерию, были защитой куда более надежной.

— Робилард, барон Робиман,— промолвил Асцелей.— Он заявил, что собирается возродить славу своего предка Старшего Роми. Как будто это может вернуть Роми и Золотой Век. Если бы так оно и было, я не возражал бы против грабительских налогов — пусть их даже повысят, но сейчас все деньги идут на игрушки, вроде этой, на золоченые доспехи и бронзотериев с Шенги!

И он жестом указал на молодого красавчика с козлиной бородкой и острыми усиками, действительно в золоченых доспехах, сверкающих в лучах солнца. Илна подумала вначале, что Робилард будет находиться рядом с бронзотерием, но затем заметила, что их разделяет двойной строй солдат: барон предпочитал не рисковать своей жизнью.

— До чего же смешная картина! — воскликнула Илна. Она всякого повидала в своей жизни, чтобы сильно удивиться, но все же не могла скрыть отвращения.

— Роми изолировал Третью Атару от остальных островов,— пояснил Церикс. Он устал висеть на руках и опустил-ся назад в коляску.— Когда он был жив, то мог следить за этим, ни один корабль не попадал на остров без разрешения Роми. Если пытался, то мог плыть вечно: остров удалялся все время, пока корабль приближался. Но когда Роми в конце концов умер, Третья Атара перестала отличаться от любого другого места, и пираты проникли и сюда тоже.

Илна заметила движение позади линии зрителей. Она наклонилась над поручнями, чтобы лучше видеть. Верхние этажи нависали над нижними, поэтому было трудно видеть пешеходов, приближавшихся к зданию.

— Наконец-то Халфемос идет сюда! — воскликнула девушка.— Правда, он и не должен был. Ведь приглашение — это не приказ.

Она поняла, что в ее голосе звучит горечь, и состроила гримасу.

— Лучше прислушиваться к самой себе,— приглушенно пробормотала Илна.

Халфемос и Церикс разместились на постоялом дворе под названием «Пес и кот», истратив на это последние гроши. Илна жила у своего нанимателя — это входило в контракт. Маги устраивали уличные представления, в то

время как Илна вернулась к ткачеству, зарабатывая деньги, пока не разберется с ситуацией.

Асцелей быстро оценил преимущества вытканых Илной шпалер. Он бы оплатил ее проживание на постоялом дворе, пожелай она того. Но девушка не видела в этом никакого смысла. Зато она надеялась, что оба волшебника примут ее приглашение посмотреть представление с верхнего этажа дома ее работодателя.

Церикс подъехал к дому самостоятельно, неловко объяснив, что Халфемос получил другое приглашение, но вскоре прибудет сюда. Он не захотел объяснить, что это было за приглашение. Илна догадалась: дело касается женщины. Хотя у нее не было никаких романтических намерений насчет Халфемоса (мальчишки!), ее все же раздражало то, что она ощутила нечто вроде ревности.

— Еще один твой гость, госпожа? — спросил Асцелей.

Колесница миновала дом Асцеля и приближалась к следующему. Скоро процессия скроется из виду. Барон Робилард двигался вперед.

Илна скривила рот. Лучше бы этот самый барон вместо себя нарядил в золото статую, а сам занялся бы чем-нибудь полезным. К примеру, вынес бы ночные горшки в своем дворце!

За колесницей Робиларда следовало около дюжины важных лиц в паланкинах, которые несли специальные слуги обоего пола. Некоторые из дворян имели смущенный вид — они явно боялись выглядеть не столь роскошно, как их соперники в соседних паланкинах.

Проживая в Барка Хамлет, Илна редко общалась с представителями знати. Если и думала о них когда-либо, так только в таком аспекте: эти люди верят, что их предки совершили нечто выдающееся. И с тех пор, как девушка очутилась в большом мире, лучше думать о дворянах она не стала.

Третья Атара, последний из маленьких островов, окружающих собственно Атару, экспортировала вина и цветной мрамор во все уголки Островов. Илна заметила, что расцветки одежды здешних придворных, может быть, благодаря изолированной жизни на острове напоминают раз-

личные оттенки моря: синие, голубые, зеленоватые, бирюзовые и даже сиреневые и фиолетовые, как баклажаны.

Среди тканей преобладали шелка, прибывающие из Сериза и Канбезы. Клиентами Асцелая были преимущественно люди его класса: богатые купцы, занимающиеся торговлей шерстью и стрижкой овец. Небольшие панели, которые Илна ткала из чистой шерсти, уже заинтересовали людей из дворца — к вящему удовольствию торговца.

Мажордом ступил на балкон и зашептал что-то на ухо Асцелю. Торговец раздраженно махнул рукой:

— Разумеется, пусть поднимается. Не важно, что он пришел сам по себе!

Он извиняющимся взглядом посмотрел на Илну. Она кратко кивнула: понимаю, мол. У Асцелая была дюжина слуг, если не считать подручных в его магазине, внизу. Он нуждался в них, ибо положение в обществе обязывало иметь прислугу, так он объяснил Ильне. Она же полагала: если бы ее наниматель разогнал большую часть своих слуг, ему жилось бы куда комфортнее.

Самый хвост процессии еще был виден: барабанщики и пешие дворцовые слуги. Илна усмехнулась. Хорошо еще, прислуга не разодета так пышно. Она представила себе целую толпу служанок и конюхов в сверкающих драгоценностями нарядах. Нелегко было бы такое вынести налогоплательщикам.

— Мастер Халфемос, не сообщивший, кто его почтенный родитель! — провозгласил мажордом, и на лице его застыла презрительная гримаса. Да и одежда на молодом волшебнике явно не соответствовала ситуации.

Илна была не в настроении. В приступе холодной ярости она схватила мажордома за воротник и, закрыв глаза, пробежала пальцами по ткани.

Потом снова открыла глаза и отпустила воротник. Мажордом трясся от страха. Асцелей смотрел с любопытством, Халфемос же отошел в сторонку, держась за рукав.

— Тебе известно, кто был твоим отцом? — спросила Илна резким тоном, не сводя глаз со слуги. — Вот я это точно знаю.

— Я Отем ор-Алмагар! — произнес мажордом. — Моим отцом был личный егерь барона Орде!

Он ощупал воротник, проверяя, не порвала ли его Илна. Как будто ткань в чем-то виновата!

— Твоего отца звали Гарзаура, и он был конюхом в дворцовых конюшнях, — бросила Илна достаточно громко, чтобы ее могли услышать стоящие вокруг слуги. — Хотите узнать еще что-нибудь о своих почтенных предках, мастер Отем?

— Но это не... — начал мажордом. И не закончил своей мысли. Так и остался с открытым ртом, быстро повернулся и исчез, невзирая на былую степенность и важность.

Халфемос благодарно усмехнулся, хотя и чувствовал некоторую неловкость оттого, что за него заступилась женщина.

— Спасибо, госпожа, — произнес он. И кивнул в направлении, куда удалился посрамленный мажордом. — Он теперь не уснет, пока не выяснит, служил ли сорок лет назад при дворе конюх по имени Гарзаура, верно?

Асцелей переводил взгляд с Халфемоса на Илну. Наконец Церикс подал голос:

— Но в то время при дворе действительно служил Гарзаура. Разве не так, госпожа?

— Так, — согласилась Илна с улыбкой, которой можно было бы стекло разрезать. — Как ни странно, был, мастер Церикс.

— Она не шутит, сынок, — проговорил калека. — Она говорит правду. И, в каких бы богов ты ни верил, лучше не сердить ее.

— Я прошу прощения, мастер Асцелей, — сказала Илна, чувствуя ком в желудке, как это всегда с ней случалось, когда она использовала свои способности не для того, чтобы сделать мир лучше и справедливее. — Я — гость в вашем доме. И не мое дело призывать ваших слуг к порядку, мне не стоило так поступать.

— Отем частенько оскорблял моих гостей — друзей и клиентов, — если чувствовал, что их происхождение недостаточно высоко. И я не знал, как урезонить его, не прибегая

к увольнению, ибо во всем остальном он очень хороший слуга. Теперь я еще больше перед тобой в долгу, госпожа.

И он склонил голову перед Илной — это более всего напоминало поклон.

Илна состроила гримаску. Ей неприятна была ситуация, когда выходило так, что она сделала доброе дело, в то время как намерения у нее были самые низкие. Она не надеялась на возможность отыскать справедливое решение, но получать за это благодарность?..

Халфемос, все еще держащийся за собственный рукав, подошел к ней поближе.

— Я хочу кое-что показать тебе, — шепнул он ей.

Илна едва не отвесила ему пощечину. Но вместо этого совершенно ледяным тоном она сообщила:

— Мой хозяин, мастер Асцелей, пригласил тебя сюда только ради меня. Если у тебя есть от него тайны, будь добр, отправляйся прочь вместе со своими тайнами. Я присоединюсь к тебе, когда сумею загладить впечатление от твоей бестактности — а это произойдет нескоро, смею тебя заверить.

Халфемос открыл было рот, чтобы выразить протест, но ничего не сказал. Выглядел он потрясенным.

— Я оставлю вас троих здесь, — промолвил Асцелей. — Позабочусь, чтобы вам не мешали.

Торговец улыбнулся. Он обладал здоровым чувством юмора — совсем как Илна.

— Не думаю, впрочем, что мастер Отем захочет к вам войти.

Илна начала было возражать, потом пожала плечами. Балкончик представлял собой весьма удобное место для тайных бесед. Зрители уже рассеивались, а обычное уличное движение создавало достаточно шума, чтобы никто не мог услышать сказанного. Конечно, слуга может приложить ухо к замочной скважине...

— Но, пожалуйста, объясните вашей челяди... — начал Церикс, объезжая вокруг балкона, чтобы лучше видеть остальных, — ...что госпожа Илна никогда не станет использовать свою силу, чтобы ослепить или оглушить того, кто пытается шпионить.

— Что? — не понял вначале Асцелей. Потом заулыбался. — Хорошо, я передам им.

Торговец закрыл за собой балконную дверь. Когда Илна справилась со вспышкой гнева из-за того, что другие говорят за нее, она тоже улыбнулась. Умный трюк, и совершенно безопасный.

Халфемос присел на корточки и оторвал лоскут мягкой красной кожи от рукава.

— Посмотрите-ка сюда! — проговорил он и открыл мешочек. — Когда я продам это, у нас будут билеты на корабль до Вэллеса и еще целое состояние!

Он положил на ладонь жемчужину размером с голубиное яйцо. Она была оправлена в золото, как кулон, но цепочка отсутствовала.

— Видели когда-либо что-нибудь похожее? — спросил Халфемос.

— Бывало, — проговорила Илна, рассматривая, как играют солнечные блики на украшении. — И видывала я вещи, куда более опасные для обладания, если ты — чужеземец, Халфемос. Бывало и такое.

— Где ты взял ее, Алос? — тихо произнес Церикс. Он провел рукой по бедру выше культи. И выглядел калека столь же озабоченным, насколько Илна — разъяренной.

— Этого я сказать не могу, — ответил Халфемос, сердясь, что спутники не разделяют его восторга. — Но она не краденая, вот и все дела.

— Нет, не все дела, лучше выбрось ее в море, — бросила Илна.

Халфемос дрожащими руками уложил драгоценность обратно в мешочек. Он даже побелел от гнева.

— Ну что ж, госпожа Илна, могу тебе сказать вот что: ты просто ревнуешь. Настало время понять, что есть люди, способные делать некоторые вещи даже лучше, чем ты! Я куплю нам всем билеты на корабль до Вэллеса. Ты можешь выбирать, что для тебя важнее: отправиться на поиски брата или сидеть здесь и дуться, потому что не ты, а именно я заработал эти деньги. Своим искусством, между прочим!

Он рывком распахнул дверь. Мешочек у него на ладони оставался открытым.

— Церикс, пойдем со мной,— выпалил он.— Госпожа найдет о чем поговорить со своими богатыми друзьями.

Церикс развернул коляску, бросив на Илну встревоженный взгляд. Девушка коротко кивнула ему. Халфемос кинулся прочь.

Илна надеялась, что парень позволит слугам Асцелю помочь Цериксу спуститься по ступеням, вместо того чтобы делать это самому. Сейчас куда более опасно не то, что калека может упасть на ступенях, а то, что Халфемос намерен сделать с жемчужиной. Драгоценности, подобные этой, просто вопиют об имени своего владельца.

Может, Церикс уговорит мальчишку. Другой возможности остановить его Илна не видела.

Но вряд ли получится, учитывая, как настроен Халфемос.

— Просыпайся, Кэшел ор-Кенсет,— проговорил надтреснутый голос.— Тело твое уже обновилось, дух воспрял. Просыпайся же и помоги мне, как я помогла тебе.

Кэшел плавал в облаке пурпурного дыма. Он ни о чем не заботился, дым обволакивал его, словно морская вода, но при этом он свободно мог дышать.

— Просыпайся же, Кэшел,— снова проговорил голос.— Я, Силья, приказываю тебе пробудиться от грез, в которые погрузила тебя, дабы спасти твое тело.

— Кто ты? — спросил Кэшел. Он чувствовал, как движутся губы, доказывая, что он говорит вслух. Он открыл глаза, хотя это показалось ему диковинным ощущением.

Он лежал навзничь на ложе. Ощупывал поверхность кончиками пальцев, понимая, что это не дерево, а полированный камень. Значит, он лежит на камне, обнаженный, вокруг горят светильники, их цветной дым окутывает его сиянием.

И лежит он в позе, уместной для трупа, приготовленного к погребению.

— Эй! — воскликнул Кэшел. Он встал, дико озираясь вокруг. В помещении не было никого, за исключением Сильи, женщины, в ушах которой, по далполианской мо-

де, висели серьги из костей. Она также оказалась нагой, правда, все ее тело покрывали татуировки.

— Кэшел ор-Кенсет,— проговорила она, размахивая перед ним трещоткой, сделанной из собачьего черепа, правда, рукоятка, как показалось Кэшелу, была из человеческой бедренной кости.— Я вернула тебя из портала смерти. А теперь ты поможешь мне и...

Трещотка лезла прямо в лицо Кэшелу. Он немедленно отпихнул ее кулаком, едва не раскрошив на части.

— Мы с тобой станем самыми могущественными владыками Чудовища в этом мире!

— Где моя одежда? — спросил Кэшел.— И где мои друзья, Захаг и Ария?

Он огляделся, не найдя своей туники или чего-нибудь, чем можно было бы прикрыться. Курильницы мерцали. На полу был начертан многоугольник с какими-то надписями на его сторонах.

Волшебница выглядела озадаченной. Кэшел думал, что Силья ожидала от него совсем иного ответа, а не вспышку отвращения и желания покинуть ее. Он не боялся ее, но и благодарить тоже было не за что.

— Ведь это ты отправила меня и Захага в другой Пандах, это правда. Держись подальше от меня с этой игрушкой, что у тебя в руках, иначе я заставлю тебя слопать ее, клянусь Пастырем!

— Это была ошибка,— сказала она.— Слушай, твоя одежда в соседних покоях.

Силья прошла через дверь. Кэшел двинулся следом. Он захлопнул дверь за собой и как следует откашлялся: дым проник глубоко в его легкие.

В соседней комнате стены были расписаны затейливым узором, который явно понравился бы Илне.

Посреди комнаты висел гамак. Вдоль стен выстроились корзины, на полке лежало множество приспособлений. Их можно было с равным успехом применять для приготовления пищи, для пыток или же для занятий магией.

Пространство освещала бронзовая масляная лампа.

— Я подумала, что твоя женщина, Шарина, важна для тебя,— проговорила Силья, поднимая крышку со стран-

ной корзины.— Мой брат считает, что девушка — наследница старинной династии, и именно она приведет его к трону Малкара.

Она помолчала, потом достала из корзины тунику и протянула ее Кэшелу. На тунике был вышит простой узор, но она показалась ему очень красивой.

Он взял одежду. Кэшел знал, что ничего не должен этой женщине, но всегда ощущал благодарность, если ему помогали. Конечно, именно вмешательство Сильи вызвало все эти беды...

Кэшел надел тунику. И, лишь ощутив на своих плечах ткань, он вздрогнул, осознав слова далполианской волшебницы.

Кэшел уставился на женщину. Он спросил ее очень тихим голосом:

— Что вы сделали с Шариной?

Он шагнул вперед. Мир показался ему серым, если не считать озадаченной колдуньи и стены из раскрашенного кирпича вокруг нее.

Силья обвела глазами свои приспособления, потом посмотрела на Кэшела.

— Девушка в безопасности, ей не причинили вреда! — ответила она. — И вообще, она не была мне нужна, так что я отпустила ее вместе с парнишкой-магом, которого переместила сюда, на Пандах.

Кэшел глубоко вздохнул.

— Но ты сказала... — Он попытался точно вспомнить, что сказала Силья. Но все смешалось у него в голове.

— Мой брат думал, что она — важная персона, — пояснила Силья, сама испуская вздох облегчения. — Он захватил ее. Но он ошибался, поэтому я ее отпустила.

Она не лгала. Кэшел привык к тому, что люди пытаются солгать ему. Это не настолько легко, как думают некоторые, недостаточно знакомые с ним, но иногда им это удается.

Но не тогда, когда Кэшел в гневе. В эти моменты он непосредственно читает в сердцах.

Силья начала снимать драпировку с гамака, затем уронила ее, обернувшись к молодому человеку.

— Мой брат Силийон украл этот Камень Связи у меня,— сообщила она.— С его помощью он общается с Чудовищем. Мы с тобой заберем у него этот камень обратно и будем единственными властителями Чудовища!

Кэшел не смог бы с точностью определить возраст колдуньи. На первый взгляд, она была немолода, не моложе пятидесяти, по крайней мере, но голос ее как будто принадлежал очень молодой женщине. Татуировки делали ее старше. Кроме того, путешественники подтверждали: народ Далполо выглядит весьма старым уже годам к тридцати.

— Куда отправилась Шарина? — спросил Кэшел.— И где Ария и Захаг?

— Ты что, не слышал меня? — вскричала Силья.— Я предлагаю тебе половину власти над миром, а ты спрашиваешь меня о девчонках и животных! Ты сможешь обладать любой женщиной на свете, если примкнешь ко мне!

Кэшел снова двинулся к ней, сам не осознавая, что делает. Не стоило ей говорить о Шарине подобным образом.

— Девушка Ария в полном порядке! — поспешно уверила его Силья.— Она сейчас с королем и стала любимицей при дворе. Обезьяна тоже в порядке.

Кэшел заставил себя расслабиться.

— А Шарина?

— Она покинула Вэллис с другими волшебниками,— заявила Силья.— С мальчишкой и калекой. Мой брат схватил ее, но он ошибся насчет ее силы. Она просто девчонка.

— Да,— подтвердил Кэшел, поворачиваясь к двери, чтобы выйти.— Просто девчонка.

— Постой, Кэшел ор-Кенсет! — колдунья воздела обе руки, вставая на пути Кэшела.— Ты можешь практически все, такова твоя сила. Вместе мы станем непобедимыми! Заберем Шарину и, глядишь, сможем управлять Чудовищем, а не миром под его руководством!

— Я намерен отыскать своих друзей! — парировал Кэшел. От гнева он едва мог говорить.— Не стой у меня на пути!

Он откинул задвижку и толкнул дверь. Она не подавалась. Тогда он ударил сильнее, круша стену. Тут он догадался: дверь открывалась внутрь, только и всего.

— И не пытайся вставать у меня на пути! — снова повторил Кэшел. Группа визжащих ребятишек вылетела из подвала перед самым его носом. Кэшел напугал их, с таким грохотом распахнув дверь. Они просто играли рядом.

Кэшел усмехнулся. Вот бы и Силью так же напугать, подумал он. Жаль, что нет у него в руках его посоха из орешника, правда, тот, еловый, из другого Пандаха, тоже достойная замена.

Он поднимался из подвала. Ступени покрывали грязь, сухие листья и всякое дерьмо.

Кэшел замер на ступенях, прикрывая глаза рукой. Был уже почти полдень, правда, он не знал, какой день. Он находился позади дворца, и множество собравшихся — детей и взрослых — смотрели на него.

Хоть Кэшел и улыбнулся, показывая свое дружелюбие, дети сгрудились вокруг родителей, в страхе поглядывая на него. Он не знал, что за истории про него рассказывают. Может, считают его другом той далполианской ведьмы. Лучше уже быть другом степному волку.

Захаг бросился к нему с крыши одной из беседок. И это едва не стоило ему жизни. Кэшел, все еще жутко сердитый, выбросил руки примату навстречу с окриком:

— Эй!

— Эй,— в страхе повторил Захаг. Вместо того чтобы прыгнуть на землю рядом с Кэшелом, он опасливо приземлился поодаль.

Дети и взрослые бросились прочь. Кэшел в смущении почесал в затылке.

— Я не хотел...— начал он. До него дошло, что он не злился по-настоящему с семилетнего возраста. И посмотрите же на него сейчас! Он волнуется о судьбе Шарины, но разве Шарине нужен такой тупоголовый громила, грозящий разнести все вокруг на кусочки?

— Все время, что ты спал, мне приходилось прятаться,— обиженно пробурчал Захаг. Он медленно приблизился к Кэшелу, готовый в любой момент удрать.— А теперь и ты на меня набрасываешься. Нет в мире справедливости!

Кэшел молчал пару минут. Когда же примат начал обвинять его, он отрезал:

— Я не меньше твоего был поражен, Захаг. Если бы ты уронил меня на землю, мне бы тоже несладко пришлось.

— О нет, старший, нет, такое больше не повторится! — торопливо забормотал Захаг. — Нет, нет, нет!

Кэшел кивнул.

— Где Ария? — спросил он. — С ней все в порядке?

— О, тебе лучше провести их! — радостно заговорил примат. — Пойдем же, хозяин! Король во дворе. Он вовсе сожалеет о случившемся.

И приятель сграбастал Кэшела за руку и потянул с дружеским энтузиазмом. Настроение его менялось с поразительной быстротой — словно погода. Так же было и с овцами, когда Кэшел пас их.

Юноша перелез через ограду. Захаг прополз вниз, словно гусеница. Детишки и дворцовые слуги нервно перешептывались при виде их. Они отвернулись, когда Кэшел попытался встретиться с ними глазами.

Кэшел остановился.

— Я спросил, в порядке ли Ария. И кто сожалеет?

Примат уже был на полпути во двор. Он обернулся и сморщился.

— Фолкуин, конечно же!

Примат понимал: с Кэшелом лучше не шутить. Он поспешно объяснил:

— Король Фолкуин, который велел своим стражам убить меня за то, что я сделал с тобой, когда явился причиной выходки далполианской дикарки. А она — его новая волшебница, ты разве не знал? Фолкуин пытался забрать твою женщину!

— Забрать мою женщину? — не понял Кэшел. — О, ты имеешь в виду принцессу? Пойдем же повидаемся с ней.

И он станцевал пару па из джиги, которую научился танцевать, еще когда жил в деревне. Танцором он был весьма и весьма неплохим.

Захаг, сгорбившись, следовал впереди на четырех лапах, то и дело оглядываясь на Кэшела. Слуга с подносом,

полным посуды, проходил неподалеку. Он заметил их и бочком попятился на задний двор.

Захаг отошел в сторонку и пропустил Кэшела во двор впереди себя. Все вокруг уже пришло в движение. Фолкуин вскочил со своего табурета без спинки. За его спиной стоял слуга. На земле валялась груда осколков от разбитых стаканов: это доказывало, что слуга поспешил сообщить своему господину о появлении Кэшела!

Шестеро стражников выступили вперед, между Кэшелом и Фолкуином. Один из них даже приготовился натянуть тетиву лука, но офицер рывкнул на него:

— Стой смирно, отставить стрельбу!

Арию усадили возле Фолкуина. Она поднялась с места с поистине королевской грацией. На ней была туника фиолетового шелка, собранная под грудью и еще раз — на талии. Волны материи струились по земле.

К вящему изумлению Кэшела, принцесса держала в руках его еловый посох — словно древко флага. Весил он очень много — даже если стоял на земле. Она повернулась к Фолкуину и произнесла значительным тоном:

— Ваше Величество, я вижу, что мастер Кэшел, мой защитник и освободитель, пришел в сознание. Могу ли я удостоиться чести формально представить его вам?

— Все в порядке, Ария, — успокоил ее Кэшел. — Король и я уже встречались прежде. Еще до того как я встретил тебя.

Зеваки и просители окружили их и наблюдали — совсем как в то утро, когда у них случилась та знаменитая стычка с Захагом, — казалось, много веков назад. Кэшел оглянулся и кинул взгляд через плечо, желая убедиться, что колдунья не последовала за ними. Но ее не было видно. Лишь Захаг почтительно следовал по пятам за своим господином, обнажив клыки в свирепой ухмылке и сплевывая.

— Да, верно, — подтвердил его слова Фолкуин. Он склонил голову на сторону, пытаясь увидеть за спиной Кэшела фигуру колдуньи. — Э, мастер Кэшел спас меня от нападения этого злополучного животного, приняв удар на себя. Хочется верить, что с вами все в порядке, мастер Кэшел.

— Так и есть, и я рад возвращению,— отвечал Кэшел.— С Захагом тоже все в порядке.

Он повернул голову и проворчал:

— Захаг. Прекрати! Что за манеры!

Стражи следили за Кэшелом, командир их не сводил с юноши глаз, то и дело посматривая на своего короля.

Ария подала Кэшелу посох.

— Значит, у тебя все хорошо, Кэшел? — спросила она тихо. Похоже, девушка на самом деле была рада видеть его, но в ее осторожных словах звучало нечто большее, чем простая любезность. На ней были сандалии из посе-ребренной кожи, завязывавшиеся высоко на лодыжках.

— В полном порядке,— заверил ее Кэшел, ибо это было правдой. А кроме того, должен же он был что-нибудь сказать. Он улыбнулся, глядя на посох. Вот здорово было бы поворачать его снова — заодно и проверить, не слишком ли ослабели руки за время долгого сна. Но он был уверен: лучше не стоит этого начинать, только панику посеет в народе.

Кэшел нахмурился и снова посмотрел на короля. Стоявший возле короля секретарь пискнул от ужаса и прикрыл глаза.

— Э-э-э, не хотелось бы быть назойливым, но мне хочется знать, где мой посох из орешника, который я оставил здесь до того, как исчез? — спросил Кэшел.— Я сделал его своими руками, еще когда был мальчишкой, так что мне меньше всего хотелось бы потерять его.

Ария посмотрела на слугу, державшего поднос из-под стаканов, которые разбились.

— Ты слышал, что сказал мастер Кэшел? Найди немедленно посох и принеси ему. Ступай же! Что ты стоишь здесь и смотришь на меня?

Фолкуин открыл было рот, наверное, чтобы повторить приказ принцессы. Слуга не стал этого дожидаться. Он повернулся и припустил в сторону входа, крича:

— Викли! Абдорн! Ее Высочество хочет, чтобы вы принесли ту огромную дубину из комнаты варвара-великана!

Кэшел улыбнулся. Его, бывало, и хуже величали, хотя обидчикам несладко приходилось.

Ария была здесь явно в своей стихии. Вот только непонятно, что делать дальше.

— Э, король Фолкуин,— обратился к нему Кэшел,— вы были столь добры, что предоставили кров мне и принцессе. Я думаю, вам лучше знать, что это далполианской женщина Силья, состоявшая у вас на службе, ввергла меня в беду, она, а никак не Захаг, но я меньше всего хотел бы обвинять вас в этом.

— Силья? — поразился Фолкуин.— Нет..

Чтобы прервать короля, Кэшел стукнул посохом о землю. Он был зол на себя самого. Плохой из него оратор.

— Как бы то ни было, я благодарен вам за все,— продолжал он.— Но сейчас мне пора идти, я ищу свою подругу Шарину.

Он глубоко вздохнул.

— И еще мне нужно забрать принцессу Арию с собой,— продолжил он.— Ибо я обещал ее матери...

Фолкуин, Ария и еще несколько человек заговорили все разом. Но сквозь их речь пробивался голос Захага, верещавшего громче остальных:

— Нет, ничего ты не обещал, хозяин. Ты обещал ее матери забрать ее и увести от Илмеда. Этот маг больше не сможет причинить ей вреда.

— Э-э-э, может, и так, только я имел в виду...

Он не был уверен, что, собственно, пообещал, когда стоял перед королевой Сосией. Оказалось так трудно собрать мысли и выразить их отчетливо.

Принцесса Ария тоже прислушивалась к словам Захага:

— Потихе, пожалуйста, все вы! Помните, вы стоите перед королем!

Кэшел криво усмехнулся. Забавно, но король Фолкуин говорил тише всех остальных.

В наступившей тишине Ария положила руку на запястье Фолкуина, дабы привлечь его внимание, потом кивнула в направлении Кэшела. Не оставалось никакого сомнения относительно того, кто в этой паре будет запрягать, а кто — тащить плуг. Что это пара, не оставалось никакого сомнения.

— Мастер Кэшел,— проговорил король. За то время, что Кэшел знал Арию, он воспринимал ее как обычную девчонку, но сейчас в ее присутствии он ощутил нечто вроде трепета.— Я рассматриваю прибытие принцессы Арии на Пандах как осуществление воли Богов. Она именно та женщина, в ком я нуждался в качестве моей жены и королевы Панадаха. Следовательно...

— Вы были уверены в этом относительно Шарины,— проворчал Кэшел.— Но в тот раз вы ошибались. Но я пообещал королеве Сосии...

Он посмотрел назад. Примат искал на себе блох с самым безмятежным видом. Он будто бы и не заметил взгляда своего господина...

— ...что буду защищать ее дочь...

Ария начала всхлипывать. Кэшел остановился. Ария бросилась к нему и зарыдала:

— О Кэшел, ты должен испытывать меня и дальше? Даже Музира не проходила через такие испытания, как я!

— Но, Ария...— беспомощно пробормотал Кэшел.

— Если скажешь, что я должна идти, я пойду,— безропотно пообещала принцесса. Ее слезы уже ручьем струились по щекам, орошая новую тунику.— Но, пожалуйста, Кэшел...

Король Фолкуин обменялся взглядами с командиром стражи. Тот нахмурился и коснулся левой щеки, а этот жест на Пандахе означал отрицание.

Кэшел даже пожалел об этом предупреждении, ибо ему хотелось испытать силы в честном бою, а не ввязываться в неразбериху. Ну почему жизнь не может быть проще?

— Я бы сказал, вокруг полно женщин, незачем цепляться за одну,— проворчал Захаг.— Но эта, вообще-то, лучше, чем я думал. Она отгоняла от меня стражу, когда мы вернулись.

Кэшел посмотрел на примата. Захаг демонстративно не обращал на него внимания. Двое слуг показались в дверях, неся огромный посох из орешника.

Ария отступила назад и подняла на Кэшела глаза. Это не было кокетством — то, что она сказала ему. И шуткой

тоже не было — особенно слова насчет более серьезных испытаний, чем выпали на долю Терпеливой Музире. О, Боги, конечно, не было!

— Ария,— начал Кэшел.— Принцесса. Ты действительно уверена, что хочешь здесь остаться? Потому что, если нет, я не позволю...

Ария поднесла ладошку к губам Кэшела, призывая его замолчать.

— Я знаю это, мастер Кэшел, но я принадлежу этому месту. Думаю, Фолкуин будет мне прекрасным мужем. Именно его мне подарила госпожа Богиня.

— Э, мастер Кэшел,— обратился к нему король. Фолкуин был лишь немногим старше Кэшела. А сейчас он казался совсем мальчишкой в королевской одежде.— Я хочу, чтобы вы знали: вы всегда можете занять любой пост в моем дворце. Капитан стражи, например, или...

— Нет, нет! — воскликнул Кэшел. Он готов был рассмеяться при виде такой пылкости.— Э, Ваше Величество, я должен покинуть вас как можно скорее и отправиться в Вэллис. Надеюсь, именно туда и отправилась Шарина.

— И вы что же, не останетесь на свадьбу? — с подозрительным энтузиазмом спросил король.— Конечно же, приготовления займут немало времени...

Кэшел перехватил быстрый взгляд Арии, брошенный в сторону будущего мужа, и понял: нужно отвечать поскорее, пока принцесса не распорядилась ускорить приготовления. Сейчас единственное, чего хотелось Кэшелу — это покинуть Пандах незамедлительно и вернуться к друзьям.

— Если найдется корабль, готовый принять меня на борт, я отплыву сейчас же,— отозвался он.

Слуги с посохом стояли рядом, но они не решались прерывать беседу. Кэшел протянул правую руку и взял посох. Ощущение гладкого, плотного дерева было таким родным — словно он вернулся домой после долгой разлуки.

— Мастер Кэшел,— заговорил Фолкуин,— может, подождете до утра. Тогда в вашем распоряжении будет одна из моих королевских бирем.

И добавил извиняющимся тоном:

— Собрать команду — не такое уж быстрое дело. Но пойдет она куда быстрее, чем любое другое парусное судно.

— Э, хорошо,— согласился Кэшел.— Это будет то, что нужно. Я был бы вам весьма признателен, Ваше Величество.

Фолкуин повернулся к одному из советников и уже другим, более резким тоном, как бы снова становясь королем, проговорил:

— Займись этим, Маузел. Безотлагательно.

— Ну, я...— заговорил Кэшел. Он чувствовал себя немного по-дурачки с двумя посохами в руках, но не знал, что делать со вторым.— Если здесь можно где-нибудь перекусить, было бы здорово. Я умираю от голода.

Он проспал четыре дня и все это время ничего не ел. Последним завтраком были яйца гигантских птиц да фрукты в придачу, но все это давным-давно переварилось, и теперь желудок прилип к позвоночнику.

На сей раз королю даже не пришлось приказывать. Он сделал жест слугам, и те бросились врассыпную, точно борзые, увидевшие зайца.

— Ну, и я...— снова начал Кэшел.

— Кэшел, ты ведь не собираешься держать у себя тот посох, который был у тебя, когда ты спас меня, верно? — спросила его Ария.

— Что? — не понял он. Он вытянул руку с словым посохом и придирчиво рассмотрел его. Медный наконечник сверкал на солнце. Его, видимо, отполировали, пока он спал в покоях Сильи.— Что ж, отличная работа, он блестит лучше моего старого, но...

Он помолчал немного.

— Дело в том, что мне противна сама мысль, что его будут использовать как игрушку. Знаю, это всего лишь кусок дерева, но...

— Я не буду использовать его как игрушку. Если бы ты отдал мне его, Кэшел, это было бы для меня честью.

— А я бы, разумеется, заплатил за него,— пробормотал Фолкуин.

— Тише,— шикнула на будущего мужа Ария.

Кэшел не смог удержаться от улыбки. Илна и то не справилась бы лучше.

— Конечно, я дарю его тебе, принцесса,— произнес он.— Жаль, что у меня нет лучшего подарка на свадьбу, но...

Он пожал плечами. Даже туника, в которой он стоял сейчас, не принадлежала ему.

Появились слуги с подносами, полными еды. Кэшел не собирался есть здесь, близ короля и его людей, но здорово проголодался и решил не возражать.

— Кэшел, а твоя Шарина хороша собой? — задала вдруг вопрос Ария.

Кэшел замер с горстью жареных пышек на полпути ко рту.

— Еще как! — заверил он.— А грациозна, как никто другой!

— Значит, ей очнь повезло! — проговорила принцесса и отвернулась, начав шептаться о чем-то с Фолкуином.

Кэшел — с помощью Захага — почти справился с первым подносом, когда до него наконец-то дошел смысл слов Арии. Он нахмурился.

— Захаг,— позвал он приятеля,— она, видимо, хотела сказать: «мне очень повезло», а? Как ты думаешь?

— Послушай, старший,— пробубнил тот, набив полный рот хлебом, намазанным ореховым маслом,— я прежде говорил, что встречал овец, менее сообразительных, чем ты. Но, похоже, я ошибался.

Шарина стояла посреди залитой красным светом опочивальни, вырубленной в скале, словно изображение Госпожи во плоти. Она могла видеть и слышать. Хоровое пение было громче, чем может вынести человеческое ухо, но сейчас это не имело значения.

Вокруг нее в стенах были сделаны вертикальные оконца. За каждым из них открывалась своя собственная сцена. Шесть из них Шарина могла видеть с того места, где стояла. Из них четыре представляли знакомые ей миры, а два она никогда прежде не видела.

В дальнем левом углу простиралась равнина под черным небом. Всю поверхность почвы покрывали длинные кристаллы, торчавшие из трещин в земле.

На картине не происходило никакого движения. Звезды замерли в небе неподвижно, отражаясь в кристаллах. В небе — ни малейшего отблеска.

Следующая картина изображала город. Прежде Шарина приняла бы его за какую-нибудь древнюю столицу, столь же огромную, как Каркоза или Рагос, а может быть, и древний Кордин — об этих местах девушка читала в эпических сагах, но никогда их не видела, живя всю жизнь в Барка Хамлет.

Единственная человеческая фигура брела под лунным светом: Церикс, кативший тележку по покрытым гравием дорожкам. Возле одного из домов выскочила собака, привязанная на цепь, и беззвучно залаяла.

Холод, сковывавший Шарину и не дававший ей двигаться, добрался, казалось, до самого ее сердца. Она все видела, но не обращала внимания на события, что происходили за рубиновым занавесом.

В третьем окне какие-то существа выкапывали громадную яму в грязи и затаскивали кучу глины на вершину холма. Шарина долго наблюдала за ними, прежде чем до нее дошло: это не муравьи, заново отстраивающие муравейник после погрома, а люди, работающие под надзором демонов. Причем у демонов были острые, словно ножи, клыки.

Шарина, побывавшая в Эрдине на Сандраккане, узнала разрушенные здания на горизонте — это были некогда величественные сооружения на Дворцовой площади. Картина была всего лишь галлюцинацией, а не реальностью, но она могла стать и пророчеством.

В четвертом окне Шарина увидела Кэшела, лежавшего на голой скамье, с которой сползло все постельное белье. Дома, в Барка Хамлет, Кэшел спал прямо на земле или на каменном полу каморки на старой мельнице, где жил вместе с сестрой. Ни перин, ни простыней он не признавал, к тому же ночи всегда были теплыми.

В ногах у него, свернувшись калачиком, спал призмат — пожалуй, тот самый, с кем Шарина играла в шах-

маты на Пандахе. Шарина отлично помнила его, как и свои чувства к Кэшелу, когда тот спас ее от демонов, но в нынешнем своем состоянии она не чувствовала ничего.

Кэшела окутывала паутина дрожащих линий, но он явно не знал о них. Женщина с татуировками, с костями в мочках ушей пела и танцевала в местах соединения линий.

Голая колдунья завертелась, потрясая костяной палочкой, и сеть с огнями плотнее сомкнулась над спящим юношей. Кэшел заворочался, но ни он, ни примат не проснулись.

Пятое окно открывало вид на здание из черного камня, которое Шарина узнала, хотя в жизни никогда не встречала его. Она видела не только наружные стены из толстых базальтовых плит, но и тех двоих, что находились внутри. А камни оказались живыми существами — только из другой реальности. У них были головы и языки, которыми они лизали стены, отделявшие их от Теноктрис и Гаррика.

Старуха сидела, скрестив ноги, и чертила круг на каменном полу, шепча заклинания. Наблюдавшие за ней существа напряглись, из их открытых ртов высовывались жала. Барьеры стали тоньше, но не исчезли совсем. Гаррик, сидевший на корточках возле волшебницы в комнате дворца королевы в Вэллесе, положил руку на рукоятку меча — скорее, по привычке, чем по необходимости.

Теноктрис встала. Гаррик поменял огарок на новую свечу и последовал за волшебницей, держа над головой светильник. Наблюдатели исчезли, и Шарина перевела взгляд на другую картину, оставаясь неподвижной, словно ледяная статуя.

Это изображение оставалось тем же самым с момента, когда Шарина обнаружила себя замороженной в ледяную камеру: комната, в которой была высокая стойка с игровой доской. Девушка не могла сосчитать, сколько каменных фигурок стоит на доске. Они были незнакомых ей очертаний, ни одна не повторяла другую, но всякий раз, когда взгляд Шарины возвращался к доске, позиции фигур менялись. Но это не волновало девушку: сейчас ее ничто не волновало.

Шарина снова посмотрела на Кэшела, которого нагая колдунья с татуировками еще сильнее опутала паутиной из огней. Краем глаза она уловила некое движение. Она вряд ли увидела, что произошло, ибо смотрела на шестое окно.

Женщина, чьи черты были столь же холодны, сколь и прекрасны, вошла в комнату. На ней было белое платье с длинными рукавами, прозрачное, но столь же плотное, как и гранитные стены помещения. На талии — пояс из золотого шелка с драгоценными камнями, воротник — из золотого кружева.

Она посмотрела на Шарину и улыбнулась.

— Ты знаешь, кто я такая, Шарина ос-Рейзе? — спросила она. Голос ее звучал глубоким контральто, от которого, казалось, содрогался сам космос.

— Ты — королева, — произнесла Шарина, хотя губы ее не могли двигаться.

— Верно, Шарина, — похвалила ее королева. — И вскорости ты приведешь меня к трону Малкара.

Она коснулась одной из турмалиновых фигурок на игровой доске. Шарина почувствовала, как лед дрожит в каждой клеточке ее тела.

Королева рассмеялась и подняла палец.

— Но еще не теперь, Шарина. У меня есть пока одно дело.

И прекраснейшая женская фигура растаяла, словно лед на солнце. На какую-то долю ссекунды на ее месте оставалось нечто странное, мало напоминавшее женщину, но потом и оно испарилось.

Но оставалась игровая доска, а смех королевы продолжал звучать в ушах Шарины, словно заблудившись в коридорах вечности.

Здесь не было никаких крыс, даже не было насекомых. Это поражало Гаррика.

— Теноктрис? — позвал он, поднимая светильник таким образом, чтобы тень от него не мешала старой волшебнице. Квадратные помещения с колоннами. Насколь-

ко Гаррик мог судить, все они походили одно на другое как на этом этаже, так и двумя уровнями ниже.— Мы ищем что-либо определенное или же?..

Он не имел ничего против того, чтобы находиться в подвалах королевского дворца, здесь ему лучше всего удавалось расслабиться с того момента, как он сам и его друзья прибыли в Вэллис. Он мог бы послать вместе с Теноктрис хоть целый отряд солдат, когда она объявила, что ей нужно осмотреть нижние уровни здания. У него, принца и фактически короля, было достаточно более неотложных и важных дел, чем ползать в пыли и темноте.

Но Гаррик привык физически участвовать в делах, на которые Теноктрис сподвигал ее несокрушимый дух. Это помогало ему чувствовать себя нужным. Он прекрасно понимал необходимость планирования и еще понимал, что «принц Гаррик» являлся символом нового правительства для жрецов и представителей купеческих гильдий, а также для знатных людей, которые в эти дни стояли перед выбором: с кем идти.

Но сейчас, стоя с мечом в руках, помогая хрупкой пожилой леди в делах, которые могут решить судьбу всех островов — не это ли настоящая жизнь и настоящий долг короля?

Король Карус усмехнулся в глубинах сознания Гаррика.

— Ты не первый, кто ощущает себя таким образом, сынок,— прошептал он.— Если будешь держать это под контролем, все сложится удачней, нежели это было у меня. Ни я, ни Острова не добились бы от тебя большого толка, если бы ты занимался одной лишь болтовней.

Гаррик улыбнулся. Кроме того, дело может оказаться серьезнее, чем он предполагает, ведь он уже сталкивался в прошлом с магией.

Теноктрис расположилась на полу шестигранного помещения. Колонны, выстроившиеся вдоль стен, образовывали шестиугольник.

— Я ищу проходы, Гаррик,— промолвила она.— Я догадываюсь, куда они ведут.

Она взглянула наверх со своей извечной улыбкой.

— Я имею в виду не потайные ходы, а конкретные проходы в другие места. Королева снабдила свой дворец такими ходами, я думаю, она построила еще больше. Она очень могущественна!

Используя одну из тех бамбуковых палок, что принес ей Гаррик, Теноктрис обвела на полу круг.

— Надеюсь, я смогу использовать ее для каждого из заклинаний,— пробормотала она.— Я ведь делаю самые простые вещи, помимо всего прочего. Но даже палочка собирает на себя огромное количество магии после каждого заклинания, а в этом месте — и особенно.

— Я не стану возражать, если тебе понадобятся еще палки,— мягко проговорил Гаррик. Каждая палка была длиной с человеческую руку. Все вместе они весили больше меча Гаррика.— И, конечно же, хотел бы, чтобы ты избежала возможных опасностей.

Теноктрис написала еще несколько слов силы вдоль линий окружности. Он слышал ее бормотание:

— *Асстрэлос хразлос формо...*— но, конечно, смысл заклинания не давался ему.

Вокруг них в воздухе замерцали голубые вспышки. Они мелькали очень быстро: Гаррик едва успевал заметить их.

Гаррик огляделся вокруг. Судя по рассказам Ройяса, дворец королевы был построен людьми, и, пожалуй, строительство заняло у них не один месяц. Существование же, к примеру, нижних подвалов оставалось для него неразрешимой загадкой.

Теноктрис вздохнула и опустила палочку, которой чертила символы. Она оперлась руками об пол, помогая себе подняться. Гаррик быстро подбежал помочь ей, держа фонарь в стороне, чтобы не обжечь ни себя, ни ее.

— Неудачно? — спросил он, поддерживая старую леди за плечи.

— О нет, тут другое,— проговорила Теноктрис.— Я обнаружила, что у королевы было, как минимум, двенадцать проходов в другие области в этом мире и еще куда-то в космос. Если просто проследить, куда они ведут...

Она снова улыбнулась. Благодаря улыбке она всегда выглядела в несколько раз моложе своего возраста.

— Я бы сказала, это невозможно, но придется сделать это, если мы хотим остаться в живых и сохранить Острова в целостности и сохранности.

Теноктрис кивнула Гаррику на следующий проход. Он прошел рядом с ней, все еще поддерживая за плечи. Интересно, сколько еще ей нужно исследовать всего в подвале и есть ли там, дальше, новые уровни?

Их тени колебались в причудливом свете фонаря. Контуры колонн искажали человеческие силуэты.

— Теноктрис? — снова позвал он, в то время как они проходили в одну из арок, чтобы очутиться в совершенно сходном с предыдущим помещении. — Королева могла перемещаться по этим проходам, так ведь?

— Да, — резко ответила Теноктрис, высматривая нечто непонятное Гаррику. — Вот почему она построила дворец в таком месте.

— Но ведь случилось иное. Она умчалась, стоило нам ворваться сюда. Она ведь не прошла через этот самый проход. Разве у нее не было времени произнести нужные заклинания? Или...

Теноктрис остановилась напротив следующей арки и уселась на холодный базальт.

— Не думаю, что королеву волновал вопрос времени, — ответила она. — Открытие прохода — дело простое, даже если человек обладает не большей силой, чем я.

Она улыбнулась. Гаррик попытался улыбнуться в ответ. И не смог — слишком сильно было напряжение.

— Думаю, проблема в том, что один из проходов ведет к некоему... существу, — пояснила Теноктрис. — И существо это настолько сильно, что может добраться до нее, открой она проход с другой стороны.

— Ты имеешь в виду Чудовище, — сказал Гаррик.

Теноктрис начала чертить другой круг силы. Бамбук оставлял легкий серебристый след на черном базальте. Только сведущий в символах человек мог бы распознать, что там изображено, человек, могущий управлять этими символами.

— Да, Чудовище,— согласилась Теноктрис.— Я полагаю, королева стремится обрести большую силу, дабы вернуть Чудовище в его клетку. Она великая волшебница, но все-таки недостаточно уверена, что сумеет в одиночку противостоять этой твари.

— А мы должны побороть и ее, и Чудовище,— бросил Гаррик. И коснулся рукояти меча.

Теноктрис опять улыбнулась ему.

— Верно,— согласилась она.— Мы должны постараться.

3-й день месяца Куропатки

Илна убрала постель на этаже, где находилась лавка Асцеля. Раньше это была одна из кладовых, но сейчас тюки тканей убрали, освободив ей место для жилья.

Она узнала звук колес по каменному полу. Девушка быстро накинула одежду поверх ночной сорочки, вытканной из тончайшего льна. Она сердилась, но лишь потому, что знала: именно она втравила Халфемоса в глупую историю.

Охранник Асцеля должен был спать в небольшой прихожей перед входом в ее комнату, но он завел себе подружку — вдовую повариху, и теперь они часто проводили ночи в ее каморке. Поэтому Илна сама была сторожем, и, надо сказать, лучшим из возможных.

Церикс постучал в парадную дверь.

— Открывайте! — крикнул он. — Я пришел поговорить с госпожой Илной!

Внутренняя дверная панель была из лакированного дерева, обитого медными гвоздями. Илна распахнула дверь и ступила в узкий проход, отделявший ее от наружных дверей из обитого железом дуба. Слуги уже забили тревогу. Она слышала, как они громко переговариваются:

— Нам будить мастера Асцеля?

От их шума и мертвый бы проснулся.

— Тише вы! — прикрикнула на них Илна.— Я сама обо всем позабочусь!

Церикс притих, заслышав голос Илны. Когда она высочила на улицу, он даже откатил тележку в сторону, чтобы его не зашибло дверью.

Церикс посмотрел на Илну. Страх его был столь силен, что скрыл даже гримасу физической боли, всегда отражающуюся на лице.

— Люди барона пришли за ним, госпожа,— сказал он.— Он сделал амулет для леди Таманы, чтобы использовать его чары на Робиларде.

Церикс потер губы тыльной стороной ладони и продолжал:

— Тамана была фавориткой барона, но теперь у него новая подруга.

Кто-то попытался открыть дверь, которую Илна закрыла за собой. Она снова захлопнула ее ногой.

— Я выручу его, если ты так хочешь!

Вместо верхней одежды Церикс был закутан в одеяло, которое в спешке сорвал с кровати, когда бросился из гостиницы, узнав об аресте Халфемоса. Хозяин рассудил, что таким старым тряпьем, если что, можно пожертвовать — невелика потеря.

— Халфемос изготовил амулет, чтобы навредить барону? — без обиняков спросила Илна. Если это так, Робилард попросту выпустит парню кишки и протащит его по улице напоказ толпе, а она ничем не сумеет ему помочь.

— Он не сумел бы сделать ничего подобного, госпожа,— отозвался Церикс.— Может, Алос и дурачок, но он никогда не вредит людям.

Он снова потер губы и пробормотал:

— Но вот навести любовные чары он, пожалуй, мог. В прежние времена он видел, как я этим занимался. А леди Тамана должна была предложить огромную сумму за путь к сердцу барона.

«Если это не был любовный талисман, значит, этот парень — полнейший кретин»,— подумала Илна. Вслух же произнесла:

— Понятно. Халфемос продал жемчужину ювелиру. Тот узнал ее, да и кто на Третьей Атаре не узнал бы?

Ювелир сообщил барону, что чужак принес жемчужину, принадлежащую бывшей пассии барона, а барон вызнал правду от леди таким же образом, как и обычно.

— Я видел Таману, когда она впервые встретилась с Халфемосом,— печально проговорил Церикс.— Это меня не обеспокоило. Я думал, она просто хочет узнать свою судьбу или... в конце концов, он симпатичный парень, и не мое дело указывать ему, как проводить время.

Илна нахмурилась.

— Это точно. Скажет ли леди Тамана всю правду или будет настаивать, что идея была Халфемоса?

— Эта дамочка может сказать все что угодно,— скривился Церикс.— Думаю, Робилард и пальцем до нее не дотронулся, а она уже вовсю верещала о том, что произошло.

— Верно, есть такие женщины,— отозвалась Илна.— Ладно, посмотрим, что я смогу сделать.

Она потянула на себя дверь, но кто-то уже толкал ее изнутри, так что ее едва не ударило. Илна приготовилась уж было выругаться, но прикусила язык, заметив Асцелей среди слуг.

— Мастер Асцелей, прошу прощения за этот переполох. Я должна была выйти и не знала, вернусь ли.

— Я слышал,— серьезно отозвался купец.— Илна, у меня есть кузен — владелец постоянного двора на западе острова, в деревне. Может, вам лучше переждать там, пока ситуация не наладится. Вашего настоящего имени никто не узнает.

— Вы имеете в виду, спрятаться? Спасибо, я думаю, до этого не дойдет, пока я жива.

Асцелей напрягся. Илна поняла, сколь вызывающе и злобно прозвучали ее слова. Она взяла торговца за руку и проговорила:

— Мастер Асцелей, вы были очень добры, предложив мне убежище. Я же вела себя точно так же, как обычно поступал мой дядя Катчин. Я прошу прощения.

Поднявшись на ноги, она добавила:

— Если бы вы знали моего дядю, вы бы поняли, насколько искренне мое извинение.

Купец удовлетворенно кивнул.

— Я никогда не сомневался в вашей искренности, Илна. К тому же мне следовало самому подумать, как вы отнесетесь к моему предложению.

Илна посмотрела на калеку.

— Асцелей, могли бы вы приютить мастера Церикса, пока меня не будет? Он ни в чем не виноват, но не думаю, чтобы ему обрадовались там, где он остановился.

— Я пойду с тобой,— возразил Церикс.— Я могу помочь...

— Нет,— резко отрубил она.— Не можешь. Достаточно с меня волнений по поводу того, что уже все равно произошло.

Асцелей кивнул.

— Ну, конечно же. Церикс, если вы не возражаете...

Калека имел пришибленный вид. Но Илна решила не извиняться. Церикс тоже к этому причастен. Не покажи он тогда парню, как наводить любовные чары, ничего бы не произошло.

Илна улыбнулась. Асцелей подошел поближе.

— Госпожа? — удивленно проронил он, заметив ее выражение лица.

— Я тут задумалась о природе любви. Но сейчас не время для философствований.

Она глубоко вздохнула.

— Я пойду во дворец, господин. Благодарю вас за заботу, хотелось бы мне лучше отплатить за нее.

— Я должен вам денег,— проговорил торговец.— И вот еще что, не воспользуетесь ли моими носилками? Я в два счета подниму носильщиков.

— Честная женщина выглядит полной дурой, когда едет на носилках,— откликнулась Илна.— А деньги отдайте Цериксу. Или оставьте себе, Асцелей. У меня есть все необходимое,— добавила она и зашагала вдоль Парада.

На улице уже показались и другие пешеходы. Небо начинало потихоньку светлеть.

Дворец Робиларда располагался в полумиле к югу от Парада. Совсем близко, хотя дорогу Илна сочла неприят-

ной для передвижения. Здесь все носили шлепанцы на мягкой кожаной подошве, сквозь которую ноги царапали острые камешки.

Вообще-то довольно странно, что они с Асцелесом говорили о том, вернется ли Илна от Робиларда. Барон не отличался такой уж свирепостью и, конечно, был абсолютно прав, когда разозлился на Халфемосу. Илна верила, что сумеет отыскать способ вернуть своему товарищу свободу. Разумеется, им придется покинуть остров, но они ведь все равно собирались сделать это.

Дворец барона на Третьей Аtare был куда скромнее, чем ожидала Илна. Конечно, здание все равно выглядело куда величественнее, чем это нужно человеку для проживания, но даже она жила в более шикарных покоех, будучи в Эрдине, когда слава ее гремела по всей округе.

Крыльцо с огромными колоннами полосатого мрамора еще строилось. Если Робилард решится перестраивать все лестницы в соответствии с этим крыльцом, он будет обладателем даже более величественной резиденции, нежели герцог Сандракана.

Она повернула по дорожке к крыльцу. Здесь гравий сменился мозаикой из камешков.

Во дворце горели огни. За стеклами окон можно было различить снующие силуэты людей — их явно казалось больше, чем обычно в столь ранний час.

Двое солдат охраняли входную дверь, стоя у фонаря в виде трехглавого дракона. Один из них постучал в дверь. Появился офицер в шлеме с перьями, они о чем-то заговорили.

Илна вытащила из рукава моток веревки, прикинула длину и зажала ее между пальцами. Наверняка слишком длинная — но с ножом, даже маленьким, здесь не пройти.

Нагрудная пластина доспехов офицера была отлита в форме мускулистого торса полубога. Он выступил ей навстречу:

— Прощу прощения, госпожа. Торговцев сегодня не пускают.

— Я и не торговка, — сообщила Илна, подойдя к нему на расстояние вытянутой руки. — Я пришла к барону по-

говорить о маге, которого он арестовал. Думаю, после этого разговора он захочет отпустить парня.

— А уж по этому поводу и вообще нельзя встречаться с бароном, госпожа,— тон офицера стал куда холоднее.— А если вы с ним как-то связаны, мой вам совет: бегите с этого острова как можно скорее.

— Если она придет завтра, когда мы не на дежурстве,— глумливо произнес один из солдат,— я готов заплатить хорошую цену за то, что она предложит.

Другой солдат и офицер покатались со смеху. Выражение лица Илны не изменилось, она лишь крепче зажала в руке петлю.

— Посмотрите на меня! — потребовала она.

— Что такое? — удивился офицер, вновь поворачиваясь к Ильне.

Она вытянула руку, замахнулась.

— Упс! — только и успел сказать он, после чего затих.

— Отведите меня к барону Робиларду,— велела Илна. Офицер кивнул, повернулся и двинулся к воротам. Они стояли открытыми.

— Эй! — окликнул один из солдат.— Что такое случилось с капитаном?

Он потянулся к алебарде, стоявшей прислоненной к фонтану. Оружие с грохотом упало.

— Ничего такого, что могло бы навредить ему,— отвечала Илна.— Но если будете валять дурака и становиться у меня на пути, с вами я так не поступлю. Понятно вам?

Солдат уставился на то, как Илна ощупывает рукоять алебарды. Второй солдат схватил его за плечо и оттащил в сторону. Оба молчали, предпочитая не вмешиваться, пока Илна следовала за командиром во дворец.

При входе было пусто, лишь еще один офицер сидел спиной ко входу, обозревая зал для аудиенций, довольно претенциозное помещение с высоким сводчатым потолком. Колонны по обе стороны от входа были украшены сценами из истории острова.

Илна поняла, что перед ней — исторические сцены, поскольку не увидела ни одного изображения божества.

Резьба была выполнена мастерски, и это заставило Илну относиться к Робиларду с большим уважением. Она понимала, что глупо благоговеть перед древностью чьего-то рода лишь благодаря умелому творчеству ремесленников, но ничего не смогла с собой поделать.

Лучи рассветного солнца просачивались между несущими колоннами и отражались на восточной стороне зала, но масляные светильники на стенах продолжали гореть. Народу в зале собралось не так уж много, чтобы заполнить его целиком, но шевеление и шепот разносились повсюду, словно звон цикад летней ночью.

Барон Робилард сидел на троне из резного мрамора. Трон выглядел неудобным, зато старинным, а Илна одобряла верность традициям. В это утро на Робиларде были камзол и штаны из бархата мастерского покроя. Несмотря на искаживший его черты гнев, он выглядел куда более привлекательно, чем когда представлял собой золоченую статую во время церемонии.

В левой руке Робилард держал маленький кожаный мешочек и смотрел на темноволосую женщину, стоявшую на коленях между двух солдат перед троном. Тамана, вне всякого сомнения. Она всхлипывала, и из ее сбивчивой речи едва ли можно было что-нибудь понять.

Слева от барона сидела его жена, Котолина. Во время процессии ее везли за колесницей Робиларда в кресле с лазурными подлокотниками и спинкой. Волосы ее были очень светлыми, а прекрасные черты оставались сосредоточенными: она делала вид, что наблюдает за близнецами, игравшими с няней.

Леди Реговара, грудастая брюнетка того же типа, что и Тамана, только пятью годами моложе, стояла, положив руку на подлокотник трона — с видом собственницы.

Она разглядывала Таману с глумливым удовольствием. Это доказывало, что нынешняя пассия барона столь же глупа, как и предыдущая. Будь у нее мозги, она бы увидела собственное будущее в рыдающей Тамане. Немногие женщины обладают разумом, а мужчины — еще в меньшей степени, решила Илна, если учитывать их вкусы в отношении женщин.

Среди собравшихся в зале были солдаты, слуги и придворные. Они переглядывались в нервном ожидании. Державшие леди Таману солдаты, по крайней мере, выглядели смущенными. Бедная женщина едва на ногах стояла.

Те же, что привели Халфемоса, относились к своему делу с меньшим почтением. Руки юношы были связаны за спиной, он был избит: синяк под глазом и свежая ссадина на скуле.

Капитан стражей протолкался сквозь ряды зрителей, расчищая дорогу Илне. Халфемос оглянулся и увидел подошедших.

— Илна! — слабым голосом позвал он. — Тебе нельзя было появляться здесь!

Один из стражей ударил юношу в живот. Халфемос согнулся пополам, хватая ртом воздух. Он бы упал, не поддерживай его солдаты под руки.

— Пощади! — умоляла Тамана. — Я не желала навредить тебе, просто хотела, чтобы ты любил меня, как прежде. И я ни за что не рассталась бы со своей жемчужиной, это он забрал ее. Я никогда не отдала бы подаренных тобой украшений, если бы не колдовские заклинания!

— Поднимите чародею голову! — скомандовал Робилард, в голосе его звучал холодный гнев. Один из стражей схватил юношу за волосы, но тому уже удалось выпрямиться, несмотря на боль в желудке. Он встретил гневный взгляд барона с достоинством, и это несколько подняло его в глазах Илны.

Робилард уронил амулет на пол и приготовился раздавить его каблуком.

— Ты запачкал мой двор своим колдовством, — проворчал он. — Я кину тебя туда, где рыбы помогут уничтожить все следы этой грязи!

Он жестом указал на одного из своих придворных, пожилого человека, единственного, кто имел нагрудную пластину и меч.

— Запри его в железную клетку, Хостен, и брось в море. Там, где начинается залив.

Придворный поклонился в знак согласия. Шепот среди толпы перерос в громкий рев.

Илна выступила вперед, повышая голос, чтобы ее услышали.

— Барон Робилард, я понимаю и разделяю ваш гнев, но нам обоим известно, что мастер Халфемос ни в чем не виноват, разве что в собственной глупости. Если отпустите его со мной, я покажу вам, что в его деятельности нет никакого волшебства — а взамен окажу вам ценную услугу. Куда более ценную, чем покормить рыб!

— Кто это? — вскричал барон. — И что она здесь делает?

— Это Илна ос-Кенсет, — проговорил капитан стражи безжизненным голосом. — Она пришла увидеть вас.

Илна туманно улыбнулась. Капитан стражи зашатался, нервно озираясь вокруг. У него было весьма нехорошее чувство, как будто он оказался посреди зала, полного людей, совершенно голым, если не считать шнурка на шее.

— За неделю я могу выткать для вас занавес, который заставит каждого, кто стоит перед вами, говорить только правду, — сказала Илна.

Так оно и было, правда, она не стала уточнять, что такой занавес будет обладать злыми чарами, ибо не сомневалась: Робилард уничтожит его через несколько дней. Лишь те, кто не очень представлял себе, что это такое, хотели всегда знать правду, а также те, кто был готов отвечать за последствия.

— А может быть, я сотку другой занавес — который принесет благополучие вам и всем вокруг вас, — добавила Илна. — Я понимаю, Халфемос глупо распорядился своей силой, но вы можете отнестись к этому как к предостережению и не повторять его ошибок.

Предлагая две столь разные вещи, Илна понимала: Робиларду придется выбирать между тем, чего хочется и что он должен делать. Ей бы больше хотелось изготовить для барона занавес доброй удачи, подобный тому, какие она делала в Эрдине до отъезда. Секс, богатство и месть всегда ценились людьми выше, чем скромное благополучие и доброе здоровье, но не Илной.

По крайней мере, с недавних пор.

— Ты волшебница,— проговорил Робилард, отчетливо выговаривая каждый звук.

— Я — ткачиха,— возразила Илна.— Простая женщина из Барка Хамлет, что на Хафте, и я сделаю то, что мне скажут.

Шум в зале стих, хотя люди продолжали оглядываться на вновь прибывшую. Капитан стражи метался, желая спрятаться где-нибудь. Другие солдаты выглядели сконфуженными.

— Еще одна волшебница,— бросил Робилард, и голос его стал нормальным. Котолина посмотрела на Илну со спокойным восхищением. Леди же Реговара прохаживалась возле трона, держа в руках свой собственный амулет.— Ты, должно быть, сумасшедшая, раз явилась сюда. Значит, ты заслуживаешь того же наказания. Что ж, Хостен...

— Нет! — выпалил Халфемос.— Она тут ни при чем!

Халфемос попытался вырваться из рук державших его людей. Но они не пускали его.

— Тише, Халфемос,— успокоила его Илна.— Я позабочусь обо всем. Ты уже достаточно накликал беды на себя и остальных.

— Она совершенно невиновна! — не унимался Халфемос.— Если причините ей вред, я...

Лишь Боги знали, что хотел сказать юноша. Пустые угрозы, думала Илна, а ситуация от этого лучше не становится.

Она сделала шаг к Халфемосу:

— Стой тихо и молчи, пока я не освобожу тебя! — прошипела Илна.

Она была в ярости, зла на себя саму и на весь мир в придачу. У парня недюжинный талант — и, именно используя его, он устроил им всем неприятности. Разве справедливо, что вот такой Халфемос может причинить людям столько вреда?!

Солдаты встали у нее за спиной. Илна резко обернулась и метнула веревку в направлении барона.

— Барон, я пришла за справедливостью, не за милосердием. Освободите Халфемоса под мою ответственность, и я заплачу разумную цену.

Илне пришло на ум, что у них с Робилардом могут быть разные представления относительно «разумности» цены. Но ничего, они сумеют договориться.

Робилард опустил руки. Он дрожал от гнева — потому что боялся, а девушка-маг видела его страх.

— Будь по-твоему, ткачиха! — воскликнул он. — Ты можешь отплатить мне за освобождение твоего дружка. Нынче вечером я праздную годовщину своего правления в качестве барона Третьей Атары. Отправляйся к моему предку, Старшему Роми, и попроси его удостоить нас чести и явиться на праздничный ужин. Если он придет...

Робилард жестом указал на Халфемоса, который замер в руках стражей.

— ...Тогда я освобожу этого идиота, пытавшегося испробовать на мне свои чары. В противном случае ты присоединишься к своему дружку.

— Идет, — согласилась Илна. Она была в ярости: на Робиларда, на Халфемоса и на себя саму. Смерти она не боялась, но знала, что приказ барона приблизит ее к силам зла и тьмы, которых она стремилась избежать. — Мне будет нужен проводник.

Хостен, старший из солдат, с тревогой посмотрел на барона:

— Милорд, вы это серьезно, относительно...

Робилард ответил ему пристальным взглядом.

— Приступай, Хостен. Или ты боишься?

Илна улыбнулась юношеской бравade барона. Ее собственный страх прошел. Может, она и неправильно поступает, но отступать нельзя.

Губы Хостена сжались. Он повернулся к своим подчиненным и проговорил:

— Вы четверо пойдете со мной. — Он подошел к Илне и поклонился. — Госпожа Илна ос-Кенсет? Мы проводим вас к гробнице Старшего Роми.

— Хорошо, — отозвалась Илна. Она дотронулась до лба Халфемоса и проговорила: — Теперь можешь проснуться, Алос. И не накликай новой беды. Я вернусь.

Она прошла еще пару шагов к двери и обернулась.

— Даю слово, я вернусь.

* * *

Кэшел ступил на дорожку, огибающую дворец. Захаг остался в своей комнате стенать и жаловаться на судьбу. Там, где приготовление пищи зависело от слуг, лучше не вставать с постели до полудня.

Кэшел не стал заставлять Захага подниматься. Примат на Пандахе не был уверен в собственной безопасности, если только Кэшел или Ария не находились рядом и не брали его под свою защиту. Может, он и прав, но Кэшел не собирался изменять свое расписание из-за одной-единственной ленивой обезьяны.

Силья сидела, скрестив ноги, на перилах лестницы, прислонившись к виноградной лозе. Волшебница надела легкую хлопковую тунику вместо парадного, богато украшенного платья, которое было на ней, когда Кэшел снова очутился на королевском дворе.

Он остановился.

— Я говорил, что не хочу больше с тобой встречаться.

Силья развела руками:

— Я все понимаю, мастер Кэшел. Но ты ведь не хочешь общаться с моим горячо любимым братом. Я могу дать тебе парочку советов по этому поводу. Это не задержит тебя надолго, ведь корабль отплывает днем. Разумеется, если ты боишься...

Она снова развела руками. Сколько бы лет ни было волшебнице, она казалась на удивление ловкой: сидеть на перилах и не свалиться, балансируя на узкой перекладине...

Кэшел усмехнулся. Ему представилось, как Силья превращается в сороку. Шумная, сварливая птица, только и делает, что галдит да пакостит всем прочим птицам, разбивая их яйца.

Но Кэшел не яйцо и Силья не боялся, как, впрочем, и остальных людей на Земле.

— Что ты хочешь показать мне?

— Пойдем в мои покои, — сказала Силья. — И не волнуйся. Ты доказал, что легко можешь уйти, так что я просто завесила вход.

— Я и не волнуюсь.

Кэшел поднялся по лестнице, ощущая себя таким увальнем по сравнению с по-птичьей ловкой волшебницей.

Повара во дворце уже были за работой, накрывая столы. Всюду сновали слуги, разнося фрукты, овощи и рыбу в корзинах.

С момента прибытия на Пандах Кэшел ни разу не ел мяса. Мяса попросту не подавали.

Он проследовал за Сильей в подвал. Она не приносила фонаря, но свет поступал из комнат в дальнем углу. Этого света хватало, чтобы не наткнуться на колонны. Порой Кэшел ступал в лужу, но его этого не смущало. Грязи он точно не боится.

— Эй! — раздался вдруг голос Захага. — Подожди-ка меня!

На том месте, где Кэшел лежал до этого, находился поднос с разноцветным песком. С каждой из четырех колонн свисали необычного вида светильники. В том месте, где Кэшел пробил стену и вышел наружу, Силья положила травяной мат, чтобы скрыть пролом. Она подвинула его плотнее к стене.

— Или, если хочешь, могу отодвинуть его...

— Не нужно, — отозвался Кэшел. Он знал: Силья считает, что он боится.

— Очень хорошо, — проговорила волшебница. Она сбросила тунику и достала костяную трещотку. — Я произнесу заклинания, которые написаны здесь.

И жестом указала на белый песок, на котором действительно присутствовали некие значки. Кэшел не мог прочитать их, ибо с трудом читал и писал собственное имя. Гаррик рассказывал ему о разнице между Старой Вязью и нынешним, квадратным письмом, но и то, и другое было для Кэшела настоящей китайской грамотой.

— Время от времени я буду останавливаться и спрашивать тебя, что ты видишь. Ты ответишь — и я продолжу.

— Зачем мне это делать? — удивился Кэшел. — И зачем тебе это надо?

— Это защитит тебя от колдовства моего брата,— произнесла Силья.— Он попытается подчинить тебя своей воле.

Кэшел скривился.

Силья поспешно добавила:

— Ты можешь уйти в любой момент, когда захочешь. И тебе не понадобится моя помощь. Я не уверена насчет будущего, но не понимаю, как ты можешь знать, что делать, когда будешь в Вэллесе.

— Начинай,— велел Кэшел.— А я немного осмотрюсь.

Силья тряхнула трещоткой. Сухие горошины в ней загремели.

— *Барух ино анох*,— забормотала она.— *Уоэа еантоукойа...*

Воздух в комнате нагрелся. Казалось бы, это не должно было беспокоить юношу, выросшего в деревне на свежем воздухе, но, странное дело, он ощутил легкое головокружение. Наверное, сказывались прежние усталость и напряжение.

— *Артаеммием*,— говорила Силья.— Она медленно обошла вокруг длинного стола, не глядя на Кэшела.— *Тхар барух маритха*.

Песок в центре подноса подпрыгнул, словно подхваченный вихрем, и закружился. Посреди вихря показалось лицо, потом изображение стало четче и резче, словно перед ними стоял реальный человек.

— Гаррик! — воскликнул Кэшел.

— Кэшел ор-Кенсет,— обратилась к нему Силья напряженным голосом.— Стоящий перед тобой — твой друг?

— Да,— отвечал Кэшел.— Где он сейчас?

Песчаный вихрь исчез, песок улегся ровной гладью на подносе. Колдунья возобновила хождение и пение:

— *Уоэа эантоукойа, артхаэммием...*

Кэшелу стало совсем жарко, хотя он почему-то не потел. Он потер большим пальцем рукоятку посоха, напоминая себе таким образом о реальности и прошлой жизни в Барка Хамлет.

Песок снова поднялся, на сей раз явив изображение Теноктрис. При свете хрустальных песчинок глаза старой

леди сверкали точно так же, как и в былые времена, когда она смотрела на Кэшела.

— Кэшел ор-Кенсет, доверяешь ли ты своим глазам, реальна ли стоящая перед тобой фигура? — снова обратилась к нему Силья.

— Да,— отозвался юноша.— И я бы дорого заплатил, чтобы она была сейчас рядом со мной.

И снова взвился песок. Поверхность стола пришла в движение. Письмена сами собой начали двигаться, мелькая все быстрее. А колдунья читала заклинания, дотрагиваясь до букв трещоткой:

— *Тхар барух маритха...*

На поверхности мата за спиной Кэшела блеснули огоньки. Он не обернулся. Он слышал заклинания Сильи, но слова как будто произносились не ее голосом. Трещотка из собачьего черепа так и подскакивала в тишине.

Новое изображение начало складываться на песке. Светлые волосы, смеющиеся голубые глаза и губы, произносящие самые чудесные звуки на свете...

Кэшел прошептал имя Шарины.

— Кэшел ор-Кенсет, готов ли ты пожертвовать жизнью за эту...

Захаг внезапно прыгнул на стол. Песок полетел во все стороны.

Силья заверещала и замахнулась на примата трещоткой. Однако тот ловко уклонился и отскочил назад, задев при этом лампу.

Стол покрывал шелковый платок. Песок рассыпался по ткани, но Кэшел заметил, что в последний момент песчинки сложились в портрет Сильи.

— Подчинись этой женщине! — отчаянно взывала Силья.— Подчинись мне, Кэшел!

— Я тебя предупреждал! — закричал Кэшел. Он ткнул посохом не в саму колдунью, но в ее песчаное изображение.

Железный наконечник мгновенно раскалился, и ткань охватило пламя.

Кэшел прыгнул вперед вместе с посохом. Покои казались недостаточно большими для приличного разбега, но

все же можно было попытаться начать настоящий боевой танец.

— Тут ничего не было, старший! — заверещал Захаг. — Тебя надули, ты ничего не видел!

Силья визжала. Вокруг нее образовалось черное облако, словно бы сам космос пожаловал к ней в комнату.

Из тьмы возникли тысячи красных огоньков. Они смыкались вокруг Сильи, словно гигантские щупальца. В тех местах, где они касались тела колдуньи, плоть ее чернела и обугливалась.

— Скажи, что ты подчиняешься... — голос звучал издалека, а потом пропал и звук. Теперь комнату освещали дрожащие огни ламп. Огонь уничтожил шелковую ткань, не осталось даже пепла. Захаг отодвинул в сторону мат, освобождая проход.

— Пойдем отсюда, — пробормотал Кэшел. — Может быть, корабль будет готов раньше...

— Что с ней случилось, старший? — в недоумении пробормотал примат, озираясь вокруг. — Это твоих рук дело?

— Не думаю, — отвечал Кэшел.

Он подошел к двери и пожал руку лохматому приятелю:

— Спасибо тебе, Захаг.

Солнечный свет показался Кэшелу самым замечательным зрелищем на свете.

Тело Шарины наполняло тепло, помогая ей пробудиться от ледяной летаргии. Она повернулась. Справа открывалось окошко в некий мир.

Она стояла в зале из белого мрамора. Перед ней была игровая доска с фигурками из разноцветного турмалина на ней. Даже теперь, пробудившись от грез, Шарина не могла назвать их количества.

Королева стояла по другую сторону доски напротив Шарины. Улыбка ее была прекрасна — и холодна, как лед.

— Добрый вечер, Шарина, — голос королевы был точно таким же, каким девушка его помнила: богатое контральто, словно бархат, покрывающий стены камеры пы-

ток.— Настало время помочь мне. С физическими противниками я справлюсь легко...

И королева провела пальцем вокруг себя. Стены, пол и потолок, отполированные до зеркального блеска, стали прозрачными, как грани алмаза.

Шарина и ее захватчица смотрели вниз, туда, где под прозрачным полом плескались ультрамариновые морские воды. Почти все пространство покрывала масса спутанных веток, напоминавших водоросли, что дрейфуют в южных морях вокруг Островов.

Лианы и спутанные ветви связывали бревна вместе, и вся картина напоминала поле, залитое водой. На плотках сидели Волосатые люди в невообразимом количестве. Они сгрудились вместе и знай себе покрикивали друг на дружку.

Королева хранила молчание. Шарина даже в уме отказывалась называть эти существа Мартышками. Пусть это и достаточно невинное прозвище в устах охотников.

Волосатые питались фруктами, орехами и кореньями, которые, видимо, захватили с собой. То и дело им удавалось схватить тот или иной плод, свисавший с ветки, мимо которой они проплывали.

— А пьют они что? — спросила Шарина. К собственному удивлению, она забыла, с кем разговаривает.

— Они захватили с собой древесные стволы, в которых запасли воду,— ответила королева.— Я собиралась устроить эту миграцию осенью, когда они могут сосать собственную шерсть, на которой собирается вода, но так тоже неплохо.

От ее улыбки замерз бы даже огонь в камине.

— К тому времени, когда они доберутся до Вэллиса, жажда заставит их искать свежей крови,— произнесла она.— А это как раз то, что мне нужно.

Время от времени Волосатые люди и чайки, парящие над волнами, испуганно кричали друг на друга. Шарина и королева оставались невидимыми для тех, кто сидел на плотках, хотя сами они видели все на много миль вокруг.

Шарина представила себе обитателей плотов, причаливающих к берегу в Орнифоле. Видела, с какой свире-

постью они бросаются на людей. Слишком свежи были воспоминания об останках друга Ханно, которые ей пришлось захоронить.

Картина эта встала перед взором Шарины столь живо, что рука сама невольно потянулась к горлу королевы. Но тело ее мгновенно застыло, словно каменное. Она вернулась сознанием в мраморный зал, где королева, холодно улыбаясь, указывала на турмалиновую фигуру на доске.

— Как видишь,— заговорила королева учтивым голосом,— я неплохо подготовилась, дабы одолеть своих врагов физически. Но есть, однако, другая проблема. Королевский маг искал себе слугу, а получил хозяина. А с хозяином не так-то легко тягаться.

Она подняла вверх палец. Шарина снова смогла двигаться. Она потеряла ладони. Руки свело, словно судорогой, по коже побежали мурашки.

Улыбка королевы стала шире, словно у кошки, объевшейся сметаны.

— Ты ведь сможешь мне, Шарина. Ты приведешь меня к трону Малкара, который твой предок запрятал в надежном месте, и отыскать это место может лишь его потомок по крови.

— Да я скорее умру, чем стану помогать тебе,— тихо произнесла Шарина, изо всех сил стиснув кулаки.

Тут произошло нечто. Сквозь черты королевы, на миг ставшие прозрачными, проступили другие, жуткие, мало похожие на человеческие.

Образ быстро исчез. Все было как прежде. Вот только Шарина продолжала помнить об этом моменте.

— Я могу сделать так, что ты будешь умолять меня о смерти, Шарина,— проговорила королева медоточивым голосом.— Но я поступлю иначе. Вот только тебе придется подчиниться.

Шарина ощутила, как холод сковал ее тело. Она снова была в ледяном кубе, и все шесть окон были видны, как и прежде.

Игровая доска оставалась за шестым окном, но комната внезапно опустела. Лишь жуткая улыбка королевы осталась в сознании Шарины.

* * *

— Я слышал, как люди говорили, будто между обычными воинами и Кровавыми Орлами есть одна-единственная разница,— с отвращением заявил Альтапер Гаррику, когда они ехали к Военно-морскому Арсеналу на встречу с адмиралом Ниткером.— И разница якобы в том, что у нас офицеры лучше.

Сотня солдат действующей армии Орнифола расположились вокруг вместе со своим командиром, Пиором бор-Пириалом. Все корабли, держащиеся на плаву, были спущены на воду, и Ниткер устроил блокаду Вэллеса со своей базы на острове Эшколе недалеко от берега.

Альтапер сплюнул рядом со своим надраенным ботинком.

— Фигня все это,— заявил он.— Но вообще-то, хороший офицер — уже половина дела.

Ухмыляющийся король на задворках сознания Гаррика пробормотал:

— Офицеры и учения отнимают больше времени и денег, чем набор рекрутов, сынок. Но лучше всего набирать рекрутов на Хафте или в северных областях Орнифола.

Гаррик и восемь Кровавых Орлов, сопровождающих его, были верхом, но и сам юноша, и королевские телохранители лучше чувствовали себя пешими. Основную боевую силу на Орнифоле составляла тяжелая пехота.

Река Белтис здесь достигала своей максимальной ширины: соседний берег едва угадывался за туманом. Боевой корабль адмирала представлял собой трирему с двумя сотнями весел и тремя рядами гребцов. Несколько дюжин человек били в огромный бронзовый гонг.

Лодка с семерыми гребцами на борту отошла от триремы. С борта судна свисала веревочная лестница, по которой матросы спустились в шлюпку. Офицеры в красных плащах и дежурные гребцы вели наблюдение.

— Вот они,— пробормотал Гаррик. Он вцепился в луку седла и перекинул правую ногу, наконец-то спускаясь на землю. Двое Кровавых Орлов держали лошадей,

пока Гаррик и остальные шестеро выходили навстречу шлюпке.

Гаррик использовал Пиора, все еще соблюдавшего нейтралитет в Арсенале вместе со своими регулярными войсками, чтобы организовать эту встречу с представителями адмирала. Пиору нравилось считать, что он помогает сохранять баланс — пожалуй, нравилось больше, чем быть помощником короля.

Да и немного от него было толку. Прав Альтапер: еще спасибо, что регулярные войска не мешали Гаррику. Валдрон едва замечал их и мог справиться с ними одной левой.

Шестеро моряков, сопровождавших представителей Альтапера, производили куда как более внушительное впечатление. На них были бронзовые шлемы и бригантины из укрепленной металлом жесткой льняной ткани, способные выдержать не только удар меча, но и стрелу, посланную издалека. Двое из них держали в руках длинные пики, гораздо длиннее боевых копий.

Кровавые Орлы изучили свой боевой потенциал еще до того, как лодка достигла берега, а король Карус сделал то же самое.

— Я всегда использовал таких людей на службе, сынок,— прошептал он.— Эти никогда не упустят шанса...

— Это точно,— согласился Гаррик.

— Что это было, господин? — удивился Альтапер.

Гаррик осознал, что говорил вслух.

— Погодите-ка минутку,— вместо ответа распорядился он. Сделал два шага вперед, отдельно от своего эскорта, и подождал, пока люди Ниткера не взберутся по каменным ступеням на набережную.

Старший был лысым человеком средних лет, выглядевшим так, словно придворные одежды из шелка и бархата ему куда привычнее доспехов. Тот факт, что сейчас он был в боевом облачении, насторожил Гаррика. Альтапер тоже заметил это:

— Господин, будьте внимательны!

Гаррик взмахнул мечом в воздухе. Солнечные блики затанцевали на закаленной стали. Гаррик посмотрел вверх,

подождал минуту и взмахнул рукой. Лезвие плашмя ударилось о ладонь и задрожало. Потом остановилось.

Гаррик одним движением загнал меч в ножны и усмехнулся морякам.

— Даже и не думайте об этом,— проговорил он, обращаясь к их командиру. Его доблестный предок тихонько посмеивался.

Трюк принадлежал, собственно, Карусу, правда, и Гаррик, и Кэшел многократно тренировались, пока пасли овец в деревне. Меч был короче и легче, нежели посох, но тоже мог здорово навредить тому, кто сунется прервать этот безумный боевой танец оружия.

Гаррик не случайно продемонстрировал этот трюк — необычайно эффектный и как нельзя лучше помогающий убедить соперников стараться сохранить мир.

Подняв руки и демонстрируя, что они пусты, Гаррик проговорил:

— Я жду Матуса бор-Миллимана. Вы — лорд Матус?

Старший прохрипел что-то низким голосом своему эскорту. Моряки расступились, чтобы Гаррик и представитель Ниткера могли видеть друг друга.

— Я — канцлер Матус,— представился он.— Герцог Ниткер послал меня договориться с вами о союзничестве, э, принц Гаррик.

Один из Кровавых Орлов пробормотал что-то в адрес Ниткера. Губы Гаррика изогнулись в улыбке. Да, похоже, адмирал считает его слишком скромной персоной, чтобы претендовать на трон Островов.

— Адмирал Ниткер думал, что в Вэллесе он окажется в вакууме,— проговорил Гаррик, скрестив руки на груди.— Он действовал как патриот, и ни я, ни король, усыновивший меня, не станут обвинять адмирала. Но, во имя Островов, Матус, адмирал Ниткер должен немедленно объявить о своей лояльности по отношению к правительству короля Валенса. В противном случае он будет считаться изменником.

Ройяс полагал, что он сам или, может быть, Валдрон должны представлять новое правительство, ведь Ниткер прислал вместо себя своих представителей. Принц Гар-

рик же — лицо слишком влиятельное по сравнению с подданными адмирала.

Но самого Гаррика статус не интересовал. Он, единственный из всего правительства, реально понимал опасность, грозящую Орнифолу и Островам в целом, поэтому решил сам разобраться.

А что касается до подозрений Матуса и самого Ниткера о его, Гаррика, слабости, — так Гаррик и Карус вдвоем смеялись над такими подозрениями. Сейчас адмирал и его подчиненные поймут: они имеют дело не с неграмотным пастухом из деревни.

Матус пробирался мимо моряков с пиками, оттолкнув их в сторону. Старшина отряда нахмурился, но отступил.

Матус остановился напротив Гаррика и с отсутствующим выражением лица начал расстегивать кирасу. Доспехи были призваны защитить его в случае, если бы он отдал своим людям приказ схватить Гаррика. Но тогда итоги переговоров были бы неутешительными.

Матус был далеко не глуп. Вместо того чтобы претендовать на какие-либо звания, которых он не был достоин, вельможа проговорил:

— Знаете, принц Гаррик, Эшкол хорошо укреплен, и никакой флот не может сравниться с Королевским флотом...

Гаррик улыбнулся. Вельможа понял, что допустил ошибку, упомянув прежнее обозначение для флота.

— Так вот, что касается флота, может, вы и сомневаетесь, что герцог Ниткер может представлять угрозу для Орнифола, но уж вам-то точно не удастся овладеть Эшколом. Король Валенс мудро поступил, усыновив вас... Он, пожалуй...

Матус вытянул руку, разглядывая свой маникюр. Гаррик заметил: краем глаза посол следит за его реакцией.

— ...Мог бы усыновить другого принца и сделать его своим преемником...

— И овца может научиться летать, лорд Матус, — учтивым голосом изрек Гаррик. — Но не при жизни адмирала Ниткера или меня самого.

Один из моряков подавил смешок. Канцлер в ярости обернулся: все стояли с постными лицами, как ни в чем не бывало.

— Причина, по которой адмирал Ниткер должен подтвердить свою вассальную зависимость, не в том, что королевство попросту сокрушит его, если он не сделает этого,— проговорил Гаррик.— Хотя, безусловно, это может произойти — если один из наших общих врагов не расправится с ним в первую очередь.

Матус открыл было рот возразить. Но Гаррик энергичным жестом остановил возражения.

— Причина, по которой Ниткер должен признать свой вассалитет, та же самая, по которой он затеял мятеж. Враги Островов сейчас сильнее, чем когда бы то ни было. Мы должны объединиться, иначе хаос поглотит нас всех.

В наступившей тишине были слышны лишь крики чаек да поскрипывание лодки. Лорд Матус в задумчивости поскреб подбородок пальцем.

— Адмирал Ниткер согласен лишь на совместное царствование,— наконец изрек он.— Его флот понадобится вам для защиты своих владений.

— Лорд Валдрон тоже мечтал бы оказаться на месте короля,— отрезал Гаррик. Валдрон и Матус, разумеется, знакомы друг с другом.— Но в конце концов он решил, что угроза Островам слишком сильна, и личные амбиции подождут. Валдрон стал командующим Королевской армией, а адмирал Ниткер может быть почетным командующим Королевским флотом.

На площадке неподалеку сопровождавший Гаррика отряд и его телохранители совершали какие-то перемещения. Одна группа отошла, дав место другой. Они зорко следили за людьми адмирала, как бы те не предприняли чего-либо опасного.

Отряд сопровождения был набран из числа войск северных землевладельцев под командованием старинных друзей Валдрона.

Эти вельможи не слишком хорошо платили своим наемникам, но затем, под влиянием Валдрона, улучшили снабжение армии — да и подготовку. Валдрон отличался живостью и энергичностью. Старый вояка был еще на Каменной стене в Сандраккане с королем Валенсом. Там, в то время как местная милиция забила панику, не рас-

терялись лишь Кровавые Орлы, противостоявшие головорезам из Пьюла, которые хладнокровно расправлялись с женщинами и детьми, пока Орлы удерживали трон для Валенса. Валдрон никогда не допускал отсутствия дисциплины в армии, которой он командует.

Матус взглянул на передвижения солдат. Казалось, будто он просто смотрит вдаль, но Гаррик знал, это не так.

— Я доставлю ваше послание,— обратился он к Гаррику.— Не знаю, каков будет ответ адмирала. Он держится сейчас весьма независимо, но кто знает...

— Лорд Матус, я не настолько озабочен собственным положением — скорее положением Островов и королевства. Будущим, если таковое случится.

Он обернулся и указал на военных, что передвигались по территории.

— Передайте адмиралу, что дело не в званиях, ни в моем, ни в его. Дело в выживании всей цивилизации. И очень скоро он поймет: нейтралитет сохранить не удастся.

Матус кивнул.

— Передам, но боюсь, что...— и он невесело рассмеялся.— Я верю вам, принц Гаррик, хотя и сам не ведаю почему. И единственное, в чем я могу помочь, это постараться убедить адмирала. Но сделаю все, что смогу.

Матус повернулся и кивнул командиру эскорта. И четверо моряков зашагали прочь, двое же остальных, с пиками, подождали, пока представитель адмирала не ступил в лодку.

— Мы все должны постараться,— шепнул Гаррик.

— И на сей раз, сынок, мы добьемся успеха,— услышал он шепот Каруса.

3-й день месяца Куропатки (позднее)

— Я посылаю дополнительный состав гребцов, их будет семьдесят восемь вместо пятидесяти двух, мастер Кэшел,— проговорил король Фолкуин. Он как будто оправдывался за что-то.— Таким образом, вы сможете менять

половину гребцов каждую вахту и быстрее достигнете Вэллеса.

Кэшел осматривал корабль и людей на его борту, одетых только в набедренные повязки. На судне царил порядок, только народу казалось многовато. Он попытался представить моряков овцами — так было удобнее их пересчитать. Но не тут-то было.

Пятьдесят два и семьдесят восемь — для Кэшела это были всего лишь слова. Он обычно потел, если считал дальше, чем до пяти. Для этой цели он всегда пользовался камешками, кидая их в горшок. Гаррик и Шарина считали до сколько угодно, а Гаррик даже показывал другу, как измерить высоту дерева по тени на земле.

— Ты свою задницу сюда не втиснешь, — сказал Захаг, оглядывая судно. Сам он в это время почесывал собственный зад. — Что ж, лишь бы нам скорее выйти в море.

Он повернулся к Кэшелу.

— Конечно, лучше бы не оказаться снова в той пустыне, а, старший? Ты ведь не собираешься отправиться туда, а?

— Да пожалуй, нет, — отвечал Гаррик.

— Тут слишком мало места, — пробормотала принцесса Ария, сузив глаза. Корабль назывался «Арбутус», и Кэшелу хотелось бы верить, что это — самое лучшее судно, к тому же надежно защищенное от пиратов, что снуют в здешних водах.

— Мастер Кэшел очень спешит поскорее воссоединиться со своей Шариной в Вэллесе, моя дорогая, — вступил в разговор Фолкуин. — Я уверен, что он согласен потерпеть небольшое неудобство ради этого. Ведь спустя несколько рассветов он встретится с возлюбленной.

Кэшелу показалось неуместным называть Шарину его возлюбленной. Но ведь это правда, так что он не стал исправлять короля.

Кэшел крепче сжал свой посох. Еще не хватало говорить об этом с Фолкуином! Он никогда не станет обсуждать свои чувства!

— Я просто не нахожу слов благодарности за заботу о моем друге Кэшеле, Ваше Величество, — проговорила

Ария. Судя по ее тону, она не придавала большого значения его словам.

Ария обернулась к Кэшелу и приложила палец к губам.

— Кэшел, я знаю, ты многого добьешься. Ты доставил меня сюда, в то место, которому я принадлежу, и вряд ли кто-либо еще мог это сделать.

Она огляделась, словно собираясь с мыслями.

— Я прошу госпожу Богиню послать тебе удачу. И еще, знаешь...

Она бросила на Кэшела взгляд. Вроде бы обычная девушка, но сколько в ней огня!

— Ты всегда желанный гость на Пандахе.— И посмотрела на Фолкуина.— Верно ведь, милый?

— Абсолютно верно,— сказал король, рассматривая собственные сандалии.— Что ж, капитан уже готов к отплытию, мастер Кэшел.

— Да, точно,— согласился Кэшел. Палуба закрипела под его весом.— Да хранит тебя Госпожа, принцесса. И вас, король!

Гребцы задвигались, и нос судна начал поворачиваться. Кэшел искал места, где сесть, но места попросту не было. Захаг вскочил на нос, между гребцом и капитаном.

Трубач проиграл двойной сигнал. Гребцы работали в слаженном ритме, их весла так и мелькали.

Кэшел помахал рукой оставшимся на берегу, потом занял место рядом с трубачом. Было тесновато, но он сумел кое-как пристроиться.

Захаг продолжал всматриваться в очертания берега.

— Не будь Ария такой тощей, она могла бы выглядеть очень даже ничего,— пробормотал он.— Хотелось бы мне поглядеть, что такое есть у Шарины, чего нет у Арии.

Кэшел поднял голову.

— Не вздумай еще когда-нибудь сказать такое, не то будешь вплавь добираться до места. Понял?!

Примат съехался в комочек.

— Можешь поверить, старший, больше — ни-ни...

На принцессе Арии было роскошное белое платье, ослепительно сверкавшее в лучах солнца. Просто удивительно, как далеко его видел Кэшел!

* * *

Илна остановилась, чтобы присмотреться, куда ее ведут проводники. Косые солнечные лучи падали на крыльцо перед входом. Крыша имела изящные очертания, несмотря на то, что выглядела пострадавшей от непогоды.

Одна из шести колонн, поддерживающих портик, упала на дорогу. Глаза Илны сузились, когда она заметила, что колонна разломилась под углом, а не рассыпалась на отдельные обломки.

— Это место отрезано от остального холма,— проговорила она. И, надо отметить, сделано это было мастерски. Каменщики на Третьей Аtare отменные.

— Да, верно,— отозвался Хостен. Они с солдатами становились все менее разговорчивыми по мере приближения к гробнице.— Ее выстроили для Старшего Роми еще при жизни.

— А закончили в тот самый час, когда он скончался,— добавил один из солдат.— Его смерть была предсказана заранее.

— Это все легенды,— резко оборвал его Хостен.— Может, так и было, а может, нет.

Он поглядел на Илну и добавил:

— О Старшем Роми много говорили как при жизни, так и после, госпожа. Будь я на вашем месте, я бы немедленно вернулся в Диверс и постарался сесть на корабль.

— Если он только в самом деле умер,— проронил один из солдат. На сей раз Хостен не стал его одергивать.

— Не такое уж это приятное путешествие, чтобы я не бросила его на полпути,— ответила Илна.— Но долг есть долг.

Большую часть из двух миль от дворца они проехали в карете. Хостен предложил ей сесть на лошадь, но Илна никогда не ездила верхом и не хотела выглядеть глупо, если упадет.

Они прошли последние сто шагов. Земля была покрыта глубокими трещинами — видимо, образовавшимися в

результате землетрясения, скорее всего, от такого и обрушилась колонна. В такую трещину даже лошадь могла провалиться, что уж говорить о людях.

— Это естественная пещера,— подал голос Хостен.— Вот только вход украсили. Говорят, она ведет к морю.

Внутреннее море было отсюда не видно, но до Илны долетал шепот волн. Ее не заботило, что пещера уходит под воду. Если каменные стены простояли так долго, непохоже, будто море станет угрожать жизни Илны ос-Кенсет.

Она смутно улыбнулась. Это бы раз и навсегда покончило с ее долгом перед Халфемосом и Кэшелом, а также всеми прочими людьми — в том числе и перед теми, кому она в прошлом причинила вред. Что ж, если Боги существуют, они не дадут ей так просто исчезнуть.

— Гроб был холоден, как лед,— снова подал голос солдат.— Они...

— Довольно! — рявкнул на него Хостен.

Илна обернулась.

— Пускай говорит,— заметила она.— Сказки или нет, я хочу это услышать.

Хостен повернулся спиной, то сжимая, то разжимая рукоять меча в ножнах, пытаясь избавиться от гнева и напряжения.

— Продолжай,— велел он.

Тот откашлялся. Волосы у него были морковного цвета и слиплись от пота.

— Эта история... Мой дядя рассказал ее мне, когда я был мальчишкой. Роми уложили в серебряный гроб.

— У него не было друзей,— вмешался еще один солдат.— Только слуги, но все не с Третьей Атары. Поговаривали, будто они и не люди вовсе.

— Ну вот, значит, гроб был холодным, будто ледяным,— продолжал первый.— Они внесли его в пещеру, до самого конца, и тогда водоем, который там был, вскипел. И все, кто там был, бросились бегом из пещеры, а пар начал подниматься над землей.

— А кто же рассказал эту историю твоему дяде, а, Дигир? — сердитым голосом спросил Хостен.— Уж не

слуги ли, которые были нелюдьми? Сказки все это, вот что я скажу!

— А вы спускались в пещеру, лорд Хостен? — задал ему вопрос тот солдат, что упоминал о слугах Роми.— В детстве, я имею в виду, решились на это? Я — да.

Хостен повернулся лицом к остальным. Он выглядел бледным, несмотря на солнечный день.

— Однажды. Я дошел до первого уровня, когда он начинает медленно понижаться. Мой факел погас. Я бросился прочь. Сама Сестра гналась за мной по пятам!

Он изучающе посмотрел на Илну.

— Не ходите туда, госпожа. Может быть, внизу ничего и нет, но там испытываешь самый жуткий холод на свете. Не ходите.

Илна пожал плечами. И сказала, обращаясь к человеку с фонарем:

— Если вы посветите, я позабочусь об этом деле, а остальные смогут идти домой.

Солдаты посмотрели на своего начальника.

— Мы подождем вас, госпожа,— произнес Хостен.— Скажем, до полудня.

Солдат приоткрыл крышку в задней части медного фонаря, вставил туда тлеющий фитиль, который нес в трубке на поясе, а потом слегка подул. На солнце непонятно было, загорелась ли искра. Потом он протянул фонарь Ильне.

— Надеюсь, я вас еще увижу,— проговорила Илна, поворачиваясь и делая три шага ко входу. Один из солдат что-то пробормотал в ответ — а может, он просто разговаривал с приятелями.

Лишь в самом начале, у входа, пещеры касалась рука человека. Снаружи тоже пробивался свет. Фонарь давал немного освещения, но глаза Илны постепенно привыкли к перемене в освещении.

Вниз — только гуда и можно было направляться. На глаза попалась кожаная шляпа. Илна сразу вспомнила о мальчишках, что пробирались в это жуткое место. Девчонки не стали бы заниматься подобной чепухой.

Она улыбнулась. А что же она сейчас делает? Ведь приняла же она вызов барона Робиларда?

Илна обнаружила, что ей хорошо удастся видеть здесь. Стены пещеры были влажными. Они состояли в основном из песчаника и неких блестящих минералов, отражавших свет фонаря.

То там, то здесь попадались имена и символы, нацарапанные на камне. Почти тысячу лет народ на Третей Аtare пытался доказать, что он храбрее, чем умерший — а вместо этого они демонстрировали, какими глупцами являются. Правда, дураки встречаются на всех островах без исключения.

Илна добралась до упоминаемого Хостеном спуска. Дорога дважды повернула налево. Чувствовалась, она вся исхожена юными любителями приключений за прошедшие века.

Далеко впереди захлюпала вода. Интересно, выходит ли пещера к морю?

Как Хостен и говорил, здесь оказалось очень холодно. Видимо, из-за влажности... правда, Илна почувствовала холод еще раньше. Она начала спускаться по склону.

Но камню она пришлась не по душе — так же, как и он ей. Тропа выскользнула из-под ступней. Девушка едва удержалась на ногах.

И опять улыбка тронула ее губы. Неприязнь не должна ей особенно помешать, она к такому давно привыкла.

Спуск продолжался. Илна удивлялась — как людям с гробом Старшего Роми на плечах удалось протащить его вниз. Она начала осматривать стены. Это должно было отвлечь ее от тропы, чтобы никто не подумал, будто она боится. Девушка даже рассмеялась этой мысли. Чтобы никто не подумал? Но кто мог бы подумать такое? Оставшиеся снаружи Хостен и солдаты? Она дотронулась до холодной, словно лед, стены. Ум Илны начали посещать странные иллюзии, словно кто-то играл с ним в опасные игры. Ее слегка отрезвило осознание собственной ярости, когда она догадалась об этом. Наверняка игрок действовал бы успешнее, будь на ее месте человек, больше доверяющий Великим Богам.

Фонарь начал мигать. Илна остановилась и осмотрела его. Так, масла в резервуаре достаточно. Она попыталась настроить прибор, подвигала трубкой вверх и вниз.

Но пламя превратилось в слабый голубой лучик. Илна вела фонарем непосредственно вдоль стены, ощупывая другую стену рукой.

Становилось все холоднее. Илна в гневе сжимала губы.

Все верно, она ни за что не отказалась бы помочь двум магам, что ради нее оставили Сад, но еще она понимала, что поддалась на провокацию не ради них. Она сделала это, так как барон Робилард был просто-напросто испорченным мальчишкой, у которого больше власти, чем справедливости суждений. В душе он — человек незлой, но творил произвол, поскольку некому было остановить его, а самому барону попросту не остановиться.

Вот и с Илной ос-Кенсет он попытался поступить точно так же. Может, теперь он хоть чему-то научится...

Илна слышала впереди плеск вод. Наверное, вода стекает с потолка пещеры, и звук этот многократно усиливает эхо.

Затем девушка снова смогла видеть. Пещера вся сияла голубоватым светом. Потом пол в пещере исчез. Впереди был бассейн. Вода плескалась о края, порождая тот самый звук, который слышала Илна.

Теперь понятно: пещера переходит в бассейн. В поисках берега Илна присела на корточки. Она вся дрожала. Чувство холода казалось совершенно реальным, хотя пар изо рта не шел, как это бывало в зимнюю пору в Барка Хамлет.

Илна поклонилась, как если бы приветствовала пожилого человека. Глядя в темную воду, она произнесла:

— Мастер Роми, я — Илна ос-Кенсет.

Вода оставалась прозрачной, как алмаз. Она отливала тем же сиянием, что и стены пещеры. На ее поверхности образовывались пузыри, которые булькали и лопались, достигая дна.

— Барон Робилард, ныне правящий островом, послал меня за вами, пригласить на ужин, что состоится нынче вечером во дворце. Он утверждает, будто вы — его предок.

В зале зазвучал смех. Илна подняла голову. Источник звука оставался невидимым для нее. Глубокий бас произнес:

— Ты боишься, Илна ос-Кенсет?

Илна поднялась на ноги.

— Я боюсь самой себя, мастер,— ответила она. Мускулы ее расслабились, дрожь исчезла.— Боюсь зла, которое может вырваться на свободу, когда я в гневе.

— Тебе больше нечего бояться, женщина? — спросил снова бесплотный голос. Он гремел, будто гром.

В воздухе вокруг Илны начали образовываться некие фигуры. Некоторые были просто ужасны, кошмарнее не придумаешь. Свет озарял мертвые тела, а также тела, которые никогда и не жили.

— Больше ничего, мастер Роми,— отвечала Илна.— Мое собственное зло куда ужасней.

Вода в бассейне задрожала, словно ее распирали радостный смех.

— Ступай обратно во дворец, госпожа Илна,— распорядился он.— Скажи человеку, который называет себя моим наследником, что Старший Роми, у которого нет наследников во плоти, посетит сегодня вечером его банкет. Вот позабавимся!

Илна вновь поклонилась.

— Я передам ему это, мастер,— сообщила она.

Потом повернулась и снова начала подниматься по тропе, ведущей в пещеру. Голос добавил:

— Скажи барону Робиларду, что я приду, когда выглянет луна. Надеюсь, он будет готов встретить меня.

Илна затрусилась наверх. Возвращение оказалось куда более легким. Раскатистый смех сопровождал ее всю дорогу до выхода. Она тоже улыбалась.

Окно в стене справа от Шарины показывало белую комнату и игровую доску, и ничего более. За другими пятью окнами теперь раскинулся океан. Рассвет окрасил облака розовым. Как будто в море не вода, а кровь.

И на всех пяти экранах — корабли, множество кораблей. Все суда под веслами, с мачтами, с флагами, несущими изображение Орла — эмблему Орнифола. Но Орел перечеркнут алым.

Если вначале, когда Шарина увидела плоты с Волосатыми, они показались ей сворой беспорядочно снующих туда-сюда дикарей, то теперь, под властными взглядами и жестами фантазмов, лохматые создания выстроились в фаланги, крепко сжав в руках дубины и насупив низкие лбы.

На палубах кораблей стояли лучники с оружием наготове. Правда, толку от них было маловато. Лучники реагировали на каждое движение, выпуская стрелы куда попало, и даже ранили своих соплеменников.

Некоторые лучники целились в фантазмов, которых видели перед собой. Стрелы проходили сквозь призрачные тела, как сквозь воздух, но глаза чудовищ загорались ярче.

Флагманский корабль представлял собой массивный пятимачтовик, возвышающийся над остальными судами и плотами. Сигнальщики на нем посылали ракеты, сопровождаемые пурпурным дымом, который видели все остальные. То тут, то там языки огня вспыхивали и начинали лизать сырую древесину. Плоты тонули, быстро уходили под воду.

Новая вспышка красного огня, и суда начали подтягиваться к флагману. И тут перед ними открылись бесчисленные плоты, доселе укрытые листвой и ветками деревьев. Корабли приближались к плотам один за другим. Они пытались пробиться сквозь барьер из древесины, но не тут-то было: плоты образовали настоящий остров.

Корабли натыкались на ветви, словно попадая в сети. Другие застревали среди стволов шириной в рост человека. Море вспенивалось под яростными ударами весел.

Бледные офицеры нервно выкрикивали команды матросам. Лучники и воины с мечами сбились в кучу, за ними стояли матросы, вооруженные топорами и дубинами.

Матросы пытались растолкать мешанину из бревен. Шарине была очевидна бессмысленность такой затеи. Выстроившиеся вокруг фантазмы указывали перстами на корабли. Волосатые повиновались, они начали бросаться на моряков.

Лучники едва успевали выпустить одну-две стрелы, пока не падали под ударом топора или камня, зажатого в волосатой руке. Копьеносцы осадили назад, наблюдая, как жертвы ударов пытаются перед смертью разорвать горло убийцам.

Моряки пробовали убежать, карабкались на мачты. Волосатые же отрывали их руки от мачт, сбрасывая вниз, в мешанину из древесины и тел. То и дело раздавались крики и стоны гибнущих. Порой они еще продолжали жить, когда страшные твари разрывали их тела и пожирали почки и другие «деликатесы».

Катапульты стреляли по живой массе, но от них было не больше толку, нежели от дождя или града.

Несколько уцелевших трирем спешно поворачивали назад, но как же их было мало! Еще несколько кораблей сумели обойти плоты, не приближаясь к ним.

Вокруг царили хаос и паника. У гребцов, кроме ножей, и оружия-то не было, а что сделаешь с ножом против здоровенной дубины или камня, если противник к тому же сильнее и мощнее? В ход шли также и острые клыки. Все вокруг заливали потоки крови.

Наблюдая за картиной, Шарина не испытывала ничего, кроме разве что небольшого любопытства. Ничто ее сейчас не волновало.

Выжившие после битвы Волосатые перелезали через борта кораблей и занимали места гребцов на скамьях. Под предводительством фантазмов они захватывали остальные корабли.

Огромные толпы Волосатых обоего пола и всех возрастов наводнили корабли. Команда на каждом из кораблей пыталась сопротивляться, но фантазмы жестом показывали: убить. Весла уже замелькали.

Захваченные триремы — количеством около сорока — всего флот насчитывал их пятьдесят — дали задний ход, затем развернулись. Плоты, на которых приплыли примерно десять тысяч дикарей, двигались рядом.

Флагманский корабль и две соседние триремы все еще оставались у людей — они на максимальной скорости удирали от преследователей. Они двигались к северо-западу, к островам вдали.

Шарина наблюдала за всем этим, как смотрела бы на капли дождя, падающие на соседское крыльцо, когда знаешь, что может разразиться гроза и залить твой дом, но тебя это отчего-то не беспокоит!

— Беда со всеми воюющими магами заключается лишь в одном,— подытожил король Карус,— их не волнует, что они могут погибнуть.

Он повернул голову, улыбнулся призрачному образу Гаррика и добавил:

— Конечно же, в большинстве случаев они мертвы с самого начала.

Юноша понимал: сейчас они с царственным предком близки, как человек и его тень, и чем бы он был без хладнокровной смелости Каруса?

На залитом лунным светом поле внизу армия Каруса сражалась с отрядом мертвецов.

Скелеты утопленников, одетые в светящиеся лохмотья, бросались на людей с бездумной решимостью. Гаррик прежде сражался с подобными монстрами. Даже будучи изрубленными на куски, они не переставали драться. Лишь мастерский удар, разрубающий тело нелюдя с головы до пят, прекращал смертельный натиск.

— Как думаешь, королева пошлет нелюдей против нас? — спросил Гаррик.

Карус пожал плечами:

— Вначале должно быть что-нибудь совсем тупое. Потом — люди, последователи мага, но не слишком много.

Фаланга формировалась на пустынном месте, так что в каждую сторону смотрел один из восьми отрядов. Более молодой на вид король Карус стоял в центре формирования на груде доспехов. Лунный свет отражался от его клинка, а также от золотого обруча на волосах.

— Мне было интересно, как поступить, если они начнут убегать, а мне придется их преследовать,— проговорил Карус теперешний.— Только волноваться было не о чем: они не убегали, пока оставался хотя бы один способный воевать. Я никогда не встречал мага, способного

возглавить кампанию, не сомневаюсь, что и тебе это не удастся.

Земля вокруг была усеяна обломками костей и залита странного вида жидкостью, которая заменяла мертвецам кровь — после их второй смерти. Повсюду валялись ржавые остатки оружия.

— Но у тебя другая проблема, сынок,— продолжал Карус.— У меня была армия, а ты должен отстоять город. Это посложнее будет.

— Мы чиним городские стены,— сказал Гаррик.— Питре отвечает за это, а Тадай ищет деньги, чтобы заплатить рабочим. Мы получаем кредит от серианских банкиров.

Гаррик покачал головой. Слава богу, ему можно было не носить постоянно золотой обруч. Многое из того, что приходилось делать *принцу Гаррику*, сводило его с ума.

— Ты считаешь, люди не будут энергично впрягаться в работу, если им не платят? — спросил он.— Не забывай, если вернется королева, их жизнь под угрозой. Они это знают!

— Нет, не знают. А если бы и знали, им все равно нужно платить. Они ведь кормят свои семьи. Те, кто носит глину и камни, не дворяне и не богатые купцы, которые могут жить на сбережения прежних дней. Большинство из них может позволить себе лишь ужин, ибо днем им не на что купить еду.

Гаррик стиснул кулаки. Внизу, на поле, корчились последние из нелюдей, напоминая ящериц.

— Так вот что значит быть королем? Искать деньги заплатить рабочим, а потом еще деньги — возвращать банковский кредит. Я даже не представляю, как мы будем платить по кредиту!

— В легендах и сказках об этом не было ни слова, верно? — усмехнулся Карус.— Но ты справишься, сынок.

Внезапно помрачнев, он добавил:

— Лучше, чем это удалось мне, в любом случае, ибо я вижу: ты не дашь обстоятельствам сломить тебя.

Молодой Карус подошел к сигнальщикам отдать распоряжения. Трубач протрубил двойной сигнал. Офицеры повернулись, чтобы рассмотреть отдаваемые команды в

деталях, ибо флаги было не видно при тусклом свете. Два батальона начали продвигаться в сторону атакующих. Четвертое подразделение, окруженное нелюдьми, также повернулось и проследовало за основным составом в качестве резерва. Левофланговые каждого батальона несли дополнительное оружие.

— Мне никогда не нравилось передвигаться по ночам,— задумчиво изрек Карус.— Но мне не хотелось давать мятежному магу еще один шанс. Мага звали Абиба. Он же именовал себя Абибой Великим — пока я не вздержнул его. Может быть, с ним было слишком легко справиться.

Гаррик нахмурился, глядя на поле битвы. Победа была полной, почти без людских потерь, что верно то верно, но менее опытный командующий непременно понес бы большие потери.

— Мне не показалось, что это так уж легко,— парировал он.

— Эге, знаешь, я могу позволить себе думать, что, раз мои войска не впали в панику, встретившись с волшебством, значит, и мне не следует бояться магов. Тварь-в-Капюшоне утопила меня и моих людей, погрузила на дно Внутреннего моря, потому что я не оценил реального риска.

— Эге,— Гаррик не вполне понял точку зрения короля.— А что ты там говорил перед тем, как сообщил, что моя работа будет посложнее? Что люди будут паниковать? Большинство из них, так?

Карус серьезно кивнул.

— И дело не в том, что горожане и солдаты недостаточно храбры, сынок. Они привыкли к звону оружия, они ветераны, все верно, но я и мои люди никогда не сталкивались с подобными монстрами до того, как вышли навстречу Абибе. Много проще выходить навстречу опасности, когда рядом с тобой люди, которым можно доверять. Это — всегда удача.

Гаррик проглотил комок.

— Сделаем все, что в наших силах,— произнес он.— Сами стены нам помогут, к тому же Альтапер разработал

схему действия городской милиции. Даже если они не особенно умело обращаются с оружием, думаю, людям понравится ощущать себя полезными. Я думал об эвакуации Вэллиса, но не знаю, поможет ли это, ведь королева может атаковать отовсюду.

— Как приятно было повесить мага, с которым мы бесконечно пререкались по поводу налогов, собираемых с правителей отдельных островов,— с улыбкой проговорил Карус.— Мне следовало больше времени уделять налогам, так смотри же — не повторяй моих ошибок.

Теперь поле опустело, если не считать грязной измятой травы, поломанных доспехов и оружия и трупов. Глядя на залитую лунным светом равнину, Гаррик сказал:

— Господин, я ощущаю себя отлитым из меди. Меня уже так расплющило, что скоро через меня можно будет видеть окружающий мир. Каждый получает то, что хочет... а я не уверен, что от меня хоть что-нибудь останется... если они не остановятся.

— Они не остановятся, сынок,— тихо промолвил Карус.— Пока кто-то из вас не погибнет, ты или они.

Король обнажил длинный меч. Рукоятка и перекладина были как будто одним целым с лезвием. Края — остро заточены.

— У меня не было выбора, становиться королем или нет,— сказал Карус.— Острова нуждались в сильной руке. В такой, как моя, сказали мне Карлиан и его советники, и мне хотелось оправдать их ожидания. Но в конце я все провалил, ибо недооценил мага, а королевство захлебнулось в крови и хаосе.

— Никто не справился бы лучше тебя,— проговорил Гаррик. Он стиснул в руке коронационную медаль короля Каруса, висевшую у него на шее.

— Откуда тебе знать! — с внезапной вспышкой гнева воскликнул его собеседник. Потом лицо его смягчилось, он улыбнулся и продолжил: — А может, ты и прав. Что ж, происходящее сегодня — в твоих руках, принц Гаррик. И у тебя тоже нет выбора. Ты станешь королем Островов, ибо ты нужен Островам. И нужен их жителям. Это самое важное — служить людям.

Карус поднял меч. Откуда-то на балкончик проник неяркий свет, озаряющий серые камни.

— Отличное оружие, чудесное творение рук человеческих,— проговорил Карус, обращаясь скорее к мечу, чем к Гаррику.— Оно сделает все, о чем я попрошу, пока не сломается. Так оно и было, Гаррик.

Карус повернулся лицом к юноше, как две капли воды напоминающему его самого в юности.

— И так будет с тобой, Гаррик. Ибо у нас обоих есть дело, которое нужно выполнить, а еще — мечи в руках.

И король древности рассмеялся. А потом начал исчезать. Гаррик поднял голову: он держал ее на скрещенных руках.

— Гаррик,— позвала его Лизйн через дверь.— Пришел Альтапер, он хочет доложить о делах в милиции. Увидишься с ним?

Снаружи оказалось так темно, что Гаррик едва разглядел очертания двери.

— Веди его сюда, Лизйн,— отвечал он. Потом встал, зажигая свечу.

Там, в полусне-полуяви, рядом с могучим Карусом, он мог быть испуганным мальчишкой-несмышленищем. Теперь же снова настало время быть королем.

Фонарик Илны вспыхнул, стоило лишь поднять его над полом пещеры, но она удивилась, как мало осталось в нем масла. Странно, он ведь почти не горел!

Она прошла оставшийся путь быстрым шагом. Холода она больше не ощущала.

— Кто-то идет! — услышала она чей-то взволнованный голос у входа. Люди выставили вперед оружие.

— Я выхожу! — сказала Илна.— Что у вас случилось?

Она выступила на крыльцо. Ее эскорт расположился у колонн. Хостен стоял с мечом наголо, четверо солдат прикрылись щитами.

— Это и вправду она? — осторожно спросил один.

— Конечно, это я! — воскликнула девушка, поднимая фонарь, так что он осветил ее лицо.— Вы ведь знали, что я приду!

Хостен спрятал меч в ножны.

— Мы надеялись, госпожа Илна,— проговорил он тихо.

И посмотрел на небо. Луна была в зените. Илна пробыла в пещере намного дольше, нежели собиралась.

— Нам стоит поспешить во дворец,— сказал он.— Иначе они решат, что вы не вернетесь, и тогда...

Он, приподняв бровь, взглянул на девушку.

— Разумеется, мы возвращаемся,— ответила Илна мягче, чем обычно. Она знала, что Хостен старался помочь ей: не его вина, что Илне так трудно дается мягкость.

Она протянула фонарь одному из солдат. Будь ее воля, она загасила бы пламя и ехала в карете только при лунном свете. Но солдат оставил фонарь зажженным.

— Как вам удалось обнаружить пещеру, госпожа? — спросил Хостен.

— Я шла себе вперед и шла,— отвечала Илна.

— Значит, все истории — сказки и фантазии,— протянул Дигир чуть ли не с сожалением.— А мы-то, словно детишки, во все верили...

Илна сурово глянула на него.

— Нет, не фантазии. И я бы посоветовала тебе относиться к Старшему Роми с уважением, какого он заслуживает.

— Довольно же, Дигир,— прервал их беседу Хостен.— Если госпоже Илне и есть что сказать, пусть это услышит барон Робилард.

— Вот еще что,— произнесла Илна.— Дигир, и вы все: если вы не сможете заставить своих детей не тревожить Старшего Роми из уважения, пускай они лучше боятся его. После сегодняшнего вечера у них будут все основания для этого.

4-й день месяца Куропатки

Королева, с глазами, словно ледяные кристаллы, наблюдала за Шариной из алебастровой комнаты.

— Подойди ко мне, дитя,— изрекла она.

С головокружительной быстротой девушка очутилась в белых покоях перед игровой доской.

— Я была занята уничтожением Королевского флота, Шарина,— проговорила королева. Она улыбнулась с кошачьей иронией.— Я позволила тебе увидеть это, дабы ты знала: бессмысленно пытаться противостоять мне.

Шарина ничего не сказала. Она вся дрожала. Вцепившись в собственные бедра длинными сильными пальцами, девушка пыталась вернуть себе ощущение реальности. Тело ее перестало быть холодным, но душа все еще пребывала во власти ледяного безмолвия.

Королева же продолжала улыбаться, но глаза ее казались сделанными из камня — более крепкого, чем турмалин, из которого были изготовлены фигуры на доске. Указательным пальцем она зацепила и подтащила к себе одну из фигурок.

— Очень хорошо,— медоточивым голосом пропела она.— Я надеюсь, ты будешь помогать мне без этой демонстрации, но, право же, не стоило ожидать от тебя мудрости. Только покорности, без этого — никуда.

— Я не собираюсь помогать тебе,— отрезала Шарина. Она знала, что голос ее звучит грубо по сравнению с бархатным голосом королевы. От этого она рассердилась, а злость будто бы отогрела ее душу.

Королева провела рукой, словно протирая стену, и белый алебастр отодвинулся на несколько шагов.

— Взгляни, Шарина,— любезно произнесла она.

— Если ты не можешь заставить меня делать это против моей воли, тебе этого не добиться,— повысила голос Шарина.— Тебе не удастся, а я не стану помогать.

— Взгляни, девочка,— повторила королева. И вновь кусок стены превратился в окно, из которого открывался вид на море.

Два судна — боевой весельный корабль и торговое — двигались каждое своим курсом с противоположных сторон. По собственному опыту Шарина знала: с наступлением темноты суда чаще всего встают на якорь у островов Внутреннего моря.

Весла на военном корабле двигались с такой же скоростью, с какой птица машет крыльями: вверх-вниз, в то время как обычно они напоминают движение ног со-

рокожи. Торговое судно шло под небольшим парусом. Сейчас корабли находились в полете стрелы друг от друга.

Ни один не преследовал другого. Королевство Островов настоящее время не отличалось большим количеством пиратских нападений.

— Видишь, кто находится на борту «Арбутуса», девочка? — игриво спросила королева. И Шарина смогла увидеть корабль настолько хорошо, словно он проходил буквально у нее под носом.

На узкой палубе биремы столпились люди. На долю секунды Шарина успела испугаться, вспомнив о захваченных Волосатыми людьми судах, но нет, здесь находились нормальные люди.

Большинство из них были нормальными людьми. Королева подняла палец и переместила его немного в сторону. На носу биремы сидела человекообразная обезьяна. Вцепившись в перекладину задними лапами, передними животное сосредоточенно искало у себя на груди блох.

Шарина нахмурилась. Эта обезьяна напомнила ей о...

Палец королевы вновь переместился. И среди сидящих гребцов...

— Кэшел! — закричала Шарина.

Тот сидел на перилах, глядя в море, и на лице его, как прежде, застыла ироничная усмешка. Точно такой же, каким Шарина привыкла видеть его, например, когда они боролись с Захагом при дворе короля Фолкуина. И знакомый ореховый посох зажат между колен, чтобы не мешать морякам, сгрудившимся возле него.

Улыбка королевы стала широкой и хищной. Корабли удалялись друг от друга. На торговом капитан отдал приказ. Трое матросов, как кошки, быстро полезли по опрам, чтобы выпустить риф грот-мачты.

— Что ты готова сделать для спасения своего Кэшела, девочка? — промурлыкала королева. — Отведешь меня к трону Малкара?

Шарина посмотрела на прекрасную и коварную женщину. Говорить она не могла. Ей нечего было ответить.

И снова глаза королевы блеснули дикой злобой: она не встретила во взгляде Шарины страха. Ее указательный палец остановился в окне на фоне темного моря.

— Смотри же,— зловещим шепотом молвила она.

Вначале Шарина видела только колдунью. Но... только дети могут поверить, мол, если отвернуться, то ничего и не произойдет. Ей пришлось снова повернуть голову.

И вот перед ней парусное судно. Военное судно с Кэшелом на борту было уже далеко, различимое лишь по взмахам весел. Матросы развернули паруса.

Корабль вдруг остановился. Рулевой скорчился у румпеля.

Нечто толщиной с якорную цепь поползло через перила на носу и обмоталось вокруг лодыжки капитана. Тот закричал и вскочил на ноги, пытаясь стряхнуть это нечто. Рулевой выхватил кинжал и бросился к капитану.

Еще два щупальца обхватили рулевого.

Шарина наблюдала за ужасающей картиной, глядя в окошко. Она не только видела глаза людей, но и ощущала их страх. И этот жуткий страх передался и ей.

Моряки размахивали оружием. Дюжины щупалец, бесчисленное множество кишели в воздухе. Перила сломались, и люди беспомощно падали и исчезали в пучине.

Корабль завертело, грот-мачта лопнула, парус упал прямо в море. Палуба накренилась под давлением щупалец. Почти вся команда уже была в воде.

Корабль накренился еще сильнее. Рядом с ним над водой появилось громадное, отливавшее перламутром тело: раковина аммонита, но размером, пожалуй, с небольшой остров. Один из злобных глазок моллюска смотрел на Шарину, а загнутый клюв ловил и глотал моряков одного за другим.

Обшивка судна прогнулась, а потом и вовсе лопнула. Изуродованные бревна с минуту плавали на поверхности воды, а потом тоже погрузились в пучину.

Луна отражалась от блестящей раковины твари. Щупальца сомкнулись вокруг последнего плавающего обломка. Не найдя ничего питательного, чудовище медленно погрузилось на дно, откуда и возникло.

— Ну так как, Шарина? — спросила с нажимом королева. — Сделаешь, как я хочу, или Кэшел отправится на корм Старушке?

Стена из белого алебастра вернулась на свое место. Шарина смотрела на ужасную и одновременно прекрасную фигуру, стоящую напротив нее за игровой доской.

И голосом, лишенным эмоций, девушка произнесла:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Стражи перед дворцом Робиларда замерли в ожидании, когда лорд Хостен вылез из кареты. Офицер низко поклонился. Хостену было недосуг отвечать на дежурные любезности.

— Нынче, поздно вечером, — начал он. Была уже полночь. — Попойка будет продолжаться несколько часов. И...

Он несколько замешкался, не зная, как объяснить. Он смущенно улыбнулся Илне.

— Барон Робилард — отличный молодой человек, но порой он бывает немного перевозбужден, когда опрокидывает чашу за чашей. Вы уверены, что хотите встретиться с ним сейчас?

— Постольку, поскольку я вообще хочу с ним встречаться, — ответила Илна. Она пожала плечами. — Я обязана предупредить его. Он не станет слушать, но предупредить я должна.

Хостен кивнул.

— Я проведу вас в пиршественную залу. — Он повернулся, чтобы войти.

— Господин, нам... — обратился к нему один из солдат. — То есть, я хочу сказать, должны ли мы...

— Отправьте их домой, — произнесла Илна, прежде чем Хостен успел ответить. — Ни к чему вовлекать их в это дело. А о своем приходе я и сама могу сообщить барону.

— Вы свободны, — сказал Хостен сопровождавшим их солдатам. То же самое распоряжение получил возница, и карета отправилась вниз по дороге. Четверо солдат быстро затрусили за ней, словно сама Сестра гналась за ними по пятам.

Илна усмехнулась. Похоже, она права.

— Я проведу вас внутрь,— повторил Хостен. Улыбка его становилась все более кривой.— Я бор-Хориал, госпожа. И у меня не больше возможностей для выбора, чем у вас.

Илна рассмеялась,— довольно громко — чего не было с ней уже давно.

— Так пойдемте же,— и она двинулась следом за вельможей.

Илна никогда не понимала, отчего люди так гордятся своим происхождением. С другой стороны, ей было предельно ясно: Илна ос-Кенсет — чей отец пропил все свое имущество, прежде чем допился до смерти, чью мать никогда не видали в Барка Хамлет — и не может судить о таких вещах.

Ни один знатный человек еще не объявлял ее своей родственницей. Но даже случись такое, вряд ли она станет гордиться этим.

Зал, где нынче утром она встретилась с бароном Робилардом, был пуст, если не считать нескольких суетившихся слуг, а также теней, отбрасываемых шестью лампами. Илна нахмурилась. Она ожидала, что банкет будет проводиться здесь.

Хостен будто угадал ее вопрос:

— Пиршественная зала была пристроена к дворцу сзади. Это было первым проектом барона, когда он взошел на трон.

Илна сморщилась. Она легко могла понять горечь Асцелея, когда торговец жаловался на налоги.

Они прошли мимо нескольких небольших комнат. В конце коридора гремела музыка, раздавались голоса и смех, сверкали огни. Слуга с подносом, на котором стоял графин с вином, сделал шаг в сторону, пропуская их.

Длинные столы выстроились буквой «П», за ними располагались гости. Слуги разносили напитки и пищу.

Зал был настолько велик, что даже огромная толпа собравшихся не смогла его заполнить. Пол покрывали ветви папоротника, а не камыш, как в лучших домах Барка Хамлет. Посреди стола стояла железная клетка.

В ней, скрестив ноги, сидел Халфемос со связанными лодыжками, ожидая решения своей судьбы.

Кое-кто из собравшихся заметил Хостена и Илну. Люди были настолько пьяны, что не могли даже сфокусировать взгляд на вошедших. Барон Робилард еще не дошел до такого состояния, хотя щеки его покраснелись, глаза лихорадочно блеснули. Справа от него устроилась Реговара, слева — жена, белокурая Котолина.

Котолина встретила входящую в зал Илну ледяным взглядом. Подле нее разместились колыбелька близнецов, и нянюшка кормила грудью одного из детей.

Илна немного удивилась, заметив за столом и леди Таману. Но удивление исчезло, когда она разглядела: женщина сидит в дальнем конце стола, а рядом с ней — простолудин.

Спутник Таманы был одет безвкусно и пестро, словно один из чиновников, собирающих подати с крестьян во время визита жрецов в Барка Хамлет. Безусловно, и этот подвизался на подобной службе. Единственной причиной, по которой сборщика налогов допустили на пир, была необходимость публичного унижения леди Таманы.

В углу стоял арфист, нараспев читая баллады:

— Вот Турнус из крепости знамя принес...

И трубы протяжно запели.

— Милорд! — перебил арфиста Хостен.

Все гости немедленно обернулись на него. Халфемос вцепился в прутья клетки, горестно качая головой.

— ...Он начал нахлестывать лошадей... — продолжил арфист.

— Тишина! — рявкнул Робилард, поднимая руку. — Я уж думал, вы покинули меня, Хостен. Думал, придется мне искать другого военного советника, раз вы оказались таким ленивым и нерасторопным слугой.

Хостен заговорил. Илна выступила вперед и скрестила руки на груди.

— Лорд Хостен выполнял ваши приказы, милорд, — заявила она. Голос ее звонким эхом отражался от мрамора стен. — Все вышло дольше, чем я ожидала, но я тоже

выполнила ваш приказ. Старший Роми сообщил, что он явится к вам на ужин, как только взойдет луна.

Робилард развернулся и начал подниматься. При первой попытке плюхнулся назад. Перевернул свой серебряный кубок, но потом все же поднялся при помощи какого-то человека, поддерживавшего его под локоть.

Робилард вперил палец в Илну.

— Ты идиотка! — заорал он. — Да еще и лгунья к тому же!

— Да, я часто оказывалась в дураках, — спокойно согласилась Илна. — Но лгать мне не было смысла. И я предупреждаю вас, барон Робилард: сомневаюсь, что Старший Роми стал бы лгать.

— Посадите ее в клетку вместе вон с тем! — велел Робилард. — А утром утопите. Пусть повторяют свою ложь рыбам!

— Милорд, но я думаю, что... — нерешительно начал Хостен.

— А ну, тихо! — рявкнул Робилард. — Ты что, хочешь составить им компанию?

Барон зашатался и едва не рухнул лицом в закуски. Хорошо еще, слуги успели подхватить его под руки и усадить в кресло.

Илна повернулась к Хостену:

— Да уж, лучше помолчите, не то я сама заставлю вас молчать. К тому же настало время вам уйти.

Хостен покачал головой.

— Честью клянусь, — ровным голосом произнес он. Он подвел Илну к клетке и открыл задвижку на дверце. Илна отвесила ему поклон и нагнулась, чтобы войти в клетку. За ее спиной лязгнул засов.

Разговоры возобновились, но арфист стоял в нерешительности. Он едва слышно перебирал струны, оглядываясь на Робиларда. Ведь последней командой барона было сохранять тишину. Так что арфист не знал, продолжать ли ему декламацию, и не один он боялся нарушить молчание.

Лорд Хостен сел в кресло слева от леди Котолины. Слуга предложил ему кубок вина. Хостен взял кубок, но пить не мог.

— Не нужно было тебе возвращаться, — едва слышно прошептал Халфемос.

— Не думаю, что придется ждать долго, — отвечала Илна. — Ведь луна уже взошла.

В зале становилось все холоднее. Илна выдохнула, но пара не заметила.

— Хотя не так уж и давно, — добавила она.

Лампы начали гаснуть. Разговоры стихли. Все повернулись к дверям. Леди Реговара, которой с ее места была видна открытая дверь, вдруг завизжала и попыталась вскочить.

Фигура из голубого льда вошла в пиршественную залу. Она двигалась как человек, вот только вместо головы было нечто бесформенное. Следом за первой фигурой выстроился целый ряд подобных же призраков; входя в зал, они расходились направо и налево, словно на параде.

Арфист выронил инструмент и ринулся к запасному выходу у себя за спиной. Схватившись за портьеру, он в ужасе завопил. На пороге стоял еще один человек из льда.

Слуги Робиларда застыли, как вкопанные. Незваные гости жестом указали им на дверь. И те послушно двинулись к выходу. Лишь за дверью они разразились воплями ужаса и облегчения одновременно.

Ледяная фигура, преградившая путь арфисту, поманила музыканта. Тот в ужасе замер, лишь хлопал глазами, как рыба, извлеченная из воды.

Ледяной человек поманил снова. Арфист на негнущихся ногах двинулся к нему. Его душераздирающий крик огласил коридор.

Илна вспомнила, как Гаррик читал страницы волшебных книг. Зачастую она не понимала слов. Даже трусарфист мог бы быть для Гаррика лучшим собеседником, чем она, Илна.

Рука Илны нащупала свободный конец пояса — такого же, какой она соткала для Лизэйн.

Хостен заметил Илну через стол и попытался встать. Ледяной человек, стоявший за его спиной, словно слуга, положил руку ему на плечо. Вельможа закричал:

— Оставь меня в покое! Я хочу освободить ее!

Они боролись с минутой: человек, пытающийся подняться, и нечеловек, мешавший ему. В конце концов Хостен, задыхаясь, оставил свою попытку.

Халфемос начал чертить какие-то знаки на ржавом полу клетки. Руки его, к счастью, оставались свободными, так что он мог приступить к заклинаниям.

— Церикс научил меня открывать двери,— прошептал он Илне.— Это железо, но вокруг нас сейчас так много энергии, что я, наверное, смогу...

Ледяная фигура возникла около колыбели, над которой склонилась перепуганная нянька. Она указала женщине на дверь, сама же приблизилась к колыбели.

Котолина закричала и попыталась подняться. Другая ледяная фигура удерживала ее на месте. Первая же подняла близнецов. Они плакали, но как-то тоненько и будто даже отстраненно.

Ледяной человек протянул младенцев матери. Котолина прижала их к груди. Она шептала какие-то слова, и слезы облегчения катились по ее лицу.

Халфемос оторвал лист папоротника, используя его вместо волшебной палочки. Закрыв глаза, чтобы уроки Церикса лучше всплыли в памяти, он произнес:

— *Азо ио хатихатхара эзоуоай...*

Сборщик налогов крепко стиснул в руках кубок. Он дважды пытался донести вино до рта, но руки его дрожали, и содержимое лишь проливалось на стол.

Ледяной человек тронул сборщика налогов за плечо. Тот закрыл глаза и притворился, будто потерял сознание.

Тогда призрак поднял его за плечо одной рукой. Так мать-кошка поднимает котенка зубами за шкурку. Второй рукой он отбросил в сторону кресло.

Сборщик налогов все еще не решался открыть глаза. Дрожащими губами он повторял слова молитвы. Все в комнате, кроме Халфемоса, наблюдали за происходящим.

Ледяная фигура освободила свою жертву, легонько подтолкнув ее к двери. Бедняга зашатался, огляделся и бросился бежать. Поскользнулся на траве, устилавшей пол, но удержался и помчался прочь, дико завывая.

— *Оуо куссохта дамменеус*,— говорил Халфемос.

Все в огромном темном зале сверкало голубым светом. Это сияние излучали ледяные фигуры.

В коридоре слышались шаги. Они не были тяжелыми, но эхо разносилось далеко вокруг.

Старший Роми, высокий человек с деревянным посохом в руках, вошел в пиршественную залу.

Его одеяние было черного цвета с золотой каймой вокруг ворота, по подолу и рукавам. Худощавое лицо ничем не напоминало лицо трупа, волосы цвета воронова крыла отливали синевой. На вид ему казалось не больше тридцати.

Глаза же Роми выглядели древними и вечными.

Он взглянул на Илну, кивнул ей и иронически улыбнулся.

Потом перевел внимание на барона Робиларда, восседавшего во главе стола. Леди Реговара в ужасе грызла костяшки пальцев, засунув их в рот. И сама не замечала, как кровь капает на белую скатерть.

Котолина бормотала что-то своим детям. Кроме звука ее голоса да плача младенцев, в зале раздавался лишь негромкий голос Халфемоса. Юноша продолжал чтение заклинаний, словно не замечая присутствия древнего мага.

— Я пришел, ибо ты пригласил меня, барон,— проговорил Роми.— Где мне можно сесть?

Голос был тем же самым, что Илна слышала в пещере. Правда, его подхватило и многократно усилило эхо. Акустика в зале была неважной.

Робилард так и открыл рот. Несколько судорожных движений кадыка— и его вырвало прямо на стол, он даже запачкал собственную руку.

Роми улыбнулся.

— Тогда я сам освобожу для себя место,— проговорил он и подошел к месту, где сидел сборщик налогов. Один из ледяных людей поставил туда кресло. Роми сел, держа посох в вертикальном положении.

— *Ио чурбурет*,— пробормотал Халфемос.— *Барух тиамос!*

Вспышка розового света охватила замок. Три скобы распались одна за другой, после чего железный замок со звоном упал на каменный пол.

Халфемос подошел к двери. Его охватила слабость. Он качнулся вперед, так что Илне пришлось подхватить юного мага. Сейчас в клетке было безопаснее всего.

Ледяные люди в молчании наполняли кубки гостей. Несколько придворных что-то напевали, остальные тихо плакали, не двигаясь с места. Лорд Хостен повернулся к ледяному «слуге» и покачал головой, указывая на почти полный кубок.

Леди Тамана уставилась на сидевшего напротив нее мага. Одна рука ее лежала на столе, второй она вцепилась в шелковую блузу на груди. Лишь биение жилки на шее показывало, что леди Тамана все еще жива.

Нечеловеческий слуга аккуратно убрал следы рвоты барона Робиларда со стола и промокнул губы и усы барона салфеткой. Робилард дрожал, но не шевелился.

Перед Старшим Роми стоял простой оловянный кубок без рисунка. На взгляд Илны, он был красивее усыпанной драгоценностями посуды, стоявшей перед придворными. Роми поднял кубок: вино зашипело пузырьками с громким звуком, словно жарящийся на сковороде бекон.

Роми перевернул кубок вверх дном, дабы каждый мог удостовериться: он пуст.

— Где же твое гостеприимство, родич? — спросил он. — Ты ведь заявил, что мы — родичи, верно?

— Прошу вас, — жалобно проговорил Робилард. — Прошу вас, я ничего не понимаю.

Роми встал с убийственной грацией. Ледяной слуга тут же отодвинул в сторону кресло. Взгляды собравшихся были прикованы к волшебнику.

— Я принял твое приглашение, родич, — снова заговорил Роми. — А теперь — пускай ты и твои гости примут мое.

Стоявшие вокруг стола ледяные призраки начали вытаскивать стулья из-под публики. Некоторые упали бы на пол, если бы их не поддерживали услужливые помощники.

Роми указал посохом на дверь. Улыбка изогнула узкие губы: так взрослый снисходительно наблюдает за шалостями детей. Участники пира вереницей потекли к дверям, словно процессия мертвецов. Ноги их еле двигались, с обеих сторон их поддерживали ледяные люди. Лорд Хостен держал спину прямо, но глаза его были устремлены в спину идущей перед ним женщины.

Леди Котолина прижимала к себе детей. Она сильно шаталась на ходу, глаза ее заволокло слезами. Всякий раз, как ледяной человек касался ее плеча, пытаясь помочь, она шарахалась в сторону с криком отчаяния.

Сквозь двери потекла цепочка людей — и нелюдей. Старший Роми снова кивнул Илне, затем повернулся и последовал за остальными.

Халфемос оправился достаточно, чтобы поднять голову. Илна встряхнула руки и открыла дверь клетки.

— Оставайся здесь, — велела она юноше.

Илна выбралась наружу и расправила затекшие конечности. Клетка была тесной, но ей предстояло дело опасней, чем сидеть в клетке. Дело, которое поручил ей Робилард, вызвало у нее сильный гнев, так что сейчас важно было собраться с мыслями — иначе все пропало.

Лампы в зале начали снова загораться. Вокруг виднелись остатки пиршества — разбитая посуда, разлитое вино, обрывки одежды.

Илна огляделась. Халфемос пытался покинуть клетку, но глаза его все еще не могли сфокусироваться. Она зашагала по пустому коридору, стараясь догнать Роми и его пленников.

Процессия уже покидала дворец. Роми спускался с платформы. Илна закричала:

— Старший Роми! У меня к вам вопрос!

Ледяные люди встали как вкопанные. Старший Роми обернулся.

— Задай свой вопрос, Илна-ос-Кенсет, — велел он.

— Господин, чего вы боитесь? — уверенным тоном произнесла девушка.

Роми рассмеялся, и смех его раскатистым гулом прозвучал под сводами дворца.

— Я ничего не боялся при жизни. Ничего не боюсь и теперь.

— А не боитесь того, куда заведет вас ваш собственный гнев?

Илна остановилась напротив мага. Придворные тоже остановились и смотрели на нее, правда, некоторые из них еще не могли оправиться от своего отчаяния.

Илна махнула рукой в сторону людей.

— Они не такие уж невинные,— проговорила она.— Конечно, не считая младенцев. Но вы же знаете, они все равно такого не заслужили. И даже...

Ее взгляд остановился на Робиларде.

— ...этот парень!

Лицо Старшего Роми исказила ярость. Он ударил посохом по мостовой. Сверкнула молния.

Безлунное небо было чистым. С четырех сторон горизонта собирались тучи. Еще одна молния прорезала небо. Обильный дождь пролился на головы людей. Илна, скрестив руки, встретила ястребиный взгляд Старшего Роми.

Роми рассмеялся и снова махнул посохом. Тучи исчезли. Дождя не стало. Только мокрая мостовая еще напоминала о нем.

Ледяные слуги растворились в воздухе, словно блуждающие огни. Леди Реговара, которую больше не поддерживали с обеих сторон, упала на землю, истерически хохоча.

Старший Роми начал исчезать. Его тело превратилось в туман, потом и вовсе обернулось бесплотным духом. Но смеющийся голос, сильный и громкий, гремел:

— Когда я был во плоти, Илна ос-Кенсет. Когда я был во плоти!

Потом и он умолк. Илна слышала теперь только перестук последних дождевых капель по крыше.

Она вздрогнула, почувствовав облегчение. За спиной послышался какой-то звук. Она обернулась и увидела: приближается Халфемос. Лицо его было усталым, но, похоже, он оправился после тяжелой работы.

Восточный горизонт посветлел. Скоро взойдет солнце.

Леди Котолина, все еще не выпуская из рук младенцев, бросилась наземь и принялась целовать ноги Илне. Илна попятилась в сердитом замешательстве.

— А ну, прекратите! — шипела она.

Подошел барон Робилард вместе с Хостеном. Барон положил руку жене на плечо. Она закричала, но потом подняла глаза: до нее дотронулся человек. Хостен помог ей подняться, но передать ему одного из малюток она наотрез отказалась.

Халфемос попытался преградить барону дорогу к Илне. Но девушка жестом велела ему не вмешиваться. Юноша замешкался было, но ее взгляд подействовал красноречивей любых слов. Неужели он решил, будто она нуждается в защите?

Барон Робилард же упал на колени.

— Чего вы хотите? — вопрошал он. За прошедший час он постарел на добрый десяток лет. — Все что угодно, все что угодно.

Прежде чем Илна заговорила, барон торопливо добавил:

— Простите меня, мне так жаль! Я не знал, клянусь Госпожой, я ничего не знал!

— Я и не предполагала, будто вы можете что-то знать! — сердито отозвалась Илна.

Девушка огляделась, собираясь с мыслями. Появилось несколько слуг, в том числе и нянька. Она выждала момент, затем кинулась к Котолине и своим подопечным.

— Встаньте, — резко бросила Илна барону. Для Илны ос-Кенсет было невыносимо видеть человека стоящим на коленях перед ней, даже если этот человек немногим раньше сам пытался поставить ее на колени. — Думаете, мне доставляет удовольствие разглядывать вашу макушку?

Все придворные глазели на них с бароном, правда, большинство — с солидного расстояния. Казалось, Илну они боятся не меньше, чем Старшего Роми.

Ее улыбка стала шире. Пожалуй, придворным есть чего опасаться.

Вслух же Илна произнесла:

— Мои спутники и я хотим добраться до Вэллеса, барон. Если можете снабдить нас деньгами на проезд, я буду вам благодарна. Можете не беспокоиться, долг я верну, если только...

Тут ее улыбка исчезла.

— ...останусь в живых.

Робилард поднялся. Илна заметила, что колени у него дрожат. Что ж, он получил хороший урок.

— Вопрос о том, вернете ли вы долг, вообще не стоит, госпожа, — заметил он. И голос его становился увереннее с каждым словом, к тому же все следы похмелья исчезли. — Я...

Он оглянулся на придворных.

— ...и все присутствующие здесь — ваши должники до конца жизни. Я не могу предложить вам пропуск на торговое судно, ибо ни одно из них не отправляется в Вэллис из-за разразившейся там беды, но...

— Какой беды? — удивилась Илна, прервав его речь на середине. Внезапный страх за Кэшела — вернее, Кэшела и остальных — вызвал этот вопрос. Она знала: лучше подождать, пока барон договорит.

— Там произошел мятеж, — объяснил Хостен. Он стоял рядом с бароном. Котолина с нянькой уселись прямо на ступени, пытаясь унять орущих младенцев. — Было колдовство и даже хуже того. У нас есть агенты на всех островах, с которыми мы ведем дела, есть и на Орнифоле, вот они и предупредили нас, что везти туда грузы опасно, пока угроза не миновала.

— Но, разумеется, это не касается вас, — поспешно добавил Робилард. — Поплывете на одном из моих военных кораблей.

И он огляделся.

— Я думаю, на «Эрне», верно, Хостен?

Тот кивнул:

— На нем — либо на «Корморанте». Для обоих у нас все равно сейчас нет экипажа, но через пару дней, думаю, наберем.

— Разумеется, я буду сопровождать вас, — проронил Робилард. — Итак, когда вы хотели бы отплыть?

Илна начала было протестовать, потом поняла, что это бессмысленно. Она хотела добраться до Вэллеса как можно скорее. Новости о бедах лишь подогрели ее намерение — а если Робилард теперь считает себя ее должником... что ж, не так уж он и не прав.

— Чем скорее, тем лучше, — молвила Илна. Она посмотрела на Халфемосу. — Когда ты будешь готов?

— Нам с Цериксом нечего собирать, госпожа, — отвечал тот. — Лишь благодаря тебе мы вообще остались живы.

— Тогда отплываем через час, — бросил барон. — Так что, Хостен, надо собирать команду.

— Команда будет, — угрюмо отвечал Хостен. — А иначе я найду достойное применение этой клетке, барон. И мы будем в Вэллесе еще до заката.

И он отправился во дворец, криками созывая конюхов и веля седлать лошадей.

Следуя за Ройясом в личные апартаменты короля, Гаррик налетел на косяк. Лизин окликнула его. Ройяс обернулся с озабоченным взглядом.

— Ты в порядке?

— Когда все устанется, я намерен проспать неделю, — отозвался Гаррик. Он хихикнул и добавил: — Если до того времени не уснем вечным сном.

Лизин вздрогнула. Ей нелегко было привыкнуть к новым шуткам Гаррика.

— На поле битвы годится только юмор висельников, сынок, — пробасил в глубинах его сознания король Карус. — А может, он годится лишь для виселицы, не знаю, там мне не доводилось побывать.

Четверо Кровавых Орлов в приемной оставались стоять у внутренних дверей, когда Ройяс вошел. Когда Гаррик сделал было шаг внутрь следом за канцлером, они не пошевелились. Старший вахты выбросил кулак в салюте и сообщил:

— Он снова встречается со жрецами, господин. Попросил, чтобы никто не входил.

И кивнул Гаррику на дверь, мол, где находился король.

Гаррик знал: Кровавые Орлы без лишних разговоров умрут за Валенса. Они не станут выполнять его приказов, если те вступают в противоречие с волей реального правителя Вэллеса. Он постучал по деревянной обивке двери, затем откинул задвижку и вошел, прежде чем его успели остановить.

Гаррик улыбнулся. Он, именно он — истинный правитель Вэллеса и большей части Орнифола, он будет править всеми Островами, по крайней мере, если выживет в ближайшие дни.

Валенс жалобно проблеял:

— Я же велел никого... — и умолк, когда понял, что это Гаррик. Вместо шелковой туники, приличествующей лицу его ранга, на нем была власяница, раздражавшая нежную королевскую кожу, как свежесорванная крапива.

Гаррик уже имел дело с двумя священнослужителями, сидевшими у короля. Архиепископесса Иерофант Орнифолская была семидесятилетней старухой с кожей, напоминающей слоновую кость, и глазами холоднее стали. Перед своим возвышением она основала орден целителей, ныне управляющий сотней больниц по всему острову. Ее спутником был глава храма Пастыря — Вседержителя Вэллеса. Толстяк, чьи мозги никогда не были перегружены работой, а руки всегда искали, чего бы урвать.

— Ваше Величество, — начал Гаррик. — У нас с вами есть что обсудить.

Жрецы уже покидали помещение. Первое время, когда Гаррик приходил побеседовать с королем, жрецы думали, что могут остаться. Теперь они поняли, что ошибались.

Валенс в отчаянии покачал головой.

— Ну зачем вы так? Вы не понимаете, как важно для меня прощение Господи.

Губы Гаррика скривились в гримасе, но он удержался от комментариев. В известном смысле, Валенс прав: Гаррик не думал, важно ли для короля получить прощение Великих Богов. Но Валенс, на самом деле, имел в виду другое: «Вы не понимаете, сколько зла я совершил!» А как раз это Гаррик понимал превосходно.

— Восстановление вашего правительства происходит именно так, как мы и надеялись, господин, — сказал Гаррик, не обращая внимания на жалобы короля. — На западе острова на нашу сторону перешло больше советников королевы, нежели я предполагал, но в большинстве случаев семьи много веков живут самоуправлением. Нам остается только присматривать за ними.

Хотя Вэллис и учредил новое правительство, с остальными островами было не так просто. Факт, что Валдрон и его северные союзники поддерживали принца Гаррика, являлся достаточной причиной для мелких землевладельцев юга и востока бунтовать против новой власти и пытаться отделиться и создать собственные группировки. Подпись Валенса на развозимых Ройсом и Тадаем документах оказывала больше влияния, чем военная угроза со стороны Валдрона.

Лизэйн сложила переносной планшет, в котором держала последние документы. Это была вещичка тонкой работы из кипариса, украшенного бронзой, и принадлежала некогда ее отцу-путешественнику.

Ройяс теперь должен был отвечать на все вопросы, связанные с документами. Прежде все это находилось в ведении одного лишь Валенса.

Гаррику приходилось присутствовать на слушании дел, ибо никто, кроме него, не мог прорваться в кабинет, а кроме того, Валенс сам слушался его.

Гаррик услышал, как в сознании у него раздался взрыв смеха.

— Не важно, чья это заслуга, если помогает делать дела!

— Вы подпишете вот это... — Лизэйн извлекла из планшета документ.

Валенс взмахнул ремнем, которым подпоясывал власяницу.

— Чудовище пожрет нас всех! — закричал он.

— А ну, прекратите! — Гаррик схватил короля за руку одной рукой, другой же — за ремень.

Валенс слабо сопротивлялся.

— Господин! — заговорил Гаррик с трудом, ибо его распирали гнев. — Вы должны быть мужчиной. За вас погибли люди!

Валенс сполз на пол и начал всхлипывать. Трое остальных с отвращением и неловкостью смотрели на него.

Ройяс пожал плечами.

— Нет ничего такого, что не подождало бы еще день,— тихо сказал он.— Нам стоит попробовать еще раз. Я велю стражам предупредить меня, когда это будет успешнее.

Гаррик перевернул планшет и закрыл его.

— Я обещал Теноктрис найти время навеститься с ней в имение королевы,— произнес он, в то время как в голове его боролись различные идеи.

Валенс был королем Островов на словах и реальным правителем Орнифола. Теперь же...

Лизэйн прошла в угол и подняла ремень. У Валенса будет новый. Или же он повесится на поясе, который сделает из власяницы, если захочет...

Гаррик проследовал за своими товарищами в приемную, прикрывая за собой дверь. «Может ли со мной случиться подобное, если напряжение будет слишком сильным?» — подумалось ему.

— Нет, не может, если только солнце не почернеет, а моря не высохнут до дна! — услышал он насмешливый голос в своей голове.— И даже тогда — нет!

— Ох! — произнес Кэшел, зажимая посох в руке вертикально и придавая ему равновесие указательным пальцем.— Разве не здорово, когда снова просторно, а, Захаг?

Примат присел на корточки, почесываясь под ребрами и вертя головой из стороны в сторону. Пандахская бирема, доставившая их во внешнюю гавань Вэллиса, уже двигалась по направлению к дому.

— Да, здорово. Просторно — это здорово,— без всякого энтузиазма согласился Захаг.— Но мне не нравится в этом городе. Думаю, нам стоит поискать себе другое место. И побыстрее.

— О, не беспокойся,— проговорил Кэшел, хотя, по правде говоря, у него самого почему-то мурашки по коже бегали.— Кстати, я намерен поискать какую-нибудь работу, чтобы мы могли купить себе еду. Думаю, на погрузке

и выгрузке кораблей всегда найдется место, пока мы не разберемся, где мы, но...

По сравнению с Эрдином и Пандахом, гавань в Вэл-лисе была подозрительно пустынной. Более половины причалов пустовало, но даже присутствовавшие корабли в основном выглядели так, что работу на них вряд ли найдешь. Ни груза, ни моряков не видать. Да, тут не заработаешь.

— Ну, и куда теперь подадимся? — спросил примат капризным тоном. — На судне нас и то не кормили вдоволь, того и гляди, ребра кожей обтянутся. Я не намерен пропускать еще один обед.

— Так заработай его сам, — прорычал Кэшел. Он направился вдоль одной из улиц, потому что она была не хуже прочих. Он тоже был голоден. Теперь, когда первая радость от нахождения на твердой земле прошла, он уже жалел о неудобном маленьком кораблике, где было не развернуться.

Навстречу приближались три женщины средних лет, каждая несла кожаный мех с пивом. Они беседовали, но при виде Кэшела и Захага разом примолкли. Кэшел хотел было спросить у них, где можно поесть и переночевать, если расплатиться поутру — но их подозрительное поведение смутило его и заставило прикусить язык.

Если бы ему не пришлось покинуть Барка Хамлет, его удивляли бы подобные вещи. Да, уехать пришлось, ведь Шарина сделала это. Да, в Барка Хамлет Кэшел частенько страдал от голода и холода, а еще над ним смеялись из-за его медлительности. Но дом и крыша над головой у него были всегда.

— Арии следовало дать тебе денег, — едко заметил Захаг.

— С какой стати? — удивился Кэшел. — В любом случае, у Арии и нет своих денег. Она же была гостьей Фолкуина, когда мы находились на острове.

— Верно, — не унимался примат. — И он не поспешил бы на все свои сокровища, попробуй ты заявить, что останешься, если он не отдаст тебе эти сокровища. Ты же едва не...

— Захаг! — угрожающе прорычал Кэшел.

— Все понял, старший, — быстро нашелся тот. — Понял, не буду больше.

Какой-то человек в двух туниках, одна поверх другой — причем одна уже заметно испачкалась и оборвалась, — стоял в нише своего дома. Он сделал шаг вперед:

— Слушай, приятель! Ты слышал, как обезьяна разговаривала?

— Ты, наверное, слышал, как разговаривал примат, а, добрый человек? — начал Захаг тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — А если слышал, то небось заметил, что у него выговор много лучше этой портовой мешанины звуков.

— Ого! — восхищенно протянул собеседник. — Послушай, а ты не хочешь продать его?

Захаг ошетилил шерсть на загривке и со страхом поглядел на Кэшела. Тот положил руку на лохматое плечо друга.

— Нет, не хочу, — ответил он. — Но хотел бы узнать, где здесь можно найти работу, ночлег и пищу, господин.

— Слушай, да за твою ученую обезьяну я готов предоставить тебе не только ночлег, но и кое-кого, кто скрасит тебе этот ночлег! Даже парочку! И еще возьму недостающую разницу. Сколько ты просишь...

— Нет, — повторил Кэшел. Он не повышал голоса, но стукнул посохом по тротуару, так что посыпались искры. — Все, что я хочу — это наняться на работу. И чтобы это был честный труд.

Разговорчивый мужичок отвернулся.

— Тогда ступайте во дворец, — буркнул он через плечо. — Они там нанимают сильных мужчин на переноску камней.

— Господин! — окликнул его Кэшел. Он ведь не знал, где находится дворец. Но бродяга уже удалялся. — Господин!!! — заорал Кэшел. Тот замер, как вкопанный. — Как мне найти дворец? — нормальным голосом спросил юноша. Захаг хлопнул его по бедру и радостно загоготал.

Бродяга изобразил дежурную улыбку. Он указал в направлении, откуда пришли Кэшел и Захаг.

— В трех кварталах отсюда начинается бульвар, на нем много статуй. Это улица Статуй. Повернете налево и дойдете до дворца.

Кэшел смотрел на свои руки, пытаясь сосредоточиться. Захаг дернул его за край туники.

— Я знаю, куда надо идти. Пойдем. В Пандахе у ворот все время оставляли для нищих объедки с королевского стола. Может, и здесь есть этот обычай.

— Если не пообедаем, небось не помрем,— пробормотал Кэшел. Но мысль о еде звучала в его мозгу все настойчивее, благо Захаг часто упоминал об этом. Солнце было уже низко. Он прибавил шагу, дабы попасть во дворец короля еще до темноты.

Захаг же двинулся на четырех лапах. Он то и дело спотыкался о булыжники, но старался не подавать виду.

Кэшел рассмеялся. Примат посмотрел на него.

— Странно, почему ты находишь это смешным? — В его голосе послышалась горечь. Видимо, камни больно ранили его.

— Я вспомнил, когда передвигался подобным образом,— объяснил Кэшел.— Я гнал стадо быков на водопой после дневной пахоты. Те, кто считает быков медлительными, должен посмотреть, что будет, когда снимешь с них ярмо.

— Тебе попадались когда-нибудь разумные животные? — пробубнил Захаг.

По мере удаления от гавани движение на улице становилось оживленнее. Правда, многие дома на улице Статуй недавно горели. Некоторые еще дымились. И дым имел не совсем обычный запах.

— Ага,— потянул носом воздух Захаг.— Тут погибли люди. Ты не чувствуешь?

— Да, чую.

— Говорил же я тебе, нам лучше отправиться еще куда-нибудь,— пробормотал примат. Он двигался шаг в шаг с Кэшелом, касаясь его колена своим плечом.

Пол-улицы заняло войско. Пехотинцы шли быстрее, чем двигались бы на их месте овцы, но...

Кэшел скосил глаза на солнце, окинул взглядом движущихся солдат. Не помешают ли они его цели?

— Пойдем,— скомандовал он Захагу. Противоположная сторона улицы занята идущими и едущими навстречу — но, возможно, им удастся развернуться, когда они обойдут войско. Середину бульвара занимали палатки торговцев и бронзовые статуи на каменных постаментах.

Захаг скользнул мимо чьей-то тележки, пока Кэшел протискивался возле палатки визгливой торговли рыбой на листьях бамбука. Обогнув солдат, Захаг обернулся.

— Смотри-ка на их ливреи. Они нездешние. Синий и бирюзовый — цвета Атары. Мы работали здесь неделю, когда я был с парнем и калекой.

Захаг теперь двигался на трех ногах, четвертой же держал банан. Он в мгновение ока слопал фрукт целиком, и бесполезно было пытаться узнать его происхождение.

— Я никогда здесь не был,— сказал в ответ Кэшел, ведь невежливо было бы промолчать. Он даже и не слышал об этом месте. Между двумя отрядами солдат несли носилки, и толпа народу глазела на вельмож, что сидели в этих носилках.— Похоже, там какие-то знатные люди, а?

— Смотри! — вдруг заверещал Захаг.— Смотри!

Он остановился и начал высоко подпрыгивать, что-то лопоча по-своему.

— Что случилось? — рассердился Кэшел. Движение здесь было слишком оживленным, лучше бы обойти с другой стороны.

— Парень и калека! — орал примат.— Парень и калека!

Теперь уже вокруг Кэшела и Захага собралась толпа глазевших на говорящего примата. Солдаты и горожане враз повернулись рассмотреть, что происходит.

На носилках восседал безногий человек. Кэшел не мог его узнать, ибо никогда не видел, но вот юноша в красной мантии, шедший рядом... это же придворный маг Фолкуина, они с Шариной еще встретили его, когда прибыли туда.

На других носилках тоже сидел кто-то важный. На нем были позолоченные доспехи, в которых наверняка было ужасно неудобно возлежать на подушках. Шлем под стать доспехам лежал под рукой. Рядом шла стройная женщина. Она повернула голову.

Кэшел не узнал ее, ибо прошел месяц и, по его представлениям, она должна была находиться где-то далеко. Потом остолбенел.

— Добрый вечер, братец,— окликнула его Илна тоном, в котором читалось радостное удовлетворение.— Я и надеялась найти тебя здесь.

4-й день месяца Куропатки (позднее)

Илна обняла брата, ощущая жуткое чувство потери. Она и не представляла, как сильно...

Конечно, она не зависела от Кэшела, она вообще ни от кого не зависела, кроме себя самой, но всю жизнь девушка привыкла ощущать присутствие его спокойной силы. Так надежно чувствовать его за спиной.

Правда, Илна не ожидала, что брат прибудет вслед за ней в Эрдин, где ей нужно было многое сделать.

Халфемос и Церикс беседовали со своей обезьяной. Носилки Церикса опустили на землю. Халфемос и обезьяна присели рядом с ними на корточки, и животное почесывало брюхо ногой. Все трое весьма оживленно что-то обсуждали.

Робилард тоже покинул свои носилки. Он попытался нанять третьи носилки для Илны, но она наотрез отказалась ехать в них. Пожалуй, лучше было ему самому идти пешком.

Илна скупо улыбнулась. Робилард — парень неплохой для дворянина. Может, станет мужчиной в один прекрасный день.

Кэшел смотрел на Халфемоса. Потом спросил:

— А этот маг сказал тебе, как дела у Шарины?

Илна помотала головой.

— Они расстались вскоре после того, как ты покинул Пандах. Теперь, когда я нашла тебя, мы можем заняться ее поисками. Один шаг за один раз.

Она откашлялась.

— А ты сам... слышал что-нибудь о Теноктрис и... остальных?

— Ничего,— покачал головой Кэшел.— Последнее, что я видел: их поглотило какое-то непонятное существо, как и весь корабль. Сначала я подумал, что это шторм, но тот парень, Халфемос, полагал, что это было что-то другое.

Сопровождавшие Робиларда солдаты были его же собственными гребцами с корабля, в шлемах, с копьями и короткими кривыми саблями. Они были выучены вести бой на море, а не на суше, но пока что образовали настоящую преграду для горожан и сейчас ждали приказов от командира.

Во главе колонны шествовал лорд Хостен, ибо он знал Вэллис. Сейчас он подошел с каким-то горожанином средних лет.

— Это мастер Талур, наш агент в порту и южных районах, барон,— объявил он Робиларду.

Талур, более темнокожий, чем обычные жители Вэллиса, поклонился барону.

— Я не ожидал увидеть вас, милорд. Э-э... сейчас здесь беспокойно, если говорить откровенно. Лучше бы вам было выбрать другой момент для визита.

На агенте была многослойная туника, подпоясанная широким шелковым поясом, поверх нее — короткий плащ с геометрическим узором. Илна узнала позднейший стиль Вэллиса, но в голосе незнакомца явственно угадывался хафтский акцент. От этого ее сердце вздрогнуло.

— Меня привело сюда дело чести,— кратко ответил Робилард.

— Но мы не хотим подвергаться лишней опасности,— вставил Хостен. Заметив, что его молодой повелитель хмурится, он добавил: — Разумеется, мы полны решимости защитить от возможной опасности госпожу Илну.

Илна почувствовала, как улыбка тронула уголки ее губ. Она не представляла себе, что когда-либо ее представление о человечестве может измениться, но за время своего путешествия встретила со множеством людей, которых было за что уважать. Один из них — лорд Хостен.

— Да, разумеется,— произнес Талур с заметным облегчением.— Мятежники свергли королеву, но ходят слухи, будто адмирал Ниткер собирается вторгнуться в Вэллис с Королевским флотом, а королева хочет вернуть себе город с помощью магии.

— Но это только слухи? — спросил барон.— Со мной обращались с должной учтивостью, не как с потенциальным врагом.

— Слухи,— подтвердил Талур.— Но они весьма правдоподобны. К тому же новое правительство сейчас поддерживает усиленную оборону города, а что касается магии — королеву и свергли-то с ее помощью.

Он огляделся и добавил:

— И вовремя. Если бы ее не остановили...

И картинно воздел руки.

— Что ж, на наших планах это никак не отразится,— сказал Робилард.— Я должен выказать свое почтение королю Валенсу, а потом посмотрю, чем смогу помочь госпоже Ильне отыскать ее друзей.

Он кивнул, представляя Илну агенту. Илна нахмурилась. Конечно, барон пытается помочь, но делает это не совсем верным способом. Она не стала возражать вслух, ибо знала: связи Робиларда при дворе могут оказаться полезными в поисках Теноктрис и Лизйн... и Гаррика... и сделать это быстрее, чем сможет сама Илна и ее товарищи-маги.

— А еще нам нужно обсудить, где разместить команду, господин,— продолжал Хостен.

— Да, верно,— согласился барон.— Пожалуй, было бы неучтивым явиться во дворец с сотней вооруженных людей, не предупредив заранее короля Валенса.

— Нас будет видно из дворца, когда пройдем мимо храма Госпожи Границ,— проговорил Талур, слегка нахмурившись.— Прямо перед нами будет дворец.

И он кивнул на приземистое здание из песчаника с колоннами по обе стороны от входа.

— Но вы, вероятнее всего, встретитесь с представителями нового правительства. Валенс остается королем, но он передал множество своих полномочий своему пресмнику, принцу Гаррику.

Илна дар речи потеряла. Она почувствовала, как со-
впали недостающие части узора, но рассудок отказывался
поверить в это.

Кэшел и то нашелся быстрее:

— Гаррик? Это, случайно, не Гаррик ор-Рейзе, из Барка
Хамлет?

Талур впервые за все время повернулся к Кэшелу.

— Принц Гаррик до своего возвышения был Гарриком
бор-Хафт. Об этом судачат дворцовые служащие, тогда
как меня больше беспокоит значение его возвышения для
будущего, чем то, откуда этот джентльмен прибыл.

— А старая леди по имени Теноктрис тоже с ним? —
продолжал Кэшел. — И девушка по имени Лизэйн ос-Бен-
ло? Она почти такая же красивая, как Шарина.

Илна вздрогнула — к вящему удовольствию своего бра-
та. Оба отпрыска Кенсета видели вещи в их первозданной
чистоте, но Илна лишь издалека могла любоваться на
залитую солнцем красоту Кэшелова мира. Она видела
яснее и четче брата, это было понятно, но порой Илне
хотелось утратить эту ясность и четкость восприятия и-
стины взамен возможности любоваться иллюзиями, подоб-
но Кэшелу.

— Да, а что? — изумленно проронил Талур. — Вы что
же, знаете принца Гаррика, добрый господин?

— Пожалуй, что так, — решительно ответила за него
Илна. — Мы как раз направлялись во дворец и... — она
улыбнулась своим мыслям, — ...мне кажется, стоит пото-
ропиться.

— Мэннор был герцогом Сандраккана, когда Валенс
Пятый стал королем Островов... — произнесла Лизэйн, стя-
гивая плащ Гаррика на шее — туже, чем он хотел. —
У него была привычка выходить по ночам в маске вместе
со своим канцлером, чтобы узнать мнение подданных о
своем правлении.

Они втроем, вместе с Теноктрис, стояли у караулки
возле ворот дворца. На территорию вели еще около дю-
жины меньших входов, запасные ворота, а также раз-

личные ходы и лазы, которыми любили пользоваться слуги. Сейчас, когда Гаррик был переодет, можно было без всякого риска пройти через главные ворота. К тому же Теноктрис слишком слаба и хрупка, чтобы пролезать через узкие проходы и перешагивать веревочные заграждения.

— Он пустил об этом слух, чтобы оправдаться,— пошутил Гаррик.— Думаю, его истинной целью было спрятаться от всех, чтобы поесть в нормальной обстановке или поспать в тишине. А если бы кто-нибудь узнал его...

Лизэйн отступила назад и критически осмотрела Гаррика.

— Ты уверен, что готов к этому, Гаррик? — озабоченно спросила она.— Выглядишь ужасно усталым.

Теноктрис внимательно осмотрела содержимое коробки с различными порошками: минералы, травы, всякая прочая магическая фармация, растертая в мельчайшую пыль и помещенная в обитые медью ларчики из коровьего рога.

— Гаррик, кто-нибудь еще мог бы...

— Я никому больше не доверяю! — выпалил Гаррик.

Он покраснел. Да уж, пожалуй, владеть собой становится все труднее!

— Простите меня,— произнес он.— Как бы то ни было, я не настолько доверяю Кровавым Орлам, чтобы те могли сопровождать тебя, Теноктрис. Правда состоит в том, что мне необходимо отлучиться вместо того, чтобы...— его улыбка стала шире,— ...вместо раздачи людям указаний, что и когда следует сделать. Это, конечно же, очень важно, я и не собираюсь увольняться из королей. Но если не буду прерываться хоть ненадолго, то вскоре буду бормотать глупости и танцевать нагишом на улице. От королевства надо отдыхать.

— Счастливого возвращения,— с улыбкой, за которой не могла укрыться тревога, произнесла Лизэйн. Она не то чтобы возражала против выхода Гаррика и Теноктрис за

пределы дворца без сопровождения, просто ей спокойнее было бы отправиться вместе с ними.

— Так оно и будет,— откликнулся Гаррик. Он повесил сумку Теноктрис через плечо и предложил старой леди руку. Другая рука, правая, оставалась свободной — на всякий случай.

В прошлом все было иначе. А теперь всякий мог разыскать принца Гаррика в случае непредвиденных обстоятельств, всякий должен был знать, где его искать. Лизйн была единственной, кому Гаррик мог доверить секрет: они идут обследовать поместье королевы.

Они прошли в ворота; Лизйн позволила себе незаметно проследовать за товарищами.

У входа всегда была сутолока. Для нужд правления требовалось множество товаров и услуг, включая пищу и напитки для дворцовой челяди. Кроме обычных торговцев и подобных им, снующим по делам, здесь появлялось немало тех, кому требовалась королевская справедливость, королевские монополии или королевские назначения.

А еще здесь вечно толпились зеваки. Они, в свою очередь, привлекали множество мелких разносчиков, продающих все — от пирогов с мясом до серебряных амулетов в форме крылатого монстра, на котором улетела королева, долженствующих помочь против насилия и несправедливости. Такая красotka, как Лизйн, обязательно привлечет внимание, и тогда Гаррика легко узнают.

Солнце опустилось за горизонт, хотя небо оставалось ярким, и на его фоне отчетливо виднелись западная стена и самые высокие из зданий. Ворота, как обычно, стояли открытыми. Слуги только что закончили развешивать масляные светильники.

На улице отчего-то царило большее оживление. Все двадцать Кровавых Орлов были здесь. Гаррик достиг ворот, и в это время офицер послал за старшими.

Прямо у ворот стоял довольно большой отряд воинов. Они пробивались сквозь толпу зевак, но идущие во главе отряда люди в гражданском платье довольно вежливо разговаривали с командиром стражи. Иностранное

войско сопровождало важных персон, возлежавших на носилках.

— Они с Третьей Атары,— произнесла Лизйн. Когда Гаррик замедлил шаг, чтобы разобраться в ситуации, она указала на одного из солдат.— Видишь, на камзолах синяя кайма и морские коньки?

— Вижу, но мне это мало о чем говорит,— откликнулся Гаррик.

Рейзе дал детям отличное классическое образование, но не потрудился посвятить их в реалии политических событий нашего времени. Разумеется, сам он был с ними знаком, будучи служащим в королевском дворце, а позднее — при дворе графа и графини Хафтских.

Командир отряда стражников, унтер-капитан по имени Бесимон, заметил и узнал стоявшего неподалеку Гаррика. Унтер-капитану было чуть больше тридцати — младший сын в дворянской семье на севере Орнифола.

— Я должен позаботиться об этом,— пробормотал Гаррик, делая шаг вперед. Он не удивился, что Теноктрис с Лизйн двинулись следом.

— Меня попросили позвать к воротам канцлера, э... господин,— сказал Бесимон, давая Гаррику новую возможность скрыть свою личность — барон с Третьей Атары прибыл с гостями, которые заявляют, будто знакомы с принцем Гарриком.

— Гаррик! — пробасил Кэшел. Он проталкивался сквозь строй солдат с упорством быка на пашне.— Ох, а я-то думал, больше тебя не увижу!

Гаррик обнял друга, отклоняя голову, чтобы Кэшел ненароком не задел его рукоятью посоха. Лишь крепкое сложение самого Гаррика позволило ему выдержать могучие объятия Кэшела. Тот знал свою силу, но ничего не мог с собой поделать от радости.

— Мы не видели тебя в Заливе! — сказал Гаррик, ему пришлось кричать, чтобы перекрыть гул голосов.— Я уж боялся...

Он не сказал, чего боялся. Он не позволял себе даже помыслить о том, что могло случиться с друзьями, пока...

Пока не осознал, что Кэшел не утонул и его плоть не пошла на корм рыбам. А надо сказать, эта страшная картина порой, против его воли, вставала перед глазами, когда он смотрел на море.

— С Шариной все в порядке? — спросил Гаррик, оглядывая друга. Он увидел стройную женскую фигуру при свете фонаря. — Ша...

Но тут у него перехватило горло.

— Илна! — произнес он, отчетливо осознав, что девушка вздрогнула, так как уловила фальшь в его радостном восклицании.

Он сделал шаг к ней. Она отклонилась. Гаррик обвил ее талию руками и поднял ее, несмотря на сопротивление.

— Илна, я думал, ты в Эрдине, в безопасности, — проговорил Гаррик. Он почувствовал, как она расслабилась. Гаррик уступал в силе Кэшелу, но у отца на конюшне укрощал самых диких жеребцов. — Я волновался о Шарине, но если бы я только мог представить, что и ты в опасности!

Он отпустил ее. Илна исподлобья разглядывала его. Она пыталась улыбнуться.

— Кэшел в безопасности, ты тоже, — проронила девушка. Вытянув шнур из рукава, начала завязывать узелки — просто чтобы занять руки и успокоиться. — Мы найдем Шарину, Гаррик. Обязательно найдем.

В чьих-либо устах это могло звучать бесплодным обещанием, но только не в ее. Илне можно верить.

Молодой человек в алой мантии, измятой после долгих дней пути, протиснулся к ним. Он стоял, заложив руки за спину, и разглядывал Гаррика. Гаррик же не помнил, видел ли он когда-нибудь этого человека.

Илна перехватила изумленный взгляд Гаррика. Обернувшись, заметила юношу и представила:

— Гаррик, это мастер Халфемос, а также его друг мастер Церикс — они маги. Они спасли мне жизнь, когда я отправилась на поиски Кэшела.

И смущенно улыбнулась, глядя на Гаррика.

— Кэшела вовсе и не требовалось спасать, но Халфемосу и Цериксу пришлось заплатить за все дорогую цену.

Гаррик поклонился юному магу. Он бы протянул ему руку, но блеск глаз Халфемоса подсказал: этот может и не пожать. Лучше обойтись без неловкости.

— Любой, кто помог Илне, мой друг,— объявил Гаррик. Он и понятия не имел, что же затаил против него Халфемос. Может, он решил, что Гаррик бросил Илну в беде?

— Ваше Высочество? — прошептала Лизэйн, обращаясь к Гаррику. Он прекрасно понимал, отчего она выбрала формальное обращение на людях, но при друзьях такое обращение было для него сродни пощечине.— Может быть, в другом месте...

— Ну, конечно,— ответил Гаррик. Он и сам об этом подумал, но не успел, встретившись с друзьями.

Ройяс и еще пара старших советников приближались к воротам в сопровождении бегущего Бесимона, которого выслали за ними. Канцлер все еще затягивал на ходу шитый золотом кушак поверх бежевого придворного одеяния.

У ворот толпились солдаты. Молодой человек в золоченых доспехах замер рядом со своим советником, который завел беседу с Бесимоном. Свой шлем с перьями он держал в руке.

— Э...— обратился к нему Гаррик.

— Барон Робилард,— прошептала Лизэйн ему на ухо. Либо она знала правителя Третьей Атары с тех времен, когда училась в школе в Вэллесе несколько лет назад, либо — что более вероятно — специально запоминала имена власть предержащих на Островах.

— Барон Робилард,— снова заговорил Гаррик,— мой канцлер Ройяс бор-Боллиман позаботится о вас и ваших людях.

Он кивнул в сторону Ройяса. Канцлер уже приготовил восковую печать — скрепить приказы, которые напишет для слуг и офицеров.

— Надеюсь, в один прекрасный день мы все сможем отдохнуть получше... Для меня большая честь принимать вас, коль скоро вы заслужили уважение и дружбу моих друзей.

— Храбр, без всякого сомнения,— прокомментировал король Карус.— Не так уж глуп, хотя порой ведет себя как последний идиот. Слишком горд, чтобы принять дружеский совет, если только не покрыть его сахарной глазурью...

Горожанин, одетый по-вэлисски, склонился к уху барона Робиларда. Глаза того расширились. Он низко поклонился, едва не выронив шлем.

— Ваше Высочество! — проговорил он.— Я и не предполагал!

Гаррик вспомнил, что на нем простой плащ.

— Да, я собирался по частному делу,— пояснил он. Госпожа знает, что подумает о нем Робилард.— Но сейчас мы с друзьями отправимся ко мне, а канцлер Ройяс займется размещением дорогих гостей с Третьей Атары!

Захаг буквально карабкался на Кэшела, едва не роняя его.

— Что ты делаешь? — удивился юноша. Ноша не особенно беспокоила его, просто он удивился.

— Я не останусь здесь без тебя, старший,— пробормотал примат.— Я же говорил тебе, с этим местом не все в порядке, я не собираюсь встречаться с этим один на один.

Илна ткнула Кэшела под ребро.

— Забери Церикса,— сказала она, кивая на калеку, который только что перенес свое тело на тележку, которая находилась рядом с ним на носилках. Солдаты видели это, но не вмешивались. У них не было приказа, догадался Кэшел.

— Моя сестра велела мне помочь вам, мастер Церикс,— вежливо сказал юноша, перекладывая посох в левую руку. В конце концов, Захаг и сам справится.

Кэшел склонился над коляской, поднимая и ее, и человека в ней. Церикс зарычал:

— Поставь меня на место! — но вырываться не стал.

Слегка приседая под тяжестью человека и обезьяны, Кэшел двинулся к воротам. Его сестра с отвращением взглянула на него:

— Ты, хвастунишка. Нечего доказывать, на что ты способен!

— Ну...— только и протянул Кэшел. Женщинам никогда не понять, что движет мужчинами.

— Эй ты! — закричала Илна Захагу.— А ну, слезай немедленно. Повезешь коляску, пока мой брат несет Церикса.

Кэшел не особенно удивился, когда примат соскочил на землю и схватил обеими лапами коляску. Церикс вцепился Кэшелу в плечо, пока тот примерялся, чтобы подхватить безногого поудобнее.

Кровавые Орлы сомкнули ряды у ворот, когда Илна, Захаг и Кэшел прошли на территорию. Тот малый, которого Гаррик величал канцлером, разговаривал с бароном.

Канцлер Гаррика. Принц Гаррик. Кэшел в изумлении покачал головой.

Захаг рысью скакал вперед, держа коляску над головой. Это выглядело комично, но ему только того и надо было. Приматы ведь не могут передвигаться как люди, их ноги слишком коротки.

Гаррик и Лизйн вели всю компанию к странному приземистому зданию без окон. Внутри обнаружилась колоннада вокруг открытого двора, где из пурпурных и белых анютиных глазок было выложено изображение орла. Вокруг свисали фонарики из цветной бумаги.

Кэшел огляделся. Теноктрис разговаривала с Халфемосом. Если бы она заметила в поведении юного мага что-либо беспокоящее ее, то не стала бы беседовать с ним так по-дружески непринужденно. Видимо, с Халфемосом все в порядке.

Захаг поставил кресло на террасу. Потом одной рукой ухватился за водосточную трубу и полез на крышу.

— Я не могу привыкнуть к тому, что все эти люди не спят после заката,— заметил Кэшел, покачивая головой. То же самое он наблюдал и в Эрдине, но там это не казалось ему неправильным: они даже могли спать на потолке вместо пола.— Сразу видно, им не приходится весь день пасти овец.

— Именно этим и приходится здесь заниматься,— с улыбкой молвила Теноктрис.— А с наступлением темноты тут такие волки рыщут...

— Простите,— пробормотал Кэшел. Глупо получилось. Ему и в голову не приходило, что другие люди работают. Работают вместе, над общей проблемой.

— Не знаю, что вам довелось слышать о случившемся в Вэллесе,— заговорил Гаррик, обращаясь ко всей группе. Кэшел заметил, что Гаррик не держит больше левую руку на рукояти меча, но знакомым жестом сунул большой палец за пояс с ножами.— Королева — волшебница, и очень злая.

— Она еще и невероятно умна,— добавила Теноктрис.— В наши дни, когда энергия космоса так сильна, даже слабенький маг может нанести вред. А королева отнюдь не слаба, так что от нее вред огромнейший.

— Мы выселили ее из Вэллеса,— продолжал Гаррик.— Но ожидаем, что она может вернуться. А еще...

Он посмотрел на Теноктрис.

— Это маг? Я имею в виду Чудовище?

— Нет,— отвечала та.— Чудовище — это...

Она помолчала, потом осторожно продолжила:

— Чудовищу поклонялись как божеству в иные времена, в иных мирах.

Гаррик кивнул.

— Валенс — вернее, маг Силийон, служивший у него,— призвал Чудовище. Теноктрис пытается найти способ отправить его обратно прежде, чем мы столкнемся с королевой. Мы с ней нынче же собирались в поместье королевы, посмотреть, что у нас с этим получится.

— Я знаю про Чудовище,— проговорил Кэшел. Он и вправду знал, но все равно его поразило то, что они разговаривают о таких жутких вещах, едва объявившись в Вэллесе.— Я даже знаю про Силийона, так мне кажется. Я встречал его сестру Силью.

— И теперь она никого больше не надует, как она надула моего мастера,— крикнул с крыши Захаг.

— Все верно,— согласился Кэшел, пытаясь припомнить, что же в точности Силья говорила о своем брате.—

У него есть камень, который он украл во время ее разговора с Чудовищем.

Теноктрис бросила на Кэшела быстрый взгляд.

— Это правда? Он, что...

Она обернулась к Гаррику. Когда они вошли во двор, Теноктрис забрала у Кэшела свой расшитый мешок. И теперь он лежал у нее на коленях.

— Гаррик, можно мне пошептаться с Кэшелом в сторонке? Кое-что из того, что он знает, может помочь мне. Просто пришлось бы слишком многое объяснять всем остальным.

Гаррик строил гримасу.

— У нас слишком много того, что нужно сказать и сделать — и все в одно и то же время. Я не хочу, чтобы ты пропускала поход в поместье королевы, но не вижу, когда ты сумеешь это сделать.

— Я пойду с Теноктрис, — откликнулся Кэшел. Он вдруг понял, что ужасно смутился. — Ведь ты же знаешь, кому-то нужно читать. А если нужно сумку донести, то и я могу это сделать.

Теноктрис переводила взгляд с Гаррика на Кэшела.

— Мало просто нести материалы, — улыбнулась она. — Но нет ничего такого, чего ты не мог бы сделать для меня, Кэшел. Если все пойдет так, как должно, я буду рада ощущать твою силу за спиной.

Все посмотрели на Гаррика. Он зарделся, только глубокий загар спас положение.

— Я не могу отдавать приказы Кэшелу. И никому из вас тоже.

Гаррик повернулся к Халфемосу.

— Вы мои друзья. Все вы. И вы, я надеюсь, тоже. В это время королевство особенно остро нуждается в друзьях.

Халфемос в замешательстве опустил глаза. Он горячо закивал в знак согласия.

— Отправимся сейчас, если хочешь, Теноктрис, — сказал Кэшел. Он проверил пряжки мешка, потом перевесил его себе на плечо. Мешок оказался весьма тяжелым — слишком тяжелым для Теноктрис.

Захаг прыгнул на землю. Он молча скалил зубы, озираясь вокруг — видимо, на случай, если ему велят остаться. Кэшел почесал приятеля за ухом, успокаивая.

Лизйн что-то писала кисточкой на доске.

— Я велю Мауруннусу подготовить комнаты для вновь прибывших,— заявила она, подходя к дверям.

Девушка распахнула дверь, собираясь позвать кого-нибудь на помощь — убрать кресло, в котором она только что сидела. Прямо за дверью находилась группа взволнованных людей во главе с Ройясом. Канцлер как раз поднял свой жезл из слоновой кости, украшенный золотом, чтобы постучать по дверной панели.

— Ваше Высочество! — обратился Ройяс, глядя мимо Лизйн на Гаррика. — Я вызвал Альтапера и Валдрона, но, боюсь, придется побеспокоить и вас тоже.

Кроме придворных за дверьми стояли горожане в придворных одеждах и четверо Кровавых Орлов.

Солдаты охраняли не канцлера, но человека в украшенной драгоценными камнями кирасе поверх туники, расшитой золотом. Ножны также были из золота. Меч у него забрали еще до того, как он появился перед Гарриком.

— Прибыл адмирал Ниткер с тремя оставшимися у него кораблями Королевского флота,— продолжал Ройяс. За его безразличным тоном стояло, похоже, отвращение и негодование. — Команда погибла. Офицер в гавани сообщил, что наш добрый адмирал растерял также и половину экипажей оставшихся у него кораблей.

— А вы думаете, вы справились бы лучше? — прорычал Ниткер. Ему было около сорока. А может, ужас на его лице добавил ему лет. — Ничего бы вы не смогли сделать, и скоро вы об этом узнаете, если останетесь здесь! Единственная причина моего прибытия в Вэллис — предупредить вас: уберите отсюда, и как можно скорее!

— Если это единственная причина, значит, гребцы на ваших судах не нуждаются ни в пище, ни в сне,— проговорил суроволицый человек в позолоченных доспехах, появившийся из глубины территории дворца. От его взгляда Кэшелу стало не по себе — не враждеб-

ный, но весьма напряженный.— Просто поразительно, как такие образцовые воины не раскидали врагов вокруг себя!

Ниткер побагровел и схватился за пустые ножны. Двое стражей схватили его за локти и скрутили ему руки за спиной.

— Довольно! — хрипло выкрикнул Гаррик.— Лорд Алтапер, я не желал ссориться с адмиралом прежде и уж, разумеется, не думаю, что стоит заниматься этим сейчас. Давайте так и договоримся.

Кэшел наблюдал за Гарриком с новым интересом. Он всегда уважал своего друга, но никогда не предполагал, что тот может своим приказом остановить эдакого громилу. Кэшел мог бы еще, пожалуй, проломить командиру Орлов башку своим посохом, да и то это вряд ли будет легко. Кэшел улыбнулся и погладил полированную рукоятку посоха.

— Вам не выстоять при встрече с ними, говорю вам! — прохрипел адмирал. Кэшел определил его состояние как близкое к истерике.— Их там сотни тысяч, людей-обезьян с острова Байт, они плывут в Вэллис на плотях. Они убьют все население Вэллиса. И пожрут весь Вэллис. Говорю вам!

— Они не обезьяны! — важно отозвался Захаг.— И уж точно не приматы, насколько мне известно.

Кэшел стукнул приятеля по плечу — не сильно, но чувствительно.

— Э... — протянул Захаг.— Прошу прощения.

Гаррик переглянулся с Теноктрис, подняв бровь. Старая волшебница кивнула.

— Вполне может быть, — подтвердила она.

— Волосатые люди с Байта... — продолжала Теноктрис, как будто погрузившись в воспоминания.— Их часто использовали в магических целях, потому что они все-таки люди, но никого не волнует, что с ними случится, когда из соседних деревень начнут исчезать младенцы.— Она невесело усмехнулась.— Магию такого рода я не практикую, ясное дело. Они заставляют Волосатых людей перемещаться под напором чудовищной силы. Это более

действенно, нежели поднять армию мертвецов или нежитьи.

— И этой силой располагает королева? — спросил Гаррик. В его голосе звучал интерес, но и беспокойство тоже, указательный палец постукивал по рукояти меча.

— Да, — подтвердила Теноктрис. — Получается, что так. Гаррик пожал плечами.

— Что ж, мы знаем, предстоит битва. Лорд Альтапер, обсудите все необходимые детали, пока адмирал здесь. Оружие, численность...

Он скривился.

— Я имею в виду, все, что возможно. Тактику, командующих, снабжение — все, что обычно требуется. Прямо сейчас, не откладывая. Я велю Валдрону поднять на ноги городскую милицию. Нанесу визит в Арсенал и скажу Пиору, что герцог Эшкола...

И он опять усмехнулся. Улыбка была прежней, только вот разговоры он вел новые, незнакомые Кэшелу.

Кэшел посмотрел на ноги друга. Все те же поношенные сандалии, в которых всю жизнь ходил юноша из Барка Хамлет. Кэшел усмехнулся.

— Вы не слушаете меня! — воскликнул Ниткер. — Вам не справиться с этими тварями! Через несколько часов — самое большее, дней — они высадятся на побережье Орнифола и начнут убивать все живое. Вам остается только бежать!

— Я услышал вас, лорд Ниткер, — замогильным голосом произнес Гаррик. — Я просто не согласен с вами.

Он улыбнулся зловещей улыбкой и продолжил:

— Мы не можем вывезти население целого города в короткий срок, а еще у нас есть стены и есть дисциплина. Это нам поможет.

— От этого зла вам не убежать, — проговорила Илна без всяких эмоций. Она то сплетала, то расплетала шнур, не сводя при этом взгляда с Лиэйн. — От самих себя не убежишь.

— Альтапер, адмирал, я думаю, нам лучше отправиться в Арсенал всем вместе, — предложил Гаррик.

Он нахмурился.

— Вы полагаете, я должен облачиться в нечто сверкающее или же Пиор станет слушать меня, когда на мне простой коричневый плащ?

— Нам здорово повезет, если он вообще станет кого-либо слушать и проявит здравый смысл,— угрюмо пророчил Альтапер.— Пока вы переодеваетесь, Ваше Высочество, я соберу пару отрядов из числа людей Валдрона. Так будет лучше. А то ведь некоторые идиоты все еще не верят в реальность угрозы.

— Теноктрис, ты все еще...— начал Гаррик.

— Больше, чем когда бы то ни было,— отвечала Теноктрис, поднимаясь с диванчика, на котором сидела.— Именно там, в поместье королевы, скрывается выход к такой силе, что мне не составит труда отыскать нужные слои.

Улыбка ее была яркой, но глаза зажглись тревогой.

— И времени очень мало, Кэшел. И для нас, и для Островов.

Королева подняла хрустальный посох. Она улыбнулась Шарине и произнесла:

— *Эйdoneйя нейойека!* — после чего ударила посохом об пол. Посыпались алые искры. Что-то невидимое разбилось вдребезги.

Шарина стояла теперь в рубиновой сфере. Вокруг клубился туман, в нем формировались причудливые образы. Королева стояла рядом с ней.

Вогнутая поверхность пола наклонилась. Шарина попробовала пошевелиться.

— Не двигайся! — велела королева.

Она коснулась пола еще раз. Раздался треск. Она обошла вокруг Шарины, рисуя круг около четырех футов в диаметре. Посох резал рубиновый пол, как нож режет сыр. Теперь колдунья находилась по другую сторону черты.

Королева принялась чертить знаки Старой Вязи вокруг внутренней линии круга.

— Где мы сейчас? — спросила Шарина.

— Не разговаривай, пока я не разрешу тебе,— холодно бросила королева.

Шарина рассмеялась. Она не столько уступила и подчинилась происходящему, сколько отстранилась от всего. Пальцы ее касались пьюльского ножа, но она знала: вряд ли ей удастся причинить вред королеве. Если же в гневе та убьет ее, Шарину, тогда не будет больше надобности беспокоиться, правильно ли она сделала, когда согласилась помогать колдунье.

Девушка огляделась, хотя ей все это было неинтересно. Сфера, внутри которой они находились, была около двадцати футов в диаметре. Сверкание полированного рубина отражало фигуры внутри нее множеством уменьшенных образов — как в многостворчатом зеркале.

— Откуда поступает свет? — снова спросила Шарина. Если светится сам рубин, тогда не должно быть отражений от стен. Внутри сферы нет источника света, в этом она уверена.

Королева взглянула на нее. Шарина произнесла:

— Я уже сказала тебе, что помогу. Но не обещала быть послушной, как собачка.

Королева закончила писать символы. Вогнутость стен сделала ее движения неуклюжими, она боялась поскользнуться на гладком полу. Шарина не видела ног королевы, ибо все заливал яркий свет.

Шарина видела свое отражение, а еще — какой-то образ, настолько нечеловеческий, что это пугало. Девушка сжала губы.

Закончив писать внутри круга, королева начала замыкать цепь, на сей раз проводя черту за внешней стороной букв. И всякий раз, когда посох касался пола, вылетал целый сноп искр.

Шарина попыталась произнести вслух один из символов. Королева подняла посох и коснулась ее подбородка. Холод, жуткий, нечеловеческий холод сковал девушке губы и язык.

— Не нужно,— молвила королева.— Не то чтоб я заботилась о тебе, просто я не хочу, чтобы твой труп впоследствии ожил и стал произносить мои заклина-

ния. Но если меня вынудить, я пойду на это, девочка. Поверь мне!

Она опустила посох. К Шарине вернулись прежние ощущения. Правда, подбородок пощипывало, как на морозе.

Королева закончила писать слова силы во втором кольце. Она бросила на Шарину взгляд, и губы ее дрогнули в улыбке.

Шарина взирала на волшебницу бесстрастно, как это делал бы Ноннус в подобном случае. Королева может убить ее, а то и сделать нечто похуже, но ей нипочем не заставить Шарину показывать свой страх.

— Я начну читать слова из наружного круга,— сказала она. Было ясно, что непокорность Шарины раздражает ее.— Мне потребуется читать их множество раз, пока я не получу нужный результат. Когда закончу, ты тоже прочтешь их. На сцене, что откроется перед нами, ты увидишь своих предков...— Улыбка королевы стала ужасной, даже для бесстрастной Шарины.— ...Или моих, зависит от момента.

Посох в руке королевы задвигался, как будто совершенно самостоятельно. Он подпрыгнул и коснулся стены на уровне глаз. Искры больше не вылетали, отметины на стене тоже не осталось.

— Будем повторять это, пока не достигнем эпохи короля Лоркана, который основал династию и королевство Островов,— проговорила королева.— Тогда твоя миссия будет выполнена.— Ее улыбка стала немного теплее.— И я смогу освободить тебя.

— Король Лоркан и его маг-союзник спрятали трон Малкара,— спокойно проговорила Шарина.— Я полагаю, что ты с моей помощью хочешь добраться до этого трона.

Шарине стало радостно, когда она увидела вспышку бессовской ярости на лице ее врага.

— Нечего говорить о том, чего не понимаешь сама, девчонка! — вскричала она.— Иначе я вспорю тебе живот и заставлю тебя уже мертвой произносить нужные слова!

Шарин скрестила руки. Ее пугало то, что королева может сделать с Кэшелом, но никак не собственная судьба. Лицо ее оставалось расслабленным и холодным, словно пьюлский нож, который она сжимала под туникой.

Многое ли было понятно королеве? Не так уж и много, судя по всему. Она обладала могучей колдовской силой, но не мудростью, это точно.

Мудрость, которую Шарина почерпнула от Теноктрис, учила ее: эти силы могут разрушить все живое. Если королева доберется до трона Малкара, средоточия зла, она обречена.

— *Оузири афи мене фри*, — начала королева. Она медленно вышагивала по кругу, меряя шагами скользкий пол. — *Катои, хаузе...*

На рубиновых стенах начали собираться тени. Шарина смотрела себе под ноги, на начертанные слова силы, которые ей придется произнести.

— *Бачух бачучух базачух*, — продолжала королева, хотя звук словно шел от самих стен. — *Бельзебуб. Бельзебуб. Бельзебуб...*

Шарина попыталась думать о Госпоже, но словно вязкие щупальца гигантского осьминога сковали ее сознание. Она стояла, суровая и спокойная. Страх, живший в ее сердце, не отражался на лице.

5-й день месяца Куропатки

Шарина не знала, сколько прошло времени. Сковавшее ее безмолвие мало чем отличалось от того состояния, в которое она погрузилась, когда демон похитил ее и доставил в распоряжение королевы. Голос волшебницы, читавшей заклинания, погружал в сон. Словно гипноз.

Из-за этого странного состояния мысли не текли, и она долго не могла разглядеть происходящих вокруг изменений. Ее бросило в жар, потом в холод, по коже поползли мурашки.

Стены исчезли, но все вокруг по-прежнему заливал красный свет. Перед ними были джунгли Байта. Деревья пригнулись после недавно прошедшей ужасной бури и теперь начинали распрямляться.

В поле зрения оказалась самка Волосатых людей, так и пышущая здоровьем. Она заорала от ужаса и бросилась в гущу зарослей вокруг поляны. Над плодом дуриана, росшим на одной из веток, жужжа, вились мухи.

Преследователь догнал самку и вцепился ей в горло. Движение оказалось настолько неуловимым, что Шарипа заметила охотника лишь в самый момент удара.

Преследователь оказался демоном: в грубой человеческой оболочке, но выше самого высокого из мужчин и худой, как щепка, словно растянули человека нормально-го роста и телосложения. Там, где он ставил ногу, поднимался пар. Шерсть на теле жертвы моментально сгорела. Она кричала в отчаянии и ужасе.

Нижняя челюсть демона дважды клацнула. Зубы — словно отточенные кинжалы. Из рта вырвалось белоглазое пламя, сопровождаемое грохотом. Ближайшая к нему ветка дерева разлетелась в щепки. Крики жертвы стали почти неслышны из-за грохота начавшегося разрушения. Демон выпускал пламя, дерево с шипением обугливалось.

Глаза чудовища сверкали красным огнем. Он перехватил свою жертву поудобнее. В паху, где до того не было заметно никаких признаков пола, вырос огромный пенис, который и вошел в тело самки.

Она прекратила борьбу. Насилие пригвоздило ее к месту, как оса-наездник парализует гусеницу, откладывая в ее тело яйца.

Демон отступил на шаг назад от скорчившейся жертвы. Его член выскользнул наружу с быстротой змеи. Пасть чудовища открылась, из нее вырвался новый торжествующий рев, от чего все вокруг занялось пламенем. Теперь оно бушевало вокруг.

Кожа демона покрылась пеплом. Тварь начала растворяться постепенно. Еще минутой глаза демона сверкали в раскаленном воздухе, затем тоже пропали.

Жертва поднялась с влажной земли. Предплечья ее были покрыты ранами, шерсть обуглилась.

Шарина почувствовала дурноту. Она ничего не сказала, даже не взглянула в сторону торжествующе ухмылявшейся королевы.

Скорчившись и прихрамывая, жертва заковыляла прочь. На поляну высыпали несколько Волосатых людей. Они вопросительно закурлыкали, обращаясь к ней, но убежали прочь, когда она попыталась обнять их.

Затем сцена медленно исчезла.

Вместо того чтобы завершить свои заклинания или приказать Шарине принять участие в ритуале, королева стукнула посохом. И в тумане возникла просторная зала.

Шарина и ее захватчица повисли в воздухе. В зале не было окон, а сквозь стены был виден город. Крыши из пальмовых листьев — вместо соломы, как в Барка Хамлет.

К стенам прикреплены длинные, зазубренные мечи и щиты с золотыми гербами и оскаленными звериными мордами. В двадцати футах над полом была установлена ветряная мельница, поворачивающаяся на ветру. На каждой ее стороне — надпись. Шарина узнала буквы: местные письма Сиримата, правда, ни прочесть, ни перевести написанное она бы не смогла.

Небольшой гамак, задрапированный пурпурным шелком, висел посреди залы. В нем лежало дитя. У гамака сидела нянька, скрестив ноги, и тихо напевала, покачивая ногой, от которой к гамаку тянулась веревочка. Время от времени она прерывалась, чтобы откусить от мякоти завернутого в лист ореха и сплунуть алый сок на улицу.

Она повернулась ко входу, закусив губу. Воздух между ней и спящим городом засверкал. Из него вырисовался демон и направился к ней.

Нянька закричала, выронив остатки бетеля. Вскочила. Гамак затрясся от криков младенца.

Демон быстро выбросил правую ногу, зацепив когтями тело няньки. Ее крики быстро смолкли, когда острые клыки разорвали ее тело на куски.

Демон приблизился к гамаку с грацией паука, вылавливающего жертву из паутины. Он вытащил дитя, осторожно сбрасывая с него богатые одежды. Из одежек он соорудил подобие куклы, которую тут же пропитала кровь няньки, капавшая из пасти чудовища.

Он уложил куклу вместо младенца, а малютку, оравшего что было мочи, сунул себе в пасть. Крики тут же смолкли.

В помещение ворвались вооруженные мечами и бамбуковыми луками мужчины. Демон усмехнулся при виде их и растворился в воздухе — как это было на Байте. Оружие пронзило лишь воздух на месте, где только что стояло чудовище.

Лицо оборотня в колыбели вначале напоминало морду демона, а затем приняло облик Волосатого человека. Когда же перепуганные стражи склонились над колыбелью и человек в одежде из перьев экзотических птиц схватил то, что в нем лежало, на них глянуло совершенно обычное лицо человеческого младенца.

Дитя покричало еще немного, потом улыбнулось. Это была девочка. Она улыбнулась людям, которые решили, что спасли ее. Она была очень хорошенькой.

— Мой отец,— проговорила королева.— Демон Ксохиал.

И снова ударила посохом. Сцена растаяла в тени сгущающегося тумана.

— А теперь, девочка, твоя очередь,— произнесла она, устремляя на Шарину взгляд холодных глаз.

Теноктрис закончила петь. Она пошатнулась, но удержалась на ногах до того, как ей помог Кэшел. Розетка из голубого огня в центре начерченного ею круга превратилась в точку. Потом исчезла, остался лишь след.

— Что важнее — солнце или луна? — пробормотал Захаг.— Хижина бедняка лучше, чем полет среди туч.

Кэшел закусил губу. Теноктрис сказала, что примат цитирует стихи, которые слышал на Пандахе. Не такие уж хорошие стихи, подумал Кэшел. Ему показалось, что при-

мат совсем расклеился. Он не винил друга за трусость, но жалел, что не оставил его с Гарриком.

— Нам снова можно двигаться? — спросил он, чтобы удостовериться, что Теноктрис бодрствует. Она простерла руки, тяжело дыша.

— Подниматься на заре, тяжело трудиться и часто думать о вечном... — продолжал Захаг.

Кэшел еще крепче сжал челюсти.

— Нет, нет, — молвила старая волшебница. Ее улыбка потеплела, так что даже черные стены вокруг показались приветливее. — Мы в нужном месте, и, по-моему, я нашла ключ. Простите, что потеряли столько времени.

— Уф! — воскликнул Кэшел. — Для меня нет лучше времени, чем проведенное с тобой, госпожа. И я сам предпочитаю не спешить, когда выполняю свое дело.

Он прочистил горло.

— Для чего я был тебе нужен? — Ему казалось, он сейчас действует как пастух, наблюдающий за овцами, не мешая им делать свое дело.

Кэшел не знал, что происходит, но мог ощущать нечто: по коже побежали мурашки, на него будто смотрели враждебные глаза.

— А ты можешь вырвать алмаз из пасти волка морей? — пропел Захаг. — А ты можешь переплыть Внутреннее море и...

Кэшел сделал прыжок. Примат пригнулся, ожидая удара. Кэшел вместо этого почесал его голову.

— Я понимаю, что тебе страшно, Захаг. Но Теноктрис знает, что делает.

Старая леди усмехнулась. Она выглядела усталой, прямо падала с ног.

— Надеюсь, это так, — сказала она. — Остается только посмотреть, есть ли у меня силы для этого. В любом случае, я должна это делать.

Кэшел улыбнулся в ответ. Ему нравились люди, которые не сдаются. Теноктрис никогда не сдастся, пока жива.

Теноктрис глубоко вздохнула и уселась прямо.

— Это тропа, что ведет к королеве, — сказала она. — Если удастся начать воздействие на королеву — пусть и

на расстоянии,— она утратит влияние на Волосатых людей. И тогда они перестанут представлять собой угрозу, даже если достигнут Орнифола.

Тон Теноктрис был спокойным, хотя и не бесстрастным: так мастер терпеливо объясняет ученику, как выполнять работу.

— Я открою путь и надеюсь удержать его открытым, но идти тебе придется одному, Кэшел.

— Нет, не одному! — заверещал Захаг. — Не одному! Не одному! Я тут один не останусь!

Кэшел взглянул на Теноктрис. Та кивнула.

— Если Захаг хочет сопровождать тебя, нет причины, почему ему нельзя было бы это сделать. Но я не думаю, что он понимает...

— Я понимаю, что не собираюсь оставаться здесь один! — воскликнул примат. — Ни в этом адском пекле, ни еще где-либо на острове. Вы разве не чувствуете? Разве не знаете, что ждет снаружи?

— Чувствую, — отозвалась Теноктрис. — И знаю.

Кэшел пожал плечами.

— Я готов с этим встретиться, — сказал он, стараясь не выдавать охватившее его нетерпение перед сражением. Юноша сжал в руке посох, в последний раз осматривая его в неясном свете лампы.

— Наконечник железный, верно? — спросила Теноктрис. — Это может оказаться полезным, если ты достаточно силен.

Кэшел взглянул на нее.

— Надеюсь, это мы сможем узнать, а? — голос его звучал как львиный рык. — Я готов!

— И все равно тебе не изменить сознания того, кто рожден глупцом, — опять процитировал примат, вцепляясь в икру Кэшела.

Тот опять потрепал его по голове.

— Бедная обезьянка... Но я тебя не оставляю...

— *Очузоиоио нучи нараэ зааа*, — начала читать Теноктрис, касаясь бамбуковой палочкой различных символов перед собой. Голос звучал спокойно, но лицо слегка подергивалось от усилий. — *Арито скирбеу!*

Базальтовые стены дрогнули. Кэшел видел их краем глаза, но весь взор заволокла паутина неведомых силовых линий. Узор распространялся без границ. Линии красного и синего света встречались, соединялись и бежали дальше.

Теноктрис продолжала читать. Узор дрожал в унисон со словами силы.

То, что видел Кэшел, было прекрасным и ужасным одновременно — как созвездия на ночном небе. Он замер в благоговейном ужасе, думая, что Илне не мешало бы тоже поглядеть на такое.

Перед Кэшелом раскрылся туннель из красного света, одним концом уходящий в бесконечную сеть. На расстоянии линии казались тонкими, словно паутина, но вход в туннель выглядел огромным. Там мог поместиться человек.

Кэшел сделал шаг вперед. Когда нога его коснулась поверхности туннеля, волосы встали дыбом и осветились голубым светом. Он громко рассмеялся, продолжая идти. Захаг, в ужасе бормоча и не глядя под ноги, жался к нему.

Снаружи труба, казалось, поднималась, и Кэшел ощущал давление, словно двигался сквозь плотную воду.

Конца туннеля было не видно. Когда любопытство взяло верх, Кэшел оглянулся и увидел Теноктрис, как ни в чем не бывало поющую заклинания.

— Но вернуться мы не можем,— пробормотал Захаг с сожалением.— Уже слишком поздно.

— Мне просто было интересно, как это все выглядит,— пояснил Кэшел.— Я и не собирался возвращаться.

Примат сморщил длинную серьезную физиономию.

— Нет, не собирался. На то ты и старший. В любом случае, мы должны идти, а иначе и возвращаться будет некуда.

Кэшел посмотрел на него, но Захагу уже нечего было добавить. Губы его шевелились, но он просто шептал очередной стих.

Кэшел потянулся, поиграл мускулами. Интересно, что там, в конце туннеля?

Вслух же он произнес:

— Наверное, скоро и узнаем.

— Скорее, чем успеем об этом подумать, старший,— отозвался Захаг.— На мой вкус, даже слишком скоро.

Илне казалось, есть более важные вещи, чем уборка комнаты, где она должна была остановиться, но она не знала, что это за вещи. Провести еще одну ночь в грязи просто невыносимо.

Королевский дворец представлял собой множество отдельных зданий. Женские апартаменты располагались в восточном крыле комплекса, отделенные от остальных стеной с окнами, выходящими в сад. Эти покои долго никто не занимал — с тех пор, как королева надумала переселиться в собственное поместье в центре Вэллиса.

Илну ужасно раздражало, что слуга автоматически решил поселить ее, Лиэйн и Теноктрис здесь, услышав слова «женские апартаменты». Правда, здесь помещения были в лучшем состоянии, чем где бы то ни было. Помощник, приведший Илну в этот трехкомнатный коттедж, был придворным лорда Ройяса. Почти все слуги Валенса покинули его в течение последних лет, опасаясь надвигающейся угрозы.

Илна быстро провела тряпкой по полу, выметая остатки пыли и паутины в открытую дверь. Орудовала она веником из ржаной соломы — а не метелкой из прутьев, которую обычно использовали ленивые крестьяне в Барка Хамлет, кроме, разумеется, самой Илны.

Илна отправила прочь девушку-служанку. Она никогда не пользовалась помощью слуг и любила сама делать свою работу. Потом осмотрела прихожую. Она вымела пол, выбила пыль из подушек и сняла с окон изъеденные молью занавеси. Просто преступление, до чего люди доводят настоящие произведения искусства! Один из гобеленов, изображающий отплытие героя древности из гавани Вэллиса, заставил бы гордиться ее саму, если бы она выткала такой! Что ж, его можно починить.

Илна прошла в спальню. Моль попировала и на перине, закрывающей кровать, но это Илну как раз совершенно не беспокоило. Она уберет перья, а для сна предпочтительнее матрас, набитый соломой — или просто деревянный пол, как это было в прошлую ночь.

Снаружи до нее долетел какой-то звук. Илна обернулась. Адмирал Ниткер и еще шестеро мужчин вошли в парадную дверь.

— Слушаю вас,— произнесла Илна, прислонив веник к стене. У двери красовалось огромное, во весь рост, зеркало из посеребренной бронзы. И в нем Илна выглядела разъяренной фурией.

И это было правдой. Илна не знала, что себе думает адмирал Ниткер, но, к примеру, в Барка Хамлет никто не являлся в гости без приглашения.

Адмирал переоделся с тех пор, как Илна накануне видела его. На нем больше не было доспехов, были простые ножны со скромным узором. Пятеро его людей, видимо, моряки — с татуировками, с изъеденными непогодой лицами, у двоих недоставало пальцев на руках. Они тоже были вооружены.

Это не волновало Илну. Ни оружия, ни людей, носящих его, она не боялась.

Седьмой человек был далполианином — маленький, темнокожий — с кожей, темнее, чем у самой Илны — с украшениями из костей в мочках ушей. Будь он насекомым, Илна без сожаления раздавила бы его.

Илна достала из рукава туники несколько коротких шнурков. Пальцы быстро забегали, завязывая узелки, а взгляд она вперила в пришельцев.

— Госпожа Илна,— произнес Ниткер, кланяясь ей.— Мастер Силийон...

И он жестом указал на далполианина. Пятеро моряков выстроились вдоль стены у дверей, не двигаясь.

— ...Верит, что вы можете помочь нам. Он был придворным магом короля Валенса, пока не начались все эти беды и король не обернул свой гнев против него. Силийон пришел ко мне, потому что я понял, насколько серьезна опасность. Силийон обнаружил силу, которая может про-

тивостоять королеве. Материальное оружие бесполезно, совершенно бесполезно.

Один из моряков вздрогнул. Он горячо кивнул, услышав слова командира.

— С этим — не ко мне, — произнесла Илна тоном, которым обычно отвечала мужчинам, предлагавшим ей любовные утехы. — Говорите с Гарриком — разумеется, для вас он принц Гаррик. И если Валенс прогнал этого шарлатана, что стоит сейчас рядом с вами, значит, он не настолько выжил из ума, как говорят. Я достаточно навидалась разных магических плутней, и они мне не по душе.

Силийон радостно хихикнул. Илна сомневалась, действительно ли он опасен, но проверять это не хотелось. Пальцы перебирали шнур.

— Вы не понимаете, госпожа, — горячо продолжал Ниткер. Он нервно облизнул сухие губы и казался сейчас более испуганным, чем был накануне. — Принц Гаррик все еще считает, будто мечом он сможет...

— Я никогда не встречала мужчин, чей меч был не в состоянии разить врага, — парировала Илна. — Даже обсызаны на это способны, скажу я вам. Раз человек имеет при себе меч, он может им убивать. Вот только вам это не удалось, к несчастью.

— Взять ее, — угрюмо приказал Ниткер. Моряки двинулись вперед. Илна выбросила перед собой несколько шнуров.

Моряки с криком отпрянули назад, пытаясь обнажить мечи.

Илна отступила к стене, где висело ее шелковое лассо. Она дернула за шнур, наблюдая за неприятелями с кривой усмешкой.

Шнуры упали на пол. В зеркале Илна видела то, что видели ее враги: спрута, чья туша заполнила собой всю комнату. Щупальца охватили адмирала и его моряков, угрожающе шелкал гигантский клюв.

Один Силийон не испугался морока. Он забился в угол, чтобы оружие моряки не затоптали его. Но приближаться к Илне ему явно расхотелось.

— Обернитесь! — кричал маг пронзительным голосом. — Не смотрите на нее!

В дверях возникла Лизэйн.

— Илна? Ты...

— Беги, Лизэйн! — крикнула та.

В тот же момент завопил Силийон:

— Хватайте вон ту девушку вместо этой. Живее! Чудовище...

Один из моряков, увернувшийся от спрута, сграбастал Лизэйн. Он тяжело дышал и еле держался на ногах, но адмирал и двое других сумели помочь ему удержать вырывающуюся девушку.

Один моряк ударил Лизэйн ножом в руку. Другой нанес ей удар кортиком по лбу.

Илна накинула лассо на шею Ниткеру и сильно потянула. Адмирал шлепнулся назад и вцепился в веревку. Илна поставила ногу ему на грудь. Лицо жертвы побавровело.

Четверо моряков выволокли Лизэйн из дверей, накинув на нее шаль — видимо, специально принесенную для похищения. Последний оставался стоять на коленях, борясь со щупальцами, охватившими его живот.

Илна увидела Силийона. Тот швырнул в зеркало горсть пыли. Металлическая поверхность сверкнула искрами, на миг ослепив девушку.

Она отвернулась к стене и потеряла чувство равновесия. Илна прикрыла глаза — поздно! Такого она не ожидала. Оранжевые и пурпурные вихри плясали перед внутренним взором.

Илна слышала, как Силийон и моряки пробираются через сад. Тот, кого она успела ранить, корчился на полу, истекая кровью. Ниткер прекратил борьбу.

Илна ослабила петлю и сделала шаг вперед.

— Стража! — кричала она. — Стража!

К ней уже бежали. Она держала в руках лассо.

— Госпожа, что случилось?

Их было трое, все с копьями. Большинство стражников, охранявших дворец, были из формирований городской милиции, без специальной выучки.

— Вы видели пятерых человек, несущих женщину, завернутую в ткань? — ответила она вопросом на вопрос. Она сама даже не знала, в каком направлении убежали похитители.

— Госпожа? — повторил один из стражников. Илна едва могла различить их силуэты: зрение до сих пор не восстановилось.

— Первым делом отведите меня к Гаррику! — велела она. — Если я не могу видеть, придется вам вести меня!

Тут она вспомнила о Ниткере. Хорошо, что он очнулся: на ее совести не будет ненужной смерти.

Она жестом указала на него.

— И этого заберите. Гаррику поможет его допрос. Но не упустите его!

Двое солдат вошли в коттедж, а третий взял девушку за руку.

Гаррику не по душе придется то, что расскажет ему Илна. Она коснулась своей талии. Пояс, который она соткала в пару поясу Лиэйн, пока был в порядке. Она надеялась, что сумеет почувствовать, если с той случится беда.

Гаррик положил руку на плечо Илне. Так друг кладет руку на плечо другу, так целитель подбадривает пациента, но сейчас сам Гаррик нуждался в поддержке.

— Чудовище — единственная сила, которая может противостоять силам королевы, — свистящим шепотом проговорил адмирал Ниткер. — Силийон сказал, что проведет Чудовище сквозь зеркало, но оно тоже не сумеет помочь, пока...

Он замолчал, закашлялся. Лассо Илны оставило кровавую полосу на его шее.

Целитель дал ему прополоскать горло раствором шипучей соли, чтобы он мог говорить, и все равно это было непросто.

Целитель принес глиняную чашу с полосканием. Он посмотрел на Гаррика. Тот помотал головой.

— Говори, — велел Гаррик. — Иначе тебе нет смысла жить дальше. Если будешь притворяться, что не можешь продолжать, я сам убью тебя.

И голос, и слова принадлежали ему самому. Король Карус лишь одобрительно кивнул в глубинах его сознания.

— Чудовище нужно накормить,— прошептал Ниткер.— Силийон сказал, нам нужно принести к нему в клетку женщину по имени Илна, но она натравила на нас монстра. Тогда в дверях появилась другая девушка, и, наверное, Силийон решил: это лучше, чем ничего.

— Почему? — спросила Илна.— Почему я?

Глаза ее все еще были красными, но зрение уже к ней вернулось. Гаррик не хотел бы, чтобы Илна так же сверлила его взглядом, как адмирала сейчас. Правда, он и сам смотрел на Ниткера не намного мягче.

В комнате появились Халфемос и калека Церикс. Курьер, которого за ними посылали, глубоко поклонился и исчез.

— Я не знаю,— произнес Ниткер, сжимая руки на коленях.— И не знаю, где эта клетка. Я не маг!

«Ты и не мужчина!» — подумал Гаррик с горечью. Хотя хватило же ему смелости бросить вызов Валенсу и заявить свои права на трон.

Дверь отворилась, вошел Ройяс. К удивлению Гаррика, следом за канцлером появился король Валенс. Он семенил маленькими шажками, будто глубокий старик. За ним следовали двое обеспокоенных слуг, готовые подхватить его, если вдруг упадет.

— Я подумал, Его Величеству нелишне будет присутствовать,— промолвил Ройяс.— Он... снова стал самим собой.

— Чудовище близко,— заговорил Валенс тихо. Все в комнате повернулись к нему.— Оно скоро будет здесь.

— Так или иначе, это может произойти,— мягко ответил Гаррик.— Ваше Величество, вы ведь знаете, куда Силийон мог уйти вместе с... — язык не повиновался ему, он не мог выговорить имя,— ...с жертвой?

— В подземные покои дворца Тиранов Вэллеса,— отчетливо выговорил Валенс.— Альтапер знает это место, да и большинство Кровавых Орлов — тоже. Я часто водил их туда.

На короле была простая туника со скромным узором по вороту и на рукавах. На ней больше не было пятен от еды.

— Оттуда Чудовище входит в наш мир. Так говорит Силийон.

— Все верно,— сказал Гаррик, поднимаясь со своего места. Он вытянул меч из ножен, потом загнал его обратно.— Я возьму несколько Кровавых Орлов и вернусь как можно скорее.

— Он уже должен был подложить ее Чудовищу, принц Гаррик,— произнес Валенс с отчетливой ясностью человека, понимающего: его конец близок и расстраиваться тут не о чем.— Оказавшись в клетке, она не сможет вернуться. Ничто не может покинуть эту тюрьму, пока само Чудовище не прорвется сквозь сдерживающие его стены.

Гаррик стиснул руки. Он бы послал за Теноктрис, но знал: по крайней мере, еще час она должна оставаться в поместье королевы. Он понимал: старая волшебница сделала верный выбор, рассудив, что вначале нужно разобратся с королевой, а потом уже — с Чудовищем.

Илна развязала мешок. Бросила его на пол. К удивлению Гаррика, ткань сама начала складываться во что-то знакомое. Она изгибалась, и это были...

— Слова Старой Вязи! — вскричал Гаррик.

— Церикс, означает ли это что-либо для тебя? — спросила девушка.

Калека подъехал поближе в своем кресле. Он облизнул губы.

— Госпожа, мне кажется, это первая фраза Ключа Желтого Короля, заклинание открытия. Но...

Илна схватила ткань, скатала ее в руках и снова бросила наземь.

— А теперь? — спросила она, в то время как ткань ложилась новым узором.

— Да, это следующая фраза,— отозвался Церикс. Боль, искривившая его лицо, ничем не напоминала его обычную физическую боль.— Эти два обрывки заклинания — все, что осталось от Ключа. Но, госпожа, даже если вы

составите всю фразу, среди ныне живущих магов нет ни одного, кто смог бы прочесть заклинание.

Церикс сжал кулаки.

— У меня бы ничего не вышло! Ничего! Как бы я ни хотел помочь!

— Ты мог бы написать эти слова для меня, Церикс,— тихо заметил Халфемос.— А я бы их произнес. Мы же всегда так делаем.

— Алос, это даже не для тебя! — отчаянным голосом воскликнул его старший товарищ.— Со времен Желтого Короля никто не мог прочесть это заклинание, а он — всего лишь миф!

Младший волшебник посмотрел на Илну.

— Именно этого ты хочешь, госпожа?

— Да, этого.

Халфемос кивнул. Обращаясь к Гаррику, он проговорил:

— Нам нужна карета для Церикса. Мой атам при мне.

И он показал нож из слоновой кости.

— Церикс, нам понадобится что-нибудь еще?

— О да, больше силы, чем у тебя есть, Алос,— с горечью отозвался калека.— Жаль, что я не верю в Богов.

— Верно,— вмешался беседе Гаррик.— Давайте...

— Гаррик,— вдруг заговорил Ройяс.— Принц. Вам нужно командовать армией и управлять страной. Оставьте это дело другим.

— Я не перестал быть человеком с тех пор, как вы сделали меня принцем! — воскликнул юноша.

Ройяс же не сдавался.

— Вам известно, что я прав.— Он встал в дверях, и теперь Гаррику пришлось бы оттолкнуть его, ибо сам канцлер не собирался уходить.

Гаррик знал: ему не стоит сердиться на Ройяса, даже если тот не прав.

— Думаете, я все брошу, потому что беспокоюсь за Лизйн? Конечно, я за нее беспокоюсь! Но все вы боитесь королевы и опасности, с ней связанной, а я вот что вам скажу: Чудовище, которое вызвал Силийон, не менее опасно! И кому, как не вам, это знать, Ройяс!

Все замолчали. Образ короля Каруса словно запечатлелся в облике юного правителя. На сей раз именно Карус говорил его устами. Он предложил решение, которое...

Внезапно ощутив всплеск понимания, Гаррик повернулся к Валенсу:

— Ваше Величество, ваш народ в большой опасности. Выйдите к людям, возглавьте борьбу. К вашим услугам — лучшие из полководцев и советников, но никто из них не может заменить короля.

Валенс смотрел на Гаррика глазами столетнего старца.

— Я? — спросил он, когда пауза стала слишком длинной. — Но я никогда и не был королем на самом деле.

— Позвольте вам не поверить, — проговорил Гаррик, и голос его стал более жестким. — Но даже если и так, Ваше Величество, сейчас — самое время начать. Вы нужны народу.

Валенс повернулся к стоявшему рядом канцлеру.

— Ройяс, ты поможешь мне? — спросил он. — Я всегда доверял тебе, ты же знаешь.

— И сейчас можете доверять, Ваше Величество, — тихо произнес канцлер. — Вы облачитесь в парадные одежды и тогда... Вы впереди войска — это лучше, чем десять тысяч бойцов на стенах.

И они, рука об руку, покинули комнату — скорее друзья, чем больной монарх и его слуга. Ройяс обернулся и быстро кивнул Гаррику в знак признательности.

Теперь он действительно друг короля, догадался Гаррик. Лучший, чем кто-либо еще. Несмотря на то что сам Ройяс думал о смещении Валенса, опасаясь за дела государства.

Остальные смотрели на Гаррика в ожидании действий. Его рот искривился в усмешке.

— А теперь — пойдемте. Чем скорее начнем, тем скорее разделимся со всем этим, верно?

И король Карус в его сознании громко рассмеялся.

— *Аллазан*, — произнесла Шарина. Она выговаривала слова заклинаний уже в третий раз, и с каждым новым

разом это давалось все труднее. Рот был словно набит камнями.

— *Эомалта бет йонта кербет...*

Девушка заметила, что пронизывающий холод исчез, ей снова стало тепло. Свет изменился, вместо красного стал голубым. Теперь Шарина и королева смотрели в залитый лунным светом сад, где перед ними открывался вид на резную каменную беседку. На другом конце строения каменные нимфы резвились в фонтане, вода в который поступала из системы каналов.

На лавочке посреди беседки богато одетая пара занималась любовью.

На лица их падала тень, людей было не узнать. На крыше беседки был искусно вырезан герб с кольцом на щите — символ древней королевской династии Хафта. Кроме того, здесь было еще и изображение нарвала — что относило его к роду бор-Наллиалов, одному из знатных домов Орнифола.

Любовники, глубоко вздохнув, разжали объятия. Оба были полностью одеты. Женщина лишь расправила платье, а мужчина застегнул узкие штаны, которые носил с коротким камзолом. Одежда обоих была богато украшена металлическими пряжками и вышивкой.

Вокруг жужжали ночные насекомые. Вот со свистом крыльев пролетела летучая мышь...

Мужчина повернулся и осторожно огляделся, потом покинул беседку. Шарина узнала его по портрету-миниатюре, найденному среди вещей матери: Ниард бор-Наллиал, граф Хафтский через брак с графиней Терой. Его убили восемнадцать лет назад, во время резни, когда Шарина с родителями покинули Каркозу.

Ниард шагал прочь, не оглядываясь. Когда прошло некоторое время, женщина тоже вышла из беседки и пошла в противоположном направлении.

У Шарины перехватило дыхание. Этой женщиной была служанка из числа слуг графини Теры, но не сама графиня.

С графом Ниардом была мать Шарины, Лора.

Королеве было абсолютно все равно, что она увидела. Она улыбнулась Шарине и ударила посохом, раство-

ря идиллическую картину. Сердце Шарины опять заледенело.

Повивальная бабка в черном переднике, указывающем на ее профессию, явилась к Лоре на устланный соломой скотный двор во дворце. Люди, вооруженные кто оружием, кто кухонными принадлежностями, ворвались внутрь сквозь открытые ворота. Некоторые несли факелы, и огонь отбрасывал блики в окна дворца.

Лора издала оглушительный крик. Акушерка повернула ребенка, помогая ему найти выход из родового канала. Лора напряглась в последний раз и откинулась на солому, пока повитуха перерезала и перевязывала пуповину.

Рядом стоял мул с завязанными глазами. Его запрягли в двуколку — такими обычно пользуются курьеры, быстро передвигающиеся по дорогам Хафта. От запаха дыма и криков животное сильно беспокоилось, несмотря на повязку на глазах.

Из дома вышел мужчина со свертком, закутанным в шелковую ткань. Повитуха в страхе завизжала, потом расслабилась, когда отблеск пожара упал на его лицо.

Шарина тоже узнала человека, правда, не так быстро, как Лору. Годы не пощадили Рейзе ор-Лавсера, человека, которого Шарина всегда считала своим отцом.

Повитуха завернула ребенка Лоры в чистую шерстяную ткань. Рейзе протянул женщине сверток — другое новорожденное дитя. Он нагнулся и помог Лоре, находившейся почти без сознания, подняться на ноги и забраться в двуколку.

В двуколке была узкая скамья, а позади нее — корзина для писем и посылок. Сейчас ее устлали соломой. Рейзе забрал детей у повитухи и уложил их в корзину, одного за другим. Лора стонала и раскачивалась, обхватив себя за плечи.

Рейзе протянул повитухе монету; лунный свет высветил золото. Он прошел вперед и неловко тронул поводья, погоняя мула в повязке на глазах. Животное повиновалось, хотя и с трудом. Когда повозка выехала на улицу, трясаясь на ухабах, пеленки развернулись. Теперь Шарина точно видела, что второй младенец — мальчик.

Видение исчезло. Шарина повернулась к королеве. Вначале перед ней была просто разъяренная фурия, но в человеческом облике, но потом на смену этому облику пришел другой — настоящий демон, раздираемый демонической злостью.

— Ты не из королевской династии! — кричал демон голосом, от которого закипело бы масло. — Твой брат — наследник короля Лоркана, а не ты!

Это было все равно что смотреть в кипящий адский котел. Шарина терпеливо ждала, когда гнев королевы уничтожит ее.

Затем королева и красная сфера исчезли. Шарина стояла в зале, где уже была заточена прежде. Теперь она могла двигаться. За окном — безжизненный, красноватый пейзаж.

Шарина попыталась протиснуться в открытое окно. Стройное тело проскользнуло между камней, но дальше ее остановил острый барьер. Она билась, напрягая все мышцы, до красных кругов перед глазами, а потом обессиленная упала на пол своей тюрьмы.

Откуда-то доносилось пение заклинаний.

5-й день месяца Куропатки (позднее)

Бесимон, дежурный офицер стражи и проводник Гаррика ко входу в логово Чудовища, остановил коня возле одной из оставшихся декоративных колонн и сердито посмотрел по сторонам.

— Мы не приходили сюда при свете дня, — извиняясь, пробормотал он. — Мне нужно...

Двое Кровавых Орлов ехали рядом с Гарриком и Бесимоном, еще двое сопровождали карету с остальными. Гаррик рассудил, что больше охранников ему не понадобится.

— Вот сюда, — произнес Бесимон, указывая острием меча вправо. Он направил лошадь вдоль заросшего деревьями проезда. На каждой из сторон виднелись обрушившиеся колонны и архитравы — слишком старые и

бесформенные, чтобы можно было по ним ориентироваться.

Они очутились во дворе, некогда окруженном круглым портиком, также разрушившимся. Тут они увидели Силийона, присевшего над неким сооружением, на вид более древним, чем остальные руины. Моряки, помогавшие ему, увлеклись и не заметили приближения всадников.

С серебряного треножника свисал кусок зеленого вулканического стекла в виде огромной капли. И Силийон обращался сейчас к нему:

— О Великое Чудовище, хозяин этого мира и всех миров, прими наше приношение. Порази королеву, своего врага...

Смех, трехголосый и такой громкий, что, казалось, заполнил собой все небо, раздался на поляне. Обсидиан заплясал в такт громогласным звукам.

— ...и ее звериных прислужников! — присовокупил Силийон. Он тоже не заметил всадников.

Гаррик соскользнул с седла. Небольшой сверток был пристегнут к его спине, на уровне поясницы, ему нужно было схватить его поплотнее. Он постарался унять нервную дрожь.

Гаррик схватил Силийона за плечо и рванул вверх. Треножник упал на траву.

— Где Лиэйн? — закричал Гаррик, хотя это было понятно. Вережка уходила в глубь колодца.

— Прими наше приношение! — опять завопил Силийон. Он с гадким хохотом повалился на траву.— Прими...

Бесимон взмахнул мечом и проткнул бывшему придворному магу горло, причем меч вышел со стороны спины.

— Надо было сделать это давным-давно,— пробормотал он, вытирая меч о тунику врага.

Гаррик заглянул в колодец. Он не знал, что собирался увидеть.

Лиэйн находилась пятьюдесятью футами ниже. Рядом с ней лежал сотканный Илной пояс, теперь превратившийся в лохмотья. Зарубки на стенах колодца показыва-

ли, где прежде привязывали веревку, но следов от прежних жертв нигде не было видно.

Лиэйн и каменный пол, на котором она стояла, были освещены пульсирующим оранжево-красным светом. Она повернула голову, пытаясь определить источник звука или краешком глаза сфокусироваться на движении.

— Лиэйн! — позвал Гаррик. Она не подняла глаз. Пальцы ее были связаны вместе, так что ей даже было не развязаться.

Карета с грохотом остановилась возле Гаррика. Железный обод правого переднего колеса раздавил мраморную крошку на земле. Гаррик обернулся. Илна выпрыгнула из экипажа одновременно с Кровавыми Орлами. Юный маг помог старшему выбраться из кареты, пока возница удерживал под уздцы четверку лошадей.

Лошади привыкли и не к таким дорогам, но здесь сильно нервничали. Нездримос зло окутало это место.

— Принсите веревку, — велел Гаррик Бесимону. Он провсрил крючки, на которых ножны крепились к ремню, затем потянул конец крепления для щита: выдержит ли. — Лиэйн здесь, я собираюсь вниз.

Солдат бросил офицеру моток веревки из кареты. Бесимон обвязал свободный конец к выступу колонны, потом поднес моток к колодцу.

— Я пойду вперед, Ваше Высочество, — заявил он.

— Нет, не пойдешь, — отрезал Гаррик. — Я пойду один, а вы с солдатами будете охранять моих друзей, которые станут читать заклинания.

И он забрал веревку у Бесимона, опуская ее в колодец. Она извивалась, будто живая, прокладывая себе путь вниз.

— Мы втроем должны быть внутри помещения, если понадобится открыть ее и выпустить тебя, — сказал Церикс. — Алос, госпожа Илна и я.

— Вы все? — переспросил Гаррик, с сомнением оглядывая троицу. — Я думал, что вы сможете сделать все необходимое здесь, как Силийон...

Церикс угрюмо усмехнулся; его опускали вниз.

— Что же мы сможем *открыть*, если будем произносить заклинание Ключа Желтого Короля здесь? — язви-

тельно спросил он.— Не клетку Чудовища, это уж точно, хотя для всего мира это будет очень плохо.

Спазм боли скрутил лицо Церикса. Гаррик заметил это, сузив глаза.

Илна перевернула голову убитого мага ногой, чтобы рассмотреть его лицо. Поморщилась.

— Интересно, сколько женщин проделали этот путь до меня? Надеюсь, я буду последней.

— Точно,— отозвался Гаррик. Он поднял веревку, затянул петлю вокруг левой ноги и подтянул другой ногой. Основная нагрузка придется на кожаный башмак. Потом перекинул ногу через сруб колодца и начал спускаться. Его не удивило, что Илна направилась следом за ним.

Меч Гаррика раскачивался. Щит, который он укрепил возле грудной клетки, сместил его центр равновесия так, что юноша завис практически в горизонтальном положении. Шлем его представлял собой простой и гладкий головной убор с кольчужной сеткой сзади на шее. Он слетел, когда Гаррик был на полпути вниз.

Первой его мыслью было: какое счастье избавиться от этой неподъемной ноши! Но потом реакция изменилась. Он усмехнулся. Король Карус, теперь тоже без шлема и просто-волосый, если не считать золотой диадемы, расхохотался:

— Порой все выглядит лучше, чем это кажется с точки зрения здравого смысла, сынок,— изрек его знаменитый предок из глубины веков.

Гаррик не слышал звона, но, вероятно, шлем упал у ног Лизйн. Она подняла глаза и уставилась вверх, пока раскачивающееся на веревке тело Гаррика не обнаружилось практически рядом с ней. А до того момента девушка, прикрыв глаза ладонью, напряженно всматривалась вверх, но не замечала спасителя.

Веревка не достигла самого дна колодца. Гаррик завис на расстоянии вытянутой руки. Если освободить Лизйн означало бы подхватить ее и унести с собой, он сумел бы сделать это.

Гаррик улыбнулся. Ага, точно, а после появилась бы королева и стала просить прощения у своего мужа, короля Валенса. Только этим дела не исправишь, так ведь?

Гаррик спустился еще на несколько футов. Ноги ударились о каменный пол. Лизэйн обернулась и ахнула, увидев Гаррика.

А Гаррик увидел их темницу.

Они находились в сводчатой камере — наиболее просторной из всех, что существовали возле Вэллеса. Стены — из камня вулканического происхождения, не из песчаника, как своды разрушенного дворца. Буквально в двух шагах от них начинался ров с водой, которая угрожающе поблескивала. В противоположной стороне начиналась стена, на ней горели огни. Стена изгибалась и уходила в необозримую даль.

Лизэйн бросилась в объятия Гаррика.

— Тебе нельзя было приходить сюда! — кричала она, с жаром обнимая его. Потом отступила назад. — Но как... — спросила девушка, глядя за его спину.

Он поднял глаза, ожидая увидеть свисающую веревку. Но нет — лишь голые каменные стены, окрашенные угрожающим отблеском темной воды. Воздух казался сухим и очень горячим.

И тут, словно ниоткуда, перед ними возникла Илна. В руках она держала лассо, ее излюбленное оружие. Она перевела дух и отступила в сторону:

— Ловите Церикса, он — следующий.

— Отлично, — сказал Гаррик. Он встал рядом с Илой, отклонился назад и подставил руки. Пока не было видно ни Церикса, ни веревки, но маг в любую минуту мог упасть сверху. Что он и сделал, а Гаррик его поймал. Колени юноши дрогнули. Он отступил назад и посадил Церикса на землю. Безногий калека был ростом с ребенка, вот Гаррик и решил, что весом тот тоже не превышает ребенка. Но не тут-то было: Церикс отличался завидной мускулатурой и по тяжести почти не уступал взрослому мужчине средней комплекции.

Точно так же ниоткуда возник Халфемос. Он подставил руки, чтобы приземлиться мягче, но от удара атам выпал у него из-за пояса и стукнулся о каменный пол. Юноша подхватил его, поднес к свету и удовлетворенно кивнул.

Илна обвязала веревку вокруг талии и вынула из рукава мешочек. Подошла ко рву, остановилась у самого края и посмотрела вниз. Гаррик извлек сверток и, держа его в левой руке, приблизился к Ильне.

Оранжевый поток лавы стекал вниз по желобу футов в тридцать шириной. Даже с такого расстояния жар слегка опалил волосы на щеке и правом предплечье Гаррика. Он коснулся руки Илны и потянул ее назад.

— Давайте займемся делом, — хрипло проговорил Церикс. В его голосе звучало разочарование человека, который уже считал себя мертвецом. Он извлек из-за пояса оловянный прут толщиной в мизинец.

— Разве нам не понадобится круг? — изумленно спросил Халфемос.

— Ключ открывает барьеры, сынок! — отвечал ему калека. Он прочертил прутom по полу. Металл оставил серебристый след, различимый, скорее, благодаря блеску. Церикс посмотрел на Илну и повторил: — Давайте приступим!

Илна встретила его взгляд. Гаррик ни за что бы не поверил, что Илна способна на сострадание, если бы не видел сейчас ее лица.

— Да, конечно, — промолвила девушка необычайно мягко.

Ткань сложилась в слова, написанные Старой Вязью. Церикс посмотрел на них, потом прочертил на полу современным квадратным стилем.

— *Руше*, — начал Халфемос. — *Дропиде тарта йо*.

Илна скомкала мешочек и снова кинула его на пол. Лицо ее ничего не выражало. Теперь получился новый узор. Церикс быстро писал, откинувшись на левую руку, чтобы у него было побольше свободного пространства для письма.

Гаррик пытался прочесть вслух Старую Вязь, пока Халфемос готовился продолжать. Это как будто делала некая часть его: часть, которой не терпелось по-мальчишечьи похвастаться: «Я образованнее тебя!»

Так оно и было, ибо Рейзе дал детям самое серьезное образование, какое только возможно в академиях Вэллиса

и Эрдина. Но сейчас мало было читать Старую Вязь: требовалось магическое искусство. Язык Гаррика прилип к нёбу, прежде чем он дочитал слово до конца.

Гаррик и раньше участвовал в магических действиях, помогая Теноктрис в заклинаниях, которые требовали нескольких чтецов. Здесь же был совершенно иной уровень магии: точно так же всей физической мощи Гаррика не хватило бы, чтобы разнести каменные стены темницы.

Юноша зауважал Халфемоса и впервые ощутил, в каком отчаянии пребывает Церикс. Дело ведь не только в способности самому стоять на ногах и передвигаться. Утрата волшебного дара была, пожалуй, более горестной, чем неспособность пробежать из Барка Хамлет в Каркозу...

— *Абоуас сиюн сероу*, — читал Халфемос.

Илна подняла ткань и бросила ее. Церикс снова чертил, а Халфемос примеривался произнести слова.

Лизэйн стояла рядом с Гарриком, глядя вдаль. Гаррик проверил меч в ножнах — уже не в первый раз. Он ощущал напряжение, а занять чем-либо свой ум и руки пока не представлялось возможным. Все зависело исключительно от магов и Илны.

— *Атебримо пестец легалейзион*, — продолжал Халфемос. Черты лица его заострились, пот стекал по лбу. Но голос звучал четко, без дрожи.

Илна снова кидала ткань — таким движением, каким бросают свежeweстиранное белье на куст, чтобы высушить его. Чего ей это стоило? При взгляде на лицо девушки казалось, единственным усилием для нее было нагнуться и поднять комочек ткани... может, так оно и было?

Но ни один из магов не способен повторить действия Илны ос-Кенсет, а она никому не позволит узнать истинную цену своих деяний. Ибо единственным достоинством Илны была ее сила.

Гаррик снял руку с рукояти меча и положил на плечо Лизэйн.

— *Аэлгозо бино айкизос!* — произнес Халфемос, и лицо его озарил отблеск лавы.

Гаррик напрягся. Лизэйн посмотрела на него. Он показал на ближайшую трещину. Трещина сужалась, и твердый каменный пол по другую сторону начал образовывать арку над сверкающим камнем.

Лизэйн вцепилась Гаррику в руку. Впервые с момента, как он проник в темницу, она поверила в возможность спасения.

Илна, со спокойным лицом, бросила мешок. Знала ли она? Волновало ли ее то, насколько удачно она справится с заданием?

— *Опелион офелиме урискос...*— говорил юный маг.

Гаррик ощутил смех прежде, чем услышал его, но услышал все равно внутренним слухом, нежели ушами. Он наблюдал, как расширяется каменный проход — так бывает, когда отступает волна от берега во время отлива. Он обернулся. С другой стороны к ним приближалась тварь.

Гаррик рывком потащил Лизэйн прочь, не успев даже понять, что делает. Он выхватил меч. Клинок чиркнул о ножны, но зарубки на лезвии не осталось.

Король Карус был сейчас с Гарриком, заполняя его плоть своим духом, но потом уступил, дав возможность молодому потомку справляться самостоятельно. И теперь принцу предстояло сражаться своими силами.

Тварь двигалась на четырех лапах, правда, иногда поднимаясь на две — как это делают мсдведи. Но не так, как люди. Человека она вовсе не напоминала.

Три головы сидели на змеиных шеях. Головы по бокам тоже походили на змеиные — скорее, гадючьи, чем высокие черепа волков моря. Раздвоенные языки трепетали в воздухе, треугольные зубы длиной в палец торчали из пастей.

Центральная голова напоминала голову собаки — или бабуина, если бы эти животные достигли размеров Чудовища. Тридцати футов высотой, оно с издевательским хохотом двигалось навстречу людям.

— Я признательна тебе за все, что ты сделал для меня, Гаррик ор-Рейзе,— произнесла собачья голова. Расплавленная лава дрожала в такт ее словам.— Ты привел мне того, кто сумел отворить мою темницу.

Сквозь этот лай-шипение Гаррик услышал, как изменилась речь его товарищей. Но не мог тратить внимание на выяснение причин: отчего это произошло.

— В награду...— заговорила средняя голова, в то время как остальные две продолжали сухо хихикать, словно листья шуршали под ногами,— ...я съем тебя после всех твоих друзей. Разве я не добра, Гаррик ор-Рейзе?

— Подойдешь ближе, и я убью тебя,— предупредил Гаррик.

— Когда Желтый Король запер меня здесь, я занимала все это помещение,— сообщило Чудовище. Голос его заставлял камни дрожать, но это не было настоящей речью — лай и шипение, вот и все.— Я голодала и усохла... но вряд ли тебе удастся меня остановить, Гаррик ор-Рейзе!

— Гаррик! — окликнула его сзади Лиэйн.— Мост открыт! Вернись назад, и Халфемос закроет его за нами.

Чудовище оглушительно расхохоталось. Оно неумолимо приближалось гигантскими шагами.

Гаррик попятился, делая назад шаг, затем другой. Чудовище было уже близко, змеинная голова могла нанести удар. Лава обжигала ему икры. Рука Лиэйн теребила за плечо.

— *Руше*,— сказала средняя голова Чудовища.— *Дропиде тарта иао!*

Церикс взвыл, догадавшись о планах твари.

— Пиши! — скомандовала Илна.— Твое дело — записывать!

Гаррик сделал шаг вперед и взмахнул мечом.

— Я вижу конец! — сказал Захаг.— Мы свободны. Пойдем же, старший!

Примат схватил Кэшсла за руку, чтобы тащить его поскорее, потом передумал и ринулся вперед самостоятельно. Кэшсел продолжал идти так же, как шел, неторопливо, как обычно.

— Не торопись, мы доберемся дотуда,— сказал Кэшсел, и голос его заглушил раздававшееся вокруг гудение.— Если здесь есть с чего начинать.

Захагу удалось избежать шлепка, который он непременно бы получил, если бы вцепился в руку юноши. Кэшел знал за собой такую черту, как раздражительность, и не хотел, чтобы приятель попадал ему под горячую руку.

— Ты не видел? — возбужденно воскликнул примат. — Вон там, прямо впереди!

Он обвинил Кэшела за талию длинной рукой. Таким образом он убеждал себя: ты не один. Кэшел не возражал. Ему часто приходилось утешать перепуганных животных. Сейчас у Захага было больше поводов для страха, чем у овцы во время грозы.

— Я что-то вижу, — проговорил Кэшел. — Когда дойдем туда, я узнаю, что это.

Освещение изменилось. Оно по-прежнему было рубиновым, но стало... как будто ярче, что ли?

Кэшел разочарованно помотал головой. Ему не по душе загадки. Лучше бы кто-нибудь объяснил ему, в чем дело.

Если грядет битва — тем лучше. Кэшел нечасто сражался, но в этом деле знал толк.

Кэшел знал одно: в открытом Теноктрис коридоре расстояния ничего не значат. Но все равно удивился, заметив, как Захаг вышел на бескрайнюю равнину.

Юноша остановился. Захаг, нервно вертя головой, произнес:

— Ну, и где это? Здесь так же скверно, как и там!

— Нет, здесь по-другому, — не согласился с ним Кэшел. Перво-наперво он проверил: проход за спиной оставался открытым. Потом осмотрелся, потрогав поверхность почвы посохом.

— Не так уж и отличается, — покорно пробормотал примат. Кэшел признал, что приятель по-своему прав.

Почва, стены кратера и острый выступ посредине были такого же красного цвета, что и коридор. И все-таки, это ненастоящее место, не такое, как скалы или деревья.

— Тут даже по-своему красиво, — заметил Кэшел. Он пожал плечами. — Правда, по мне, здесь не помешала бы лужа какая-нибудь, для натуральности. А ты как думаешь, Захаг?

— Думаю, мне больше хочется назад в Сиримат, в мою стаю, из которой меня украли,— отвечал тот.— Ни один из них уж точно не был психом. Даже поумнее, чем некоторые из присутствующих.

Кэшел рассмеялся:

— Похоже, мы в одной из тех ячеек, которые видели в подвале, где линии сходятся вместе. Пойдем посмотрим, что там за штуковина в центре.

Идти оказалось трудно. Ноги словно скользили по льду. Приходилось постоянно удерживать равновесие. Захагу было легче: он двигался на четвереньках. Он что-то приговаривал. Стихи?

— Не хотел бы, чтобы меня этак стиснуло, как этот туннель,— сказал Кэшел. Вначале ему показалось, он видит облака над слоем красного тумана, но сомневался, насколько реально это все.— Так-то вот много лучше, тебе не кажется?

Захаг не отвечал. Да вопрос и не требовал ответа.

Они не видели пока ничего живого. Королеву тоже не видели. Может быть, вон за тем выступом в центре...

Для удобства Кэшел оперся на посох.

Из законечника вырвалось голубое пламя. Это удивило его, но не слишком. Он уже знал, дело в этом проклятом месте.

— Помнишь, как мы выручили принцессу Арию из башни? — спросил он Захага.

— Помню,— ответил тот. Довольно бодро ответил.

Кэшел подумал, что над головой светит солнце, но свет мало напоминал солнечный. Теней не было вовсе, от этого трудно определялось расстояние.

Кэшел чуть ли не бегом припустил к основанию башни из света.

— Ух ты! — вскричал он.

Его настроение заметно улучшилось. По крайней мере, какой-то результат. Шанс изменить что-нибудь.

Кэшел потрогал колонну левой рукой. Прямая и гладкая — почти как посох в его руке. Нижняя часть не толще деревьев, какие Кэшел валил в лесу, но вершина заканчивается шаром. Отсюда видно лучше. Небо бледное.

Даже Захаг выглядел заинтересованным. Он понюхал основание колонны, пробежал пальцами по поверхности.

Кэшел почувствовал ритм. Заклинание. Может быть, Теноктрис, сохраняющая для них проход открытым.

А может, и не Теноктрис вовсе.

— Ну и что, ты думаешь, нам удастся туда взобраться? — спросил Кэшел, качая посох в руках. Он оглянулся: сзади был только Захаг.

— Здесь пятьдесят футов, — пробормотал примат. — Десять твоих шагов, старший. Или десять размахов рук.

— Э... — Кэшел не нашелся, что сказать. Он мало понимал в этих терминах.

— Мне не залезть на вершину, — сообщил Захаг. — Правда, я мог бы поддержать посох.

— Я был бы тебе крайне за это признателен, — ответил Кэшел. — Похоже, навсрху есть окна и, может быть...

Конечно, даже если королева находится внутри, Кэшелу вряд ли удастся схватить ее. Но других идей у него попросту не было, а Захаг тоже ничего не предлагал.

Узор начал складываться воедино. Кэшел почувствовал: скоро настанет время для него внести свой кусок в мозаику.

Примат подпрыгнул, обхватил колонну на высоте головы Кэшела. Кэшел мог поднять его выше, используя в качестве опоры посох, но если тот не ухватится крепко, то для него будет опасно свалиться с такой высоты.

Но Захаг крепко схватился. Он вытянул руки и ноги на всю длину и стал похож на паука, поджидающего добычу в сердцевине цветка. Сцепив руки и ноги друг с другом, он стал продвигаться выше и выглядел так, словно лезет по стволу обычного дерева. Кэшел опять слышал его бормотание, но ничего: главное, работа.

— Дузи, помоги Захагу, если можешь, — прошептал Кэшел. Он обозревал горизонт, дабы удостовериться, что им ничего не угрожает. — Он помогает мне, а своих Богов у него нет, так что ему некому даже помолиться.

— Я уже здесь, старшой! — позвал Захаг. — Я уже забрался.

Примат подтянулся туда, где колонна расширялась, и голосом, полным страха, прошептал:

— Я вижу...

Захаг сделал такое, что Кэшелу казалось невероятным: он держался за колонну одними задними ногами и оторвал передние лапы, чтобы уцепиться за ту часть башни, которая раскачивалась, как головка одуванчика. Все равно что муха, разгуливающая по потолку.

Захаг весил почти столько же, сколько человек. Если упадет с такой высоты...

— Я вижу женщину! — возбужденно закричал его мохнатый приятель. — Нет, девушку! У нее светлые волосы, и она машет...

Он отклонился назад, лапы его оторвались. Реакция у примата была великолепной: будь там хоть малейший выступ, он обязательно зацепился бы за него. Но выступать не было, только гладкая поверхность, и он заскользил вниз. На лету он умудрился несколько раз ухватиться за колонну и перевернуться в воздухе.

Кэшел опустил посох, пытаясь прикинуть расстояние. Отошел на шаг в сторону. Есть небольшой риск для него самого, но разве может он сравниться с чувством безысходного отчаяния, когда просыпаешься в холодном поту: я не спас друга!

Посох упал, ударившись о землю, посыпались голубые искры. Кэшел поднял руки, глядя наверх. Уж здесь-то нечего бояться, что его ослепит солнце.

Юноша присел, согнул колени и локти — это позволит спружинить и не выронить драгоценную ношу.

— Аааа! — раздался вопль Захага, и обезьяна мешком плюхнулась на руки товарищу. Кэшел прижал его к груди и, закружив, вместе с ним упал на землю.

Они удалились от башни на несколько шагов. Кэшел не спускал примата с рук. Захаг что-то бормотал умиротворенно — значит, все в порядке. Вот только Кэшелу немного досталось: он угодил себе локтем в живот, когда ловил мохнатого друга.

Кэшел поднялся на ноги и вернулся к своему посоху. Заклинания стали слышны сильнее. Но было совер-

шенно непонятно, откуда они доносятся. Правда, Кэшела это мало интересовало. Он уже понял, как действовать дальше.

— Это королева? — спросил Захаг. Он так и подпрыгивал от радости, что остался жив. — Если там королева, старший, ты собираешься выкурить ее оттуда?

— Не думаю, что это королева, — ответил Кэшел, проверяя оба конца посоха. — Я собираюсь куда-нибудь пробиться, Захаг. Пока сам не знаю куда, поэтому тебе придется пробежаться вперед и посмотреть, все ли чисто в туннеле.

Кэшел провел рукой по всей длине посоха, убедиться, что на нем нет трещин: все-таки ударился о каменный пол. Посох цел, и это хорошо.

Кэшел начал вращать посох над головой. Медленно перебирая руками, еще и еще...

Полетели голубые искры, образуя кольца, зависающие в воздухе даже после того, как Кэшел менял угол вращения. При этом раздавался скрип — словно смех невидимого старика.

Кэшел тоже смеялся и так, смеясь, обеими руками и всем телом нажал на рукоятку, когда посох был в воздухе, собрав всю силу для удара.

Мир вокруг стал белым и безмолвным. Даже пение заклинаний прервалось на несколько мгновений. Кэшела отбросило назад. Он не мог подняться, не мог даже моргать, столь велико было охватившее его изнеможение.

Вокруг все трещало, почва ходила ходуном. От стены откололся кусок камня, и из дыры плеснуло раскаленной лавой.

Все рушилось. Захаг разинул рот, потом закрыл. И начал вопить — вот только крики его заглушал грохот.

Алый свет наверху колонны погас, она стала обыкновенным камнем. Вместо узкого ствола шахты и расширяющегося шара наверху, Кэшел лежал на каменистой почве с обугленной травой у подножия вулкана, у ног громадных размеров статуи. Грубой работы статуя изображала нечто, отдаленно напоминающее человека, держащего в руках каменный шар с прорезанными в нем отверстиями.

Двое людей бежали по неприветливой каменистой земле к Кэшелу. Один — огромный, костлявый, со здоровенным копьем, второй — среднего роста, со сломанной рукой; в здоровой же он стиснул длинный нож, загнутый, как ястребиный клюв.

Магический рубиновый свет исчез, сменившись обычным заревом пожара. Кругом все трещало, горело и плавилось.

В одном из отверстий в шаре, который держала гигантская статуя, показалась девичья фигурка с длинными светлыми волосами. Она пыталась выбраться наружу, цепляясь за выступы пальцами рук и босых ног.

— Шарина! — прошептал Кэшел. Но лишь губы произнесли это имя, ибо от слабости голос его почти исчез.

Внизу образовалась огромная трещина. Земля задрожала, заходила ходуном.

В перерыве между двумя толчками Кэшел услышал крик Захага:

— Вулкан! Он просыпается!

5-й день месяца Куропатки (еще позднее)

Колдовской рубиновый свет таял и расплескивался, дрожа после каждого толчка. Впервые после того, как попала в плен, Шарина видела все вокруг в обычных красках. Она ползла через щель в скале. Здесь было слишком узко даже для ее стройной фигуры, но лучше помучиться, вылезая, чем навсегда остаться там.

Теперь Шарина по-настоящему поняла, что такое быть свободной. Никогда прежде не переживала она такого, как в заточении у королевы. Лучше погибнуть, чем еще раз попасть туда.

Она протискивалась, помогая себе руками, отталкиваясь ногой. И обнаружила себя в углублении в самом центре кратера. Целую вечность назад она стояла здесь вместе с Ханно и Унарком.

И сейчас двое охотников бежали к ней. Должно быть, они ждали на краю кратера, вместо того чтобы спастись

самим. Увидев их, Шарина даже устыдилась: как она могла так дурно о них подумать!

Кэшел лежал на спине у границы углубления. Вокруг него хлопотала обезьяна. Он не двигался.

— Если он мертв... — прошептала Шарина, всем телом пытаясь отодвинуть камень. Наконец ей это удалось.

Стены кратера были древними, выщербленными. Девушка отыскивала подходящую трещину, подтянулась.

И рассмеялась. Кэшел не умер. Он не смог бы оставить ее.

Стены кратера закачались. Шарина инстинктивно вжалась в скалу.

Дно кратера расколосось наискось. В трещину хлынула лава.

Раздался новый оглушительный треск — колено стоящей статуи подломилось. Времени почти не оставалось.

Шарина прыгнула, удачно приземлившись на колени. Кратер снова затрясло. Площадка, на которой стояла девушка, полетела вниз, увлекая ее за собой с ревом и грохотом.

Она удержалась на ногах, раскинув руки для равновесия. Пыль и камни градом летели в лицо. Ханно и Унарк подняли Кэшела и, пошатываясь под его тяжестью, двинулись дальше от места разлома. Захаг же, с посохом в руках, припустил следом.

Плита прекратила сползать на землю. Над головой Шарины все гремело, сыпались обломки камней. Она едва успела выскочить из бушующего хаоса и помчалась вперед.

Ее осыпало обломками. Шарина знала: пошевелись она сейчас — и может остаться погребенной под камнями, а потом кратер превратится в море огня...

Она не шевелилась. Лицо застыло на солнце, она едва переводила дух, ощущая, как мучительно болят легкие при каждом вдохе.

— Благодарю тебя, о Госпожа, за твою доброту! — крикнула Шарина. — О Кэшел, я знаю, ты придешь за мной!

Едва произнеся эти слова, Шарина уже знала: это правда.

Кэшел не мог стоять на ногах без помощи Унарка, но глаза его были открыты, и голову он держал прямо. Хан-

но двинулся назад к расколотому кратеру, но, заметив, что Шарине удалось освободиться, он остановился.

— Сюда! — кричал примат, указывая на стену кратера посохом. — Мы можем пробиться к выходу прежде, чем...

Еще более сильный и быстрый взрыв потряс кратер. Всех швырнуло на землю, включая Шарину, которой, впрочем, удалось удержаться на ногах. Чашу кратера изрезали новые трещины, раскаленная лава начала просачиваться снизу. Магия королевы разбудила гнев вулкана. А теперь магия исчезла, но природа продолжала мстить людям.

— Пойдемте! — сказал Ханно. Унарк сунул нож в ножны. Ханно кинул свое копье лысому охотнику и стал помогать Кэшелу.

Примат же прыгнул на кольцо рубинового света у основания стены кратера. Он передвигался на трех конечностях, крепко прижав к себе посох друга.

Ханно перекинул руку Кэшела себе через плечо и плотно охватил его запястье. И так, пошатываясь, два великана двинулись вперед. К счастью, юноша уже мог немного двигаться сам, ибо даже столь крупный человек, как Ханно, не сумел бы долго тащить его на себе.

Кэшел выглядел ошалевшим. Встретившись глазами с Шариной, он улыбнулся.

Девушка поспешила за тремя мужчинами. Лучше не отставать. С друзьями всегда безопаснее и надежнее.

— Это что, твой друг Ноннус, о котором ты рассказывала, молодая госпожа? — крикнул Ханно. На лице его отразилось усилие, но в целом он выглядел спокойно, готовый идти размеренным шагом сколь угодно долго.

Шарина нащупала ножны с пьюльским ножом, удостоверившись, что он не выпадет на ходу.

— Нет, — отвечала она. — Это мой друг Кэшел.

— Впечатляющие у тебя друзья, девчушка! — воскликнул Ханно и залился смехом.

Рубиновый свет постепенно рассеивался, и теперь он оставался лишь по краю кратера. Но и здесь колдовское сияние исчезло, когда группа достигла стены. Устье туннеля было единственным напоминанием о волшебстве. Затем земля не просто затряслась, она лопнула — словно

с нее внезапно сдернули одеяло. Ханно зашатался. Кэшел сумел удержать равновесие за них обоих. Примат достиг устья туннеля и повернул. Подняв голову, он открыл рот, чтобы закричать. Но все перекрыл страшный хлопок. Земля ушла вниз, кратер просто-напросто лопнул, как переспелый орех.

Шарина оглянулась. Центральная часть кратера с вырезанной статуей Волосатого человека потонула в пузырящейся лаве. В небо бил огненный фонтан.

То, что было головой идола, кувыркалось посреди лавы, словно пузырь. Внутри виднелась чья-то фигура.

Шарина видела, что королева силится поднять посох в отчаянной попытке спастись. Но бешеная пляска стихии тащила ее вниз, да и мало кто сумел бы читать заклинания в такой обстановке.

— Пойдем, Шарина! — кричал Кэшел. Он стоял у входа в туннель, протягивая к ней руку. Ханно обернулся с тревожным выражением.

Рубиновый шар утонул в море лавы. Шарина ожидала, что он снова всплывет, как всплывают водяные пузыри на болоте.

Девушка бросилась в туннель, следом за друзьями.

Кэшел и Ханно шли впереди, изо всех сил стараясь не замедлять шаг.

Шарине показалось, что туннель ведет вниз — ведь, кроме всего прочего, через стену кратера иначе и не пройти. Но оказалось, что туннель не вписывается в географию окружающего мира. Им приходилось ползти наверх, как ни тяжело это было.

Воздух вокруг становился тяжелым, влажным, душным. Шарина оглянулась. Совсем недалеко пузырилась догнавшая их лава. Путники еле успевали опередить поток.

Зато она пережила королеву.

Впереди что-то изменилось. Унарка и Захага нигде не было видно. Ханно закричал, потом они с Кэшелом тоже исчезли. А затем и сама Шарина выскочила туда, где были прохладный воздух и яркий свет.

На холодном каменном полу посреди пятиугольника, начертанного на камне, стояла на коленях Теноктрис. Она

покачнулась, выронив деревянную палочку. Шарина подхватила старую женщину, не дав той удариться о камень.

Еще секунду Шарина видела туннель, из которого только что появилась. Он сверкал — такой же реальный, как и базальтовые стены вокруг. Затем свет рассыпался искрами — и все исчезло.

— Я не могла больше удерживать его, — прошептала Теноктрис. — Хватило ли вам времени, Кэшл? Королева...

— Нет, — ответила вместо него Шарина. — Королевы больше нет, Теноктрис.

— Благодарим вас за помощь, госпожа, — произнес Ханно. — Дело в том, что в двух шагах от нас был поток лавы. Не думаю, что мне хотелось бы и дальше оставаться там.

Теноктрис улыбнулась с закрытыми глазами, затем открыла их на минуту.

— Этот проход закрыт, — промолвила она, уютно устроившись в объятиях Шарины. — Если там оставалось что живое, оно не исчезло — просто нашло для себя другой мир. Но здесь оно не может возникнуть.

Она вновь открыла глаза и с изумленным выражением оглядела всех собравшихся. Шарина улыбнулась в ответ.

— Но нам пора на поверхность, — заметила Теноктрис. — Нам ведь еще нужно разобраться с Чудовищем.

Здание потрясла легкая дрожь. Теноктрис начала подниматься. Кэшл и Ханно вдвоем помогли старой леди.

— Если еще не поздно, — прибавила Теноктрис, хотя лицо ее оставалось спокойным.

Змеиная голова на тридцатифутовой шее наклонилась к Гаррику. По сравнению с огромным телом она казалась неправдоподобно маленькой — всего лишь размером с лошадь.

Разумеется, у Чудовища было три головы, чтобы сожрать их.

Чудовище сделало ложный выпад. Гаррик повернулся, взмахнул мечом, готовясь нанести удар по шипящей голове.

Чудовище молниеносно ударило с другой стороны. Гаррик отскочил назад и рубанул по желтой глотке, в то

время как челюсти гадины сомкнулись на том месте, где он был пару секунд назад.

Змеиные головы дернулись, шипя. Собачья же голова взревела, сбившись с ритма заклинаний. Пурпурная кровь хлынула из раны. В тусклом свете подземелья она выглядела черной.

Гаррик рассмеялся. Змеиные головы Чудовища не могут быть столь же гибкими, как настоящие змеи. Шее приходится удерживать собственный вес в воздухе. Но тем не менее головы могли атаковать с двух сторон одновременно. Гаррик не хотел приближаться к огромному телу твари: тогда ему не уследить за обеими головами сразу.

«Будь я таким же огромным,— подумал один из них — непонятно, он сам или Карус,— я бы впечатал человека в камень, не беспокоясь о его жалком мече. Но эта туша — не я».

— Кланяйся мне, человек! — заявила собачья голова. — Я — твой Бог. Я бессмертна. Смотри, как затягиваются раны!

Пурпурная кровь исчезла — так вода высохнет на солнце. Разрезанная чешуя срослась, все вернулось на места.

Может, Чудовище и бессмертно, но оно уязвимо и чувствует боль. И, что важнее всего, боится боли. Человек может потянуть за кольцо в носу громадного быка и вести его за собой, хотя тот запросто раздавил бы его своими мощными копытами.

— Давай же! — закричал Гаррик. — Если тебе нравятся эксперименты, продолжим!

Змеиные головы закачались в воздухе. Словно верхушки деревьев. Но это несерьезная атака. Гаррику можно не беспокоиться.

Он рассмеялся и закричал:

— Не важно, бог ты или нет! Чтобы добраться до меня, тебе придется доказать, что ты — человек!

— Мы пересекли мост, Гаррик! — окликнула его Лизин спокойным, бесстрастным голосом — так знатная дама просит кучера остановить экипаж.

Левая голова ударила быстро и сильно. Юноша ответил на атаку, рубя и кроша мечом кости и плоть гадины,

едва не погружаясь в се глотку рукой с мечом. Чудовище отдернуло голову назад с жутким воплем. Гаррик едва не выронил меч.

Тут нанесла удар вторая голова-змея — скорее реагируя на боль, чем специально. Гаррик отклонился, выставив меч вместо того, чтобы рисковать с ответным ударом — рука еще дрожала.

Щит, хотя и маленький, был очень прочным. Металлические шипы встретили змеиные зубы, и Гаррику показалось, что он ощутил через древесину, как трещат кости в змеином черепе.

Чудовище отскочило в сторону. Оно зашипело и заревело — словно ураган.

Гаррик оглянулся, потом отскочил подальше.

— Читайте заклинание! — закричал он магам. — Сломайте мост!

— *Бетпут*, — ясным голосом начал Халфемос. — *Бай-ай бобра...*

Жар усиливался. Мост казался шире размаха рук Гаррика, но теперь начал стремительно уменьшаться, сужаться, превращаться в небольшой пяточок посреди бушующей лавы.

— *Барфор колхой тонтонон...* — говорил Халфемос. Он присел на корточки возле Церикса на дальнем конце моста. Наверное, магов точно так же обжигало жаром, как и Гаррика.

Илна помогала волшебникам, бросая и поднимая свой мешочек. Лиэйн застыла подле нее, положив руку на плечо. Лиэйн могла уходить, она не обязана была оставаться. Лава освещала туннель позади нее. Можно бежать...

— *Фриоу ригче алхейне...* — продолжал Халфемос.

Гаррик ощущал, как лопается кожа. Туника тлела, скоро она вспыхнет.

Он расмеялся — обе личности, бывшие в его теле, одновременно. Если бы это было сейчас самой главной заботой!

— *Руше!* — завопила змеиная голова. — *Дропиде тарта иао!*

Мост снова начал расти — совсем немножко, но расти.

— Прежде чем я убью тебя,— пролаяла собачья голова,— я разорву твоих женщин на кусочки. Выпью их кровь и разгрызу кости!

Меч Гаррика не дал твари продолжить хвастливые речи.

Она рванулась вперед, держа все три головы на весу. Гаррик не особенно испугался, ведь король Карус провел в битвах большую часть своей жизни, но сам натиск Чудовища напоминал горную лавину — ее не остановишь.

— *Апомче моз...*— начал говорить Халфемос. Одна из голов перегнулась через Гаррика и потянулась к Халфемосу. Челюсти были уже над его головой, готовясь схватить.

Правая передняя лапа Чудовища оказалась рядом с Гарриком. Широценная пятипалая ступня, каждый палец — с туловище человека. Гаррик, не мешкая, вогнал меч между пальцев.

Победный рев твари сменился оглушительным воем. Она повернулась, таща за собой Гаррика, который не успел вытащить оружие из раны. Да и никакому человеку это было бы не под силу: от боли мышцы сжались в могучем спазме.

Гаррик подождал немного. Тело Халфемоса безжизненно свисало из пасти Чудовища: клыки проломили череп с двух сторон. Вторая змеиная голова потянулась и оторвала от бездыханного тела юноши кусок плоти.

Чудовище брыкнуло раненой ногой. Оружие оставалось в его плоти, но Гаррик отлетел в сторону. Он бросил щит и вцепился в мост обеими руками.

Он цеплялся за камень, но гладкий камень выскользнул. Поистине, мост между жизнью и смертью.

Тут над его головой просвистело шелковое лассо Илны. Она набросила петлю на вытянутые руки Гаррика и резко потянула. Вместо того чтобы упасть в океан бушующей лавы, тело его, словно маятник, описало дугу. Перед глазами замелькали красные и белые концентрические круги.

Руки не повиновались ему. Он ощущал, как тело летит, едва не касаясь расплавленной лавы. Потом зрение вернулось к нему.

Лассо соскользнуло. Обе женщины склонились над ним. У Илны вокруг пояса был привязан второй конец шелкового шнура, с его помощью она удержала Гаррика. Для них с Лизэйн это, вероятно, стало настоящим подвигом.

— *Сотаот агог каочой!* — кричал Церикс. Произнося эти фразы вместо погибшего друга, он плакал. — *Клейди фуци чорой!*

Многие в этот день превзошли самих себя.

Чудовище снова двинулось вперед. Когда его громадная правая лапа коснулась моста, меч Гаррика, упершись в твердое основание, вошел глубже. Заревев всеми тремя глотками, тварь кинулась назад.

— *Тарона непро зоиле!* — кричал калека.

И мост исчез, оставив лишь море лавы. Она кипела, булькала, капли раскаленной жидкости просачивались даже сквозь щели в камнях. Вот она уже близко.

— Бежим, — едва слышно прошептал Гаррик. Он попытался встать. Руки Лизэйн подхватили его. — Нужно забраться выше.

Церикс весил больше Илны. Но она упрямо подняла его и, пошатываясь, двинулась по проходу. Гаррик мог передвигать ноги, но без помощи Лизэйн далеко б не ушел.

Он оглянулся. Лава подступала отовсюду. По мере отступления Чудовище ревело заклинания, но река продолжала расширяться.

Гаррик и его друзья уже были на выходе из зала, когда начались крики. Нечеловеческие вопли звучали настоящим кошмаром. И продолжались они до тех пор, пока лава не заполнила коридор за спиной у спасшихся людей...

И Гаррик подумал: он слышал вопли твари, которая не может умереть, даже если все ее тело сгорит дотла.

— Я слишком тяжел, чтобы ты могла меня нести, — пробормотал Церикс. Илна могла расслышать его, только если он говорил ей прямо на ухо. — Оставь меня здесь.

— Нет, не могу. Иначе мне придется не спать ночами, думая об этом. Если хочешь помочь мне, перестань скулить. Обхвати меня за шею, тогда рукам будет легче.

Маг послушался. Это помогло, хотя и не так сильно. Ноги ее дрожали. Лучше бы он был лилипутом.

Коридор казался бесконечным. Света не было, поэтому приходилось ориентироваться на ощупь, трогая камни локтем. Стены казались высеченными из монолита — никаких швов между камнями.

— Алос сделал это,— едва слышно прошептал Церикс.— Он убил Чудовище.

— Он был храбрым человеком,— проговорила Илна. Ей не хотелось сейчас говорить о Халфемосе, но ее собеседник думал иначе.— Без него мы бы не справились.

Гаррик ковылял сзади. Не иначе, опирался на Лизйн, подумала Илна. Его ожоги просто ужасны. У Илны тыльная часть ладоней покрылась волдырями, так как она тянула Гаррика из пламени.

— Алос сделал это,— с усилием выкрикнул Церикс.— Это он!

И снова зарыдал.

Илна заговорила, обращаясь к нему:

— Нет, мастер Церикс. Если считать, что Чудовище убил один человек — вы этот человек, ибо вы убрали мост через кипящую лаву.

Но Цериксу не нужна была похвала. Его переполняли отчаяние и стыд за то, что он жив, а друг его умер. Илна хорошо понимала его чувства.

Даже странно, что люди ценят вещи по их стоимости. Отлично вытканные занавеси не становятся хуже, заплатишь за них несколько медяков — или кошель отборного золота. Халфемос сделал свое дело. И любое дело ценится одинаково — не важно, было ли легко его выполнить или за него заплачено жизнью.

А ведь так и произошло.

Так что не будет особого вреда, если немного покривить душой.

— Да,— сказала Илна.— Халфемос убил Чудовище.

— Илна? — позвала Лизйн.— Там, впереди, что-то есть. Я вижу свет.

«Свет» — пожалуй, слишком сильно сказано, но кроме тьмы стала и вправду не такой черной.

— Вижу,— откликнулась Илна. Она не была бы Илной, если бы не добавила: — Теперь, когда ты показала мне.

— Пойду посмотрю, что там такое,— заговорил Гаррик. Голос его звучал словно у ожившей мумии.

— Ага, а Церикс, пожалуй, сбегает вместе с тобой,— съязвил Илна, о чем мгновенно пожалела. Гаррик не ривсовался. В нем говорило лишь чувство долга, оно одно еще жило в измученном теле.

От самой Илны тоже мало что осталось. Чуть мягче она добавила:

— Лучше нам держаться вместе, Гаррик.

— Я слышу голоса,— тихо пробормотала Лизйн.

Они больше не были в туннеле. Целый лес колонн поддерживал арки у них над головами. Илне показалось, что голоса были отзвуками их собственных, но нет, это кто-то другой: Лизйн права.

Она слабо улыбнулась. Лизйн снова права.

К ним приближалась группа людей.

Впереди шла Шарина с фонарем в руках. За ней — трое мужчин: Кэшел и еще двое. Один — такой же великан, как Кэшел, второй — человек нормального роста.

А еще — обезьяна Захаг и Теноктрис.

Значит, теперь кто-нибудь другой понесет Церикса. Илна присела и осторожно уложила ношу на каменный пол. Ее охватило чувство громадного облегчения — хотелось летать.

Гаррик обхватил Илну за плечо, второй рукой он обнимал плечо Лизйн.

— Шарина! — позвал он. — Не могу сказать, как я счастлив видеть тебя — и всех вас. Теноктрис, мы... В общем, Чудовища больше нет.

Кэшел, чуть пошатываясь, но твердо стоя на ногах, подошел к Илне, поднял ее и прижал к себе.

— Что ты делаешь в поместье королевы, Илна? — спросил он.

— Думаю, Гаррика нужно доставить к целителю,— ответила она, крепко обнимая брата. От улыбки обожженная кожа на лице заболела.— Да и остальных тоже.

— Так мы в поместье королевы? — спросил Гаррик, оглядываясь назад. Лизэйн была рядом, готовая подхватить его. — Я должен быть с Альтапером и Валдроном, прежде чем Волосатые люди начнут атаку.

Теноктрис выглядела измученной, но вести о том, что Чудовище сгинуло, заставили ее просить.

— Волосатые люди без королевы неопасны, — ответила она. — Без ее управления они просто орава несчастных, запуганных созданий. Умрут от голода или утонут. И мне жаль их, ибо они ни в чем не виноваты.

— Как и молоденькие девушки, которых скармливали Чудовищу на протяжении всех этих лет, — произнес Гаррик. — Нам не изменить случившегося, но мы должны править Островами так, чтобы впредь не допустить подобного.

— Еще кто-нибудь желает выйти отсюда? — спросил здоровяк в кожаной одежде. — Я, например, очень хочу!

— Да, — отозвался принц Гаррик. — Теноктрис, ты выведешь нас? Я сам вряд ли вспомню дорогу. Я не в особенно хорошей форме нынче.

Кэшел поднял Церикса. Маг хрипло затянул песню прощания, но плакать перестал.

— К счастью для меня и Островов, — добавил Гаррик, — я не собираюсь делать все в одиночку.

7-й день месяца Куропатки

Гаррик, благоухающий ланолиновыми притираниями госпожи Ладры, с трудом ковыляя в бинтах, которые придавали ему сходство с молодым слоном, вошел в зал для заседаний, где проходил совет обороны Орнифола. Здесь собралось не меньше трехсот человек — вдвое больше, чем два дня назад.

— Всем встать, идет Его Высочество принц Гаррик! — заорал глашатай.

Кто-то бросился предупредить Ройяса. Канцлер уже поднялся со своего места в центре длинного стола и быстро попятился к двери.

— Ваше Высочество! Разве вам уже можно вставать? — удивился Ройяс.

— Да, — с вызовом ответил тот и посмотрел на Лизйн, идущую рядом. Та прикрыла рот ладошкой, усмехаясь. — Правда, пока один я так считаю...

Зал заседаний был самым большим помещением во дворце. Стройные колонны поддерживали свод. Окна наверху освещали зал в центре, а небольшие портики по обе стороны от входа использовались как кабинеты для частных бесед.

Главный вход с южной стороны был украшен по фронтону изображением Госпожи, спускающейся в Подземный мир. Запасной вход на севере соединялся с королевскими апартаментами закрытым проходом. Гаррик чувствовал себя странно в королевском одеянии, но Валенс решил оставаться в своем запертом домике, где переживал кризис.

А кроме того, хотя Валенс уже оправился от своего безумия, — именно Гаррик был королем Островов — фактически, хотя и не номинально.

Валдрон и Альтапер вышли из кабинета и направлялись к Гаррику. Сами они общались предельно вежливо, но вот их помощники так и сверлили друг друга взглядами.

Гаррику были известны все аргументы по поводу реорганизации королевской армии. Но он пока не понимал, насколько серьезны эти аргументы.

— На них не собираются нападать миллион Мартышек с Байта, — прокомментировал Карус в его сознании. — Следовательно, они будут биться друг с другом вместо того, чтобы заглянуть на шаг вперед и упредить возможную угрозу.

Минуту спустя — после обычного смешка — голос добавил:

— Вернее, они бы так и сделали, сынок, когда бы не ты отвечал за все это. Но ты отвечаешь.

Илна и барон с Третьей Атары находились среди собеседников Ройяса за столом. Они подошли ближе к Гаррику, ожидая возможности заговорить. Боже, как зовут этого барона?

— Барон Робилард,— прошептала Лизэйн на ухо Гаррику. Тот пожал ее руку в знак благодарности. Хорошо, что не вышло конфуза.

— Илна, я еще не виделся с тобой с тех пор, как...— начал Гаррик.

Чудовище наступало на них, громадное даже на расстоянии.

Жесткая щетина вокруг когтей, спазм, заклинивший оружие Гаррика в ране на ноге твари.

Слезы на щеках Церикса, губы, повторяющие слова, которые он поклялся не произносить никогда...

— ...С той самой ночи,— неловко закончил фразу Гаррик. Кривая улыбка Илны показала, что она хорошо понимает его.— А вас, барон Робилард, я еще не принял так, как вы этого заслуживаете. Надеюсь, ваше пребывание здесь было приятным в течение этих дней?

— Барон выходил на разведку относительно Мартышек на своем военном судне «Эрне»,— пояснила Илна.— Он надеялся сообщить тебе результаты своих поисков, принц Гаррик, хотя лорд Валдрон...— она обернулась, проводив проходившего мимо вельможу пронзительным взглядом темных глаз,— ...ясно дал понять, что именно он в ответе за военно-морские дела — как, впрочем, и за армию в целом.

Валдрон густо покраснел. Он обращался с Робилардом как с молодым и глупым правителем небольшого островка. И все это было правдой, но Валдрон помнил также, что барон находится под покровительством Илны ос-Кенсет.

Не привыкшая бить лежачего, она все равно не удержалась и съязвила:

— Хотя, насколько я понимаю, единственный корабль Королевского флота сейчас — это тот, которым командует барон Робилард.

Альтапер был настоящим профессионалом, он не опуcкался до насмешек.

— Военный совет принял решение поставить два оставшихся судна адмирала Ниткера на защиту города. Вам предстоит обдумать это решение и несколько других, принятых в ваше отсутствие.

Что случилось с Ниткером? Гаррику было не жаль прохвоста, но ему не хотелось, чтобы его правление сопровождала кровь.

Гаррик вспомнил Лиэйн, стоящую одну в освещенном подземелье.

Он стиснул зубы и схватился за меч. Новый меч: его изготовили незамедлительно, дабы у Гаррика всегда было под рукой оружие, но к нему еще нужно было привыкнуть...

Гаррик засмеялся, удивив всех окружающих. И что это люди постоянно смотрят на него? Вряд ли он когда-нибудь привыкнет к этому.

— Вот и я не смог, сынок,— прошептал Карус.— Но спасибо Богам, я не стал зависеть от внимания окружающих меня людей...

— Кровавые распри — не лучшая практика для правителя,— вслух произнес Гаррик.— Даже для принцев.

Он откашлялся и продолжал:

— Я собираюсь объявить всем, что лорд Ниткер умер от ран, полученных при нападении на дворец вместе с шайкой похитителей, но не желаю, чтобы последовали другие необъяснимые смерти. Вы все поняли меня, друзья мои?

— В действительности он повесился, ибо боялся, что победит королева,— с усмешкой произнесла Илна. Она знала, что может говорить такое, и ей поверят.— Ниткер презирал неудачников, в том числе и себя.

Гаррик и король в его сознании подавили смехи. Придворные изумленно примолкли. Странная обстановка для королевского двора.

— Они привыкнут,— хихикал Карус.— Как привыкнут иметь настоящего короля.

Гаррик подошел к Робиларду и взял его за руку. Движение напомнило ему о незаживших ожогах.

— Барон, в настоящее время мы остро ощущаем нехватку военно-морских сил. Поведайте мне, пожалуйста, о результатах вашей разведки. Я слышал только, что Волосатые люди больше не представляют угрозы. Но важны детали.

И это было правдой. Робилард раздулся от гордости, торжествующая улыбка Илна говорила сама за себя.

В Барка Хамлет всегда помогали друзьям — как в мелочах, так и в серьезных вещах, — потому что друзья всегда помогут вам. Крестьяне или короли — все жили по этим принципам.

— Давайте присядем, прошу вас, — проговорила Лизэйн. — Госпожа Ладра и Теноктрис предупреждают, чтобы ты поменьше стоял.

— Если вам нужно уединиться, к вашим услугам одна из боковых комнат, Ваше Высочество, — проговорил Ройяс. — Военный совет до сих пор заседал в комнате номер семь, но теперь, я вижу, они сделали перерыв...

Канцлер кивнул Альтаперу, Валдрону и их помощникам. Невинно улыбнулся. Непростая ситуация: так же боролись за власть королева и Чудовище.

Но пора это прекращать.

— Если не возражаете, лорд Ройяс, я воспользуюсь вашим столом, — начал Гаррик. — Я два с половиной дня провалялся в кровати, теперь мне нужно место для работы.

И улыбнулся Ройясу примерно такой же улыбкой, какой тот одаривал своих солдат. Король Карус заплодировал.

Гаррик, морщась от боли, подвел барона к столу.

— Мартышки захватили большую часть Королевского флота, — начал Робилард. — Они толкают плоты, привязав их к кораблям, но из-за течения не могут пробиться в гавань...

Придворные расступились, давая им место за столом, расталкивая слуг. Лицо Гаррика окаменело от отвращения.

— Просту вас! Я найду, где сесть!

Было время, когда и сам Гаррик, как сын хозяина гостиницы, обслуживал гостей, наливая за медяк кружку эля. И сейчас его оскорбило, с какой поспешностью богатые и знатные люди демонстрируют свою угодливость и желание выслужиться. Такого нельзя допускать!

— Я думал, нам удастся отбить один из кораблей и на буксире доставить в город, — продолжал Робилард. — Мы подстрелили несколько Мартышек на борту — это было нетрудно, они даже плавать не умеют, как оказалось. Но, говоря по правде, нам духу не хватило закончить все это. Они визжали, корчились и...

Гаррик кивнул, усаживаясь за стол. Даже странно, но теперь барон Робилард заметно вырос в его глазах, и Карус согласился с юношей.

Чайные розы, каких Шарина никогда прежде не видела, обвивали беседку. Она коснулась одной, но срывать не стала. Она чувствовала неловкость: почему они с Кэшелом не догадались выйти из беседки, когда Захаг и охотники явились поговорить с ними? Ханно пришлось присесть в проходе, ибо он оказался слишком высок.

— Похоже, дела здесь складываются довольно-таки удачно. Не так ли, молодая госпожа? — спросил Ханно. — Верно ведь?

Он не принес во дворец свое копье, как и Унарк — боевой нож, хотя обычные ножи у них торчали за поясом. Ножи для разделки туш вряд ли можно считать настоящим оружием — стража Гаррика так и рассудила.

У Шарины был при себе ее пьюльский нож. Никто и слова не сказал на сей счет.

— Это точно, — согласилась она. — Королевы больше нет и другого врага тоже, так утверждает Теноктрис.

Кэшел взирал на великана-охотника с уважением, тот отвечал ему не меньшим. Они не опасались друг друга, и все-таки Шарина с некоторой нервозностью следила за ними. Они друг друга стояли.

Рабочие — садовники, каменщики, плотники и множество других — трудились на территории дворцового комплекса. Это было непривычно для Шарины — ведь совсем недавно здесь царили покой и запустение.

Ей, дочери трактирщика, было очень приятно видеть такое оживление, но еще — так и тянуло подсчитать расходы...

А еще — все это значило, что народ верит новому правительству.

Шарина помнила, где находится. Люди, и в особенности Захаг, не сводили с нее глаз, правда, примат делал это исподтишка.

Вот и сейчас он повис на одной из арок, установленной в честь давно погибшего в морях древнего короля.

Унарк, заметив прямой взгляд Шарины, обращенный к нему, отвернулся и принялся с усиленным вниманием рассматривать резную каменную колонну.

— Я просто думала вот что, — сказала девушка. — Народ верит в принца Гаррика из Хафта.

— Ха! — откликнулся Кэшел. — И дураки были бы, если бы не верили!

В стороне стояло четверо Кровавых Орлов, назначенных охранять их от возможного нападения какого-нибудь нового Ниткера.

Шарина захихикала.

— Прости, Ханно. Я все еще... не пришла в себя... хотя это неправильное слово. Просто я счастлива быть на свободе.

— Зато в нужное время ты всегда действовала наилучшим образом, молодая госпожа, — пробасил великан-охотник. Он откашлялся. — Дело в том, что я и Унарк не принадлежим этому месту, хотя, пожалуй, на сегодняшний вечерний пир мы бы еще остались.

Его товарищ закивал, не оборачиваясь. Видимо, теперь, когда они попали во дворец, в его сознании Шарина снова ассоциируется с женским полом.

— Вы собираетесь назад, на Байт? — спросила она. — Разумеется, я помогу вам, чем смогу, мы раздобудем вам лодку и все остальное. Все, что понадобится. Вы ведь спасли мне жизнь.

Шарина вовсе не была уверена, что раздобудет где-то денег в данных обстоятельствах. Но она постарается. Это уж точно.

Ханно еще раз откашлялся и отвернулся. Он ковырял пальцем землю — без всякой причины, так же, как и Унарк, протиравший пальцем каменный завиток на колонне.

— Сказать по правде, молодая госпожа, — неуклюже промолвил великан, — мы решили попробовать в другом месте. Никто из нас не любит Мартышек, но без них Байт — не Байт. Может быть, лучше отправиться на Сири-мат. Там много слоновое дерево, так говорит этот примат.

Захаг грациозно спрыгнул с арки. Он на четвереньках приблизился к группе беседующих. Ханно встал и

чуть отодвинулся, чтобы приятель мог присоединиться к ним.

— Большие плиты слонового дерева ценятся дороже, чем настоящие клыки,— произнес примат, тоже глядя в землю.— Вот почему эти деревья пожирают людей. Они часто заглатывают охотников, а уж юными приматами, забывшими об осторожности, никогда не побрезгуют.

Захаг начал перебирать шерсть на своем бедре, выискивая блох.

— Я подумываю отправиться с ними, старший,— промямлил он.— Покажу им все, ты же понимаешь.

Кэшел встал и подошел к Захагу, присел рядом с ним на корточки.

— Отличная идея,— сказал он.— А там, глядишь, и свою стаю повстречаешь.

— Возможно,— согласился тот. Он с беспокойством глянул на Кэшела.— Я вовсе не хочу покидать тебя, старший. Другого такого, как ты, все равно не сыщешь!

— Ну, я полагаю, у мастера Ханно могут быть другие соображения на этот счет,— проговорил Кэшел. Он усмехнулся, но Шарина заметила: усмешка вышла невеселой.— И я скажу, что он может оказаться прав, никогда не знаешь, как оно получится на самом деле!

— Это ты верно сказал,— согласился Ханно.— Никогда не знаешь наверняка.

Кэшел стиснул плечи мохнатого друга.

— Передай своему семейству, что Кэшел ор-Кенсет считает за честь числить тебя в своей стае,— проговорил он.— А если я узнаю, что кто-нибудь тебя поймал и хочет продать, словно овцу, тогда я...

Ему не нужно было продолжать свою мысль. Он вскочил и вновь вернулся к Шарине, но садиться не стал. Его пальцы с силой сжимали рукоять посоха.

— Что ж, нам пора собираться,— сказал Ханно.— Мои кредиты у поставщиков остаются в силе, но если будут затруднения, может, мы тогда обратимся к тебе, молодая госпожа.

Он кивнул в сторону двух совсем молоденьких служанок в легких цветных туниках. Девочки появились во

время разговора. Они переминались с ноги на ногу, совсем как детишки, которым надо в уборную.

— Похоже, им не терпится поговорить с тобой,— заметил Ханно.— Для меня настоящая честь познакомиться с вами, мастер Кэшел. У молодой госпожи — самые замечательные друзья, каких я только встречал.

— А ей посчастливилось иметь таких добрых друзей, как вы и мастер Унарк,— не остался в долгу и Кэшел. Голос его звучал глухо, раскатисто.— И хочу также, чтобы вы знали: я всегда помогу вам, если вы будете в этом нуждаться. Всегда.

Охотники и Захаг удалились, разговаривая между собой. Голос Унарка еще долго раздавался в саду:

— ...говорю же вам, чего только люди не заплатят, чтобы увидеть это...

Служанки подошли поближе, опасливо поглядывая в сторону удалившихся. Потом присели в реверансе и начали, почти в один голос:

— Леди Шарина...

И остановились, с ужасом глядя друг на дружку: они страшно нервничали.

— Сначала ты,— сказала Шарина, указывая на девушку справа. Ей не нравились дворцы и дворцовый протокол.

Но совсем недавно она побывала в местах, которые внушали ей куда большее отвращение, с улыбкой подумалось ей. Она нашла руку Кэшела и сжала ее.

— Скоро будет благодарственное жертвоприношение в честь выздоровления принца Гаррика, леди,— речитативом проблеяла перепуганная девушка.— Он встал с постели и первым делом желает поблагодарить Богов. И он хочет, чтобы вы и...

Она посмотрела на Кэшела и замерла в испуге.

— Лорд Кэшел! — сердито прошипела вторая. Кэшел кивнул.

— Лорд Кэшел и остальные друзья присоединились к нему в процессии,— сумела выговорить девушка.— А мы как раз сумели вас отыскать.

Кэшел взял Шарину за руку.

— Лучше иди с ними и надень тот наряд, который подойдет. Я поищу Теноктрис — я знаю, где она. Увидимся на месте.

Он прикоснулся к ее руке. Отвернулся и пробормотал:

— Думаю, мне есть за что благодарить Богов.

И пошел прочь — быстрее, чем обычно.

— Ну что, дамы, вы отведете меня в мои апартаменты? — Шарина повернулась к девушкам.

Захихикав от удовольствия, девчушки бросились бежать ко дворцу.

— Извините меня, госпожа Илна,— обратился к ней распорядитель с бледным лицом и мягкими бесцветными волосами. Он был из дежурных клерков, встречавших Илну по прибытии во дворец. Сегодня он попросту носился туда-сюда.

— Да? — холодно спросила она. Девушка была не в лучшем настроении и ничего не могла с этим поделать.

Робилард и лорд Хостен разговаривали с Альтапером, Валдроном и целой толпой горячих молодых людей в одном из боковых залов холла. Илну пригласили на торжественную процессию, которую устраивал сегодня Гаррик по случаю своего выздоровления.

Разговор показался ей неинтересным, комната больше напоминала овечий загон, поэтому Илна поспешила выйти наружу. Там просто нечего делать.

— На улице какой-то человек просит вас выйти к нему, госпожа,— проговорил слуга. Его осторожная учтивость показывала: он понимает, как следует обращаться с людьми, которые не в духе.— Утверждает, что он — не нищий, и я решил передать вам сообщение...

— Если ему нужна я, почему же он...— начала Илна. Потом до нее дошло кое-что.— Э, мастер Церикс и вправду не нищий. На самом деле вы обязаны ему жизнью, господин.

И она направилась к выходу.

Пожалуй, она была не права, но очень уж ее разозлило, что слуга счел Церикса нищим. Правда, и в хорошем

настроении Илна редко отличалась справедливостью суждений.

Церикс в своей тележке сидел у края тротуара перед приемной. Вокруг собралась толпа зевак. Если бы никто не позаботился о нем, калеке могло здорово достаться от невежественных людей.

— Спасибо, госпожа, — начал он. — Я...

Между ними вклинился какой-то человек с перекинутыми через плечо шерстяными шарфами грубой работы. На них было выткано — подумайте только! — изображение принца Гаррика, правда, весьма и весьма топорное.

— Смотрите-ка, госпожа! — голосом ярмарочного зазывалы прохрипел торговец. — Полное сходство со спасителем Вэллеса!

Лицо Илны посуровело. Не говоря ни слова, она достала из рукава три коротких шнура и начала связывать их вместе.

— А может, вам больше по душе леди Лизйн, которая приходится нашему спасителю... — продолжал проходить мец. Илна туго натянула шнуры прямо у него перед носом.

— Пойдем куда-нибудь, где нет такой толпы, — сказала она Цериксу. Стража отошла в сторону. Они двинулись в сторону садов, растущих вокруг зданий дворца. За их спинами торговец с вытаращенными от ужаса глазами методично раздирал свои изделия в клочья.

Илна повернула к полукруглому пруду, где вода изливалась из кувшинов на плечах бронзовых нимф. Ветви плакучих ив образовали беседку, внутри которой, подальше от лучей солнца, стояли каменные скамейки.

— Я хотел попрощаться с тобой, госпожа, — произнес Церикс. Он выглядел измученным, но одежда больше не пахла снадобьем, которое он привык употреблять в прошлом. — Для меня больше нет причины оставаться здесь, так что я собираюсь обратно в Сад. Халфемос будет ждать меня там, и...

Он похлопал по кулям ног с кривой улыбкой.

Илна с минуту молчала.

— Что ж, мне понятно, отчего ты стремишься туда, мастер Церикс. Я не тот человек, чтобы учить других

жить, верно? Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, пока ты...

— Нет, нет,— поспешно ответил Церикс.— Правда, будет здорово, если попрощаешься с остальными от моего имени. Я бы и сам сделал это, но все заняты.

Он улыбнулся.

— А кроме того, они не поймут меня.

Илна кивнула.

— Так чаще всего и бывает.— Она встала.— Можно мне, по крайней мере, помочь тебе добраться куда-нибудь?

Церикс огляделся.

— Нет, не стоит. Я справлюсь сам. Это место отлично подходит.

— Да, я так и подумала. Что ж, тогда оставлю тебя один на один с твоим делом. Сохрани память обо мне для Халфемоса, если сумеешь. Хотя, я думаю, ему есть чем заняться в раю.

— Халфемос не забудет тебя, госпожа,— сказал маг.— И я не забуду.

Илна пробиралась сквозь заросли ивняка. Затем до ее ушей донесся тихий плеск. Она обернулась. Тележка Церикса осталась на месте, но на ней теперь лежал лишь цветок персика небывалых размеров.

Илна какое-то время смотрела на цветок, потом взяла его и укрепила на заколке возле уха. Улыбнулась. Что бы подумали люди в Барка Хамлет?

К ней уже вели барона Робиларда.

— Госпожа, процессия скоро начнется. Они пойдут от храма Госпожи Границ. Нас пригласили присоединиться к принцу Гаррику у алтаря. Можно мне сопровождать вас?

— Я пойду туда вместе с вами, но мне будет лучше смотреть из толпы, барон.— Илна подала ему руку.— Я уже достаточно насмотрелась на людей сверху вниз. Теперь хочу сделать это снизу вверх.

Когда Кэшел понял, что Теноктрис не слышит его шагов, он постучал по деревянной колонне. С куста взлетел рой красноватых жучков.

— Что такое? — спросила Теноктрис, поднимая голову от игровой доски. Она сконцентрировалась на ней так сильно, что не видела Кэшела, стоявшего прямо напротив нее. — О, Кэшел, все в порядке?

Теноктрис выбрала для жилья здание склада в конце длинного строения, где проходили собрания и пиры. Сейчас на столе перед ней была игра, которую они с Кэшелом обнаружили в поместье королевы днем раньше.

— Гаррик собирается устраивать благодарственную процессию в храме у дороги, — сообщил Кэшел. — Я знаю, ты не...

Он повернул голову. Ему очень нравилась Теноктрис, так что не хотелось сказать что-нибудь неприятное.

— Ты не слишком много говоришь о Богах, — пробормотал он. — Но я решил, вдруг ты все равно захочешь прийти. Гаррику бы этого хотелось.

Теноктрис поднялась с табурета и кивнула.

— Я слишком долго сижу здесь, это точно.

Керамическая кружка и графин с широким горлышком стояли на столе возле нее. Осушив кружку, Теноктрис налила еще одну и с удовольствием выпила.

— Мне нужно, по крайней мере, не забывать пить, когда я поглощена работой, — пояснила она.

Лицо ее посерьезнело. Она обошла вокруг стола и положила руку на плечо Кэшела.

— Я видела различные силы, Кэшел. Но никогда не видела Богов. Но мне вовсе не кажется, что вещи, которые я не видела, не могут существовать.

— Что ж, я ведь не жрец, — сказал Кэшел, все еще глядя в землю.

— Нам всегда есть за что быть благодарными, мне даже жаль, что я не выразила свою благодарность тем силам, что помогли нам, — произнесла волшебница. — Но когда-нибудь я это сделаю.

Теноктрис усмехнулась.

— Точно, сейчас поищу свою служанку. Я выбрала эту женщину, потому что ее моя работа не пугала.

Она кивнула на игровую доску. Кэшел с великой осторожностью принес ее из поместья королевы, но фигурки

и не думали соскальзывать с блестящей турмалиновой поверхности. Интересно, упадут ли они, если и вовсе перевернуть доску.

— Правда, это единственная ее добродетель,— продолжала Теноктрис.— Конечно, мне не стоит многого требовать от нее.

С крыши вспорхнула стая птиц. Планы реконструкции еще не добрались до этого уголка. Вот почему Теноктрис решила поселиться здесь.

Кэшел тоже чувствовал себя здесь куда комфортнее. Столько цветов вокруг; он любит цветы. Но пусть они лучше растут себе в поле.

Теноктрис по-прежнему не сводила глаз с игровой доски. Что-то привлекало ее внимание.

— Королева использовала доску для предсказаний,— сказала Теноктрис.— Я попыталась сосчитать фигуры и не смогла. Кажется, их расположение меняется каждый раз, стоит мне моргнуть или отвернуться. Но их точно несколько сотен.

Ее указательный палец замер на клеточке.

— Интересно, понимала ли королева, что она тоже пешка?

Кэшел пожал плечами. Доска появилась в жилище королевы уже после того, как они с Теноктрис побывали в поместье. Кто-то должен был проскользнуть мимо стражей, чтобы внести доску в комнату.

— Думаю, нам лучше идти, Теноктрис,— извиняющимся тоном проговорил Кэшел. По крайней мере, ему точно. Он хотел услышать, как люди будут выкрикивать хвалебные слова в честь Гаррика и Шарины, его друзей.

— Да, конечно,— отозвалась Теноктрис. Она схватила себя за рукав и критически оглядела его.— Лучше надену поверх этой еще одну тунiku, а полностью переодеться не буду.

У Кэшела глаз был наметан относительно всякого рода неожиданностей. Он всегда замечал, если с овцой что-нибудь не так.

— Этой фигуры здесь раньше не было,— сказал он, протягивая палец, чтобы указать на нее.

— Не трогай, Кэшел.

— Не буду, мэм. Я и не собирался.

Доска была из черного стекла, возможно, обсидиана. И как будто светилась. Кэшел склонил голову набок, чтобы получше рассмотреть ее. Да, точно светится.

— Что это означает, Теноктрис? — спросил он.

— Я не знаю, — сказала женщина. — Эта доска — творение могучих сил, но не знаю точно, несет ли она такую информацию, как думала о ней королева. В конце она не особенно ей помогла.

И она немного вымученно улыбнулась Кэшелу.

— Пойдем, поможешь мне выбрать что-то из вороха одежды, которой столь любезно осыпала меня Лизйн.

Она проворно двинулась в сторону жилища. Кэшел еще раз оглянулся на зловещую доску. Потом пожал плечами, улыбнулся и проследовал за Теноктрис.

Барабаны во главе процессии выбивали дробь, задавая ритм для королевской армии, марширующей следом за оркестром. На каждом десятом такте победоносно запедала труба. Этот звук особенно действовал на скакуна Гаррика, крупного чалого мерина, который всякий раз нервно прядал ушами.

— Настоящая боевая лошадь, сынок, — шепнул ему король Карус. — Мы непременно найдем ему другое применение.

Сидеть на лошади с еще незажившими ожогами было настоящей мукой. Гаррик старался сидеть прямо и не вздрагивать от боли.

— Король Гаррик! — закричали в толпе по обе стороны улицы, а также с крыш соседних домов. — Да здравствует король Гаррик!

К нему приблизились высшие представители правительства. Бывшие заговорщики, а теперь — руководители Совета, в придворных одеяниях. В знак уважения к нему они были пешими, в то время как он — на коне.

К Гаррику подошли и его друзья. Теноктрис облачилась в мантию из прекрасной шелковой парчи. Она бы

шла гораздо медленнее, если бы Кэшел с одной стороны и Шарина с другой не поддерживали ее. Они знали: Гаррику не понравится то, что старая леди идет пешком.

— Неправедливо, что все они идут пешком! — пробормотал он.

Воспоминания Каруса о подобных процессиях в древние годы нахлынули на него. Дважды Гаррику удавалось узнать здание: руины Каркозы нынешней, а еще — здание в Вэллесе, где современные строения возвели прямо на фундаменте Старого Королевства.

Ликующая толпа не унималась:

— Король Гаррик! Да здравствует король Гаррик!

— Это тоже часть твоего долга, — шелестел в его сознании голос Каруса. И образ его, стоящий перед глазами, поражал непривычной угрюмостью, какой легендарный предок Гаррика не отличался в минуты битв и невзгод. — Пусть она станет такой же твоей привычкой, как спать во время дождя и слушать бесконечные философские споры, которые кажутся твоей подруге Илне настолько запутанными, что она не может обнаружить в них истину. Просто делай это, и все.

Альтапер отдал приказ. Воины отряда Кровавых Орлов, марширующие в конце процессии, ударили копьями о щиты и взревели:

— Да здравствует Гаррик! Да здравствует Гаррик!

— Но никогда не позволяй себе... — добавил король древности резким тоном, — ...не позволяй себе полюбить это занятие.

Эпилог

Шторм утих, но серое море все еще бурлило, и порывистый ветер гнал шапки пены. Сидящие на волнах чайки прятали головы на груди.

Маг стоял в воздухе, зависнув совсем низко и то поднимаясь, то опускаясь вместе с волной. Он читал заклинание, простирая перед собой руки. С каждым новым звуком пурпурная молния проскакивала между пальцами обеих рук.

Море внизу начало подниматься, собирая крутую волну. Но потом, вместо того чтобы опуститься, она продолжила расти. Чайки взмывали ввысь с криками ужаса, тяжело били крыльями, чтобы оторваться от воды.

Спрут размером с небольшой остров поднялся на поверхность, и его многочисленные щупальца ковром накрыли воду вокруг. Гигантская раковина выглядела абсолютно черной, но блеснувший солнечный луч заставил ее засверкать радугой.

Маг стоял на спине монстра, которого вызвал из глубин. Он поднял голову, и небеса эхом ответили на его торжествующий смех.

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17**

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>**

МЫ ИЗДАЕМ ЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дрейк Дэвид
Королева демонов
Фантастический роман

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*

Ведущий редактор *В. Гончаров*

Редактор *Т. Шельен*

Художественный редактор *О. Адашкина*

Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*

Компьютерная верстка: *А. Яблонская*

Корректор *В. Важенко*

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Архипелаг Островов.

Здесь некогда правила могущественная королевская династия — но вот уже тысяча лет прошла с тех пор, как последний из великих королей — Карус — был убит магом, нанятым коварным герцогом-узурпатором.

Однако черная магия принесла на Архипелаг БЕДУ.

Перепутаны линии магической Силы, прервана связь времени и пространства... и многие годы идет непрерывная война за титул Повелителя Островов.

И теперь юноша Гаррик ор-Райзе, последний прямой потомок короля Каруса, и его друзья — добродушный богатырь, суровая чародейка, прекрасная дева и циничная старая колдунья — отправляются на далекий остров Орнифал, чтобы сразиться с могущественным демоном, который вселился в тело королевы острова — и теперь пытается изменить судьбу мира, освободив из заточения древнего Зверя...

«Один из самых живых и увлекательных сериалов за всю историю фэнтези».

«Starlog»

«У Дрейка — талант не только выстраивать сюжет, но и глубоко, интересно прописывать характеры персонажей».

«Library Journal»

«Уникальный мир с оригинальной культурой, мифологией и магической системой».

«Locus»

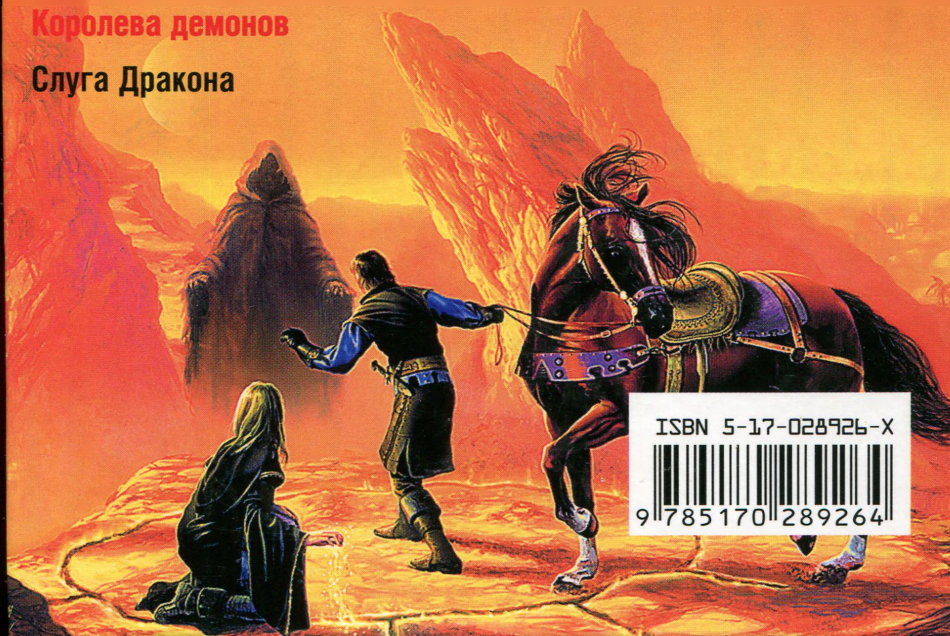
«Фэнтези-сага, не уступающая эпопеям Джордана и Гудкайнда!»

«Booklist»

Повелитель Островов

Королева демонов

Слуга Дракона

ISBN 5-17-028926-X

9 785170 289264